ИСТОРІЯ АЛЬБИГОЙЦЕВЪ И ИХЪ ВРЕМЕНИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1869.

ИСТОРІЯ АЛЬБИГОЙЦЕВЪ ДО КОНЧИНЫ ПАПЫ ИННОКЕНТІЯ III.

сочиненіе

Николая Особина

(на степень магистра Всеобщей Исторіи).

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1869.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Испр. д. декана—*А. Владимірскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа составляетъ первую половину труда, предпринятаго по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ средневѣковой церковной и политической исторіи. Подавленіе первой Реформаціи, сопровождавшееся уничтоженіемъ цѣлой національности, долго не перестанетъ быть притягательнымъ и интереснымъ предметомъ для изслѣдователей. Но таково свойство этого вопроса, что, при литературныхъ занятіяхъ имъ, западные ученые не могли не отразить на немъ свои личныя чувства и страсти. Вѣра альбигойская возбуждаетъ въ католичествѣ рядъ непріятныхъ воспоминаній. Судьба альбигойцевъ связала съ собою судьбы папства и католицизма; погибая, они будто увлекали за собою ту теократическую систему, которую такъ страстно ненавидѣли. Это было причиною, что,—послѣ истребленія богословскихъ и историческихъ памятниковъ сектантовъ,—на вѣру и исторію альбигойцевъ легла та таинственность, которая мало способствовала основательному изученію вопроса. Въ то же время, протестантскіе изслѣдователи не могли не видѣть въ реформатахъ XII и XIII столѣтій своихъ единовѣрцевъ. Припоминая ту горькую участь, какая постигла лангедокскихъ мучениковъ вѣры, они окружили ихъ религію тѣмъ ореоломъ, въ какомъ желали ее видѣть, не проникая далеко въ имѣвшіеся источники и не дѣлая должнаго различія между разными направленіями религіознаго свободномыслія. Только въ послѣднее время явились отдѣльныя изслѣдованія, которыя могли пролить болѣе ясный свѣтъ на альбигойскія секты, уяснивъ ихъ

догматическое ученіе, хотя западная наука не имѣетъ связной и общей исторіи Альбигойцевъ, которая бы прослѣдила судьбы средневѣковыхъ сектантовъ, катаровъ и вальдензовъ безразлично, отъ ихъ возникновенія до исчезновенія, вмѣстѣ съ политическими и религіозными слѣдствіями крестовой войны въ предѣлахъ Лангедока.

Русская наука въ вопросѣ альбигойскомъ, какъ и во многихъ другихъ, стоитъ на особенно благопріятной, независимой почвѣ. Мы не причастны тѣмъ религіознымъ и національнымъ интересамъ, которые, невольно прорываясь въ изслѣдователѣ, могутъ затмить чистоту историческаго взгляда. Отдаленные вѣками отъ тѣхъ событій, чуждые имъ по націи, мы можемъ отнестись къ нимъ спокойно и примиренно. Мы не католики и протестанты, чтобы въ дѣло науки вносить жаръ той или другой религіозной страсти. Для насъ каждое историческое явленіе важно лишь въ томъ отношеніи, на сколько пользы оно оказываетъ прогрессу человѣчества и успѣхамъ цивилизаціи. Авторъ долженъ предупредить, что богословскій элементъ, положенный въ основаніе альбигойскихъ вѣроученій, интересовалъ его не со стороны своей близости къ истинному правовѣрію, а со стороны своего цивилизаторскаго вліянія,— но, исходя и изъ такой оцѣнки, онъ одинаково долженъ былъ придти къ выводамъ, для ереси неблагопріятнымъ. Потому авторъ полагалъ, что было бы несообразно, ни съ его свѣдѣніями, ни съ цѣлью его чисто-историческаго труда, при изложеніи альбигойскихъ вѣроученій, вступать въ какую-либо полемику съ ними или въ какой-либо богословскій анализъ.

Предназначая свою книгу столько-же для полученія ученой степени, сколько для чтенія серьозной публики, авторъ не могъ и не хотѣлъ пренебрегать требованіями популярности и общедоступности изложенія. Авторъ не думаетъ, чтобы при настоящемъ состояніи русской обще-исторической литературы, специальныя

изслѣдованія по какимъ-либо частнымъ и мелкимъ вопросамъ науки Всеобщей Исторіи были умѣстны; тѣмъ менѣе они полезны въ непосредственныхъ интересахъ публики. Онъ не думаетъ также, чтобы, имѣя подъ руками хорошій живописный матеріалъ, онъ могъ пренебрегать тѣми чертами, которыя „Cansos de la Crozada“ предлагаетъ историку. Въ этой замѣчательной эпопеѣ, составленной современниками, есть тѣ, полныя жизни и движенія, краски, отъ которыхъ было бы неудобно отказаться въ сочиненіи, имѣющемъ въ виду сказанную цѣль. Авторъ пытался дать читателямъ книгу, въ которой интересъ изложенія не былъ бы подавленъ специальностью излагаемаго; этимъ объясняются нѣкоторые пріёмы его работы.

Всесторонняго пониманія историческихъ событій можно достичь только при достаточномъ ознакомленіи съ цѣлой эпохой. Вопросовъ исторіи церковной нельзя отрѣшать отъ политическихъ и соціальныхъ; только при связномъ изученіи исторической жизни, постигается роль того и другаго элемента ея. Потому мы посвятили событіямъ современнымъ альбигойству много страницъ, которыя, видимо не подходя къ главному предмету изложенія, тѣмъ не менѣе служатъ къ выясненію его. Этимъ обусловливается и общее заглавіе сочиненія, которое пока кончается рѣшительнымъ и существеннымъ фазисомъ альбигойской исторіи. Это былъ тотъ моментъ ея, когда ересь оказалась подорванною въ смыслѣ политическо-церковной оппозиціи, моментъ, совпадающій съ кончиною Иннокентія III. Судьбы сектантовъ Прованса неразрывно связаны съ личностью этого папы, двигателя и главнѣйшаго дѣятеля той эпохи, который, потому, выступаетъ въ нашей книгѣ на первое мѣсто.

Такіе предѣлы, объемъ и содержаніе выходящаго теперь тома дѣлаютъ его до нѣкоторой степени отдѣльнымъ сочиненіемъ по исторіи существеннаго періода альбигойства. Слѣдующій и послѣдній томъ будетъ

имѣть предметомъ: патріотическую реакцію, возникшую въ Лангедокѣ послѣ Монфорова завоеванія, окончательное паденіе независимости тулузскихъ графовъ, подчиненіе Лангедока французской коронѣ, инквизиторскія гоненія на послѣднихъ альбигойскихъ еретиковъ до полнаго исчезновенія ихъ въ XV столѣтіи, судьбы вальдензовъ по отношенію къ позднѣйшимъ протестантамъ, вліянія альбигойцевъ и вальдензовъ и историческое значеніе ихъ. При второмъ томѣ будетъ приложено подробное оглавленіе. Онъ можетъ быть оконченъ не ранѣе исхода будущаго года, такъ-какъ для составленія его слѣдовало-бы произвести работы въ заграничныхъ архивахъ. Авторъ сознаетъ, что онъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ задачи, широко имъ поставленной. Имѣя въ виду восполнить важный пробѣлъ въ наукѣ, онъ смотритъ на свой трудъ какъ на попытку составить общую исторію провансальской средневѣковой Реформаціи. Руководствуясь собственнымъ планомъ, онъ пользовался для такой цѣли спеціальными иностранными пособіями и исходилъ изъ современныхъ свидѣтельствъ, критически провѣренныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(ВВЕДЕНІЕ).

Введеніе.—Папа Иннокентій III. Политическое состояніе Европы въ началѣ XIII столѣтія. Обзоръ феодальной, государственной и соціальной исторіи Лангедока въ связи съ причинами альбигойскихъ ересей.

I.

18 іюня 1209 года, въ Санъ-Жиллѣ, одномъ изъ городовъ Лангедока, совершался торжественный обрядъ церковнаго покаянія надъ графомъ тулузскимъ, Раймондомъ VI. Толпы народа окружали площадь передъ городскимъ соборомъ; въ рядахъ гражданъ были рыцари и вассалы, какъ невольные свидѣтели униженія своего сузерена. Могущественный государь, родственникъ королей аррагонскаго, англійскаго, французскаго, смирялся передъ силою непреклоннаго папы. Три архіепископа, девятнадцать епископовъ, все окружное духовенство присутствовало при церемоніи. Впереди всѣхъ виднѣлся папскій легатъ Милонъ, представитель первосвященника и исполнитель наказанія. Графъ, обнаженный до пояса, босой, со свѣчей въ рукѣ, опустился на колѣни передъ легатомъ. На паперти, противъ церковныхъ дверей, возвышался налой; на немъ лежали дары Христовы и реликвіи. У ногъ легата Раймондъ молилъ о пощадѣ. Онъ самъ прочелъ длинный списокъ своихъ преступленій передъ Церковью, обязываясь и теперь и впредь во всемъ безпрекословно подчиняться повелѣніямъ папы и его легатовъ; графъ тулузскій отказывался отъ всякой свободы въ дѣйствіяхъ. Шестнадцать вассаловъ тутъ же подтвердили присягу своего государя. Тогда легатъ подняль Раймонда, накинулъ веревку ему на шею, взялъ концы ея

въ руку и повелъ его въ церковь; пучкомъ розогъ онъ сталъ бичевать его. Въ слезахъ покаянія, а можетъ быть и горькаго оскорбленія, Раймондъ распростерся на амвонѣ церковномъ. Тогда легатъ далъ ему отпущеніе именемъ «господина папы Иннокентія III». Народъ напиралъ на церковь; вернуться изъ нея тѣми же дверьми было невозможно. Бичеванный, въ одной рубашкѣ, графъ долженъ былъ невольно пройти мимо гробницы блаженнаго Петра де-Кастельно. Въ духовенствѣ пробѣжалъ говоръ о справедливомъ судѣ Божіемъ; память святаго была отомщена (1)...

Такъ карала Церковь тѣхъ, которыхъ она подозрѣвала въ отступничествѣ или хотя въ нерадѣніи къ католицизму.

Графъ тулузскій совершилъ самое ужасное предступленіе для того времени. Онъ покровительствовалъ еретикамъ...

Это происходило въ началѣ XIII столѣтія. То было временемъ полнаго господства церковно-католическихъ идеаловъ. Папская гегемонія пріобрѣла тогда силу историческаго факта. Не только графъ тулузскій, но и всѣ государи европейскіе преклонялись передъ авторитетомъ римскаго первосвященника. Извѣстно, какія представленія соединяются съ понятіемъ о среднихъ вѣкахъ вообще. Но то столѣтіе, въ которомъ главнымъ образомъ совершается рядъ событій, излагаемыхъ въ этой книгѣ, было полнымъ ихъ выраженіемъ. Средніе вѣка будто воплотили въ немъ свою цивилизацію, которая является въ тѣ моменты съ лучшими своими сторонами. Рядомъ съ богатствомъ фактовъ въ сферѣ политической и юридической, этотъ вѣкъ представляетъ замѣчательную духовную производительность (2). Если количествомъ великихъ умовъ опредѣляется цивилизующее значеніе эпохи, то тринадцатое столѣтіе имѣетъ право на такой смыслъ. Типичныя стороны средневѣковой жизни какъ бы торопились въ немъ сосредоточиться. Это вѣкъ общинъ, университетовъ, цеховъ, соборовъ, вѣкъ философовъ, юристовъ, поэтовъ, художниковъ, святыхъ. Это вѣкъ Иннокентія III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X кастильскихъ, Филиппа Августа, Людовика IX и Филиппа Красиваго, Іакова I Завоевателя, покорителя Мавровъ, вѣкъ аррагонской конституціи и англійскаго парламентеризма, вѣкъ богатства городовъ и славы цеховъ, вѣкъ Ганзы и городскихъ союзовъ въ Германіи, вѣкъ феодальной расправы и тайныхъ судовъ Вестфаліи, вѣкъ римскаго права и статутовъ, — обоготвореніе женщинъ и философіи. Въ духовной исторіи этого столѣтія за именами Альберта Великаго, Рожера Бэкона, Ѳомы Аквинскаго идетъ величавое имя Данте. Но такова сила историческихъ явленій, что съ періодомъ процвѣтанія неразлучны бываютъ первые моменты паденія. Движеніе присуще исторіи; застоя въ дѣйствительности не существуетъ. За тринадцатымъ столѣтіемъ потому начинается разложеніе не только идей выработанныхъ имъ, но средневѣковыхъ вообще.

(1) Petrus Vallium Cernay. Historia Albigensium; c. 12.— Processus negotii Raymundi comitis Tolosani apud Migne, — Patrologia; t. CCXVI, p. 89 — 98. — Vaissete. Histoire de Languedoc, cont. par du-Mège; V, 114 — 116.

(2) Michelet. Hist. de France; VII, 20, intr. (1855) «Le treizième siècle est un siècle littéraire».—Daunou. Discours sur l'état des lettres au XIII siècle; 432. Histoire littéraire de la France, t. XVI. «Cette activité prodigieuse que les études et les travaux littéraires n'avaient jamais eue en France avant 1200, et qui distingue le treizième siècle»... etc.

Столѣтіе это кончается трагическимъ паденіемъ папства, въ лицѣ Бонифація VIII и непосредственно предшествовавшимъ тому сожженіемъ римской буллы. Стремленіе охранить старыя начала и устранить наплывъ противоположныхъ идей ведетъ по необходимости къ борьбѣ, и дѣйствительно борьбою дышетъ тринадцатый вѣкъ. Борьба проникаетъ въ каждую идею и по возможности переработываетъ ее къ концу вѣка, такъ что въ Европѣ XIV столѣтія слышится наступленіе иныхъ началъ, началъ скорѣе новаго времени. Во все продолженіе тринадцатаго вѣка идетъ борьба въ разныхъ видахъ и предѣлахъ; тутъ борьба церкви съ ересями, накопленными прежними вѣками; борьба клерикальнаго гнета съ проявленіями свободной мысли въ современной поэзіи сирвентовъ; борьба папъ съ императорами за міровое преобладаніе; борьба римской теократіи съ національностями; старыхъ правдъ съ подавляющею идеей римскаго права; феодализма съ королевскою властью; кулачной расправы съ правильнымъ процессомъ; патриціевъ съ цехами; номиналистовъ съ реалистами; «contes и fabliaux» съ аристократическою поэзіей рыцарства; язвительныхъ мейстерзенгеровъ съ сентиментальностью трубадуровъ.

Замѣчательнѣйшее изъ сказанныхъ бореній будетъ предметомъ содержанія этой книги. Предлагаемое сочиненіе имѣетъ въ виду прослѣдить первыя проявленія оппозиціи Римской церкви, сосредоточившіяся особенно на почвѣ южной Франціи. Оно должно потому указать причины и обстоятельства благопріятныя такой оппозиціи, изложить преемственное содержаніе ересей проявлявшихся вообще до XIV столѣтія, разсказать судьбы послѣдователей этихъ ученій, подробно описать крестовыя войны противъ нихъ предпринятыя, наконецъ изслѣдовать ихъ вліяніе и опредѣлить историческое значеніе религіозныхъ сектъ, столь извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Альбигойцевъ». Оно же, показавъ происхожденіе главнѣйшей изъ нихъ отъ свободномыслящихъ славянъ восточнаго вѣроисповѣданія, раскроетъ руководящую роль славянскаго племени въ вліятельнѣшемъ событіи средневѣковой духовной и политической исторіи.

Дѣло альбигойцевъ, какъ увидимъ, было проиграно. Римъ не даромъ велъ борьбу съ такимъ ожесточеніемъ; онъ опасался за самые дорогіе свои интересы. Ереси разнаго характера и разныхъ оттѣнковъ развивались еще гораздо ранѣе X столѣтія, они имѣли огромное число послѣдователей во всѣхъ концахъ католическаго міра. Къ началу XIII вѣка уже было болѣе сорока различныхъ религіозныхъ сектъ (3); тутъ были всевозможныя уклоненія отъ ортодоксальности. Опасность грозила и отъ качества вольнодумства еретиковъ и отъ ихъ численности. Существовали признаки, по которымъ можно было судить о возможности образованія въ тогдашней католической Церкви нѣсколькихъ новыхъ Церквей, какъ позднѣе въ эпоху Реформаціи. Уступокъ, примиренія быть не могло уже и потому, что обѣ стороны являлись представителями направленій крайне противоположныхъ. Вступивъ въ борьбу почти за собственное существованіе, Римъ совершилъ жестокія насилія надъ еретиками. Но съ паденіемъ альбигойцевъ, не пала нравственная сила ихъ протеста, такъ возбудительно дѣйствовавшая на проявленія

(3) Hahn. Geschichte der neu-manichäischen Ketzer; 49. — Ricchini. Diss. de Cath. (Moneta. 1743) XVII. «Qui vero eorum nominum interpretationem instituunt, hi divinatione magis agunt et conjecturis, quam certis verisque argumentis» etc.

свободной мысли дальнѣйшихъ поколѣній. Восторжествовать они не должны были еще и потому, что исторія была противъ нихъ, что ихъ слишкомъ смѣлыя убѣжденія мало сообразовались съ эпохой, потому, наконецъ, что они далеко не всѣ выражали собою поступательный шагъ цивилизаціи, такъ какъ большая часть ихъ уклонялась съ чисто христіанскаго пути. Дѣло въ томъ, что слово *«Альбигойцы»* не обозначаетъ послѣдователей какого-либо цѣлостнаго ученія; въ тогдашнее время это былъ *терминъ* всего несогласнаго съ ортодоксіей. *Рѣзкимъ образомъ между Альбигойцами выдѣлялись двѣ вѣтви, которыя мы назвали бы по ихъ направленіямъ восточною и западною. Первая служитъ традиціей гностицизма* и азіатскихъ философскихъ системъ въ ихъ примѣненіи къ христіанству,—это альбигойцы собственно или катары, точнѣе же *дуалисты. Вторая же представляетъ евангелическій, строго христіанскій протестъ*,—это предшественники кальвинизма, *вальдензы.* Между собою тѣ и другіе имѣли мало общаго, хотя судьба свела ихъ вмѣстѣ на благопріятной почвѣ Лангедока, породившей собственно однихъ вальдензовъ, ибо дуалисты, имѣвшіе несравненно болѣе долгую исторію, непосредственные преемники болгарскихъ богомиловъ, помнили своихъ предковъ на берегахъ Чернаго Моря, откуда ересь, подвигаясь на западъ, достигла Атлантическаго Океана. Историкъ Альбигойцевъ долженъ имѣть дѣло съ тою и другою вѣтвью, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, но ему слѣдуетъ замѣтить, что послѣдователи дуалистическаго ученія, сильнѣйшіе числомъ, не могутъ считаться реформатами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, хотя наука часто признавала ихъ таковыми. По отношенію собственно къ нимъ, въ борьбѣ съ ними папы стояли за болѣе историчные интересы. Для людей того времени католическій идеалъ носился какъ символъ всего лучшаго въ жизни; такимъ является онъ и въ исторіи. Въ большинствѣ случаевъ папство, если не въ людяхъ то въ идеѣ, съ какою оно представлялось жителямъ всѣхъ концевъ Европы,—поддерживало свое назначеніе. Оно взяло на себя управленіе всѣмъ западнымъ міромъ. Такова была теократія Гильдебранда. Его мечты и планы выставлялись какъ завѣтъ его преемникамъ. Папство по самому существу своему, какъ власть чисто духовная, пользовалось магическою силою, пока не уклонилось съ той дороги, которую открыло ему его удивительное мо-

гущество и счастье. Но въ борьбѣ съ альбигойцами Римъ прибѣгнулъ къ физическимъ средствамъ безпощаднымъ и кровавымъ; дурной способъ веденія борьбы вдругъ унизилъ нравственный авторитетъ первосвященниковъ, какъ послѣ въ дѣлѣ съ императоромъ Фридрихомъ II. Оба эти столкновенія, сопровождаемыя одинаковыми условіями повели, къ одному исходу—быстрому и безславному паденію нѣкогда неодолимой силы. Тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ альбигойцами католическіе интересы восторжествовали вполнѣ.

Такъ какъ исторія ихъ тѣсно связана съ судьбами папства, съ характеромъ той политики, какой держался Римъ относительно ихъ, то будетъ умѣстно предпослать непосредственному изложенію предмета обзоръ того состоянія римскихъ дѣлъ, въ которомъ застаютъ ихъ первые годы XIII столѣтія, современные альбигойской борьбѣ. Изъ такого обзора уяснятся тѣ силы, которыми, могъ располагать Римъ въ предстоящей крестовой войнѣ, а равно опредѣлится то мѣсто, какое должна занимать она въ ряду другихъ политическихъ событій своего времени.

Торжеству Церкви главнымъ образомъ способствовала личность человѣка, который служилъ ея вождемъ и всестороннимъ представителемъ. Когда папству грозила опасность, оно стало пріобрѣтать искусствомъ этого вождя еще большую внутреннюю и внѣшнюю крѣпость. Геніальный государственный дѣятель, онъ будто нарочно былъ призванъ на сцену дѣйствій въ критическую минуту. Превосходною системою взялась заправлять рука человѣка, именемъ котораго обозначается цѣлая эпоха. То былъ папа Иннокентій III.

Онъ главный дѣятель той драмы, которая скоро должна занять насъ, и потому прежде всего слѣдуетъ изучить этого человѣка съ того времени, когда онъ сдѣлался главою католической Церкви.

Ему шелъ тогда тридцать восьмой годъ. Рѣдкій первосвященникъ надѣвалъ тіару такъ рано и рѣдкій выступалъ на историческую сцену болѣе приготовленный. Онъ приносилъ съ собою на папскій престолъ грандіозную и прочувствованную идею; она выработана была, правда, прежнею исторіею, но въ немъ нашла своего полнаго и лучшаго выразителя.

теля. Онъ призванъ былъ завершить и создать величавое хотя не совсѣмъ чистое, зданіе католицизма и потому его симпатіи лежали въ прошедшихъ идеалахъ; стоя на стражѣ минувшаго, онъ долженъ былъ охранять думы и убѣжденія прошлаго. Цѣлью Иннокентія III было закрѣпить владычество папъ надъ Европой. Между тѣмъ около того времени палъ авторитетъ первосвященниковъ въ ихъ собственномъ государствѣ. Папы послѣднихъ десятилѣтій XII вѣка безсильны въ своей столицѣ; тіаристы находятся въ зависимости отъ городскихъ аристократическихъ партій. Тѣсно связанные съ ними, они не въ силахъ умиротворить городъ; такое безсиліе выдавалось тѣмъ съ большею яркостью, что по всему Западу сила ихъ казалась такъ грозною. Эти первосвященники почти всегда избирались въ преклонныхъ лѣтахъ; они были могучи не какъ личности, а какъ представители наслѣдственной политики римской куріи. Не таковъ былъ человѣкъ, который водворился на папскомъ тронѣ въ 1198 году. Онъ самъ происходилъ изъ древняго римскаго рода графовъ Конти, извѣстность котораго уходитъ дальше времени, фактически извѣстнаго исторіи. Смѣлые генеалогисты связываютъ этотъ родъ преемственностью двѣнадцати столѣтій (4); знаменитаго папу считали потомкомъ перваго герцога Сполетскаго, получившаго свои владѣнія отъ лонгобардскаго короля Гримоальда еще въ VII вѣкѣ. Достовѣрнѣе, что знаменитость средневѣковаго Рима, префектъ Крешенци былъ его предкомъ. Наслѣдственныя владѣнія графовъ Конти не давали имъ ни особой славы, ни достаточнаго для того богатства (5). Въ ряду не менѣе древней аристократіи не имѣлъ значенія и графъ Тразимундо,

---

(4) **Hurter.** Geschichte Papst Innocenz des Dritten; 1834; erstes Buch, Anmerk. 3, 8, 15.

(5) У Конти были владѣнія въ Римѣ и окрестностяхъ; имъ же могло принадлежать графство Сеньи, въ Кампаніи, чѣмъ объясняется выраженіе оффиціальнаго біографа: «ex patre Transmundo de comitibus Signiae» (ed. **Baluzii**, Gesta Innocentii III; c. 1). «Famille des comtes de Segni, connue encore aujourd'hui à Rome sous le nom de Conti» (**Brequigny et La Porte du Theil.** Diplomata, chartae ad res Francicas spectantia, Innocentii III papae regesta. 1791; intr,).

отецъ будущаго папы (6). Его далеко затѣсняли вліятельные на выборы—Орсини, Колонна, Франджипани, Савелли. Родъ Конти суждено было возвысить Джіованни-Лотарю. Онъ родился около 1161 года (7). Мать дала ему возможность получить воспитаніе въ школѣ св. Іоанна Латеранскаго, которая была разсадникомъ католическихъ проповѣдниковъ. Онъ кончилъ свое образованіе въ парижскомъ и болонскомъ университетахъ, — тамъ онъ погрузился въ занятія современною философіей (8), но изъ его сочиненій видно, что онъ хорошо изучилъ и классиковъ. Парижъ славился богословіемъ и схоластикой; Болонья правомъ; это были знаменитѣйшіе разсадники средневѣковаго образованія (9). Въ Парижѣ училось много знаменитыхъ современниковъ Иннокентія; тутъ были и будущіе епископы и поэты, какъ Вальтеръ Фогельвейде (10). Здѣсь Лотарь сошелся съ Стефаномъ Лангтономъ и другими; товарищи дѣтства послужили орудіемъ выполненія плановъ Иннокентія III. Лотарь возвратился въ Римъ при папѣ Лучіи III, который тогда же далъ ему нѣ-

(6) Raynaldi. Annales ecclesiastici ed. 1647; I, 2; по другимъ варіантамъ Transmundo.

(7) Gesta Innocentii III, c. 3, — такъ можно заключить изъ намека: «Clemens III papa promovit in diaconum cardinalem, vicesimum nonum aetatis annum agentem...», а это было въ 1190 году. Въ изданіи Migne — Patrologia, t. CCXIV, p. XVIII, nota 9, ошибочно показаны 1171—1172 года.—Въ кодексѣ Amalrici Augerii два списка біографіи Иннокентія III, краткій — Bernardi Guidonis (Muratori, III, II, 480 — 486) и подробный—Baluzii (Muratori; III, II, 486—568). — Watterich. Pont. rom. vitae. L. 1862.

(8) Gesta Inn. c. 2... Scholasticis studiis insudavit, et super coaetaneos suos tam in philosophica quam theologica disciplina profecit.

(9) Hurter; I, 12—32.—университетская жизнь того времени.—Въ письмѣ къ Филиппу II французскому, Иннокентій вспоминаетъ съ признательностью о парижскомъ университетѣ (Regestorum l. II, ep. 17).

(10) Rohrbacher. Histoire universelle de l'Église catholique. 2 éd. XVII, 9.

сколько порученій, успѣшно исполненныхъ. Его полная извѣстность началась скоро. Григорій VIII дѣлаетъ его, еще молодаго, субъ-діакономъ (1187 г.). Онъ выдвигается впередъ, благодаря нѣкоторымъ фамильнымъ связямъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе своихъ способностей. Было время Ричарда, Саладина; шелъ третій крестовый походъ съ Барбароссой во главѣ. Римская канцеллярія была въ полной дѣятельности. Климентъ III, дядя Лотаря, дѣлаетъ его въ 1190 году кардиналомъ діакономъ; это равнялось званію государственнаго секретаря; ему было тогда 29 лѣтъ. Это назначеніе произвело общую радость въ церкви, въ народѣ и «возбудило большія надежды», неожиданно замѣчаетъ авторъ «дѣяній» (11). Можно судить потому, какую популярность пріобрѣлъ Лотарь. Молодаго кардинала уже тогда хватало на все; онъ охватывалъ самые громадные планы и не упускалъ изъ вида мелочей дѣла. Но вотъ враждебная фамилія Орсини захватила престолъ. Целестинъ III удалилъ отъ должности Лотаря. Этимъ воспользовался будущій преемникъ Целестина, чтобы въ уединеніи, и думою и литературными занятіями, развить свои духовныя силы. Въ эти промежуточныя шесть лѣтъ у него созрѣли тѣ теократическіе замыслы и та многосторонняя политика, которая можетъ возбуждать протестъ, но, какъ полезная для того времени, имѣетъ право на историческій смыслъ. Въ немъ совершалась внутренняя борьба. Въ сочиненіяхъ своихъ, написанныхъ за это время, онъ томится міромъ, ищетъ покоя и отчужденія, когда болѣе чѣмъ кто нибудь онъ былъ призванъ къ дѣятельности (12). А между тѣмъ какъ онъ, — въ своемъ отшельническомъ уединеніи, живя въ Ананьи, окруженный всѣмъ книжнымъ запасомъ тогдашней учености, отреченный отъ міра,—этотъ міръ уже завязывалъ тѣ узлы, ко-

(11) Procifiebat autem, sicut aetate, sic etiam probitate coram Deo et omni populo, ita ut omnes de ipsius sublimatione praesumerent et sperarent. Gesta c. 3.

(12) De contemptu mundi sive de miseriis humanae conditionis помѣщено въ Патрологіи—Migne t. CCXVII, p. 701—746. Напримѣръ: «Divitiae non liberabunt a morte, epulae non defendent a morte, nec deliciae a verme, honores non eripient a fetore (737).—Разборъ у Hurter; I, 49—53.

торые пришлось распутать ему. Императоръ Генрихъ VI терпѣлъ униженіе отъ папы Целестина III. Политическое чесотлюбіе влекло его къ обладанію королевствомъ обѣихъ Сицилій. Папа согласился утвердить его за нимъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ, такъ какъ это королевство уже давно было подъ покровительствомъ церкви; оно считалось вассальствомъ римскимъ и болѣе соотвѣтствовало такому названію, чѣмъ всѣ другіе мнимые феоды апостольскіе. Генрихъ взялся за такую истребительную систему противъ членовъ старой нормандской династіи, что возбудилъ противъ себя негодованіе всей рыцарственной Европы. Целестинъ напрасно предостерегалъ Генриха отъ звѣрскихъ поступковъ; онъ наконецъ отлучилъ его. Императоръ погибъ еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ съ своими замыслами мести Риму и мечтой объ единой имперіи (сентябрь 1197 г.). Онъ оставлялъ четырехъ-лѣтняго римскаго короля Фридриха-Рожера (послѣ такъ знаменитаго подъ именемъ Фридриха II), общую ненависть къ своей памяти ([13]) и междоусобія за престолъ въ Германіи.

Римъ торопился дѣйствовать, чтобы не потерять старыхъ пріобрѣтеній въ предстоящемъ замѣшательствѣ и безначаліи, а чтобы, напротивъ, увеличить ихъ, пользуясь случаемъ. Пріобрѣтеніе обѣихъ Сицилій гогенштауфенами казалось папамъ угрожающимъ вызовомъ. Папы могли быть сдавлены съ двухъ сторонъ, изъ Германіи и южной Италіи. Риму хотѣлось во что бы то ни стало разорвать эту связь, эту грозную силу, или по крайней мѣрѣ умалить ее. Изъ за этой-то идеи папы бьются всю первую половину XIII столѣтія. Надо удерживать вассальство надъ Сициліей, вліять извѣстнымъ образомъ на вопросъ о германскомъ престолонаслѣдіи и въ то же время поддерживать римскій авторитетъ въ начавшемся спорѣ съ королемъ французскимъ изъ-за развода съ Ингебургой, — такъ рѣшили въ Римѣ. Тогда же готовилось въ Европѣ новое крестовое движеніе и тогда же стали доходить до римскихъ государственныхъ людей грозные слухи изъ южной Франціи о неодолимомъ

([13]) Только Otto de Sancto Blasio высказываетъ «сожалѣніе о его ранней кончинѣ». Muratori. Scriptores rerum italicarum. VI, 901.

распространіи ереси и о безуспѣшности всѣхъ соборныхъ рѣшеній, воздвигнутыхъ противъ нея. И въ Римѣ стали серьозно думать о двухъ единовременныхъ крестовыхъ походахъ; одинъ предназначался на невѣрныхъ Азіи, другой на непокорныхъ вольнодумцевъ, зажиточныхъ и веселыхъ обитателей долинъ Гаронны, Роны и Дюрансы. Быстрота и распорядительность въ дѣйствіяхъ требовались тѣмъ болѣе, что отъ неудачи прежнихъ крестовыхъ усилій ослабѣвало религіозное рвеніе католиковъ и что слухи объ успѣшной пропагандѣ многообразныхъ ересей доходили съ разныхъ мѣстъ Европы. Ересь шла отъ востока къ западу и прочно вселилась въ католическихъ земляхъ.

И въ Римѣ чувствовали всю важность настоящей минуты; вражда партій замолкла. Курія кардиналовъ всегда возлагала большія надежды на графа Конти. Онъ былъ призванъ, когда кончался Целестинъ. Умирая, папа продолжалъ указывать на друга своего Колонну, но его не слушали. Целестинъ умеръ 8 января 1198 года. Послѣ короткаго совѣщанія, на слѣдующее утро, почти единогласно былъ выбранъ кардиналъ-діаконъ Лотарь. Онъ сопротивлялся тому въ засѣданіи коллегіи; онъ молилъ, плакалъ; онъ говорилъ о своей молодости. Старшій изъ кардиналовъ подошелъ къ нему и наименовалъ его Иннокентіемъ III. Онъ никогда еще не былъ епископомъ; онъ даже не имѣлъ рукоположенія; для него, въ виду нужды церковной, было сдѣлано такое рѣдкое исключеніе; священническій санъ онъ принялъ уже послѣ. Для папскаго трона онъ казался весьма молодымъ, что не прошло незамѣченнымъ ([14]). Торжественная коронація заняла народъ, въ средѣ котораго новоизбранный — былъ сильно популяренъ. Римъ горѣлъ огнями; на процессію папскую сыпались цвѣты. Въ первой же проповѣди папа обратился къ народу, будто призывая его на освященіе своихъ плановъ; онъ льстилъ толпѣ и скоро получилъ существенный знакъ ея расположенія. Аристократія мѣшала простору дѣйствій первосвященника; она привыкла заправлять

([14]) Walter von der Vogelweide пишетъ по этому поводу: «Owe der babst ist ze junc, hilf Herre diner Kristenheit». Ausg. Lachmanns; 9.

народною силой. Чаще всего нобили властвовали въ городѣ; императорскій префектъ былъ ихъ орудіемъ; онъ передалъ свои права сенату, который, идя часто врозь съ народомъ, юридически дѣйствовалъ отъ его имени, будучи независимъ отъ папы. Иннокентій съ первыхъ же дней подчинилъ себѣ всѣ враждебные ему и враждовавшіе между собой элементы. Префектъ поклялся служить ему безпрекословно и отдавать отчетъ; императорскій мечъ замѣнила папская чаша ([15]). Иноземныя претензіи, хотя номинальныя, уничтожались совершенно; городъ сдѣлался папскимъ. Народъ поддержалъ такое популярное дѣло, исходившее отъ такого популярнаго лица. Сенатъ сталъ дѣйствовать уже не отъ имени народа, а отъ лица папы: главный сенаторъ далъ присягу оберегать личность папы. Монархическое начало торжествовало. Упрочивъ власть свою въ столицѣ, Иннокентій обратился къ дѣламъ Италіи. Нѣмецкіе бароны, посаженные Генрихомъ VI, принуждены были удалиться изъ церковной области; ихъ изгонялъ народъ. Наслѣдство Матильды цѣликомъ вернулось въ папскія руки. Города флорентійскіе организовали свой союзъ, но тамъ были сильны папскія симпатіи. Не прошло и года, какъ церковная область вошла въ свои крайніе предѣлы, національное чувство было возбуждено въ Италіи; Иннокентій является патріотомъ итальянскимъ. Но укрѣпляя свои матеріальныя средства, онъ тѣмъ самымъ высказывалъ, что въ своей теократической системѣ онъ будетъ держаться рѣшительнаго образа дѣйствій. Что честолюбіе присуще ему, это заявилъ онъ еще съ первыхъ дней; но его эгоизмъ былъ эгоизмомъ великой души; онъ хлопоталъ не въ личныхъ интересахъ, а въ видахъ торжества своей вѣры; онъ не обѣщалъ мира своей политикою, хотя стремился къ нему. Лоранъ мѣтко оцѣниваетъ историческія заслуги папъ того времени выраженіемъ: «catholicisme était appelé à préparer la paix, mais non à l'imposer». Дѣйствительно, католицизмъ не совершилъ вполнѣ той миссіи, на которую казалось исторія опредѣлила его, но часто онъ рѣшался на рѣзкій протестъ во имя этой самой идеи мира. Свою систему папы проводили съ пыломъ

([15]) Innoc. Regest. l. 1, ep. 577, — Migne Patr. CCXIV, 529.

человѣка, вовлеченнаго въ бурю свѣтскаго честолюбія. Иннокентій, какъ и другіе папы, въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, злоупотреблялъ религіею. Слѣдуя римской политикѣ и забываясь въ увлеченіи, онъ уклонялся отъ прямой дороги; но въ немъ никогда не угасало понятіе о высшей справедливости. Онъ былъ откровененъ, когда провозглашалъ послѣднюю. Въ первые же дни своего папства, онъ слѣдующимъ образомъ высказывалъ свою политическую и моральную доктрину. «На нашемъ попеченіи, писалъ онъ, лежитъ забота о процвѣтаніи церкви. И жизнь и смерть наша будутъ посвящены дѣлу справедливости. Мы знаемъ, что наша первая обязанность блюсти права всякаго и ничто не заставитъ насъ уклониться съ этого пути... Передъ нами великое обиліе дѣла, ежедневныя заботы о благѣ всѣхъ церквей; мы потому не болѣе, какъ служители слугъ божіихъ, согласно съ титулованіемъ нашимъ. На насъ тяжелый долгъ и мы слабы силами для выполненія его Но мы вѣримъ, что волею Божіей возведены изъ ничтожества на этотъ престолъ, съ котораго будемъ творить истинный судъ и надъ князьями, и даже надъ тѣми, кто выше ихъ» ([16]).

Иннокентій сдержалъ свое обѣщаніе; послѣ Гильдебранда онъ былъ самый смѣлый дѣятель на папскомъ престолѣ, но онъ былъ гораздо счастливѣе Григорія VII. Съ рѣшительностью и отвагой онъ приносилъ съ собою рѣдкую чистоту побужденій, чуждую личныхъ стремленій честолюбія. Великіе историческіе дѣятели, которые вводятъ въ жизнь свои идеи и политическія системы, не стѣсняются въ способахъ достиженія цѣли и исполненія возложенной на нихъ роли; ихъ одушевляетъ одинъ помыселъ — воплотить свои идеалы. Благо тѣмъ, которые съ блескомъ подвиговъ соединяли безукоризненность его выполненія; но нельзя засудить тѣхъ, которые не могли найти иныхъ средствъ, не выходя изъ условій своей современности Иннокентій III не составлялъ исключенія въ ряду великихъ людей исторіи. Нравственная чистота его личнаго характера не подлежитъ сомнѣнію; она дала ему высокій духовный авторитетъ и способствовала временному успѣху его теократическихъ замы-

([16]) Bohrbacher; XVII, 24 — 25. — Innocentii Regestorum l. 1, ep. 15, 230 etc.

словъ (17). Его политическое искусство съ своей стороны дало ему преобладаніе. Въ это время для исполненія предназначеній папства требовался именно дѣятель съ талантами Иннокентія, умъ котораго обнималъ всю громадную арену отъ Исландіи до Ефрата и отъ Палестины до Скандинавіи. То, что составляло предметъ задушевныхъ думъ Гильдебранда, было совершено Иннокентіемъ. Во все продолженіе его 18-лѣтняго правленія не было факта европейской исторіи, который бы прямо или косвенно не испыталъ на себѣ вліянія Иннокентія. Всевидящее око папы проникало также во дворецъ императора, какъ въ домъ робкаго горожанина на концѣ Европы. Его переписка служитъ потому главнѣйшимъ источникомъ для исторіи его времени; миновать этотъ источникъ, имѣющій достоинство государственныхъ актовъ, нельзя, о какой бы то странѣ ни шло дѣло. Для Иннокентія, на всемъ Западѣ не существовало человѣка слишкомъ бѣднаго, слишкомъ покинутаго, и властителя слишкомъ страшнаго, слишкомъ могущественнаго. И все это могущество въ большинствѣ случаевъ опиралось на силу духовнаго оружія и лишь въ томъ дѣлѣ, которое послужитъ предметомъ этого сочиненія, вызвано было могущество оружія.

---

(17) Есть много справедливаго въ словахъ *Гуртера*: «Согла-
шается-ли мысль о папскомъ идеалѣ съ широко понятымъ хри-
стіанствомъ, вытекаетъ ли такая система изъ ученія Основателя
религіи, — объ этомъ не спрашивайте историка; такое разбира-
тельство падаетъ на догматика или полемика. Для историка важно
собственно то, — производится-ли подобное явленіе эпохою, какъ
глубоко оно коренится въ человѣческихъ учрежденіяхъ, что оно
создаетъ въ свою очередь, прогрессивно-ли оно... Ничего не мо-
жетъ быть несправедливѣе отрицать высокія качества ума и ха-
рактера (hohe ethische Würde) лишь потому, что не расположе-
ны сочувствовать тѣмъ внѣшнимъ формамъ и обстоятельствамъ,
которыми случайно проявляется дѣятельность извѣстныхъ людей...
У Иннокентія было убѣжденіе въ высшемъ назначеніи папства и
должныя способности къ осуществленію такого призванія. Онъ
смотрѣлъ на него, какъ на учрежденіе установленное самимъ
Богомъ и цѣлью котораго было управленіе Церковью вмѣстѣ съ
всестороннимъ спасеніемъ человѣка (Vorrede, V—VI).

Таковъ былъ человѣкъ, съ которымъ скоро предстояло бороться Альбигойцамъ и который играетъ главную роль въ ихъ исторіи. Ознакомясь съ нимъ, сдѣлаемъ по возможности сжатый обзоръ тѣхъ отношеній, въ которыхъ, въ данное время, находились къ нему европейскіе государи. То было время, когда судьбы государствъ нерѣдко подчинялись политикѣ папъ. Императоръ германскій не могъ быть императоромъ, не будучи коронованъ папою; отношенія къ королямъ французскому и англійскому слагались подъ вліяніемъ расчетовъ римской политики. Ненасытное честолюбіе Иннокентія III, возбуждаемое его сердечною вѣрою въ свое призваніе, не довольствовалось тѣмъ. Онъ обратилъ кромѣ того вниманіе на страны славянскія, а въ случайномъ основаніи латинской имперіи видѣлъ хорошій поводъ къ соединенію греческой Церкви съ западною. И все это шло рядомъ съ полной трагизма исторіею Альбигойцевъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ властителямъ современной Европы, Иннокентій встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Свое вліяніе въ Германіи, Англіи, Франціи, Леонѣ, Португаліи, наконецъ Лангедокѣ, онъ упрочилъ послѣ борьбы и одолѣнія преградъ, поставленныхъ духомъ національности. Но его сильно поддерживало общественное мнѣніе, этотъ богословскій тонъ эпохи. Ему приходилось въ большинствѣ случаевъ защищать, по крайней мѣрѣ по принципу, начала современнаго христіанства; онъ стоялъ, по понятіямъ массы современниковъ, на стражѣ самыхъ дорогихъ для нихъ интересовъ. Люди передовые, государственные, наконецъ даже зарождавшееся городское сословіе въ иныхъ странахъ, иначе относились къ стремленіямъ папскимъ. Въ Лангедокѣ, какъ увидимъ, отъ вѣянія историческихъ условій и отъ средоточія ересей, самая религія была въ презрѣніи и тѣмъ болѣе духовенство. Но то было по духу своему явленіе слишкомъ раннее, хотя сокрушить его Римъ могъ только силою оружія. Въ другихъ же странахъ папство имѣло поддержку въ мнѣніи общества. Самыя политическія обстоятельства способствовали осуществленію папскихъ претензій на роль верховнаго судьи и рѣшителя дѣлъ европейскихъ.

Въ Германіи было полное смятеніе; шла борьба за императорскій престолъ. Надежды партій опредѣлялись намѣреніями Иннокентія. Отъ папы зависѣло поддержать трехъ претендентовъ. То были братъ и сынъ покойнаго императора Фи-

липпъ и Фридрихъ Гогенштауфены и Оттонъ герцогъ брауншвейгскій, второй сынъ Генриха Льва, вождь Гвельфовъ. Филиппъ и Оттонъ IV были выбраны князьями германскими почти въ одно время, каждый своею партіей; между соперниками открылась война. На прямаго наслѣдника, сына императора, не обращали вниманія первое время. Послѣ приходилось произнести окончательное рѣшеніе и выбрать одного изъ двухъ. Когда изъ Германіи потребовали наконецъ рѣшить вопросъ объ императорствѣ, Иннокентій былъ въ глубокомъ раздумьи. Онъ высказался на сторону Оттона (¹⁸). Большинство же князей желало гогенштауфена Филиппа. Рѣзкій возражающій голосъ послышался изъ-за Альпъ. Почти вся средняя и южная Германія протестовала противъ Оттона. Въ жесткомъ тонѣ протеста слышится протестъ вообще противъ римскаго гнета. Въ литературно-юридической формѣ онъ предварилъ Альбигойцевъ. Что такъ ненавидѣли послѣдніе, за что они такъ жестоко пострадали, въ этомъ письмѣ равно подвергается осмѣянію. «Можетъ быть святая курія, такъ значилось въ этомъ документѣ, въ своей родительской нѣжности считаетъ насъ за дополненіе къ римской имперіи (ascripti titulum); если такъ, то мы не можемъ не заявить несправедливости всего этого... Если избраніе выдетъ беззаконнымъ, то гдѣ будетъ высшій судья, который разберетъ дѣло. Нѣтъ, лишь одни князья могутъ избирать себѣ государя. Божественный посредникъ между небомъ и людьми, Христосъ—Богочеловѣкъ раздѣлилъ обѣ власти и каждой предназначилъ разлучное бытіе; тотъ, кто служитъ Богу, не долженъ заниматься мірскими дѣлами; тотъ, кто посвящаетъ себя дѣламъ міра сего, не долженъ мѣшаться въ духовныя» (¹⁹). За Филиппа ручались, что онъ окажетъ папѣ и Церкви все должное (Deo et vobis sua devotio reddet acceptum), но настойчиво требовали коронаціи (sicut vestri officii est). Иннокентію приходилось защищать основы своихъ замысловъ; онъ повторилъ доводы Григорія VII и мотивировалъ ихъ съ убѣжденіемъ собственной правоты. «Вы согласны, писалъ онъ, что папа коронуетъ императора? А если намъ принадлежитъ такое право, то вы должны

(¹⁸) **Registrum de negotio Romani imperii,—Migne; CCXVI, 1025 — 1031.**

(¹⁹) **Registrum de neg. imperii, — CCXVI, 1064.**

знать, что можемъ по всей справедливости имѣть свой взглядъ на избираемаго; это уже общее право, что послѣднее слово принадлежитъ тому, кто возводитъ, кто посвящаетъ. Если бы князья, хотя единодушно, избрали святотатца, отлученнаго, помѣшаннаго, еретика, язычника,—развѣ мы обязаны короновать такого?» (²⁰) Князья между тѣмъ защищали свои права и Филиппа. Дѣло гогенштауфена объявлялось неразлучнымъ съ вопросомъ о существованіи независимой Германіи. Настойчивость Иннокентія, его угрозы возбуждали только силы противной партіи. Гогештауфена неожиданно сталъ поддерживать сильный голосъ со стороны; за него заговорилъ король французскій, передъ тѣмъ, какъ увидимъ, только что подвергнутый церковному наказанію. «Это несправедливо, говоритъ Августъ французскій—относительно всѣхъ государей. Мы спокойно перенесемъ многое, но никогда то, что позоритъ нашу честь и унижаетъ достоинство короны. Если вы будете упорствовать въ вашихъ намѣреніяхъ, — мы съ своей стороны возьмемъ такія мѣры, которыхъ потребуютъ наше положеніе и обстоятельства дѣла» (²¹).

А Иннокентій прибѣгалъ къ той же ловкой діалектикѣ; онъ кончалъ посланіе желаніемъ, «чтобы никогда король французскій не оставлялъ римской Церкви, а римская Церковь королевства франковъ» (²²).

Твердость боролась въ Иннокентіѣ съ политикою; онъ подумывалъ о переговорахъ. Гогенштауфенъ предлагалъ свою дочь въ замужество одному изъ Конти. Иннокентій съ своей стороны напоминалъ Оттону о необходимости уступокъ,—но неожиданное событіе отстранило рѣшительныя дѣйствія на этомъ пути. Филиппъ былъ убитъ въ Бамбергѣ, на мосту (23 іюня 1208 г.), своимъ личнымъ врагомъ Оттономъ Виттельсбахомъ, баварскимъ пфальцграфомъ; причиной мести было оскорбленное самолюбіе. Участіе въ убійствѣ принимало еще нѣсколько князей, имена которыхъ неизвѣстны. Оттонъ остался безъ соперника. Нѣкоторое время онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Римомъ; женитьбою на дочери Филиппа Беатрисѣ онъ увеличилъ число своихъ приверженцевъ въ Германіи. Буду-

(²⁰) **Reg. de neg. imp. CCXVI, 1065 — 1067.**

(²¹) **Reg. de neg. imp. CCXVI, 1068.**

(²²) **Reg. de neg. imp. CCXVI, 1071.**

щее улыбалось ему. Но его императорство погибло, какъ только онъ нападенiемъ на итальянскiя и даже папскiя земли вооружилъ противъ себя Иннокентiя. Впрочемъ, въ тотъ годъ, когда готовилась альбигойская драма, отношенiя Оттона къ Риму были самыя покорныя. Въ 1209 году Оттонъ былъ коронованъ папою на условiяхъ окончательнаго измѣненiя въ пользу Рима вормскаго конкордата, нѣкогда покончившаго споръ за инвеституру. Оттонъ отказался отъ императорскаго права регалiй. Церковь этимъ достигла своихъ непосредственныхъ цѣлей. Вопросъ съ имперiей былъ такимъ образомъ покончень; онъ не развлекалъ болѣе Рима и давалъ ему тѣмъ возможность сосредоточить свои силы и вниманiе на опасныхъ сектахъ.

Папство будто предчувствовало бѣду, которая ему грозила; теперь оно особенно старается запастись силами. Властители христiанскаго мiра подчиняются въ это время Риму, какъ его вассалы, иные добровольно, иные вынужденные обстоятельствами. Иннокентiй III уничтожилъ всякiй королевскiй авторитетъ въ Англiи. Неспособность современнаго ему англiйскаго короля будто возбуждало честолюбiе папы. Въ безхарактерномъ, дурно развитомъ Iоаннѣ Иннокентiй имѣлъ противника весьма неопаснаго; это былъ дѣйствительно «vrai valet de comédie», какъ его называетъ Гизо ([23]). Политикой своего короля Англiя была унижена до того, что сдѣлалась формальной данницею Рима. Iоаннъ упорно держался симонiи; изъ-за этого выходили у него постоянныя препиранiя съ папскимъ дворомъ. Дѣло серьезнаго свойства началось съ 1205 года изъ-за выбора архiепископа кентерберiйскаго. Священники избрали на это мѣсто прiора Регинальда и просили утвержденiя папы. Король провѣдалъ о томъ и, по обыкновенiю, пришелъ въ неумѣренную злобу; онъ велѣлъ выбрать другого и устранилъ папское утвержденiе. Иннокентiй не одобрилъ ни того, ни другого кандидата; въ духовныхъ онъ видѣлъ самовластiе, въ королѣ пристрастiе. Онъ велѣлъ произвести третiй выборъ въ Римѣ; изъ 15 англiйскихъ духовныхъ онъ указалъ на бывшаго своего товарища по парижскому университету Стефана Лангтона, какъ на способнѣйшаго. Король отказался принять его и въ порывѣ злобы послалъ двухъ отчаянныхъ рыцарей

([23]) **Guizot**. Civilisation en France (I éd.); V, 12.

въ кентерберiйское аббатство на грабежъ. Иннокентiй началъ съ увѣщанiй, которыя поручилъ мѣстнымъ епископамъ; королю стали грозить отлученiемъ. Iоаннъ отвѣчалъ имъ на это заявленiемъ желанiя изгнать все духовенство изъ Англiи, если только кто посмѣетъ произнести проклятiе и отлученiе; всѣхъ итальянскихъ священниковъ и легатовъ грозилъ изувѣчить, чтобы вездѣ могли признать ихъ; онъ прогналъ всѣхъ увѣщателей съ глазъ подъ страхомъ истязанiй и казни. Отвѣтъ былъ ясенъ; знавшiе характеръ Iоанна судили, что онъ способенъ привести въ исполненiе свое обѣщанiе. Но авторитетъ Рима былъ пока слишкомъ великъ, чтобы можно было состязаться съ папой. Какъ увидимъ, около того времени Иннокентiй заставилъ смириться сильнаго Филиппа французскаго. Интердиктъ былъ произнесенъ въ Англiи; онъ приносилъ съ собою ужасное состоянiе для страны. Нельзя судить о впечатлѣнiи папскаго интердикта по нашимъ понятiямъ; надо мысленно перенестись въ средние вѣка, чтобы понять его ужасающую силу. Для барона и для виллана сельская церковь была одинаковой отрадой въ жизни; во время безправiя лишь въ ней было примиренiе; теперь она была подъ запретомъ. Народу казалось, что въ самомъ воздухѣ носится что то тяжелое; жизнь вездѣ замирала; удовольствiя прекратились; о пирахъ не было слуха, прохожiе и проѣзжiе при встрѣчѣ боялись привѣтствовать другъ друга; на всемъ лежала печаль покаянiя; вездѣ траурныя одежды, небритыя бороды. Церковныя торжества не радовали болѣе народа; двери храмовъ были заперты; кресты на нихъ опрокинуты, колокола сняты, образа завѣшаны, мощи убраны. Гробовое молчанiе наводило общее уныние; нельзя было ни родиться, ни вѣнчаться, ни умереть; всему этому не было религiознаго напутствiя; на кладбищѣ крестили умирающаго младенца; изрѣдка кого вѣнчали около могилъ; мертвыхъ или оставляли гнить въ надеждѣ отпѣванiя или хоронили по дорогамъ. Ужасъ за будущее овладѣвалъ тогда народнымъ чувствомъ. Только крестоносцу было спасенiе; его напутствовали благословенiемъ, но отправляли умирать въ чужую землю, и народъ завидовалъ, что онъ умретъ въ землѣ святой, а не проклятой родинѣ. Естественно,—все это ужасное настроенiе должно было вызывать народное негодованiе; религiозные обряды народа были попраны королемъ, какъ казалось пониманiю народному; онъ ослушивался высшее

духовное лице на землѣ и вовлекалъ въ гибель всю страну. Таковъ былъ неодолимый духъ вѣка. Потому,—чтобы сколько нибудь сопротивляться силѣ исторіи и народнаго настроенія, надо было имѣть особыя дарованія, которыхъ Іоаннъ былъ лишенъ. Онъ думалъ одолѣть жестокостью и вся тиранническая система оказалась безполезною, проливъ только лишніе потоки крови. Король велѣлъ хватать, изгонять, вѣшать и рѣзать тѣхъ духовныхъ, которые подчинятся интердикту. Король не довольствовался конфискаціей ихъ имѣній; въ порывѣ безумія онъ поощрялъ разбои и грабежи въ государствѣ, особенно если то вредило духовнымъ. Онъ не замедлилъ обратиться и на свѣтскую аристократію, все сословіе которой заподозрилъ въ римскихъ симпатіяхъ. Онъ отнималъ владѣнія у кого былъ въ силахъ, бралъ заложниковъ въ богатыхъ семействахъ, дѣлалъ всевозможныя мелкія притѣсненія и, одновременно раздраживъ противъ себя всѣ сословія Англіи, прекрасно подготовилъ будущую Magna Charta, а съ ней свободу и парламентеризмъ. Народъ уже явно волновался отъ тяжести церковнаго отлученія, а Иннокентій между тѣмъ шелъ дальше. Его энергія и непреклонность цѣлей вполнѣ выказываются въ англійскихъ дѣлахъ. Въ самый годъ начала альбигойской войны онъ произнесъ анаѳему на короля и на всякого, кто будетъ поддерживать его. Въ послѣдствіи Иннокентій отрѣшилъ Іоанна отъ престола (1212 г.). Это было послѣднее и самое губительное средство; оно заявляло со всею силою теократическія претензіи папъ. Иннокентій разрѣшилъ англійскихъ вассаловъ отъ присяги, данной ими Іоанну, и дарилъ англійское королевство всякому, кто возьметъ на себя наказаніе тиранна. Честолюбивый французскій король взялся за эту роль. Лишенный всякихъ государственныхъ способностей, Іоаннъ сумѣлъ вооружить противъ себя все и съ удивленіемъ узналъ, что его королевство отдаетъ, какъ собственность, человѣкъ, который нѣкогда казался ему такъ безсильнымъ. И тогда первою мыслью его стало полнѣйшее раболѣпство. Онъ изъявилъ желаніе не только смириться передъ силою духовнаго оружія, но и отдаться во власть папы, какъ государя—«cum omni jure et pertinentis suis» [24]. Онъ отказывался отъ Англіи

[24] **Мотивомъ отдачи выставляется: pro remissione peccatorum nostrorum et totius generis nostri, tam pro vivis, quam**

въ пользу Рима. Онъ, по доброй и свободной волѣ, какъ гласитъ актъ, передавалъ «Англію и Ирландію на всѣхъ правахъ Богу, апостоламъ Петру и Павлу, Церкви Римской и своему владыкѣ папѣ Иннокентію и его католическимъ преемникамъ» [25]. Отдавъ государство Иннокентію, Іоаннъ получилъ обратно свое бывшее королевство, уже какъ «человѣкъ» папы, какъ его «homo», съ обязательствомъ ежегодной дани въ количествѣ 1000 марокъ. Въ Дуврѣ повторились Каносса и Кентербери. Въ дуврскомъ соборѣ Іоаннъ торжественно сложилъ корону и скипетръ передъ алтаремъ (15 мая 1213 г.). Папу замѣнилъ его суровый легатъ Пандольфо. Король опустился передъ нимъ на колѣни; легатъ прочелъ надъ нимъ молитву. Король на колѣнияхъ же, произнесъ громко ленную присягу. Тогда легатъ передалъ ему изъ своихъ рукъ корону и скипетръ обратно, уже милостію папы.

И не одну англійскую корону держалъ въ своихъ рукахъ Иннокентій III. Еще прежде того онъ принималъ и передавалъ короны королевскія.

На пиринейскомъ полуостровѣ шла тогда борьба съ Маврами. Это время тамъ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ государствъ; всѣ они были слишкомъ несильны порознь, пока не сложились въ болѣе обширныя территоріи. Португалія была отдѣльнымъ государствомъ уже съ 1139 года. Въ началѣ XII вѣка королемъ ея былъ Санчо Земледѣлецъ (Lavrador), демократъ въ душѣ, человѣкъ труда, безъ рыцарскихъ увлеченій и весьма способный правитель. Его реформы въ народномъ хозяйствѣ не могли обойтись безъ столкновенія съ духовенствомъ. Онъ остановилъ платежъ въ Римъ обѣщанной еще давно дани и сталъ облагать монастыри поборами. Для политическихъ видовъ Иннокентія, Португалія не представляла особой важности, и потому папа ограничивался въ этомъ случаѣ лишь замѣчаніями. Онъ не видѣлъ ущерба для католицизма въ проведеніи системы Санчо, такъ какъ и самъ часто ограничивалъ привилегіи

defunctis». Regestorum Innocentii apud Migne; CCXVI, 880; l. XVI, ep. 77.

[25] **Inn. Regesta, l. XVI. ep. 77, — Migne; CCXVI, 878 — 879.**

духовенства въ денежномъ отношеніи, требуя отъ него прежде всего исполненія его духовныхъ обязанностей ([26]). Для папы гораздо важнѣе было направленіе политики другихъ пиринейскихъ государей. Леонъ, Кастилія, Наварра, Каталонія, Аррагонія, независимые графства и города, княжества мусульманскія вели отдѣльное существованіе на полуостровѣ. Исторія христіанскихъ государствъ Испаніи представляла много общаго съ Югомъ Франціи. Сходство начиналось съ самыхъ языковъ. На исторію Альбигойцевъ Аррагонія особенно оказывала вліяніе. Тогда зарождались аррагонская конституція и «comunidades»; подъ звуки пѣсень «веселой науки» (gaya ciençia), испанцы вдохновлялись то любовью, то боевой жизнью съ безпрерывными походами на невѣрныхъ. Альфонсъ VIII кастильскій (1185—1214 г.) особенно ознаменовалъ себя ревностью въ борьбѣ съ мусульманами.

Онъ былъ одинъ на поляхъ Аларкоса, когда, въ 1195 году, встрѣтился съ воинственнымъ племенемъ, одушевленнымъ фанатизмомъ своего пророка Могади. Альфонсъ былъ разбитъ на голову Юсуфомъ; это была одна изъ блестящихъ побѣдъ мусульманъ. Такъ вредили междоусобія королей пиринейскихъ, задерживая успѣхи и торжество креста. Альфонсъ VIII, немного оправившись, руководимый местью, кинулся на Леонъ и Наварру. Жестоко тѣснимая имъ, Наварра принуждена была искать защиты у арабовъ. Это должно было произвести ужасное впечатлѣніе. Папа Целестинъ III тотчасъ же отлучилъ отъ церкви наваррское королевство. Между тѣмъ Альфонсъ VIII помирился съ леонскимъ королемъ Альфонсомъ IX (1188 — 1230 г.) и, чтобы сдѣлать миръ болѣе прочнымъ, отдалъ свою дочь Беренгарію въ замужество своему недавнему противнику (1197 г.). По старымъ родственнымъ связямъ между двумя королевскими домами дѣйствительно нарушалось каноническое правило брака. Целестинъ не призналъ этотъ бракъ и Иннокентій также не рѣшился санктировать его, какъ не понималъ хорошо политическихъ выгодъ для христіанства отъ этого бра-

([26]) **Ruy de Pina**. Chronica do muito alto e muito esclarecido Principe D. Sancho I, segundo Rey de Portugal. Lisb. 1727, fol.

ка; для него интересы публичной нравственности были выше политическихъ интересовъ. Дѣло Беренгаріи совпадало съ подобнымъ же дѣломъ Ингебурги, жены французскаго короля, изъ-за которой интердиктъ постигъ Францію. При первыхъ же угрозахъ духовными наказаніями, леонскій король уступилъ и Беренгарія вернулась къ отцу.

Иннокентій призналъ впрочемъ ея сына; это былъ будущій король Фердинандъ III, соединившій Леонъ съ Кастиліей и прославившійся своимъ счастьемъ въ войнахъ съ мусульманами, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ Іаковомъ Завоевателемъ, королемъ аррагонскимъ. Вдвоемъ они кладутъ такой воинственный отпечатокъ, полный событій, на жизнь Пиринеевъ въ XIII вѣкѣ. — Предокъ этого Іакова, Раймундъ Беренгарій IV, графъ барселонскій еще въ половинѣ XII вѣка, брачнымъ союзомъ присоединилъ Аррагонію къ поэтической Каталоніи; онъ обручился съ Петронильею, тогда еще малолѣтней племянницей знаменитаго Альфонса Батальядора, отецъ которой Рамиро II отказался отъ престола и пошелъ въ монастырь (1137 г.). Внукъ Раймунда Беренгарія, Педро II (1196—1213 г.) былъ современникомъ Иннокентія III. При немъ процвѣтало рыцарство и крестовое увлеченіе въ Аррагоніи. Увлекся-ли онъ планами міровой теократіи, руководился-ли чувствомъ благодарности за благотворное вліяніе Иннокентія на его раздоръ съ матерью, подчинялся-ли онъ внушенію другихъ побужденій,—только у него явилось желаніе сдѣлаться однимъ изъ орудій папскаго всевластія ([27]).

Онъ первый хотѣлъ показать примѣръ добровольнаго подчиненія Риму. Въ 1204 году онъ пріѣхалъ въ столицу первосвященника. Тамъ онъ торжественно давалъ слѣдующую клятву: «Я Петръ, король Аррагоніи, обѣщаюсь и клянусь торжественно быть всегда вѣрнымъ и послушнымъ моему господину папѣ Иннокентію и его преемникамъ, клянусь употреблять всѣ усилія, дабы сохранить мое королевство въ послушаніи у св. Церкви, обѣщаю защищать католическую вѣру, преслѣдовать злоухищренія ереси, покровительствовать свободнымъ правамъ Церкви и во всѣхъ зем-

([27]) **Ferreras**. Sinopsis historica chronologica de España. 1720.

ляхъ мнѣ подвластныхъ содѣйствовать миру и правосудію» ([28]). Присягнувъ надъ Евангеліемъ, король отправился въ соборъ св. Петра, сопутствуемый папою. Тамъ онъ снялъ съ себя корону и скиперъ, отдалъ все это Иннокентію и получилъ отъ него вмѣстѣ съ мечами. На алтарь онъ самъ положилъ грамоту, которою свидѣтельствовалось его подданничество. Этотъ документъ очень важенъ для характеристики времени. «Вѣруя, такъ начинался онъ, что римскій первосвященникъ есть истинный преемникъ апостола Петра и намѣстникъ того, волею котораго царствуютъ всѣ государи, — я поставилъ свое королевство подъ кровъ верховнаго апостола и обязался для спасенія души моей, а также моихъ предковъ платить тебѣ, верховный господинъ Иннокентій, и твоимъ преемникамъ, ежегодную дань, за которую обѣщаюсь вмѣстѣ и именемъ моихъ преемниковъ. Въ возмездіе за то папа приметъ подъ свой кровъ меня, мои земли и будущихъ королей Аррагоніи» ([29]). У Педро была въ высшей степени увлекающаяся натура. Этого вассала папскаго мы встрѣтимъ послѣ въ рядахъ Альбигойцевъ; теперь же онъ своимъ униженіемъ усиливалъ и безъ того грозное обаяніе Иннокентія III.

Къ началу альбигойскихъ войнъ не одинъ Западъ былъ охваченъ политикой и сѣтями папства. Тогда именемъ Иннокентія латиняне овладѣвали Византійскою имперіей. Жестокости, совершенныя при штурмѣ Царьграда побѣдителями, произошли вопреки самымъ строгимъ наказамъ папы. Инно-

---

([28]) Gesta Innocentii; c. 120.

([29]) «Cum corde credam et ore confitear, quod Romanus pontifex, qui est beati Petri successor, vicarius sit illius per quem reges regnant et principes principantur, qui dominatur in regno hominum et cui voluerit dabit. Ego Petrus, Dei gratia rex Aragonum, comes Barcinonae et dominus Montis Pessulani, cupiens principaliter, post Deum, beati Petri et apostolicae sedis protectione muniri, tibi, revendissime Pater et domine summe pontifex Innocenti, et, per te, sacrosanctae Romanae Ecclesiae offero regnum meum, illudque tibi et successoribus tuis in perpetuum, divini amoris intuitu, et pro remedio animae meae et progenitarum nostrarum». По лучшему «codex Vallicelanus» въ Gesta c. 121 и Regesta l. VII, ep. 229 (Migne; CCXV, 551). У Raynaldi напечатано по другому варіанту (Annales ecclesiastici; I, 199).

кентій даже не подозрѣвалъ такого неожиданнаго исхода предпріятія, предначертаннаго имъ съ совсѣмъ иною цѣлью. Узнавъ о дикихъ злодѣніяхъ французовъ и венеціанцевъ, онъ наказалъ виновныхъ отлучительною буллой. Для него во всемъ этомъ дѣлѣ важна была пропаганда не политическихъ идей Запада, а чисто-католическихъ. Онъ до послѣдней минуты ласкалъ себя надеждою, что новая имперія станетъ великою посредницею примиренія Церквей. Но тутъ его желанія не осуществились; всѣ усилія оказались напрасными. Римское вліяніе успѣло при немъ пріобрѣсть нѣсколько выгодъ только между нѣкоторыми славянскими государствами, и то лишь въ слѣдствіи политическихъ обстоятельствъ. Впрочемъ и такое вліяніе было непродолжительно, хотя восточная Церковь не встрѣчала противника болѣе опаснаго, какъ Иннокентій III. Событія въ Сербіи были благопріятны тому духу безпрерывной пропаганды, который одушевлялъ его. Одинъ изъ великихъ жупановъ династіи Нѣманичей, Вуканъ, изъ личной вражды къ Стефану, измѣнилъ своей вѣрѣ и народу; онъ заключилъ тайный договоръ съ Андреемъ венгерскимъ и просилъ къ себѣ папскихъ легатовъ. Онъ сдѣлался ленникомъ римскимъ; его вездѣ титулуетъ Иннокентій: illuster rex Dalmatiae et Diocleae ([30]); архіепископу діоклейскому былъ посланъ палліумъ. Далмація окончательно закрѣпилась за католичествомъ и сдѣлалась страною полуитальянскою. Отъ политики Иннокентія III, начатой еще Григоріемъ VII, много зависѣла ея историческая судьба, хотя введеніемъ ея въ систему католическихъ государствъ папство само способляло своимъ непримиримымъ врагамъ, — Альбигойцамъ. Какъ увидимъ, секта распространилась на Западѣ черезъ дѣятельное посредство Далмаціи и вообще славянскаго элемента, играющаго въ ней огромную роль, что будетъ объяснено въ этой книгѣ. Однако для вліянія на славянскія православныя государства Далмація не была предназначена. Напрасно дарилъ Иннокентій королевскій титулъ Стефану сербскому и пытался обратить его народъ. Здѣсь было рѣшительное сопротивленіе со стороны той религіи, которая если не имѣла духа наступательнаго, то по крайней мѣрѣ была крѣпка въ своемъ охранительномъ началѣ. Но счастье по возможности

([30]) Reg. Inn. — CCXIV, 280 — 282. etc.

сопутствовало Иннокентію. Въ Болгаріи политическіе разсчеты заставили царя Іоанна изъ Асановъ временно примкнуть къ Риму. Въ 1203 году папа послалъ благословеніе духовенству болгарскому, а царю титулъ короля. Въ ноябрѣ 1204 года совершилась коронація и заключено условіе между Римомъ и Болгаріей. Царь, принимая спорные догматическіе пункты, подчиняясь Иннокентію, не давалъ однако большихъ правъ Риму въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, устраняя тутъ всякое вмѣшательство (31). Ренегатство имѣло немного примѣровъ, и то лишь въ высшемъ сословіи.

Попытки дѣйствовать на русскихъ князей оказались безуспѣшными (32); паденіе Византіи было однимъ изъ предлоговъ. Извѣщая русское духовенство о взятіи Царьграда, Иннокентій отправилъ на Русь кардинала для проповѣданія и убѣжденія князей. Въ буллѣ, написанной вообще очень сдержанно, указавъ на паденіе Византіи, онъ совѣтовалъ русскимъ не сопротивляться и не отпадать отъ единой паствы Христовой (33). Выгоды Иннокентія по отношенію къ Россіи ограничились успѣхами его проповѣдниковъ—крестоносцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ, также охваченномъ его замыслами. Епископъ ливонскій Альбертъ принудилъ къ подданичеству Всеволода двинскаго князя, сдѣлавшагося его намѣстникомъ въ Герсикѣ. Просвѣщеніе язычниковъ прусскихъ и ливонскихъ, неразлучно связанное съ именемъ и эпохою Иннокентія III,—еще раньше Альбигойцевъ показало, какъ опасно свѣтское орудіе употреблять для достиженія духовныхъ цѣлей. Истребительною системою католицизмъ опозорилъ себя также въ крестовыхъ походахъ на Югѣ, какъ въ вѣковой крестовой войнѣ на Сѣверѣ. Но и тутъ, и тамъ не должно приписывать Иннокентію тотъ терроръ, противъ

(31) Между Болгаріей и Римомъ при Иннокентіи III были частыя сношенія. Подробности въ Gesta, c. 65. 70 — 77, 80. См. также переписку: Regestorum Innocentii l. VI, ep. 140 — 144; l. VII, ep. 1 — 14, 126, 137, 230, 231.

(32) Извѣстно, что Романъ Мстиславичъ Галицкій отвѣчалъ послу Иннокентія указаніемъ на собственный мечъ.

(33) Помѣчена въ Витербо 7 октября 1207 года,—Migne—CCXV, 1232 — 34; l. X, ep. 138.

котораго онъ вооружался лучшими усиліями своего духа и всею своею высокою властью. Вышедшая изъ нравовъ духовенства, сложившихся раньше, она принесла огромный вредъ католицизму, возмутительно высказавъ ею свое свѣтское честолюбіе. Пріобрѣтенія самого Иннокентія истекали изъ его политическаго искусства и авторитета его имени. Такъ, Арменія, напримѣръ, подчинилась ему безъ всякой пропаганды. Ея князь Левъ получилъ за то титулъ короля, а католикосъ армянскій, писавшій также отъ себя, священныя одежды отъ папы (34).

Широко осуществлялись въ эти моменты замыслы Гильдебранда. Теократія далеко раскинула свои границы. Единая воля руководила многообразными странами единой вѣры. Небольшой человѣкъ, съ гордымъ взоромъ, древній римлянинъ лицомъ и характеромъ, управлялъ этимъ величавымъ государствомъ (35). Онъ могъ гордиться тѣмъ, что въ милліонахъ своихъ подданныхъ считалъ имена государей. Англія, Аррагонія, Болгарія, Арменія только увеличили этотъ длинный списокъ римскихъ ленниковъ, который папы хранятъ въ библіотекѣ Ватика-

(34) Reg. Inn. l. II, ep. 259.

(35) Fuit vir perspicacis ingenii et tenacis memoriae, in divinis et humanis litteris eruditus, sermone tam vulgari quam litterali disertus, exercitatus in cantilena et psalmodia, statura mediocris et decorus aspectu, medius inter prodigalitatem et avaritiam, sed in eleemosynis et victualibus magis largus et in aliis magis parcus, nisi cum necessitatis articulus exigebat; severus contra rebelles et contumaces, sed benignus erga humiles et devotos, fortis et stabilis, magnanimus et astutus; fidei defensor, et haeresis expugnator; in justitia rigidus, sed in misericordia pius; humilis in prosperis, et patiens in adversis; naturae tamen aliquantulum indignantis, sed facile ignoscentis». Gesta Innocentii III; c. 1.—Рѣдкая личность и общественная дѣятельность вызываютъ столь единодушное сочувствіе историковъ и изслѣдователей. Всѣ политическіе и религіозные оттѣнки въ убѣжденіяхъ сглаживаются при оцѣнкѣ историческихъ заслугъ и частнаго характера даровитѣйшаго изъ папъ. Болѣе взыскательны, если не считать Вольтера и Дрепэра, сколько намъ извѣстно, приговоры Неандера и Шеррье. Doch da er für jenes System der geistlichen Weltmonarchie, in welchem Weltliches und Geistliches schon so sehr mit einander vermischt worden,

на ([36]). Въ немъ ряды королей, а тамъ князья, графы, епископы, города, бароны. Поразительная дѣятельность требовалась для сооруженія и исполненія такой системы. И ею вполнѣ обладалъ Иннокентій. Три раза въ недѣлю собирался совѣтъ кардиналовъ подъ его предсѣдательствомъ, въ его кабинетѣ. Онъ самъ вникалъ въ каждое дѣло до всѣхъ мелочей, было ли оно политическое или частное. Нельзя не удивляться массѣ оставленныхъ имъ писемъ, декретовъ, буллъ, хотя бы не всѣ они составлялись собственно имъ самимъ,—а онъ между тѣмъ имѣлъ еще время и охоту, лично, съ судейскаго кресла разбирать дѣла римскихъ граждапъ и своихъ непосредственныхъ подданныхъ. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ; словесный судья мелкихъ тяжбъ, онъ обсуживалъ въ то же время до всѣхъ подробностей огромныя государственныя соображенія. «На совѣщаніяхъ кардинальской коллегіи, говоритъ про него Раумеръ, онъ изучалъ и разбиралъ всякое показаніе съ такою честностью и проницательностью, обнаруживалъ такое безпристрастіе и благородство, что и теперь дошедшія до насъ его письма, какъ по формѣ такъ и по содержанію, могутъ служить образцомъ юридическихъ разборовъ и рѣшеній» ([37]). Иннокентій гармонично совмѣщалъ въ себѣ величавость стремленій и хладнокровіе исполненія ([38]). Оттого и универсальность пап-

als ein auf göttlichem Rechte gegründetes, eiferte; da er dies System gegen die von einem gutem, wie die von einem schlechten Geiste ausgehenden Reactionen vertheidigen musste: so wurde er durch die schlechte Sache zum Gebrauch schlechter Mittel fortgerissen» (**Neander**. Gesch. der christlichen Religion und Kirche; 1841; V, I, 334).—«Cet assemblage de bien et de mal, de grandes qualités et d'actes répréhensibles doit, dans le jugement à porter sur ce pontife, en faire écarter les louanges excessives et le blâme absolu» (**Cherrier**. Histoire de la lutte des papes et des empereurs de la maison de Souabe; 2 ed. I, 481).

([36]) См. **Gregorovius**. Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter; 1865; V, 102.

([37]) **Raumer**. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit; 1 Ausg. III, 247.

([38]) **Gregorovius**. Rom im Mittelalter; V, 99—100. Innocenz III. der wahrhafte Augustus des Papstums... ein ernster und gediegener, schwermütiger Geist, ein vollendeter Herrscher..., ein Hoherpriester voll wahrhafter Glaubensglut...; **kühnster Idealist auf dem Papsttron**, und doch ein ganz praktischer Monarch, **ein kalter Jurist**.

скаго имени въ ту эпоху, оттого и крѣпость церковнаго авторитета, непобѣжденная массой Альбигойцевъ ([39]).

Еще болѣе мы убѣдимся въ блестящемъ состояніи внѣшней папской политики и еще скорѣе поймемъ упоеніе Иннокентія побѣдами и счастьемъ, его вѣру въ неизмѣнность торжества, когда обратимся къ другимъ государямъ европейскимъ. Филиппъ II французскій, одно прозваніе котораго обозначаетъ могущество и счастье ([40]), не избѣгнулъ нравственнаго подчиненія Риму; онъ терпѣлъ униженія отъ Иннокентія III. Дѣло съ Ингебургой по своему смыслу должно занять потому одну изъ лучшихъ страницъ въ далеко не всегда свѣтлой исторіи папства. Оно служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнѣйшимъ событіемъ того времени.—«Кудесничествомъ ли волшебниковъ, навѣтами ли дьявола, говорятъ хроникеры, только король безъ ужаса, съ нѣкотораго времени, не могъ видѣть своей жены, которую такъ любилъ невѣстой» ([41]). Эта непонятная ненависть завладѣла сердцемъ Филиппа на другой же день брака; въ самый моментъ коронованія зародилось въ немъ чувство отвращенія къ молодой женѣ. Когда на предложеніе развода со стороны ко-

([39]) Даже внутреннія стороны католической Церкви связаны съ именемъ Иннокентія III. Всѣ традиціи ея доходятъ такимъ образомъ до него. Онъ создалъ іерархію духовенства, многіе обряды богослуженія; онъ, наконецъ, завершилъ ея догматику и объяснилъ ее. *Въ 217 томѣ Патрологіи* послѣдней редакціи собраны его сочиненія,—всѣ богословскаго характера. Тутъ же и его проповѣди: 29 de tempore, 31 de sanctis, 12 communes, 7 de diversis.

([40]) **Guizot**. Collection des mémoires; t. XI, notice sur Rigord, p. X. Ригоръ первый далъ Филиппу II прозваніе Augustus отъ глагола augere, — увеличивать владѣнія. Могло это слово также служить напоминаніемъ счастья Октавіана. Для Вильгельма Бретанскаго онъ Magnanimus «Великодушный».

([41]) **Rigordus**. Philippi — Augusti vita; 112 (Collection de Guizot. 1825). **Guilelmus Brito**. Historia; 210 (ibidem).

роля, Ингебурга отвѣчала отказомъ, Филиппъ заключилъ ее въ строгій монастырь, гдѣ ей, по его распоряженію, отказывали даже во всемъ необходимомъ ([42]). Ея братъ, датскій король Канутъ IV жаловался въ Римъ. На представленія Целестина III, Филиппъ отвѣчалъ женитьбой на красивой Агнесѣ де Меранъ, дочери одного тирольскаго князя. Целестинъ уничтожилъ постановленіе о разводѣ королевскомъ; ни на что большее онъ не рѣшался. Не таковъ былъ Иннокентій III. Какъ въ претурѣ императоровъ римскихъ, судились и разбирались въ его кабинетѣ дѣла и поступки всѣхъ государей Европы; тутъ уступки, снисхожденія быть не могло. Иннокентій твердо и строго потребовалъ, чтобы король возвратился къ своему долгу и удалилъ отъ себя наложницу. Въ декабрѣ 1198 года прибылъ въ Парижъ кардиналъ Петръ Капуанскій; онъ готовъ былъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ; ему предоставлено было полномочіе. Онъ вступилъ въ переговоры съ королемъ; легатъ папы просилъ, убѣждалъ, наконецъ грозилъ; Филиппъ не соглашался ни на что. Иннокентій защищалъ въ этомъ дѣлѣ интересы нравственности, которые тѣмъ скорѣе были обязательны для тогдашняго человѣчества. «Если позволить королю французскому, говорилъ онъ, развестись съ женой, то и прочіе государи, наконецъ самые граждане послѣдуютъ такому примѣру, таинство, освящаемое Церковью, сдѣлается простымъ наложничествомъ; зло надо остановить въ самомъ началѣ». Въ рѣшительныхъ выраженіяхъ онъ писалъ Филиппу: «Внушаемые Богомъ, мы непреклонны духомъ и неизмѣнны въ намѣреніяхъ. Ни мольбы, ни могущество, ни любовь, ни ненависть не заставятъ насъ уклониться съ прямаго пути (a semita rectitudinis); идя по царственной стезѣ, мы не свернемъ ни на право, ни на лѣво, безъ страстей, безъ лицепріятія. Какъ бы ты высоко ни ставилъ свой санъ и могущество, все же ты не можешь противостоять передъ лицомъ не говорю нашимъ, а Божіимъ, котораго мы, хотя и недостойные, считаемся на землѣ представителями. Наше дѣло есть дѣло правды и истины» ([43]). Это было писано въ первые мѣсяцы его папствованія. Ровно годъ прошелъ въ переговорахъ. Когда всѣ убѣжденія были напрасны, легату было разрѣшено изъ Рима приступить къ дѣйствительному исполненію угрозы. Въ январѣ 1200 года французское духовенство собралось на соборъ въ Вьенну. Колокола звонили погребально; иконы покрывались трауромъ; мощи убраны подъ спудъ; у епископовъ и священниковъ были въ рукахъ факелы. Легатъ въ черныхъ ризахъ объявилъ, что именемъ Іисуса Христа вся Франція предана отлученію отъ Церкви за грѣхи своего короля. Это было для Франціи первое приведеніе въ исполненіе высшаго церковнаго наказанія. Шли первые дни тринадцатаго столѣтія. Съ терроризмомъ вступало папство въ этотъ вѣкъ, въ періодъ своей высшей силы. Подобный интердиктъ, примѣненный къ дѣлу, замѣнялъ для папы блистательное генеральное сраженіе; въ Римѣ убѣдились, что это средство, какъ ни мало было въ немъ христіанскаго, совершенно достигало своей цѣли. Интердиктъ долженъ былъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока король не прервётъ беззаконныхъ связей съ Агнесой. Какъ только рѣшительное слово было произнесено,—разсказываетъ очевидецъ,—стонъ печали, рыданія стариковъ и женщинъ, даже плачъ дѣтей,—раздирающіе звуки раздались подъ сводами портиковъ вьеннскаго каѳедрала; «казалось, насталъ день послѣдняго суда». Общій ужасъ овладѣлъ всѣми. Вспомнимъ, что тогда все жило религіей съ ея обрядами, и цѣлымъ массамъ было въ нихъ отказано. На народъ это произвело тѣмъ болѣе ужасное впечатлѣніе, что Франція первый разъ подвергалась такому отлученію. Какъ ни препятствовалъ Филиппъ исполненію интердикта, какъ ни грозилъ конфискаціею и смертью тѣмъ духовнымъ, которые будутъ вводить его, все это не принесло успѣха и, наконецъ, онъ долженъ былъ уступить папѣ и духу своего времени. Осьмимѣсячный интердиктъ былъ снятъ и вся страна вздохнула свободно (сентябрь 1202 г.); зазвонили колокола, открылись храмы ([44]). Исполняя волю Иннокентія, король съ горечью произнесъ: «какъ счастливъ Саладинъ, что у него нѣтъ папы». Агнеса была удалена, но Ингебурга, конечно, не могла замѣнить

([42]) **Géraud. Ingeburge de Danemark, — въ первомъ томѣ «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes». 1844.**

([43]) **Innocentii Regestarum l. I, ep. 171, — Migne; CCXIV, 150.**

([44]) **L'art de vérifier les dates ошибочно считаетъ 7 мѣсяцевъ интердикта; p. 547; изд. 1770 года.**

ее въ сердцѣ короля. Онъ по прежнему ненавидѣлъ ее и вторично посадилъ ее въ заключеніе, когда умерла родами Агнеса. Пораженный смертью любимой женщины, Филиппъ послѣдовательно вымещалъ свои несчастія на женѣ. Иннокентій опять вступился за ея права. Его переписка съ ней дышетъ теплотою чисто родительскаго чувства. Только политическія обстоятельства, необходимость поддержки папской, уже спустя десять лѣтъ, заставили Филиппа примириться съ женою. Но счастья ей не суждено было испытать; призракъ Агнесы всегда былъ между ней и королемъ. Если онъ рѣшился забыть его на время, то лишь подъ вліяніемъ честолюбивыхъ плановъ, которые создавали въ немъ пріятную надежду обладанія англійскимъ королевствомъ.

Это событіе было современно разгару альбигойской войны, и о томъ, каково было отношеніе его къ ходу послѣдней, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же должно указать на то состояніе, въ которомъ находилась Франція передъ началомъ походовъ, которые играютъ такую важную роль въ ея исторіи. Тогда наступала пора могущества королевской власти; шло дѣло изъ-за собиранія франко-галльской земли. Филиппъ - Августъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для совершенія такого назначенія. По своему личному характеру, онъ способенъ былъ и на явное насиліе и беззастѣнчивый произволъ, какъ человѣкъ твердой системы. Онъ прекрасно усвоилъ себѣ ту политику, которую лишь смутно понимали два его предшественника. Онъ первый изъ средневѣковыхъ государей имѣлъ въ виду чисто государственныя цѣли новой исторіи. Особнякомъ стоялъ онъ въ своихъ прогрессивныхъ стремленіяхъ и потому вызывалъ борьбу съ собою. Ярко освѣщается этотъ историческій обликъ, когда сравнить съ нимъ другаго знаменитаго современника, Ричарда Львиное-сердце. Типъ своей эпохи, царственный искатель приключеній, Ричардъ былъ именно королемъ феодализма. Вся его слава въ рыцарской чести и въ личныхъ подвигахъ; тутъ онъ дѣйствуетъ съ пыломъ средневѣковаго юноши, который грезитъ войнами, турнирами. Филиппъ передъ нимъ мужъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова; въ немъ отвага смѣняется системой, храбрость—политическимъ искусствомъ; увлеченіе—разсчетомъ. Съ своимъ яснымъ планомъ, твердой волею, гибкостью характера, съ замѣчательной настойчивостью и терпѣливостью,—онъ человѣкъ будто иной эпохи.

У него были именно тѣ качества, которыя обѣщаютъ торжество въ борьбѣ, хотя и не быстрое, хотя и не ослѣпительное. И дѣйствительно, въ аквитанской войнѣ Филиппъ утомилъ Ричарда.—Тѣмъ скорѣе онъ могъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ съ его братомъ и преемникомъ Іоанномъ. У Іоанна не было ни чувства условной чести, ни тѣмъ менѣе геройской отваги Ричарда. Безъ всякой системы и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, онъ страдалъ отъ Филиппа II также, какъ отъ Иннокентія III. Августъ французскій, благодаря своему англійскому сопернику, достигъ своихъ цѣлей, на сколько могъ.

Онъ сдѣлалъ бы по всему вѣроятію и больше, если бы въ знаменитомъ папѣ не встрѣтилъ блюстителя политическаго равновѣсія. Филиппъ получилъ государство съ границами, оставленными Людовикомъ Толстымъ.

Еще тогда, въ половинѣ XII вѣка, складывалось убѣжденіе въ преимуществахъ королевской власти передъ феодальной. «Извѣстно, что у королей долгія руки», говоритъ аббатъ Сугерій ([45]). Вмѣсто исключительной свободы рыцарей и отчасти горожанъ, тамъ, гдѣ послѣдніе успѣли добыть ее, она приносила нѣсколько надеждъ на нѣкоторое обезпеченіе низшаго сословія въ ту эпоху безначалія, когда, по пословицѣ, каждая колокольня имѣла особый законъ. Феодализму не доставало единства и верховной власти. Совсѣмъ отдаться королямъ общество того времени не могло; признаніе новой власти невозможно было безъ борьбы, которая продолжалась столѣтія и долго не давала рѣшительныхъ результатовъ. Филиппъ успѣлъ по крайней мѣрѣ намѣтить центръ будущихъ политическихъ тяготѣній, составить вокругъ себя рядъ одинаковыхъ интересовъ и подчинить ихъ себѣ. Добывъ такой протекторатъ, Филиппъ сдѣлалъ видимый успѣхъ въ дѣлѣ единенія Франціи ([46]). Свои собственные домены король увеличивалъ покупкою во время крестоваго похода, а также умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, происками, наконецъ трактатами; города за

([45]) Scitur enim regibus longas esse manus. **Sugerius.** Vita Lud. Grossi. c. 42.—**Грановскій.** Сочиненія, 2 изд. I, 278.

([46]) **Guizot.** Histoire de la civilisation en France; leçon XIII, cours de 1830.

деньги просили его утверждать договоры съ своими владѣльцами или покупали у него привилегіи и вольности. Такимъ образомъ Филиппъ II, получивъ отъ отца 35 превотствъ, уже въ 1217 году имѣлъ 67; они давали ему 43 тысячи ливровъ годоваго дохода (47). Эти средства, потомъ обаяніе побѣдъ надъ самымъ сильнымъ изъ вассаловъ, наконецъ рядъ законодательныхъ и распорядительныхъ мѣръ возбуждали національный духъ. Мы видѣли сейчасъ, какъ король пытался на сопротивленіе Риму, создавая въ думахъ своихъ идеалъ вполнѣ независимаго государства. «Мы не должны и не станемъ оказывать кому либо нашего hommagium» — говоритъ хартія Амьеньская по поводу церковныхъ дѣлъ (48).

Тѣмъ не менѣе Иннокентій настоялъ на своихъ требованіяхъ. Филиппъ достигаетъ государственныхъ цѣлей и другими путями Онъ дѣлается первымъ законодателемъ Франціи. При первыхъ Капетингахъ не видно законодательныхъ актовъ; никто не пытался ввести порядокъ въ колебавшійся организмъ, создать что-либо прочное среди всякихъ неправильностей. Между ордонансами королей французскихъ, 52 указа принадлежатъ ему; большая часть ихъ относится къ вопросамъ государственнаго управленія. Его завѣщаніе передъ отправленіемъ въ крестовый походъ приноситъ честь его государственному уму. Подъ вліяніемъ священныхъ усилій эпохи, онъ высказалъ прекрасную мысль о забвеніи личныхъ интересовъ ради общаго блага. Правителямъ провинцій, бальи, поручалось избрать для каждаго превотства четырехъ человѣкъ изъ гражданъ хорошей извѣстности; безъ участія двухъ такихъ депутатовъ бальи не могъ разбирать дѣла; въ Парижѣ должно быть шесть выборныхъ. Разъ въ мѣсяцъ, бальи приглашалъ къ себѣ тяжущихся. Если очищалось епископское или настоятельское мѣсто, то каноники церковные и монахи сами избирали, въ присутствіи регентши и архіепископа, «такого пастыря, который нравится Богу и хорошо служитъ государству»; по посвященіи, ему вручаются регаліи. Если же вакантная церковная бенефиція

(47) **Brussel.** Nouvel examen de l'usage général des fiefs en France pendant les XI—XIV siècles. 1750, 2 v. in 4°; I, 421—465.—Объ этомъ соч. см. у **Guizot.** Civil. en France. III, 165.

(48) **Aug. Thierry.** Monuments inédits de l'histoire du tiers-état; 1850; I, 102. Документъ 1185 года.

принадлежитъ коронѣ, то замѣщается регентшею лучшимъ духовнымъ, съ совѣта и благословленія брата Бернара. Королевскіе доходы сбираются въ три срока ежегодно къ праздникамъ св. Ремигія, Срѣтенія и Вознесенія. Сборъ же налоговъ, на время отстутствія короля, былъ воспрещенъ, кромѣ случаевъ чрезвычайной важности. Запрещено было также наказывать тѣхъ обвиненныхъ, которые изъявятъ желаніе аппелировать къ суду самого короля (49). Филиппъ велъ дѣло государственнаго управленія, какъ разсудительный и искусный хозяинъ. Его мѣры вызвали благодарность народа, который подъ рукою короля чувствовалъ себя менѣе сдавленнымъ, нежели въ тискахъ феодализма. Его подвиги дали содержаніе цѣлой эпопеѣ — «Филиппидѣ» Вильгельма Бретонскаго. Въ ней можно видѣть, какъ стало крѣпнуть національное чувство французовъ съ самаго начала XIII столѣтія и какую важную роль игралъ въ этомъ явленіи самъ король. Онъ искусно пользовался значеніемъ и симпатіями городовъ; тѣ, которые отдавались подъ его покровительство, утверждались въ своихъ правахъ, если не по искреннему убѣжденію, то изъ необходимости. Короли вообще не могли сочувствовать пестрой общинной жизни. Средневѣковая коммуна (communia), взрощенная больше трудомъ и горемъ, стоившая часто такъ дорого своимъ гражданамъ, не могла не сознавать себѣ цѣны; она естественно носила тотъ духъ строптивости, безпокойства, который не могъ нравиться королямъ съ ихъ ровной системой. У рыцарей и вассаловъ она была въ презрѣніи, какъ возникшая изъ торговой корысти; она хитростью, а не мечемъ добывала себѣ успѣхи и даже право на жизнь. Цѣлью каждаго средневѣковаго города было выработать у себя коммунальное устройство, но ростъ королевской власти во Франціи заставлялъ большую часть изъ нихъ останавливаться на половинѣ пути и довольствоваться лишь льготами и нѣкоторыми исключеніями изъ образа управленія короля или феодала (franchises). Потому слѣдуетъ отличать степени внутренняго самоуправленія въ городахъ Франціи: affranchissement, franchise, commune (50).

(49) **Guizot.** Civilisation en France, 1830; V, 23—26.

(50) **Dom Grappin.** Essai sur l'origine de la main morte; Besançon, 1780; p. 65. Вотъ какъ опредѣляетъ авторъ, между

Авторъ исторіи города Лаона, жившій въ началѣ XII вѣка, аббатъ Гвибертъ отзывается про общину тономъ ненависти и презрѣнія. Онъ удивляется потворству бароновъ относительно простаго народа: горожане, замѣчаетъ онъ, избавлены отъ сбора налоговъ, кромѣ положеннаго однажды въ годъ, и отъ всякихъ повинностей, которымъ обыкновенно подлежатъ рабы ([51]).

Но въ общинѣ были не однѣ льготы, пожалованныя бывшимъ владѣльцемъ; община имѣетъ значеніе столько же политическое, сколько моральное; ее надо представлять, какъ цѣлостное государственное явленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ живой примѣръ, возбуждающій къ свободѣ и самоуправленію ([52]). Ее создавала не милость владѣльца, а право добытое кровью и оружіемъ, большими матеріальными пожертвованіями или во имя давности. Хотя въ городахъ сѣверной Франціи господствовалъ демократическій духъ ([53]), тѣмъ не менѣе община въ строгомъ смыслѣ существовала только на Югѣ. Тамъ благопріятныя условія коренились въ римскомъ прошломъ, тамъ общинное устройство сжилось съ исторіею страны и сдѣлалось неотъемлемымъ ея достояніемъ до того,

---

прочимъ, общину: «Les communes donnaient des droits de justice et de guerre... Le droit de commune ajoutait donc quelque chose à l'affranchissement et aux franchises.... la ville dont il était bourgeois, outre ses coutumes particulières, outre ses franchises, outre sa jurisdiction propre, jouissait de l'avantage d'avoir les citoyens unis en corps par une confédération expresse et authentique».

([51]) Guibertus de Novigento. De vita sua apud Bouquet. Scriptores rerum Gallicarum et Francicarum. 1781; XII, 250.

([52]) Литература коммунальной исторіи дала замѣчательныя явленія лишь въ нашемъ вѣкѣ: Raynouard, Histoire du droit municipal en France; 1828, 2 v.—Leber, Histoire critique du pouvoir municipal, 1829.—Brewer, Geschichte der französischen Gerichtsverfassung.—Warnkoenig, Französiche Staats-und Rechtsgeschichte, 1846, 3 v.—Aug. Thierry, Lettres sur l'histoire de France и особенно его Considérations sur l'histoire de France въ предисловіи къ Récits des temps mérovingiens.—Fr. Morin, Origines de la démocratie (la France au moyen âge); 1865,—противъ выводовъ Гизо и Тьерри.

([53]) Guizot. Civil. en France; V, 205; срв. V, 204, 211.

что слилось съ понятіемъ о судьбахъ Лангедока, Гіенни и Прованса.

Не то было въ собственной Франціи. Въ ней возникло два рода городскихъ учрежденій; въ сѣверныхъ ея провинціяхъ самоуправленіе сложилось ходомъ внутреннихъ событій, въ среднихъ оно было даровано владѣтелями и утверждаемо иногда королями ([54]). Однако эта частная городская жизнь съ мерами засѣдателями (échévins) сильно отразилась на государственной исторіи Франціи. Учрежденія средневѣковыхъ городовъ повлекли за собою извѣстнымъ образомъ юридическій складъ общественной жизни. Впродолженіе XIII столѣтія шла борьба городскаго права съ феодальнымъ, новыхъ понятій съ привычками стараго времени. Сперва новизна наступаетъ боязливо, потомъ смѣлость защитниковъ ея увеличивается и они сокрушаютъ феодальное безправіе вмѣстѣ съ феодальными замками подъ эгидою вернувшагося изъ давнихъ вѣковъ римскаго права ([55]). Въ переворотахъ этой борьбы развивается и крѣпнетъ сила третьяго сословія, а обычаи его изъ городскаго круга переносятся въ государственную практику. Коммунальное право вноситъ понятія болѣе разумныя, болѣе справедливыя. Особенно важно его вліяніе на законодательство о семьѣ, состояніяхъ и наслѣдствѣ. Оно устанавливаетъ имущественное равенство между всѣми дѣтьми, равенство братьевъ и сестеръ въ гражданскихъ правахъ, общность имущества, пріобрѣтеннаго во время супружества ([56]). При всемъ сходствѣ цѣлей, ка-

---

([54]) Таково дѣленіе Гизо и Тьерри. Къ средней полосѣ епископскихъ городовъ съ характеромъ самостоятельной магистратуры, но безъ политическаго значенія, принадлежали: Орлеанэ, Гатинэ, Мэнь, Анжу, Турэнь, Берри, Ниверне, Бурбоннэ и Бургундія (villes de simple bourgeoisie). Остальныя причисляются или къ югу (villes de consulat) или къ сѣверу (villes de commune). Augustin Thierry. Monuments, préfaces; I, 26; II, 3—70.—Guizot. Civ. en France; V, 150—186.—Warnkoenig. Franz. Rechtsgesch. I, 260—318.

([55]) Thierry. Mon. de tiers-état, préface; I, 31.

([56]) Laboulaye. Histoire de la proprieté au moyen âge.—Mignet. Essai sur l'histoire de droit français.—Giraud. Essai sur l'histoire du droit français au moyen âge. 1846; II, 128 etc. coutu-

кія были у королей и общинъ, монархическая власть не совсѣмъ дружелюбно была расположена къ коммунамъ. Богатство фландрскихъ городовъ и блистательная жизнь лангедокскихъ возбуждала жадность королей. Въ основаніи общины лежалъ принципъ, неблагопріятный монархическому; она вышла изъ предпріимчивости и отваги ея обитателей; она привыкла прекрасно владѣть оружіемъ; она билась до крайности и погибала за свободу и самостоятельность ([57]). Звукъ вѣчеваго колокола, видъ муниципальнаго ополченія, выборы городскихъ властей имѣли магическое вліяніе на жителей, съ которымъ они свыкались съ первыхъ воспоминаній дѣтства. Филиппъ Августъ испытывалъ неудачи въ борьбѣ съ ними; близость къ сѣверу давала энергію защитникамъ общиннаго начала: торговцы Фландріи били желѣзныхъ рыцарей. Короли XIII столѣтія посвятили себя на уничтоженіе опаснаго республиканскаго начала съ одной стороны во Фландріи и сосѣдственныхъ сѣверныхъ провинціяхъ, съ другой въ Лангедокѣ ([58]). Альбигойцы подали поводъ къ осуществленію послѣдней цѣли, и крестовые противъ нихъ походы служатъ потому выраженіемъ политическихъ унитарныхъ стремленій королей французскихъ. Но государству пришлось остановиться на компромиссѣ; короли поняли, что община, лишенная полной самостоятельности, можетъ послужить для нихъ помощницей въ другой борьбѣ, которую они одновременно предприняли противъ врага болѣе закоренѣлаго—феодализма. Въ своихъ владѣніяхъ они давали вольности городамъ, но не допускали введенія коммунальнаго устройства. Такіе города, какъ Парижъ, Орлеанъ, Буржъ, Этампъ, Моррисъ никогда не были общинами. Маншъ составлялъ исключеніе, оправдываемое близостью Нормандіи. Дальнѣйшее расширеніе французской территоріи должно было слѣдовательно идти въ разрѣзъ съ интересами

mes.—Schäffner. Geschichte der Rechtsverfassung Franckreichs. 3 v. 1843.—Laferrière. Essai sur l'histoire du droit français. 2 v. 1859.—Laboulaye. Recherches sur la condition civile et politique des femmes, depuis les Romains jusqu'à nous.

([57]) «Les communes du moyen âge sont sorties d'un sillon et d'une boutique». Guizot; V, 193.

([58]) Morin. Origines de la démocratie; 222.

республиканской городской жизни, давшей столько красоты среднимъ вѣкамъ. Между тѣмъ Филиппъ II былъ счастливъ въ завоеваніяхъ. Впродолженіе 1199 — 1205 г. онъ отвоевалъ отъ Іоанна англійскаго его французскіе феоды: Нормандію, Анжу, Мэнь, Пуату и Турэнь. Явился даже предлогъ, который санктировалъ за нимъ эти владѣнія. Въ 1203 году Іоаннъ убилъ своего племянника Артура, владѣтеля Бретани. Филиппъ потребовалъ Іоанна, какъ одного изъ вассаловъ, къ суду перовъ и до окончанія процесса объявилъ Нормандію за собою. Іоаннъ отправилъ для объясненій посольство, которое просило ручательства въ томъ, что королю англійскому дозволено будетъ безпрепятственное возвращеніе изъ Франціи.—«Всѣми святыми французскими клянусь, воскликнулъ король, что это можетъ быть только съ рѣшенія суда» ([59]). Іоаннъ не рѣшался ѣхать, а судъ бароновъ заочно приговорилъ его къ лишенію ленныхъ владѣній. Такимъ образомъ Филиппъ II вернулъ большую часть земель, считавшихся нѣкоторое время, вслѣдствіе брака его отца, въ числѣ леновъ французскаго королевства. Его замыслы простирались теперь на другую часть приданаго королевы Элеоноры, а за тѣмъ и на весь остальной югъ Франціи; его соблазняли экономическія богатства и роскошная жизнь пышныхъ князей, рыцарей, торговцевъ Аквитаніи. Альбигойская война послужила средствомъ къ осуществленію такихъ замысловъ.

Эта война самая рѣшительная въ исторіи Юга Франціи. Она залила кровью страну и вмѣстѣ принесла съ собою полное измѣненіе ея политическаго, общественнаго, духовнаго и экономическаго состоянія. Чтобы постичь результаты и характеръ альбигойской войны, надо знать, въ какомъ положеніи находилась южная Франція до нея и особенно Лангедокъ, а для этого надо знать элементы ея историческаго существованія; намъ, потому, слѣдуетъ кинуть взглядъ на судьбы страны, которую лучше всего опредѣлить какъ отчизну языка романскаго, мелодичнаго нарѣчія *d'oc*.

Тамъ, гдѣ только говорили этимъ языкомъ, всегда сохранялась своя цивилизація и собственная культура. Этотъ

([59]) Matthaeus Paris. Historia major Angliae; a. 1205.

роскошный по почвѣ и климату уголокъ Европы умѣщается между Франціей, Италіей, Испаніей. Два великихъ моря, бороздя его берега удобными гаванями, призываютъ обитателей къ промышленной и торговой жизни. Сама природа опредѣлила ему это назначеніе, сдѣлавъ его посредникомъ между южными краями Европы и ея сѣверо-западными государствами; она же указала подвижность, предпріимчивость, поэтичность, страстность и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысліе тому народу, который займетъ эту страну. Римляне считали здѣсь двѣ большія провинціи: то были Галлія Аквитанская, позднѣе Гіеннь, и Галлія Нарбонская, въ послѣдствіи Лангедокъ съ Провансомъ. Какъ государственное тѣло, оно естественно не могло быть крѣпкимъ и прочнымъ; мелкія владѣнія, а еще лучше независимо и самостоятельно управляемые города, — это болѣе согласовалось бы съ мѣстными географическими и общественными условіями. Даже нельзя обозначить съ точностью тотъ народъ, который постепенно здѣсь сложился. Языкъ былъ одинъ, но онъ не только не способствовалъ матеріальному объединенію племени, но даже не обозначилъ имени страны, въ которой онъ былъ въ употребленіи. Наименованія Аквитаніи, въ ея широкомъ смыслѣ, и послѣ Римлянъ были неустойчивыя и неопредѣленныя: Готія, Романія, Провансъ, Лангедокъ, Аквитанія, — тогда какъ каждое изъ нихъ относилось съ большею справедливостію къ отдѣльнымъ частямъ ея. Самый языкъ назывался то провансальскимъ ([60]), то лемузинскимъ ([61]), но чаще и раньше собственно-романскимъ, какъ и положилъ называть его извѣстный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ Ренуаръ. Этотъ языкъ призванъ былъ играть большую роль въ духовной исторіи средневѣковой Европы ([62]). Границею его распространенія на сѣверѣ была линія, проведенная черезъ Сентъ-онжъ, Перигоръ, Лемузенъ, Овернь, Ліоннэ и Дофинэ ([63]); на югѣ онъ проникалъ въ глубь Испаніи, захватывая Каталонію ([64]); этимъ же языкомъ говорили въ предѣлахъ Савойи и даже Женевы, Лозанны и южнаго Валлиса ([65]). Образованность будто всегда была сроднившеюся съ южной почвой. Когда Парижъ былъ еще жалкой бургадой, — Тулуза, Нарбонна, Арль, Бордо считались населенными и цвѣтущими городами, украшенными всѣмъ блескомъ римской цивилизаціи и утончен-

([60]) Напр. въ стихотворной жизни св. Гонората: Car non los ay escritz—Enu lo dreg *proenzal*,—Non m'o tengan a mal,—Car ma lenga non es—Del drech *proensales*... Помѣщено у Raynouard. Lexique Roman. 1838; I, 573. См. пять свидѣтельствъ въ пользу *«провансальскаго»* языка и народа у Du-Mège. Additions et notes du livre X de l'histoire de Languedoc (въ ея изданіи 1840 г. доп. II, 64),—Казановы, Вадіана, Раймонда Ажильскаго, монаха Роберта (Aquitanicum quendam quem nos Provincialem vocamus) и Сколано, валенсійскаго историка (se hablava en la Provenca, y toda Guiayana y la Francia Gothica).

([61]) *Lemosi bon llemosi*. Особенно это названіе усвоено итальянскою, испанскою и португальскою критикою. Трубадурамъ приписывалось преимущественно лемузинское происхожденіе. Маркизъ Сантильяна, писатель XV вѣка, повторяетъ выраженіе Нунеса де Ліаньо, португальскаго историка, о подражаніи поэтамъ «Оверни и Лемузина» (Baret. Espagne et Provence, études sur la litterature du midi de l'Europe. 1857; p. 54. — Авторитетомъ послужила также романская грамматика Раймонда Видаля, въ которой говорится: enayssi parlo cil que han bona et adreyta parladura e bon lengatge coma en Lemozi et en la major partida d'Alvernhe (Vidal; II. 212) и напр. тамъ же «le lengatges de Lemosi es mays aptes e covenables a trobar» (id. II, 402). Подъ общимъ именемъ лемузинскаго подразумѣвался также и валенсійско-каталонскій языкъ.

([62]) Извѣстны великія заслуги, оказанныя изученію провансальскаго языка и литературы Ренуаромъ и Форіэлемъ (Histoire de la poésie provençale, 3 v. 1846), а потому понятенъ тотъ восторгъ, который внушилъ слѣдующія слова: notre langue était peut-être, de toutes les langues modernes, celle qui, par son ancienneté, par ses variations successives, offrait le plus matière aux observations philologiques, et qu'il était donc nécessaire de l'étudier de plus haut et de plus loin qu'on ne l'avait fait jusqu'alors» (Raynouard. Lexique roman; consid. prélim. p. IX).

([63]) Sauvage. Dictionnaire languedocien; 1 éd. p. 217.

([64]) Dante въ «de vulgari eloquentia» считаетъ даже испанскій языкъ за романскій. Онъ говоритъ: alii *oc*, alii *oil*, alii *si* loquuntur, ut puta Hispani, Franci et Latini (I, 8).

([65]) Diez. Grammatik der romanischen Sprachen; 2 Ausg. I, 104.

ностью жизни. О школахъ Марсели говоритъ Тацитъ; въ Отенѣ и Бордо учили Евменъ и Авзоній; Тулуза, царица южныхъ городовъ, считалась Аѳинами Галліи; ее украшалъ эпитетъ классической богини; тамъ блистали лучшіе риторы времени; въ ней воспитывались родственники императорскаго дома. Ювеналъ предлагалъ поэтамъ искать убѣжища въ Галліи. Христіанство привилось быстро въ долинахъ Роны, Гаронны и Лоары; здѣсь пылкій темпераментъ жителей ознаменовалъ первые годы его мученичествомъ и подвигами отшельническими ([66]). Въ то же время въ высшемъ сословіи оно умѣло совмѣститься съ обычаями старой античной жизни лучшихъ временъ Имперіи, тѣмъ болѣе, что галльская аристократія сдѣлалась уже вполнѣ римскою. Епископы и сенаторы нарбонскихъ и аквитанскихъ провинцій проводятъ жизнь въ своихъ роскошныхъ помѣстьяхъ такъ, какъ нѣкогда проводилъ ее Цицеронъ, удаляясь въ свое тускуланское уединеніе ([67]). Ламиридій, Северіанъ, Домнулъ, Феликсъ, Консенцій, самъ Сидоній поютъ наслажденія и природу въ то время, когда ихъ родина переходитъ незамѣтнымъ путемъ въ руки варваровъ уже со всѣми признаками внутренняго и внѣшняго разложенія. Клермонскій епископъ и нарбонскій вельможа, будто позднѣйшіе веселые трубадуры, воспѣзаютъ стихами прелестный климатъ страны, а музыканты Нарбонны и Безьера торопятся предложить свои мелодіи ([68]). Весело и беззаботно-счастливо проходила жизнь романцевъ даже тогда, когда Гонорій уступалъ часть ихъ земли Вестъ-готамъ и когда варвары постепенно разливались по всей странѣ. Вестъ-готское королевство съ своею столицею Тулузою раскинулось по обѣ стороны Пиринеевъ.

([66]) **Vaissete. Hist. générale de Languedoc. Préface, p. XI.**

([67]) **То была «пестрая смѣсь привычекъ и нравовъ, говоритъ С. С. Ешевскій, еще не утратившихъ своего свѣтскаго, даже языческаго характера, съ строгими обязанностями христіанской жизни, легкой литературы и живой, остроумной болтовни съ церковными процессіями и молитвами»** (*Аполлинарій Сидоній*; **90—94). Въ трубадурахъ повторились тѣ же типичныя стороны провансальскаго народнаго характера.**

([68]) **Ausonius. Clarae urbes, carm. XIII.—Sidonius, carm. XXIII. Ешевскій, 101—104.**

Въ цѣлой массѣ Вестъ-готы были аріане, и вотъ одинъ изъ альбигойскихъ элементовъ, уже съ первыхъ временъ самостоятельности и отдѣльности Юга, прирождается къ его почвѣ.

Столѣтіе спустя, Франки одолѣваютъ Вестъ-готовъ (507 г.) и оттѣсняютъ ихъ къ югу; только одна часть Септиманіи, названная Готіею (именно Лангедокъ безъ діоцезовъ Тулузы и Альби, или по римскому счету Narbonensis prima) остается за ними по сю сторону Пиринеевъ, и она-то дѣлается ареной всѣхъ тѣхъ войнъ, которыя совершались впослѣдствіи изъ-за обладанія этой заманчивой страной. Арабы разрушили царство готовъ; Карлъ Мартеллъ (732 г.) едва остановилъ ихъ на галльской почвѣ; Евдъ, герцогъ аквитанскій, помогалъ ему въ войнѣ съ мусульманами. Пепинъ Короткій окончательно очистилъ отъ арабовъ весь Лангедокъ и присоединилъ его къ своей монархіи (около 760 г.). А между тѣмъ мусульманство уже успѣло оказать свое вліяніе на нравы страны, тѣмъ болѣе, что, и изгнанное, оно заняло сосѣднюю Испанію. Естественно, что южанамъ и теперь и послѣ придется быть въ постоянныхъ столкновеніяхъ и сношеніяхъ съ людьми иной цивилизаціи, иныхъ понятій, иной религіи. Элементы будущаго протеста складываются.

Въ обширномъ государствѣ Пепина герцоги и графы сдѣлались намѣстниками королевскими, исполнителями его повелѣній. Нѣкоторую самостоятельность успѣла пріобрѣсти съ давняго времени династія аквитанскихъ герцоговъ, получившая владѣнія отъ одного изъ королей франкскихъ—Хариберта. Карлъ же Великій въ 778 г. образовалъ особое королевство изъ Аквитаніи съ столицею Тулузою. Болѣе столѣтія Аквитанія имѣла свое независимое существованіе; Лангедокъ входилъ въ нее нѣкоторое время, пока не былъ соединенъ подъ одно управленіе съ испанскою маркой (818 г.). Будущій императоръ Людовикъ былъ королемъ ея впродолженіе 778—814 годовъ. Онъ провелъ свою дѣятельность въ борьбѣ съ арабами и гасконцами. Когда Карловой имперіи настало распаденіе, то она выработала въ себѣ новыя политическія формы. Понятно, что послѣ Карла Великаго монархія его не могла удержать своихъ обширныхъ предѣловъ, какъ не могла объединить разнообразныя національности. Людовикъ Благочестивый предоставилъ Югъ своей имперіи въ управленіе сыну Пепину подъ именемъ Акви-

танскаго королевства; туда входила Аквитанія собственно, т. е. нынѣшняя Гіеннь, герцогство Гасконь, марка тулузская и графство Каркассонское. Намѣстники домогаются самостоятельности. Изъ прибрежной полосы Лангедока вмѣстѣ съ маркой испанской составляется герцогство Септиманія, ввѣренное императоромъ другому сыну Лотарю; его столицею была Барселона. Въ сущности управляли и тутъ намѣстники, мало по малу сжившіеся со страною и упрочившіеся въ ней; такъ славился герцогъ Бернардъ, игравшій такую важную роль въ междоусобіяхъ Людовикова царствованія и выигравшій больше другихъ. Онъ присоединилъ къ Септиманіи и Тулузу. Аквитанцы настаивали на своей самостоятельности за династіей Пепина; императоръ, подстрекаемый Юдифью, взялся за оружіе и несмотря на противодѣйствіе изъ Германіи, усмирилъ недовольныхъ. Малолѣтній Пепинъ II былъ увезенъ изъ Аквитаніи. «Онъ слишкомъ юнъ и неспособенъ», говоритъ Благочестивый Людовикъ, «управлять народомъ, которому болѣе всего свойственно легкомысліе и страсть къ новизнѣ; его присутствіе въ странѣ тѣмъ болѣе опасно, что главнѣйшій недостатокъ аквитанцевъ заключается въ ихъ отвращеніи къ иностранцамъ, такъ какъ они любятъ управляться сами собою подъ властью того государя, который имъ придется по нраву» (69). Императоръ умеръ. Лотарь, поддерживавшій своего племянника, возвращаетъ аквитанцамъ ихъ государя. Ихъ патріотизмъ, поддерживаемый Италіей, способенъ былъ устоять въ перемѣнчивой борьбѣ съ соединенными силами Карла французскаго и Людовика нѣмецкаго. Хотя, по вердюнскому договору (847 г.), Пепинъ былъ лишенъ престола и Аквитанія должна была отойти къ Карлу Лысому, но національный духъ, уже и тогда чувствовавшій свою особность отъ Франціи, отстоялъ независимость страны. Голодъ, зараза, стада хищныхъ звѣ-

(69) Vaissete. Histoire de Languedoc; II (nouv. éd. Paya. Toulouse). Кромѣ этого образцоваго труда бенедиктинцевъ, для исторіи Тулузы пользуется извѣстностью: Catel. Histoire des comtes de Toulouse. f. 1625. У него помѣщена, въ концѣ книги, генеалогія тулузскихъ герцоговъ; по поводу сравненія ея съ изысканіями Вессэ, см. Du-Mège. Additions et notes du livre 25 de l'hist. de Languedoc (доп. къ VI тому, p. 45—46).

рей производили запустѣніе, а война не прерывалась; южане сражались за права своего неспособнаго государя съ геройствомъ. Послѣ небольшаго перемирія съ Пепиномъ, Карлъ кинулся на Тулузу; ее оборонялъ герцогъ Бернардъ; энергичное сопротивленіе встрѣтило короля франковъ. Въ одну изъ вылазокъ храбрый защитникъ города попался въ плѣнъ къ Карлу, который собственноручно закололъ его кинжаломъ. Два раза приходилъ Карлъ осаждать Тулузу и все напрасно. Но въ третій разъ, начальникъ города Фределонъ отворилъ ворота, за что получилъ отъ Карла въ собственное владѣніе тулузское графство.

Пепинъ же II пока былъ признанъ королемъ на условіяхъ верховнаго покровительства короля франковъ. Карлъ мечталъ объ итальянской коронѣ и ради нея торопился пріобрѣсть дружбу отдѣльныхъ государей и бароновъ; 12 іюня 877 г., въ собраніи вассаловъ, въ Кьерси, онъ узаконилъ формальнымъ актомъ феодализмъ, хотя на дѣлѣ онъ существовалъ уже ранѣе (70). Король является одною тѣнью. Отнынѣ наслѣдственность намѣстниковъ Аквитаніи признана юридически. Съ кьерсійскаго акта идетъ самостоятельный рядъ тулузскихъ графовъ, который тянется вплоть до XIII столѣтія. Аквитанцы борются съ своимъ королемъ и съ врагами христіанства арабами и норманнами. Обманутые, они всюду ищутъ себѣ государя. Отъ Карла Лысаго переходятъ къ Людовику Баварскому, потомъ предлагаютъ корону его сыну, потомъ одному изъ сыновьевъ Карла Лысаго, потомъ опять Пепину, наконецъ не хотятъ знать никого. Пепинъ, два раза плѣненный войсками императора Карла, умеръ въ монашествѣ; онъ почти обезумѣлъ подъ конецъ жизни. Карлъ Лысый успѣлъ заставить признать свои права въ странѣ и поставить въ ней своего сына Людовика Косноязычнаго. Въ годъ своей смерти онъ грамотою упрочиваетъ новый великій авторитетъ Европы; римскій епископъ получаетъ могучій титулъ: «papa universalis». Такъ европейскіе государи сами сооружаютъ и признаютъ надъ собою силу, которая въ страхѣ заставитъ преклоняться предъ собою. Смерть Карла Лы-

(70) Кьерсійскій документъ помѣщенъ въ изданіи: Baluzius. Capitularia; II, 259—231. Обстоятельную оцѣнку сдѣлалъ Fauriel. Histoire de la Gaule méridionale. 1836; IV, 374.

саго, умершаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, открыла рядъ блистательныхъ надеждъ папскому престолу. Вездѣ отсутствіе королевской власти и множество ссорившихся между собою властителей. Людовикъ Аквитанскій дѣлается королемъ Франціи и соединяетъ въ одно оба королевства, и такимъ образомъ мысль Карла Великаго о самостоятельномъ южномъ государствѣ не была осуществлена въ его потомствѣ. Феодализмъ уже былъ такъ могучъ, что безъ соглашенія съ князьями и баронами сынъ Карла Лысаго не рѣшается на коронованіе. Власть королевская становилась совершенно безсильною, по мѣрѣ возвышенія феодальной. Бернардъ, маркизъ Готіи и Оверни, свирѣпый, неукротимый, уже отлученный Церковью, былъ самымъ опаснымъ врагомъ короля, и онъ же былъ опекуномъ королевскихъ дѣтей. Вассаламъ можно было удобно отлагаться отъ короны, на что нѣкоторые и рѣшились. Въ это время анархіи возникаетъ на берегахъ Роны новое государство Арелатское или Провансальское. Съ давнихъ поръ, нижняя Бургундія состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей, раздѣленныхъ рѣкою Дюрансъ, — то были на сѣверѣ маркизство Арелатское и на югѣ между Роною, Дюрансомъ, Альпами и моремъ— графство того же имени. Бозонъ, родственникъ короля итальянскаго Гуго, происходилъ изъ царскаго рода; честолюбіе его жены, поддержка папы, симпатіи вассаловъ и епископовъ сдѣлали его королемъ восточной части Юга.

Слѣдуетъ замѣтить, въ нашихъ цѣляхъ, что многочисленность и могущество духовныхъ феодаловъ значительно вліяли на судьбы Лангедока. Въ IX столѣтіи было за Церковью почти двѣ трети всѣхъ поземельныхъ владѣній. Понятно, что духовенство, обладая такими богатствами, не чувствовало особаго призванія къ подвижнической жизни; оно не служило примѣромъ умиротворенія страстей и своими свѣтскими склонностями давно стало въ разладъ съ своимъ назначеніемъ. Еще Людовикъ Благочестивый, будучи королемъ Аквитаніи, боролся противъ такого направленія и по возможности устранялъ его, хотя достичь полнаго торжества не могъ ([71]). Его лучшія попеченія были посвящены Церкви.

([71]) **Astronomus. Vita S. Hludovici imperatoris, c. 19, apud Pertz. Monumenta; II; 616 — 617.**

Людовикъ создалъ то, что вызвало альбигойскую войну. Уже съ его времени начинаетъ развиваться въ странѣ та цивилизація, которая послѣ послужила образцомъ для другихъ средневѣковыхъ народовъ. Духъ южанъ издавна находилъ себѣ выраженіе въ литературѣ. Въ ней запечатлѣлись задушевные интересы романцевъ. Склонные къ удовольствіямъ, но многосторонніе по характеру, они же первые стали вдохновляться идеей креста; настроенные мыслить свободно въ вопросахъ вѣры, они же пока въ массѣ со всею пылкостью темперамента преклоняются передъ католическою догмою и обрядностью. Для насъ важно указать на эту подвижность, внезапную переходчивость, на эти крайности народнаго характера лангедокцевъ. Болѣе чѣмъ въ комъ нибудь послѣ кастильцевъ въ нихъ зарождаются типичныя черты будущаго рыцарства; въ устахъ этого народа въ эпоху духовнаго сумрака слышатся родные поэтическіе стансы, и въ его литературѣ появляются памятники, что особенно важно, на народномъ языкѣ. Тогда какъ варварская, едва понятная латынь царила въ остальномъ мірѣ Запада, преграждая свободу и свѣжесть мысли, провансальцы уже пишутъ на своемъ мелодичномъ нарѣчіи. Такое явленіе дало въ нѣкоторой степени справедливое основаніе патріотамъ Юга считать свой языкъ, ранѣе других получившій грамматику, отцемъ всѣхъ романскихъ языковъ. Оставляя въ сторонѣ вердюнскій памятникъ провансальской письменности половины IX вѣка ([72]), замѣтимъ, что въ продолженіи X столѣтія появляется нѣсколько литературныхъ эпическихъ произведеній на народномъ языкѣ. Въ одной позднѣйшей рукописи дошла большая пѣснь о Боэціи въ 257 стиховъ, составленная около половины X вѣка ([73]). Поэма «о страстяхъ господнихъ» и легенда о св. Леодегаріи, написаны на языкѣ полу-

([72]) Записанъ у Nithardus—historiarum libri quatuor; l. III, c. 5 (Pertz. II, 665). — Спеціальная оцѣнка его въ соч. Fr. Dietz. Altromanische Sprachdenkmäle, berichtigt und erklärt nebst einer Abhandlung über den epischen Vers. 1846.

([73]) Raynouard. Choix des poésies originales des Troubadours; II, 4 — 39.

провансальскомъ, полуфранцузскомъ ([74]); въ нѣкоторыхъ латинскихъ стихотвореніяхъ прорывается народная рѣчь Юга ([75]). Съ теченіемъ времени провансальскіе литературные памятники начинаютъ появляться чаще и чаще, а въ XII столѣтіи за ними уже упрочивается высокое художественное достоинство. Скоро языкъ романскій дѣлается языкомъ трубадуровъ, и тогда онъ получаетъ глубокій историческій смыслъ, какъ орудіе того протеста, который способствовалъ подрыву всемогущаго папскаго авторитета. Такъ, вслѣдствіе подвижности племеннаго характера, народная литература радикально измѣнила свое направленіе, сдѣлавшись еретическою.

До того времени, пока сложилось рыцарство и пока трубадуры стали воспѣвать его вмѣстѣ съ наслажденіями, издѣваясь надъ предметами священными для массы, — страна лангедокская успѣла пройти черезъ всѣ степени анархіи. Повторимъ, что для яснаго пониманія положенія и условій страны въ какой либо моментъ надо знать предшествовавшія судьбы этой страны, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, тѣ вліятельные послѣдствіями фазисы, черезъ которые прошла она. Оттого мы такъ рано начали политическій очеркъ Лангедока, предваривъ даже время организаціи феодальныхъ государствъ, опрокинутыхъ на Югѣ только альбигойскою войною, организаціи, современной паденію Карловинговъ. Самымъ дѣятельнымъ соперникомъ падавшей династіи былъ Одонъ (Eudes), внукъ упомянутаго Фределона тулузскаго, сынъ Раймонда I (852—865 г.) и братъ своего предшественника Бернарда (865—875 г.). Въ качествѣ государя Тулузы онъ назывался графомъ, какъ намѣстникъ марки Септиманіи—маркизомъ, какъ владѣтель части Аквитаніи, т. е. Альбижуа и Керси—герцогомъ. Одонъ, около 878 года, успѣлъ присоединить къ Тулузѣ эту страну альбигойскую (Albigeois), названную такъ по имени города Альби, страну, получившую послѣ столь громкую извѣстность, какъ главный притонъ знаменитой ереси, названной по имени этой страны. Тамъ Карломъ Великимъ былъ по-

([74]) **Champollion-Figeac. Documents historiques inédits, tirés de la Bibl. nat. (въ Collection de documents sur l'histoire de France par les soins de Guizot); 1848; IV, 424 — 445; IV, 446 — 456.**

([75]) **Raynouard. Choix des poésies; II; 40.**

ставленъ графъ Аймонъ; послѣ, въ Альби и Лотрекѣ сидѣли виконты. Династія альбійскихъ феодаловъ идетъ отъ Атона I, съ половины X вѣка. Раймондъ-Бернаръ, прозванный Тренкавелемъ (съ 1062 года), далъ ей особенную славу. Бракомъ и наслѣдствомъ онъ прибавилъ къ землямъ Альби и Нима, графства Каркассону и Разесъ съ виконтствомъ Безьеръ. Это былъ самый сильный изъ вассаловъ тулузскихъ ([76]).

Вообще графамъ тулузскимъ выпала счастливая роль держаться блескомъ и могуществомъ своихъ вассаловъ. Они воспользовались наслѣдствомъ Карловинговъ и, — когда каждая земля, окрестная какому либо замку, стремилась сдѣлаться самостоятельною, когда въ городахъ Юга, связанныхъ столькими республиканскими преданіями съ далекимъ прошлымъ, возрождался духъ самостоятельности, — наслѣдники Одона успѣваютъ захватить себѣ верховный надзоръ за всѣмъ этимъ движеніемъ, захватить сюзеренитетъ. Они дали Тулузѣ тотъ авторитетъ, который простирался на всѣ области жизни политической, духовной и особенно церковной; дѣйствительно, нѣсколько спустя, тяготѣніе ереси изъ области альбійской переходить въ Тулузу, эту столицу Юга. Передъ закрѣпленіемъ феодализма, Тулуза видѣла въ стѣнахъ своихъ съѣздъ чиновъ феодальныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа; то было замѣчательное государственное собраніе, на которомъ юридически въ такую раннюю пору (начало X вѣка), были положены основанія политической жизни Лангедока, разрушенныя только альбигойскими крестовыми походами. Уже тогда графу тулузскому были подвассальны другіе бароны Лангедока. Въ то время, когда во Франціи сидѣлъ Карлъ Глупый (stultus), дѣти Одона тулузскаго не даромъ именуютъ себя государями и маркизами Готіи, подразумѣвая тѣмъ власть надъ Руэржомъ, Керси и Альбижуа. Въ силу феодальной чести они не отвергаютъ сюзеренство французское, но никакой

([76]) **Civitas Albigensium въ римской провинціи Aquitania по распредѣленію Юліана Апостата, а по Бревіарію Секста Руфа въ Aquitania prima. См. Warnkoenig. Französiche Staats-und Rechtsgeschichte; I, 47, 49.—Для феодальной исторіи Альбижуа: Roger. Archives historiques de l'Albigeois et du pays Castrois. Albi. 1842; p. 29, 38, 43 etc.**

современный феодалъ Франціи не могъ сравняться въ ту пору съ графами тулузскими по могуществу. Политическія событія какъ нельзя болѣе благопріятствовали усиленію независимости и могущества тулузскихъ государей, какъ напримѣръ Раймонда II ([77]). Въ соединеніи съ Вильгельмомъ Овернскимъ онъ уничтожилъ въ большомъ сраженіи силы норманновъ, которыхъ погибло за разъ до 12 тысячъ человѣкъ; тутъ же палъ и самъ побѣдитель (923 г.). Родственникъ тулузскаго дома водворяется около этого времени на французскомъ престолѣ. Однако преемникамъ Карла III пришлось выдержать борьбу съ Раймондомъ III тулузскимъ, умершимъ въ 950 году ([78]), послѣднимъ титулярнымъ герцогомъ Аквитаніи. Рауль бургундскій пришелъ съ большимъ войскомъ на Югъ; избѣгая сомнительнаго исхода сраженія, графъ Тулузы принесъ ему обыкновенную феодальную присягу въ вѣрности. Когда въ послѣдствіи права и власть Капетинговъ упрочились, эта присяга по наслѣдству перешла къ нимъ. Она ничѣмъ не умаляла господства тулузскихъ графовъ внутри государства; имена сѣверныхъ королей украшали только заголовки актовъ; болѣе и болѣе отчуждались два народа, ихъ цивилизаціи, ихъ государи ([79]). Номинальная связь не могла мѣшать полной отдѣльности и особности Юга; въ эпоху избранную нами, и такая связь становилась однимъ преданіемъ. Французскіе короли напомнятъ ее, но лишь для того чтобы поработить страну сѣверно-абсолютному началу.

([77]) **Vaissete. Histoire de Languedoc; III, 2; l. XII, c. 1.**

([78]) **L'art de vérifier les dates; p. 741. — Hist. gén. de Languedoc; l. XII c. 54.**

([79]) **«Le pouvoir des rois de la seconde race et des premiers rois de la troisième race leurs successeurs, fut depuis si peu considérable dans le païs, que nous ne sçaurions prouver par aucun monument qu'ils y ayent exercé quelque autorité jusqu'au regne de Louis le Jeune. On ne trouve dans cet intervalle d'autres marques de leur souveraineté sur la province, que la date de leur regne marquée dans les actes, encore est-elle omise dans un très-grand nombre. On peut juger par là jusqu'à quel point les grands vassaux portèrent leur indépendance dans cette partie du royaume». Vaissete. Histoire de Languedoc; III, 42; l. XII, c. 57.**

Между тѣмъ, обезпечивая графовъ тулузскихъ съ сѣвера, феодальная присяга давала имъ возможность закрѣпить свои отношенія къ собственнымъ феодаламъ, которые иногда, какъ напр. при Вильгельмѣ III, получали поддержку изъ Франціи. Жена Вильгельма принесла ему въ наслѣдіе часть Прованса, отчего его наслѣдники имѣли титулъ маркизовъ провансальскихъ (990 г). Его сынъ Понсъ (1037 — 1060 г.) прибавилъ къ тому еще титулъ палатина, какъ воспоминаніе о происхожденіи династіи намѣстниковъ Аквитаніи. Пользуясь постояннымъ смятеніемъ, духовенство укрѣпляетъ свою власть и увеличиваетъ церковныя бенефиціи. Но попытки Церкви утвердить миръ и спокойствіе въ странѣ, выказавшіяся особенно на съѣздѣ въ Велэ, не привели ни къ чему,—знакъ, что духовенство Лангедока всегда имѣло мало вліянія на общество. Только организованная центральная власть могла бы нѣсколько умиротворить страну и дать ей хотя внѣшній видъ порядка. Въ концѣ XI вѣка, сплочиваются въ окончательныя формы владѣнія тулузскихъ графовъ, конечно въ смыслѣ феодальномъ, какъ владѣнія посредственныя (съ 1088 года). Къ тому времени и руэржскія земли, успѣвшія объединить около себя еще другіе домены, за прекращеніемъ династіи, сбираются снова около Тулузы въ одно нарбонно-тулузское государство, предѣлы котораго отъ верхней и средней Лоары до Пиринеевъ, Средиземнаго моря и Роны съ претензіями еще болѣе обширными. Раймондъ IV, первый герцогъ нарбоннскій (1088—1105 г.), братъ бездѣтнаго Вильгельма IV Благочестиваго (1060 — 1088 г.), умершаго на пилигримствѣ въ Палестину, — открываетъ эту новую эру могущества въ тулузской исторіи. Средніе вѣка уже сложились въ своеобразную, но цѣлостную систему. Начинались крестовые походы.

Идея войны за вѣру воспламенила впечатлѣніе южанъ; народные поэты поддерживали ее въ своихъ страстныхъ и энергическихъ стихахъ. Три тулузскихъ герцога умираютъ за нее. Раймондъ IV и его сыновья Бертранъ (1105—1112 г.) и Альфонсъ Іорданъ (1112 — 1148 г.) не вернулись изъ Палестины. Св. земля дѣлается ихъ могилою. На Раймонда IV крестоносцы хотѣли возложить вѣнецъ Іерусалима. Одно изъ четырехъ христіанскихъ княжествъ въ Палестинѣ принадлежало роду герцоговъ тулузскихъ и княжество Триполи переходитъ преемственно въ младшей линіи ихъ потомства.

Съ именами тулузскихъ графовъ связана вся исторія первыхъ крестовыхъ походовъ. Ихъ сосѣди, достаточно сильные, какъ герцогъ аквитанскій, владѣвшій нынѣшней Гіеннью и Пуату, пользовались тѣмъ въ своихъ видахъ. Сражаясь въ Палестинѣ, графы тулузскіе часто получали извѣстія, что самая столица ихъ подвергается опасности подпасть власти герцоговъ Аквитаніи.

Мы должны кинуть взглядъ на феодальную исторію аквитанскихъ герцоговъ, владѣнія которыхъ обнимали бóльшую половину Юга; если они ходомъ событій подпали власти инаго сузерена, то тѣмъ не менѣе властвовали въ странѣ того же языка *d'oc*.

Они были извѣстны уже въ половинѣ IX столѣтія. Тогда Райнульфъ, происходившій изъ рода графовъ овернскихъ, водворился въ Гіенни; по договору съ Карломъ Лысымъ, онъ получилъ свои права вмѣстѣ съ Пуату [80]. Ему не стоило большаго труда свергнуть своего титулярнаго повелителя; Пепинъ II былъ имъ посаженъ въ темницу. Но тогда онъ не воспользовался своею политикой; его дѣти были лишены наслѣдства. Потомство династіи прежняго намѣстника (отъ Альбона, съ конца VIII вѣка) вступило во владѣніе Аквитаніей. Эта династія не прервалась даже тогда, когда въ роду не оказалось законныхъ наслѣдниковъ. Райнульфъ II былъ отравленъ Одономъ Парижскимъ, когда сталъ опасенъ для Сѣвера; его владѣнія были отданы послушному овернскому дому (Вильгельмъ I Благочестивый и Вильгельмъ II Юный). Но у Райнульфа былъ талантливый сынъ Эблъ, рожденный внѣ брака; его способностямъ и энергіи обязана продолженіемъ своего существованія и могуществомъ своимъ династія Альбона, родствомъ съ которой были связаны французскіе и англійскіе короли. Эблъ прогналъ пришельцевъ и временно соединилъ подъ своей властью не только родовыя владѣнія, но даже земли соперника своего, Овернь и Велэ (928 г.). Новыя полчища двинулись съ Сѣвера, когда Эблъ возмечталъ о самостоятельности Юга. Опекуны Карловинговъ хорошо понимали достоинства римской политики временъ республики. Они возбудили на Гіеннь честолюбіе возникавшей тулузской династіи. Эблъ бѣжалъ въ Пуату и Раймондъ III тулузскій сдѣлался государемъ Гіенни, Оверни и собственно Лангедока, или короче повелителемъ цѣлаго Юга, т. е. Лангедока въ смыслѣ обширномъ (932 г.). То былъ самый удобный моментъ къ возрожденію политической жизни Юга, но онъ продолжался не долго. Хотя Тулуза пользовалась популярностью между баронами и городами Аквитаніи, а особенно въ Оверни, тѣмъ не менѣе господство ея графовъ было принесено извнѣ. Вильгельмъ III, сынъ Эбла, удержалъ господство за династіей Альбона. Изъ Оверни и Велэ составился въ послѣдствіи отдѣльный феодъ, подъ владычествомъ клермонскихъ бароновъ (979 г.). Вильгельмъ III (950—968 г.), хотя побѣжденный въ борьбѣ съ превосходными французскими силами, успѣлъ примириться съ Гуго Великимъ и даже вступить въ родство съ первымъ капетингомъ на французскомъ престолѣ. Если Вильгельмъ IV (968—996 г.) лишился Оверни, то тѣмъ счастливѣе былъ его сынъ Вильгельмъ V, прозванный Великимъ (996—1030 г.). При немъ впервые настало нѣкоторое успокоеніе на Югѣ, взволнованномъ борьбою внутреннихъ элементовъ и постояннымъ, истребительнымъ нашествіемъ французовъ, нормановъ, арабовъ. Современники признавали государственный умъ и величіе Вильгельма; ему предлагали императорскую корону послѣ Генриха II. Вильгельмъ соглашался лишь на особыхъ условіяхъ и требовалъ обезпеченія ея дѣйствительной силы, такъ какъ искалъ не славы, а пользы. Посѣтивъ Ломбардію, онъ убѣдился, что среди борьбы италіанскихъ партій императорство не можетъ быть прочно. Выгоднымъ бракомъ съ Брискою, дочерью гасконскаго герцога Санчо, онъ открылъ своимъ преемникамъ надежду на закругленіе герцогства. Счастливый воинъ, правитель, политикъ, онъ закончилъ свою жизнь черною рясою монаха. Его сыновья—Вильгельмъ VI (1030—37 г.)

[80] Для исторіи восточной половины южной Франціи, т. е. Аквитаніи собственно, имѣются слѣдующія сочиненія: Dadin-Alteserre. Rerum Aquitanicarum libri decem ab anno 513 usque ad 1142; Tolosa, 2 v. in 4. 1648—57.—Bouchet. Annales d'Aquitaine, faits et gestes en sommaire des Rois de France et d'Angleterre etc. avec les Antiquités de Poitiers (множество изданій, первое въ Пуатье 1525 г.). — De-la-Haye. Mémoires et Recherches de France et de la Gaule Aquitanique. Par. 1585. — Besly. Généalogie des comtes de Poitou et des ducs de Guyenne. Par. f. 1647.—Для эпохи междоусобій и феодальной организаціи, лѣтопись: Chronicon Aquitanicum ab 830 usque ad 1025 (Pertz. Monumenta; II, 252 etc)..

и Евдъ (1037—40 г.) терпятъ нападенія отъ усилившагося графа анжуйскаго Жоффруа, прозваннаго Молотомъ (1040—1060 г.). Это былъ предокъ англійскихъ плантагенетовъ и подвигамъ его графы анжуйскіе обязаны своимъ политическимъ счастіемъ. У Жоффруа Вильгельмъ VI около года пробылъ въ плѣну; жена Евстахія выкупила его церковными сокровищами. Евдъ, опираясь на права своей матери, дѣйствительно вступилъ въ обладаніе герцогствомъ Гасконью и графствомъ Бордо, по сильнѣйшему вассалу Франціи, по примѣру его предшественника, не посчастливилось въ войнѣ съ Жоффруа. Тѣ же неудачи постигли и Вильгельма VII (1040—1056 г.), при которомъ встрѣчаемъ первое собраніе чиновъ въ Аквитаніи, созванное его матерью по поводу отдѣленія одного феода. Вообще въ графахъ анжуйскихъ аквитанская династія пріобрѣтаетъ опасныхъ соперниковъ, которые своими побѣдами будто завоевываютъ себѣ право на будущее обладаніе ея государствомъ. За то аквитанскіе герцоги въ свою очередь пытаются утвердиться въ Тулузѣ, ихъ наслѣдственномъ герцогствѣ.

Съ Вильгельма VIII (1058—1086 г.) начинается рядъ такихъ попытокъ. Они продолжаются непрерывно при Вильгельмѣ IX Старомъ (1086—1127 г.) и Вильгельмѣ X Юномъ (1127—1137 г.). Оба они типы феодальнаго времени и тѣхъ страстныхъ натуръ, которыхъ только оно могло производить. Въ Вильгельмѣ IX дикая свирѣпость чередовалась съ минутами тяжелаго покаянія; послѣ необузданнаго разврата наступали блестящія побѣды надъ маврами. «Я тебя слишкомъ ненавижу, чтобы допустить тебя до рая», сказалъ онъ одному епископу, опуская изъ рукъ мечъ, занесенный надъ его головою. Но его преемникъ, счастливый въ войнѣ съ Людовикомъ VI, склонился предъ Церковью и могучимъ духомъ св. Бернара. Въ Аквитанію прибылъ аббатъ Клерво, по приказанію папы Иннокентія II. Пораженный ужасомъ, герцогъ палъ къ ногамъ святаго во время самой церемоніи церковнаго отлученія, отдаваясь въ полную волю его. Бернаръ необходимымъ условіемъ прощенія поставилъ пилигримство въ Палестину. Вильгельмъ X умеръ дорогою; внезапная смерть его повергала страну въ смятеніе; о причинѣ смерти ходили темные слухи. Извѣстно только то, что Людовикъ VI первый узналъ о смерти герцога и поспѣшилъ обручить своего сына съ дочерью покойнаго Элеонорой, столь знаменитой между тогдашними трубадурами. Бракъ Людовика VII былъ несчастливъ и непродолжителенъ, хотя имъ осуществлялась династическая мысль французскихъ королей. Скоро другой государь воцарился въ Аквитаніи. Разведенная Элеонора, предметъ искательства государей Европы, отдала свою руку красивому Генриху графу Анжу, который скоро возвелъ свою жену на англійскій престолъ. Тѣмъ опаснѣе становилось положеніе тулузскихъ графовъ. Уже отецъ и дѣдъ Элеоноры домогались тяготѣнія надъ этимъ заманчивымъ городомъ.

Война съ тулузскимъ графомъ могла обѣщать имъ нѣкоторый успѣхъ, потому что, какъ было замѣчено, интересы и помыслы послѣднихъ теперь сосредоточиваются въ Палестинѣ. Столица предоставлена своему счастію и оно не обмануло ее. Непріятель было уже овладѣвалъ городомъ, но скоро покинулъ его. Трудно было какъ либо взять «великую, красивую Тулузу», потому что это «царица и цвѣтъ всѣхъ городовъ въ мірѣ» (de totas ciutatz es cela flors e roza), потому что это «благороднѣйшій» городъ (la gentils Toloza), какъ говоритъ пѣвецъ ея ([81]).

Тому способствовало явленіе, которое вмѣстѣ съ рыцарственнымъ настроеніемъ феодализма, составляетъ, существенное содержаніе исторіи тогдашняго Юга ([82]). Оно въ сильной степени способствовало распространенію альбигойской ереси и образованію въ ней того политическаго духа, который она приняла.

То была организація республиканскаго городскаго самоуправленія, общиннаго строя городской жизни, породившая на столько же политическую свободу народа, на сколько религіозную, въ такой же степени развившая его экономическія силы, въ какой содѣйствовавшая развитію всѣхъ духовныхъ силъ,—словомъ явленіе, составляющее жизнь и блескъ средневѣковой исторіи.

([81]) Aiso es la cansos de la crozada contr els ereges d Albeges; v. 142, 888, 1746, 1784, 5646, 6437, 8329.

([82]) «Ainsi, d'un côté la tendance énergique des villes à la democratie (?), et de l'autre l'esprit chevaleresque des classes féodales, sont deux des grands traits, on peut même dire les deux plus prands traits de la société du Midi». Fauriel. Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois, traduite et publiée; 1837; intr. p. LIV.

Изучить политическое и соціальное положеніе городовъ на Югѣ Франціи, значитъ открыть ключъ къ познанію основныхъ причинъ Альбигойской ереси.

Мы обратимся къ такому изученію.

При общемъ обзорѣ правленія Филиппа Августа были уже указаны побудительныя причины зарожденія самоуправленія и организаціи коммунъ въ городахъ французскихъ. Тогда же мы намекнули на цѣлую полосу особаго вида городскихъ политическихъ учрежденій, которыя собственно слѣдуетъ называть муниципіями (83). Это были города Юга. Они имѣютъ традиціи съ древними римскими муниципіями. Ихъ поддерживала близость Ломбардіи, классической страны древнихъ коммунъ. Эта-то коммунальная жизнь и кладетъ общій отпечатокъ на французскій Югъ и средневѣковую Италію. Аппенинскому полуострову принадлежитъ починъ въ возрожденіи такихъ учрежденій.

Понятіе о свободѣ и внутренней самостоятельности въ нихъ никогда не замирало, а между тѣмъ оно породило рядъ послѣдствій. Идея гражданской свободы подстрекала ихъ къ свободѣ въ сужденіяхъ, даже въ вопросахъ религіи. Города лангедокскіе подражали ломбардскимъ, а италіанскія общины прямо вели свою генеалогію отъ римскихъ предковъ временъ республики. Ихъ свобода никогда не угасала и уважалась даже варварами, которые отчасти внесли въ нихъ и собственныя государственныя начала. Хаотическое состояніе Европы темныхъ вѣковъ, подавленіе всякой законности, забвеніе необходимыхъ началъ порядка и отсутствіе какой либо системы въ человѣческомъ общежитіи, — было исходной причиной организаціи новыхъ коммунъ и закрѣпленія старыхъ.

(83) См. выше примѣчаніе 54. — Кромѣ общихъ сочиненій по исторіи французскаго права и спеціальныхъ трудовъ по политической исторіи южныхъ феодовъ и городовъ, пособіемъ для обозрѣнія лангедокскихъ коммунъ служитъ книга: Raynouard. Histoire du droit municipal en France, sous la domination romaine et sous les trois dynasties. 2 v. 1829.

Въ ту эпоху, которой современно появленіе и особенное распространеніе альбигойской ереси,—Италія вступала со всею силою молодой жизни въ роскошный періодъ общинъ. То же движеніе, подготовленное собственной исторіею, отражается въ Гіенни, Лангедокѣ и Провансѣ. Югъ Франціи въ отношеніи государственномъ можно опредѣлить страною консульствъ, въ юридическомъ же страною права писаннаго по преимуществу, orde de dreg, какъ говорятъ провансальцы. Внутреннее управленіе городовъ, выходившихъ изъ-подъ власти епископовъ, строилось почти по одному образцу. Разница въ большемъ или меньшемъ числѣ сановниковъ; распредѣленіе функцій законодательной, судебной, административной одинаковы. Муниципальное городское управленіе съ перевѣсомъ консульскаго элемента существовало съ тѣми же признаками въ Лангедокѣ, Венессенѣ, Провансѣ, Гаскони, Беарнѣ, Наваррѣ, Фуа и Руссильонѣ, какъ въ Гіенни, Перигорѣ ,Овернѣ, Лемузенѣ и Ламаршѣ. Здѣсь вездѣ коренились одинаковыя причины, создавшія общину и закалившія энергію ея борцовъ. Идея муниципіи не замирала на Югѣ, когда за нее боролись граждане съ епископомъ, стремившимся къ абсолютизму, и потомъ феодальный баронъ, съ тѣмъ же епископомъ, за право господства надъ нею (84). Епископамъ суждено было поддерживать начало избирательное въ городахъ. Они сжились съ долгою исторіею южныхъ муниципій. Они служили защитниками тѣхъ римскихъ формъ, которыя въ нихъ преемственно передавались, ихъ курій, декуріоновъ, дефензоровъ. Съ епископами городамъ чаще всего приходилось имѣть дѣло; они утверждали своей святой санкціей должностныхъ лицъ и самое право выбирать ихъ. Такъ было, напримѣръ, въ городѣ Альби еще въ 804 году (85). Но выбираемые народомъ префекты,

(84) Aug. Thierry. Monuments de tiers-état; intr. I, 17—18.

(85) Если этотъ фактъ не подтверждаетъ Compaire (Études historiques et documens inédits sur l'Albigeois. 1841, Albi), замѣчая: «ce fait n'est appuyé d'aucune preuve» (p. 18) — то уже самая возможность возникновенія подобной мысли доказываетъ существованіе подобныхъ отношеній между городомъ и его епископомъ.

графы, хотя посаженные карловингами, не всегда могли одолѣвать эту нравственную и политическую силу. Тѣмъ болѣе крѣпка была эта сила, что въ иныхъ мѣстахъ сами епископы были выбираемы общинами, ибо этотъ обычай проистекаетъ въ сущности изъ евангельскаго ученія. Такъ было въ первыхъ вѣкахъ въ Арлѣ, Авиньонѣ, Аптѣ, Эрѣ, Бордо, Буржѣ, Клермонѣ, Гаппѣ, Лиможѣ, Узесѣ, Везонѣ, Вивіерѣ, Магеллонѣ ([86]). Упоминаются въ документахъ также Альби, Нарбонна и Тулуза ([87]). Это были послѣ главные центры ереси. За отнятіе Римомъ этихъ правъ, давно образовалась глухая оппозиція среди южныхъ республикъ. Выборы епископовъ народомъ продолжались до половины XII столѣтія; послѣдній, записанный въ источникахъ, выборъ народомъ

([86]) Mary-Lafon. Histoire du Midi de la France. 1842; I, 436. Тамъ же указаны мѣста источниковъ. О выборныхъ епископахъ авиньонскихъ сохранилось 4 изв.—Rayn. Dr. mun. I, 182.

([87]) Есть фактическія доказательства, что Citruinus, епископъ города Альби, былъ выбранъ народомъ, въ 680 году, — factus judicio est populi (Chronicon episcoporum Albigensium; III, 57); см. Roger. Archives hist. sur l'Albigeois, 63. — При вестъ-готскомъ управленіи тулузскіе епископы были выборные; такой обычай не нарушали короли, предоставивъ себѣ только указаніе — jussu regum, populique electione (Acta Sanctorum, ed. 1866. 14 maji; III, 388). — Tolosates eum ad suae civitatis episcopatum postularint (Gallia Christiana, XIII, 8). —Въ Нарбоннѣ же выборы существовали въ девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ и даже двѣнадцатомъ столѣтіи. То подтверждаютъ мѣста изъ Acta Sanctorum, гдѣ (1 maji; I, 150, ed. 1866), замѣчено: «Secundum auctoritatem canonum, quoniam non licet ordinari Episcopum, nisi quem Clerus eligerit et populus expitierit», а по поводу выбора Теотарда, въ 885 г., говорится: «cuncta Narbonensis ecclesia, clerus videlicet, et Nobiliores laici, mediocres quoque vulgus...», — и три указанія въ Gallia Christiana. Архіепископъ Амверій въ 917 году былъ выбранъ, — electione cleri et populi (V, 27). — Въ 1097 году архіепископъ Бернаръ былъ поставленъ — a clero, populo, comprovincialibus episcopis (Gal. Chr. VI, 332).—Наконецъ въ 1106 году по поводу выбора архіепископа Ричарда тамъ же говорится: communi totius cleri et populi consilio ac petitione. (VI, 28).

былъ въ Узесѣ въ 1150 году ([88]). Четвертый латеранскій соборъ 1215 года своею 24 статьею счелъ нужнымъ канонически уничтожить это право, такъ дорогое народу лангедокскому. Но до него и послѣ эта историческая особенность служила одною изъ причинъ къ протесту.

Сами епископы цѣнили этотъ обычай; выборные, они привыкли имѣть дѣло непосредственно съ своимъ городомъ, и потому они не всегда исполняли папскія распоряженія относительно еретиковъ, которыми были полны города Юга. Примѣромъ такой привычки, обратившейся въ обычай, служатъ акты, заключаемые епископомъ въ разгаръ альбигойской войны и по окончаніи ея прямо съ городскими сановниками, между которыми конечно были и еретики, такъ какъ уставъ не отчуждалъ ихъ отъ исполненія общественныхъ и гражданскихъ обязанностей. Альбижуа была центромъ ереси; тамъ при св. Бернардѣ почти всѣ граждане были еретики и вмѣстѣ съ тѣмъ эта страна была средоточіемъ гражданской свободы. Раньше всѣхъ городовъ лангедокскихъ, въ Альби, въ 1035 г., узнаютъ сословіе буржуазіи и постепенно этотъ терминъ, изъ города Альби, переходитъ въ акты южныхъ общинъ. Въ Каркассонѣ буржуа извѣстны въ 1107 году; въ Кастрѣ говорятъ о нихъ въ 1150 г. Здѣсь же дольше всѣхъ сохранилась апостольская взаимная дружба между общиной и ея епископомъ, который является ея органомъ, защитникомъ, представителемъ. Потому мѣстные епископы легко

([88]) Въ Пюи, въ 1030 году, епископа Петра: «non solum clerus sed etiam populus et militia elegerunt» (Gallia Christiana; II, 698).—Послѣднее указаніе на этотъ древній апостольскій обычай, который такъ укрѣпился въ землѣ лангедокской, относится къ 1150 году, по поводу выбора епископа въ Узесѣ, Петра, который «electus est a clero et populo (Gal. Chr. VI, 620).— Позднѣйшіе канонические конкордаты Франціи при Людовикѣ IX и Францискѣ I отстранили такое избраніе, но Карлъ IX, въ 1560 г., по представленію Собранія Генеральныхъ Чиновъ, повелѣлъ, чтобы на вакантную епископскую каѳедру избирались три кандидата особымъ совѣтомъ изъ епископовъ провинціи, 12 депутатовъ со стороны горожанъ и 12 со стороны дворянъ. Одного изъ представляемыхъ утверждало правительство. Это была уступка старому и популярному обычаю.

могутъ забывать свои духовныя обязанности, и тѣмъ легче католическая Церковь могла смѣниться иновѣрнымъ исповѣданіемъ. Такія характерныя стороны свидѣтельствуются документами. До насъ дошли: документъ 1220 года, между городскимъ епископомъ и консулами Альби относительно общественной безопасности, документъ 1236 г. между епископомъ Дюрандомъ, по волѣ и съ одобренія мудрыхъ мужей и всей общины Альбигойской (ab voluntat et ab antrejamen dels prohomes et del comunal de toia la universitat de la ciutat de Albi) о налогахъ, отъ 1245 г. ордонансъ того же епископа съ тѣмъ же заголовкомъ, отъ 1264 г. договоръ епископа Бернарда Камбэ съ французскимъ королемъ отъ имени общины и отъ 1269 года уставъ, подписанный тѣмъ же епископомъ, о консульскомъ управленіи и судѣ, составленный по соглашеніи съ общиной (89).

Опираясь на сочувствіе епископовъ къ установившемуся самоуправленію, община южная, подчинившая себѣ гордыхъ феодаловъ, выросла безъ тѣхъ кровавыхъ внутреннихъ потрясеній, которыя сопровождали ростъ общинъ сѣверной и средней Франціи. Управленіе вездѣ было раздѣлено между дворянами и горожанами мирнымъ образомъ; а тѣ и другіе одинаково послужили общинѣ (90). Безъ крозопролитія не обошлось только въ Терасконѣ, гдѣ междоусобія идутъ даже до XIII столѣтія, и только въ одномъ Бриноллѣ исключительно господствовала дворянская партія. Тѣмъ не менѣе по идеѣ на южныхъ коммунахъ лежитъ аристократическій отпечатокъ. Здѣсь демократія не восторжествовала какъ въ италіянскихъ республикахъ, гдѣ часто человѣкъ знатный за заслуги возводится въ popolo grasso, въ торговое сословіе, и гдѣ списокъ купеческій въ глазахъ общества былъ почетнѣе рыцарскаго. Въ Провансѣ, напротивъ, бывали обратные примѣры. Здѣсь видимъ торжество аристократическихъ принциповъ, здѣсь демократія пользуется только уступкой. И въ

(89) **Документы извлечены изъ альбійскаго городскаго архива. Du-Mège. Additions et notes du livre XXVI de l'histoire de Languedoc, — въ приложеніи къ изданію 1843 года; VI, 67. — Объ альбійскомъ епископатѣ см. Roger. Arch. hist. de l'Albigeois. 29, 61, 238.**

(90) **Thierry. Monuments, préf. II, 6.**

политической, и даже въ литературной дѣятельности, выступаютъ на первый планъ бароны, рыцари, вельможи. Они и трубадуры, они и защитники особенностей Юга,—они и еретики. Оттого здѣсь раньше замеръ республиканскій духъ, оттого онъ не далъ столько экономическихъ и духовныхъ богатствъ и такой обильной государственной практики. Что близость италіянской почвы извѣстнымъ образомъ дѣйствовала на государственную жизнь Лангедока,—подтверждаетъ эпоха образованія консульскихъ должностей въ городахъ. Близость къ Ломбардіи предупреждала и ускоряла это учрежденіе. Въ Арлѣ консульство введено было въ 1131 году, въ Монпелье въ 1141, Нимѣ 1145, Нарбоннѣ 1148 (91). Но во всѣхъ этихъ и другихъ городахъ до италіанскихъ консульствъ, были свои учрежденія и сановники, которые отправляли такія законодательныя, административныя и полицейскія обязанности, которыя послѣ сосредоточились въ консульствахъ, какъ въ городской практикѣ былъ тотъ обычай, который послѣ породилъ цѣлый гражданскій и уголовный кодексъ города. Было и то вліяніе большой силы на малую, которое заставило тяготѣть къ большимъ городамъ малыя общины и десятки деревень, спѣшившихъ вмѣстѣ съ сосѣдними замками образовать изъ себя общину, избрать сановниковъ, совѣты и примкнуть подъ сильный покровъ Марсели, Бордо, Нарбонны или царственной Тулузы. По примѣру этихъ большихъ и могучихъ вождей складывались внутреннія учрежденія и жизнь малыхъ городовъ, усыпавшихъ почву языка d'oc. Для насъ особенно важно ознакомиться съ таковыми учрежденіями города Тулузы, какъ притягательнаго центра ереси.

Тулуза еще при римскомъ владычествѣ имѣла сенатъ и родъ консуловъ (capituli); внѣшность тогдашнихъ учрежденій сохраняется тѣсною связью чрезъ всю среднюю исторію. Въ юридическихъ актахъ нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы судить, что каждый именно городъ полу-

(91) **У Thierry (II, 7) въ числѣ городовъ, пріобрѣтшихъ консульство, ошибочно показана Тулуза по документу 1188 года. Актъ этотъ вовсе не впервые упоминаетъ о консулахъ; онъ допускаетъ только замѣну ихъ судьями, «prohomes». Извѣстно, что уже списки консульскіе имѣлись съ 1147 года. Срв. Raynouard. Droit municipal en France; II, 200—201.**

чилъ свои учрежденія. Напротивъ извѣстно, что городскія власти могли не признавать графовъ и могли мѣнять ихъ по своему произволу. Эта вкоренившаяся особенность давала городу претензію на полную независимость; Тулуза была скорѣе республиканскимъ городомъ, нежели общиной (92). Съ незапамятныхъ временъ городской капитулъ былъ судьей гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; онъ творилъ судъ и расправу; онъ dat jura civibus, какъ гласитъ старая надпись на воротахъ консисторіи. Въ залѣ малаго совѣта долго красовалось древнее римское наставленіе: «videant consules ne quid detrimenti respublica caperet», какъ доказательство стародавности обязанностей засѣдавшихъ здѣсь декуріоновъ и членовъ капитула (93). Императорскіе министры, агенты правительства отказывались отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла города. Курія могла даже продавать городскіе домены, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія отъ правительства; только она могла

(92) Toulouse jouissait, говоритъ Raynouard, non seulement de la liberté municipale. mais encore d'une sorte d'indépendance qui n'appartenait guère à d'autres cités. II, 201.

(93) Специальная исторія города Тулузы излагается въ сочиненіяхъ: Bertrand. De Tolosanorum gestis ab urbe condita. 1515, f. — Noguier. Histoire Tolosaine ou de la province de Languedoc depuis son origine jusqu'en 1557, f. 1557. — Патріотическое и тщательно написанное произведеніе, давшее автору высокую національную награду, статую при жизни, — Lafaille. Annales de la ville de Toulouse, depuis la réunion de la comtè de Toulouse à la couronne jusqu'en 1610; 2 f. 1687 — 1701. Обозрѣніе предшествовавшей исторіи занимаетъ 146 стр. Изложеніе по годамъ съ таблицами консуловъ. Авторъ, бывшій консулъ и синдикъ города, пользовался богатымъ матеріаломъ. — Raynal. Histoire de la ville de Toulouse, avec une notice des hommes illustres, une suite chronologique et historique des êveques et archêveques et une table générale des capitouls. 1759. — Farmin de Rozoy. Annales de Toulouse. 4 v. 1771. — Для юридической исторіи общины тулузской — изданія: Recueil de Titres, concernant les privilèges de la ville et bourgeoisie de Toulouse. 1663. — Le-Brun. Les Us et Coutûmes de la ville de Toulouse. 1753.

возводить общественныя зданія, публичныя мѣста, водопроводы, строить дороги, мосты, укрѣпленія, давать привилегіи медикамъ, профессорамъ. Вестготскіе короли всегда гордились честью быть оберегателями римскихъ законовъ и обычаевъ. Они не нарушили ничего изъ порядковъ Тулузы. Еще съ императорской эпохи городъ получаетъ дефензора, родъ трибуна римскаго, обязанности котораго перешли послѣ на синдика, существовавшаго до 1789 года. Живучесть мѣстныхъ учрежденій была удивительна; ихъ могла перевернуть только великая французская революція и безпощадный терроръ коммиссаровъ конвента. Въ городскихъ должностяхъ XVIII столѣтія можно узнать учрежденія Рима и среднихъ вѣковъ; онѣ исчезли, обагренныя кровью, чтобы послѣ вернуться съ тою же идеей, но въ обновленной формѣ. Съ какого именно времени главные городскіе сановники стали называться консулами, — неизвѣстно. Именной ихъ списокъ сохранился съ 1147 года, но они могли такъ называться еще раньше. Во главѣ этой должностной аристократіи стоитъ имя Понса де-Вильнева, вигуэра Тулузы. Prohomes, мудрые мужи (pruds'hommes), судили подъ такимъ именемъ съ 1152 года, но изъ акта уже видна стародавность ихъ должностей. Изъ документа 1188 года слѣдуетъ, что они замѣняли консуловъ и давали ту же клятву. Въ то время, когда альбигойцы достигли власти въ этомъ городѣ, имъ управляли 24 консула, выбираемые по два въ каждой изъ 12 городскихъ частей (partita) или капитуловъ, отчего и самое названіе сановниковъ (94): двѣнадцать назначались для бурга и двѣнадцать для города (consules urbis Tolosae et suburbii); ни въ какой другой южной общинѣ не было столько высшихъ чиновниковъ. По роду ихъ обязанностей одинъ документъ распредѣляетъ ихъ такъ: 6 capitularii, 4 judices, 2 advocati. Они сзывали валовое народное собраніе, когда то требовалось обстоятельствами, на полѣ Карбонельскомъ (in communi prato), иногда за городомъ, чаще же всего, въ городской церкви св. Петра (Saint-Pierre de Cuisines). Графъ Раймондъ бывалъ простымъ свидѣтелемъ такихъ собраній. Относительно графа, тулузскіе сановники назывались: domini comitis et suae curiae, capituli. Вмѣстѣ съ судьями они состав-

(94) Catel. Histoire des comtes de Toulouse, p. 34. — Catel. Mémoires de l'histoire de Languedoc. 1633, Tol. p. 129.

ляли муниципальный совѣтъ; изъ представителей родовъ образовался большой городской совѣтъ. Это были итальянскіе: «consiglio maggiore», «consiglio minore» и «del popolo». Муниципалитетъ заправлялъ какъ внѣшними политическими дѣлами, такъ полицейскими и судебными. Войско принадлежало непосредственно городу; его водили въ бой консулы; они же заключали договоры, мирныя условія. Эти же сановники нанимали рыцарей къ себѣ на службу, обязывая ихъ, прежде всего, ничѣмъ не нарушать городскаго спокойствія и порядка (95). Городъ объявлялъ войну и велъ ее отъ своего имени, иногда помимо графовъ и, даже въ эпоху французскаго владычества, посылалъ свой отрядъ въ армію короля, какъ совершенно независимый, съ собственными начальниками. Такъ еще въ 1294 году вздумалось городу совершенно неожиданно послать вспомогательное войско на войну съ англичанами. Филиппъ IV патентами избавилъ тулузцевъ отъ военной повинности, но и въ XIV столѣтіи они всегда сражались подъ своими знаменами и подъ начальствомъ своего вождя. Много другихъ особенностей и привилегій представляетъ тулузская земля. Она была избавлена отъ налоговъ и тѣхъ податей, которыя стѣсняли экономическій бытъ средневѣковыхъ людей; унизительныя феодальныя повинности, натуральныя и денежныя не были и въ поминѣ во владѣніяхъ республики; иностранцамъ давалась льгота въ таможенномъ сборѣ. Рабы, становясь на тулузскую почву, тѣмъ самымъ пріобрѣтали свободу. По понятіямъ своимъ, подданные тулузскіе не могли принадлежать никакому феодалу, ни на какихъ условіяхъ. Графу и королю тулузцы

(95) Такой документъ помѣщенъ въ приложеніяхъ къ бенедиктинской Histoire de Languedoc ея новымъ издателемъ,— V, 160—161. Это контрактъ 1204 года, заключенный рыцаремъ Бернардомъ de Orbessano съ городомъ. Первое условіе—это обязательство передъ консулами и всѣми мужчинами и женщинами города и замка (suburbii) Тулузы, нынѣшними и будущими, что онъ «non faciat eis aliquam rapinam nec aliquod malum, scienter ullo modo, nec aliquis, nec aliquo suo ingenio vel concilio, nec de posse suo ullo tempore» etc.—См. тамъ-же еще два документа, которые показываютъ самостоятельность консульской юрисдикціи во внѣшнихъ дѣлахъ,—мирные трактаты съ городомъ Рабастеномъ и виконтомъ de-Lomagne (V, 159).

только служили на своей территоріи, подъ командой своихъ начальниковъ или самихъ консуловъ, которые и подъ французскою короною всегда пользовались правомъ высшаго дворянства, на основаніи королевскихъ патентовъ. Еще въ XII столѣтіи была въ ходу поговорка, что нѣтъ высшей знати, какъ изъ капитула тулузскаго (De gran noblessa pren titol— Qui de Tolosa es Capitol). Тѣмъ крѣпче стояли тулузцы за свои суды. Они сложились одинаково въ южныхъ городахъ. Документъ XIII столѣтія для города Альби, который можетъ служить образцемъ такихъ актовъ, даетъ картину судопроизводства. Присяжные, числомъ двадцать и болѣе, избираются изъ лицъ, которые не были-бы ни друзьями, ни врагами, ни родственниками обвиняемаго. Ихъ сзываетъ бальи, главный судья. Передъ ними прочитывается обвинительный актъ; обвиняемый выслушиваетъ его. Потомъ судья спрашиваетъ по очереди каждаго изъ присяжныхъ, виновенъ-ли преступникъ или нѣтъ; если виновенъ, то какое наказаніе присудить ему. Собравши всѣ мнѣнія, онъ рѣшаетъ большинствомъ; присяжному не явившемуся или не желающему отвѣчать угрожаетъ пеня или подозрѣніе въ гражданской честности (96). Независимый и скорый судъ составлялъ драгоцѣннѣйшее достояніе лангедокцевъ и придавалъ высокую цѣну вольностямъ страны, бороться за которыя каждый считалъ себя призваннымъ. «Если князья земли, говорилъ одинъ епископъ конца XII столѣтія, позволятъ себѣ измѣнять или насиловать стародавніе (diutius obtensis) обычаи страны, то они призовутъ на себя тѣмъ гнѣвъ Всевышняго, потеряютъ расположеніе народное, а души свои обрекутъ вѣчной погибели». И долго, послѣ того, повторяло само духовенство съ каѳедръ церковныхъ выборнымъ властямъ городовъ: «Божественный Законодатель отвѣчалъ вопрошавшимъ его: воздадите кесарева кесареви, а Божія Богу. А мы вамъ скажемъ, слѣдуя тому же примѣру,—вамъ, которые въ одно время и подданные Бога и вожди народа: «возвратите Божіе Богу, а народу воздайте все то, что подобаетъ ему» (97). Но, какъ узнаемъ, благородная рѣчь тулузскаго духовенства слышалась не вездѣ.

(96) Compayrè. Etudes historiques et documents inédits sur l'Albigeois.—Du-Mège. Additions et notes; VI, 67.

(97) Du-Mège. Additions et notes; VI, 61.

Докончимъ сперва обзоръ политическаго состоянія городовъ этой страны Юга, чтобы потомъ обратиться къ ознакомленію съ экономическими и духовными результатами такого политическаго строя, извѣстнымъ образомъ связанными съ причинами появленія и развитія альбигойскихъ ересей. Характеръ юридическихъ учрежденій на еретическомъ Югѣ вездѣ остается одинаковъ; они отличаются только въ составѣ инстанцій и сановниковъ. Въ собственномъ Лангедокѣ, послѣ Тулузы, пользовалась большимъ значеніемъ Нарбонна. Здѣсь, до половины XIV столѣтія, шла борьба между магистратами замка (какъ всегда называлась самая крѣпость) и собственно города; двѣ коллегіи консуловъ, по 6 въ каждой, вели независимое существованіе ([98]); приверженцы ихъ часто вступали въ борьбу, подобно враждебнымъ политическимъ партіямъ италіянскихъ городовъ. Въ виду этой вражды въ замкѣ нарбоннскомъ организовалось общество мира, которое въ 1219 г., во время общей опасности отъ крестоносцевъ, двинутыхъ на Югъ Римомъ, побудило сановниковъ составить законный актъ, въ которомъ муниципалитеты и подписавшіеся клялись споспѣшествовать всѣми силами миру и порядку, почему каждый обязывался помогать другому во всѣхъ дѣлахъ его, защищать другъ друга денно и нощно, на морѣ и на сушѣ, въ городѣ Нарбоннѣ, внѣ его и повсюду, какъ самого себя, и каждый, по мѣрѣ силъ своихъ, обязывался сверхъ того хранить и защищать вѣрно, честно и законно права города и замка ([99]). Условіе было заключено на три года, но могло имѣть силу и послѣ того. Всякій нарушитель его объявлялся лжецомъ и клятвопреступникомъ. Подобныя же междоусобія совершались въ Нимѣ между chateau des arênes и городомъ. Раздоры были прекращены шесть лѣтъ спустя послѣ нарбоннскаго договора. Условлено было, чтобы соперники, при посредствѣ своихъ консуловъ, сошлись между собою. Собравшись въ большомъ количествѣ, они говорили о мирѣ и прекращеніи раздоровъ, клялись въ дружбѣ и соединялись противъ всякаго, кто попытается разорвать этотъ

([98]) **De-Besse. Histoire des ducs, marquis et comtes de Narbonne, autrement appellés Princes des Goths, ducs de Septimanie et marquis de Gothies. Par. 1660.**

([99]) **Catel. Mémoires de l'histoire de Languedoc; p. 603.**

союзъ, объявляя того «предъ Богомъ и людьми злодѣемъ, измѣнникомъ и клятвопреступникомъ». Такой договоръ нѣсколько достигъ цѣли, хотя не сгладилъ слѣдовъ мѣстной враждебности въ городѣ, оставивъ въ немъ раздѣленіе муниципалитетовъ. Такое раздѣленіе могло имѣть и религіозное значеніе. — Уже по хартіи 1197 года, данной городу графомъ тулузскимъ Раймондомъ V, избраніе консуловъ предоставлено было коллегіи двадцати мужей (boni viri). Весь народъ, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ (plurima pars), сзывался графскимъ намѣстникомъ (vicario) подъ звуки трубъ и роговъ. Изъ каждой городской части выбирались пятеро въ эту коллегію, а она въ своемъ собраніи назначала 4 консуловъ, «на пользу графа и общины», для всего города. Нѣсколько сложнѣе совершались выборы въ Альби. Тамъ въ XIII столѣтіи было 12 консуловъ и 12 совѣтниковъ, по 2 изъ каждой части города; послѣ число консуловъ уменьшилось въ двое. Совѣтъ 24-хъ выбиралъ 12 кандидатовъ и 15 почетныхъ гражданъ для указанія между ними подъ присягою сановниковъ на текущій годъ. Новые консулы вмѣстѣ съ прежними совѣтниками выбирали членовъ совѣта. Этимъ устранялось волненіе въ городскихъ валовыхъ сходкахъ ([100]). — Въ Монпелье вмѣсто консуловъ существовали probi homines. Консульскій магистратъ между тѣмъ былъ такъ популяренъ на Югѣ, что немедленно упрочился, какъ только городъ подпалъ Аррагоніи. Это совершилось въ началѣ XIII столѣтія; внутреннее богатство города требовало болѣе сложной организаціи управленія. Потому, кромѣ 12 обычныхъ консуловъ, тамъ было 12 морскихъ (cossols de mar) для таможенныхъ сборовъ, для сношеній внѣшнихъ и дѣлъ торговыхъ и 12 коммерческихъ консуловъ съ юридикціей нынѣшнихъ консульскихъ судовъ (cossols dels mercadiers que van per mar); наконецъ по одному цеховому (de lates) для 7 городскихъ ремесленныхъ корпорацій ([101]). Особенно-

([100]) **Ménard.** Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville de Nismes, 7 v. 1750 — 58; I, 222 etc. preuves, 37.— **Gautier.** H. de Nismes et de ses antiquités. 1720.—**Grasser.** De antiquitatibus Nemansensibus. Par. 1607. — Для Альби: **Roger.** Arch. hist. 244.

([101]) **Thalamus parvus** ou le petit thalamus de Montpellier; M. 1840; intr.—Первое по времени спеціальное сочиненіе: **Stollberger.** Historia Monspeliensis. Nar. 1625.

сти существовали въ устройствѣ каждаго города. Въ графствахъ Фуа и Руссильонѣ господствовалъ исключительно консульскій элементъ; въ другихъ мѣстахъ — онъ же, но вмѣстѣ съ совѣтскимъ началомъ (совѣты изъ 12, 60, 90 человѣкъ). Въ Эгъ-Мортѣ, напримѣръ, 4 консула были облечены правомъ собирать consilium juratorum.

Удаляясь къ сѣверу Лангедока, города представляютъ борьбу началъ; въ большинствѣ случаевъ консульства ихъ теряются, смѣшиваются съ мерствомъ французской общины. Такъ, въ Оверни, — которая съ 932 года стала вассальствомъ тулузскихъ графовъ, пока въ 1295 г. не сдѣлалась леномъ французскихъ королей, — исчезаетъ понятіе о консулахъ, должность которыхъ исполняютъ сановники, назначаемые епископомъ, аббатомъ, графами. Въ Ла-Маршѣ консульство сдѣлалось простымъ титуломъ. Иное явленіе было въ предѣлахъ древней Аквитаніи.

Въ Гіенни, подпавшей, чрезъ второй бракъ Элеоноры, англійской коронѣ, являются меры, — а общины пользуются тѣмъ же демократическимъ самоуправленіемъ, какое было въ коммунахъ сѣверной и средней полосы Франціи; жители Перигэ, прежде раздробленные, теперь, по примѣру Нарбонны и Тулузы, называютъ себя «государями — гражданами». Въ Бордо мерство, введенное здѣсь въ концѣ XII столѣтія, одолѣваетъ древнѣйшую магистратуру юратовъ, которые господствовали отъ Жиронды до Пиринеевъ. Въ XIII вѣкѣ, въ Бордо было два большихъ совѣта юратовъ (50, а потомъ 24) и дефензоровъ (300, а потомъ 100). Такимъ образомъ выгоды централизаторства сѣверной системы и совѣщательства южной, — были совмѣщены. Такъ было въ Гаскони и графствахъ при-Пиринейскихъ. Беарнъ и Наварра управлялись своими статутами (fors); юраты имѣли въ своихъ коммунахъ полную власть въ рѣшеніи полицейскихъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ Байоннѣ возникла община по образцу англонорманской, будто цѣликомъ перенесенной изъ Пуату. Англійскій король былъ тогда государемъ въ Аквитаніи. Англійскіе рыцари ознаменовали ее своими подвигами. Подчинившись вліянію сильной страны, опасаясь абсолютизма королевскаго, поднялись бароны Аквитаніи. Графы де-ла-Марша, Ангулема, Лузиньана были во главѣ возстанія. Король Генрихъ II неотступно тѣснилъ феодаловъ, пріобрѣлъ рядъ успѣховъ и уѣхалъ въ Англію, оставивъ страну видимо успокоенную. Но пораженный феодализмъ снова вооружился. Въ сынѣ короля, Ричардѣ, — (личность этого войнолюбиваго рыцаря уже знакома намъ), — который доселѣ былъ любимцемъ Генриха, бароны въ послѣдствіи встрѣчаютъ себѣ сочувствіе. Сынъ поднялся на отца. Съ невыразимой быстротой, Генрихъ поспѣваетъ вездѣ; изъ Шотландіи онъ кидается въ Руэргъ. Патріотъ и поэтъ Юга, извѣстный рыцарь Бертранъ де-Борнъ, пріобрѣлъ довѣренность и дружбу принца. Она исчезла, когда Ричардъ сталъ королемъ Англіи и Аквитаніи. Четыре раза пылкій Бертранъ мѣнялъ свои отношенія къ Ричарду; въ его стихахъ выражается характеръ южанина того времени ([102]). Тутъ было смѣшеніе практическихъ стремленій съ порывами рыцарственности и чести. Поэзія Борна не задѣваетъ впрочемъ соціальныхъ сторонъ жизни; она энергичными звуками блистательно выражаетъ военную бурю и ненависть къ Англіи. Его стихъ устрашалъ враговъ, какъ громъ оружія; его мысль сочувственно откликалась въ сердцахъ аквитанскихъ бароновъ, потому что она была ихъ мыслью. Ненависть къ чужому игу откликнулась и въ духовенствѣ. «Орелъ аквитанскій, восклицали монахи съ каѳедръ, когда ты разрушишь наши узы? Сѣверный король тебя держитъ въ страхѣ; возвысь же твой голосъ, чтобы онъ раздался подобно трубѣ мстителя». Но свергнуть англійское господство южные бароны были не въ состояніи. Однако, если сами они даже тяготѣли къ Франціи, то въ романскомъ народѣ были элементы, очень неблагопріятные французской власти. Въ свою очередь, король англійскій долженъ былъ бороться съ французскими претензіями на Югъ и политикою Филиппа II Августа. Въ такомъ положеніи застаетъ Югъ крестовый походъ на Альбигойцевъ. Отъ англійской

([102]) Обѣ монографіи о Бертранѣ де Борнѣ поверхностны: **Mary-Lafon.** Bertrand de Born, tableau politique, littéraire et guerrier du XII siècle, — скорѣе романъ, чѣмъ историческая книга. — **Laurens.** Le Tyrteé du moyen âge. Par. 1863, — не многимъ ушелъ дальше своего предшественника. На Югъ авторъ смотритъ съ французской точки зрѣнія (279); образцемъ его критики мѣсто о происхожденіи Медичи (16; въ своемъ героѣ онъ подмѣчаетъ черты сходныя съ Жанною д'Аркъ; онъ, для него, «le premier instrument, au moyen duquel le Dieu des armées se plût à tirer de l'abime la nation de Clovis» (préf. p. VII, 281).

гегемоніи оставались свободными только республики Прованса, — эти «младшіе дѣти Рима», какъ они считали себя въ справедливой гордости.

Марсель была древнѣйшей общиной; она представляла съ первыхъ годовъ XII столѣтія корпорацію трехъ городскихъ леновъ: епископа, аббата и виконта. Богатства этой общины, нажитыя морскою торговлею, давали ея внутренней жизни такой блескъ, какого не имѣлъ ни какой другой городъ ([103]). Система внутренняго управленія этой колоніи фокейцевъ, любимаго галльскаго города римлянъ, послужила образцемъ не только для Прованса собственно, но вообще и для всего Юга, говорившаго на *ос*. Въ этомъ многолюдномъ городѣ, съ давнихъ временъ, правило 12 консуловъ; 40 мужей сидѣло въ маломъ совѣтѣ и 150 въ большомъ. Консулы, выбираемые торжественно при звукахъ колокола маріинской церкви, властвовали надъ всей той окрестной территоріей, которая была подчинена нѣкогда фокейской республикѣ. Марсель пользовалась большимъ авторитетомъ въ Европѣ. Ея корабли оказывали большія услуги крестовому дѣлу. Іерусалимскіе короли дали Марсели свободу торговли и неоднократно подтверждали то грамотами. Непремѣнно въ каждомъ городѣ іерусалимскаго королевства одна улица и церковь принадлежали марсельскимъ торговцамъ. Королямъ они обѣщали платить 400 золотыхъ монетъ, за что купцы марсельскіе были освобождены отъ налоговъ:—«А вы, граждане Марсели, за всѣ эти льготы, писали короли, постарались бы служить и помогать намъ на морѣ и на сушѣ, да не забывать насъ и нашихъ преемниковъ» ([104]). То же самое было подтверждено хартіей 1152 г. Вассальное подчиненіе города было только номинальное. Обстоятельства

([103]) Довольно полная исторія Марсели, доведенная до 1610 года, принадлежитъ двумъ Ruffi. Histoire de la ville de Marseille. 1696, 2 f.—Guérard издалъ политику марсельскаго аббатства св. Виктора, очень важную для экономической исторіи среднихъ вѣковъ (изслѣдованіе о налогахъ), въ Collection des cartulaires de la France, t. VIII, IX (Documents inédits sur l'hist. de la France. 1856—57).

([104]) Papon. Histoire générale de Provence. 4 v. 1777—86; Par. Preuves; II, 14.

феодальной исторіи Прованса сложились очень благопріятно для республиканскихъ интересовъ. Мы замѣтили, что Бозонъ, въ началѣ X столѣтія, провозгласилъ самостоятельность графства провансальскаго ([105]). Въ 948 году графы дали присягу германскимъ императорамъ, но въ половинѣ слѣдующаго вѣка Конрадъ II владѣлъ феодально только маркизатствомъ арльскимъ; Провансъ же освободился отъ инвеституры. Безпокойныя головы уходили толпами въ Палестину и предоставляли города ихъ собственной судьбѣ. Графиня Стефанида и ея зять, Жильбертъ, графъ Гаводана, много содѣйствовали спокойствію и процвѣтанію страны. Во время общаго безначалія, Провансъ былъ счастливѣйшимъ уголкомъ Европы. Двѣ дочери Жильберта связали судьбу Прованса съ Барселоной и Тулузой. Старшая, бракомъ съ графомъ барселонскимъ (Раймундомъ Беренгаромъ), отдѣлила графство; сѣверную же часть отъ Дюрансы до Изера получилъ графъ тулузскій Альфонсъ - Іорданъ по наслѣдству, закрѣпивъ это пріобрѣтеніе трактатомъ. Графы тулузскіе хотѣли быть едиными обладателями восточной части Юга; ихъ честолюбіе вносило войну въ Провансъ. Императоры получаютъ присягу отъ графовъ барселонскихъ и во второй разъ за Провансъ. Графомъ Прованса дѣлаютъ короля Аррагоніи. Онъ передавалъ Провансъ какъ феодъ своимъ братьямъ и сыновьямъ. Передъ началомъ альбигойской войны графомъ Прованса считался донъ - Санчо аррагонскій. Современный ему, тулузскій графъ Раймондъ VI долго не покидалъ своихъ династическихъ разсчетовъ на Провансъ. Война съ Римомъ нанесла ему рядъ страшныхъ ударовъ, измѣнивъ прежнія политическія отношенія. До вмѣшательства Тулузы, города Прованса и особенно Марсель, такимъ образомъ, пользовались не только независимостію, но, благодаря характеру своихъ сузереновъ, даже спокойствіемъ, что было одинокимъ явленіемъ въ періодъ общей анархіи и раздоровъ. Ограниченіе власти княжеской доходило до того, что Монтабанъ, могущественный феодалъ, клялся надъ Евангеліемъ не продавать города Монпелье, ни

([105]) Кромѣ провансальской хроники de Nostredame (Lyon, 1624) и упомянутаго сочиненія Папона, спеціально: Bouche. Description de Provence et hist. chronologique du même pays, 2 f. Par 1664.

дарить, ни отдавать его въ феодъ, ни отчуждать, а обязывался присягой слѣдовать рѣшеніямъ и совѣтамъ мудрыхъ мужей во всемъ, что касается общины и ея синьоріи ([106]). Оттого въ Провансѣ такъ прочно водворилось муниципальное начало, и, притомъ, въ чистѣйшей формѣ древне-римскихъ условій.

Арль въ этомъ отношеніи занималъ первое мѣсто послѣ Марсели. Нѣкоторое время онъ былъ резиденціей римскихъ императоровъ; онъ же былъ столицею независимаго графства Базона, который ничего ни дѣлалъ безъ согласія муниципальнаго городскаго совѣта ([107]). 12 высшихъ сановниковъ переименованы были въ консулы въ половинѣ XII столѣтія; они избирались изъ всѣхъ сословій; между ними были 4 рыцаря, 4 горожанина, 2 купца и даже два деревенскихъ жителя (de bourian, отъ bora — пастбище). Архіепископъ какъ бы посвящалъ въ эту должность избираемыхъ; онъ давалъ за нихъ клятву народу. Жалованья должностнымъ лицамъ въ Арлѣ не полагалось, тогда какъ въ Авиньонѣ консулы изъ дворянъ получали 100 солидовъ, а купеческіе 50 солидовъ. Въ Арлѣ же, напротивъ, консулъ, хотя разъ получившій деньги, лишался своего сана. За то, оскорбленіе ихъ наказывалось со всею строгостію; виновникъ отдавался въ ихъ распоряженіе. Вмѣстѣ съ мудрыми мужами, они судили уголовныя дѣла. Для измѣненія конституціи и старыхъ кутюмовъ, объявленія войны, — требовалось согласіе общиннаго совѣта. Раздоры между консулами примирялъ архіепископъ; каждый гражданинъ долженъ былъ, поступая въ общину, давать клятву въ повиновеніи консуламъ и обѣщать не противиться собственному избранію въ консулы. Когда Провансъ подпалъ императорамъ, то одинъ изъ нихъ передалъ свои вассальныя права арльскому архіепископу. Граждане не желали становиться въ подчиненное отношеніе къ духовному лицу; они всегда полагали видѣть въ немъ совѣтника, но не властителя. Духовенство тогда не пользо-

([106]) Aigrefeuille. Histoire de la ville de Montpellier; preuves. I, 704.

([107]) Изъ множества мѣстныхъ панегириковъ, посвященныхъ Арлю, выдается соч. Anibert. Mémoires historiques et critiques sur l'ancienne république d'Arles Jverd. 4 v. 1779.—Консульская хартія у Giraud. Droit français au moyen âge; II. 1—4.

валось уваженіемъ провансальскаго общества. Между тѣмъ папы Целестинъ III и Иннокентій III своими подтвердительными бумагами еще болѣе вооружили гражданъ Арля противъ архіепископской власти. Это было причиной къ постояннымъ неудовольствіямъ, къ столкновеніямъ съ духовенствомъ, — элементъ благопріятный къ усиленію послѣдователей ересей альбигойскихъ. Подозрительное отношеніе къ духовенству существовало и въ Авиньонѣ; тамъ, въ городской конституціонной хартіи, было постановлено доносить на тѣхъ священниковъ, которые съ каѳедръ будутъ говорить что либо неблагопріятное для городскихъ властей ([108]). Вообще, горожане, будущее третье сословіе, представляютъ собою элементъ, который не всегда можетъ быть въ ладу съ Церковью. Политическая свобода и богатство приносили городамъ самостоятельность, а она удаляла ихъ отъ подчиненія тому высшему авторитету, который представлять хотѣло духовенство, своею жизнію не дававшее такихъ правъ. Церковь выростила опасную для себя организацію; она предлагала народу вольности и онѣ прекрасно упрочивались въ немъ; она сочувствовала имъ до тѣхъ поръ, пока не примѣтила важности той моральной и физической силы, которая въ нихъ заключалась. Тогда Церковь стала пытаться отобрать назадъ эти вольности и сопротивляться всѣмъ новымъ. Въ Дофинэ, напримѣръ, духовенство рѣшительно заявило переломъ въ своей системѣ. Въ Віеннѣ и Гренoблѣ продолжали существовать слабыя муниципальные остатки; цехи тамъ долго отстаивали коммунальное начало среди общаго преклоненія провинціи предъ Церковью и феодализмомъ, но прошло два поколѣнія и тамъ свобода уничтожена ([109]). На Югѣ это было не такъ легко. Тамъ слишкомъ сжились съ свободой и идеей коммуны. Тамъ надо было сражаться оружіемъ и война альбигойская достаточно потрясла городское самоуправленіе, въ чемъ и заключается ея политико-государственный смыслъ.

([108]) Sebastiano Fantoni Castrucci. Historia della città d'Avignione e del Contado Venessino, stato della sede Apostolica nella Gallia. 1678, Ven. 2 v. II, 64.

([109]) Chorier. Histoire générale du Dauphiné. Grèn. et Lyon. 2 f. 1661—72; II, 136.

Такимъ образомъ, какъ разъ къ тому времени, когда въ самомъ религіозномъ убѣжденіи гражданъ и дворянъ совершалось нѣкоторое броженіе, поддерживаемое патріотической литературой, легкостію нравовъ, богатствомъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ неудачи крестовыхъ походовъ, въ успѣхъ которыхъ прежде такъ слѣпо вѣрили, — сѣть больщихъ и мелкихъ городовъ, промышленная и торговая дѣятельность которыхъ наполняла Югъ такою пестрою жизнію, представляетъ съ государственной стороны слѣдующія явленія.

Каждая община могла вооружаться для защищенія своей чести и безопасности, какъ противъ сосѣднихъ общинъ, такъ противъ феодальныхъ бароновъ, которые имѣли замки въ предѣлахъ ея территоріи. Община сама по себѣ заключала торговые трактаты и союзные договоры съ другими городами, равнымъ образомъ съ чужеземными, напримѣръ италіянскими. Судъ отправлялся консулами, независимыми отъ графовъ и феодаловъ. Консульство наблюдало за порядкомъ, за общественною безопасностію, однимъ словомъ сосредоточивало въ себѣ всѣ административныя обязанности; оно было потому облечено властію дѣлать всѣ необходимыя распоряженія. Оно вникало во всѣ сношенія гражданъ между собою и всюду приносило за собою необходимый порядокъ и законность въ частную жизнь. Консулы имѣли при себѣ совѣты, болѣе или менѣе многочисленные и составленные изъ разныхъ классовъ общества. Консуламъ подчинялись чиновники, назначенные ими же для исполненія разныхъ обязанностей по дѣламъ муниципіи; они представляли собою въ общемъ власть исполнительную, подобно тому, какъ консулы, взятые въ общей корпораціи, обладали законодательною функціей (110). Верховенство графовъ и бароновъ оказывалось потому только номинальнымъ. Это были почетные люди, жившіе будто на жалованьѣ у городовъ, которые содержали ихъ вмѣстѣ съ дворомъ и семействомъ, титуловали ихъ ради древняго происхожденія родовъ, но въ сущности обращались къ нимъ самимъ, къ ихъ вассаламъ и рыцарямъ только въ случаѣ внѣшней опасности.

---

(110) Fauriel. Hist. de la Croisade contre les Albigeois, intr. p. LVI.

Эти сузерены, имѣвшіе свои виды и цѣли относительно вассаловъ, были весьма снисходительны, когда дѣло касалось городовъ. Тутъ честолюбивыя попытки вызывали волненія и часто наказывались скорою и жестокою расправой. Граждане Безьера въ 1161 г. умертвили въ церкви своего виконта, Тренкавеля, который, по всему вѣроятію, сталъ стѣснять ихъ свободу (111), при чемъ жестоко избили своего епископа. Жители Лиможа выгнали англійскаго короля изъ своего города. Въ Марсели, среди бѣлаго дня, одинъ зажиточный горожанинъ напалъ на виконта Тюренния и посадилъ его въ башню (112). Какъ бы въ предостереженіе другимъ, иногда площади городовъ орошались кровью буйныхъ дворянъ и рыцарей, хотя рѣдко доходило дѣло до тѣхъ валовыхъ схватокъ, которыя составляли обыкновенное явленіе въ современныхъ республикахъ италіянскихъ.

Будто въ благодарность за умѣренный духъ и политическое безкорыстіе своихъ властителей, города видимо были расположены къ ихъ интересамъ, если они не касались вопросовъ о внутренней свободѣ общины.

Они поддерживали ихъ въ такихъ случаяхъ всѣми силами, со всею преданностію, врожденной долгою дружбой и понятіями чести. Когда съ Церковью вышелъ разладъ у тѣхъ и у другихъ, силы, враждебныя Риму, естественно должны были сплотиться, какъ никогда прежде. Соединенныя, онѣ оказали геройское сопротивленіе, полное высокихъ подвиговъ храбрости и примѣровъ самоотверженія. Опасность грозила одинаково и государямъ Юга и его городамъ (113). За

---

(111) Petrus Vallium Cernay. Historia Albigensium, c. 16. (Migne; CCXIII, 565—566).—Guillelmus de Podio Laurentii. Hist. Alb. c. 13. — Innoc. III Regest. l. XI, ep. 108 (Migne; CCXVI, 139). — Praeclara Francorum facinora, ab anno 1200 usque ad 1311, — a. 1208. — Срв. Gaufredus, prior Vosiensis in dioecesi Lemovicensi, — Chronicon a tempore Roberti Pii usque ad 1184, — c. 44. (Labbe. Bibliotheca nova manuscriptorum. 2 f. 1657; II, 279 — 342).

(112) Gaufredus Lemovic. Chronicon, c. 63, 70.

(113) «L'heroïque résistance que Simon de Montfort éprouva dans le Midi ne fut réellement, dans son principe, que l'énergique et rapide usage de l'indépendance ou de la liberté municipa-

графа тулузскаго, заподозрѣннаго въ ереси, его вѣрные города погибали среди пожара, разрушенія, грабежа и потоковъ крови. Поэты—горожане плачутъ объ униженіи и паденіи могущественныхъ графовъ, а благородные трубадуры, дѣти гордыхъ феодаловъ, государей Юга, грустными и полными отчаянія стансами провожаютъ величіе «царственной» Тулузы, порабощаемой папскимъ Римомъ.

На частномъ быту городовъ, вслѣдствіи ихъ самостоятельной исторіи, отразился, въ общемъ, отпечатокъ, совершенно своеобразный среди окружающихъ явленій насилія, произвола. Въ общинахъ всё сведено въ рамки законности. Обычныя постановленія старыхъ коммунъ сохранились въ городскихъ узаконеніяхъ настоящаго времени ([114]). Но тогда они поражали обаяніемъ новизны и тѣми благами, которыя доставляли они обществу. Кутюмы, хартіи, статуты, даютъ ясную картину лангедокскихъ городовъ XII и XIII столѣтій. Всѣ, жившіе въ стѣнахъ общины, могли продавать, покупать, пріобрѣтать и отчуждать свое имущество, по произволу, безъ платежей, безъ всякаго ограниченія. Для продажи вещи требовалось предварительно вынести её на городскую площадь. Вступать въ бракъ всякій горожанинъ и всякая горожанка могли съ кѣмъ угодно, но община хотѣла обезпечить ихъ собственное безбѣдное существенное. Вникая въ домашній бытъ семьи, она, по примѣру римскому, обращала много вниманія на имущественное право. Каждый, получившій въ приданое 1000 солидовъ, долженъ былъ по крайней мѣрѣ половину дать женѣ въ видѣ свадебнаго подарка (donatio nuptiarum). Если жена умирала, то этотъ даръ возвращался мужу, тогда какъ приданое переходило въ родъ жены. Завѣщаніе, хотя бы словесное, но сдѣланное предъ людьми достойными вѣры, имѣло силу писаннаго и законно засвидѣтельствованнаго. Со всѣми такими юридическими правилами сжилась южная община; замѣна ихъ другими, выросшими

---

le que les villes de ces contrées avaient enfin conquise». Fauriel. Croisade contre les Albigeois; intr. p. LVII.

([114]) «Leur ensemble (des coutumes) révèle que baucoup de choses, utiles introduites de nos jours dans l'administration ou dans les lois, avec tout l'éclat de la découverte, furent connues de nos pères». Roger. Archives historiques de l'Albigeois; 105.

при условіяхъ иной жизни, была знакомъ паденія свободы, порабощенія иному народу. Городское полицейское законодательство всегда особенно подробно и обстоятельно. Проступки противъ порядка наказывались пенею ([115].) Величина ея опредѣлялась качествомъ и важностью преступленій. Правительство въ эту эпоху цеховъ и монополій должно было иногда принимать видъ коммерческой агентуры; оно слѣдило за рынками, равно за правильностію мѣръ и вѣса, обманъ въ которыхъ велъ за собою самую большую пеню. а въ Виллафранкѣ, напримѣръ, уличенный въ обманѣ, за неимѣненіемъ средствъ къ уплатѣ, долженъ былъ обнаженнымъ пройти по главной улицѣ города ([116]). Въ нѣкоторыхъ общинахъ продолжали существовать даже божіи поединки. Кровопролитіе въ городѣ было запрещено закономъ; даже угроза мечомъ влекла штрафъ (20 солидовъ). Убійца лишался имущества и изгонялся изъ общины. Городъ могъ гордиться своей обширной свободой; всякій, кто селился на его территоріи, уже тѣмъ дѣлался свободнымъ. Потому община была единственнымъ свѣтиломъ для земледѣльца, обреченнаго на несчастную участь,—для раба, бывшаго собственностью своего господина и виллана, лично свободнаго, но прикованнаго къ своей несвободной землѣ. Оттого внѣ общины ему не представлялось въ будущемъ ничего отраднаго и онъ долженъ былъ бы тяготиться своею жизнью, родясь, работая и умирая для своего господина. Когда баронъ изъ страха мученія ада, боясь Бога, или чаще изъ земной корысти, освобождалъ крестьянина отъ закрѣпленія,

---

([115]) Mary-Lafon. Histoire du Midi de la France; II. 323—325.—Для кутюмовъ альбійскихъ: Roger. Archives htstoriques de l'Albigois; 239—257.—У Giraud во второмъ томѣ Essai sur l'hist. du droit français впервые напечатаны: статуты и кутюмы провансальскіе (4—88), муницинальные статуты и кутюмы города Апта (autreiatz tant per lo comte Berenguier, lo rey Karle premier, els autre prodecessor, reys e comtes de Proensa e de Forcalquier, e ufficials siens, p. 128—185), статуты арелатскіе отъ 1162 — 1202 г. (185 — 246).

([116]) «Et se donar nolos podia deii corre tot nud per la major carriera de la sobre dicha villa». Roger. Arch. de l'Albigeois; 107, 246.

тогда, — радостно вступая въ ворота гостепріимной общины, онъ дѣлался равноправнымъ и даже страшнымъ для своего бывшаго господина. Въ общинѣ нивелировались средневѣковыя сословія и тѣмъ болѣе это можно сказать про общины лангедокскія, исторія которыхъ и есть исторія Юга. Блескъ ежегодныхъ торжествъ и праздниковъ общины особенно поражалъ послѣ суровыхъ, вседневныхъ впечатлѣній. Онъ былъ предметомъ восторговъ и наслажденій въ годы дѣтства горожанина; онъ же занималъ его подъ старость, какъ символъ крѣпости и долговѣчности его роднаго города. Съ торжественнымъ выборомъ консуловъ, съ этими звуками вѣчеваго колокола, знакомыми слуху каждаго ребенка, съ пышными процессіями, пестротою и яркостью цвѣтовъ въ нарядахъ мужчинъ и женщинъ, съ этими античными багряными тогами, украшенными горностаемъ, — были связаны лучшія воспоминанія горожанина. Когда онъ вѣнчался, то опять священный обрядъ приводилъ его къ ногамъ консула, которому молодая пара приносила дары изъ цвѣтовъ и плодовыхъ вѣтвей, съ соблюденіемъ цѣлаго этикета по старому обычаю. Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ встрѣчался съ тою же властью, въ которой признавалъ силу самого себя и которая была его гордостью. Высоко поднимается гнѣвъ народа, когда его задѣваютъ въ существенныхъ интересахъ, когда трогаютъ его богатства; еще сильнѣе становится народъ, когда грозятъ опасностью его свободѣ, и, конечно, геройская крѣпость должна явиться въ немъ, когда задѣты его самыя дорогія убѣжденія, безъ которыхъ немыслима жизнь сердца, убѣжденія религіозныя. Все это постигло южанъ со стороны католической Церкви, — въ то самое время, когда новая политическая идея зрѣла на Сѣверѣ Франціи и съ своей стороны намѣрена была принести на Югъ элементы, грозившіе уничтожить самое матеріальное и духовное процвѣтаніе городовъ лангедокскихъ.

Эти города, прекрасно награжденные природою, вѣками предоставленные самимъ себѣ, привыкшіе пользоваться свободою, достаточно обезпеченные за свою вольность, стали напрягать всѣ усилія къ удовольствіямъ жизни, къ обогащенію. Народонаселеніе быстро увеличивалось; оно было въ прямомъ отношеніи къ ихъ гражданскому росту. Богатство могло еще болѣе возвысить ихъ политическое положеніе. Каждый изъ нихъ думаетъ о собственныхъ выгодахъ и въ окружающихъ политическихъ обстоятельствахъ привыкаетъ видѣть вѣрное и удобное къ тому средство. Двѣнадцатому столѣтію, — въ которое организовалась община, — современно великое крестовое движеніе, охватившее цѣлымъ потокомъ святаго чувства всю западную Европу. Этому движенію суждено было не только сберечь общину, но и дать ей большое процвѣтаніе. Дѣйствительно, духъ и характеръ крестовыхъ походовъ сильно благопріятствовали обогащенію и потому усиленію городовъ. Все, что въ Палестину стремилось за небесными, оставляло въ пренебреженіи земныя блага. Если крестоносцы были люди восторженные, если святое увлеченіе двигало ихъ существомъ, то оставшіеся дóма принадлежали скорѣе къ числу хладнокровныхъ натуръ, къ категоріи матеріалистовъ вѣка. Они, движимые совершенно иными побужденіями, болѣе преклонялись передъ земными идеалами. Потому имущества и владѣнія крестоносцевъ, большею частію погибавшихъ въ походахъ, переходили цѣликомъ въ ихъ руки за ничтожныя суммы. На эти средства граждане могли пріобрѣтать себѣ отъ феодаловъ и новыя льготы и новые источники доходовъ. Всякому коммерческому предпріятію открывался тогда удобный исходъ; всякій практическій разсчетъ осуществлялся во время экстаза и общаго увлеченія любимой идеей. Города аппенинскаго полуострова особенно выиграли своею врожденной предпріимчивостью. Но и лангедокскія республики, ученицы италіянскихъ, воспользовались своею долей, предоставленной нѣкоторымъ изъ нихъ выгодами географическаго положенія, близостью моря и судоходныхъ рѣкъ, а прочимъ счастливымъ сосѣдствомъ и агитаціей политической дѣятельности. Добыть деньги, сдѣлавшіяся тогда конечною цѣлью всѣхъ стремленій, не было также особенно трудно. Перевозить крестоносцевъ, снабжать ихъ всевозможными потребностями, лежало на обязанности городскаго класса. Удовлетворяя меркантилизму, тогда всецѣло охватившему всякаго, это обстоятельство въ то же время развивало торговлю и промышленность. Капиталъ, трудъ, искусство становятся силой общественной и политической. Предпріимчивость купца беретъ верхъ надъ храбростью рыцаря, знаніе надъ физической

силой; жизненный комфортъ можетъ скорѣе привлечь, чѣмъ желѣзные доспѣхи. Часто самые фанатическіе рыцари возвращались изъ Палестины съ иными обычаями, склонностями и понятіями, весьма не христіанскими. Для большинства Палестина представлялась Эльдорадо, раемъ земнымъ. Между тѣмъ, не стѣсняемая никакою постороннею силою, торговая и промышленная дѣятельность съ XII вѣка начинаетъ рости съ непомѣрно ускорительною быстротою. Корабли Венеціи, Генуи, Марсели, Арля, привозившіе крестоносцевъ въ Азію, возвращались назадъ съ богатыми произведеніями мало знакомаго Востока. Эти произведенія преимущественно сосредоточивались въ Италіи, но оттуда они прежде всего передавались на берега Роны, Гаронны и Геро, теченіемъ которыхъ достигали дорогъ Оверни и Велэ. Въ Марсели, Арлѣ, Монпельѣ, Тулузѣ, Санъ-Жиллѣ, Нарбоннѣ, Безьерѣ, Люнелѣ и Бокерѣ,—учредились склады продуктовъ и издѣлій азіятскихъ. Сюда же доставлялись произведенія италіянцевъ и испанскихъ арабовъ, опередившихъ лангедокскій Югъ въ мануфактурѣ, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. По дѣламъ торговымъ вся земля провансальскаго языка должна была постоянно жить въ общеніи съ евреями и мусульманами. На образованномъ Югѣ они пользовались бо́льшими правами, чѣмъ гдѣ либо; они невольно предрасполагали туземныхъ гражданъ къ иновѣрію или по крайней мѣрѣ къ разнообразному толкованію христіанства. Мы докажемъ послѣ, что ересь альбигойская подготовлена была духомъ другихъ странъ, что она была въ большинствѣ случаевъ принесена въ Лангедокъ; но дѣло въ томъ, что въ областяхъ лангедокскихъ ее нетерпѣливо поджидалъ рядъ благопріятныхъ ей условій, которыя и надлежитъ изложить намъ. Евреи и сарацины, жившіе во всѣхъ городахъ провансальской рѣчи, съ своей стороны значительно двигали успѣхи экономической жизни. Причиною широкаго развитія матеріальнаго благосостоянія была, кромѣ политическихъ условій и торговли,—самая организація цеховъ и таможенныхъ уставовъ. Матеріальнаго процвѣтанія страны не могли задержать ни отсутствіе научно-хозяйственныхъ теорій, ни монопольныя системы, ни стѣсненія въ родѣ portaticum, pontaticum, ripaticum, ни разнообразіе денежныхъ знаковъ, изъ которыхъ только въ одной Альбижуа ходили мельгоріены (около 1 фр.), рэмондены (62 сант.), мѣстные солиды турненскіе (90 сант.), тулузскіе (2 фр.), руэргскіе, денаріи (8 сант.), мелы или оболы (½ ден.),—монеты неопредѣленной и неустановившейся цѣнности, вмѣстѣ съ которыми на рынкахъ обращались безъ разбора монеты всего свѣта (117). На всѣхъ этихъ рынкахъ, въ торговое время, можно было видѣть смѣшеніе племенъ, языковъ и вѣръ. Тутъ вмѣстѣ съ мусульманами были всѣ народности, подвластныя нѣкогда имперіи римской, говоритъ старый путешественникъ. Мавры, армяне, египтяне, сирійцы мѣшались съ православными греками, съ католическими римлянами, скандинавами, ломбардцами, французами, каталонцами, венеціанцами, англичанами, пизанцами, нѣмцами, генуэзцами. Тутъ говорили на всѣхъ языкахъ тогдашняго міра. Сюда сносились предметы и необходимости и изысканной роскоши, шелки и шерстяныя ткани Азіи и Италіи, оружіе Дамаска, зеркала, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя вещи. Вообще, въ городахъ Лангедока и Италіи, также какъ въ зарождавшихся комунидадахъ христіанской Испаніи, можно было наслаждаться благами жизни въ то время, когда въ другихъ христіанскихъ странахъ нельзя было ручаться въ личной безопасности.

Понятно, что быстрое развитіе цивилизаціи не можетъ совершиться безъ нѣкотораго потрясенія нравственныхъ идеаловъ. Процвѣтаніе ея, наслажденія, приносимыя ею, легко могутъ вести къ уклоненію отъ началъ чистой нравственности, къ пороку, который представляется въ такихъ случаяхъ облеченнымъ въ изящную, соблазнительную форму. Роскошь и изысканность новой жизни, созданной счастливымъ экономическимъ переворотомъ, не всегда можетъ потому удовлетворить требованію строгаго, нравственнаго суда. Въ виду общаго увлеченія, такой судъ произносится впрочемъ рѣдко. До насъ дошелъ весьма интересный взглядъ одного аквитанскаго духовнаго на своихъ современниковъ

---

(117) Цѣнности альбійскихъ монетъ изслѣдовалъ Fossé; результаты у Roger. Arch. de l'Alb. 52—54. Тамъ же — важный для экономической исторіи страны помостный тарифъ отъ XIII столѣтія, извлеченный изъ мѣстныхъ архивовъ; 251 — 251. — Helferich. Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle. 1843.

второй половины XII вѣка. Готфридъ, пріоръ «Vosiensis» не принадлежитъ къ числу аскетовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; ихъ тогда даже не могло быть въ землѣ лангедокской, но тѣмъ не менѣе онъ судитъ съ высоты нравственнаго идеала стараго времени; онъ сторонникъ преданій Гильдебранда и послѣдователь старой клюнійской реформы, которая только одна развѣ могла бы нанести ударъ распространенію ересей. Оставаясь равнодушнымъ къ удобствамъ матеріальной жизни и иронично отзываясь о нихъ, Готфридъ рисуетъ вѣрную картину домашняго и общественнаго быта тогдашнихъ аквитанцевъ. Напомнимъ, что строгій настоятель презираетъ блескъ и удовольствія жизни. «Нѣкогда, говоритъ онъ, благородные бароны не стыдились носить плохихъ бараньихъ шкуръ, любили и лисьи мѣха; теперь того не надѣнетъ человѣкъ средственнаго состоянія. Теперь изобрѣли дорогіе и разнообразные наряды, въ которыхъ люди болѣе походятъ на разрисованныхъ дьяволовъ (in sperulis et singulis minutissime frepantes); этимъ нарядамъ понадавали много новоизобрѣтенныхъ названій (Chlamides vel cappas perforaverunt, quas vocabant Aiot). У платьевъ теперь понадѣлали такіе рукава, что они стали походить на церковныя ризы. Молодежь обоихъ половъ покрываетъ голову тремя уборами: сперва колпакомъ, потомъ полотняной шляпой, и уже поверхъ всего верблюжьей. У молодыхъ длинные и остроконечные башмаки, а сапоги, которые могли носить только знатные, теперь сдѣлались обыкновенною обувью простаго народа. Тогда дворянство стригло волосы и отпускало бороду, теперь брѣются и крестьяне и прислуга. Я ужь умолчу о длинныхъ шлейфахъ, съ которыми женщины появляются на улицахъ (замѣтимъ кстати съ своей стороны, что въ Провансѣ городскими статутами длина и качество платьевъ опредѣлялись въ точности происхожденіемъ, чего не знали въ республикахъ Италіи). Цѣны на сукна и мѣха удвоились. Теперь публичныя женщины носятъ одежду болѣе цѣнную, чѣмъ прежде носили бароны, которые держали въ былое время открытый столъ, кормили горожанъ и могли расточать милостыню. Теперь безпріютные иностранцы поселились въ домахъ гражданъ. Каждый хочетъ жениться и выдѣлиться, а имущества между тѣмъ дробятся. Хотя въ народѣ строго соблюдаютъ посты, не ѣдятъ масла по пятницамъ и мяса по субботамъ, но пусть

они больше бы ѣли мясо, да меньше грѣшили... А между тѣмъ князья и рыцари разрушаютъ церкви, которыя созидали ихъ отцы. Въ старину смотрѣли на процентщиковъ, какъ на преступниковъ; теперь же это ремесло такъ распространилось, что даетъ законный доходъ, будто плодъ земной (quasi redditus agrorum). Все преисполняется пороками. Между родственниками за частую совершаются браки и знатныхъ и простыхъ, такъ что кара Божія опредѣлила вреднымъ животнымъ истребить поля Аквитаніи» ([118]). Въ нравственномъ отношеніи, много ненормальнаго должно было представлять тогдашнее общество съ непосредственно христіанской точки. Съ этимъ нельзя не согласиться. Развитіе цивилизаціи шло въ ущербъ патріархальнымъ идеаламъ, какъ бы тѣ ни были благотворны въ нѣкоторомъ смыслѣ. Историческій судъ не можетъ исходить изъ однихъ пуританскихъ началъ, изъ одного ригоризма. Открывалась почва для посѣва сѣмянъ новой мысли. Когда христіанскій авторитетъ поколебался въ жизни, со стороны его практическихъ приложеній, — то тѣмъ легче было подрывать его въ теоріи. Это дѣло взяла на себя литература и преимущественно поэтическая.

Кипучая жизнь и матеріальное благосостояніе страны вызвали въ ней утонченность образованія. Земля кельтовъ, басковъ, карѳагенянъ, грековъ, римлянъ, германцевъ, — Лангедокъ былъ ареной борьбы между христіанствомъ и мусульманствомъ. Въ этой борьбѣ были совершены героическіе подвиги, способные возбудить самый пламенный энтузіазмъ. На нихъ, какъ бы на послѣдній звукъ рога умирающаго Роланда, откликнулась своеобразная и блистательная поэзія. Толчекъ ей данъ былъ испанскими арабами, у которыхъ чувство давно высказывалось въ изящныхъ и пылкихъ стихахъ. Арабскіе рыцари были наставниками христіанскихъ если не въ храбрости, то въ гуманности, честности, изяществѣ, образованности, а также въ умѣньи пользоваться жизнію. Германское начало уваженія къ женщинѣ совмѣстилось съ тѣми духовными явленіями, какія выработало христіанство и мусульманство. На почвѣ провансальской выросъ европейскій рыцарь; онъ заговорилъ прежде всего на языкѣ Юга

([118]) **Gaufredus Lemovic. Chronicon; с. 73 — 74.**

и скоро этому типу стала подражать вся западная Европа. Его храбрость, его великодушіе, его идеалы чести и любви, его набожность выразились лирическими пѣснями жонглера и трубадура. Съ этою чистотою поэтическаго вдохновенія, этой красотою звуковъ, могла соперничать только древняя эллинская лирика ([119]). Такъ создавалась эта своеобразная, превосходная поэтическая литература. Общественная и духовная жизнь арабовъ, ихъ веселая наука дѣлаются предметомъ зависти и подражанія христіанъ побѣдителей съ самаго XI вѣка. Въ Лангедокъ незамѣтно переходятъ и нравы мусульманъ, гдѣ принимаются со всѣмъ обаяніемъ новизны и прелести. Скоро, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, сложилась жизнь знати Юга. При многочисленныхъ дворахъ феодальныхъ, склонныхъ къ гостепріимству, разсказываютъ поэмы о старыхъ подвигахъ и поютъ пѣсни въ честь дамъ, во славу красоты ихъ. Тамъ думаютъ о наслажденіяхъ и завидуютъ счастливому положенію арабскихъ рыцарей и многимъ другимъ сторонамъ мусульманства. Вмѣстѣ съ рыцарскими турнирами соединились пріятныя забавы дворовъ и судовъ любви (corts d'amors), дававшія возвышенный полетъ стремленіямъ рыцарства, а иногда возбуждавшія и чувственность. Вмѣстѣ съ идеальностью трубадуровъ, принадлежавшихъ преимущественно къ высшему сословію, складываются противоположныя явленія нравственной жизни. Все это придаетъ соціальной картинѣ того времени полноту содержанія и интереса. Центръ поэзіи былъ при дворахъ аррагонскомъ, провансальскомъ, тулузскомъ. Тутъ блистательнѣе всего проходила жизнь высшихъ сословій и тутъ удобнѣе всего развились духовныя явленія, противоположныя воззрѣніямъ христіанства. Дамы, поля битвы наполняли собою всѣ помыслы трубадуровъ. «Единственная обязанность мужчины, говорилъ Бернаръ де-Вентадуръ, имѣть свободное и доброе сердце, чтобы обожать всѣхъ дамъ» ([120]). Въ са-

([119]) **Raynouard.** Des troubadours et des cours d'amour 1817, Par. p. 2—3.—О вліяніи арабской поэзіи на провансальскую срв. **Mary-Lafon** (Tableau hist. et comparatif de la langue parlée dans le midi de la France, p. 125 — 130) и **Fauriel** (Histoire de la poésie provençale. III, 310 — 341).

([120]) «Per sola leys cui hom so—Dei aver franc cor e bo—Per totas domnas honrar». **Mary-Lafon.** Midi; II, 379.

мыхъ личностяхъ трубадуровъ, ихъ характерахъ, подробностяхъ ихъ жизни рисуются духовныя стороны, одушевлявшія эпоху. Каждый трубадуръ прежде всего посвящалъ себя избранной дамѣ. Платоническое чувство, если не всегда руководило такою привязанностью, то тѣмъ не менѣе оно характеризуетъ эпоху лучшаго времени рыцарства и его исторію. «Это уже не любовь, которая ищетъ награды», говорили трубадуры, и такое убѣжденіе подтверждается жизненными приключеніями знаменитыхъ трубадуровъ. — Богатый и счастливый владѣтель своего замка, трубадуръ Рудель, влюбился по слухамъ въ графиню Триполи; онъ никогда не видалъ ея; пилигримы изъ Антіохіи занесли вѣсть объ ея красотѣ и добротѣ. Онъ сталъ воспѣвать эту даму, потомъ рѣшился видѣть ее и посвятить ей себя. Послѣ многихъ приключеній на морѣ, онъ, полуживой, едва доѣхалъ до владѣній своей дамы. Графиня, узнавъ о пріѣздѣ знаменитаго рыцаря, навѣстила его. Услыхавъ ея голосъ, умирающій поднялъ глаза, возблагодарилъ Бога, что онъ далъ ему возможность хотя разъ въ жизни видѣть предметъ своей идеальной любви. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ умереть на ея рукахъ. — Видаль, отвергнутый своей дамой и позорно наказанный изъ ревности синьоромъ санъ-жилльскимъ,—что впрочемъ весьма рѣдко случалось, — съ печали и отъ безнадежной любви потерялъ разсудокъ. Ему казалось, что онъ императоръ византійскій. Въ раззолоченномъ бумажномъ вѣнцѣ, предметъ потѣхи въ замкахъ бароновъ, онъ занималъ своими пѣснями и своимъ несчастіемъ дворы англійскій, тулузскій, аррагонскій. — Бернаръ де-Вентадуръ съ горя о смерти Раймонда V тулузскаго, къ которому онъ былъ сильно привязанъ, пошелъ въ монастырь

Но если, при изученіи эпохи, нельзя забыть ея идеальнаго фона, то для насъ, тѣмъ важнѣе, открыть непосредственно практическій, соціальный элементъ въ поэзіи трубадуровъ и жонглеровъ, сопровождавшихъ своихъ учителей лѣтомъ, а зимой внимательно выслушивавшихъ курсъ веселой науки. Сборникъ Ренуара представляетъ интересныя доказательства такого характера южной поэзіи въ эпоху альбигойскихъ ересей.

Чувство любви въ стихахъ южныхъ трубадуровъ становится выше интересовъ религіи, и, часто, безцеремонно смѣшивается съ ними. «Самъ Богъ бы изумился, когда бы я

осмѣлился покинуть свою даму, поетъ одинъ изъ нихъ; Всевышній не знаетъ, что если бы я потерялъ ее, то никогда и ни въ чемъ не нашелъ бы счастья, и что Онъ самъ не зналъ бы, чѣмъ утѣшить меня». Высказывая чувства къ своей дамѣ, другой трубадуръ признается, что поглощенный всецѣло этимъ чувствомъ, онъ забываетъ все остальное на свѣтѣ. «Я забываю самого себя, чтобы думать о Васъ, и даже когда хочу молиться, то только вашъ образъ занимаетъ мои мысли» ([121]). Въ лирическихъ порывахъ южныхъ пѣвцовъ прорывается если не ихъ равнодушіе, то по крайней мѣрѣ непочтительное отношеніе къ религіи. Потому простые любовные стансы своими намеками, сравненіями, оборотами, вообще складомъ служатъ матеріаломъ для характеристики нравовъ высшаго сословія на Югѣ. «Моя возлюбленная, говоритъ Рамбо д'Оранжъ, смотрѣла на меня съ такой нѣжностью, что казалось будто самъ Богъ улыбался мнѣ. Одинъ такой взоръ моей дамы, дѣлая меня счастливѣйшимъ на свѣтѣ, приноситъ мнѣ больше радостей, чѣмъ попечительнѣйшія заботы 400 ангеловъ, которые пекутся о моемъ спасеніи» ([122]). Въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ прорывается чувственная страсть, намеки становятся еще рѣшительнѣе:—«Когда сладкій зефиръ повѣетъ въ тѣхъ незабвенныхъ мѣстахъ, которыя нѣкогда Вы осѣняли вашимъ присутствіемъ, — мнѣ кажется, я чувствую обаяніе рая... Когда я наслаждаюсь счастіемъ созерцать Васъ, ощущать прелесть вашего взгляда, я не думаю о другомъ блаженствѣ. Тогда я владѣю самимъ Богомъ ([123]).—Вашъ обольстительный станъ, сладкая улыбка на устахъ, нѣжность, изящество, вся неодолимая прелесть вашего тѣла, вѣчно въ моихъ мысляхъ и въ моемъ сердцѣ. Если бы такъ я думалъ о Богѣ; если бы я къ нему имѣлъ такую чистую привязанность, то, конечно, раньше кончины моей, даже въ продолженіе цѣлой жизни, былъ бы помѣ-

([121]) **Bernard de Ventadour,—помѣщено у Raynouard. Choix des poésies des troubadours; III, 83.—Pons de Capdueil, тамъ же; III, 174. Въ переводѣ полагаемся на авторитетъ издателя; см. его Des troubadours; эта книга служила намъ руководящимъ пособіемъ.**

([122]) **Raynouard. Choix; III, 16.**

([123]) **Bernard de Vantadour — ib. III, 84.**

щенъ имъ въ раю ([124]).—Не думайте, чтобы я отъ гордости твердилъ о своемъ счастьи; нѣтъ, — я люблю свою даму со всей нѣжной страстью; ей посвящены самыя пылкія желанія мои и если смерть застигнетъ меня внезапно, то послѣдняя молитва моя къ Богу будетъ не о раѣ,—нѣтъ,—я буду молить его наградить меня, въ замѣнъ его рая, еще ночью въ ея объятіяхъ» ([125]).—Подсмѣиванье надъ церковными обрядами слышится въ легкомысленномъ взглядѣ на характеръ семейныхъ отношеній, проявившійся тогда въ земляхъ лангедокскихъ:—«Такъ какъ обѣты и клятвы любви, нѣкогда данныя нами обоюдно другъ другу, могутъ въ послѣдствіи помѣшать новымъ привязанностямъ и случайностямъ любви, то гораздо лучше отправиться теперь же къ священнику и просить его о новомъ благословеніи. Разрѣшите меня отъ моихъ обѣщаній, а я Васъ разрѣшу отъ вашихъ, скажемъ мы другъ другу,—и тогда, по окончаніи церемоніи, каждый изъ насъ будетъ въ правѣ дозволить себѣ новую любовь. Если я въ порывахъ ревности, сдѣлаюсь преступнымъ въ оскорбленіи Васъ,—простите меня; съ своей стороны и я искренно прощаю васъ ([126])». Еще съ большей смѣлостью прорываются некатолическія чувства трубадуровъ того времени въ сонетахъ Гюго Башелери и Бонифація Кальво:—«Да, я клянусь святымъ Евангеліемъ, что ни Андрей Парижскій, ни Флорисъ, ни Тристанъ, ни Амалисъ не имѣли такой чистой страсти, такой вѣрной привязанности, какъ моя. Съ тѣхъ поръ какъ я посвящаю сердце своей дамѣ, я не читаю pater noster, что бы въ словахъ «qui est in coelis» не подумать всѣмъ сердцемъ о ней ([127]).—Она была такъ чиста въ своихъ рѣчахъ, такъ разумна въ поступкахъ, поетъ Кальво о своей дамѣ, что я просилъ Господа принять ее въ свою святую райскую обитель. И нисколько не сомнѣвался въ томъ, ибо, какъ думаю, безъ моей дамы въ этомъ раю не будетъ совершенства ([128])».—Во всемъ этомъ нельзя видѣть однѣхъ метафоръ, одного увлеченія пѣвцовъ своими

([124]) **Guillaume de Cabestaing,—у Raynouard; III, 115.**

([125]) **Raymond Iorda,—Rayn. III, appendix.**

([126]) **Pierre de Barjac, — Rayn. III, 243.**

([127]) **Rayn. III, 447.**

([128]) **Id. III, 342.**

дамами, и далеко нельзя видѣть ихъ религіозности, какъ полагаетъ Ренуаръ. Трудно повѣрить тому, чтобы, «служа въ одно время Богу и дамѣ, они хотѣли оставаться вѣрными и культу Церкви и культу любви» ([129]). Въ эпоху религіознаго экстаза, доходившаго до дикаго суевѣрія въ остальной Европѣ, подобные литературные пріемы, незнакомые прежде нигдѣ, обнаруживають по меньшей мѣрѣ религіозное легкомысліе на Югѣ Франціи, легкомысліе общее съ Италіей. Это были признаки того, что почва удобно подготовлена къ воспринятію еретическихъ мечтаній.

Съ своей стороны, содержаніе эпической поэзіи, полной чародѣйствъ германской миѳологіи, волшебствъ арабской сказки и преданій таинственной эпохи друидовъ,—не всегда способно было воспитывать христіанское міросозерцаніе. Въ то же время, изъ академій Кордовы и Гренады проливались лучи новаго просвѣщенія. Тамъ зарождались попытки къ объясненію началъ бытія и, пользуясь извращенными твореніями мыслителей классической древности, арабскіе философы приходили къ интереснымъ и своеобразнымъ выводамъ, легко и увлекательно воспринимаемымъ на христіанскомъ Югѣ. Вмѣстѣ съ наукой, провансальцы могли ознакомиться съ поученіями іудейскихъ раввиновъ. Еврейскія школы особенно были многочисленны; на гуманномъ и просвѣщенномъ Югѣ евреи пользовались тогда свободой, большею чѣмъ гдѣ либо. Врачи, философы, математики, астрологи Прованса были изъ евреевъ по преимуществу. Медицинская школа въ Монпельѣ, въ XII столѣтіи, была наполнена арабскими и еврейскими профессорами-послѣдователями Авицены и Аверроэса; по всѣмъ большимъ городамъ Лангедока были еврейскія коллегіи. Особенно славилась нарбоннская, и послѣ нея въ Безьерѣ, Монпельѣ, Люнелѣ, Бокерѣ и Марсели. Преподаваніе въ ихъ училищахъ было безплатное. Курсы иногда бывали публичные. Недостаточные ученики и слушатели пользовались даровымъ содержаніемъ на счетъ профессоровъ. Это былъ большой поводъ къ соблазну и одно изъ средствъ

([129]) Самъ Ренуаръ замѣчаетъ по этому поводу: «cette inconvenance naive, qui, de la part d'écrivains appartenant à d'autres temps et à d'autres moeurs, serait jugée une coupable irrévérence offre ici une couleur locale» etc. Des troubadours; 34.

къ распространенію ереси. Католическое духовенство было безсильно тому воспрепятствовать. Въ академіи Бокера славился докторъ Авраамъ, въ Санъ-Жиллѣ еврейскій мудрецъ Симеонъ и раввинъ Іаковъ, въ Марсели Фирфиній и его зять, другой Авраамъ ([130]). Подъ благотворнымъ вліяніемъ евреевъ и у христіанъ было учреждено собственное безплатное обученіе; такъ было въ школѣ города Альби для предметовъ первоначальнаго обученія,—о чемъ можно заключить изъ одного документа позднѣйшаго времени ([131]). Но ересь уже слишкомъ упрочилась въ этихъ городахъ, чтобы подобное учрежденіе могло принести пользу интересамъ католичества. Иновѣрное вліяніе было могущественно по всей странѣ. Въ городскомъ сословіи евреи, еще при арабскомъ владычествѣ, составили элементъ сильный богатствомъ и дѣятельностью. Замѣчательно, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ ихъ было особенно много, какъ въ Монпельѣ и Нарбоннѣ, муниципальный уставъ назывался «thalamus», что, по Форіелю, представляетъ филологическое сходство съ наименованіемъ законодательнаго кодекса іудеевъ ([132]). Не только свѣтскіе ученые, но и духовные, заимствовались мудростью арабовъ и евреевъ. Арнольдъ, епископъ аагелонскій въ концѣ XI вѣка, славился разнообразіемъ свѣденій и знаніемъ арабскаго языка. Манфредъ Безьерскій разсуждая объ астрономіи, исключительно цитуетъ восемь арабскихъ астрономовъ. Одинъ марселецъ Барраль де Бо принимаетъ, какъ сокровище астрологической практики, Альбогазена. Не только арабская наука, но и краснорѣчіе пользовались обширнымъ кредитомъ въ Провансѣ. Пьеръ Кардиналь, уже долго спустя, говоритъ, что онъ хотѣлъ бы обладать храбростью татарина и краснорѣчіемъ саррацина. Многія событія библейской исторіи приняли на Югѣ легендарную окраску подъ вліяніемъ восточнаго воображенія. Таинство искупленія даже у католиковъ облеклось въ аллегорическую сказку. На провансальскій языкъ было переведено съ арабскаго апокрифическое Евангеліе о «Дѣтствѣ Спасителя».

([130]) Itinerarium doctoris Benjamini Tudelensis apud Mary-Lafon. Midi de la France; II, 350. Отдѣльное изданіе Antwerp. 1575.

([131]) Roger. Arch. hist. de l'Albigeois; 246.

([132]) Fauriel. Histoire de la poésie provençale; III, 316.

Находясь подъ такимъ иновѣрнымъ вліяніемъ, трубадуры школъ Аквитаніи, Оверни, Родеца, Лангедока и Прованса ([133]) до того рѣзко говорятъ въ своихъ сирвентахъ о порокахъ католическаго духовенства, что часто захватываютъ и самые догматы, невольно или намѣренно оскорбляя ихъ, какъ уже было замѣчено. Обратимся теперь собственно къ тѣмъ памятникамъ поэтическаго и чисто историческаго характера, которые рисуютъ тогдашніе нравы католическаго духовенства.—«Церковь,—восклицаетъ трубадуръ де ла Гарда,—пренебрегаетъ самыми священными обязанностями своими. Удовлетворяя корыстолюбію и жадности, она за низкую цѣну прощаетъ всѣ преступленія. Священники неумолкно твердятъ съ каѳедръ, что не слѣдуетъ желать благъ земныхъ, но они весьма непослѣдовательны. Они защищаютъ убійство и кощунство, такъ какъ сами повинны въ томъ и другомъ; по несчастію, нашъ вѣкъ идетъ по ихъ слѣдамъ ([134]). — Священники сдѣлались инквизиторами нашихъ поступковъ. Я не за то порицаю ихъ, что они судятъ, но за то, что они властвуютъ по своимъ капризамъ. Пусть они сокрушаютъ заблужденія,—говоритъ Монтаньану по поводу мѣръ строгости, принятыхъ Римомъ относительно еретиковъ,—но безъ злобы, одною силою убѣжденія; пусть они съ добротою приводятъ къ истинѣ тѣхъ, которые отклонились отъ вѣры; пусть они даруютъ милость и пощаду кающемуся, дабы виновный и невинный одинаково не дѣлались несчастными. Напрасно твердятъ они, что золотыя парчи неприлично носить дамамъ; если бы не дѣлали другаго зла, если бы онѣ не возгордились тѣмъ, то красивый нарядъ никогда не лишитъ ихъ милости Божіей. Тѣ, которые исполняютъ обязанности свои къ Богу, не отталкиваются имъ, потому только, что роскошны ихъ одежды. Точно также и священники и монахи не заслужатъ еще награды отъ Бога, если ничего лучшаго не съумѣютъ сдѣлать, какъ вырядиться въ черныя рясы и бѣлые капишоны» ([135]).—Такъ вы-

([133]) Таблица дѣленія трубадуровъ по школамъ и подраздѣленія ихъ у Baret. Espagne et Provence; 56 — 57.

([134]) Pons de la Garda: «De la gleisa». Raynouard.—Choix; IV, 278.

([135]) Raynouard; IV, 335.

сказывалось общественное мнѣніе въ виду крутыхъ мѣръ Церкви по отношенію къ ересямъ и еще ранѣе ихъ. Въ то же время когда начались войны, голосъ трубадуровъ, полный ненависти и мести, поднялся еще выше. Своею роскошью, богатствомъ, недоступностью—высшее духовенство того времени само возбуждало противъ себя общее негодованіе. Веселая и роскошная жизнь вельможъ и купцовъ лангедокскихъ всегда служила предметомъ соревнованія въ духовенствѣ. Если ихъ жилища были убраны бархатомъ, шелкомъ, самитомъ, если камни и жемчуги блестѣли на ихъ женахъ, если одежды ихъ кидались въ глаза великолѣпными украшеніями, а головные уборы изысканной странностью, то еще большею пышностью и роскошью отличались красные и бѣлые наряды духовныхъ. Ихъ помѣстья, десятины приносили имъ мѣшки стерлинговъ, солидовъ, маработиновъ. На ихъ конюшнѣ стояли тысячныя лошади, лучшія у всей знати. Тогда какъ буржуа прекрасно умѣли прожить сутки на 2 солида и только 12 денаріевъ обходился хорошій столъ,—священники растрачивали сумму въ 20 разъ большую за одни покои съ росписными плафонами, за старый ячменный хлѣбъ, такъ любимый въ то время, за рѣдкаго лосося, за изысканное кушанье въ родѣ соуса съ индійскимъ перцомъ и шафраномъ. Духовные не стѣснялись ежегодно перваго мая дарить своимъ возлюбленнымъ кольца, ожерелья, браслеты, драгоцѣнныя запястья ([136]). Отъ такой жизни не трудно было явиться распущенности нравовъ, такъ понятной при всякой утонченной цивилизаціи. Эту жизнь уже давно изобличали трубадуры въ родѣ Вильгельма де ла-Фабръ и Вильгельма Лиможскаго. Ихъ сирвенты звучатъ грустью и страданіемъ за общество, но послѣ нихъ безнравственность въ этомъ обществѣ еще болѣе упрочилась преимущественно въ сословіи духовномъ, которое даже превзошло свѣтскую знать. Сирвенты трубадуровъ, безпощадные къ феодаламъ, презиравшіе императора, съ заносчивыми выходками въ родѣ Сорделло,—поучавшаго всѣхъ государей Европы и совѣтывавшаго имъ съѣсть кусочекъ его сердца, чтобы вылѣчиться отъ трусости,—тѣмъ смѣлѣе карали пороки духовенства. «Чтобы излить свой гнѣвъ и печаль сердца (per espassar l'ira e la dolor), я, сильный моей надеждой на Бога, начинаю сирвен-

([136]) Mary-Lafon. Midi de la France; III, 341 — 343.

ту противъ великаго безумія, которое, прикрываясь обманчивою наружностью, овладѣло этимъ двуличнымъ племенемъ,— такъ поетъ марсельскій трубадуръ при самомъ наступленіи XIII столѣтія; племя это любитъ расточать хорошія слова, но дѣлать привыкло иначе. Тѣ, которые должны бы ходить по пути Господню, подвизаться въ жизни, по слабости человѣческой уклоняются и погибаютъ... Проповѣдникъ, внушающій надежду на Бога и убѣждающій къ добродѣтельной жизни, говоритъ прекрасныя вещи; но, на дѣлѣ, выходитъ другое. Истинная вѣра не нуждается въ мечѣ, чтобы губить, разить. О вы лукавые, вѣроломные, клятвопреступные грабители, развратные и нечестивые, вы столько уже совершили зла, что однимъ примѣромъ своимъ способны заразить всякаго. Св. Петръ не далъ вамъ права золотомъ уравновѣшивать грѣхи преступнаго. Но не подумайте, чтобы я возставалъ противъ всѣхъ духовныхъ,—я порицаю только дурныхъ между ними; не подумайте, чтобы я позволялъ себѣ сомнительно коснуться догматовъ св. Церкви; нѣтъ, мое страстное желаніе, чтобы миръ водворился между враждующими государями христіанскими, и что бы теперь же они вмѣстѣ съ папою (Иннокентіемъ III), спѣшили за море прославить христіанское оружіе (137). Нѣсколько спустя, когда война уже началась, карающій тонъ трубадуровъ становится тѣмъ безпощаднѣе. «Къ чему, выряжаются клирики, къ чему эта роскошь, къ чему эти камни, когда Богъ жилъ такъ бѣдно и просто! Зачѣмъ клирики такъ любятъ брать чужое добро, когда они знаютъ хорошо, что отнимая крохи бѣдняка для своихъ яствъ, для своей роскоши—поступаютъ не по Писанію» (138).—Я не испугаюсь и не оставлю бичевать гнусныхъ клириковъ; моими стихами да накажется низость этихъ душъ, это коварное поповское племя, которое чѣмъ больше имѣ-

(137) Raynouard. Choix; IV, 284. — По Diez (Leben und Werke der Troubadours. 1829. S. 587) Бертранъ Карбонель показанъ позднѣе, но въ этомъ случаѣ предположенія Millot (Histoire littéraire des troubadours, 3 v. 1773) и Lafon (Midi; II, 386, nota) достовѣрнѣе. Одно свидѣтельство о крестовомъ походѣ служитъ тому подтвержденіемъ.

(138) Франц. пер. у Mary-Lafon. Midi; II, 384. «A! per que vol clercs bela vestidura» etc.

етъ силы, тѣмъ больше выказываетъ зла и неистовства. Всѣ эти ложные проповѣдники въ заблужденіе вводятъ свой вѣкъ; они совершаютъ смертные грѣхи, и тѣ, которые поучаются у нихъ, подражаютъ тому же. Пастыри наши сдѣлались волками, грабителями; они грабятъ вездѣ, гдѣ могутъ и всегда съ видомъ ласковой дружбы. Они повергаютъ свѣтъ еще повому, а Бога еще большему униженію. Сегодня одинъ изъ нихъ проспитъ съ женщиной, а завтра оскверненными руками касается тѣла Спасителя нашего. Это страшное еретичество. Можетъ ли священникъ ночь свою посвящать женщинѣ, когда на утро онъ будетъ совершать таинство Христово. А между тѣмъ, если попробуете возвысить голосъ противъ того, то будете отлучены и если не откупитесь, то не ждите ни любви, ни дружбы отъ нихъ; никто изъ нихъ не станетъ молиться за васъ. Пресвятая Дѣва Марія! дай мнѣ хотя день прожить въ ладу съ ними и избѣгнуть ихъ господства. А ты, моя сирвента, лети и спѣши успокоить лукавыхъ пастырей; увѣрь ихъ, что тотъ подлежитъ смерти, кто осмѣлился бы не уважить ихъ могущество» (139). Точно такъ высказывалась литература XVI столѣтія, въ эпоху Реформаціи. И тутъ и тамъ, литература беретъ на себя обличительную роль; и тутъ и тамъ, ея протестомъ руководитъ какъ порывъ свободной мысли, такъ и чисто христіанское желаніе остановить паденіе Церкви. И тутъ и тамъ были бы одни и тѣ же послѣдствія, если бы не крѣпость папской, теократической системы, только что утвержденной Иннокентіемъ III. И тутъ и тамъ, побудительная причина протеста заключается въ условіяхъ нравственнаго состоянія духовенства.

Не однѣ сирвенты карали порчу этого сословія. Если нравы духовенства этой эпохи,—полной ослѣпительныхъ контрастовъ и цѣлостныхъ характеровъ,—не отличались чистотой, если примѣры насилія, жестокости, разврата въ разныхъ слояхъ свѣтскаго общества встрѣчались часто, и притомъ во всѣхъ странахъ западной Европы (140), —то отъ всѣхъ таковыхъ явленій не изъято было въ тѣхъ же предѣлахъ и

(139) Lafon; II, 388. «No m'laissarai per paor» etc.

(140) См. характеристику общества XIII столѣтія у Hurter. Gesch. Papst Innoc (1844); IV, 453—454 и той же 32 книги,— S. 457—468.

духовенство. Торжество папъ надъ императорами въ XII вѣкѣ, выгоды, пріобрѣтенныя римской куріей въ ея вѣковой борьбѣ, дало много силы и авторитета клерикальному элементу. Послѣ вѣковаго напряженія и труда наступили годы пользованія побѣдой. Пріобрѣтенныя выгоды соблазнительно вели клиръ къ злоупотребленію торжествомъ и властью. Идеалы Гильдебранда были забыты. Высокая идея Пасхалиса II, —исправить духовенство самоотреченіемъ— была благородной утопіею, неоцѣненной современниками. Рядъ сочиненій въ разное время появляется въ средѣ самихъ католическихъ духовныхъ съ нескрываемой печалью о порчѣ Церкви. Мы не будемъ говорить о томъ, что предшествовало Гильдебранду въ самомъ Римѣ и среди духовенства. Нравственной реформѣ, предпринятой Григоріемъ, нельзя отказать въ успѣхѣ. Но когда прекратилось дѣйствіе инерціи, данной католическому міру этимъ человѣкомъ, тогда стало грозить возвращеніе прежняго нравственнаго разложенія, если не съ его крайностями. Симонія еще господствовала въ полной силѣ; свидѣтель того Ивонъ Шартрскій, который пишетъ о томъ черезъ 20 лѣтъ послѣ кончины Гильдебранда ([141]). Гильдебертъ, епископъ турскій, писавшій въ началѣ XII вѣка, изображаетъ правящее духовенство въ своемъ «Curiae romanae descriptio» какъ такое сословіе, котораго надо опасаться.—«Они вездѣ стараются посѣять раздоръ и пользоваться смутами», говоритъ онъ ([142]). Другой нѣмецкій аббатъ излагаетъ въ особомъ сочиненіи: «Порча Церкви при папѣ Евгеніи III». Неслыханное дѣло, восклицаетъ авторъ, теперь вмѣсто *Церкви* римской стали говорить *курія* римская! ([143]). Англичанинъ Іоаннъ Салисбурійскій,—не щадившій, по словамъ Кавэ, ни друзей, ни недруговъ,—въ своемъ «Поликратикѣ или о лжи духовныхъ», между прочимъ разсказываетъ, что, при свиданіи съ суровымъ папою Адріаномъ IV, онъ осмѣлился, увлекаемый побужденіемъ свободы и истины, откровенно высказать все, что дурнаго говорятъ въ провинціяхъ

([141]) **Migne.** Patrologia. — **Baronius** Ann. eccl. t. XVIII; a. 1104, IV.

([142]) Apud **Gieseler.** Kirchengeschichte; 4 Ausg. B. II, Th. II, S. 248.

([143]) **Baluzius.** Miscellanea (P. 1768); V, 63.

провинціяхъ про него и римскую Церковь. «Она, мать всѣхъ Церквей, сдѣлалась теперь не матерью, а мачихой. Засѣдаютъ въ ней книжники и фарисеи; они возлагаютъ невыносимыя тяготы на плеча людей, а сами не дотронутся до нихъ пальцемъ... раздираютъ Церковь, возбуждаютъ вражду, воздвигаютъ народъ на духовенство; они не сочувствуютъ несчастіямъ и страданіямъ оскорбленныхъ, они радуются униженію Церкви (et quaestum omnem reputant pietatem)... Чаще всего они приносятъ вредъ, подражая бѣсамъ, обитающимъ въ нихъ и которые только тогда ихъ оставляютъ, когда тѣ перестаютъ вредить; исключеніе составляютъ немногіе, — тѣ, кои преисполнены понятія о долгѣ и обязанностяхъ пастырскихъ. Но и самъ первосвященникъ римскій ужаснѣе всѣхъ (omnibus gravis) и почти невыносимъ... Дворцы блистаютъ духовными особами и въ рукахъ ихъ помрачается Церковь Христова. Они извлекаютъ богатства провинцій, думая сравниться съ богатствами Креза; эпархіи часто преданы на разграбленіе самымъ низкимъ людямъ. И я полагаю, что до тѣхъ поръ, пока они будутъ блуждать въ такой дебри, бичъ Божій не перестанетъ грозить имъ. Ибо въ Писаніи сказано — quo judicio judicaverint, judicabuntur, et sua mensura remitietur eis» ([144]). Въ половинѣ XII вѣка, одинъ клюнійскій монахъ сочинилъ поэму о развращеніи міра (de contemptu mundi ad Petrum abbatem suum) и въ ней говоритъ между прочимъ: «Римъ даетъ все, но лишь тѣмъ, которые даютъ ему; въ Римѣ все за деньги; тамъ, гдѣ, казалось, прибѣжище правды, погибло всякое право. Какъ колесо, стремится эта римская колесница. Вредящій Римъ вредитъ (Roma nocens nocet) и самъ же учитъ искусству вредить, научаетъ забывать правду, а думать только о пріобрѣтеніи барыша да о покупкѣ епископскаго палліума» ([145]). Нѣсколько позже, въ концѣ XII столѣтія, тѣ же голоса, тѣ же латинскіе стихи слышатся изъ Англіи и Германіи. Это извѣстное: «in Romanam Curiam», которая, по словамъ автора, стала ничѣмъ инымъ, какъ рынкомъ, гдѣ съ аукціона

([144]) **Polycraticus seu de nugis Curialium;** l. VI, c. 24,—**Gieseler;** ibid.—**Cave.** Scr. eccl. hist. litt. 1745.

([145]) **M. Flacius.** Varia doctorum piorumque virorum de corrupto Ecclesiae statu poëmata (Bas. 1754); 351.

продаются сенаторскія мѣста и въ консисторіи все дѣлаютъ за деньги ([146]),—«Nisi det pecuniam, Roma totum negat,—Qui plus dat pecuniam, melius allegat». Еще большее значеніе имѣютъ обличенія французскихъ современниковъ. Одному изъ нихъ, строгому иноку клюнійскому, приписываютъ главнѣйшее, написанное около 1203 года, въ формѣ поэмы, носящей заглавіе: La Bible de Guiot de Provins ([147]). Это памятникъ высокаго достоинства для ознакомленія съ той эпохою. Авторъ особенно нападалъ на высшее духовенство, кардиналовъ и легатовъ, которые, своимъ появленіемъ во Франціи и особенно Лангедокѣ, возбуждали, какъ позднѣе въ эпоху великой Реформаціи, сильное негодованіе. «Все пропало и смѣшалось, когда наѣдутъ кардиналы, всегда алчные, ищущіе добычи. Они приносятъ съ собою—симонію, показывая примѣръ нечестивой жизни; какъ бы неразумные, безъ вѣры, безъ религіи, они продаютъ Бога и его матерь» ([148]). А нѣсколько далѣе идетъ обличеніе даже столповъ католичества, хотя то нельзя относить къ личности самого папы; это скорѣе отраженіе старыхъ воспоминаній, плоды старой накипѣвшей злобы, привычка и разочарованіе въ возможности поворота къ лучшему. «Всѣмъ видимо, что Римъ унизилъ нашъ законъ. Князья, герцоги, короли должны о томъ безотлагательно подумать. Римъ насъ язвитъ и пожираетъ; онъ разрушаетъ и умерщвляетъ всѣхъ. Римъ—это каналъ нечестія, откуда изливается преступный порокъ, это бассейнъ полный гадовъ (Rome est la doiz de la malice—Dont sordent tuit li malvès vice;—C'est un viviers pleins de vermine). Въ тѣ же самые годы аббатъ Іокимъ, мистикъ и аскетъ, называетъ римскую Церковь вавилонской блудницею. «На сколько она удалилась отъ чистоты первоначальной Церкви, явствуетъ изъ многаго». Онъ уподобляетъ Церковь греческую Израилю, а латинскую Іудѣ, изъ которыхъ первую можно назвать противоборствующею (adversatrix), а вторую вѣроломной (praevaricatrix),—ибо иное дѣло уклоняться отъ вѣры и другое

([146]) **Waltherus Mapes apud Flacium; 420.**

([147]) **Barbazan. Fabliaux et contes des poètes françois de XI—XV siècles; P. 4 v. 1808.**

([148]) **La Bible de Guiot de Provins, v. 666—674 et v. 765—774.**

измѣнять ее» ([149]). Еретики прямо выставляютъ главною причиною своей оппозиціи нравственное паденіе западной Церкви и апологеты послѣдней, полемисты съ ересью, сдѣлавшіеся инквизиторами по убѣжденію,—какъ напримѣръ, Рейнеръ Саккони,—сами сознаются въ томъ ([150]). Правда, что съ самаго начала XIII столѣтія, новый Гильдебрандъ воцарился въ Римѣ, но ему досталось наслѣдіе слишкомъ запущенное, чтобы плоды его дѣятельности можно было ощутить немедленно. Иннокентій III положилъ лучшія усилія къ исправленію нравовъ духовенства, но ересь выросла подъ вліяніемъ условій, уже до него накопленныхъ исторіею. Онъ успѣлъ достигнуть своей цѣли уже въ послѣдствіи, когда фактъ совершился, когда альбигойство было побѣждено насиліемъ; самая ересь далеко опередила его появленіе, и не онъ виновникъ развитія ея. Потому, понятно, что образованныя лица, принадлежащія къ духовному сословію, и при немъ, продолжаютъ рисовать жизнь духовенства мрачными красками.

Мы имѣемъ два свидѣтельства такого рода; оба они, какъ слова современниковъ начала XIII вѣка, требуютъ вниманія: одно изъ нихъ, нѣсколько раннее, заключающееся въ хроникѣ пріора Готфрида, касается непосредственно соціальнаго быта Аквитаніи и Прованса и потому имѣетъ большое значеніе для альбигойскаго вопроса, тѣмъ болѣе что, написанное въ 1185 году, представляетъ картину нравственнаго разложенія духовенства въ эпоху особеннаго процвѣтанія ереси. Уже тогда, между католиками составилось убѣжденіе, что совершать таинство Евхаристіи не кому, такъ какъ достойныхъ для того лицъ во всемъ духовенствѣ не имѣется. О святости жизни въ духовныхъ пастыряхъ теперь не слышно. «Монахи, говоритъ по этому поводу настоятель восіенской обители, покидаютъ свое прежнее платье и ходятъ по улицамъ одѣтыми по новой модѣ; мясо они ѣдятъ, когда хотятъ. Самые неприличные раздоры совершаются въ монастыряхъ при избраніяхъ; такъ, я знаю монастырь, въ которомъ правятъ 4 аббата. Цистерціанцы еще чѣмъ нибудь заслу-

([149]) **Apud Gieseler; II, II, 353.**

([150]) **Reinerus. Contra Waldenses, c. 3, apud—Gretser. Opera (1738); XII, II, 27.**

живаютъ похвалу; они расточаютъ большія милостыни, изучаютъ церковное пѣснопѣніе, творятъ много добрыхъ дѣлъ. Но и они искусны силой или хитростью присвоивать себѣ имущества и доходы другихъ орденовъ. Епископы же требуютъ съ приходовъ большія взятки, а мѣста продаютъ за деньги. Они не даютъ даромъ церквей священно-служителямъ, а прежде требуютъ подарковъ, потому тѣ и стригутъ своихъ прихожанъ, какъ торговцы овецъ. Послѣдствія бываютъ еще ужаснѣе, когда священники подаютъ паствѣ примѣръ безнравственной жизни. Все преисполнилось пороковъ, и, какъ видно изъ словъ пріора, побудительная причина заключается въ безнравственной жизни духовенства» ([151]).

Еще бо̀льшимъ аскетизмомъ характеризуется взглядъ другаго высокопоставленнаго духовнаго лица, свидѣтеля самого разгара альбигойскихъ войнъ и проповѣдника крестоваго похода. Надо впрочемъ замѣтить, что личности въ родѣ Якова Витрійскаго, епископа города Акконы, — слагаются изъ исключительныхъ обстоятельствъ. Полу-аскетъ жизнію, съ идеаломъ духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, суровый епископъ не хочетъ ничего видѣть въ современной ему эпохѣ, кромѣ зла,—эпохѣ съ богатой и самостоятельной цивилизацией и нѣкоторымъ блескомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ служителей Церкви, которые закалились борьбой Иннокентія III съ старыми порядками, борьбою за идеалы нравственной чистоты, борьбой породившей много неукротимыхъ ригористовъ, которые, съ вѣчными текстами на устахъ, въ пылу ломки думая вернуть неумѣстную патріархальность нравовъ, впали въ противуположную крайность ([152]). Тѣмъ не

([151]) Gaufredus Lemovic. Chronicon, c. 74.

([152]) Онъ, какъ фанатическій католикъ, принималъ дѣятельное участіе въ проповѣданіи крестоваго похода на Альбигойцевъ. Мѣстомъ рожденія его былъ городокъ Витри близь Парижа, онъ умеръ въ Италіи кардиналомъ въ 1246 году. Guizot, издавшій въ 22 т. Collection des mémoires франц. переводъ его сочиненія, относится съ справедливымъ недовѣріемъ къ декламаціямъ автора, къ этому риторизму общихъ мѣстъ. «Un tel tableau, même à cette époque, ne saurait être pris à la lettre; c'est le propre des écrivains ecclésiastiques de représenter toujours le monde comme à la veille de sa fin et universellement en proie au péché» (intr. p. XI).

менѣе, уже одно качество обличеній автора «Іерусалимской исторіи» даетъ право вполнѣ повѣрить ироническимъ и озлобленнымъ трубадурамъ. Замѣтивъ, что весь міръ потерялъ понятіе о добродѣтели, что все гибнетъ среди «пьянства, обжорства, пороковъ нравственныхъ и утѣхъ чувства, которое не кладетъ даже границъ различіемъ по̀ловъ», что религія падаетъ отъ нечестиваго кощунства, — суровый епископъ, переходя спеціально къ духовнымъ, такъ отзывается про монаховъ: «Отказавшись отъ свѣта и отъ самаго вѣка, связанные однимъ долгомъ молитвы и вѣры, они тѣмъ болѣе пали нравственно послѣ своихъ обѣтовъ. Вѣчно безпокойные, никого не признающіе надъ собой, терзая другъ друга, они носятъ крестъ Христовъ будто налогъ (corvée) и нечестивые, невоздержные, живутъ по плоти, а не по духу» ([153]). Тѣмъ рѣзче епископъ акконскій говоритъ о своихъ высшихъ собратьяхъ по сану, объ этихъ «ненасытныхъ прелатахъ, которые изъ - за пламени страсти никогда не видятъ солнца справедливости... Грабители, а не пастыри, новые Пилаты, а не прелаты, они не только пускаютъ волковъ въ стадо, но даже дружатся съ ними. Имъ надо сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: врачъ, исцѣли самъ себя; проповѣдуя не красть, ты крадешь, говоря не прелюбодѣйствуй, ты самъ прелюбодѣйствуешь (къ Рим. II, 21—22). Невѣста Христова, Церковь Божія такъ отдана была на поношеніе и любодѣйство тѣми, кои призваны были оберегать ее. Снова распиная Сына Божія и ругаясь ему, они, въ своемъ алчномъ корыстолюбіи, не только обличаютъ самихъ себя, но и со священныхъ предметовъ снимаютъ всякую благость и позорятъ ихъ примѣромъ своей преступности. У нихъ ночь въ домѣ разврата, а утро въ алтарѣ; ночью они касаются публичной женщины, а утромъ Сына Дѣвы Маріи» ([154]). — Тономъ рѣшительнаго памфлета написана его характеристика нравовъ и жизни французскаго духовенства. Тогда Парижъ, въ своемъ духовномъ сословіи, развращенъ былъ, по его словамъ, болѣе, нежели въ остальномъ народѣ ([155]). Въ столичной жизни,

---

([153]) Iacobus de Vitriaco. Historia orientalis seu hist. hierosolymitana abbreviata; l. II, intr. (Guizot; p. 280).

([154]) Iacobus de Vitr. l. II, c. 4 (Guizot; p. 282—283).

([155]) Idem; l. II, c. 6; p. 290.

частной и публичной, въ продолженіе второй половины XII вѣка, позорныя явленія стали общимъ правиломъ. Такъ, знаемъ, что черное духовенство, какъ и бѣлое пріобщало отлученныхъ за деньги, что больныхъ навѣщали и напутствовали изъ вознагражденія, что монахини выходили изъ монастыря, бродили по всѣмъ площадямъ, посѣщали публичныя бани вмѣстѣ съ мужчинами ([156]). Священники жили съ любовницами и часто покидали свои приходы ради женитьбы. Многіе клирики, не довольствуясь тѣмъ, прибѣгали къ содомскому грѣху, что давало поводъ потѣшаться народному остроумію ([157]). Значительная часть среди духовныхъ имѣла лучшія намѣренія и, состоя изъ людей справедливыхъ и богобоязненныхъ, соблюдала спасительныя правила и святыя учрежденія своихъ орденовъ, на сколько то было возможно среди вихря,— «но нечестіе развращенныхъ и злонамѣренныхъ одерживало верхъ. Ихъ неправда была велика до того, что они часто допускали къ священному сану тѣхъ, на кого прелаты налагали запрещеніе. Оттого могущественные узы церковной дисциплины ослабли; міряне и отлученные смѣялись надъ приговорами своихъ прелатовъ и презирали церковное правосудіе». Всѣ эти нравы представляются въ позднѣйшую, лучшую эпоху «какъ напоминаніе нечестія, какъ грустное состояніе, котораго надо избѣгать и которое надо изучать, дабы подражать добрымъ, проклинать и осуждать злыхъ». Эти слова обличаютъ дидактическое значеніе обличеній Якова Витрійскаго.

([156]) **Id. l. II, c. 7; p. 291,—типичныя сцены во время крестовой проповѣди священника Фулько Нельи, сдѣлавшагося въ Парижѣ бичемъ разврата.**

([157]) **По этому поводу ходило между французскими жонглерами слѣдующее стихотвореніе (Capefigue. Hist. de Philippe Auguste, 1829; IV, 352).**

Vilain mestier clercs nous apprennent,
Quand ils *la* laissent et *lui* prenent.
La grammaire *hic* a *hic* accouple;
Mais nature maudit le couple;
Nature rit, si comme moi semble,
Quand *hic* et *haec* joignent ensemble.
Mais *hic* et *hic* chose est perdue,
Nature en est tot esperdue.

Въ достовѣрнѣйшемъ историческомъ памятникѣ альбигойской эпохи, въ письмахъ Иннокентія III, встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ безнравственнаго поведенія духовенства вообще и, между прочимъ, провансальскаго. Изъ нихъ можно заключить оффиціально, что священники сдѣлались торговцами ([158]), процентщиками, фальшивыми монетчиками ([159]). Они пьянствуютъ ([160]), разбойничаютъ ([161]), святотатствуютъ ([162]) и въ то же время совершаютъ всевозможныя насилія надъ подчиненными ([163]). Изъ Бордо доносили о кровопролитныхъ схваткахъ между священниками ([164])), изъ Прованса объ азартныхъ играхъ, при чемъ обвиненный объяснялъ, что нѣтъ причины отказываться отъ поживы и не пользоваться счастьемъ, тѣмъ болѣе что это укоренившійся обычай во всемъ французскомъ духовенствѣ ([165]). Иннокентій принималъ всѣ мѣры для уничтоженія и предупрежденія зла при каждомъ случаѣ. Онъ увѣщевалъ, наказывалъ, лишалъ сана, отлучалъ. Его проповѣдь, сказанная вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ моментъ самый рѣшительный для альбигойства, объясняющая будущую систему его внутренней политики по отношенію къ духовенству, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ матеріаловъ при изученіи нравовъ духовенства въ данное время. Рисуя идеалъ священника, съ авторитетностью государственнаго документа, она показываетъ

([158]) **Innocentii III regest. l. XV, ep. 202, — Migne; CCXVI, 731.**

([159]) **Hurter. Gesch. Papst Inn.—III, 455.**

([160]) **Regesta; l. VI, ep. 78.**

([161]) **Epist. I, 21; V, 54; V, 75; V, 95; VIII, 87.**

([162]) **Regesta; l. V, ep. 54,—дѣло объ архидіаконѣ Ричмондскомъ (у Migne; CCXIV, 1021—1025), обвиняемомъ во множествѣ самыхъ ужасныхъ преступленій и между прочимъ въ вооруженномъ насиліи, поджогахъ и святотатствѣ.—О томъ же говоритъ Rogerius de Hoveden, подъ годами 1198, 1199 и 1201.**

([163]) **Reg. l. I, ep. 209,—Migne; CCXIV, 181.**

([164]) **Reg. l. VIII, ep. 151, — Migne; CCXV, 726.**

([165]) **Reg. l. XI, ep. 264,—CCXV, 1576—1578.** «Idem Petrus quod hoc fecerat *juxta Gallorum consuetudinem clericorum*, secundum quam fere clerici universi mutuant sic frequenter et ludunt».

присутствіе въ духовенствѣ тѣхъ же самыхъ пороковъ, противъ которыхъ возставали трубадуры, Готфридъ и Яковъ Витрійскій. «Побужденія плотскія, соблазны глаза и личная гордость, вотъ тройныя узы грѣховнаго человѣка, говоритъ Иннокентій; онѣ опутываютъ и духовныхъ. Подъ тяжестью плотскихъ страстей, духовникъ не краснѣетъ, что держитъ у себя женщинъ, которыя, къ вящему позору клириковъ и священниковъ, бывали уже наказываемы (graviter flagellatae) за развратъ. Узы похотей глаза въ томъ, что влекомые ими не стыдятся вести торговлю и предаваться ростовщичеству, при чемъ всѣ, отъ самыхъ высокихъ лицъ до малыхъ, совершаютъ тысячи обмановъ; они забываютъ, что священникъ, жадный къ деньгамъ, служитъ не Богу, а идолу. А тѣ, которые должны бы сдерживать другихъ, какъ собаки нѣмыя, боятся лишиться своихъ приношеній, десятинъ, богатствъ (oblationes, decimas, atque primitias). Изъ гордости происходитъ то, что мы склонны болѣе служить суетѣ, чѣмъ смиренію, выступая горделиво, разукрашенные нарядами, болѣе приличными людямъ свѣтскимъ, чѣмъ духовнымъ» ([166])... Содержаніе папской проповѣди въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ слѣдуетъ примѣнить къ положенію лангедокскаго католическаго духовенства предъ альбигойскими войнами.

Тамъ, въ это время, католическая Церковь находилась въ страшномъ униженіи. Тамъ раздаются горькія жалобы, что опустѣлые храмы разрушены или заросли мхомъ, что духовенству не платятъ десятинъ и что оно обречено на нищенство, что сильные феодалы спѣшили обложить церкви и монастыри налогами ([167]). Епископы не заботились объ интересахъ своей паствы, а, отправляясь въ крестовые походы, оставляли священниковъ въ жестокихъ тискахъ бароновъ. Бывали примѣры еще хуже. Одинъ епископъ нарбоннскій, у котораго, по словамъ Иннокентія, Богомъ были деньги, подрядился на войну съ разбойничьей шайкою ([168]). Въ хра-

([166]) Innoc. sermones de tempore, s. XII. — Migne; CCXVII, 368 — 369.

([167]) 5, 7 и 8 постановленія авиньонскаго собора 1209 г.— Schmidt. Hist. des Cathares; I, 192.

([168]) Regesta; l. III, ep. 24 (CCXIV, 903 — 906); l. X, ep. 68 (CCXV, 1165).

махъ, народъ часто вмѣсто молитвы предавался танцамъ (histrionicae saltationes obscoeni motus), сопровождая ихъ эротическими пѣснями (dicuntur amatoria carmina vel cantilenae ibidem). Авиньонскій соборъ 1209 года долженъ былъ составить особый канонъ по этому поводу ([169]). Наконецъ, около 1200 года, при дворѣ маркиза монферратскаго, друга Раймонда VI, графа тулузскаго, въ присутствіи большаго числа окрестныхъ феодаловъ, была представлена комедія,— подъ названіемъ «Ересь поповъ», гдѣ въ лжеученіи обвинялось само духовенство. Полная самыхъ рѣзкихъ намековъ, она вызвала задушевныя рукоплесканія зрителей ([170]). Ея успѣхъ показываетъ полное отчужденіе отъ Церкви бароновъ и горожанъ Юга. Всѣ обстоятельства и условія тогдашней жизни шли въ разладъ съ непосредственными интересами католицизма и въ общемъ производили картину, для нихъ самую неблагопріятную.

Такую картину представляетъ одинъ изъ историковъ этой войны. Изъ нея видно все унизительное положеніе духовенства среди пышныхъ феодаловъ и богатыхъ гражданъ, духовенства безсильнаго въ виду пропаганды свободныхъ мыслей, занимательной ясности альбигойской философіи и живыхъ примѣровъ нравственной чистоты послѣдователей Петра де Брюи, Генриха, Петра Вальдо. Та причина, которая казалась особенно важною для капеллана тулузскаго двора, человѣка довольно безпристрастнаго, должна быть указана и въ настоящее время, притомъ, по возможности, со словъ самого автора—современника великихъ событій въ исторіи Лангедока. Краски его самыя мрачныя. Онъ говоритъ тономъ отчаянія за Церковь. Въ этомъ тонѣ вся земля провансальскаго языка предрасположена была къ ереси. «Она была недалека отъ проклятія, говоритъ Вильгельмъ (изъ Пюи-Лорана); грабители, разбойники, злодѣи, убійцы, прелюбодѣи, ростовщики покрывали ее. А духовныя лица (capellani), между тѣмъ, были въ великомъ презрѣніи у міранъ». Изъ словъ лѣтописца видно, что ихъ жадность, развратъ и невѣжество вошли въ пословицу. Ихъ считали въ обществѣ ничѣмъ не лучше жидовъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать:

([169]) Mansi. Concilia; XXII, 791.

([170]) Histoire littéraire de la France; XVII, 498.

«пусть буду я жидомъ», обыкновенно говорили: «лучше я стану попомъ, чѣмъ сдѣлаю это (mallem esse capellanum, quam hoc facere)». Репутація духовнаго сословія въ предѣлахъ языка провансальскаго сильно компрометировала католицизмъ. Показываясь въ обществѣ, священники старались скрыть тонзуру на головѣ; съ ними не хотѣла мѣшаться свѣтская феодальная аристократія; они часто не рѣшались показываться на улицу. Знатные рыцари стыдились посвящать Церкви своихъ дѣтей; для того предназначались дѣти бѣдныхъ вассаловъ. Епископы потому должны были безъ разбора довольствоваться тѣми священниками, какіе имѣлись въ ихъ распоряженіи. Въ Лангедокѣ, рыцарство, по своему произволу, слѣдовало, безъ всякой помѣхи, той или другой еретической сектѣ. «Еретики были въ такомъ большемъ почетѣ, что имѣли свои собственныя кладбища, гдѣ торжественно хоронили совращенныхъ ими ([171])». Еретики пользовались большими гражданскими выгодами; они меньше платили налоговъ своимъ феодаламъ, въ большинствѣ принадлежавшимъ къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ ихъ общинахъ было больше спокойствія и общественной безопасности. Между собою семьи, села и цѣлые города еретическіе жили мирно. Крѣпкою стѣною стояли они другъ за друга, хотя и различествовали въ мнѣніяхъ,—и скоро Римъ увидалъ на Югѣ Франціи страшное общество съ крѣпкою организаціей, сильное чистотою жизни, дерзкою рѣчью, смертельною ненавистью ко всему католическому.

То была новая вѣра, смѣсь гностицизма и манихейства съ практической и гражданской философіей. О новой Церкви знали не одни провансальцы. Не было страны въ западной Европѣ, гдѣ бы не слѣдовали догматамъ, таинствамъ и обрядамъ этого новаго вѣроисповѣданія. Оно имѣло свое богословіе, своихъ проповѣдниковъ, свой нравственный и практическій кодексъ. Рядомъ съ нимъ существовали другія ереси, меньшія числомъ своихъ послѣдователей, близкія къ раціонализму, христіанскія по принципу, позднѣйшіе кальвинисты по догмату, но также страстно ненавидѣвшіе папство. То были ученики реформаторовъ столь же пылкихъ, сколько сильныхъ собственнымъ убѣжденіемъ въ своемъ призваніи,—это люди, опередившіе идеи Гусса, Лютера, Кальвина, Безы. Римъ не хотѣлъ различать тѣхъ и другихъ; для него всѣ еретики были одинаково опасны. Онъ зналъ только то, что на Югѣ Франціи страшный центръ тѣхъ и другихъ, что въ Альбижуа скрывался узелъ всякой оппозиціи, и, подъ вліяніемъ страха, Римъ смѣшалъ лангедокскихъ катаровъ съ протестантскими вальдензами, назвавъ тѣхъ и другихъ общимъ именемъ «Albigeois», *Альбигойцевъ*. Это слово сдѣлалось символомъ враждебнаго лагеря, съ которымъ хотѣли покончить смертельной борьбой, такъ какъ обоюдное существованіе Рима и альбигойства, столь желательное во имя правъ человѣчества, во имя свободы мысли,—при условіяхъ тогдашней исторіи и при личномъ характерѣ человѣка, носившаго тогда папскую тіару,—къ сожалѣнію, было невозможно. Философское равнодушіе къ отдѣльной церковной факціи, послужило бы сигналомъ распаденія католицизма и внѣ и внутри.

([171]) **Guilelmus de Podio Laurentii.** Chronicon super historia negotii Francorum seu historia Albigensium; prologus (**Bouquet.** Scriptores; XIX, 194).—См. также **Flathe.** Gesch. der Vorläufer der Reformation; I, 278.

Новая Церковь и ея пропаганда до того усилились, что папа Иннокентій III долженъ былъ въ одномъ изъ своихъ едиктовъ оффиціально настаивать на необходимости внутренней реформы въ духовенствѣ, дабы удержать дальнѣйшее распространеніе ереси и отнять у оппозиціи одинъ изъ предлоговъ къ возстанію противъ католицизма ([172]). Въ то же самое время,—въ началѣ XIII столѣтія,—одинъ изъ проповѣдниковъ католическихъ съ ужасомъ говоритъ о ничтожномъ числѣ защитниковъ Церкви и объ огромномъ числѣ нападающихъ на нее ([173]). Тоже повторилъ нѣмецкій инкви-

([172]) Письмо Иннокентія III къ архіепископу нарбоннскому отъ 5 іюня 1204 года,—**Migne**; CCXV, 355—357.—Тутъ же указанія на пороки духовенства. Ita, ut haeretici passim et publice dogmatizent, et seducant incautos quos tanto facilius post se trahunt, quanto ex vita ipsius archiepiscopi et aliorum praelatorum Ecclesiae, contra Ecclesiam sumunt perniciosius argumentum, et aliquorum crimina refundunt, in Ecclesiam generalem.

([173]) **Schmidt.** Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois; II, 237.

зиторъ позднѣйшаго времени. «Во многихъ городахъ Ломбардіи и Прованса, говоритъ Рейнеръ, а равно и въ другихъ земляхъ и странахъ, было множество еретическихъ школъ, какъ для подготовленія къ проповѣди, такъ и для учащихся. Въ нихъ публично дебатировали и на торжественные диспуты сходился народъ. На площадяхъ, на поляхъ и въ домахъ не было никого, кто осмѣлился бы имъ помѣшать, по причинѣ могущества и многочисленности ихъ послѣдователей» ([174]).— Въ чужихъ странахъ во всеуслышаніе говорили, что въ Лангедокѣ больше учениковъ Манеса, чѣмъ Іисуса ([175]).

Надо замѣтить, что необходимость реформы въ духовенствѣ была сознана въ Римѣ; въ самый годъ начала альбигойскаго крестоваго похода, о ней заявляетъ каноническое постановленіе; она проникаетъ въ сознаніе членовъ соборовъ. Но объ этой мѣрѣ спохватились слишкомъ поздно; за нее оружіе сдѣлало свою расправу.

А между тѣмъ негодующіе крики продолжали раздаваться на языкѣ провансальскомъ, на этомъ орудіи и ненавистномъ органѣ ереси, заклейменномъ даже именемъ языка вальдензскаго. Крикъ этотъ шелъ изъ устъ трубадуровъ Лангедока и несъ вызовъ непримиримой борьбы съ католицизмомъ. — «Римъ! апостолы и ложные учители твои погубили св. Церковь и возбудили гнѣвъ самого Господа. И столько нечестія и грѣха исходитъ изъ-за горъ, что *ересь да возстанетъ на тебя»* ([176])!

Этотъ голосъ будетъ зловѣщимъ для Рима, если не теперь, то послѣ...

Когда онъ раздался, противная сторона была съ полнымъ запасомъ свѣжихъ силъ и подъ предводительствомъ геніальнаго вождя. На первыхъ страницахъ этой книги мы видѣли, какъ силы эти были громадны, какъ весь Западъ Европы готовъ былъ повиноваться одному слову Иннокентія III.

([174]) **Reinerus.** Contra Wald. c. 3 — «et non erat, qui eos impedire auderet, propter potentiam et multitudinem fautorum ipsorum» (**Gretser**; XII, II, 27).

([175]) **Innoc. Regest.** l. I, ep. 94; l. III, ep. 24.

([176]) **Peire Vidal,—Raynouard.** Choix des poésies des troubadours; IV, 105.

Во имя чего, во имя какихъ убѣжденій, какихъ религій, какихъ жизненныхъ правилъ, какихъ философскихъ теорій, сказались протестанты этого періода среднихъ вѣковъ? Оставили-ли они въ исторіи послѣдствія своего существованія? Во благо-ли человѣчеству пронеслись они на сценѣ міра?

Въ отвѣтъ на эти вопросы, надо обратиться къ догматической сторонѣ вѣроисповѣданій насъ занимающихъ, вѣроисповѣданій, извѣстныхъ разнымъ странамъ тогдашней Европы. Такъ какъ имя Альбигойцевъ имѣло значеніе собирательное, то предметомъ изложенія должны быть разнообразныя ереси, подошедшія подъ это общее понятіе «Альбигойскихъ». Узнать содержаніе и смыслъ ихъ можно только путемъ историческаго изученія,—а, приступивъ къ такому изученію, мы откроемъ зарожденіе альбигойства съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(АЛЬБИГОЙСКІЯ ВѢРОУЧЕНІЯ).

Развитіе дуалистической догмы въ трехъ ея періодахъ: восточномъ, славянскомъ и провансальскомъ.—Гностики, манихейцы, присцилліане, павликіане, аріане. — Дуализмъ славянъ. Богомилы Болгаріи. — Патарены Италіи. Ереси Франціи и Лангедока до 1170 года.—Догматика альбигойскихъ дуалистовъ: крайнихъ и умѣренныхъ. Ихъ обряды, іерархія, нравы.—Отношеніе къ нимъ вальдензовъ. Реформаторы XII столѣтія. Вѣроученіе вальдензовъ.—Исторія Альбигойцевъ съ 1170 до 1198 года.

II.

Появленіе и распространеніе ересей современно самому началу христіанства. Возникновеніе христіанской религіи совершилось при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не поставить ее въ необходимыя условія борьбы. Борьба съ іудействомъ и язычествомъ оставила глубокіе слѣды на исторіи Церкви первыхъ и всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ ([1]). Она благопріятствовала образованію въ единой христіанской догмѣ другихъ толкованій, другихъ ученій. Гнозисъ былъ результатомъ стремленія постичь и уяснить философскимъ путемъ, началами древняго міра, религію новаго. Зороастризмъ персовъ, каббала евреевъ, неоплатонизмъ александрійскихъ грековъ, — послужили источникомъ гностическаго философствованія. Оно зародилось весьма рано, шло рядомъ съ побѣдами непосредственно - христіанскаго вѣроученія ([2]), и, уже при императорѣ Адріанѣ, въ теоріи Сатурнина, ученика Менандра, успѣло сложиться въ отчетливыя формы, запечатлѣнныя вмѣстѣ мечтательностью, блескомъ воображенія Востока и пытливостью Запада. Огромное вліяніе было суждено имѣть этимъ вымысламъ. Непрерывная традиція связываетъ пер-

([1]) **Neander.** Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. B. I, Th. II; 601, 609.

([2]) **Matter.** Histoire critique du gnosticisme et de son influence. 1828; I, préf. 12 — «L'examen que j'ai fait des Septante et des livres du Nouveau Testament, particuliérement de quelques épitres de S. Paul, de l'Evangile, et de l'Apocalypse de S. Jean, a élevé, au dessus de toute espèce de doute, le fait, que l'origine du gnosticisme est contemporaine de celle du christianisme, lui-même».

выхъ гностиковъ, — этихъ Евфратовъ, Симоновъ, Менандровъ, Цериноовъ и особенно сирійской школы Сатурниновъ, Цердоновъ, Маркіоновъ, египетскихъ Василидовъ — съ тѣми катарами, противъ которыхъ въ XIII столѣтіи Римъ поднялъ свои громы. Два Бога, добрый и злой, борьба духа и матеріи, одолѣніе демона, это тѣлесной темницы человѣка, отреченіемъ отъ плоти, воздержаніемъ отъ супружества, вина, мяса, — всѣ эти признаки дуалистическаго альбигойскаго вѣрованія были положительно высказаны Сатурниномъ ([3]). Василидъ объясняетъ загробную жизнь такъ, какъ объясняли ее нѣкоторые альбигойцы: души добрыя возвращаются къ Богу, злыя переселяются въ созданія низшія; тѣла же обращаются въ первобытную матерію. Но прочіе гностики прибавляютъ къ тому цѣлую самостоятельную космогонію, которая, оставаясь въ умахъ теоретиковъ, не могла не оказывать непосредственнаго вліянія на исторію позднѣйшаго сектаторства.

Въ эпоху, современную развитію гностицизма, появилось столько другихъ теорій, что никакой вѣкъ послѣ не производилъ такого числа самостоятельныхъ попытокъ. Количество ересей размножалось удивительнымъ образомъ. Нѣкоторые писатели церковные перваго времени занимаются исключительнымъ изученіемъ ересей ([4]); они насчитываютъ огромное количество мистическихъ и обрядовыхъ христіанскихъ сектъ. Іеронимъ знаетъ ихъ не менѣе 45, но Августинъ считаетъ уже 88, Предестинъ 90, а Филастрій, писатель конца IV столѣтія, жившій въ эпоху аріанства, находитъ возможность указать болѣе 150 ([5]). Исидоръ, епископъ

([3]) **Epiphanii**, contra haereses; — ordine XXIII, — apud **Oehler**. Corpus haereseologicum. 1859; II, 133—145.

([4]) Лучшее и удобнѣйшее изданіе: **Corpus haereseologicum Oehleri**, гдѣ, въ первомъ томѣ (1856 г.), сведены т. н. minores, — писавшіе по латыни, — **Philastrius**, **Augustinus**, **Praedestinatus**, **Pseudo-Tertullianus**, **Pseudo-Hieronymus**, **Isidorus**, **Paulus** и **Honorius Augustodunensis**.

([5]) Филастрію надо довѣрять менѣе прочихъ; онъ довольно небреженъ въ изученіи предмета, вѣритъ сказкамъ, Самаритянъ ведетъ напр. отъ царя Самарія, неточенъ и преувеличиваетъ число ересей повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же подъ различными име-

севильскій, одинъ изъ авторитетныхъ свидѣтелей, насчитываетъ въ VII вѣкѣ около 70 сектъ, бо́льшая часть которыхъ вела свое начало съ первыхъ вѣковъ, и замѣчаетъ, что «есть другія безъ основателей и безъ названій» ([6]). Тутъ, въ вѣкѣ возникающаго христіанства, были общества самыя разнообразныя, секты, всевозможно толковавшія каждый церковный догматъ, слѣдовавшія самымъ противоположнымъ правиламъ жизни; многія между ними отличались странностью, невѣжествомъ, суевѣріемъ. Антропоморфиты придавали верховному Существу человѣческіе члены; Артотириты, слѣдуя примѣру первыхъ людей, принимали въ пищу исключительно хлѣбъ и сыръ, какъ «плоды земли и стадъ»; Адамиты, слѣдуя тому же указанію, ходили нагими, какъ мужчины такъ и женщины; Николаевцы предавались крайнему разврату, по примѣру вождя, который предлагалъ жену свою всякой общинѣ и т. п. Одни поклонялись исключительно Каину, другіе Сиѳа считали Спасителемъ, третіе спорили о Мельхиседекѣ, четвертые, точно слѣдуя нищетѣ апостольской, отказывались отъ собственности. Но между всѣми этими сектами въ большинствѣ господствовали ученія, которыя представляли въ себѣ дуаластическій элементъ позднѣйшаго катаризма. Даже подъ такимъ непосредственнымъ наименованіемъ существовала секта еще въ первый вѣкъ христіанства, хотя система ея была смутная, отрывочная. Катары (*κάθαρος*, чистый,—латинское пуританинъ) времени св. Августина такъ называли себя вслѣдствіе той чистоты жизни, которую они проповѣдывали. Они возставали противъ любодѣянія, брака, отрицали необходимость покаянія ([7]); по имени Новата, возстававшаго противъ перекрещенія и принятія отступниковъ, съ ученіемъ котораго они представляли нѣчто сходное, ихъ часто называли новатіанцами и смѣшивали

нами. Объ немъ см. Matter (Hist. du gnosticisme; I, 41) и Cave (Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria. 1741; I, 277).

([6]) Isidori Hispalensis Originum sive Etymologiarum l. XX; l. VIII, c. 6 (отд. изд. съ прим. Vulcanii, Bas. 1677), — apud Oehler; I, 309.

([7]) Augustini de haeresibus, c. 38 (Oehler; I, 203). — Praedestinati de haeres. c. 38 (I, 244).—Honorii de haer. c 43 (I, 329).

съ этими послѣдними ([8]). Епископы Ксистъ и Кипріанъ, позднѣйшіе мученики, писали противъ этихъ сектантовъ ([9]). Но изъ словъ источниковъ не видно, чтобы тогдашніе катары слѣдовали основаніямъ системы альбигойскаго дуализма. Полагаютъ, что эти первые катары по имени или исчезли въ IV столѣтіи, или слились съ донатистами. Тѣмъ не менѣе разбросанные элементы позднѣйшаго альбигоизма можно прослѣдить во множествѣ гностическихъ и другихъ сектъ эпохи, современной какъ вѣку языческихъ императоровъ, такъ и вѣку Исидора Севильскаго. Вѣрованіе въ борьбу добраго и злаго начала, восточная космогонія и вмѣстѣ воздержаніе составляли въ тогдашнихъ системахъ явленіе далеко не рѣдкое. Мы замѣтили уже *общія основанія гностицизма.* Они *удерживались во всѣхъ развѣтленіяхъ этой обширной системы, во всѣхъ созданіяхъ послѣдователей ея,* положившихъ начало собственнымъ теоріямъ. *Каждый изъ нихъ приносилъ съ собою какое либо новое понятіе*, что вмѣстѣ послужило матеріаломъ для позднѣйшей мысли. Менандрійцы, Василиды, Цердоніане, Маркіонисты и другіе гностики, а также Архонтійцы не признавали міръ созданіемъ Бога; Валентіанъ считалъ Христа прошедшимъ черезъ св. Дѣву и не оскверненнымъ,—какъ вода проходитъ черезъ каналъ, тогда какъ Карпократъ и Павелъ Самосатскій развили теорію о человѣчествѣ Христа. Таціане и Северіане запрещали пить вино, а Гераклійцы отвергали бракъ ([10]). Въ ученіи Оригена были также гностическія понятія, слѣды вліянія неоплатонической философіи ([11]). Въ своемъ сочиненіи о «Началахъ», онъ допускаетъ, что душа человѣка первоначально принадлежала ангеламъ и въ наказаніе за грѣхи заключена въ плотскія тѣла. Патриціане же положительно утверждали, что плоть человѣческая есть созданіе дьявола ([12]).

([8]) Philastri de haer. c. 82 apud Oehler; I, 78.

([9]) Praedestinati de haer. c. 38, l. cit.

([10]) Isidorus Hispal. Originum l. VIII, c. 6,—I, 304—308.

([11]) Epiphanii, LXIV,—apud Oehler. Corpus haeres. II, 302—304; срв. p. 222.—Origenes. *Περὶ ἀρχῶν*; l. II, c. 8.

([12]) Philastri de haer. c. 62.—I, 63.—Augustini c. 61,—I, 215.—Isidorus,—I, 307.

По ихъ понятіямъ только тотъ можетъ быть совершеннымъ христіаниномъ, кто способенъ къ самоумерщвленію; они искали смерти и ненавидѣли жизнь ([13]). Эта ересь была особенно распространена въ Нумидіи и Мавританіи.

Короче, христіанъ первыхъ вѣковъ мучила та же мысль, надъ разрѣшеніемъ которой бились дуалисты XII и XIII столѣтія и за которую они возбуждали столько отвращенія къ себѣ въ католическихъ современникахъ. Богъ, создавшій вселенную и человѣка, всеблагій Богъ, полный любви къ своимъ созданіямъ,—могъ ли быть виновникомъ того зла, какое такъ обильно разлито по землѣ и въ людяхъ, тѣхъ бѣдъ, которыя ищутъ случая поглотить все живущее, тѣхъ препятствій, какія воздвигаются судьбою на все доброе? Въ отвѣтъ на то Коллуѳъ, александрійскій священникъ, прямо утверждалъ, что Богъ никогда ничего не создавалъ злаго ([14]). Противники указывали коллуѳіанамъ на тексты Библіи: «Азъ Господь Богъ и нѣсть еще: азъ устроивый свѣтъ и сотворивый тьму, творяй миръ и зиждяй злая» ([15]), и также: «Или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори» ([16]),— а они между тѣмъ могли ссылаться на мѣсто изъ книги Бытія о первыхъ дняхъ творенія: «И видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло» ([17]), что по вульгатѣ передано еще рѣзче: «fecit Deus omnia bona». Въ виду подобныхъ состязаній явилась противоположная теорія. Другой пресвитеръ Флоринъ (Valentianus), жившій въ концѣ II вѣка, сталъ доказывать, что Богъ создалъ только одно зло. Послѣдователи этого ученія, скрывавшіеся преимущественно въ военномъ сословіи,—почему сектанты и назывались часто «milites»,— отрицали кромѣ того судъ и воскресеніе мертвыхъ, рожде-

([13]) «Ex his sunt aliquanti qui etiam rogaut eos quos invenerint ignotos, ut ab eis occidantur». **Praedestinati de haer. c. 61,—I, 255.**

([14]) **Philastri c. 79,—I, 74.—Augustini c. 65,—I, 215.—Isidorus—I, 307.—Pauli c. 40,—I, 318.—Honorii c. 65,—I, 330.—У Предестината показаніе ошибочное и неясно составленное; c. 65.—I, 257.**

([15]) **Исаія; XLV, 7.**

([16]) **Амосъ; III, 6.**

([17]) **Бытія; I, 31.**

ніе Христа отъ Дѣвы, и, слѣдуя гностикамъ, считали плоть Христа взятою изъ небесной матеріи ([18]). Въ ихъ собраніяхъ существовалъ обычай, совершенно сходный съ тѣмъ, въ которомъ, впрочемъ бездоказательно, католическіе памфлетисты обвиняютъ альбигойскихъ катаровъ, и который по настоящее время совершается на чрезвычайныхъ «радѣніяхъ» одной изъ русскихъ безпоповщинскихъ сектъ, у т. н. «Людей Божіихъ» ([19]). Флориніане, подъ конецъ сходбища, въ глубокую ночь, погасивъ огни, мужчины и женщины, безъ разбора возраста и родства, предавались свальному грѣху, думая исполнить завѣтъ Бога: «раститеся и множитеся» ([20]). Впрочемъ, своею односторонностью, противоположныя мысли, высказанныя Коллуѳомъ и Флориномъ, не могли пріобрѣсти большаго числа послѣдователей. Оба ересіарха видимо чуждались дуализма, хотя дальнѣйшее развитіе ихъ теорій непосредственно вело къ тому.

Получивъ такимъ образомъ раздробленное и извращенное понятіе о Богѣ, послѣдующіе сектаторы были не далеки отъ того, чтобы, въ цѣляхъ примиренія и пріобрѣтенія бо́льшей популярности, признать двухъ верховныхъ существъ, враждебныхъ между собою и противоположныхъ по своей сущности. *Изъ множества бродившихъ элементовъ*,—на почвѣ уже достаточно всколыхавшейся, дававшей богатый матеріалъ для выбора и соображенія людямъ, искавшимъ славы ересеначальниковъ, — *подъ непосредственнымъ вліяніемъ гностиковъ, составлялись* послѣдовательно *ученія манихейцевъ, присциллліанъ, аріанъ, евхитовъ, павликіанъ*, и позднѣе, *болгарскихъ богомиловъ*, тѣхъ сектъ, которыя, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ, разными авторитетными учеными признаются за непосредственныхъ *родоначальниковъ позднѣйшихъ альбигойцевъ дуалистическаго*, какъ мы называемъ, *восточнаго направленія*, отъ которыхъ надо строго отличать

([18]) **Philastri c. 57,—I, 59.—Augustini c. 66,—I, 215.—Isidorus, Paulus, Honorius,—l. cit.**

([19]) **См. въ Православномъ Собесѣдникѣ статью о «Людяхъ Божіихъ» (за 1858 г. кн. II, стр. 405) и болѣе обширное сочиненіе того же автора (И. М. Добротворскій. Люди Божіи, русская секта т. н. духовныхъ христіанъ. Каз. 1869; стр. 64).**

([20]) **Philastrius c. 57.**

другую вѣтвь западную, послѣдователей евангелическаго ученія, тождественныхъ съ позднѣйшими реформатами, кальвинистами, т. е. вальдензовъ.

Разсмотримъ сперва исторію развитія вѣрованій дуалистовъ альбигойскихъ, составлявшихъ большинство между еретиками XIII столѣтія.

Корень этого ученія лежитъ въ степяхъ Средней Азіи и Манесъ былъ, можетъ быть, первый альбигоецъ.

Чтобы развить обстоятельнѣе судьбы альбигойскихъ дуалистическихъ идей съ самаго появленія ихъ въ исторіи, надо съ нѣкоторою подробностію ознакомиться съ послѣдовательными системами манихеизма.

Восточная и греческая философія не переставали присутствовать при разрѣшеніи заманчивыхъ и темныхъ вопросовъ, обуревавшихъ первые вѣка христіанства. Основателю манихейской секты открывалась возможность воспользоваться матеріаломъ богатымъ, системами разнообразнаго характера. Родившись въ Индіи, Манесъ провелъ большую часть жизни среди маговъ Персіи, неоплатониковъ и гностиковъ Александріи. Изъ далекаго Востока, этотъ страстный эклектикъ, полу-язычникъ, полу-христіанинъ, полу-браминъ, приносилъ съ собою понятіе о борьбѣ двухъ началъ, демоновъ добра и зла. Онъ готовъ былъ вѣрить въ Ормузда и Аримана, какъ искренно вѣрилъ въ каббалу и магію. Посвятивъ себя всецѣло поприщу и славѣ творца новой религіи, онъ отказался отъ дѣлъ торговыхъ, отъ своихъ богатствъ, и весь отдался христіанскому богословію, греческой наукѣ и еврейской каббалѣ. Эмпедоклъ и Пиѳагоръ также не остались безъ вліянія на его систему ([21]). Манесъ считалъ себя призваннымъ изъяснить то, что доселѣ такъ противоположно толковалось, тѣмъ болѣе что тогда, въ концѣ III вѣка, когда христіанская религія готовилась сдѣлаться религіею государственною, скопилось особенно много различныхъ воззрѣній и системъ. Онъ много изучалъ каббалиста Скиѳіана, жившаго при апостолахъ и склонявшагося къ гностицизму. Зороастръ не удовлетворилъ его во всей цѣлости; Манесъ предпочиталъ вѣрованія болѣе древнихъ маговъ. Вообразивъ

([21]) **Petri Thomae Cacciari Exercitationes in S. Leonis opera. De Manichaeorum haeresi — apud Migne (Patrologia; LV, 784).**

себя призваннымъ свыше очистить помраченное христіанство, онъ назвался παράκλητος, «утѣшителемъ». Книги евреевъ и Евангеліе христіанъ онъ судилъ съ высоты собственной теософіи. Онъ отвергалъ Ветхій Завѣтъ цѣликомъ, какъ твореніе божества второстепеннаго; Новый же онъ подвергнулъ критикѣ и, откинувъ многое, составилъ собственное Евангеліе, которое послѣ выдавалъ за посланное съ неба. Онъ не всегда вѣрилъ Откровенію, а всегда предпочиталъ философію классическихъ мудрецовъ. Изъ своей колыбели, изъ предѣловъ Индіи и Китая, Манесъ вынесъ пантеизмъ, который такъ присущъ былъ всѣмъ гностическимъ сектамъ. Онъ говорилъ, что не только причина и цѣль всего существованія въ Богѣ, но одинаковымъ образомъ и Богъ присутствуетъ вездѣ. Всѣ души равны между собою, а Богъ присутствуетъ во всѣхъ нихъ и такое одухотвореніе присуще не только людямъ, но и животнымъ,—самыя растенія не лишены того ([22]). Но старый азіатскій дуализмъ нѣсколько смущалъ это благородное воззрѣніе Платона. Повсюду на землѣ нельзя не видѣть преобладанія или добра или зла; примиреніе это вымыселъ, въ дѣйствительности его не существуетъ. Добрыя и злыя существа враждебны уже съ самаго дня своего созданія. Эта враждебность вѣчна, какъ вѣчна преемственность созданій, населяющихъ міръ. Такъ какъ въ добрыхъ и злыхъ явленіяхъ, физическихъ и моральныхъ, нѣтъ ничего общаго, то они потому должны происходить отъ двухъ различныхъ корней, быть созданіемъ двухъ божествъ, двухъ великихъ духовъ, добраго и злаго, Бога собственно и Сатаны ему враждебнаго. У каждаго изъ нихъ есть свой міръ, свое подвластіе; оба они внутренне независимы, вѣчны и враги между собою, враги по самой при-

([22]) **S. Augustini Confessiones; l. III. c. 18. «Et quid agebam cum irridebam eos, nisi ut irriderer abste; sensim atque paulatim perductus ad eas nugas, ut crederem ficum plorare cum decerpitur, et matrem ejus arborem lacrymis lacteis? (по изд. Karl von Raumer's, St. 1856, p. 57 — 59, 145 и прим. 1—2). О манихеизмѣ вообще см. въ «Confessiones» кн. V и особенно p. 193—194, 361—362.—Объ источникахъ манихейской системы см. Beausobre. Histoire critique de Manichée et du Manichéisme (1734—39, 2 v.); I, 26.**

родѣ своей. Такой дуализмъ не принадлежитъ Зороастру. Въ немъ нѣтъ общаго, хотя невѣдомаго никому, отца міра, можетъ быть и благодѣтельнаго божества (Зеруане—Акеренэ), которому подвластны оба великіе духа. Это объединяющее Существо Манесъ не признаетъ, желая избѣгнуть тритеизма. Его чистый дуализмъ безусловенъ, какъ безусловенъ онъ былъ въ школѣ древнихъ маговъ, къ которымъ принадлежалъ Манесъ и убѣжденія которыхъ онъ такъ рѣшительно высказалъ, поддерживаемый всѣми гностиками Сиріи. Власть добраго Бога, толковалъ Манесъ, можно уподобить свѣту, злаго—мраку; одинъ царь правитъ всѣмъ чистымъ во вселенной, другой, называемый ὕλη, всѣмъ злымъ. Между тѣмъ какъ по Зороастру, Ариманъ, начало зла, есть пониженная степень добра, наказанная сочетаніемъ съ матеріей, — для Манеса его Сатана есть непосредственное состояніе матеріи. Въ ней все зло и человѣкъ, окованный ею, только одолѣніемъ ея, подвигами самоумерщвленія, подавленіемъ страстей, чувствъ любви и ненависти а слѣдовательно и нравственностію самою суровою, получаетъ надежду высвободиться изъ царства зла. Во всякомъ случаѣ, Богъ свѣта долженъ быть выше Бога мрака и врожденное этическое чувство подсказало творцу системы побѣду перваго надъ вторымъ. Самая борьба совершается согласно теоріи Зороастра. Тутъ участвуетъ и мать жизни, которая призвана Богомъ охранять небо отъ слугъ Сатаны и которая производитъ первое божественное существо, имѣющее такимъ образомъ по своему составу родственную связь съ великимъ духомъ добра. Существо это, опираясь на средства пяти стихійныхъ элементовъ, свѣтъ, воздухъ, воду, землю и огонь, беретъ на себя борьбу съ орудіемъ тьмы, но безуспѣшно. Только внезапное содѣйствіе «животворнаго духа», ниспосланнаго Богомъ, даруетъ ему побѣду, когда оно, истомленное, уже отчаевается въ собственномъ спасеніи и готово потерять въ борьбѣ своего сына (*υἱὸς ἀνθρώπου*). Здѣсь-то, изъ ураническаго періода миѳъ выходитъ на фигурально-христіанскій путь, съ тою разницей, что роль Митры играетъ Христосъ. При помощи его, т. е. чисто небеснаго свѣта, князь тьмы творитъ перваго человѣка, тѣло котораго изъ земной матеріи, а разумъ изъ небесной. Имя ему «Адамъ»; онъ одинаково принадлежитъ двумъ богамъ; оба начала ведутъ въ немъ свою вѣчную борьбу. Но животворный духъ,

сотворивъ новую небесную матерію, заставляетъ ее вытягивать и присоединять къ себѣ родственные элементы изъ небесной матеріи, захваченной Сатаной. Это и есть вѣчное тяготѣніе матеріальнаго человѣка къ духовному совершенству, къ освобожденію изъ тѣлесной темницы, изъ объятій дьявола. Душа перваго человѣка уже готова была одолѣть тѣло, какъ демоны запретили ей касаться до знаменитаго древа знаній; одинъ изъ ангеловъ нашелъ средство устранить это запрещеніе, но часъ паденія Адама уже былъ близокъ. Демонамъ, для соблазна его, вздумалось произвесть Еву; прелести ея увлекли Адама и онъ совершилъ актъ чувственности, который опять отдалилъ его отъ цѣли совершенствованія, уже достигнутой, и отдалъ во власть матеріи и духа тьмы. Всѣ люди потому должны чуждаться этихъ губительныхъ чаръ и наслажденій земныхъ, которыя, обезсиливая ихъ, дѣлаютъ неспособными къ принятію духа и тѣмъ болѣе удаляютъ отъ него. Высокое призваніе человѣка—въ нравственной чистотѣ, почему *иногда манихейцы называли себя καθαροὶ* т. е. чистыми (23).

Земля, видимый міръ, созданный Богомъ при посредствѣ животворнаго духа, должны были послужить ареной духовныхъ подвиговъ первыхъ людей, свидѣтелями борьбы съ тѣломъ. Видимый міръ потому исполненъ тѣхъ же противоположныхъ элементовъ; въ немъ всѣ степени истеченія существъ; изъ него должна постепенно извлекаться матерія. Между тѣмъ грѣхи увеличились и наслажденія рода человѣче-

---

(23) Epiphanius; LXVI,—apud Oehler; II, 398—554 (иное названіе ихъ, по этому главному источнику, было: *Ἀκουανῖται*).—Augustinus (c. 46; I, 206—211), и Praedest. (c. 461, 247—251) приводятъ весьма важное для насъ указаніе, что *другимъ наименованіемъ манихеевъ было катары*: «eos, qui ista faciunt, proprie Catharistas vocari dicens, cum alias ejusdem Manicheae sectae partes in Mattarios et specialiter Manichaeos distribui perhiberet, omnes tamen has tres formas ab uno auctore propagatos, et omnes generaliter Manichaeos» etc. (208). «Tria ergo genera sunt Catharistae, Mattarii et Manichaei. Omnes tamen has tres formas ab uno magistro, ipso scelerato Mane, constat esse conscriptas» (249)—О взглядѣ манихейцевъ на Библію см. Augustini Confessiones; l. V, c. 21; p. 109, прим. 1—3, «dicerent scripturas Novi Testa-

скаго стали велики. Оставалось сдѣлать рѣшительный поступокъ противъ князя тьмы. Богъ свѣта, ревнуя о торжествѣ своего царствія, рѣшился самъ идти на спасеніе рода человѣческаго. Тѣло его было лишь видимое, призрачное. Христомъ, Мессіею онъ назвался, чтобы исполнить давнишнія ожиданія евреевъ. Тогда, по словамъ Евангелія Іоаннова, «и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не объяла его» ([24]), — эта буквальность удачно соотвѣтствовала догматикѣ манихейцевъ. Князь тьмы, напуганный торжествами побѣдъ новаго Освободителя, устроилъ такъ, что евреи распяли его. Смерть Христа, хотя только видимая, послужила символомъ освобожденія всѣхъ душъ. По апокрифу *περίοδοι ἀποςόλων*, вмѣсто тѣла Іисусова, остался крестъ свѣта, который есть логосъ гностиковъ, Христосъ католиковъ, жизнь, истина, благо. Такому толкованію вѣрили «непосвященные слушатели», какъ они назывались въ общинѣ; избранные же поднимались до идеальнаго созерцанія предметовъ. Такое дѣленіе было и у альбигойцевъ. Избраннымъ или совершеннымъ предлагался и болѣе тяжелый практическій кодексъ морали, сходный съ правиломъ сирійскихъ гностиковъ и ихъ суровымъ образомъ жизни. Очищеніе, освобожденіе отъ привязанностей земныхъ, чистота и святость—цѣль бытія; такой человѣкъ, послѣ смерти, вступаетъ въ царство луны, гдѣ въ большемъ озерѣ очищается въ продолженіи 15 дней,—это небесное крещеніе водою. Послѣ того душа очищается огнемъ въ царствѣ солнца,—это небесное крещеніе огнемъ. Допущенная до созерцанія Искупителя, возсѣдающаго въ солнцѣ среди ангеловъ, она достигаетъ верха блаженства; она свободна отъ тѣла. Но душа, еще не вполнѣ очистившаяся, помраченная удо-

menti falsatas fuisse a nescio quibus, qui Judaeorum legem inserere christianae fidei voluerunt, atque ipsi incorrupta exemplaria nulla proferent». — Philastrius, — I, 80: «sunt in Gallis et Hispanis et Aquitania velut abstinenses, qui et Gnosticorum et Manichaeorum particulam perniciossimam aeque sequuntur» etc; см. также с. 61, срв. I, 140 — Изъ пособій, кромѣ указанныхъ: Petrus Siculus. Historia Manichaeorum haeresis, ed. Gieseler (Götting. 1836); Wolf. Manichaeismus ante Manichaeum и Mosheim Commentarius de rebus christianis ante Constantinum.

([24]) Евангеліе отъ Іоанна; I, 5.

вольствіями земными, переходитъ въ другое тѣло, дабы опять посвятить себя очищенію, совершенствованію. Всѣ души призваны со временемъ занять свое мѣсто въ царствѣ добра послѣ извѣстной борьбы; демоны же тогда будутъ заключены въ свои жилища; матерія, лишенная всякаго свѣта и посторонняго вліянія, будетъ превращена огнемъ въ мертвую массу, и души, не высвободившіяся отъ мрака, будутъ приставлены охранять ее, это плэрома гностиковъ, въ которой Сатана не находитъ однако успокоенія, какое давала ему система Зороастра. Воскресенія мертвыхъ Манесъ не принималъ и стоялъ на воззрѣніяхъ дуализма. Однако онъ внесъ много непосредственно принадлежавшаго христіанству. Съ нимъ проповѣдывало 12 апостоловъ, 72 епископа; у него были пресвитеры и діаконы для религіознаго служенія въ различныхъ мѣстахъ.

Такъ создались богословіе и Церковь манихейская или лучше манихейская философская система. Предѣлы ея были обширныя; она распространялась съ удивительною быстротою на Востокѣ и Западѣ. Рядомъ съ христіанскимъ водворялся новый манихейскій молитвенный домъ,—и это было тогда, когда сама христіанская религія еще не получила права на званіе государственной. Церковная внѣшность и ортодоксальные пріемы способствовали распространенію манихейцевъ. Подобно альбигойцамъ, они искусно умѣли пользоваться характеромъ новыхъ адептовъ, ихъ ревностью къ обряду, къ буквѣ; на первое время они дѣлали уступки; католиковъ они склоняли къ себѣ евангельскими текстами, которые послѣ начинали перетолковывать аллегорически. Будучи философами по убѣжденіямъ, они не отказывались отъ Крещенія, но приводили его къ простой обрядности и напоминали слова Спасителя: «азъ есмь источникъ воды живой». Подъ Причащеніемъ они разумѣли представленіе выраженія евангельскаго о духовномъ хлѣбѣ. Въ 274 году основатель секты мучительно погибъ отъ рукъ персидскаго царя, осужденный соборомъ маговъ. Онъ открылъ своей оригинальной философіей блистательную дорогу и вліятельную будущность. Онъ сталъ преданіемъ для позднѣйшихъ поколѣній. Для послѣдователей своихъ онъ былъ то Зороастромъ, то Буддою, то Митрою, то наконецъ Христомъ. Какъ увидимъ, вліянію его мыслей трудно будетъ опредѣлить предѣлы. Могущество его духа проявляется тѣмъ рѣ-

шительнѣе, тѣмъ замѣчательнѣе, что цѣлая системы была плодомъ лишь личныхъ и исключительныхъ его соображеній. Дуализмъ видоизмѣнялся и развивался въ разныя эпохи подъ самостоятельнымъ творчествомъ, но въ первой своей манихейской формѣ и самой вліятельной, — онъ былъ дѣломъ одного ума. Гнозисъ сирійской школы далъ Манесу особенный авторитетъ на Востокѣ, утвердивъ на Западѣ въ слѣдующемъ столѣтіи дуализмъ его ученика, Присцилліана.

Присцилліаниты опирались на догму египетскаго гнозиса. Испанецъ родомъ, будущій аквилейскій епископъ, Присцилліанъ учился въ школахъ Мемфиса и Киренаики. Тамъ же онъ ознакомился съ теоріями маговъ и Манеса, подобно которому увлекся богатствомъ и воображеніемъ восточной философіи. Но въ противоположность Манесу, онъ всегда хотѣлъ исходить изъ христіанскихъ понятій, хотя, думая уяснить ихъ, не могъ не подчиниться теоріямъ гностицизма и манихейства, а равно ученію Савеллія въ догматѣ о Троицѣ. Первыя свои мысли Присцилліанъ посѣялъ между женщинами; тутъ удобнѣе всего было пріобрѣсти силу и поддержку. Скоро онъ насчитывалъ за себя не только множество гражданъ, но нѣкоторыхъ епископовъ. Центръ его ученія былъ въ Испаніи и Аквитаніи ([25]). Онъ написалъ тогда множество сочиненій, отъ которыхъ теперь не сохранилось даже заглавій. Извѣстно, что, при объясненіи Новаго Завѣта, онъ принималъ апокрифы, въ родѣ записокъ апостольскихъ, въ которыхъ ученики предлагаютъ Спасителю рядъ вопросовъ. Изъ персидской системы Манеса Присциллiанъ удержалъ понятіе о борьбѣ добра и зла, Бога и Сатаны, но съ тѣмъ отличіемъ, что не давалъ самостоятельнаго божества Ариману, дѣлая его твореніемъ матеріи, согласно ученію валентіанъ, и отъ матеріи же производя ангеловъ и демоновъ. Другое главное отличіе—въ созданіи видимаго земнаго міра, который, по Присциліану, выходитъ изъ рукъ не Бога, а сатаны. Земля управляется такимъ образомъ духомъ тьмы и его ангелами, чѣмъ объясняется

([25]) Augustini de haeres. c. 70,—I, 217 и спец. соч. его Contra Priscillianistas. — Praedest. c 70, — I, 259. — Vries. Dissertatio de Priscillianistis.—P. Cacciari. De priscillianistarum haeresi et historia apud Migne; LV, 901—1065.

хаосъ и зло между людьми. Всѣ эти положенія цѣликомъ вошли въ космогонію крайнихъ альбигойскихъ дуалистовъ; сходство простирается до самыхъ религіозныхъ обрядовъ и понятій о душѣ человѣческой ([26]). Если въ мірѣ столько злыхъ началъ, то человѣкъ присциліанитовъ имѣетъ болѣе высокое происхожденіе. Его душа исходитъ изъ Бога; она той же божественной субстанціи и прежде появленія въ какомъ либо тѣлѣ человѣческомъ пребываетъ въ особомъ небесномъ мірѣ. Демоны зла соблазномъ выманиваютъ ее оттуда; мрачные духи подхватываютъ ее, влекутъ по всѣмъ мытарствамъ звѣзднымъ и земнымъ, облекаютъ ее въ тѣлесную оболочку и столько пріобрѣтаютъ власти надъ нею, что заставляютъ ее въ послѣдствіи перемѣнять нѣсколько тѣлъ, если сразу она не могла пріобрѣсть умерщвленіемъ страстей и плоти должной и совершенной чистоты. Только тогда она можетъ вернуться къ Богу и утвердиться въ царствѣ свѣта или точнѣе, какъ полагалъ Присцилліанъ, въ одной изъ сферъ звѣздныхъ. Секта предлагаетъ изученіе астрономіи, знаковъ зодіака, такъ какъ приписывается звѣздамъ особенное вліяніе на тѣло человѣка и даже на каждую часть его,—какъ того же требовала каббала. Если души поселяются на звѣздахъ и имѣютъ нѣкоторое отношеніе съ ними, то изученіе послѣднихъ даетъ основаніе судить о самой душѣ, объ ея заслугахъ и страданіяхъ. «Въ занятіяхъ этой наукой, говоритъ намъ творецъ системы, небо и земля будто сливаются между собою».—Такъ какъ матерія заключаетъ въ себѣ губительное начало, то Христосъ не могъ имѣть ее; онъ не что иное, какъ тоже Божество, которое послало его; онъ предвѣченъ и несотворенъ; онъ не есть второе лицо. Уда-

([26]) Срв. нпр. хотя письмо короля Педро II аррагонскаго объ альбигойцахъ,—у Benoist (Hist. der Albigeois et des Vaudois, preuves; I, 270): «Post multam fugam, et multas verborum ombages ore sacrilego confessi sunt tres et plures Deos esse, asserentes omnia visibilia a Deo maligno creata esse, adjicientes ad cumulum blasphemiae et damnationis suae Legis Mosaicae datorem Deum malignum esse confessi sunt; etiam, quod auditu horribile est, Iesum Christum ita hominem habere patrem... Sacramentum quoque Baptismatis et Altaris, et generalem corporum ressurectionem penitus negavere» etc.

ляться отъ матеріи должно каждое существо, которое ищетъ очищеннаго мѣста на хорошей звѣздѣ. Потому, строгая жизнь, воздержаніе отъ мясъ и вина, посты, молитвы, цѣломудріе — составляютъ основаніе нравственности сектантовъ. Какъ флориніанъ, такъ и присцилліанъ противники ихъ обвиняютъ въ тайномъ развратѣ, но утверждать то нѣтъ достаточныхъ основаній; публичная нравственность ихъ была безукоризненна. Католики жаловались на нихъ за пародію св. таинства при Крещеніи и Причащеніи, гдѣ они произносили какія-то непонятныя, мистическія слова подобно гностикамъ, а также на то, что у нихъ женщины допускаются къ системѣ публичнаго обученія, строго запрещаемому соборами. Вообще еретики, въ этотъ вѣкъ разложенія западной исторіи, представляли корпорацію болѣе образованную, болѣе крѣпкую своею нравственною силою. Къ нимъ часто обращались лучшіе умы времени. Многіе риторы, поэты, ученые, весьма знаменитыя женщины, наконецъ священники, епископы принадлежали къ этой сектѣ, блиставшей дарованіями и краснорѣчіемъ своихъ основателей. И особенные пріютъ ея былъ въ Испаніи и Галліи; Аквитанія и Нарбонская провинція скоро сдѣлались ея центромъ. Собственно-манихейцы не могли бы удерживать за собой столько послѣдователей въ массѣ, потому что не представляли христіанской Церкви въ строгомъ смыслѣ этого слова. Присцилліане на Югѣ Галліи а также и павликіане имѣли и то и другое. Ихъ распространеніе было до того сильно, что скоро пришлось дѣйствовать противъ христіанъ Зороастра мѣрами строгости и соборами. Въ Сарагоссѣ, въ 380 году, и черезъ 5 лѣтъ въ Бордо, было осуждено ученіе Присцилліана; императоръ Максимъ уступая моленіямъ св. Мартина, казнилъ семъ присцилліанитовъ и вездѣ приказалъ предавать еретиковъ казни въ случаѣ сопротивленія ([27]). Это были первые соборы на еретиковъ. Для тогдашнихъ мечтателей и утопистовъ въ религіи, смотрѣвшихъ на богословскій споръ какъ на вопросъ исключительной философіи,—такое административное и церковное преслѣдованіе было новостью. Но эта новость крѣпко привилась къ почвѣ и послужила

([27]) **Cave. Script. escles. hist. litt. I; 363, 367.—Срв. L'art de vérifier les dates; 176.**

примѣромъ, которому стали подражать слишкомъ часто. Въ виду преслѣдованій, еретики спѣшили соединиться въ болѣе крѣпкія и дружныя общества. Секта приняла таинственность обрядовъ и сдѣлалась недоступною для непосвященныхъ, тѣмъ заманчивѣе увлекая послѣднихъ. До половины VI вѣка она держится какъ отдѣльное и сильное вѣроисповѣданіе, и только соборъ въ Брагѣ нанесъ рѣшительный ударъ ея существованію. Но тѣмъ не менѣе идеи присцилліанитовъ, такъ счастливо посѣянныя, нашли себѣ особенную поддержку въ скептицизмѣ народнаго лангедокскаго характера. Онѣ не изчезали и, обогащаясь новымъ матеріаломъ, ростили будущую, гораздо болѣе сильную оппозицію альбигойцевъ.

Около того же времени, въ тотъ же Лангедокъ занесены были съ Востока подобныя же воззрѣнія павликіанъ, секты родственной сирійскому гнозису, того же греческаго происхожденія, съ тѣми же неоплатоническими началами, но потерявшей много преданій манихейства, со всею силою сохранившихся у ихъ восточныхъ предшественниковъ ([28]). Провансальскіе павликіане даже проклинали память знаменитыхъ ересеначальниковъ древности; они предавали анаѳемѣ Скиѳіана, Будду и самого Манеса ([29]). Въ Галліи они назывались публиканами. Они сходились съ манихейцами только въ одномъ понятіи о дуализмѣ и борьбѣ началъ, отвергая, подобно будущимъ вальдензамъ, всякую внѣшность культа, придавая Крещенію и Причащенію одно обрядное значеніе произнесеніемъ извѣстныхъ словъ. У нихъ не было ни іерархіи, никакого слѣда церковной организаціи, какъ не будетъ ея у вальдензовъ. Подобно послѣднимъ, они признавали бракъ, не отвергали мяса,—короче, на павликіанскую систему надо смотрѣть совершенно иначе, какъ на ту уступку, которую сдѣлалъ азіатскій дуализмъ европейскому раціонализму въ христіанствѣ,—какъ на первообразъ будущихъ реформаторовъ XII столѣтія, смутно колебавшихся въ вопросахъ вѣры и балансировавшихъ между раціонализмомъ и христіанскимъ богословіемъ. Потому, если эти сектанты имѣютъ мѣсто въ общей исторіи Альбигойцевъ,

([28]) **Gieseler. Untersuchungen über die Gesch. der Paulicianer in Theologische Studien und Kritiken,—J. 1829, № 1.**

([29]) **Petrus Siculus. Hist. Manichaeorum; 32 (ed. Gieseler).**

то было бы жестокою ошибкой производить отъ нихъ дуалистовъ альбигойскихъ (катаровъ), хотя то дѣлаютъ даже такіе представительные авторитеты, какъ Боссюэтъ ([30]), Риккини ([31]), Муратори ([32]), Мосгеймъ ([33]), Гиббонъ ([34]), наконецъ нѣкоторые новые историки ересей, какъ Ганъ ([35]), русскій изслѣдователь о духоборцахъ Новицкій и англичанинъ Майтландъ ([36]). Такую непослѣдовательность можно объяснить только недостаточностью разработки исторіи Альбигойцевъ, совершенно темной въ прошедшемъ столѣтіи и мало понятой въ настоящемъ. Дѣло въ томъ, что, изъ стремленія объединить сектантовъ, эти историки не хотѣли убѣдиться съ двойственности религіознаго направленія Альбигойцевъ, изъ которыхъ каждое не имѣло почти ничего обща-

([30]) Онъ неосновательно смѣшиваетъ ихъ съ манихейцами, приписывая имъ, на основаніи Цедрена, отрицаніе креста, Евхаристіи и Богородицы; «les anciens Manichéens avoient les mêmes sentimens»,—а манихейцы, какъ убѣдимся, были прямыми учителями альбигойцевъ. **Bossuet**. Histoire des variations des églises protestantes (изд. 1817 г. въ 4 т.); II, 93.

([31]) **Moneta Cremonensis**. Adversus Catharos et Waldenses ed. **Ricchini**; diss. de Catharis, XIV. Впрочемъ, его предположеніе было бы справедливо, если бы онъ рѣзко отдѣлялъ принципы восточнаго павликіанства отъ западнаго, въ которомъ первое сильно смягчилось.

([32]) **Muratorius**. Ant. ital. medii aevi (1741, 5 f.); V, 83.

([33]) **Mosheim**. Versuch einer unpartheyischen Ketzergeschichte (1746); 369.

([34]) **Gibbon**. Hist. de la décadence de l'emp. rom. (1819); XI, 26.

([35]) «Der Name Paulicianer, der den manichäischen Ketzern des Abendlandes in Frankreich und Italien ebenfalls beigelegt werden», замѣчаетъ **Hahn** (Gesch. der neu-manichäischen Ketzer; 51),—но это имѣетъ нѣкоторое вѣроятіе лишь потому, что Лангедокъ XII и XIII столѣтія былъ пріютомъ всевозможныхъ исповѣданій и ересей, которыя взятыя вмѣстѣ назывались Альбигойцами и часть которыхъ могли составлять и послѣдователи древнихъ западныхъ павликіанъ.

([36]) **Ор. Новицкій**. О Духоборцахъ (Кіевъ, 1832); 110.— **Maitland**. Facts and documents illustrative of the history of the ancient Albigenses and Waldenses (1838); 83.

го съ другимъ, хотя оба они жили вмѣстѣ, соединенныя общими матеріальными и духовными интересами, а, главное, единою опасностью, которая въ послѣдствіи угрожала всякому уклоненію отъ ортодоксіи, установленной Отцами, канонами и соборами. Въ отношеніи же догматическомъ поздніе катары столько же имѣли съ ними общаго, сколько массиліане (отъ Массиліи, Марсели), эти semi-pelagiani, названные такъ потому, что составляли исключительное достояніе Прованса, гдѣ появились въ концѣ IV вѣка съ догматикой, развитою Кассіаномъ ученикомъ Пелагія и поддерживаемые марсельскими священниками и нѣсколькими епископами Аквитаніи ([37]). Совершенно чуждые дуализма, массиліане стояли на почвѣ католической и приносили только собственный взглядъ на благодать, необходимость которой если не совсѣмъ отвергали, то во всякомъ случаѣ придавали ей второстепенное значеніе, содѣйствующее человѣку вѣрующему. Въ обрядахъ манихейскихъ упрекали только собственно пелагіанъ. Противъ массиліанъ же вооружились соборы въ Арлѣ и Ліонѣ (475 г.), а аравзійскій соборъ въ 529 г. произнесъ на нихъ проклятіе ([38]). Это было въ то время, когда въ Азіи и въ Европѣ, а особенно на Югѣ Галліи съ невѣроятною силой распространилось болѣе вліятельное ученіе Арія, наводившаго трепетъ на защитниковъ православной Церкви.

Аріанство имѣетъ тотъ смыслъ въ исторіи альбигойцевъ, что, крѣпко внѣдрившись на почвѣ Гіенни, Лангедока и Прованса, сдѣлавшись тамъ государственнымъ вѣроисповѣданіемъ въ эпоху паденія Рима и вестъ-готскаго владычества,— оно предрасположило цѣлую страну къ торжественному уклоненію отъ правовѣрія и тѣмъ внушило слѣдующему поколѣнію побужденія самыя рѣшительныя. Хотя знаменитый пресвитеръ Александріи опирался болѣе на односторонніе выводы разума, чѣмъ на сокровища воображенія, однако не избѣгнулъ своей доли вліянія со стороны гностическихъ ученій ([39]). Началами гностицизма ему приходилось защищать свое богословіе. Восточная философія скрывается и въ аріан-

([37]) **Vossius**. Historia Pelagiana (Amst. 1655), l. II, c. 11.

([38]) **L'art de vérifier les dates**; 181, 183.—Срв **Cave**. Bibl. litt. 488, 554 и G. **Vossius**. Hist. Pelagiana; l. II, c. 53.

([39]) **Matter**. Hist. critique du gnosticisme; II, 436.

ствѣ. Послѣдователи Зороастра и каббалы указали рядъ существъ, эоновъ, истекающихъ одно изъ другаго; они говорили, подобно Арію, что совершеннѣйшій изъ эоновъ низошелъ въ человѣка-Іисуса послѣ его крещенія въ Іорданѣ. Тонкою, едва замѣтною струей вливается манихеизмъ въ аріанство и восточная философія, преслѣдуемая основателемъ этой обширнѣйшей изъ ересей, тѣмъ не менѣе часто служитъ своею антропологіею, какъ матеріалъ для систематическихъ построеній Арія. У Арія, наконецъ, встрѣчаются слова въ родѣ логосъ, софія; у него Богъ Сынъ чуть не деміургъ, создавшій первыхъ людей вмѣстѣ съ Духомъ, который послѣ содѣйствовалъ ему въ дѣлахъ творенія. Тонкости и трудности системы, отсутствіе ясности и точности, особенно въ опредѣленіи субстанціи «Сына» — тѣ же признаки гностицизма; эти стороны особенно способствовали паденію ереси. Аріанскіе же соборы непрерывно проклинали своихъ собратій по вѣрѣ, если только они не сходились въ философскихъ тонкостяхъ пониманія логоса, тогда какъ это пониманіе давало возможность обширнымъ толкованіямъ, часто нисходившимъ на степень препираній, напоминавшихъ состязанія въ школахъ Антіохіи и Александріи и потому нерѣдко уклонявшихся въ космогонію Востока и вымыслы маговъ. Это обстоятельство и самостоятельность Сына, какъ бы равнозначительнаго Отцу и потому въ нѣкоторой степени втораго Бога дуалистовъ, давали возможность заподозрить непосредственную связь аріанъ съ катарами альбигойскими. Современному альбигойской войнѣ, англіскому лѣтописцу Рожеру Говедену провансальскіе еретики прямо представлялись потомками аріанъ (40). Такими же они казались знаменитому автору аріанской церковной исторіи—Христофору Санду (41). Та же ересь проводится какъ источникъ альбигойскихъ дуалистическихъ вѣрованій въ двухъ французскихъ монографіяхъ, впрочемъ довольно поверхностныхъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ іезуиту (42), другая же носитъ слѣды радикальнаго направленія (43). Но если гностическій элементъ скрывается въ ученіи Арія, то далеко не въ такой степени, чтобы безъ особенной натяжки могъ создать абсолютный дуализмъ, которымъ отличается главная вѣтвь катаровъ и чтобы можно было находить какую либо традицію кромѣ косвенной т. е. той, какую оказываютъ на образованіе религіозныхъ и философскихъ системъ предварительныя обстоятельства, подготовляемыя исторіею къ ихъ воспринятію. Въ этомъ смыслѣ аріанство было довольно активно, хотя аріанъ, какъ отдѣльныхъ сектантовъ, въ XIII столѣтіи не существовало въ предѣлахъ Лангедока.

(40) **Rogerus de Hoveden.** Annalium Anglicanorum libri duo usque ad annum 1201.

(41) **Sandius.** Nucleus historiae ecclesiasticae seu historia Arianorum et Socianorum (Col. 1676); 386, 396.

(42) **Benoist.** Hist. des Alb. I, 4. «Car s'il en faut croire aux autheurs même hérétiques (?) qui en ont écrit l'histoire, elle n'est qu' un assemblage des erreurs des Arriens et des Manichéens.

Изъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ системъ, уже разсмотрѣнныхъ нами, несравненно болѣе широкое вліяніе на альбигоизмъ имѣли манихейство и присциллiанитство. Средніе вѣка безусловно вѣрили въ тождество религіи Манеса съ либеральными возрѣніями провансальцевъ. Такъ какъ это вопросъ первой важности, то надо остановиться на свидѣтельствахъ источниковъ объ отношеніи манихейской системы къ альбигойской. Рожеръ, епископъ шалонскій, жившій въ половинѣ XI вѣка, пишетъ объ убѣжденіяхъ альбигойскихъ, что Духъ св. передается только черезъ Манеса (44) и что ересіархъ этотъ ниспосланъ самимъ Богомъ. По Экберту, писавшему памфлетъ на катаровъ, «секта эта несомнѣнно беретъ начало отъ еретика Манихея» (45). Въ Италіи полагали, что манихеизмъ никогда не прерывался и по документамъ можно прослѣдить исторію мѣръ противъ него отъ Льва Великаго до Бонифація VIII, тѣмъ болѣе, что другаго имени для дуалистовъ тамъ не существовало, такъ какъ альбигойство являлось мѣстнымъ терминомъ, вслѣдствіе ряда

(43) **Barrau et Darragon.** Hist. de croisade contre les Albigeois; préf. p. V. «Il y avait là des ariens, des panthéistes, presque des musulmans» etc.

(44) **Gesta episcoporum Leodiensium**; c. 59—apud **Martène et Durand** (Veterum scriptorum amplissima collectio, 9 f); IV, 898... «quem (Spiritum Sanctum) ad adstruendam errori suo fidem non alius a Deo missum, quam in haeresiarcha suo Mani (quasi nihil alind sit Manes nisi Spiritus Sanctus).

(45) **Ekbertus.** Adversus Catharos sermones (Bibliotheca Patrum maxima. Lugd. XXIII, 602).

событій сдѣлавшимся генетическимъ названіемъ манихейской секты. Подъ этимъ именемъ дуализмъ извѣстенъ въ «Anastasii liber pontificalis» ([46]) по поводу мѣръ, принятыхъ против манихейцевъ папами Геласіемъ (492 — 496 г.), Симмахомъ (498—514 г.) и Гормиздомъ (514—523 г.). Григорій Великій (590—604 г.) два раза указывалъ на нихъ въ своей перепискѣ и предписывалъ епископамъ обращеніе ихъ въ католичество ([47]). Столѣтіе спустя, то же повторяетъ Григорій II (715—731 г.) въ посланіи отъ 723 года къ клиру и народу Турингіи ([48]). Въ грамотахъ къ тремъ италіянскимъ епископамъ,—Герберту капуанскому отъ 978 года ([49]), одному изъ его преемниковъ Атенульфу отъ 1032 г. ([50]) и Альфану салернскому отъ 1066 г. ([51]), напечатанныхъ въ «Священной Италіи» Угелли,—сектанты называются тѣмъ же манихейскимъ именемъ. Наконецъ, что всего важнѣе, самъ Иннокентій III, искусный въ богословіи и церковной исторіи, считаетъ катаровъ за манихейцевъ ([52]), въ чемъ убѣжденъ былъ также авторъ главнѣйшаго источника къ изученію догмы альбигойской—доминиканецъ, лично допрашивавшій еретиковъ, страстно добивавшійся истины, основательно знавшій ученіе альбигойцевъ, — это Монета кремонскій, писавшій свою знаменитую книгу въ самой половинѣ XIII столѣтія. Онъ называетъ ее «Adversus Catharos et Waldenses»,—отличая тѣмъ различныя корни еретиковъ, но рѣшительно признаетъ манихейцевъ за предшественниковъ дуалистовъ, ему современныхъ ([53]), замѣчая только, что и другіе сектаторы не остались безъ вліянія на нихъ. Такое же убѣжденія со-

([46]) **Muratorius.** Scriptores rerum italicarum; III, I, 92—277.

([47]) **Gregorii Magni Epistolae**; l. II, ep. 37; l. V, ep. 8,—Migne. LXXVII; 575, 729.

([48]) **Mansi.** Conciliorum collectio; XII, 239.

([49]) **Ughelli.** Italia Sacra; VI, 564.

([50]) id. VI, 676.

([51]) id. VII, 802.

([52]) **Regesta**; l. X, ep. 54... «ab impiis Manichaeis, qui se Catharos vel Paterenos appellant» etc. **Migne**; CCXV, 1147.

([53]) **Moneta.** Adversus Catharos; 411. De origine Catharorum; l. V, c. 2. Авторъ указываетъ также на гностиковъ.

ставилось въ Германіи, начиная съ хроники Контракта ([54]) и кончая упомянутымъ боннскимъ каноникомъ Экбертомъ, писавшимъ послѣ 1163 г. и хорошо изучившимъ, по призванію и по порученію, рейнскихъ катаровъ. У Экберта видна даже предвзятая мысль всѣ свои 13 рѣчей направить непосредственно на Манеса ([55]). Во французскихъ хроникахъ говоря про ересь, всегда стараются указать на манихейцевъ какъ дѣлаетъ аббатъ Гвибертъ (+1124 г.) въ своихъ мемуарахъ ([56]) и другіе. Рауль арденскій, капеланъ аквитанскихъ герцоговъ, въ своихъ проповѣдяхъ высказываетъ общее убѣжденіе о происхожденіи окружныхъ еретиковъ ([57]). На реймскомъ соборѣ 1157 г., за альбигойцами утверждено манихейское наименованіе ([58]). Наконецъ французскій памфлетистъ на катаровъ, какъ доминиканецъ Стефанъ Бурбонъ или Бельвиль, инквизиторъ, дѣйствовавшій около 1250—60 годовъ, въ своемъ сочиненіи о семи дарахъ св. Духа, говоритъ, что онъ старался по возможности точнѣе изложить заблуженія сектантовъ и пришелъ къ убѣжденію, что Манесъ оказалъ главное вліяніе на содержаніе секты, чему не безучастны были также братья свободнаго духа ([59]). Испанскій инквизиторъ Лука Тюискій (въ Галиціи) яростно преслѣдовалъ катаровъ, во второй части своего сочиненія объ Исидорѣ Севильскомъ; разсказывая тономъ памфлетиста много интересныхъ подробностей о катарахъ, онъ главнымъ образомъ производитъ ихъ отъ манихейцевъ ([60]). Римъ долго былъ убѣжденъ въ томъ и въ позднѣйшее время. Такъ, папа Евгеній IV пишетъ о томъ къ

([54]) **Herimannus Augiensis.** Chron. de sex aetatibus mundi,—apud **Pertz**; t. V.

([55]) **Schmidt.** Hist. des Cathares ou Albigeois; II, 239.

([56]) **Guibertus S. Novigenti.** Opera ed. d'Achéry (1651),—de vita sua sive Monodiarum libri tres; 520.

([57]) **D'Argentré.** Collectio judiciorum de novis erroribus (3 f. 1728); I, 9.

([58]) **Mansi.** Conciliorum collectio; XXI, 843.

([59]) **D'Argentré.** Collectio judiciorum; I, 90.

([60]) **Lucas Tudensis.** Libri tres de altera vita fideique controversiis adversus Albigensium errores (отд. изд. Маріаны, 1612), p. 94.

легату Босніи ([61]). Въ новой литературѣ, ученый издатель Монеты, Риккини столько же вліянія на альбигойскихъ катаровъ приписываетъ Манесу, сколько и Присцилліану, но больше родства онъ находитъ съ манихейцами ([62]). Французскія пособія не проводятъ глубокой параллели и, не утруждаясь полнымъ изложеніемъ той и другой системы, ограничиваются указаніемъ видимаго сходства ([63]); но и такіе нѣмецкіе ученые, какъ Гизелеръ ([64]), Ганъ ([65]), Бауръ ([66]) склоняются на

([61]) Farlati. Illyricum Sacrum (1769); IV, 257—258.— Самъ издатель отождествляетъ дуалистовъ даже XV вѣка съ манихейцами, какъ напр. тамъ же: «cum Manichaeis sive Patarenis.

([62]) Moneta; diss. p. XIII. «Sobolem ac propagiem fuisse Catharos... Manichaeos».

([63]) Langlois (Hist. des croisades contre les Alb.) прямо замѣчаетъ: Les Albigeois étoient de vrais Manichéens (2).—Benoist (см. выше, прим. 42),—вмѣстѣ съ аріанами.—Capefigue (Hist. dePhilippe-Auguste; III, 21).—Roger (Arch. del'Albigeois; 64) и Compayré (Études sur l'Alb. 35) признаютъ ихъ учителей за манихейцевъ.

([64]) «Durch den sichtbaren Verfall der Kirche, und den sich in Folge davon verbreitenden Zweifel an derselben ermuthigt, traten seit dem Anfange des XI Jahrh. die Manichäer, welche sich in kleinen Resten in Italien erhalten hatten, aus ihrem Dunkel wieder hervor, und breiteten sich in dem Abendlande aus. Verwandte Erscheinungen zeigen sich schon früher. Eigentliche Manichäer werden aber zuerst entdeckt in Aquitanien» etc. Gieseler. Lehrbuch der Kirchengeschichte, 4 Ausg. B. II, Th. I; 404. Замѣтимъ, что такое исключительное объясненіе авторитетнаго историка забываетъ и нѣкоторыя отличія въ системахъ, и вліяніе непосредственно предшествовавшихъ греко-славянскихъ сектъ.

([65]) Hahn (Gesch. der neu-manich. Ketzer. S. 146) судитъ вѣрнѣе Гизелера: «Uebrigens ist das System der neuen Manichäer in vielen Punkten mehr oder weniger nur eine Wiederholung des alten Manichäismus und es lassen sich die einzelnen Veränderungen, treten sie als Zusatz oder Abschwächung gegenüber von dem früheren Systeme auf, ganz natürlich aus den Schicksalen der Lehre, der Zeit und den Verhältnissen ihres Auftretens u s. w. erklären».

([66]) Baur. Das manichäische Religionssystem (Tüb. 1831); 402. Доказательствомъ служатъ стр. 10, 30, 265, 268, 356, 394·

сторону непосредственнаго соотношенія между манихейской и альбигойской ересью. Что касается до преимущественнаго вліянія присцилліанства,—рѣзкія черты подобія котораго мы имѣли случай намѣтить,—то за него если нѣтъ указаній источниковъ, мало вникавшихъ въ догматическія подробности ересей, имѣются сужденія такихъ компетентныхъ критиковъ, какъ бенедиктинскихъ авторовъ знаменитой исторіи Лангедока ([67]) и еще одного изслѣдователя ([68]), хотя вообще этотъ вопросъ заслуживалъ бы гораздо большаго вниманія новой критики. Впрочемъ, чтобы объяснить такую странность, слѣдуетъ замѣтить, что не всегда отличаютъ точнымъ образомъ манихейцевъ отъ присцилліанъ, хотя такой пріемъ нельзя назвать чисто научнымъ. Во всякомъ случаѣ, *мысли Манеса представляются существеннымъ источникомъ, если не первообразомъ дуалистическихъ воззрѣній.* Разобравъ обстоятельно альбигойскую систему, мы окончательно выяснимъ нашу мысль о близкихъ соотношеніяхъ между присцилліанитами и альбигойцами; теперь же покажемъ вѣрность основнаго правила, т. е. что *формаціи всѣхъ дуалистическихъ системъ, а слѣдовательно и альбигойской, коренятся въ манихействѣ.*

Мы видѣли, какое множество свидѣльствъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ періодовъ времени, говоритъ въ пользу этого вывода. Это не могло бы произойти безъ серьезныхъ причинъ. Дѣло не въ сходствѣ основаній,—это слишкомъ ясно, чтобы можно было на томъ останавливать вниманіе. Родство идетъ дальше. Въ послѣдствіи мы увидимъ что въ систему альбигойцевъ вошло изъ манихейства отверженіе Ветхаго Завѣта, осужденіе брака, вообще аскетическій и пуританскій принципъ, теорія традуціанизма и метемпсихозы, наконецъ дѣленіе сектантовъ на два разряда по степени бо́льшаго или меньшаго ознакомленія съ вѣрою. Если миѳологическій характеръ манихеизма исчезъ у средневѣковыхъ

([67]) Vaissete. Hist. gén de Languedoc; I, 188, но то же сочиненіе производитъ альбигойцевъ и отъ манихейцевъ, какъ послѣ Гизелеръ и Ганъ (IV; 52, 221) и отъ павликіанъ Арменіи (IV, 219). Видно, что у авторовъ не было опредѣленныхъ понятій въ этомъ вопросѣ.

([68]) Leo. Gesch. des Mittelalters; I, 79.

катаровъ, то это естественно объясняется условіями иной цивилизаціи, тогда какъ астрономическое начало, присущее присцилліанитству, удержано было вообще согласно направленію, господствовавшему въ средніе вѣка. Оппозиція тѣхъ ученыхъ, которые, подобно К. Шмидту (69), противятся признанію происхожденія альбигойской секты отъ манихейской и которые настаиваютъ на самостоятельности первой,—такая оппозиція происходитъ изъ странной мысли отрицать законное развитіе историческихъ идей и событій, которая можетъ овладѣвать даже такими писателями, къ какимъ принадлежитъ даровитый профессоръ богословія въ страсбургской семинаріи, соединяющій нѣмецкую ученую тщательность и систематичность съ французскимъ литературнымъ умѣньемъ и ясностью толкованія. Никакое историческое явленіе, будетъ ли оно политическое или духовное, нельзя выхватывать отдѣльно, не пояснивъ его связь, его мѣсто въ ряду другихъ, не указавъ на происхожденіе элементовъ ему подготовленныхъ и въ свою очередь имъ оставленныхъ. При всѣхъ важныхъ достоинствахъ замѣчательной книги Шмидта, пролившей много новаго въ темную исторію катаровъ, нельзя не сознаться, что она страдаетъ именно такими недостатками. Мнѣніе этого автора о самостоятельномъ происхожденіи катаровъ не можетъ быть принято наукою; оно слишкомъ конструировано въ ущербъ существеннымъ сторонамъ дѣла; оно исходитъ изъ ложнаго недовѣрія къ органическому росту исторіи. Оно грѣшитъ также натяжками и противорѣчіями. Задавшись мыслью объ особенномъ, самостоятельномъ катаризмѣ, непремѣнно возрощенномъ въ X вѣкѣ, авторъ не можетъ объяснить болѣе раннихъ явленій подобнаго рода на почвѣ Франціи (550—1022 г.), а также примирить поступательныя движенія на Западъ славянскаго дуализма съ тѣмъ характеромъ, которая уже успѣла тамъ принять оппозиція. Потому, полагаемъ, для автора было бы гораздо полезнѣе выслѣдить процессъ образованія дуалитической религіи съ самаго ея появленія, со временъ гностицизма, до изчезновенія ея подъ вліяніемъ различныхъ условій. Догматическое содержаніе сектъ, ихъ обрядность развивались преемственно

(69) **Schmidt.** Hist. et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois; II, 257.

одна изъ другой, пополняясь, очищаясь разными элементами, пока не приняли извѣстныя формы въ XII столѣтіи, которыя также въ свою очередь были бы развиваемы далѣе, если бы не уничтожены были силою оружія.

Однимъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ исторіи образованія альбигойской дуалистической догмы было обращеніе ея въ греческія формы «павликіанъ и эвхитовъ» и славянскія тенденціи «богомиловъ». Въ этихъ своихъ видахъ манихеизмъ еще одною ступенью приблизился къ альбигойству. Между собою оба названныя видоизмѣненія находились въ тѣсномъ, взаимномъ соотношеніи и, возникли въ сосѣднихъ географическихъ предѣлахъ. Рожденный на Востокѣ, распространившись оттуда на Западъ, дуализмъ на своей родинѣ искалъ запаса новыхъ силъ и, обновленный, спѣшилъ совершить вторичное шествіе по тому же пути. Теперь онъ приноситъ на Западъ мысли молодаго племени, только что вступившаго тогда на историческую сцену, племени славянскаго.

Византійская имперія, умѣвшая сохранить свою внутреннюю государственную крѣпость, часто стояла на краю гибели отъ борьбы политическихъ партій въ государствѣ и въ столицѣ. Скоро къ политическимъ факціямъ присоединились церковныя; онѣ также не замедлили начать не менѣе жестокую междоусобную борьбу. Богословское состязаніе сдѣлалось стремленіемъ жителей Цареграда и предметомъ любопытства для массы народа. Еретиковъ въ Восточной имперіи распространилось болѣе чѣмъ въ Западной. Что они тамъ составляли вмѣстѣ политическую факцію,— это видно на исторіи восточныхъ павликіанъ, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ западныхъ, гдѣ эта секта далеко не имѣла такого значенія (70). Павликіане вышли изъ Арменіи. Тамъ былъ главный источникъ ихъ. Когда часть ихъ исчезла на Западѣ Европы, остальные представили тѣмъ болѣе грозную факцію въ предѣлахъ Византійской имперіи. Они рано сложили формы своей религіи подъ вліяніемъ теоло-

(70) G. **Cedrenus.** Synopsis historiarum (ed. Goar et Fabret, 1647; Bonn, 1832).—**Psellus.** De operatione daemonum (Nür. 1838).

гическихъ идей Востока и позже своихъ западныхъ собратьевъ вступили на сцену исторіи. Нѣкогда они называли себя дѣтьми солнца, т. е. его слугами. Ихъ проповѣдники: Константинъ (въ VII вѣкѣ) и его преемники Симеонъ, Павелъ, Іосифъ (въ VIII вѣкѣ), постепенно распространили павликіанскую догму въ Малой Азіи, учредивъ административный центръ своего общества въ Фанореи на Геллеспонтѣ. Они умѣли ладить съ арабами и греками; пользуясь тогдашними политическими событіями, они пріобрѣли себѣ самостоятельность. Когда императоры приказали ихъ преслѣдовать, то встрѣтили въ лицѣ ихъ пророка и вождя Корбеаса энергическое сопротивленіе. Всѣ мелкія секты соединились вокругъ него и сдѣлались даже нападающею стороной. Исповѣдники павликіанства составляли какъ бы status in statu; они имѣли своего вождя, свое почти независимое общество, свою землю для поселенія. Они вели прямую войну съ императоромъ Василіемъ; ихъ полководцы, послѣ многихъ неудачъ, подчинились правительству. Іоаннъ Цимисхій далъ имъ землю для поселенія, обязавъ защищать ее отъ хищничества скиѳовъ, предоставляя за то павликіанамъ свободу вѣры. Это была большая страна во Ѳракіи, около Филиппополя, имѣвшая такое большое значеніе въ глазахъ альбигойцевъ, какъ центральный источникъ еретическаго ученія. Скоро, говоритъ Анна Комненъ, все кругомъ Филиппополя стало еретическимъ ([71]). Страна эта сдѣлалась мѣстомъ спасенія всѣхъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ за убѣжденія, преимущественно религіозныя. Эвхиты или мессаліане были однимъ изъ такихъ обществъ, вѣтьвью павликіанъ. Лукапетра и его ученика Сергія они считали своими ересеначальниками, создавшими ихъ догму. Сергій считался также реформаторомъ общественнымъ. Для доказательства своихъ убѣжденій, еретики перетолковывали нѣкоторыя мѣста евангелія отъ Матѳея. Новый завѣтъ они принимали не вполнѣ, ограничиваясь четверо-евангеліемъ, четырьмя посланіями Павла, посланіями Іакова, Іоанна, Іуды и Дѣяніями. Скорѣе католики чѣмъ дуалисты, они не остались однако чуждыми нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ манихейства и магіи. Ихъ упрекали

([71]) Annae Comnenae Alex. l. XV, (ed. Niebuhr, 1839).

между прочимъ въ сношеніяхъ съ духами, которыхъ они истребляли молитвою и изгоняли, совершая различныя тѣлодвиженія. Но, придя въ страну дуализма, они должны были заимствоваться чужимъ ученіемъ, смѣшать съ нимъ свое и составить систему, которая вышла въ нѣкоторыхъ частяхъ мистическою, въ остальныхъ же манихейскою. Крещеніе они отвергнули; церковная внѣшность была для нихъ дѣломъ постороннимъ. Въ каждомъ человѣкѣ, по убѣжденію евтихіанъ, присутствуютъ демоны, съ самаго дня рожденія; исцѣлиться отъ нихъ можно только неустанною молитвою. Потому качество пищи не казалось важнымъ; воздержаніе отъ мясъ было необязательно. Но аскетизмъ, иноческая жизнь требовались этою системою болѣе, кѣмъ какою либо изъ манихейскихъ. Страна скоро покрылась монастырями, около которыхъ стали появляться отшельники. Мессаліане давно таили въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни—съ тѣхъ поръ, какъ только запоминали себя въ предѣлахъ Месопотаміи, Сиріи и Памфиліи. Догматика секты состояла въ той же борьбѣ Сатанаила или добраго Бога съ злымъ демономъ, въ изчезновеніи души на звѣздныхъ сферахъ, въ необходимости отчужденія злаго духа. Православные греки разсказывали про ихъ тайныя собранія много ужаснаго, упоминали про свальный грѣхъ, про умерщвленіе младенцевъ, кровь и золу которыхъ они-де истребляли, но подобные разсказы передавались и про первыхъ христіанъ и про другія общества, уклонившіяся отъ правовѣрія, если только оба пола участвовали на такихъ собраніяхъ. Зенды, сирійскій гнозисъ, манихеизмъ, всѣ эти стороны азіатской философской системы оказали вліяніе на фанатическое ученіе эвхитовъ, современное развитію религіозныхъ созерцаній богомиловъ Болгаріи ([72]). Ими мы вступаемъ во *второй періодъ альбигойства, періодъ славянскій.*

([72]) Schnitzer. Die Euchiten im XI Iahrhuntert (Studien der Geistlichkeit Würtemberg's; B. XI, № 1, J. 1839).—Gieseler. Untersuchungen über die Gesch. der Paulicianer (Theologische Studien und Kritiken. J. 1829. № 1). Petri Siculi hist. Man. et Paulic.—F. Schmidt. Hist. Paulic. orientalium. 1826.—Источникомъ служитъ: Euthymius Zygabenus. Triumphus de secta Messalianorum qui et Bogomili, necnon Euchitae, Enthusiastae, Encratitae et Marcionitae appellantur (Bibl. Max. Patrum; XIV, 293 etc. graece et latine).

Третьимъ и послѣднимъ будетъ альбигойство, собственно провансальское.

Возникновеніе дуализма богомиловъ находится въ тѣсной связи какъ съ исторіей взаимныхъ отношеній между Римомъ и Византіей, такъ съ существованіемъ самостоятельной болгарской Церкви. Самый складъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ славянъ-язычниковъ не остался безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу христіанства въ Болгаріи. Объяснить распространеніе ереси между славянами исключительнымъ посредствомъ одной пропаганды павликіанъ,—нельзя. Въ другихъ концахъ балканскаго полуострова, кромѣ окрестностей Филиппополя, дуалисты имѣли свои церкви, имѣли ихъ еще раньше. Такъ было въ западной Македоніи, въ городахъ Колоніи и Кавоссѣ, въ городѣ Филиппахъ, даже въ Ахаіи. Но тѣмъ не менѣе манихейство упрочилось въ Болгаріи и переработалось тамъ въ новую систему. Болѣе того: существуя въ странѣ издавна, оно противодѣйствовало введенію въ ней христіанскаго вѣроученія. Великіе просвѣтители и апостолы славянскіе, по обращеніи Бориса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи оставили язычество неискоренимымъ; такъ оно продолжало существовать до самаго царя Петра Симеоновича. То было добычею манихейцевъ, имѣвшихъ своихъ проповѣдниковъ и вліятельныхъ представителей во всѣхъ предѣлахъ имперіи. Еретики отличались радушіемъ, общительностью, краснорѣчіемъ. Іоаннъ, извѣстный экзархъ болгарскій, въ своемъ четвертомъ словѣ, смѣшиваетъ язычниковъ съ еретиками: «да ся срамляютъ убо вси пошибени и скверніи Манихеи и вси погани Словени и вси языцы зловѣрніи», говоритъ онъ (73). Не успѣлъ еще умолкнуть послѣдній звукъ поученія просвѣтителей Болгаріи, какъ туда прибыли павликіанскіе миссіонеры изъ Арменіи (74). Они повели дѣло съ необыкновеннымъ успѣхомъ и скоро ихъ заблужденія стали грозить православію. Если не стало язычниковъ, то появилось несравненно болѣе опа-

(73) С. П. Палаузовъ. Вѣкъ болгарскаго царя Симеона; 92.

(74) Petri Siculi hist. Man. 2, въ письмѣ къ архіепископу болгарскому, которому предназначалось все сочиненіе; онъ узналъ о посольствѣ отъ павликіанъ армянскаго города Тибрики.

сное и страшное общество, сочлены котораго пользовались большими средствами и нравственнымъ авторитетомъ. Еще опаснѣе стали они, когда явился между ними одинъ изъ тѣхъ вождей, которые призваны быть ересіархами. Онъ совершилъ реформу въ манихеизмѣ и создалъ особый видъ этой ереси, прозванный по его имени. Это былъ попъ именемъ Богоумилъ, о которомъ замѣтилъ православный обличитель—«а по истинѣ Богу не милъ» (75). Онъ,—это было въ концѣ X вѣка,—жилъ въ царствованіи Самуила (76). Успѣхамъ этого славянскаго Манеса способствовали тѣ самыя политическія обстоятельства, о которыхъ мы говорили выше. На болгарахъ и прочихъ славянахъ столкнулись претензіи двухъ властей церковныхъ—папы римскаго и патріарха константинопольскаго. Польскій историкъ права, Мацѣёвскій, убѣдительно доказалъ, что первый свѣтъ на славянъ былъ пролитъ съ Востока и что они издавна вошли въ составъ восточнаго патріархата, но папы съ своими свѣтскими стремленіями насильственно вовлекали ихъ въ лоно римско-католической Церкви (77). Характеръ проповѣдей тѣхъ и другихъ миссіонеровъ значительно различался въ пріемахъ. Рѣчь западныхъ была на непонятномъ языкѣ; она часто приносила съ собою только притѣсненія и нищету для обращаемыхъ; греческая же проповѣдь обладала тайною у-

(75) Слово святаго Козмы презвитера на еретики препреніе, въ редакціи XVI вѣка, по рукописи Московской Духовной Академіи напечатано въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku (v Zagrebu); od god 1857, knjiga IV; 72. Срв. 69.

(76) Такъ показываетъ и другое свидѣтельство, записанное о Богомилѣ въ синодикѣ царя Бориса отъ 1210 года. См. А. Ѳ. Гильфердинга. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ; I, 172. (М. 1856—59).—По Euthymius Zyg. именованіе секты происходитъ отъ «Боже милуй». Chr. Wolf. Historia Bogomilorum. (Witt. 1712, in 4); p. 1.

(77) Maciejowski. Pierwotne dzieje chrześciańskiego kościola u Slowian obyca obrządku,—въ Pamiętniki o dziejach etc. Slowian (Pet. 1839; t. I, 41—193). Русскій переводъ отдѣльнымъ сочиненіемъ: Евецкаго (Исторія первобытной христіанской Церкви у Славянъ. 1840), стр. 17—18.

спѣха. Славяне, обитавшіе близь предѣловъ Греціи, охотно принимали христіанство, потому что святые апостолы объясняли имъ таинства вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Хотя они и любили языческіе обряды, продолжая слѣдовать имъ даже будучи христіанами, но никогда не защищали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Потому сцена проповѣди греческихъ монаховъ расширялась до далекихъ предѣловъ. Католическимъ же ученымъ и особенно Мацѣевскому принадлежитъ честь сознанія, что во всѣхъ славянскихъ земляхъ, до горъ Татры, первоначальнымъ христіанствомъ было восточное и что только искусствомъ и политикою Рима оно замѣнилось латинскимъ (78). Оно съ изначала было посѣяно въ Моравіи (79), Чехіи (80), Кроаціи (81), Силезіи (82), даже въ Польшѣ (83) и наконецъ въ Венгріи (84). Но за то римская курія отличалась удивительною прозорливостію. Она не только уничтожила здѣсь слѣды греческаго миссіонерства, но даже умѣла склонить болгаръ къ отложенію отъ восточной Церкви, только что усыновившей ихъ. Едва успѣлъ императоръ Ми-

(78) Maciejowski замѣчаетъ по этому поводу: «Дѣйствительно; иностранцы спѣшили водворить за Карпатами западную образованность, зная, что чужеземное растеніе, пересаженное на чуждую для него почву и воспитанное нерадивымъ наемникомъ, не улучшитъ земли, въ которую оно пуститъ корни, а напроòивъ повредитъ ей, поглощая питательные соки, необходимые для произращенія чужеземныхъ растеній». Таково было и вліяніе чужой цивилизаціи. Pamiętniki; I, 112.

(79) Мацеёвскій. Ист. первобытной христ. Церкви у Славянъ; 55, 84.

(80) Тамъ-же; 162.—Е. Новиковъ. Православіе у Чеховъ. М. 1848.—Остатки слав. богослуженія у Чеховъ, изд. Ганки. Прага, 1859.

(81) Мацеёвскій; 55.

(82) Тамъ-же; 165.

(83) Тамъ-же; 163. Фризе, Бандтке, Оссолинскій, Сярчинскій и Семенскій,—принимаютъ греко-славянское вѣро исповѣданіе древнѣйшимъ.

(84) Мацеёвскій; 72—75. Въ маджарскомъ языкѣ сохраняются греческія слова по предмету богослуженія; склонность къ византійскимъ наукамъ и искусствамъ; остатки греко-славянскаго богослуженія въ т. н. «гайдукскихъ» городахъ.

хаилъ удалить римско-католическаго епископа, какъ поспѣшилъ дать большія права Болгарской Церкви, чтобы удержать ее за собой; ея архіерей получилъ второе мѣсто послѣ константинопольскаго (85), а около половины X вѣка сдѣлался независимымъ патріархомъ, но впрочемъ не надолго (86). Болгарія, возбуждавшая зависть папъ, была долго предметомъ вражды двухъ великихъ Церквей; она послужила наконецъ одною изъ причинъ ихъ раздѣленія. Важно то, что въ отношеніи Болгаріи столько же играли роль экономическіе интересы папъ, сколько универсальные виды германскихъ императоровъ. Въ болгарской странѣ, гдѣ дьяволъ и нѣмецъ стали синонимами, вмѣстѣ съ римской пропагандой грозило и онѣмеченіе, уничтоженіе національности въ будущемъ (87). Въ силу того, папская политика упорно сопротивлялась введенію отечественнаго языка въ богослуженіе въ то время, когда нѣмецкая цивилизація, по словамъ самого Раумера, напрягала съ своей стороны усилія къ уничтоженію славянскаго языка и народности между западными славянами (88). Спѣшимъ замѣтить, что такая непріязненная политика, какъ и увидимъ далѣе, должна была сильно способствовать образованію славянскаго дуализма, который въ свою очередь былъ непосредственнымъ предшественникомъ альбигойско-манихейскаго вѣрованія. Принятіе христіанства славянами изъ Цареграда и обусловливалось именно характеромъ византійской церковной пропаганды, которая никогда не устраняла мѣстнаго развитія самостоятельности. «Восточное христіанство никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя слово Бога на ихъ языкѣ и охотно дозволяя перелагать его на всевозможные глаголы человѣческіе» (89). Не такъ поступала римская Церковь, имѣвшая, на основаніи историческихъ традицій, великіе унитарные виды.

(85) Мацеёвскій; 44.

(86) А. Ѳ. Гильфердингъ; Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ; II, 60.

(87) Мацеёвскій. 72 и др. Также думалъ извѣстный Engel. Gesch. des ungrischen Reichs (Wien, 1813); I, 87.

(88) У Мац. прим. 168.

(89) О. М. Бодянскій. О времени происхожденія славянскихъ письменъ; 370.

Когда, вслѣдствіе указанныхъ несогласій съ греками, болгары стали колебаться между верховными Церквами, а чехи и мораване совершенно подчинились Риму, то эта политика папъ, проводимая со всѣмъ искусствомъ, послужила причиною зарожденія оппозиціи, отклонявшейся отъ чистаго христіанства и ради любви къ національному культу склонявшейся на сторону манихейскаго вѣроученія, которое между тѣмъ не переставало до и послѣ богомиловъ вести свою пропаганду. Рядъ папскихъ грамотъ направленъ противъ славянскаго языка. Первыя изъ нихъ еще дѣлаютъ нѣкоторыя уступки; тогда еще живы были просвѣтители, тогда необходимо было заручиться расположеніемъ новообращаемаго племени и отвратить его отъ враждебныхъ грековъ. Такой снисходительной политики держатся Адріанъ II ([90]) и Іоаннъ VIII (867—882 г.), изъ которыхъ послѣдній сперва запретилъ славянскій языкъ ([91]), но потомъ, послѣ принесенія оправданія, защитилъ Меѳодія отъ постоянныхъ нападокъ нѣмецкаго духовенства ([92]). Стефанъ V (885 — 891 г.) возстаетъ противъ мѣстнаго языка съ такою рѣшительностью, которая показываетъ всю настоятельную важность его среди интересовъ славянскаго населенія ([93]), неправильно понимав-

---

([90]) Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae; I. 14 — 15 (1855).—Папа позволялъ читать апостолъ и евангеліе по славянски, но только въ видѣ перевода послѣ латинскаго чтенія. Онъ писалъ даже князьямъ чешскимъ: «аще же кто отъ собранныхъ вамъ оучитель и слышащихъ слоухи и отъ истинны отвращающихъ на блѧди, начнетъ дрьзноувъ инако разъвращати вы, гадѧ книгы ѩзыка вашего, да боудетъ отлученъ.

([91]) Erben. Regesta; I, 16.

([92]) Меѳодій вернулся изъ Рима, куда вызывалъ его папа, оправданнымъ отъ всѣхъ взводимыхъ на него уклоненій. Іоаннъ VIII соглашался на условіяхъ Адріана II; Erben. I, 17—18. По поводу суда надъ Меѳодіемъ, см. розысканія г. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій какъ правосл. пропов. 1863; 413—416) и г. Бильбасова (Кир и Меѳодій, II. 1868; I, 88—92).

([93]) Wattenbach. Beiträge zur Gesch. der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen (W. 1849); 43.—У Erben, слѣдуетъ принять датой 885 годъ; I, 20.—О спорныхъ вопросахъ относительно этого письма, въ подлинности котораго нѣтъ до-

шаго догматъ о Троицѣ. Культъ славянскаго богослуженія распространенъ былъ даже въ тѣхъ странахъ, которыя всегда имѣли связь съ Римомъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Іоаннъ X (914—928 г.) въ посланіи къ спалатрскому духовенству требуетъ непремѣннаго употребленія латинскаго языка ([94]), и въ грамотѣ къ Томиславу, королю кроатскому, замѣчаетъ, что много неправильностей въ книгахъ славянскихъ ([95]). Далмація и Славонія, о которыхъ папа такъ заботился, дѣйствительно послужили послѣ посредствующимъ пунктомъ въ передачѣ богомильскихъ воззрѣній въ Италію къ патаренамъ и въ Лангедокъ къ альбигойцамъ. Римъ такимъ образомъ давно предчувствовалъ опасность. Въ той же Далмаціи, сплитскій соборъ въ 925 году постановилъ, что «епископъ не можетъ посвящать въ какой либо церковный санъ того, кто знаетъ только славянскій языкъ» ([96]). Іоаннъ XIII (964—972 г.) въ посланіи къ Болеславу II чешскому, разрѣшая ему учредить свою епископію, обязываетъ его непремѣннымъ условіемъ совершать богослуженіе «не по обряду и сектѣ народовъ болгарскаго или русскаго, и притомъ не на славянскомъ языкѣ, а слѣдуя въ точности учрежденіямъ и постановленіямъ (!) апостольскимъ» ([97]). Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія новый сплитскій соборъ считаетъ должнымъ подтвердить запретъ славянскаго церковнослуженія, постановивъ при этомъ, что ни одинъ славянинъ не можетъ быть возведенъ въ священническій санъ ([98]). Столь же побуди-

---

таточнаго основанія сомнѣваться, см. соч. П. А. Лавровскаго. Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники и проч. стр. 17—27.

([94]) Farlati. Illyricum sacrum; III, 93—94.

([95]) Farlati; III, 94—96.

([96]) Artic. X въ постановленіяхъ этого собора,—у Farlati; III, 97.—Статья въ Прав. Соб. о сербской Церкви; 1866 г. II, 36.

([97]) Erben. Regesta; I, 29.

([98]) «In primis proscripta fuit atque interdicta liturgia Slavonica, et gravissimis poenis interpositis cautum est, ne quis in posterum alia lingua, nisi aut Latina, aut Graeca ad rem divinam faciendam precesque publicas Deo divisque adhibendas uteretur». Farlati; III, 128—130.

тельныя причины для оппозиціи латинству должны были существовать въ славянскихъ странахъ и при Гильдебрандѣ, который исходитъ изъ крайнихъ воззрѣній католической исключительности (99).

Мы замѣтили также, что, съ самымъ древнихъ временъ, славяне предрасположены были къ дуалистическому представленію о верховныхъ силахъ. Дуализмъ былъ сроденъ славянской натурѣ; еще язычникомъ славянинъ зналъ о немъ. То показываетъ славянская миѳологія, которая не объединяла понятіе о божествѣ, а напротивъ раздробляла его. Славянское человѣчество привыкло издревле выражать свое счастіе бѣлымъ цвѣтомъ или свѣтомъ, а несчастіе чернымъ или темнотою. Въ основѣ того лежала холодная метафорическая мысль о причинахъ. Потому, олицетворивъ невѣдомую причину, славянинъ основалъ свое вѣрованіе на мысли, что «доброе начало всегда производитъ для человѣка только добрыя послѣдствія, а злое — всегда только пагубныя». Отъ этой мысли произошло раздѣленіе и самыхъ олицетвореній на «бѣлыхъ боговъ», которые уже никогда не дѣлали зла, и «черныхъ», которые никогда не дѣлали добра (100). Между собою они всегда враждуютъ; добрые и злые духи соблюдаютъ и защищаютъ свои интересы, — свидѣтельствомъ того служатъ произведенія славянской народной поэзіи (101). Дуализмъ, присущій религіозно-христіанскимъ вѣрованіямъ славянскаго племени, былъ замѣченъ священникомъ базовскимъ Гельмольдомъ, путешествовавшимъ между померанскими славянами во второй половинѣ XII вѣка. Языческій культъ дуализма не переставалъ рѣшительно прорываться и между христіанскимъ. «Удивительно заблужденіе славянъ, говоритъ Гельмольдъ въ своей хроникѣ; на сходбищахъ своихъ и играхъ, они обносятъ круговую чашу, возглашая надъ ней слова не скажу благословленія, но проклятія, именемъ боговъ добраго и злаго, ибо они ожидаютъ отъ добраго Бога счастливой доли, а отъ злаго несчастливой; потому злаго

(99) **Erben; I, 70.—Статья о болг. Церкви въ Прав. Соб. 1865 г. кн. IX и X.**

(100) **Венелинъ. Древніе и нынѣшніе Болгаре (М. 1829—41); II, 151—152.**

(101) **Тамъ-же; II, 154.**

бога и называютъ на своемъ языкѣ діаволомъ или чернобогомъ, т. е. богомъ чернымъ, а добраго бѣлбогомъ (102).» Славянскіе Бѣлбогъ и Чернобогъ были обоготвореніемъ противоположныхъ началъ, столь вліятельныхъ въ судьбѣ человѣка, первое какъ символъ развитія, второе—увяданія. «Такое двойственное воззрѣніе, говоритъ одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ славянской науки, воззрѣніе на природу, въ царствѣ которой дѣйствуютъ и добрыя и злыя силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на всѣ религіозныя представленія. Поклоняясь стихійнымъ божествамъ, человѣкъ одни и тѣ же явленія различалъ по мѣрѣ участія ихъ въ созданіи и разрушеніи міровой жизни, по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи ихъ съ элементами свѣта и тепла. Такъ, опустошительныя бури и зимнія вьюги почитались порожденіемъ нечистой силы, — рыщущими по полямъ бѣсами, тогда какъ весенніе вѣтры, пригоняющіе дождевыя облака и очищающіе воздухъ отъ вредныхъ испареній, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками въ битвахъ со злыми духами» (103). Черезъ нѣкоторое время, славянинъ перенесъ власть злой силы на все имѣющее подобіе мраку, разрушенію въ мірѣ нравствен-

(102) **«Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationes, sed execrationis verba, sub nomine deorum boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appelant,—bonumque Belboch» (прибавляется по инымъ спискамъ). Helmoldus. Chronicon sive Annales Slavorum; l. I, c. 52. Въ другомъ мѣстѣ (I. 24), онъ признаетъ у славянъ единаго Бога на небесахъ, повелѣвающаго другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ (И. И. Срезневскій. Языческое богослуженіе др. Славянъ; срв. стр. 2 и 19).—Такое сочетаніе представленій издревле способствовало устраненію крайностей дуалистическаго направленія. Gieseler. Ueber den Dualismus der Slaven (Theolog. Studien und Kritiken; 1837; II, 357).**

(103) **А. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (М. 1865); I, 112 и вообще I, 89—113.**

номъ и ставилъ то ей въ подначаліе,—подобно тому, какъ съ Бѣлбогомъ онъ слилъ понятіе о Свѣтовидѣ, на основаніи тождества представленій о бѣломъ и свѣтломъ. Древняя дуалистическая система принадлежала всему славянскому племени. Въ странахъ, имъ занимаемыхъ, даже въ Россіи, сохранились на то свидѣтельства въ остаткахъ географическихъ названій. Въ землѣ лужичанъ, близъ Будишина, есть гора Чернобогъ, и не подалеку отъ нея другая Бѣлбогъ и здѣсь же по преданію были мѣста языческаго служенія ([104]); слѣдовательно — каждому богу полагался отдѣльный культъ служенія. Наконецъ, убѣдительное доказательство того, сколько благопріятныхъ элементовъ для дуалистическаго христіанскаго культа представлялось въ язычествѣ,—такое доказательство представляетъ мѣсто изъ Густинской Лѣтописи, гдѣ стариннымъ волхвамъ славянскимъ приписывается убѣжденіе: «два суть бози: единъ небесный, другой во адѣ» ([105]). Все это показываетъ, какое предрасположеніе къ дуалистической ереси было именно въ славянскомъ духѣ, а, въ свою очередь, политическія событія и отношенія къ папамъ объясняютъ, что неустановчивость тяготѣнія Болгаріи въ Византіи, ея колебанія между Восточною и Римскою Церковью и вѣчная опасность въ виду исключительной политики послѣдней,—съ своей стороны побуждали ожидать серьезнаго и стройнаго выраженія недовольства между болгарами.

И дѣйствительно, въ Болгаріи изъ манихейско-павликіанскихъ воззрѣній образовалась Церковь съ тою іерархіей и догматикой, которыя послужили послѣ образцомъ для провансальскихъ сектаторовъ.—

([104]) И. И. Срезневскій. Языч. богосл. др. сл. 13.— Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. Сл. I, 93. Воспоминанія въ геогр. мѣстностяхъ Россіи: урочище Бѣлые боги за Москвой, Троицко-Бѣлбожскій монастырь въ костромской губ. и Чернобожье. Въ Бамбергѣ былъ найденъ идолъ Чернобога въ видѣ волка,—какъ миѳическаго представителя ночи, тучъ и зимы,—съ рунической надписью.

([105]) Густинская лѣтопись подъ 1070 годомъ. См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей; II, 273.

Богомилъ, по инымъ онъ же и Іеремій, вождь первыхъ еретиковъ Болгаріи, создавъ эту Церковь въ главныхъ манихейско-павликіанскихъ основаніяхъ ея, оставилъ продолжать дѣло взлелѣянной имъ вѣры своимъ ученикамъ. «Синодикъ царя Бориса», предавая всѣхъ ихъ анаѳемѣ, перечисляетъ имена проповѣдниковъ и разсадниковъ славянскаго дуализма. То были Михаилъ, Ѳеодоръ, Добря, Стефанъ, наконецъ Василій и Петръ ([106]). Каждый изъ нихъ выдавалъ себя за Іисуса, какъ пророки русскихъ духоборцевъ и подобные имъ сектаторы, окружая себя апостолами, а иногда и простыми учениками. Одинъ изъ нихъ, Василій дѣйствовалъ съ особой ревностію. Онъ давно прославился искусствомъ проповѣди и тайной вліянія. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, когда вышелъ на проповѣдь. Онъ носилъ иноческую рясу, но оставался врачемъ по ремеслу во все продолженіе своей 50-лѣтней проповѣди. Онъ назывался то апостоломъ Петромъ, то самимъ Спасителемъ ([107]). Тогдашній императоръ Алексій Комненъ отличался ревностью прозелита къ православію. Еще въ Филиппополѣ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, онъ принялъ мѣры противъ павликіанъ Негодованіе его усилилось, когда онъ узналъ, что еретики, послѣдователи и ученики Василія, скрываются въ самомъ Царьградѣ. Императоръ велѣлъ захватить престарѣлаго проповѣдника. Но напрасно онъ истощалъ все свое краснорѣчіе; онъ не получилъ надежды когда либо убѣдить его. Василій былъ осужденъ на сожженіе. Его ученики были заключены въ тюрьмахъ, гдѣ отецъ ученой Анны самъ навѣщалъ ихъ ([108]). Тѣмъ не менѣе, мученическая судьба Василія нисколько не потрясла Церкви Богомила. Центромъ ереси продолжалъ быть Филиппополь. Отсюда-то богомильство распространилось за Балканы, успѣвъ между прочимъ кинуть вмѣстѣ съ греко-христіанскою проповѣдью

([106]) Приведено въ книгѣ А. Ѳ. Гильфердинга. Письма о Серб. и Болг. I, 172.—Объ имени Іеремія см. Šafařik. Památky hlaholského pisemnictvi (Pr. 1853); ůvod; p. LX.

([107]) Euthymius Zygabenus. Victoria de Messal. secta apud Schmidt. Hist. des Cathares; I, 13.

([108]) Anna Comnena. Alex. l. XV.

слабые отпрыски свои въ Россію,—но главнымъ образомъ тяготѣя къ Западу, гдѣ предстояла ему цѣлая исторія, полная грустнаго и вмѣстѣ драматическаго содержанія.

Тѣснимое и гонимое властями, богомильство не думало совершенно покидать своей отчизны, гдѣ слѣды его, какъ отдѣльной организаціи, съ особымъ богословіемъ Константина Хризомата, простираются вглубь самого XII столѣтія. *Богомилы называли себя* также и греческимъ словомъ *«катары»*, тѣмъ именемъ, которое, какъ мы видѣли, еще съ первыхъ вѣковъ христіанской вѣры, прилагалось ко всѣмъ вымышленіямъ, имѣвшимъ между прочимъ въ предметѣ нѣкоторое воздержаніе. Чтобы жизнь вполнѣ соотвѣтствовала такому названію, духъ долженъ осуществить полную побѣду надъ грубымъ матеріальнымъ бытіемъ, побѣду надъ діяволомъ, который хочетъ быть совершенно равносильнымъ Богу. Признаніе Новаго Завѣта, переведеннаго съ греческаго текста на славянскій, отверженіе Ветхаго какъ изобрѣтенія діявольскаго, общедоступная проповѣдь на отечественномъ языкѣ въ видахъ распространенія пропаганды, отрицаніе Крещенія и Причащенія, мысль, что Христосъ имѣлъ только видимое тѣло, непринятіе образовъ и креста, соблюденіе нѣкоторыхъ практическихъ обрядовъ,—все это связывало богомильство съ предшествовавшими ему манихействомъ и восточнымъ павликіанствомъ, изъ которыхъ оно органически развилось. Собственно богомилами выработанъ обрядъ возложенія рукъ для сообщенія Духа Святаго, вполнѣ заимствованный отъ нихъ альбигойцами (consolamentum). Фактическое раздѣленіе сектантовъ на два толка, безусловнаго дуализма и смягченнаго, повторилось въ непосредственной исторіи собственно альбигойцевъ. Дѣло въ томъ, что съ древнѣйшихъ временъ, ранѣе Зороастра, *системою маговъ, былъ высказанъ суровый принципъ исконнаго и вѣчнаго бытія двухъ* равносильныхъ, равноправныхъ и *между собою враждебныхъ боговъ*, чему слѣдовалъ и Манесъ; для богомиловъ это былъ толкъ безусловнаго дуализма. Уже *Зороастръ*, какъ было замѣчено, *рѣшился смягчить неутѣшительную*, фатальную *основу маговъ* и мысль его не утерялась среди тысячелѣтняго ряда системъ. Онъ полагалъ, что искони существовало только одно божество; оно произвело изъ себя, какъ называли болгары, Христа и Сатанаила, доброе и злое

начало ([109]). Сатанаилъ создалъ перваго человѣка и весь видимый міръ, какъ создаетъ то злой духъ манихейцевъ и павликіанъ; Христосъ же открываетъ человѣку путь ко спасенію. *Въ Болгаріи оба толка*, существовавшіе такъ издавна, *получили самостоятельное значеніе*. Это были двѣ Церкви, которыя инквизиторъ Райнеръ считаетъ отдѣльными въ ряду прочихъ Церквей, исповѣдывавшихъ катаризмъ. По предположенію нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, ихъ отдѣльность доходила до того, что еретики имѣли даже особую азбуку, т. н. глаголитскую, которую будто еще въ IX столѣтіи они изобрѣли вмѣстѣ съ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіемъ, враждебнымъ греческому; эта теорема принадлежитъ «къ числу вопросовъ пока безотвѣтныхъ, однакоже возможныхъ для филологіи славянской» ([110]).

Двумя сказанными толками не ограничивались Церкви еретиковъ балканскаго полуострова. Какъ ни неохотно говоритъ о нихъ католическій монахъ, онъ находитъ однако необходимымъ насчитать число всѣхъ дуалистическихъ Церквей ему современныхъ до 16. Должно замѣтить, что вся разница ограничивалась одною мѣстностью, что внутреннихъ особенностей въ большинствѣ не существовало. Изъ словъ Райнера видно, что многія изъ этихъ Церквей существовали еще въ его время между славянами и греками. Это были: Ecclesia Sclavoniae, Ecclesia Latinorum de Constantinopoli, Ecclesia Graecorum de Constantinopoli (съ знаменитымъ патріархомъ Никитою, ставившимъ, въ XII столѣтіи, епископовъ альбигойскихъ епархій), Ecclesia Philadelphiae Roma-

([109]) Поправка К. Шмидта къ Буассонаду (издателю Пселла), Сатанаила на Сатанаки (I, 9, прим. 3) невѣрна.

([110]) И. И. Срезневскій. Древнія письмена Славянскія (Ж. М. Н. П. 1848 г.; ч. LIX, стр. 60).—С. Н. Палаузовъ. Вѣкъ Симеона; 130.—Мысль, что судьбы глаголитской азбуки соединены были съ гоненіемъ богомиловъ (у Сербовъ назв. Бабунами), принимаетъ В. И. Григоровичъ. О древней письменности Славянъ (Каз. 1852), стр. 13 и въ статьяхъ о др. слов. языкѣ (Каз. 1852); стр. 66.—Срв. Šafařik. Památky hlaholského písemnictví; uvod; p. XXIII) и мнѣніе О. М. Бодянскаго. Слав. письмена; 271.

niolae, Ecclesia Bulgariae, Ecclesia Dugranicіae ([111]). Двѣ послѣднія, по словамъ Райнера, послужившія источникомъ всѣхъ послѣдующихъ дуалистическихъ вѣроученій, и обозначаютъ смягченный и крайній толки богомильскаго ученія или славянскаго катаризма, что, по нашему мнѣнію, равнозначительно, не болѣе какъ синонимъ (вопреки теоріи К. Шмидта). Слово же «Drugurіa», по справедливому объясненію Шафарика ([112]), имѣетъ болѣе близкое сходство съ греческимъ *Δρουγουβιτεία* (область Дреговичей), чѣмъ съ латинскимъ: Traugurium, приморскимъ далматскимъ городомъ (Трогиръ),—какъ думалъ К. Шмидтъ, и странно хотѣлъ имъ объяснить передачу славяно-манихейскихъ воззрѣній на Западъ ([113]). Это тѣмъ болѣе несправедливо, что въ Альбижуа, какъ самъ же авторъ въ послѣдствіи обстоятельно раскрываетъ, оба ученія проникли черезъ Далмацію, адріатическіе острова и Италію, въ которой безусловный дуализмъ Дреговичей (absolu) назывался *албанскимъ*, а смягченный (modifié, mitigé), толкъ собственно болгарскій—вѣтвью «*Конкорецо*» ([114]). Одна мѣстность жительства Дреговичей, въ Македоніи около Солуня и во Ѳракіи вокругъ Филиппополя, достаточно объясняетъ крайности ихъ философской системы. Павликіане селились и проповѣдывали именно въ этихъ мѣстахъ съ давнихъ поръ; сюда они принесли свой жесткій, безотрадный взглядъ на міръ; сюда даже насильственно ихъ

([111]) **Reinerus.** Contra Wald. c. 6,—apud **Gretser**; XII, II, 35. Слово «Dugranicia» по другимъ чтеніямъ: Drogometia,—въ актахъ соборныхъ у **Bouquet** (XIV, 448), Druguria (**Vignier.** Hist. de l'Eglise, 268), Dugunthia (по др. изд. Гретсера).

([112]) **Šafařik.** Památky hlaholského pisemnictvi; úvod; p. XXIV, LX.—**Гильфердингъ**; II, 66.

([113]) Неудачный примѣръ такой фантазіи,—I, 16.—**Bossuet** не знаетъ мѣста «Drungaria».—Историкъ италіянскихъ ересей, **Cantu** (Gli eretici d'Italia. Tor. 3 v. 1865—68), слѣдуя Шмидту, ошибочно указываетъ на Траву. I; 78, 99.

([114]) **Schmidt.** Hist. des Cathares; I, 58.—Албанская вѣтвь отъ Албаніи (по **Farlati**. Illyr. sacr. IV, 382); Конкорецо отъ далматскаго города: Gorica, Goriza, Corize (**Шафарикъ.** Слав. древн. въ р. пер. 1848 г.; IV. 107, 35) нынѣшній Гёрцъ.

переводило греческое правительство, ко вреду государственной религіи. Здѣсь павликіане внѣдрили фантастичный духъ восточныхъ системъ, прорѣзавшій столько слѣдовъ на исторіи ересей.

Неизвѣстно, каковы были первоначальныя вѣрованія дуалистовъ болгарскихъ, но несомнѣнно, что историческіе источники застаютъ ихъ за видоизмѣненіемъ, однимъ изъ послѣдствій первоначальной системы. Воображеніе играетъ большую роль въ этой богословской эпопеѣ славянъ ([115]).—Злое и доброе начало богомилы,—будучи въ массѣ умѣреннаго толка,—считали порожденнымъ отъ высшаго ихъ, особаго верховнаго Существа и притомъ такъ, что Сатанаилъ былъ старшимъ его сыномъ, а Іисусъ младшимъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ Троицу, надъ которою витаетъ еще вторая, явно гностическая, изъ Бога, Слова и Духа святаго. Троица столь же духовна, какъ и само Существо, которое пребываетъ безтѣлеснымъ, но человѣкоподобнымъ—*ἀνθρωπόμορφος*, по выраженію Евѳимія. Сатанаилъ позорно властвуетъ надъ міромъ видимымъ. Полный гордости, онъ возмутилъ ангеловъ противъ Бога, отца ихъ, и послѣдній принужденъ былъ низвергнуть дерзкихъ съ неба. Сатана только того и ждалъ. И вотъ онъ, довольный видимымъ успѣхомъ своихъ замысловъ, основываетъ изъ новыхъ подданныхъ новое царство, міръ тѣлесный. Изъ матеріи, при помощи земли и воды, составляетъ онъ Адама. Первый человѣкъ уперся ногою въ землю и изъ ноги его истекла влажность, принявшая форму змія, затѣмъ потекъ духовный эфиръ, но свойства нечистаго; Сатана думалъ обратить его на человѣка, но онъ попалъ въ змія. Сатана обратился тогда съ молит-

([115]) Кромѣ «**Слова Козмы**» источниками для богомильской ереси служатъ: **Euthymius Zygabenus** (Panoplia dogmatica; pars II. titul. XXIV—*κατα βογομιλων*), спеціально изслѣдованный въ диссертаціи **Chr. Wolfii** (1712, Witt.)—а также **Psellus**,—*περὶ ἐνεργείας δαιμόνων*—Пособія: **Oeder.** Hist. Bogomilorum critica. (Gött. 1743). **Engelhardt.** Die Bogomilen (Kirchengeschichtliche Abhandlungen. 1832; 157 — 206) и монографія сербскаго автора.—Съ полемическимъ направл. **Nicetas Acominatus.** Thesaurus orthodoxae fidei, fragmenta ex l. XIX,—apud **Montfaucon.** Paleog. graeca.

вою къ верховному Богу и просилъ его дать ему одну изъ запасныхъ душъ; потомъ понадобилась другая для жены Евы. Но прежде чѣмъ допустить Адама до Евы, Сатана самъ совокупился съ нею. Сынъ Каинъ и дочь Каломена были плодомъ того; въ нихъ сѣмя великаго нечестія. Отъ Адама Ева родила Авеля. Если тѣло людей губительно, то въ душахъ наслѣдственно продолжаетъ присутствовать часть небеснаго эфира, какъ ни старается мрачный Сатана внести гибельное паденіе въ родъ человѣческій. Верховное Существо сжалилось. Господь послалъ другаго сына своего Христа; имя ему Слово или архангелъ Михаилъ. Онъ вселился въ одного изъ ангеловъ, въ Марію, и пройдя черезъ ея ухо, какъ говоритъ тотъ же Евѳимій, остался чистъ и святъ по прежнему, съ тѣмъ же небеснымъ, призрачнымъ тѣломъ, чуждымъ земныхъ ощущеній, какое было у него, всегда. Онъ погибъ ради спасенія людей, долго гонимый и наконецъ убитый своимъ могучимъ братомъ. Снизойдя во адъ, Іисусъ приковалъ Сатану, но не избавилъ отъ его происковъ, отъ его заразы—родъ человѣческій, которому, дабы достигнуть спасенія, необходимо бороться съ плотью. Совершивъ свою спасительную миссію, Іисусъ вернется къ пославшему его, съ которымъ онъ и св. Духъ сольются во едино. Зло исчезнетъ тогда; никакого иного Бога не станетъ, кромѣ безтѣлеснаго, но человѣкоподобнаго Существа верховнаго.

Мы увидимъ скоро, что все то ученіе, конспектъ котораго приведенъ нами, почти дословно было перенято большинствомъ альбигойцевъ. Мы убѣдимся тогда, что формами религіознаго вольнодумства высказалось великое значеніе славянской мысли для дальнѣйшей исторіи обще-европейской.

Но прежде чѣмъ перейти къ изученію альбигойства въ его послѣднемъ и главнѣйшемъ видѣ и къ его распространенію подъ двойственнымъ вліяніемъ стараго манихейства и новаго богомильства,—мы должны остановиться на одномъ интересномъ литературномъ и историческомъ памятникѣ, дающемъ ключъ къ сравнительному изученію бо омильства и альбигойства. Труды богомильскихъ богослововъ до насъ не дошли, такъ какъ книги Хризомата были сожжены по опредѣленію константинопольскаго собора 1140 года,—но «слово» пресвитера Козьмы, современника славной эпохи болгарскаго царя Самуила, согласное съ свидѣтельствами латинскими и греческими, своимъ складомъ, типичною ма-

нерой обличенія можетъ достаточно замѣнить отсутствіе другихъ документовъ, особенно съ нравственно-практической стороны ученія. Памятникъ этотъ, дошедшій до насъ въ русской редакціи можетъ быть еще XI вѣка, изданъ отрывочно и невѣрно въ «Загребскомъ Архивѣ», а цѣликомъ и съ тщательностью въ «Православномъ Собесѣдникѣ». Онъ распадается на двѣ существенныя части. Это: 1) Слово святаго Козмы презвитера на еретики препреніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ и 2) О церковномъ чину слово ([116]). Для нашей цѣли необходимо разсматривать ихъ какъ одно цѣлое. Обличеніе Козьмы, какъ современника, довольно ясно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи богомиловъ къ провансальскимъ еретикамъ и о непосредственной связи послѣднихъ съ первыми. К. Шмидтъ, не совсѣмъ склонный къ такой традиціи, не могъ пользоваться имъ по незнанію языка; притомъ онъ изданъ былъ гораздо послѣ. Есть основанія полагать, что «слово» Козьмы во многомъ бы измѣнило теорію страсбургскаго ученаго. Въ силу всего этого мы остановимся на немъ съ достаточною подробностью, которую оно вполнѣ заслуживаетъ.

Съ первыхъ же строкъ Козьмы виденъ серьезный и полный опытности взглядъ на ересь, ему современную. Авторъ жилъ въ самый широкій разливъ ереси; онъ помнилъ самого Богомила и экзарха Іоанна. Онъ сознаетъ искусство еретиковъ и тайную силу ихъ вліянія. Они «извону акы овца образомъ, кротци и смирени, и молчаливи, блѣдни же суть видѣти отъ лицемѣрнаго поста, словесе сія не рекуть, не смѣются грохотомъ, не оплазують (любопытствують), хранятся отъ взора, и вся творять извону, якоже не рознати ихъ съ правовѣрными крестіаны, изнутрь же суть волци и хыщьници» ([117]). Самъ обличитель сознается въ ихъ искусствѣ дѣйствовать на массу, сознается, что «мнози пойдуть въ слѣдъ нечистоты ихъ. мнять бо ся вѣдуще окаянніи глубины книжныя, и хотяще тлъковати а развращають на свою имъ пагубу.. ([118]). Еретици по-

[116]) Остальныя 4 главы примыкають ко второй части и имѣютъ цѣль частную. О недостаткахъ изданія Arkiva см. замѣчаніе въ Прав. Соб. 1864 г. I, 485. Соловецкая рукопись древнѣе и точнѣе московской (XV в. съ оригинала XI стол.); она напечатана въ Прав. Соб. за 1864 г. I, 486—500; II, 82, 198, 310, 411 и слѣд.

([117]) Прав. Соб. 1864 г. ч. I, стр. 489.

([118]) Тамъ-же; 1864 г. II, 95.

крываютъ лицемѣрьнымъ смиреніемъ и постомъ ядъ свой, еще же и святое евангеліе въ руку си дръжаще, и неподобнѣ толкующе ѐ, тѣмъ улавляють человѣкы на свою си пагубу... И стражетъ святое евангеліе въ руку ихъ.. акы златъ усерязь (серьга) свиньи во ртѣ. И толь сладко брашно смертно бываетъ вложеніемъ яда ихъ въ душахъ послушающимъ прельсти ихъ ([119])... Мнози бо не вѣдять, что есть ересь ихъ, и мнять я за правду страждуще и хотяща нѣчто въсприати благо отъ Бога за вузы и темница» ([120]). Эти отверженники, опасные для православныхъ своихъ умѣньемъ проникать въ душу обращаемаго, часто твердили въ укоръ имъ: «почто не тако живете, якоже вы есть повелѣно, якоже то къ Тимоѳею пиша Павелъ.. не видимъ васъ тацѣхъ сущь, но противнѣ вся творять попове, упиваются, грабять, и нѣсть имъ въспретящааго отъ тѣхъ дѣлесъ злыихъ ([121])... Но что глаголють еретици: мы, рѣша, Бога призываемъ моляштеся... Мы паче васъ Бога молимъ, и бдимъ, и молимся, а не живемъ въ лѣности, якоже и вы» ([122]). Оригиналенъ способъ оправданія Козьмы и его защиты своихъ собратій: и вы, «іерея и вся саны церковныя, фарисея слѣпыя зовуще правовѣрныя попы и много на ня лающе, акы пси на коньника,—слѣпи суще умныма очима... Аще бо и въ лѣности живуть правовѣрніи попове, якоже то вы глаголете, осуждающе я; но Божества не хулять, якоже вы, обаче нечто вътайнѣ исправили будуть. Кто же ли вы есте судящеи чуждему рабу, якоже рече апостолъ: въ велици бо дому не суть точію сосуди сребрени и златіи, но и глинніи и деревяніи, и ови бо въ честь, ови не въ честь» ([123]). На мѣсто изъ посланія Павла къ Тимоѳею онъ отвѣчаетъ тѣмъ же аргументомъ. «На попа рѣчи не пріемли развѣ аще съ двѣма ли треми послухы». Но пресвитеръ долженъ сознаться, что безстыдные и «высокоумни еретици не стыдящеся пакы глаголють: той ли втайнѣ съгрѣшають, но то по плоти живуть явѣ, а не по духу, яко же и

([119]) II, 99—100.
([120]) II, 96.
([121]) II, 84—85.
([122]) I, 49.
([123]) II, 83.

мы» ([124]). Главные догматы богословскаго вѣроученія о самостоятельности и могуществѣ діявола, создавшаго міръ, приводятъ въ ужасъ обличителя; — «обаче мало повѣдавъ, о прочемъ помолъчю... бающе нѣкакы басни, якоже учить я блясти отець ихъ діаволъ,—неподобно есть бляди ихъ предъ вами обличити.» ([125]) Приводя противъ того подробные и обильные тексты, пресвитеръ замѣчаетъ: «вамъ же, еретици, кто указа, яко Богъ нѣсть сотворилъ твари сея всея» ([126])? Нѣтъ! «Богъ бо и насъ и вся видимая и невидимая створилъ есть. Ваша же мысли и словеса діаволъ всѣялъ есть; не обрѣтъ бо мѣста си діаволъ подъ небесемъ, въ вашихъ сердцахъ гнѣздо си сътворивъ, излія же яко птица ваши мысли и ученіа» ([127]). «Аще бо, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, (и) на свиніахъ діаволъ не имать власти, колми паче на человѣцѣ, сътворенѣемъ рукою Божіею. Многыже слышимъ отъ нашихъ бесѣдующа: почто Богъ попущаетъ діаволу на человѣкъ? Но та словеса,—отвѣчаетъ онъ,—дѣтьскыихъ суть и нездравыихъ умомъ. Храборъ бо ради своихъ Богъ попусти діаволу сѣяти мысли злыя въ сердца человѣкомъ, да ся явять творяще волю Божію и діаволю... По діаволи воли суще вся, небо, солнце, звѣзды, въздухъ, земля, человѣка, церкви, кресты, и вся Божіа діаволу предають, и просто вся движущеися на земли, и съдушьная (одушевленная) и бездушная, діаволя зовуть... Христа убо творять старѣйшаго сына, меньшааго же, еже есть заблудилъ отца, діавола мѣнять, и сами ѝ мамону прозваша, и того творца нарицають и строителя земныхъ веществъ и того (діявола) повелѣвша человѣкомъ жены поимати и мяса ясти и вино пити; и просто вся похуливша наша, сами ся небесніи жителіи творять, а женящаяся человѣкы и живущая въ міру мамонины слугы зовуть». Желая доказать всю неосновательность такихъ требованій отъ человѣка мірскаго, Козьма обращается къ своему любимому источнику, посланіямъ Павловымъ, убѣжденный въ успѣхѣ довода, «вся чистая чистымъ», говоритъ: «видисте ли, еретици, святаго Духа рѣчь сію, глаго-

([124]) II, 85:
([125]) II, 96.
([126]) I, 494.
([127]) II, 199.

люца, яко законна женитва чиста есть и Богомъ възаконена, и пища и питіе въ мѣру не осудить человѣка» ([128]). Тою же аргументикой на апостолахъ,—дабы «уста заградити мерзкимъ еретикомъ»,—основывается и опроверженіе вражды богомиловъ къ Ветхому Завѣту. «Аще ли апостоломъ не имете вѣры, то и поганыихъ невѣрьнѣйше есте и бѣсовъ проныривѣйше есте». Въ виду свободномыслія противниковъ и имѣвшагося у нихъ разнообразія доводовъ, обоюдное положеніе борющихся сторонъ было неравносильно. «Кую ли неправду обрѣтше во пророцѣхъ, хулите я, и не пріемлете книгъ писаныихъ ими? Како ли ся творите любящи Христа, а прорицанія о немъ святыими пророкы отмещуще? Пророци бо о себѣ ничесоже не глаголаша; но якоже имъ велаше святый Духъ, тако провозвѣстиша намъ» ([129]). Кощунство еретиковъ надъ Богоматерью, «которую они не чтуть, но много о ней блядуть, ихже рѣчи и грѣдости нельзѣ писати въ книгы сіа», — вызываетъ одно изъ лирическихъ мѣстъ ([130]). Какъ ни подобны бѣсамъ еретики, но впрочемъ бываютъ они злѣе самихъ бѣсовъ: «бѣси бо креста Христова боятся, еретици же посѣкають кресты и своя орудіа творять ими. Бѣси боятся образа Господня на дъсцѣ написана, еретицы же не кланяются иконамъ, но кумиры наричють я. Бѣси боятся костей праведникъ Божіихъ, не смѣюще приближитися къ ковчегомъ, въ нихже лежитъ безцѣнное съкровище, даное крестіаномъ на избавленіе всякоя бѣды; еретици же ругаются имъ и намъ смѣются, видяще ны кланяющася имъ и просяще отъ нихъ помощи, забывше Господа рекша: «вѣрующеи въ мя дѣлеса, яже азъ творю, и ти творять болша тѣхъ», и не хотяще славы дати святыимъ, и Божіа чюдеса охуляють, яже творять святыихъ мощи силою святаго Духа, и глаголють: «не суть по воли Божіи творима чюдеса, но діаволъ то творить на прелесть человѣкомъ», и ина многа о нихъ блядуть, накивающе главами своими, акы жидове распинающе Христа» ([131]). По поводу насмѣшки сектаторовъ надъ чудесами Христа, обличитель предпочитаетъ держаться одной ироніи, какъ и по отношенію къ вопросу о крещеніи, необходимость котораго они одинаково отрицали ([132]). Такъ какъ въ младенцахъ олицетворяется исключительно тѣлесное начало, это зло творенія, то богомилы, исходившіе во всемъ изъ идеи, гнушались ихъ. «Аще бо ся имъ случить видѣти дѣтищь младъ, то акы смрада зла гнушаются, обращающеся, плююще, заемлющеся; сами смрадъ суще ангеломъ и человѣкомъ» ([133]). Тѣмъ болѣе «Слово» останавливается на святомъ Комканіи т. е. Причащеніи. «Что бо тіи глаголють о святѣмъ Комканіи?—Яко нѣсть Божіемъ повелѣніемъ творимо Комканіе, ни есть якоже вы глаголете, тѣло суще Христово, но акы и все и простое брашно; не бо есть де ю Христосъ творилъ литоргію, тѣмже мы не имамъ во честь того.» Въ отвѣтъ имъ, обличеніе восклицаетъ: «рци ми безбожный еретиче, о чесомъ рече Господь къ апостоломъ, хлѣбъ дая имъ . . . Тѣмже и тѣхъ самѣхъ жидовъ распеншіихъ Христа грѣшнѣйше суть еретици: они бо тѣло похулиша, а сіи божество» ([134]). Изворотливость, умѣнье еретиковъ, ихъ готовность къ лицемѣрію, если то требовалось интересами вѣры, не укрылось отъ проницательности обличителя. Извѣстно, что богомилы, какъ и альбигойцы, наконецъ какъ и послѣдователи тайныхъ русскихъ сектъ, дозволяли себѣ скрывать передъ православными свои убѣжденія и обряды, оправдывая то необходимостью. «Еретици же, слышавше апостола Павла о кумирѣхъ рекша: «не подобаетъ намъ повинутися злату или сребру, сътворенууму хитростію человѣчьскою», мнять бо то окаянніи о иконахъ речено, да отъ того словесе обрѣтше си вину, не кланяются единѣ иконамъ, но страха дѣля человѣчьска и въ церковъ ходять и крестъ и икону цѣлують, яко же ны повѣдають, иже отъ нихъ обратишася на нашу истинную вѣру, глаголюще: яко вся си творимъ человѣкъ дѣля, а не по сердцу, въ тайнѣже крыемы свою вѣру» ([135]). Ожиданіе Антихриста еще

([128]) II; 98, 100, 101.

([129]) II; 89, 88.

([130]) II. 90.

([131]) I, 492—493.

([132]) II; 104—108, 199—200.

([133]) II, 106.

([134]) I, 497; II, 87.

([135]) II, 92.

болѣе уподобляетъ ихъ съ средневѣковыми альбигойскими и русскими безпоповщинскими сектами нашего времени. «Аврама же, друга Божіа, и Данила, и Азарьины чади и прочіихъ пророкъ не пріемлють, ихже и звѣрье свирѣпіи убояшася и огнь усумнѣся. Іоанна же Предтечю и зарю великааго Солнца безчествують, антихристова предтечю наричюще ѝ, егоже самъ Господь болша всѣхъ святыихъ показа... Сами суще еретици по истинѣ антихрести» ([136]), заключаетъ обличитель. «Тѣхъ усты хулити вся преданая святѣй Церкви, хотя погубити чины молитвеныа, яже намъ предаша святіи апостоли и отци» ([137]). Онъ не находитъ предлога объяснить измѣненія, сдѣланныя ими въ обрядахъ и постановленіяхъ церковныхъ. Евангеліе и Апостолъ, «не проста рещи, вся развратиша на свою си пагубу.» Ихъ тайныя собранія, эти радѣнья раскольниковъ, не разсказаны подробно, ибо это «прелести тысяща суть, кланяютьжеся затворшеся въ хызѣхъ своихъ четырижды днемъ, и четырижды нощію, и вся пятера врата отвръста имуще, яже повелѣна суть затворити, кланяющежеся глаголють: «Отче нашь иже еси на небеси». Кланяющежеся не творять креста на лици своемъ» ([138]). Исповѣдь ихъ была такая же, какую требовали позднѣйшіе кальвинисты: «Еретици же сами въ себѣ исповѣдь творять и рѣшать, сами суще связани діаволями узами; неже точью мужи того творять, но и жены ([139])... Кто бо вы указа, вспоминаетъ обличитель, въ день въскресеніа Господня поститися и кланятися и ручная дѣла творити? Да глаголете: человѣци то суть уставили, а не пишеть того въ евангеліи. И вся Господьскыа праздникы и память святыхъ мученикъ и отець не чтете». Ученіе еретиковъ было слишкомъ радикально, ибо авторъ счелъ должнымъ прибавить: «прочая же словеса ихъ гнусы оставлю; зане бляди нѣкакы суть съплетены. Акы же то тѣмъ подобаеть глаголати, понеже ума не имѣють» ([140]). Элементы будущей церковной оппозиціи были такимъ образомъ весьма грознаго и рѣшительнаго свойства.

([136]) II, 90.

([137]) II, 87.

([138]) II, 198.

([139]) II, 207.

([140]) II, 199.

Сторона соціально-гражданскаго быта богомиловъ представляла явленія не менѣе рѣзкія. Еретики славянскіе далеко не чужды были государственныхъ идеаловъ и утопій. Они проповѣдывали политическое ученіе въ такихъ формахъ, что обличитель долженъ защищать передъ ними необходимость государственной власти. Надо полагать, по этому важному памятнику, что предшественники альбигойцевъ были коммунисты по нашимъ понятіямъ. Республиканскія стремленія альбигойцевъ, ихъ тяготѣніе къ городской конституціи, борьба ихъ, направленная столько же за вѣру, сколько за гражданскую свободу,—все это въ значительной степени объясняется политическимъ характеромъ ереси, предшествовавшей имъ. «Учать же своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя, царь ненавидять, ругаються старѣйшинамъ, укаряють боляры, мрьзькы Богу мнять работающая царю и всякому рабу не велять работати господину своему» ([141]). Въ виду того, обличитель старается весьма долго доказывать, что «цари и боляре Богомъ суть учинени». Вслѣдствіе своей склонности къ скрытности и лицемѣрію, еретики богомильскіе, какъ и альбигойцы, всегда обладавшіе тактомъ, умѣли искусно скрывать свой политическій цвѣтъ, который ничѣмъ не обнаруживали, пока не разсчитывали на вѣрный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, эту политическую струну, оживлявшую все ихъ ученіе, они передали своимъ послѣдователямъ на Западѣ Европы.

Посредницею въ такой передачѣ долженствовала быть сѣверная часть Италіи. Тамъ почва была предрасположена къ ереси старою исторіею страны. Тамъ когда-то жгли манихейцевъ; тамъ противъ нихъ издавались указы Θеодорика; тамъ боролся съ ними Григорій Великій ([142]). Обитатели долинъ Ломбардіи долго были аріанами; католическіе римляне презирались ими по привычкѣ; свободный духъ одушевлялъ города ихъ. А въ десятомъ столѣтіи, когда славяне почув-

([141]) II, 202.—Опроверженія Козьмы опираются на тексты посланій апостола Павла.

([142]) Gregorii Magni Regest. l. II, ep. 37; l. V. ep. 8 (Migne; LXXVII, p. 575, 729).

ствовали потребность дѣлиться своимъ катаризмомъ, духовенство Ломбардіи находилось въ весьма жалкомъ положеніи. Оно большею частію было невѣжественно въ дѣлѣ религіи до того, что врядъ ли могло ясно отличить противоположность новыхъ воззрѣній по отношенію къ ортодоксіи. Большинство веронскихъ клириковъ тогда не знало Символа Вѣры, а въ Виченцѣ иные священники простодушно представляли себѣ Бога съ человѣческими членами ([143]). Новое ученіе было заманчиво; много непонятнаго оно уясняло самымъ простымъ образомъ; жизнію своихъ послѣдователей оно внушало подражаніе. Дуализмъ сталъ легко распространяться въ Ломбардіи и готовить проповѣдниковъ для сосѣдней Галліи. Нельзя отмѣчать духовное движеніе точными цифрами; идея способна разноситься съ особенной быстротой и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Оттого во Франціи почувствовали присутствіе болгарской системы почти въ то же время, какъ въ Италіи, что объясняется сходствомъ манихейскихъ ученій старыхъ и новыхъ. Въ Италіи и именно въ сѣверной, болгарство запечатлѣло свое движеніе даже географическими терминами. Въ округѣ туринскомъ еще ранѣе 1047 г. одно мѣсто носило названіе «Bulgaro» ([144]). Замокъ того же имени существовалъ и въ діоцезѣ Верчелли ([145]). Одна знатная фамилія въ Туринѣ называется Булгарелло», еще прежде 1116 года ([146]); подобные же роды жили въ Болоньѣ, Сіеннѣ и другихъ городахъ, какъ Bulgaro, Bulgarini. Около первой четверти VI вѣка дуализмъ заявляетъ себя торжественнымъ образомъ. Тогда онъ считалъ многихъ вліятельныхъ приверженцевъ въ аристократіи ломбардской. Замокъ Монтефорте, близъ Турина, соименный домену будущаго истребителя ереси, былъ мѣстомъ убѣжища проповѣдниковъ ученія. Джерардо, пылкій энтузіастъ, отличался между ними дарованіемъ и успѣхами. Онъ разносилъ воззрѣнія альбійскихъ дуалистовъ, хотя умѣлъ прикрывать ихъ видимымъ подобіемъ съ христіанской догматикой (il Padre è l'eterno, in cui e per cui tutte le cose sono; il Figliuolo è lo Spirito dell' uomo, cui Dio amò; lo spirito Santo è l' intelletto delle scienze divino, dal quale tutte le cose sono regolate). Онъ твердилъ, что жизнь — это цѣлое покаяніе; что, чѣмъ оно суровѣе, тѣмъ болѣе спасаетъ человѣка; рай открывается только цѣною земныхъ самоистязаній, подавленіемъ плоти и крови; не только всякое наслажденіе чувственное губительно, но соучастіе съ св. Духомъ само по себѣ требуетъ скорѣйшаго разлученія души съ тѣломъ и мученическая смертъ представлялась отраднымъ блаженствомъ. Особенно сильно возставали послѣдователи Джерарда противъ папства и соблазновъ Римской Церкви. Архіепископъ миланскій Ериберто да-Канту, ненавидимый въ странѣ, поднялъ противъ еретиковъ окрестныхъ бароновъ. Готовность, съ какою послѣдніе спѣшили осадить замокъ, куда отвсюду стали сходиться еретики, объясняется развѣ тѣмъ отношеніемъ, въ которое поставило себя новое ученіе къ земледѣльцамъ. Слова Козьмы о богомилахъ: — «учать не повиноватися властелемъ своимъ, хулящe богатыя . . . и всякому рабу не велять работати господину своему», — можно примѣнить и къ монтефортскимъ еретикамъ ([147]). Противъ нихъ были озлоблены именно феодалы. Важность задѣтаго вопроса всполошила ихъ. Замокъ былъ взятъ и разрушенъ. Монтефортцамъ предстояло или отречься своей ереси, или умереть на кострѣ. Почти всѣ съ видимой радостью бросились въ огонь ([148]). Это были первые мученики; примѣръ провансальцамъ былъ такимъ образомъ поданъ изъ Италіи, дуалисты которой только однимъ

([143]) **D'Achéry. Spicilegium veterum scriptorum; I, 381, 388 — со словъ современника Ратерія Веронскаго.**

([144]) **Monumenta historiae patriae (Turin. 1836), — Chartarum; I, 562.**

([145]) **Monum. hist. patr. I. 794.**

([146]) **ibid. 741.**

([147]) **Это обстоятельство служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ подтвержденій нашего положенія о передачѣ на Западъ богомильской, а не отвлеченной катарской ереси, вымышленной К. Шмидтомъ. — Прав. Соб. II, 202.**

([148]) **Landulphus Senior. Hist. Mediolanensis, apud Muratori. Scriptores; IV, 88—89. — Cantu. Gli eretici d'Italia, I, 76; discorso IV.**

именемъ «патареновъ» отличились отъ альбигойцевъ ([149]). Они назывались разными именами: Gazari, Arnoldisti, Giuseppini, Insavattati, Leonisti, Bulgari, Circoncisi, Publicani, Comisti, di Bagnolo, di Concorezo, Vanni, Tursci, Romulari, Ceruntani,—такъ приводитъ ихъ итальянскій историкъ Канту. Церковь патареновъ имѣла постоянныя сношенія съ Болгаріей и Византіею. Изъ Болгаріи сюда доставленъ былъ апокрифъ евангелія св. Іоанна ([150]). Извѣстный патріархъ Никита давалъ ей епископовъ, какъ Марка, Іоанна Еврея,—тогда какъ другой толкъ имѣлъ особыхъ духовныхъ начальниковъ. Часто архіереи богомильскіе сами появлялись въ Ломбардіи для проповѣди. Постепенное усиленіе ереси показываетъ всю важность посредствующей роли Ломбардіи. Напр. Миланъ, около половины XII вѣка, былъ скорѣе еретическимъ городомъ, чѣмъ католическимъ. Проповѣдники патареновъ учили публично на площадяхъ столицы. Усилія архіепископа Галлинга напрасно боролись съ торжествомъ ереси, за которую были всѣ городскія власти; Галлингъ палъ жертвою своихъ тщетныхъ усилій. Даже женщины, увлекаясь общимъ духомъ, дѣлались проповѣдниками и начальниками ереси. Такъ въ Орвіето властвовали Милита и Джуліета, своею чистою жизнью возбуждавшія уваженіе и удивленіе. Изъ Феррары пришлось

([149]) Поводомъ къ этому имени послужило обстоятельство, не имѣвшее общихъ связей съ существенными стремленіями италіянскихъ катаровъ То была реформа Гильдебранда. Сторонники ея въ Миланѣ, съ діакономъ Аріальдомъ въ главѣ, громко требовали уничтоженія браковъ въ духовенствѣ. Преслѣдуемые народомъ, новаторы заключились въ грязномъ городскомъ кварталѣ, называвшемся «Pataria», обыкновенномъ убѣжищѣ бродягъ, ветошниковъ и нищихъ. Народъ въ насмѣшку прозвалъ ихъ Патаренами и имя враговъ женатыхъ священниковъ было перенесено на ненавистниковъ брака вообще, на всѣхъ послѣдователей дуализма въ Италіи, такъ какъ эта сторона ихъ ученія скорѣе всего поражала воображеніе толпы. См Ducange. Glossarium mediae latinitatis (1840); V, 137.—О другихъ невѣрныхъ объясненіяхъ см. Schmidt. Hist. des Cathares; II, 278—280. Раздѣленіе патареновъ по Cantu. Gli eretici d'Italia; I, 80.

([150]) Benoist. Hist. des Albig. I, 296. Спец. соч. Venedey. Die Pataria im XI und XIX Jahrh. 1854.

удалять еретиковъ при помощи оружія. Короче, въ концѣ XII вѣка, католики принуждены были сознаться, что города, бурги, замки наполнены лже-пророками, что ересь стучитъ въ ворота самого Рима, что пора идти на помощь Богу» ([151]). Райнеръ Саккони приводитъ списокъ италіянскихъ еретическихъ Церквей, ему современныхъ; ихъ толки были весьма обширны, число послѣдователей постоянно росло. Меньше всего было исповѣдниковъ крайне-албанской вѣтви. Вѣтвь Конкорецо преобладала въ Ломбардіи. Баньольцы,—признававшіе сотвореніе человѣка прежде міра, прежде вселенной,—имѣли храмы въ Мантуѣ, Миланѣ, по всей Романьи и Тосканѣ. Въ свою очередь, провансальскіе дуалисты въ послѣдствіи высылали своихъ миссіонеровъ въ Ломбардію.

Кипучая жизнь апеннинскаго полуострова, занятаго исключительно экономическими и чисто гражданскими интересами, не дала возможности сосредоточиться ереси въ видѣ отдѣльной плотной массы, какъ произошло въ Лангедокѣ. Въ Италіи слишкомъ развита была индивидуальность, вообще интересъ частный, такъ что религіозный интересъ часто исчезалъ въ ряду другихъ; это и дѣлало изъ Ломбардіи удобный, посредствующій органъ. Потому Италія считалась разсадникомъ дуалистическаго ученія во Франціи и Фландріи, а Джерардо Монтефортскій могъ восклицать, что единомышленники его разсѣяны по разнымъ странамъ и что Духъ Святый невидимо и ежедневно посѣщаетъ ихъ ([152]). Неудержимо шла ересь по почвѣ италіянской; дорогою, она изрыла ее, стремительно подвигаясь къ Западу. Только Океанъ могъ остановить ее.

Та страна, гдѣ ересь, не имѣя дальнѣйшаго исхода, должна была невольно остановиться въ своемъ теченіи, и

([151]) Bonacursus. Manifestatio haesesis Catharorum, — apud d'Achéry. Spicilegium vet. scrp. I, 209.—Количество церквей ерет. вычисляетъ Rainerus, c. 6.

([152]) Land. Senior. Hist. Med. (Muratori; IV, 89).

подумать о закрѣпленіи, — представляла самыя счастливыя данныя къ воспринятію славянскаго катаризма. Вышеизложенное нами, смѣемъ думать, достаточно поясняетъ такой выводъ. На югѣ Галліи знали о катаризмѣ еще съ первыхъ вѣковъ христіанства; здѣсь было царство манихеевъ, аріанъ, присцилліанитовъ. Здѣсь еретики держались долѣе всего и уступали только послѣ кровавой борьбы. То, чему хотѣли поучать теперь, здѣсь привыкли уже видѣть и слышать. Еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ священникъ Вигилій и епископъ марсельскій Серенъ здѣсь ломали образа и мощи, не молились святымъ ([153]). Страна эта прошла черезъ горнило всѣхъ вѣрованій и обрядовъ. Она, какъ знаемъ, обладала выгодными для ересей политическими условіями; скептическій духъ народа, склоннаго къ фантастическимъ системамъ и новостямъ, заранѣе расположенъ былъ сочувствовать всякому свободномыслію въ религіи; философія должна была плѣнить однихъ аскетизмомъ, а примѣромъ укрѣпить другихъ. Все соединилось такимъ образомъ, чтобы средневѣковая оппозиція римской Церкви сосредоточилась, какъ въ фокусѣ, именно здѣсь. Миссіонеры италіянскіе не заставили долго ждать себя ([154]). Они застали наклонность и вкусъ къ богословскимъ препираніямъ, множество вѣрованій, оттѣнковъ, несогласій. Въ самой альбійской области, нѣкто Вигилій пытался доказать между прочимъ, что душа и тѣло погибнутъ одною смертью ([155]). Прибывъ въ столь удобное время, проповѣдники дуализма пріобрѣли быстрый и полный успѣхъ. Они избрали Тулузу центромъ будущей религіи и разошлись по Аквитаніи и Септиманіи. Скоро ихъ ученіе нашло множество послѣдователей въ этихъ краяхъ. Въ епархіи римской, о катарахъ знаютъ документально съ 991 года. Гербертъ, бывшій учитель реймской школы, избранный въ архіепископы, долженъ былъ дать клятву, что не раздѣля-

([153]) Gregorii Magni Regest. l. IX, ep. 105 (Migne; LXXVII, 1027).

([154]) Radulphus Glaber. Hist. sui temporis, — apud Bouquet; X, 35. — Mansi. Concilia; XIX, 424.

([155]) Chron. episcoporum Albigens. apud d'Achéry. Spicileg. III, 572.

етъ убѣжденій еретиковъ, которыя, слѣдовательно, были тогда въ ходу. Какъ извѣстно изъ оффиціальной клятвы, еретики провозглашали разницу между добрымъ и злымъ началомъ, у Христа принимали только призрачное тѣло, отвергали Ветхій Завѣтъ, какъ изобрѣтеніе демона, возставали противъ брака и животныхъ яствъ ([156]). Чтобы сразу выросъ типъ будущаго альбигойца, не доставало только отверженія таинствъ, да братскаго возложенія рукъ на посвящаемыхъ.

Черезъ 20 лѣтъ, этотъ типъ былъ готовъ на Югѣ отъ Луары и исторія непосредственныхъ альбигойцевъ началась. — Она открылась мученіями и гоненіями; они шли въ отвѣтъ на быстрый полетъ вольнодумной идеи.

Епископъ лиможскій принимаетъ мѣры противъ нихъ еще въ 1012 году. Черезъ 8 лѣтъ, на площадяхъ Тулузы казнили еретиковъ, а еще нѣсколько лѣтъ спустя герцогъ аквитанскій Вильгельмъ сзываетъ соборъ въ Санъ-Кароффѣ для «искорененія нечестивой заразы». Но ни что не помогало. Въ 20-хъ годахъ XI столѣтія ересь распространилась по всей Франціи и источникъ ея указывали въ Орлеанѣ.

Послѣ 1017 года, объ еретикахъ знаютъ уже на Югѣ отъ Луары, въ Перигорѣ, Лимузенѣ, Пуатьѣ. Впрочемъ въ лѣтописяхъ останавливаются особенно на Орлеанѣ. Здѣсь было еретиковъ весьма много, можетъ быть потому, что они въ Орлеанѣ были новостью, тогда какъ на Югѣ уже давно привыкли ко всякимъ еретикамъ. Теперь явился и догматъ, рѣшительно отрицающій таинства Крещенія и Покаянія.

Современникъ событій, монахъ Рауль Лысый, оставилъ подробное описаніе ихъ ученія. Разсказываютъ, говоритъ онъ, что эта безумная ересь была начата въ Галліи какою-то женщиною, явившейся изъ Италіи и преисполненной діявола, съ помощію котораго она увлекала всякаго, кого хотѣла, не только людей глупыхъ и безсмысленныхъ, но даже такихъ, которые съ виду казались ученѣйшими между духовенствомъ» ([157]). Съ 1017 года она имѣла вѣрныхъ адептовъ въ Орлеанѣ и сильныхъ покровителей. На первое

([156]) Gerbertus (Bouquet; X, 409); ep. 75.

([157]) Radulphus, — l. c. et sqq.

же время, ея руководителями сдѣлались двое изъ извѣстныхъ духовныхъ лицъ города: Гериберть и Лизой, люди общеуважаемые въ Орлеанѣ, славные родомъ, ученостью, чистотою жизни, близкіе къ королю и любимые имъ. Гериберть, прозванный дѣвственникомъ, завѣдывалъ церковною школою; Лизой жилъ въ монастырѣ. Черезъ нихъ ересь проникла ко двору Роберта и нашла тамъ въ лицѣ Стефана, духовника королевскаго, крѣпкую защиту. Изъ Орлеана разсылались ея миссіонеры; они совращали духовенство въ Руанѣ. Скоро, говорили еретики, ихъ ученіе будетъ принято всѣмъ народомъ. Руанскій священникъ, къ которому пришли съ такимъ извѣстіемъ, мало былъ расположенъ вѣрить тому. Онъ донесъ герцогу нормандскому Ричарду, а тотъ королю Роберту. Это было уже въ 1022 году. Добрый и христіаннѣйшій король «жестоко опечалился, опасаясь погибели государства и столькихъ душъ человѣческихъ». Онъ прибылъ немедленно въ Орлеанъ, гдѣ велѣлъ собрать соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Подозрѣніе падало на самыхъ пастырей. На соборѣ рѣшено было допрашивать порознь каждаго члена. Всѣ читали символъ вѣры и заявили свое католическое исповѣданіе; но когда дошла очередь до Лизоя и Гериберта, то къ общему удивленію эти надежнѣйшіе люди торжественно отреклись отъ католичества и высказали такія мысли, которыя ужаснули все собраніе. Тогда поднялись и многіе другіе ихъ послѣдователи, изъ свѣтскихъ и духовныхъ. Они дружно объявили, что никогда не покинутъ своихъ учителей. Король и епископы смутились. Они стали секретно допрашивать того и другаго и стали дружески уговаривать ихъ. На вопросъ откуда и когда они узнали это ученіе, допрашиваемые отвѣчали: «мы уже давно слѣдуемъ этой сектѣ, которую вы только сейчасъ узнали; мы вѣрили и вѣримъ, что вы и всѣ другіе, какого бы закона и какой бы вѣры ни были, присоединитесь къ намъ.» Разсказавъ свое ученіе, они ужаснули православныхъ.

Ученіе орлеанскихъ еретиковъ представляло смѣсь новаго катаризма съ остатками павликіанскихъ воззрѣній,— переданными съ Юга. Они начинали съ того, что давали мистическій смыслъ Библіи (158); въ своихъ ночныхъ тайныхъ собраніяхъ толковали ее аллегоріями и уподобленіями; рядомъ напряженныхъ формулъ они отрицали всякую дѣйствительность въ ея пониманіи и доходили до того, что отвергали всякую реальность Христа, которому давали только призрачное бытіе. «Христосъ никогда не рождался, говорили они, отъ дѣвы Маріи, никогда не страдалъ для людей, во гробъ не былъ положенъ и изъ мертвыхъ не воскресалъ.» Отсюда они выводили безполезность Причащенія и Крещенія, какъ таинства. Поколебавъ прочность католической догматики, они строили свою собственную. Вмѣсто христіанской Троицы они приносили дуализмъ. Земля и небо, учили они, существовали предвѣчно; никто не сотворялъ ихъ. Благодѣтельный Богъ не могъ быть творцемъ порочнаго. Чтобы отдѣлить духа злобы, царя плоти, — должно отказаться отъ тѣлесныхъ удовольствій, отъ брака, отъ мясныхъ яствъ. Народъ между тѣмъ говорилъ, будто они предавались тайнымъ наслажденіямъ, пѣли пѣснопѣнья въ честь дьявола, который показывался въ видѣ разныхъ чудовищъ; что дѣтей, прижитыхъ на ночныхъ собраніяхъ, они сжигаютъ, а пепелъ ихъ съѣдаютъ; все это естественно возникало въ умахъ, въ виду загадочности новыхъ иновѣрцевъ, сильно занимавшихъ народъ, который окружалъ ихъ толпами. Соборъ, видимо неискусный въ богословской полемикѣ, расположенъ былъ скорѣе вѣрить темнымъ слухамъ и сказкамъ, ходившимъ въ толпѣ. Уже 8 часовъ продолжался допросъ. Геройство обвиненныхъ привело членовъ собора еще въ большій ужасъ. Имъ предложили покаяться, а иначе, по приказанію короля, грозили сожженіемъ. «Кончайте скорѣе ваши допросы и дѣлайте съ нами, что хотите, отвѣчали еретики. Смотрите, мы видимъ тамъ Царя нашего небеснаго; онъ простираетъ къ намъ руки, чтобы вести насъ въ вѣчное блаженство».—Смертный приговоръ былъ произнесенъ надъ всѣми; только — монахиня и клирикъ, какъ отрекшіеся, были пощажены. Раздраженная чернь хотѣла своими руками разорвать демоновъ; королева, бывшая тутъ же, предупредила толпу и замахнувшись тростью, выколола глазъ своему бывшему духовнику. Костеръ былъ приготовленъ не подалеку. Сначала думали устрашить осужденныхъ, такъ какъ погибали люди, любимые королемъ и знатью за свой умъ и чистую жизнь. Но одинъ изъ догматовъ ихъ вѣры требовалъ мученичества за убѣжденія. Дорогою, они сами торо-

(158) D'Achéry. Spicilegium (synodus Aurelianus); I, 604—606.

пили стражу, желая насладиться собственными мученіями. Всѣ 13 человѣкъ, — 10 канониковъ городскаго монастыря, предводимые Лизоемъ, Герибертомъ и Стефаномъ, отважно взошли въ пламя костра. Еще долго оттуда раздавались ихъ крики ([159]).

Лѣтописцу, описавшему эти сцены въ Орлеанѣ, казалось, что впредь католичество будетъ нерушимо во Франціи и что ересь изчезла съ лица земли. Въ сущности она только что начиналась, внезапно кинувшись отсюда въ Люттихъ и Аррасъ. Тамъ схватили еретиковъ, пытали, но ничего не узнали и только измѣной добыли тайну ученія, которое оказалось тѣмъ же орлеанскимъ съ примѣсью практическихъ наставленій о дѣлахъ милосердія, молитвы и воздержанія ([160]). Епископы Юга были на сторожѣ; они отвсюду получали извѣщенія о симптомахъ, опасныхъ для Церкви. Катаровъ хотѣли видѣть вездѣ; одна блѣдность лица, истомленный видъ, казались испуганнымъ властямъ достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу еретичества ([161]). Такъ, въ сороковыхъ годахъ, шалонскій епископъ совѣтовался съ Вазономъ ліэжскимъ о мѣрахъ противъ еретиковъ его епархіи. Онъ получилъ отъ умнаго и кроткаго епископа Ліэжа самое разумное наставленіе по этому поводу, которое по видимому принесло благотворныя послѣдствія. «Богъ не хочетъ смерти грѣшника, писалъ Вазонъ, онъ ищетъ лишь покаянія и жизни его». Между тѣмъ успѣхъ ереси такъ возрасталъ, что въ 1049 году большой соборъ въ Реймсѣ изъ 20 епископовъ, 50 аббатовъ и прочаго духовенства долженъ былъ

([159]) **Bouquet.** Scriptores; X,—38, 159, 498.—**Hefele.** Conciliengeschichte (1860); IV, 642—645.

([160]) Гугенотъ **Basnage**, книга котораго теперь рѣдка, полемизируя съ **Meaux**, старается видѣть въ первыхъ альбигойцахъ Орлеана и Арраса вальдензовъ, а не манихейцевъ (Hist. de la Religion des Eglises reformées, 2 v. 1725; I, 98—105); документы онъ уличаетъ въ клеветѣ. Для него «Альбигойцы сражались съ Римскою Церковью тѣми же доводами, какіе мы теперь приводимъ противъ нея, — secte, qui avoit à peu près la même Religion que nous» (I, 203).

([161]) **Schmidt**; I, 34.

постановить отлученіе на еретиковъ и всѣхъ тѣхъ, которые, чѣмъ бы то ни было, будутъ оказывать содѣйствіе новому ученію ([162]). Со второй половины XI вѣка, исторія катаровъ принадлежитъ исключительно Югу Франціи. Въ 1056 году, въ Тулузѣ, новый соборъ отлучалъ еретиковъ и ихъ покровителей, которые скрывались даже между вельможами; но онъ же обличалъ духовенство въ симоніи и порочной жизни([163]). Тогда же епископъ безьерскій отлучаетъ весь городъ Санъ-Жилль и когда одинъ пріоръ этого города не послушался распоряженія епископскаго, то папа Александръ II подтвердилъ ему о томъ вторично въ 1062 г., при чемъ приказалъ вырыть изъ земли трупы умершихъ во время интердикта и вынести ихъ съ кладбища за черту города ([164]). Мы не имѣемъ свѣденій о мѣрахъ противъ нихъ во второй половинѣ XI вѣка. Къ началу слѣдующаго столѣтія число катаровъ столь увеличилось, что они стали населять цѣлые города въ Аженуа и проповѣдывать столь открыто, что противъ нихъ капеланъ Вильгельма IX, Рауль Арденскій, долженъ былъ писать особое слово ([165]). Катарамъ вторили другіе голоса, поднявшіе ту же оппозицію противъ Рима, но исходившіе исключительно изъ Библіи, подобно позднѣйшимъ кальвинистамъ. Дѣятельность Петра де Брюи и Генриха, предшествовавшаго Петру Вальдо, относится именно къ этому рубежу между XI и XII вѣками; но мы оставимъ ее пока, какъ непричастную чисто дуалистическому движенію, которое въ это самое время окончательно утверждается въ Альбижуа. Свидѣтельство объ этомъ записано по слѣдующему поводу. Епископъ города Альби Сикартъ и аббатъ Кастра Годефруа хотѣли заключить въ тюрьмы отлученныхъ еретиковъ; народъ воспротивился тому; власти города и даже рыцари оказали энергичную поддержку во имя своей муни-

([162]) **Hefele.** Conciliengeschichte; IV, 693.—**Gfrörer** (Kirchengeschichte; IV, 513, 524) несправедливо считаетъ здѣсь осужденными послѣдователей Беренгарія Турскаго.

([163]) **Cave.** Bibl. litt. II, 170.

([164]) **Schmidt**; I, 37,—изъ рукописей городскаго архива.

([165]) **D'Argentré.** Collectio judiciorum; I, 9 (Sermo in dominicam VIII post Trinitatem).

ципіи ([166]). По всему вѣроятію, въ виду соединенной и крѣпкой силы, духовенство уступило. Это обстоятельство достаточно показываетъ, что ересь въ Альбижуа составляла тогда явленіе обыкновенное и признанное, если не охватило еще большинство торговаго и рыцарскаго сословія.

Это происходило около 1115 года, а черезъ 4 года тулузскій соборъ, состоявшій изъ южныхъ епископовъ, подъ предводительствомъ самого папы, долженъ былъ произнесть анаѳему на катаровъ, которыхъ онъ смѣшивалъ съ петробрусіанами, и отлучить всѣхъ,—кто долженствуя преслѣдовать, между тѣмъ допускаетъ ихъ къ своимъ владѣніямъ или защищаетъ, какъ сообщниковъ. Эту самую формулу, вмѣстѣ съ обличеніемъ пороковъ въ средѣ духовенства, повторилъ латеранскій соборъ, происходившій въ 1139 году ([167]).

Упрочившись въ Лангедокѣ, уже успѣвъ обратить на себя усиленное вниманіе римской куріи и ея главы, ересь перекинулась къ Сѣверу. Въ Шампани, замкѣ Монтвимерѣ (позднѣе Montaimé), уже давно считали ея приверженцевъ ([168]). По народной легендѣ, въ которой впрочемъ мало вѣроятія, манихеецъ Фортунатъ обратилъ въ ересь баснословнаго принца Видомара. Тамъ ученіе, подобное альбигойству, высказывалъ около 1000 года нѣкто Лейтардъ. Въ XII вѣкѣ ересь имѣла въ Шампани тѣмъ болѣе значительный успѣхъ; ею также заразилось высшее сословіе; она проникла въ села и города; изъ-за нее жены покидали мужей, и мужья женъ; многіе священники не въ силахъ были устоять противъ краснорѣчія ея проповѣдниковъ и покидали свои паствы, хотя авторитетъ духовенства не стоялъ здѣсь такъ низко, какъ на Югѣ. Графъ суассонскій, окруженный жидами, считался покровителемъ ереси, главными учителями которой были два крестьянина окрестной деревни: Клементій и Эбраръ, родные братья. Они были выданы народомъ, ничѣмъ не походившимъ на южанъ, и посажены въ заключеніе. Ихъ, какъ коноводовъ, рѣшено было пытать водой; одинъ изъ нихъ

([166]) Chron. episc. Alb. (d'Achéry. Spic. III, 572).

([167]) Hefele. Conciliengesch. V, 309, 390—392.

([168]) По другимъ Montvimers,—Mons-Guimari, Monshismerus. Башня Montaimé была разрушена при Карлѣ VII.

утонулъ, другой побоялся и отрекся. Когда епископъ отлучился изъ города, то чернь приготовила костеръ, кинулась на темницу, куда посадили Клементія и сожгла его. Тогда же, на прибрежьяхъ сѣверной Галліи, въ нынѣшнихъ Бретани и Нидерландахъ новые миссіонеры распространяли особый видъ альбигойской ереси. То были Танхелинъ и Эонъ де-Стелла, полуманихейцы, полураціоналисты ([169]).

Они дѣйствовали въ первой половинѣ XII столѣтія. Танхелинъ (Tanchelinus, Tanchelnus, Tandemus), любимый народомъ фландрскимъ, одѣтый въ монашеское платье, ходилъ, окруженный тѣлохранителями; передъ нимъ носили мечъ и знамя. Огромныя толпы слушали его поученія, произносимыя подъ открытымъ небомъ на поляхъ и площадяхъ. Его считали за пророка или ангела, ниспосланнаго съ неба; онъ самъ полагалъ себя нелишеннымъ Духа Святаго. Онъ былъ въ Римѣ и тамъ возъимѣлъ еще большее негодованіе противъ жадности и богатства духовенства. Въ Утрехтѣ онъ сидѣлъ въ заключеніи, но ходатайствомъ сильныхъ былъ освобожденъ. Здѣсь былъ и его апоѳеозъ. Онъ не могъ встрѣтить ни какого противодѣйствія себѣ, потому что во всемъ Антверпенѣ былъ одинъ только священникъ и то подававшій весьма дурной примѣръ своею нравственностью ([170]). Тысячами ходилъ къ нимъ народъ и совращался въ ересь. Здѣсь онъ смѣнилъ рясу монаха на царскую багряницу; съ короной на головѣ, онъ ходилъ во главѣ 3000 человѣкъ, фанатически преданныхъ ему. Обоготвореніе Танхелина доходило до того, что воду, въ которой онъ искупался, пили, считая ее за священную. Когда онъ умеръ (1125—26 г.), то проповѣди и увѣщанія св. Норберта вернули въ православіе совратившихся, такъ какъ иновѣріе прочныхъ корней здѣсь не могло имѣть, представляясь явленіемъ одиночнымъ. Это тѣмъ болѣе относится къ аріанскому толкованію святой Троицы, принятому Танхелиномъ. Главные доводы онъ приводилъ противъ рим-

([169]) Hahn. Gesch. der neu-manich. Ketzer; 459—465.

([170]) «Nec credebatur ei, eo quod et ipse, quasi in conjugio et copula carnali, neptem suam in linea tertia manifeste sociam sui sceleris fecerat». Vita S. Norberti arch. Magdeb. въ Acta Sanctorum; junius VI.

скаго главенства и развратныхъ священниковъ, которыхъ считалъ недостойными совершать таинство, потому болѣе и отвергаемое имъ. Своею ненавистью къ господствующей Церкви, онъ походилъ на другаго современнаго ересіарха Эона де-Стеллу, который своимъ царственнымъ блескомъ, своимъ краснорѣчіемъ возбуждалъ подобный же энтузіазмъ въ Бретани, въ то самое время, когда изъ аббатства Клерво громили еретиковъ обличенія Св. Бернара (1146 г.), испуганнаго повсемѣстнымъ появленіемъ ересей. Стелла происходилъ изъ царскаго рода; пышность осталась неразлучна съ нимъ. Его тѣлохранители всегда были роскошно одѣты; пища ихъ была изысканная; жизнь не требовала никакихъ трудовъ. Изумленнымъ современникамъ личность Стеллы представлялась демоническою; говорили, что онъ питаетъ воздухомъ своихъ многочисленныхъ спутниковъ, что въ каждое мгновеніе онъ по своему желанію можетъ имѣть хлѣбъ, рыбу, мясо; но эта пища не насыщаетъ, а только возбуждаетъ голодъ, и что каждый, кто только разъ испробовалъ ее, уже тѣмъ самымъ подпадалъ его власти. Онъ выдавалъ себя за ангела и даже Христа, а учениковъ за апостоловъ. Когда плѣннаго, связаннаго, его сталъ лично допрашивать папа на реймскомъ соборѣ 1148 года, то получилъ въ отвѣтъ: «я тотъ Эонъ (per eum qui venturus est, judicare vivos et mortuos et seculum per ignem), который долженъ былъ придти въ міръ судить живыхъ и мертвыхъ, а вселенную преобразовать огнемъ.» Въ рукѣ онъ держалъ жезлъ въ видѣ вилъ съ двумя зубцами на верху.—«Въ этомъ посохѣ великая тайна, внушалъ онъ членамъ собора; какъ высоко вверхъ уходятъ два зубца, такъ высоко распространяются два міра могущества Божьяго, оставляя третій мнѣ; а если бы я захотѣлъ повернуть этотъ жезлъ, то Богу бы внизу осталась одна доля, а мнѣ стали бы принадлежать двѣ трети вселенной» ([171]). Соборъ, который заняли эти странности, можетъ быть искусно прикрывавшія болѣе существенное, снисходительно осудилъ Стеллу на пожизненное заточеніе, предоставивъ исполненіе приговора аббату

([171]) **Hefele; V, 456—457. Thörichte Ketzezeien waren gerade in jener Zeit nichts Seltenes, namentlich zeigten sich fast allüberall Spuren manichäischer Irrthümer».**

Сугерію, регенту государства, который посадилъ его въ башню Святаго Діонисія. Тамъ Стелла вскорѣ умеръ, внушивъ надолго своимъ послѣдователямъ глубокую ненависть ко всему католическому и посѣявъ въ странѣ сѣмена дуализма. Говоря, что Богъ, пославшій его, былъ Богомъ свѣта, онъ предпочиталъ существованіе втораго божества, символически выражаемаго его жезломъ. Другіе пункты ученія еще яснѣе сближали его съ южными альбигойцами смягченнаго толка (mitigé), которыхъ онъ, по всему вѣроятію, былъ послѣдователемъ. Подобно имъ, онъ отрицалъ воскресеніе мертвыхъ и христіанское крещеніе, понимаемое имъ какъ даръ Духа Святаго, сообщаемый лишь преемственнымъ возложеніемъ рукъ. Подобно всѣмъ протестантамъ, онъ бичевалъ римскую Церковь, какъ блудницу, и духовенство, какъ позорящее ее своими нравами.—«Вы хотите, говорилъ онъ католическимъ священникамъ, изображать собою Церковь Божію, докажите же намъ, что вы заслуживаете того, кстати, покажите, гдѣ она и что такое Церковь Божія и почему она именуется такъ. Вы хотите казаться чистыми, но глаза наши напрасно ищутъ свидѣтельства тому, а неочевидному мы не вѣримъ (invisibile ignoramus). Нѣтъ, вы поступаете совсѣмъ иначе, вы не изъ Церкви Божіей» ([172]). За такія рѣчи его ученики сгорѣли на кострахъ, на которые вступили фанатически весело. Только одно желаніе одушевляло ихъ въ эти минуты—послать проклятіе своимъ врагамъ, такъ страстно ненавидимымъ ими, и, идя въ огонь, они посылали его.

Если самыя напряженныя усилія Св. Бернара оказывались безполезными, если и его могучее слово не дѣйствовало на еретиковъ, то конечно всякія другія убѣжденія и доводы далеко не могли достигнуть цѣли. Правда, біографы знаменитаго проповѣдника говорятъ, что еретики бѣжали при его появленіи даже изъ Альби и Тулузы, что народъ встрѣтилъ его восторженно, но эти увѣренія принадлежатъ къ числу общихъ мѣстъ и не подтверждаются ни другими свидѣтельствами, ни послѣдующими событіями. Тѣмъ болѣе это отнесется къ Лангедоку, гдѣ, повторяемъ, отступничество отъ католичества и даже христіанства сдѣлалось тогда явленіемъ довольно обыкновеннымъ, а переходъ въ ересь

([172]) **Schmidt; I, 48.**

обыденнымъ. Крайній, такъ называемый албанскій, толкъ катаризма господствовалъ въ епархіяхъ Тулузы, Альби, Каркассоны, Комминга и Ажена, короче во всей старой Готіи и въ области Альбижуа по преимуществу. Смягченныхъ воззрѣній здѣсь мало держались. Народъ, сочувствуя катарамъ за ихъ чистую жизнь, назвалъ ихъ *«добрыми людьми»*—Bonshommes, и это названіе столь лестное, еретики навсегда оставили за собой. Ихъ враги, думая уколоть ихъ любимое занятіе, прозвали еретиковъ ткачами—Tisserands, Texerands (ab usu texendi), а на сѣверѣ часто ихъ называли *публиканами*, ошибочно смѣшивая это ученіе съ павликіанскимъ, о которомъ католики знали со словъ крестоносцевъ, вернувшихся изъ Малой Азіи ([173]). Общимъ и чаще употребительнымъ названіемъ для того времени было—*еретики тулузскіе*. Нѣсколько позднѣе ихъ стали изрѣдка называть *болгарами*, въ знакъ ихъ происхожденія, сдѣлавъ въ слѣдующемъ столѣтіи изъ этого слова сокращенныя формы: Bugares, Bugres, такъ какъ и Болгарія по Вильгардуэну «Bougrie». Когда дѣло еретиковъ уже было проиграно, то ихъ имя стало позорнымъ терминомъ вслѣдствіе того понятія, которое съ нимъ соединялось. Наконецъ, въ 1181 году, впервые появляется знаменитый терминъ *Альбигойцы* въ хроникѣ лемузинскаго аббата Готфрида ([174]), для обозначенія главнаго и самаго обширнаго центра ереси до тѣхъ поръ, когда, долгое время спустя, оно пріобрѣло тѣ два значенія, которыя и теперь имѣетъ, т. е. 1) *въ смыслѣ общаго понятія о еретикахъ всѣхъ системъ* и ученій,—представленія о всѣхъ, заявившихъ чѣмъ-либо *въ продолженіе XII и XIII столѣтій* свой разладъ съ Римомъ въ вопросахъ религіи ([175]) съ тѣмъ значеніемъ, съ

([173]) id. II, 280.

([174]) Bouquet. Scriptores; XII, 448. Походъ легата Генриха «contra haereticos Albigenses».

([175]) К. Шмидту принадлежитъ честь окончательнаго формулированія вопроса о смыслѣ слова «Альбигойцы». Ce nom ne devint général que depuis le comencement du treizième siècle, surtout depuis la croisade; à cette époque on s'habitua à appeler Albigeois tous les adversaires des croisés: Cathares, Vaudois, Catholiques; on le fit, parce que sous le nom d'Albigeois on comprenait une grande partie de la France méridionale. Plus tard ce

какимъ мы предприняли это сочиненіе (*) и 2) *въ тѣсномъ смыслѣ, соотвѣтствующемъ исключительно дуалистамъ*, какъ представлявшимъ въ то время большинство (**). Но въ половинѣ XII столѣтія, на которомъ мы остановили разсказъ о распространеніи ереси на Югѣ, тамошніе ея послѣдователи всѣхъ толковъ пока и чаще извѣстны были подъ именемъ «еретиковъ тулузскихъ» или «провансальскихъ», такъ какъ они говорили на языкѣ Прованса ([176]). Такъ ихъ называетъ и соборъ, бывшій въ Турѣ въ 1163 году. Здѣсь предписано епископамъ и всѣмъ духовнымъ властямъ съ особенною бдительностію наблюдать за православными, устранять ихъ отъ общества зараженныхъ и особенно отъ

---

nom fut réservé aux seuls Cathares, que parfois on se bornait aussi à appeler les hérétiques toulousains ou provençaux». II, 283.

(*) Въ этомъ смыслѣ мы приняли писать это слово съ заглавной буквы.

(**) Въ такомъ смыслѣ, для отличія, мы употребляемъ строчную букву.

([176]) Fleury (Histoire ecclésiastique, 1781; X, 161; l. LXIX, c. 25), при описаніи проповѣди аббата Клерво на Югѣ (с. 25—26), полагаетъ, что уже при св. Бернардѣ было принято имя Альбигойцевъ для обозначенія всѣхъ еретиковъ, основываясь на Gaufredi epist. X,—но можно согласиться только съ тѣмъ, что оно начинаетъ съ того времени входить въ употребленіе между католиками, хотя долго не показывается въ актахъ.—Критическое изслѣдованіе объ этомъ вопросѣ у Vaissete. Hist. génér. de Languedoc; V, 408—412.—Замѣтимъ только, I) что нельзя отрицать употребленія этого выраженія до крестовой войны, такъ какъ самъ Petrus Vallis Cernaii сознается, что: «Tolosani, et aliarum civitatum et castrorum haeretici, et defensores eorum, generaliter Albigenses vocantur; eo quod aliae nationes haereticos Provinciales Albigenses consueverint appellare». (Migne; CCXIII, 513); послѣднія слова не совсѣмъ точно переданы у Guizot (Collection; XIV, 3) и что II) съ другой стороны исключительное географическое значеніе продолжаетъ сохранять это слово у авторовъ даже XIV столѣтія, какъ видно изъ Ptolomaei Lucensis (hist. eccles. l. XXI, c. 11): «abbates Cistercienses... vaduntque per totam regionem Tholosanam, et Albigensem et Carcassonem». Muratori. Script. XI, 1124.

проповѣдниковъ ереси, которые симъ канономъ предавались въ руки свѣтской власти, лишались имуществъ и вообще покровительства законовъ. Самое легкое наказаніе для нихъ было заключеніе; это впрочемъ относилось къ Сѣверу, гдѣ ересь еще можно было задавить извѣстными мѣрами. Въ свою очередь католическое духовенство Прованса вздумало оказать сопротивленіе разливу альбигойской пропаганды. Силою бороться было нельзя. Оставалось сразиться словомъ. Знаменитые вожди, отцы и учители катаровъ были призваны на публичное состязаніе. Въ этомъ отношеніи ломберское собраніе 1165 года([177]) играетъ весьма важную роль въ исторіи альбигойцевъ.

Городъ Ломберъ, невдалекѣ отъ Альби, былъ любимымъ притономъ окружныхъ еретиковъ. Въ немъ имѣли пребываніе ихъ духовныя власти, ихъ проповѣдники, какъ Сикардъ Селлерье, архіерей катаровъ, и Оливье. Этотъ-то городъ, или, какъ тогда называли, замокъ — и былъ назначенъ мѣстомъ состязанія. По приглашенію епископа альбійскаго Жеральда, туда прибыли: Констанція, жена Раймонда V тулузскаго, Раймондъ Тренкавель, виконтъ Альби, Безьера и Каркассоны, Сикардъ, виконтъ Лотрека и много другихъ феодаловъ. Почтенные горожане изъ Альби и окрестныхъ мѣстъ, прудомы, консулы и члены муниципалитета, богатые торговцы постепенно стекались на это интересное зрѣлище, столь живо всѣхъ занимавшее и своею оригинальностію и великими послѣдствіями, которыхъ отъ него ожидали. Въ самомъ дѣлѣ, на чьей сторонѣ правда, кто одолѣетъ, кто завтра пріобрѣтетъ успѣхъ, а съ нимъ и будущее? Между духовными были только шесть лангедокскихъ епископовъ и много аббатовъ. Альбійскій епископъ Жиральдъ предсѣдательствовалъ.

Напрасно упоминать, что изъ массы присутствовавшихъ вельможъ и гражданъ значительная часть открыто исповѣдывала ученіе катаровъ и такая же часть симпатизировала имъ въ душѣ; краснорѣчіе пророковъ могло привлечь осталь-

([177]) Розысканія о точномъ годѣ этого значительнаго съѣзда дѣлаетъ Vaissete. Hist. gén. de Languedoc; IV, 324—327.— Со словъ Rog. de Goveden время ошибочно относили къ 1176 году и даже принимали два различныхъ собора ломберскихъ.

ныхъ. Между тѣмъ, зная крутой и неуступчивый нравъ ересіарховъ, можно было сказать, что соборъ не приведетъ къ благопріятному исходу. Ненависть еретическихъ проповѣдниковъ ко всему католическому была слишкомъ сильна, чтобы могла выйти какая-либо сдѣлка и тѣмъ болѣе примиреніе. Дѣйствительно, они съ первыхъ же словъ заявили свою отважную рѣшительность. Католики хотѣли вести дѣло въ формѣ допроса; противная партія гордо отвергла то и потребовала равноправнаго состязанія. Католическое духовенство не смѣло сопротивляться и, уступая общему желанію присутствовавшихъ, согласилось даже назначить посредниковъ изъ той и другой стороны. Наконецъ условившись въ производствѣ диспута, предсѣдатель объявилъ соборъ открытымъ. Тогда поднялся епископъ Госелинъ, одинъ изъ ораторовъ католическихъ, и спросилъ еретиковъ, принимаютъ ли они Библію; ему отвѣчали, что принимаютъ только Новый Завѣтъ, а Ветхій отвергаютъ. Изъ чего же состоитъ ваше вѣрованіе, спросили ихъ? Они не хотѣли отвѣчать. Потомъ были предложены вопросы о крещеніи дѣтей, о таинствѣ Причащенія. Они возражали, что послѣднее можетъ быть совершаемо одинаково какъ духовнымъ, такъ и міряниномъ; подробнѣе они не хотѣли распространяться. Такъ же сдержанны они были въ вопросѣ о бракѣ. Наконецъ они доказывали, что больной можетъ исповѣдываться даже у мірянина. На вопросъ же: достаточно ли только одного раскаянія, или необходимы добрыя дѣла въ смыслѣ искупленія?—они отвѣчали текстомъ изъ посланія ап. Іакова: «исповѣдайте убо другъ другу согрѣшенія и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете», прибавляя, что точно слѣдуя наставленію, они не могутъ считать себя выше апостола, какъ дѣлаютъ нѣкоторые епископы католическіе. Выждавъ такимъ образомъ удобный предлогъ, они излили всю свою ненависть къ духовенству; пророки ихъ поднялись съ своихъ мѣстъ и начали громовыя рѣчи противъ господствующей Церкви. Епископы и священники, говорили они, вовсе не имѣютъ тѣхъ качествъ, которыя нѣкогда поставилъ имъ въ завѣтъ апостолъ Павелъ: это жадные волки, соблазнители, тщеславные; они ищутъ только богатствъ и почестей; имъ нужны только поклоны на улицахъ, да первыя мѣста на пиршествахъ вельможъ; вся ихъ забота въ золотыхъ кольцахъ съ камнями, да въ пышныхъ нарядахъ; во всемъ они идутъ на перекоръ

завѣтамъ Христа, и народъ потому не долженъ имъ повиноваться. Это впервые высказано было во всеуслышаніе. Напрасно епископы думали защищаться. Страстная рѣчь произвела свое дѣйствіе. Архіепископъ нарбоннскій, епископъ нимскій и аббаты пустили въ ходъ всю діалектику, всѣ богословскія знанія, чтобы оправдать свое сословіе въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Но противники непреклонно стояли на своемъ, усиливали обличенія и объявили, что препиранія могутъ производиться на основаніи книгъ Новаго Завѣта. Когда споръ соскользнулъ изъ системы манихейской и перешелъ въ область моральной жизни духовенства, то катары должны были значительно выиграть въ глазахъ присутствовавшихъ. Когда возраженія стали достаточно убѣдительны, то тотъ же Госелинъ, открывшій засѣданіе, поспѣшилъ составить протоколъ, въ которомъ противники были прямо названы еретиками за высказанныя ими убѣжденія. Католическая Церковь и ея посредники одобрили проэктъ обвиненія. Такъ называемые добрые люди были названы послѣдователями ересіарховъ Селлерье, Оливье и ихъ учениками. Тогда еретики стали кричать:—«не мы, а вашъ епископъ альбійскій, нашъ врагъ, отъ котораго идетъ это рѣшеніе, еретикъ; это волкъ и лицемѣръ, также какъ и другіе епископы и священники. Мы отказываемся признавать то, что здѣсь написано; все это только предлогъ, чтобы обвинить насъ. Мы не прочь на основаніи Новаго Завѣта сейчасъ же подтвердить все сказанное и доказать, что враги наши вовсе не добрые пастыри, а злые наемники» Въ свою очередь епископъ Госелинъ пришелъ въ азартъ и обѣщалъ торжественно подтвердить свое обвиненіе передъ папою, при дворахъ тулузскомъ и французскомъ. Тогда Оливье, слѣдуя обычаю и изворотливости альбигойскаго ученія, обращаясь къ своимъ и къ народу вообще, сталъ читать свое исповѣданіе.

— «Послушайте, добрые люди,—началъ было онъ,—наше исповѣданіе, которое мы высказываемъ изъ любви къ вамъ».

— Вотъ и правда наша, перебили его голоса между католиками,—у нихъ нѣтъ Бога; они говорятъ не по благости и любви Божіей, а лишь по любви къ народу.

— «Нѣтъ, не правда, мы вѣримъ въ истиннаго Бога, въ его сына Іисуса Христа, въ сошествіе Святаго Духа на апостоловъ, въ Воскресеніе, въ необходимость Крещенія, въ

возможность спасенія и для мужчины и для женщины, даже для состоящихъ въ супружествѣ».

Когда католики, пользуясь случаемъ, предложили Оливье подтвердить клятвою то, что онъ сейчасъ сказалъ, то ересіархъ отказался, ссылаясь на запрещеніе божбы самимъ Спасителемъ.

Надо замѣтить, что высказанное признаніе не было несправедливо; оно было лишь замѣчательно уклончиво; этого не могло не знать и духовенство католическое. Дѣйствительно, еретики, собравшіеся въ Ломберѣ, вѣрили въ Бога истиннаго, но они также признавали и Бога зла; они вѣрили въ Воскресеніе, но не тѣла; у нихъ было и Крещеніе, но не по обряду католической Церкви. Они не отрицали, что живущіе въ бракѣ могутъ быть спасены, но при этомъ они требовали, чтобы ищущіе спасенія принесли покаяніе и перешли въ секту, хотя бы въ послѣдній предсмертный часъ. Въ концѣ засѣданія католикамъ удалось настоять на своемъ. Было постановлено, что убѣжденія высказанныя катарами ни что иное какъ—ересь. Такъ засвидѣтельствовали всѣ духовные и нѣкоторые изъ свѣтскихъ (178) бароновъ, хотя это ни мало не повредило авторитету и успѣхамъ еретиковъ.

Такъ кончился ломберскій соборъ, знаменитый публичнымъ заявленіемъ ереси, рѣшившейся выступить на торжественное состязаніе съ представителями господствующей Церкви, въ первый разъ, во очію всего Запада,—важный тѣмъ смысломъ, который онъ имѣлъ вообще въ исторіи альбигойцевъ. По нѣкоторымъ авторамъ, альбигойцы получили самое имя свое вслѣдствіе того, что манифестація была сдѣлана въ Ломберѣ, т. е. въ предѣлахъ Альби; такъ думали старые исторіографы Тулузы: Катель, Лафайль и нѣкоторые другіе историки альбигойскихъ еретиковъ (179).

(178) Акты собора у **Mansi**. Concilia; XXII, 157 etc.—Срв. **Schmidt** (Cathares; I, 71—73) и **Hefele** (Conciliengeschichte; V, 570—572).

(179) **Lafaille**. Annales de Toulouse, 1687; abrégé; p. 193. «C'est de ce concile (ошибочно къ 1176 г.) tenu dans Albi qu'on croit que tous ces hérétiques furent depuis nommés Albigeois».—**Catel**. Mémoires de l'hist. du Languedoc, 1633; p. 305.—**Catel**. Comtes de Toulouse, 1623; p. 239.

Произнесенное на этомъ соборѣ рѣшеніе вызвало непосредственно новую манифестацію. Катары явно заявили свое полное отложеніе отъ римской Церкви, свою собственную организацію, свою связь съ иною властью, съ инымъ источникомъ. Богомильскій патріархъ Никита прибылъ въ Альбижуа изъ далекой Болгаріи. Онъ долго пробылъ въ Италіи, гдѣ много было послѣдователей секты Конкорецо. Неподалеку отъ Тулузы, въ маѣ 1167 г., въ Санъ-Феликсъ де Караманъ, происходилъ торжественный съѣздъ духовенства альбигойской Церкви со всѣхъ провинцій. Никита предсѣдательствовалъ. Тотъ же Селлерье представлялъ собственно альбигойскій дистриктъ. Тутъ были и епископъ Ломбардіи Маркъ и французскій дуалистическій сектаторъ въ Италіи Робертъ Сперone. Оттуда, гдѣ не было епископовъ, были просто мѣстныя консисторіи духовенства, какъ изъ округовъ Тулузы, Арана и Каркассоны. Тулуза тогда же получила отдѣльнаго епископа: Никита посвятилъ ей наложеніемъ рукъ—Бернара-Раймона. Въ Аранъ былъ такимъ же образомъ посвященъ Раймонъ де Казалисъ, въ Каркассону Жеральдъ Мерсье. Между всѣми церквами богомильскими, жившими отдѣльно, былъ заключенъ союзъ. То были Церкви: греческая, македонская, болгарская, далматская, ломбардская, французская. Здѣсь были рѣшены также частные вопросы о раздѣлѣ Церквей Тулузы и Каркассоны. Раздѣльная линія шла изъ Санъ-понса на Кабаредъ, Отпуль, Сессакъ, Вердюнъ, Монреаль и Фанжу. Подъ этимъ кадастровымъ актомъ подписались извѣстнѣйшіе изъ катаровъ; онъ сдѣланъ былъ въ двухъ копіяхъ и положенъ на храненіе въ городской архивъ ([180]).

Послѣ такого съѣзда, существованіе новой Церкви среди католицизма приняло видъ историческаго факта. Ея организація, заявленная столь торжественно, будто требовала признанія себя отъ своихъ провивниковъ, съ которыми чувствовала возможность борьбы и у которыхъ настойчиво требовала равноправія. Въ Лангедокѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась эта новая Церковь, хотя проявленія ея существовали и въ другихъ мѣстахъ Франціи. Въ графствѣ Неверъ, община Везелэ грозила цѣликомъ отложиться отъ католицизма, хотя духовное лице было ея главою ([181]). Въ нее проникли выходцы изъ Юга; они приносили вмѣстѣ съ религіей своей страны ея республиканское начало. Гуго де Санъ-Пьеръ былъ въ главѣ ихъ (въ 1154 г.); у него происходили тайныя собранія катаровъ, число которыхъ возросло до того, что аббатъ могъ лишиться даже своей свѣтской власти. Заговорщики снеслись съ графомъ и выхлопотали у него признаніе общины съ политическимъ устройствомъ южныхъ республикъ. Они уже хотѣли провозгласить сверженіе аббата. Аббатъ жаловался королю и папѣ. Людовикъ VI за деньги отказался отъ своихъ намѣреній. Еретики и республиканцы были выданы; они (1155 г.) обличены въ ереси павликіанской; на допросѣ они признавали ее торжественно (1167 г.). Они были осуждены на смертную казнь. Тогда двое изъ нихъ рѣшились засвидѣтельствовать истину своего ученія испытаніемъ водою. Одинъ изъ нихъ выплылъ, но при повтореніи, на другой день потонулъ. Остальные были сожжены. Въ Шампани оставались прежніе слѣды ереси. Въ Реймсѣ въ нее вовлечены были женщины. Одна дѣвушка, встрѣченная на улицѣ клирикомъ, отказала его наглымъ предложеніямъ, ссылаясь на то, что за такой поступокъ послѣдовало бы вѣчное осужденіе; это былъ предлогъ заподозрить ее въ ереси. При допросѣ дѣвушка указала на старуху, которая посвятила ее въ ученіе катаровъ (1130 г.). Обѣ онѣ были сожжены; толпа сопричислила ихъ къ мученикамъ Христовымъ. Въ той же епархіи, въ предѣлахъ Фландріи, въ городѣ Аррасѣ, также жгли еретиковъ (1182 г.). То же повторилось въ Боннѣ, въ Кельнѣ (1163 г.), гдѣ одинъ старецъ, вступая на костеръ, полный фанатизма къ своей вѣрѣ, благословляя своихъ друзей, говорилъ: «будьте непреклонны въ нашемъ ученіи; отнынѣ вы мученики Христовы.» Изъ Кельна и Фландріи альбигойство прошло въ центры Англіи—въ Лондонъ и Іоркъ. Въ Оксфордѣ Генрихъ II сзывалъ соборъ на катаровъ ([182]).

([180]) **Bouquet. Scriptores; XIV, 448.**

([181]) **Aug. Thierry. Lettres, 1837; p. 428 etc.**

([182]) **Bouquet. Scrp. XIII, 187; XVIII; 92. (Radulphus de Diceto, Radulphus Coggeshale).—Спец. моногр. Tueslin. De fanaticis saeculi XII in Anglià repertis (Bern. 1761).—Pauli. Gesch. von England. (B. III) умалчиваетъ о соборѣ. — Hefele. Conciliengeschichte; V, 528.**

Призванные передъ лицо короля и епископовъ Англіи, катары не скрывали своего ученія. Повторились ломберскія сцены. Гераръ, глава еретиковъ Оксфорда, по словамъ лѣтописца, одолѣлъ католическихъ ораторовъ. Послѣднимъ оставалось грозить. «Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное, послышалось имъ въ отвѣтъ; тако бо изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ (Матѳ. V; 10, 12)». Соборъ велѣлъ выжечь имъ на лбахъ клеймы; палками ихъ выгнали изъ города. Они же, бичуемые, шли весело по улицамъ и пѣли громкимъ голосомъ слова Евангельскія: «блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ» (Матѳ. V; 11, 12). Всюду гонимые и преслѣдуемые въ Англіи, какъ прокаженные, они умирали отъ голода и жажды на чужой землѣ, не измѣнивъ своей вѣрѣ. Это было въ то самое время, когда въ Везелѣ проявилось религіозно-политическое движеніе и когда подъ Тулузою торжественно съѣзжалось духовенство богомильское, патаренское, альбигойское. Все это побуждаетъ считать конецъ 60-хъ годовъ XII столѣтія за начало полной самостоятельности новой Церкви, къ спеціальному и всестороннему изученію которой слѣдуетъ перейти именно съ этого времени. Мы ознакомимся прежде съ вѣроученіемъ большинства Альбигойцевъ, съ ихъ восточной вѣтвью, съ догматикой религіи дуалистовъ.

Приступая къ такому изученію, изслѣдователь становится въ нѣсколько странное положеніе. Онъ долженъ судить объ еретикахъ, объ ихъ обычаяхъ, ихъ ученіи со словъ ихъ противниковъ. Оппозиція католицизму истолкована самыми страстными его адептами. До насъ не дошло ни одного сочиненія, написаннаго самими катарами французскими о своей вѣрѣ, хотя мы знаемъ, что таковыя существовали. Они принадлежали перу ученыхъ, докторовъ своего дѣла, знакомыхъ также со схоластикою католическою, какъ съ философіей древне-греческой и ново-арабской. Намъ извѣстны только имена ихъ. То были Петрикъ или Ѳеодорикъ, бывшій каноникъ неверскій, Арнольдъ, плодовитый писатель провансальскій (scriptor velocissimus, по словамъ

католиковъ), италіянецъ Джіованни де Луджіо, строившій отчасти собственную систему. У провансальскихъ катаровъ была обширная философская энциклопедія: Perpendiculum scientiarum, наконецъ катехизисъ, гимны и молитвы на ихъ національномъ языкѣ. Все это было уничтожено отчасти самими еретиками и до тла сожжено инквизиціею, допускавшею еще кое-гдѣ книги вальдензовъ, но безпощадною относительно катаровъ. Напримѣръ, маркизъ Монферрата собиралъ въ продолженіи 40 лѣтъ сочиненія всѣхъ учителей и философовъ альбигойскихъ и потомъ велѣлъ сжечь всѣ эти книги незадолго до смерти. Такимъ образомъ непосредственнымъ и единственнымъ источникомъ при изученіи альбигойства являются обличенія еретиковъ, написанныя инквизиторами, источники характера памфлетическаго. Таковы латинскія обличенія Еврара (liber antihaeresis), Ерменгарда, Бернара, Алана (Summa quadripartita), Стефана Бурбонскаго, фанатическаго монаха сернейской долины и историка альбигойскихъ войнъ, Петра, дона Изарна,—написанныя во Франціи; нѣмца Экберта, испанца Луки тюисскаго, миланца Бонакорсо, флорентійца Григорія и особенно знаменитыя сочиненія Рейнера Саккони изъ Піаченцы (Summa de Catharis et Leonistis) и Монеты изъ Кремоны (adversus Catharos et Waldenses). Всѣ эти авторы были по преимуществу инквизиторы, производившіе слѣдствія надъ еретиками, и исключительно духовныя лица, епископы, аббаты, пріоры, проповѣдники. На нихъ-то должно быть построено изложеніе системы альбигойской; они-то даютъ наукѣ данныя для изученія исторіи своихъ заклятыхъ враговъ. Самыя книги каноническія, принимаемыя катаризмомъ, извѣстны намъ съ ихъ же словъ. Замѣчено было, что славянскіе и французскіе катары отвергали Ветхій Завѣтъ. Новый же южане имѣли въ провансальскомъ переводѣ, сдѣланномъ, по всему вѣроятію, не съ латинской вульгаты, а съ греческаго текста, если не со славянскаго кирилло-меѳодіевскаго перевода. Въ еретическихъ евангеліяхъ, употребляемыхъ въ Италіи и Провансѣ, были тѣ же уклоненія отъ латинскаго текста, какія встрѣчаемъ въ византійскомъ и славянскомъ. Такъ напримѣръ, Молитва Господня кончается у нихъ словами, смыслъ которыхъ: яко твое есть царство, сила и слава во

вѣки вѣковъ, — чего нѣтъ въ переводѣ Св. Іеронима ([183]). Многимъ мѣстамъ они придавали мистическій смыслъ и видимо выводили ученіе не изъ священнаго Писанія, а обратно, — *Евангеліемъ объясняли свою систему* ([184]). Кромѣ Новаго Завѣта они держались еще апокрифовъ и именно тѣхъ, составленіе которыхъ возникло подъ восточнымъ вліяніемъ. Они принимали: «Видѣніе пророка Исаіи о существѣ Троицы и искупленіи рода человѣческаго», любимое гностиками, богомилами и крайними дуалистами, дошедшее до альбигойцевъ въ италіянской редакціи ([185]). Они принимали также евангеліе Никодимовское и сильно цитировали: «апокрифическое сказаніе о вопросахъ Іоанновыхъ и отвѣтахъ на нихъ Христовыхъ.» Послѣднее было очень важно для нихъ — Іисусъ бесѣдуетъ съ своимъ любимымъ ученикомъ о тайнахъ творенія совершенно въ духѣ альбигойскаго философа; въ его отвѣтахъ дуалистически толкуется о твореніи міра, и разрѣшаются вопросы о его концѣ и общемъ судѣ ([186]). Греческій оригиналъ этого апокрифа былъ занесенъ изъ

([183]) **Dobrowsky**. Ueber die slavische Uebersetzung des Neuen Testaments; 159, 161.—**Schmidt** Cathares; II, 274.

([184]) **Lucas Tudensis** (Adversus Albig. errores; 156) приписываетъ имъ: «non reprehendimus sacras scripturas, sed quod ipsae dicunt; quia Deus fecit coelum et terram.; nos qualiter ea fecerit explicamus».

([185]) **Visio Isaiae** впервые по-латыни напечатано въ Венеціи въ 1522 году вмѣстѣ съ другими апокрифами. По другимъ отрывкамъ,—**Angelus Majus**. Collectio e Vatic. codic. R. 1824; III, II, 238 etc —Новое изданіе Гизелера (1832. Gött.) и Гфрёрера (Prophetae veteris pseudepigraphi, St. 1840) съ ефіопскимъ варіантомъ.

([186]) Это евангеліе служило главной опорою большинства еретиковъ, т. е. послѣдователей умѣреннаго толка. Его происхожденіе объясняется помѣткою въ концѣ: «Hoc est secretum Haereticorum de Concorezio portatum de Bulgaria a Nazario suo Episcopo». Оно найдено въ лат. переводѣ въ архивахъ каркассонской инквизиціи, а въ марчіанской библіотекѣ, въ Венеціи, хранится греческій оригиналъ его, которымъ пользовались еретики византійскіе,— неизданный по сіе время. Лат. текстъ напечатанъ

Болгаріи въ концѣ XII столѣтія. Вообще характеръ каноническихъ книгъ совершенно отожествляетъ ересь Богомила съ альбигойствомъ.

Альбигойцы были прежде всего высокіе идеалисты. Въ своемъ увлеченіи односторонніе, они сохраняли логичность въ выводахъ до крайнихъ послѣдствій. Покланяясь безсмертному духу, они тѣмъ самымъ презирали смертное тѣло. Оттого искреннѣйшіе изъ нихъ, т. н. «совершенные» съ такою охотой шли на казнь, что ихъ жизнь за рубежами смерти освѣщалась тѣмъ новымъ безконечнымъ сіяніемъ, передъ обаяніемъ котораго ничтожны были земныя страсти, страданія, наслажденія. Философія альбигойская была и богословіемъ. Она истекала изъ воззрѣнія на борьбу противоположныхъ началъ міра. Альбигойцы увѣровали бы въ Бога безусловно добраго, безусловно совершеннаго, но въ то же время, встрѣчая въ области творенія много несовмѣстнаго съ величіемъ Его, они въ силу односторонняго заключенія признавали бытіе другаго Существа, совершенно противоположнаго первому. Гнушаясь тѣломъ, имѣя вообще слишкомъ мрачный взглядъ на вселенную, щедрую на несчастія, требующую борьбы, они этому другому Существу, этому врагу Бога и приписали твореніе вселенной. Демонъ замѣнялъ имъ Бога. Этимъ объяснялось присутствіе на землѣ зла, мрака, элементовъ враждебныхъ человѣку. Довольные своимъ выводомъ, они спрашивали: можно ли говорить, чтобы всеблагій Богъ былъ творцемъ существъ вредныхъ, начиная съ змѣи, отравляющей своимъ жаломъ и кончая мошкою, причиняющей столько безпокойствъ, начиная съ наводненій, истребляющихъ тысячи, и кончая пожарами, безвозвратно уничтожающими послѣднее имущество бѣдняка ([187]). Если благодѣтельный Богъ создалъ человѣка, то за

у **Benoist** (Hist. des Albigeois; I, 283—296) и **Thilo** (Codex apocryphus Novi Testamenti, L. 1832; I, 488—896).—Для критики твореній Іоанновыхъ вообще: **Ebrard** (Das Evangelium Iohannis und die neueste Hypothese über seine Entstehung. Zür. 1845), **Hengstenberg** (Berl. 3 v. 1861—63) и **Ewald** (Die Iohannische Schriften. Gött. 1842),—хотя они по нашему вопросу не даютъ должныхъ разъясненій.

([187]) **Moneta**. Adv. Cath. 124 (l. II, c. 3, § 1).

чтоже онъ далъ ему немощное тѣло, которое погибаетъ, претерпѣвши безполезно при жизни столько истязаній всякаго рода? Споръ шелъ только о томъ, всегда ли существовалъ демонъ. Надо полагать, что прежде господствовало исключительно такое воззрѣніе. Съ теченіемъ же времени появился болѣе мягкій, примиряющій взглядъ, — чѣмъ секта пріобрѣла скорѣйшій успѣхъ. Демонъ зла, созданный Богомъ, уклонился изъ подъ его воли, возсталъ противъ него, сдѣлался злымъ геніемъ и положилъ начало всему дурному. Послѣдователи первой системы (Дреговичи на Балканахъ, Албанцы для италіянцевъ) назывались крайними дуалистами (dualisme absolu); послѣдователи второй, болѣе многочисленные—умѣренными дуалистами (dualisme mitigé). Послѣдніе придавали болѣе свѣтлыя краски мрачнымъ теоріямъ абсолютнаго дуализма, постоянно заимствуясь отъ него. Вторая система была порожденіемъ первой или скорѣе ея уклоненіемъ. Потому первая должна быть разсмотрѣна прежде.

Злой геній положительныхъ дуалистовъ, занесенный съ Востока, знакомый Болгаріи, назывался діяволомъ, Люциферомъ. Онъ былъ супругомъ двухъ женъ: Колланты и Колливанты, этихъ Оола и Оолива Эзекіиля, двухъ сестеръ развратницъ, «соблудившихъ во Египтѣ» (188). Произношеніе этихъ именъ альбигойцами показываетъ заимствованіе такого понятія непосредственно съ Востока. Люциферъ, творецъ первоначальной матеріи, всего тѣлеснаго и видимаго, доступнаго матеріальному оку; потому небо, солнце, звѣзды также принадлежатъ ему. Онъ производитъ бури, громы и всѣ различныя дѣйствія. Онъ даетъ животворную силу землѣ, производящей растенія, такъ какъ добрый Богъ не причастенъ ничему земному. Отъ женъ своихъ діяволъ народилъ сыновей и дочерей, — отъ нихъ родъ человѣческій. Космогонія альбигойцевъ не была чужда и поэтическихъ образовъ; миѳы проникаютъ ихъ философію. Злое начало, говорили они, солнце; луна его жена; встрѣчаясь каждый мѣсяцъ, они производятъ росу, которая падаетъ на землю; звѣзды—это низшіе демоны. Впрочемъ этотъ миѳъ принятъ былъ между италіянцами. Нѣкоторые французскіе альбигойцы вѣрили, что злой духъ произвелъ землю любовнымъ сожитіемъ—motu meretriciae conceptionis. Ему обязано бытіемъ своимъ все безнравственное, варварское, несправедливое въ обычаяхъ, постановленіяхъ, даже въ государственныхъ учрежденіяхъ, кровопролитіе хотя бы по судебному рѣшенію. Сотворивъ человѣка, онъ же породилъ первый грѣхъ. Злой рокъ гнететъ человѣка; порокъ прирождается ему уже его созданіемъ, его тѣломъ. Въ самой Библіи альбигойцы искали подтвержденія основаніямъ своей теоріи (189). Они ссылались на мѣсто изъ Іисуса, сына Сирахова (XLII, 25): «вся сугуба едино противу единаго», на Премудрость (XII, 10), Іеремію (XIII, 23), и особенно часто на Новый Завѣтъ. Іисусъ у Матѳея говоритъ: «всякъ садъ, его же не насади отецъ мой небесный, искоренится» (XV, 13), и тамъ же: «никто же можетъ двѣма господинома работати» (VI, 24). Подобнымъ же образомъ въ началѣ Благовѣствованія Іоанна отличаются творенія: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася (I, 13), или далѣе «царство мое не отъ міра сего» (XVIII, 36), подразумѣвая, какъ казалось еретикамъ, иное царство, особый міръ, созданіе инаго духа. Наконецъ, они примѣняли къ тому же всѣ столь частыя въ Новомъ Завѣтѣ указанія на борьбу плоти и духа. Подъ именемъ послѣдняго они понимали владыку всего невидимаго, Бога свѣта, источника душъ, безпредѣльная область котораго совершенно отдѣльна отъ царства мрака и матеріи. Съ высоты своей святости, Онъ, чистый по натурѣ, гнушается всего осязаемаго, плотскаго и порождаетъ только то, что доступно единому духовному, просвѣтленному оку, отрѣшившемуся отъ міра. Онъ не

(188) «Двѣ жены бѣша дщери матере единыя, и соблудиша во Египтѣ, въ юности своей соблудиша: тамо спадоша сосцы ихъ, и тамо растлиша дѣвство. Имена же има: Оола (Ὀολά) старѣйшая, Оолива же (Ὀολιβά) меншая сестра ея... и родиша сыны и дщери» (Прор. Іезекіиля; XXIII, 1—4).—У Петра Сернейскаго, который приводитъ эту легенду къ альбигойцамъ, ошибочно приписывается супружество съ ними доброму Богу: Item dicebant haeretici bonum Deum duas habuisse uxores, Collant et Colibant, et ex ipsis filios et filias procreasse (Migne; CCXIII, 546).

(189) Moneta; 7—23. (l. I, c. 1, § 1—2).

имѣетъ даже свободной воли ([190]) по нашимъ понятіямъ, какъ и существа имъ созданныя. Для него нѣтъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Въ невѣдомомъ царствіи его живутъ небожители. Въ ихъ мірѣ нѣтъ ничего похожаго на нашъ міръ,—тамъ нѣтъ ни мѣры, ни числа, ни времени. У нихъ тѣло сплетено изъ тончайшихъ нитей духа, изъ которыхъ состоитъ также ихъ душа, ихъ умъ. Созданы они въ единое мгновеніе, въ началѣ всѣхъ вещей и съ перваго же дня своего появленія они сподобились лицезрѣть Бога, творца своего, во всей его славѣ.. Это Іерусалимъ небесный, народъ Бога, овцы Израиля по писанію. Высшіе ангелы, подобіе божественнаго ума, блюдутъ за каждымъ изъ небожителей. Признавая такой особый міръ, альбигойцы всегда могли подразумѣвать его, говоря о своей вѣрѣ въ христіанскаго Бога; скрывая главную сторону своего дуализма, они вносили аллегорическое пониманіе въ сказанія Библіи. Богъ сотворилъ, говорили они, не небо, а небесныя души, не землю, а души земныхъ людей, еще не освященныхъ добродѣтелью, не море, а чистую воду спасенія и вѣры.

Тою же Библіей альбигойцы подтверждали выводы о верховномъ начальникѣ зла. Это Богъ Ветхаго Завѣта, и вообще Богъ Евреевъ во многомъ противорѣчитъ Богу новозавѣтному. А если послѣдній—добрый геній, то первый будетъ скорѣе злой. Противорѣчіе они старались открыть въ самой Библіи. Въ началѣ Бытія говорится: «земля же бѣ невидима и неустроена и тьма верху бездны» (I, 2), а первое посланіе Іоанна, — «яко Богъ свѣтъ есть и тьмы въ немъ нѣсть ни единыя» (I, 5). Богъ Моисеевъ по своимъ качествамъ во многомъ отличенъ отъ Бога новозавѣтнаго; онъ вѣроятно даже инаго существа. Ему приписываются человѣческія члены; онъ грозенъ, гнѣвенъ и мстителенъ. Богъ,—такъ кощунствовали альбигойцы,—который произвелъ потопъ, разрушилъ Содомъ и Гоморру, далъ законы возмездія и обрѣзанія, истреблялъ такъ безпощадно враговъ своихъ, не можетъ быть Богомъ добрымъ. Этотъ Богъ запретилъ Адаму

([190]) Они приводили въ подтвержденіе своего взгляда мѣста изъ посланій къ Римл. (VII 15; X, 16), перваго къ Кор. (III, 7) и къ Филипп. (II, 13).

ѣсть съ древа познанія. Быть не можетъ, чтобы онъ не зналъ, что послѣдуетъ за тѣмъ,—это значило бы, что онъ несовершененъ; если же онъ предвидѣлъ губительный исходъ, то, слѣдовательно, намѣренно, полный зла, ввелъ въ преступленіе перваго человѣка,—качество вовсе неподходящее къ понятію о творцѣ благодѣтельномъ. Послѣдній не сталъ бы внушать Моисею свирѣпыхъ законовъ, не сталъ бы возбуждать страсти, проповѣдывать ненависть. И Моисей,—по словамъ альбигойцевъ,—обманщикъ, кудесникъ, достойный осужденія за повиновеніе наставленіямъ злаго божества,—продолжали еретики, — обманщика же, убійцы, сжегшаго Содомъ и потопившаго египтянъ, чуждаго мiровой любви и предписывавшаго ненавидѣть враговъ ([191]). Онъ былъ замѣненъ инымъ божествомъ, проповѣдывавшимъ добро, кротость, миролюбіе и прощеніе, — божествомъ новозавѣтнымъ. Находя въ Моисеевыхъ и другихъ историческихъ книгахъ свидѣтельства о зломъ божествѣ, дуалисты всѣхъ толковъ отвергали ихъ, а крайніе принимали Пророковъ, Псалмы, Іова, Соломона и Іисуса Сирахова, какъ сказанія о невѣдомомъ мірѣ, предшествовавшемъ видимому, о мірѣ духовномъ. Вмѣсто исторіи грѣхопаденія по Библіи, крайніе альбигойцы предлагали свои вымышленныя, миѳическія объясненія. Злой Богъ, завидуя тому, что добрый царствуетъ надъ народомъ святымъ и блаженнымъ, мучимый ненавистью къ безконечному счастью, появился въ небѣ, обратился въ ангела и сіяя свѣтомъ и красотою, прельстилъ собою небесныхъ духовъ, не подозрѣвавшихъ его хитрости. Тысячьми соблазновъ онъ убѣждалъ ихъ послѣдовать за собою на землю, гдѣ обѣщалъ имъ наслажденія, болѣе обаятельныя, болѣе сладостныя, чѣмъ радости неба. Они послушались и оставили истиннаго Бога. Вскорѣ діяволъ, довольный первой побѣдой, явился вторично на небо, но уже съ цѣлой толпою демоновъ, вызывая своего великаго соперника на бой. Пораженный небесными легіонами и архангеломъ Михаиломъ, онъ былъ низвергнутъ съ неба и съ тѣхъ поръ

([191]) Auctorem Veteris Testamenti mendacem asserebant... homicidam quoque ipsum nominabant (Petr. Vall. Cern. c 2, p. 546).—О Моисеѣ изъ инквизиціонныхъ актовъ, см. Schmidt; II, 22.

поселился на землѣ, гдѣ управляетъ новымъ царствомъ по примѣру небеснаго, теперь расторженнаго. Но эфирныя тѣла увлеченныхъ душъ не достигли земли; ангелы-хранители также не послѣдовали за отверженными. Діяволъ тотчасъ же поспѣшилъ принять свои мѣры, дабы укрѣпить за собою пріобрѣтенное. Онъ далъ гнусную, тѣлесную оболочку погибшимъ душамъ. Матерія, порожденіе діявола, приковала ихъ къ землѣ,—и въ этомъ ихъ наказаніе за грѣхопаденіе. Однако безсмертныя души земныхъ людей еще связываютъ ихъ съ небомъ. Въ человѣкѣ такимъ образомъ двѣ природы, добрая, это его духъ, т. е. умъ и душа, и злая, его тѣло; одной онъ подвластенъ Богу, другой Луциферу. По сіе время въ людяхъ присутствуютъ частицы прежнихъ душъ, низринутыхъ съ неба; о нихъ, объ этомъ предсуществованіи душъ училъ и Оригенъ. Перваго человѣка, слѣдовательно, не существовало,—какъ нѣтъ постепеннаго созданія душъ. Добрый Богъ спокойно взираетъ на падшихъ, допустившихъ свою гибель. Онъ не воспрещаетъ имъ возвращенія въ прежнюю обитель; онъ готовъ разрѣшить ихъ отъ узъ, предательски наложенныхъ на нихъ его завистникомъ и соперникомъ. Но есть души, уже навсегда осужденныя, невидившія никогда небеснаго міра и неспособныя увидѣть его, созданныя прихотью діявола; это души тирановъ, измѣнниковъ, непримиримыхъ враговъ Бога и его истинной Церкви. Сатана самъ вложилъ въ ихъ тѣла существа подчиненныхъ ему демоновъ. Ношеніе тѣла, пребываніе на землѣ и есть тотъ адъ, которымъ стращаетъ Писаніе. Призваніе человѣка рано или поздно избавиться отъ него. Крайніе дуалисты думали, что всѣ люди вернутся со временемъ въ ту горьнюю обитель, въ которой нѣтъ печалей, нѣтъ этого тлетворнаго губительнаго тѣла. Они полагали, что всѣ безъ исключенія будутъ спасены, ибо отъ рукъ добраго божества не можетъ выйти ничего пагубнаго, ибо Сынъ человѣческій «не пріиде душъ человѣческихъ погубити» (Лука; IX, 56) ибо онъ посланъ «ко овцамъ погибшимъ дому Израилева» (Матѳ. X, 6; и XV, 24), посланъ освободить всѣхъ ихъ безъ исключенія ([192]). Никакое предо-

([192]) **Moneta**; 44—46 (l. I, c. 4, § 1).

предѣленіе, въ родѣ Августиновскаго, не можетъ имѣть мѣста. Обречь однихъ на мученіе, освободить другихъ, было бы ужасной ошибкой, въ которую Богъ совершенства вовлеченъ быть не можетъ; поступивъ такъ, — кощунствовали еретики,—онъ сталъ бы хуже самого діявола. Рѣдкій догматъ христіанскій они ненавидѣли такъ страстно. «И еслибы такой Богъ, кощунственно говорилъ одинъ изъ альбигойцевъ, который позволилъ себѣ изъ тысячи людей, имъ сотворенныхъ, спасать одного и осуждать остальныхъ, попался въ мою власть, то я сокрушилъ бы вѣроломнаго, разорвавъ его на части руками и зубами»... ([193]).

Потому ученіе катаровъ искренно признаетъ миссію Спасителя. Христосъ призванъ искупить души человѣческія и обратить ихъ къ Господу. Онъ посланъ Богомъ, значитъ подчиненъ ему. Но будучи, слѣдовательно, ниже его по существу, онъ состоитъ съ нимъ въ духовномъ сродствѣ. Можно заподозрить, что катары приняли гностическое объясненіе эманаціи Іисуса изъ Отца, какъ и дѣлаетъ извѣстный Неандеръ ([194]), но съ другой стороны Монета Кремонскій положительно утверждаетъ, что ихъ Христосъ есть твореніе добраго Бога и слѣдовательно самъ же Богъ ([195]), причемъ они будто перетолковывали въ свою пользу мѣсто изъ посланія апостола Павла къ Галатамъ (IV, 4). Ихъ Христосъ—это совершеннѣйшій изъ ангеловъ Божіихъ. Догматъ о воплощеніи они отвергали,—по ихъ мнѣнію—какъ «противный здравому смыслу и законамъ природы», но, точнѣе и справедливѣе было бы сказать, вслѣдствіе собственныхъ заблужденій относительно происхожденія человѣческаго тѣла и вообще о существованіи человѣческомъ. Могло ли Божество принять на себя гнусное тѣло, могло ли вѣчное облечься въ тлетворную матерію и не позорно ли Богу быть заключеннымъ во чревѣ жены? По другимъ извѣстіямъ, впрочемъ мало вѣроятнымъ, еретики несли страш-

([193]) «Ipsum dirumperet et dilaceraret unguibus et dentibus tanquam perfidum, et reputabat ipsum esse falsum et perfidum, et spueret in faciem ejus». Apud **Schmidt**; II, 30, nota.

([194]) **Neander**. Allg. Gesch. der chr. Religion; V, II; 766.

([195]) **Moneta**; 234—240. (l. III, c. 3); особенно p. 238. «Misit Deus filium suum (Gal. IV, 4). Sed alius est, qui mittit, et alius qui mittitur. Ergo alius est Pater a Filio» etc.

ную хулу на Христа: Марію Магдалину считали, напримѣръ, его любовницею ([196]).

Еще ниже Христа они помѣщали третье лицо Троицы,— Духа Святаго. Онъ отличенъ отъ Бога по существу, substantialiter diversus. Самъ Спаситель—по ихъ словамъ—отличаетъ его и отъ Отца и отъ себя, какъ видно изъ Евангелія Іоаннова (XIV, 16 — 17; XVI, 13). Духъ Святой—это тотъ Верховный Умъ (гностическій νοῦς), частицы котораго были заключены въ каждомъ созданіи небеснаго міра. Въ томъ царствіи онъ ближе всѣхъ къ Богу; онъ несказанной красоты; ангелы радуются, созерцая его; поставленные нѣкогда для охраненія душъ человѣческихъ, они хотя и потеряли свою паству, тѣмъ не менѣе сами не поддались ухищреніямъ діявола и оставили за собою право именоваться святыми, сохранивъ непосредственную связь съ верховнымъ источникомъ, Духомъ Святымъ. Они ждутъ, чтобы покинувшія ихъ души перестали скитаться во мракѣ, стали искать истины, т. е. вступили въ секту альбигойскую. Въ то самое мгновеніе небесный ангелъ-хранитель ихъ (παράκλητος) ниспускается на землю и осѣняетъ на все время борьбы жизненной.

Своеобразно толкуя христіанскую Троицу, катары считали должнымъ возносить молитвы ей. «Мы покланяемся Отцу и Сыну и Святому Духу», говорили они, понимая между тѣмъ иное подъ вторымъ и третьимъ лицомъ. Отрицая могущество и воплощеніе Спасителя въ смыслѣ христіанскомъ, но сознавая необходимость искупленія, они должны были дать свое объясненіе посланничеству Христа. По ихъ мнѣнію, Онъ имѣлъ небесное, эѳирное тѣло, когда вселился въ Марію; Онъ вышелъ изъ нея столь же чистымъ, столь же чуждымъ матеріи, какимъ былъ прежде. «Что есть мнѣ и тебѣ жено», т. е. что общаго между мной и тобой, говорилъ Онъ матери своей въ Канѣ Галилейской (Іоан. II, 4). Христосъ не имѣетъ надобности ни въ чемъ земномъ и если онъ видимо ѣлъ и пилъ, то дѣлалъ это для людей, чтобы не заподозрить себя предъ сатаной, который искалъ случая погубить Избавителя. Чудеса, которыя тво-

([196]) **Petrus Cern.** Hist. Alb. c. 2. Dicebant etiam in secreto suo, quod Christus ille qui etc.. malus fuit; et quod Maria Magdalena fuit ejus concubina, et ipsa fuit mulier in adulterio deprehensa, de qua legitur in Evangelio (Ioan. VIII).

рилъ Онъ, надо понимать духовно. Онъ не излечалъ болѣзни тѣла, потому что долженъ былъ радостно взирать на нихъ, какъ на средства къ скорѣйшему разрушенію послѣдняго, къ освобожденію души; слѣпые, которымъ Онъ давалъ прозрѣніе, были ослѣплены грѣхами; гробница, изъ которой Онъ вывелъ Лазаря, была гробница духовная, т. е. мракъ, который опутываетъ грѣшную душу; хлѣбы, число которыхъ столь таинственно возросло, были хлѣбы духовные, т. е. слова жизни; бури, которыя укрощалъ Онъ,—это страсти, возбуждаемыя злымъ демономъ ([197]). А когда евреи, племя сатанинское, стали мучить его и распинать, то небесное тѣло его, конечно, пострадать ничѣмъ не могло, ибо духъ немедленно отдѣлился отъ него, а на третій день, низошедъ вторично, воскресилъ Іисуса. Тѣла теперь не существовало; если ученики осязали его, то по особому помраченію, которое Господу угодно было низвести на нихъ. Воскресенія съ плотью и костьми никогда существовать не могло,—это бы было униженіе, посрамленіе Божества. Надо замѣтить, что между нѣкоторыми французскими катарами, вѣроятно отъ общенія съ іудеями, разсѣянными на Югѣ, существовали въ началѣ XII вѣка совсѣмъ иныя понятія относительно Христа. Его считали твореніемъ демона; онъ нарочно пришелъ въ міръ, чтобы обмануть людей и тѣмъ помѣшать дѣлу спасенія, — что дѣйствительно настоящій Христосъ существовалъ, но на землѣ не появлялся, такъ какъ не пилъ, не ѣлъ, не имѣлъ плоти, а жилъ, страдалъ и умиралъ въ особой землѣ, невидимомъ мірѣ, въ небесномъ Іерусалимѣ ([198]). Впрочемъ теорія эта принадлежала къ области мечтаній, почти чуждыхъ землѣ; послѣдователи ея должны были необходимо считать такого таинственнаго Христа не человѣкомъ, а предметомъ воображенія (Christum phantasma fuisse, non hominem). Масса же катаровъ вѣрила, что дѣйствительно Христосъ, видимо только потерпѣвшій страданія отъ демона зла, неуязвимый своимъ эѳирнымъ тѣломъ, призванъ былъ спасти живымъ примѣромъ весь родъ человѣческій, призванъ былъ научить ихъ отрѣ-

([197]) **Moneta**; 5, 96, 221 etc.

([198]) «Haeretici fingebant esse aliam terram novam et invisibilem, et in alia terra secundum quosdam, bonus Christus fuit natus et crucifixus». **Petr. Cern.** l. cit.

шаться отъ тѣла, дабы они могли вернуться къ истинному Богу и образовать истинную Церковь, т. е. альбигойскую секту, которая только и живетъ по законамъ евангельскимъ, духовно понятымъ ею.

Инаго пониманія въ Евангеліи—кромѣ толкованій альбигойскихъ—не можетъ быть допущено, говорили еретики. Все, что только имѣло связь съ матеріею, лишалось права на божественное освященіе. Потому, Іоаннъ Креститель, крестившій водою, а не духомъ, былъ слугою и посломъ сатаны, какъ говорили инквизиторамъ еретики, «unus de majoribus diabolis, qui unquam fuissent» ([199]), или по апокрифическому евангелію, на которое часто любили ссылаться еретики, лживый пророкъ Helia. Дѣва Марія, такъ тѣсно связанная съ понятіемъ о Божествѣ, была однимъ изъ ангеловъ, однимъ изъ духовъ небесныхъ. У нея не было земныхъ родителей и ни въ одной канонической книгѣ не сохранилось ихъ именъ ([200]). Видимо она женщина, но въ сущности у ней нѣтъ тѣла, какъ нѣтъ никакихъ потребностей человѣческихъ. Была послана Богомъ на землю для предшествія Іисусу. Христосъ прошелъ черезъ ея ухо и вышелъ тою же дорогою: «ego autem descendens intravi per auditum, et exivi per auditum», говоритъ Спаситель въ апокрифическомъ евангеліи Іоанна. Впрочемъ это предположеніе выдумано не катарами; оно встрѣчается въ старыхъ служебникахъ латинскихъ, а также въ греческихъ и латинскихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ древнихъ Отцевъ, гдѣ имѣло смыслъ метафорическій ([201]). Катары заимствовали иное отъ гностиковъ, для которыхъ Слово Божіе не могло миновать уха Его ангела. Тогда какъ большинство признавало въ Маріи только видимость, призрачность женщины,—въ Болгаріи и Италіи вѣрили въ ея дѣйствительное существованіе, указывали ея родителей или же признавали ее рожденною «de sola muliere sine virili semine», т. е. согласно съ католическимъ догматомъ безпорочнаго зачатія, или же, наконецъ, какъ кое-гдѣ во Франціи, не считали ее ни за ангела, ни за женщину, а просто за метафору альбигойской Церкви, которая родила всѣхъ вѣрныхъ сыновъ ея, какъ для христіанъ она родила Іисуса ([202]).

([199]) Doat. Actes de l'inquisition; copies faites en 1669 dans les archives d'Alby, de Carcasonne, de Toulouse, de Narbonne. etc. apud Schmidt (II, 40). Одинаково у Petr. Cern. c. 2.

([200]) Evang. apocr. Ioannis apud Benoist; I, 290.

([201]) Примѣры указаны у Thilo (Cod. apocr. Novi Test. I, 838—840, n. 17) и Schmidt (Cathares; II, 41, n. 3).—Greg. Thaumat. (Sermo III in annunc. B. Virg. εἴσοδον δἰ ἀκοῆς ὑπισχνεῖται) Proclus Byz. (or. III de inc. Dom.). Suicerus. Thes. eccl. II, 305. Assemani. Bibl. or. I, 91.—Augustinus (s. de temp. XXII). Въ одной старой обѣднѣ ліонской пѣлось: descendit de coelis, missus ab arce Patris, introivit per aurem Virginis in regionem nostram indutus stolà purpureà etc.

Поставивъ въ виду необходимость спасенія всего рода человѣческаго и указавъ съ тѣмъ вмѣстѣ исходный ключъ исключительно въ Церкви альбигойской, крайній дуализмъ впалъ въ невольное противорѣчіе. Если всѣ люди должны быть спасены, то чѣмъ заслужена судьба тѣхъ, которые имѣли несчастіе жить раньше появленія секты и какова участь тѣхъ, которые не принимаютъ альбигойскихъ вѣрованій? Здѣсь доктрина дуалистовъ изъ далекаго Востока приноситъ ученіе о метемпсихозѣ и переселеніемъ душъ разрѣшаетъ возникшее противорѣчіе системы. Небесная душа, не успѣвшая покаяться за исчезновеніемъ тѣла, въ которое она заключалась, переходитъ въ другія тѣла до тѣхъ поръ, пока въ какой либо изъ моментовъ не принесетъ покаянія, не сопричтется къ Церкви сектантовъ и тѣмъ не освободится отъ гнета матеріи. Такимъ образомъ настоящій міръ состоитъ изъ тѣхъ же небесныхъ душъ, какія угодно было создать доброму Богу. Ни одна душа со дня творенія не погибла; она или мучится и пребываетъ на землѣ, или уже вернулась въ царство неба, если увѣровала въ альбигойское ученіе. Этою примирительною гармоніею—доктрина воздавала награду своимъ послѣдователямъ и ею объясняется тайна быстрыхъ успѣховъ ереси. У Магомета замѣняли ее райскія наслажденія, утѣхи чувства, а здѣсь, напротивъ, одна вѣра въ покаяніе, одна увѣренность въ достиженіе земной чистоты и въ побѣду надъ чувствомъ. Съ этою мыслью катары подходили къ Евангелію, которое всегда для нихъ было подспорьемъ системы, и находили указанія на

([202]) Schmidt; II, 42, n. 3.

нее въ воскресеніи мертвыхъ въ минуту смерти Спасителя (Матѳ. XXVII, 52—53). Система не сходилась въ опредѣленіи количества тѣлъ, доступныхъ странствію одной души, но надо полагать, что это количество было безгранично ([203]). Оно не ограничивалось тѣлами человѣческими. Тѣ, которые упорно отказывались отъ покаянія, въ наказаніе помѣщаемы были въ животныхъ; для сего предназначались птицы и четвероногія. Это было чистилище католиковъ. Предполагалось, что душа въ этой оболочкѣ не теряетъ гордаго сознанія о своемъ происхожденіи и о своей связи съ божествомъ. Такъ нарочно наказанная, она терзается мученіями своего паденія и доводитъ себя до покаянія. Въ каждомъ животномъ, кромѣ гадовъ, можетъ быть заключена одна изъ душъ,—потому еретики не убиваютъ никакихъ животныхъ, кромѣ гадовъ, потому и пищею ихъ необходимо становились произведенія растительныя. Горько было человѣку думать, что онъ снизошелъ до такого ужаснаго наказанія, но еще горше было благодѣтельному Богу связывать свое твореніе съ низкою матеріею. Одно желаніе спасти человѣчество отъ враговъ его, отъ демона, — руководило имъ при этомъ: погибшее отъ плоти, да будетъ наказано плотью. Наказанное, оно очищалось и восходило до своего первообразнаго состоянія.

При такомъ взглядѣ на твореніе, на судьбу душъ, не предстояло надобности — разсуждали еретики — ни въ загробной жизни по христіанскимъ понятіямъ, ни въ общемъ торжественномъ воскресеніи, ни въ страшномъ судѣ. Катары не могли понять, за чѣмъ плоть, твореніе демона, потребуется къ созерцанію Божію. Они отрицали догматъ самымъ авторитетомъ Писанія. «Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ. Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное», говорилъ апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ

([203]) По **Petr. Cern.** 7 тѣлъ (с. 2); **Alanus Magister** (Oraculum scripturae sacrae) знаетъ 10 и 16; по **Actes de l'inquis.**—32, изъ которыхъ послѣднее возвышаетъ душу до чистоты апостола Павла, поставленнаго весьма высоко еретиками въ ряду ангеловъ и силъ небесныхъ.

(XV, 42 — 44). А философія ихъ шла съ нимъ тѣмъ въ большій разладъ. Если бы даже тѣло не было созданіемъ діявола, то уже само по себѣ оно есть только орудіе души, оболочка ея; оно подчиняется душѣ и не дѣйствуетъ самостоятельно; безъ нея оно ничто; взятое отдѣльно, оно безсильно. Ни кому не придетъ въ голову обвинять инструменты и ремесленника за дурную работу, также нелѣпо привлекать плоть къ суду за дѣйствіе духа. Наконецъ, что судить: пепелъ костровъ, разорванные куски мяса на поляхъ битвъ, пыль, землю, успѣвшую произвести новыя творенія. Но есть дѣйствительно воскресеніе тѣлъ, это обновленіе ихъ въ ту эѳирную оболочку, которую нѣкогда покинули они, это возвращеніе ихъ въ небесный міръ, въ небесныя тѣла. Сто сорокъ четыре тысячи ангеловъ, низошедшихъ вмѣстѣ со Христомъ на землю, поджидали въ особомъ небѣ возврата погибшихъ душъ, дабы пріять тамъ, гдѣ кончаются страданія и всякія страсти, гдѣ не знаютъ матеріи, гдѣ совершается возвращеніе къ блаженной первобытной жизни ([204]). По словамъ Эбрара, еретики не допускали, чтобы тамъ существовало раздѣленіе половъ и чтобы женщины возвращались туда въ видѣ женщинъ же, причемъ основывались на словахъ Спасителя: «пріидите благословенные»,—относящихся только къ мужчинамъ (Матѳ. XXV, 34), а болѣе на томъ, что все плотское создано демономъ, а не истиннымъ Богомъ ([205]). Такъ какъ исходная цѣль для всякой души—переселиться на небо уже въ силу одного существа ея, то понятно, что никакія молитвы земной Церкви не могутъ оказать вспомогательнаго дѣйствія. Души, сотворенныя демономъ, не могутъ быть выручены ею, а для прочихъ она безполезна, ибо и безъ нея они будутъ сопричастниками небесной жизни. Добрыя дѣла живыхъ, заслуги святыхъ—также безсильны въ виду неизмѣннаго и неумолимаго закона. По самому Новому Завѣту—противно справедливости, заслугами другихъ, выкупать грѣхи однихъ, ибо тамъ прямо сказано (Посл. къ Рим. II, 6; I къ Кор. III,

([204]) **Actes de l'inquis.** apud **Schmidt**; II, 50, п. 1.
([205]) **Ebrardus.** Contra Waldenses, с. 18 (**Gretser**; XII, II, 164—165).

8; II къ Кор. V, 10; Гал. VI, 5), что каждый долженъ быть судимъ по дѣламъ своимъ. Такъ раціонализмъ послѣдовательно вытекаетъ изъ основнаго умозрѣнія сектантовъ.

Оно было слишкомъ сурово, чтобы пріобрѣсть себѣ массу общественную или покорить толпу. Требовалось смягчить, сдѣлать его популярнѣе, доступнѣе. Іоаннъ де Луджіо, родомъ италіянецъ, принялъ отчасти это на себя. Его толкованіе возникло одновременно съ появленіемъ цѣлой теоріи смягченнаго дуализма. Онъ училъ о постоянной взаимной борьбѣ двухъ началъ добраго и злаго. Создать не значитъ сдѣлать что либо изъ ничего, не значитъ воззвать бытіе изъ небытія; сотвореніе людей, это было одареніе внѣшностью, формами—матеріи, уже существовавшей. Ни Богъ, ни демонъ не были раньше ея; они также неразлучны съ нею, какъ понятіе о солнцѣ неразрывно соединено съ понятіемъ о лучахъ свѣта изъ него истекающихъ. Не было минуты, когда бы можно представить демона безъ матеріи или Бога безъ міра. Какъ вѣчны оба верховныхъ духа, такъ вѣчны міръ земной и небесный. Лишенныя свободы воли, небесныя души подчинились проискамъ діявола и тѣмъ началась ихъ грустная судьба, аллегорически разсказанная въ исторіи еврейскаго народа. Такимъ образомъ ученіе Луджіо отличается отъ основныхъ стремленій дуализма уже примирительнымъ отношеніемъ къ Ветхому Завѣту. Вѣчность матеріи между тѣмъ вносила въ него понятіе о неустанной борьбѣ верховныхъ духовъ, въ которой добрый Богъ играетъ часто страдательную роль и гдѣ, лишенный своихъ совершенныхъ аттрибутовъ, онъ не представляется уже въ такой степени абсолютнымъ, возвышеннымъ, безконечнымъ. У богомиловъ, какъ знаемъ, было даже прямое предпочтеніе діявола Богу; послѣдній, т. е. Сатанаилъ считался младшимъ сыномъ Господа, того верховнаго Существа, признаніе котораго есть необходимая черта смягченнаго дуализма. Діяволъ не имѣетъ здѣсь творческой силы надъ матеріей; онъ комбинируетъ ея элементы, уже изначала заготовленные. Онъ самъ ничто иное, какъ падшій за гордыню духъ неба. «Видѣніе Исаіи» рисуетъ картину его обиталища. Къ престолу Божію воздымаются семь небесъ, одно выше другаго, одно чище другаго; на послѣднемъ изъ нихъ возсѣдаетъ Господь. Подъ небомъ же четыре стихіи: облака, воды, земля и огонь. Каждую изъ нихъ блюдетъ особый

ангелъ, а Луциферъ, красивѣйшій и чистѣйшій между ними, до паденія своего, господствовалъ надъ всѣмъ небеснымъ воинствомъ. Постоянно имѣвъ случай созерцать Бога, онъ, обуреваемый гордыней, восхотѣлъ сравниться съ пресвѣтлымъ. Онъ сталъ совращать четырехъ ангеловъ, властвовавшихъ надъ стихіями; къ нимъ присоединились другіе и треть небесныхъ душъ отложилась. Господь наказалъ ихъ изгнаніемъ съ неба, а на землѣ они были лишены чистаго свѣта, который замѣнило теперь сіяніе огненное. Мучимый угрызеніемъ совѣсти, демонъ воззвалъ ко Господу: «прости меня, я покоряюсь тебѣ». На семь лѣтъ, т. е. на семь вѣковъ обрекъ его Господь пребывать внѣ неба вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ (ut faceret quodcumque vellet usque ad septem dies). Тутъ ангелы его устроили землю. Онъ снялъ корону съ одного изъ нихъ; изъ одной половины вышло солнце, изъ другой луна, а изъ драгоцѣнныхъ камней ея блестящія звѣзды (omnes militias stellarum). Животныя, растенія, камни сдѣланы изъ влаги земной. Но, не надо думать, чтобы демонъ могъ создать весь этотъ міръ; онъ только преобразовалъ его. Слѣдуетъ отличать въ этомъ случаѣ понятіе творить и дѣлать. Творцемъ былъ Богъ, демонъ же былъ деміургомъ его. Къ области, подчиненной послѣднему, большинство причисляло весь другой міръ и евреевъ бродившихъ во тьмѣ. Пророки были обманщики и слуги демона, но Господь могъ давать силу предреченія.

Но если демону легко было устроить землю, міръ видимый, то множество затрудненій представляли первые люди. Онъ быстро сдѣлалъ ихъ тѣло изъ грязи морской, но душа не поддавалась его умѣнью. Послѣ напрасныхъ покушеній онъ предсталъ предъ Господа и молилъ его низвести душу на новое твореніе, для чего испрашивалъ двухъ ангеловъ. Ангелы втораго и третьяго неба прельстились честолюбивою мечтою раздѣлить съ діяволомъ его могущество. Они молили Господа отпустить ихъ, обѣщая скоро вернуться въ небесныя сферы. Господь разрѣшилъ, но напомнилъ, что обратный путь труденъ, что необходимо бодрствованіе, дабы не потерять дороги къ небу, и что если они заснутъ на безконечномъ пути,—то только черезъ 7000 лѣтъ могутъ надѣяться на возвращеніе. Выслушавъ это, они отправились въ странствіе. По волѣ діявола, наступаетъ на нихъ глубокій сонъ, во время котораго, они, обезсиленные, всели-

лись въ человѣка. Ангеломъ третьяго неба былъ Адамъ, а втораго Ева. Уже много прошло времени, когда они пришли въ силу, проснулись, и, увидавъ гнусныя тѣла на себѣ, залились горькими слезами. Они познали, что безсмертные слиты съ смертною плотью. Тогда, чтобы утѣшить ихъ, діяволъ устроилъ рай, но поклялся никогда не разставаться съ соблазненными. Онъ посадилъ яблоню (arundinem) въ срединѣ его и запретилъ касаться до нея, зная чѣмъ погубить человѣка, заключаетъ апокрифическое евангеліе Іоанново ([206]).

Таковы были первые дни человѣка, по ученію умѣренныхъ дуалистовъ. Нѣкоторые присоединяли къ тому легенды о составѣ существа человѣческаго. Діяволъ слѣпилъ тѣло изъ глины, но когда пришелъ къ Господу просить души для него, то Богъ замѣтилъ ему: «если ты сдѣлаешь человѣка изъ глины, то онъ будетъ крѣпче тебя и меня; возьми лучше морской грязи для того.» Діаволъ въ точности послѣдовалъ совѣту.—«Теперь человѣкъ не будетъ крѣпокъ, ни слабъ», сказалъ Господь, подавая ему душу. Безъ нея напрасно діяволъ напрягался заставить говорить человѣка. Когда Богъ самъ вдунулъ въ него душу, то человѣкъ тотчасъ же всталъ на ноги и воскликнулъ: «теперь, діяволъ, я уже не твой» ([207])! Цѣль всѣхъ этихъ миѳовъ одна,—показать, что душа человѣческая принадлежитъ Богу и его ангеламъ. И діяволъ не могъ примириться съ тѣмъ; онъ задумалъ, во что бы то ни стало, осквернить ее. Обратившись въ змѣя, онъ прельстилъ Еву на грѣхъ вкусить запрещеннаго плода, т. е. безъ аллегорическа о смысла, вступить въ плотскую связь. Сперва онъ самъ насладился женою и съ тѣхъ поръ сыны діявола и сыны змѣины почали подражать преступленію отца своего діявола до погубленія этого вѣка», говоритъ апокрифъ» ([208]). Плотское наслажденіе, такимъ образомъ, источникъ перваго и всякаго грѣха; совершенное по свободной волѣ,—въ противность ученію крайнихъ дуалистовъ,—оно было вмѣстѣ и актомъ возстанія души про-

([206]) Evang. apocr.—Benoist; I, 286—288.

([207]) Doat. Actes de l'inquis. apud Schmidt; II, 68.

([208]) Benoist; I, 288.

тивъ Бога и попыткой возвеличить Церковь тьмы, власть демона. Отъ ужасной связи демона съ Евою родился ужасный плодъ,—Каинъ, а отъ него собаки; ихъ привязанность къ человѣку показываетъ сокрытое сродство ихъ съ нимъ. Указаніе на происхожденіе діявола еретики находили въ Библіи (Бытіе IV, 4; VI, 6). Такимъ образомъ естественное отличіе умѣреннаго дуализма отъ абсолютнаго состояло въ принятіи двухъ первоначальныхъ душъ, отъ которыхъ раждаются всѣ послѣдующія, подобно тому какъ изъ одного тѣла производится другое, «ибо, сказано въ Писаніи, рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ.» Вмѣсто метемпсихозы здѣсь является теорія традуціанизма. Но часть даже умѣренныхъ дуалистовъ слѣдовала теоріи крайнихъ, носившихъ столько признаковъ своего восточнаго происхожденія. Другое важное отличіе умѣренныхъ отъ крайнихъ,—въ догматѣ о спасеніи. Здѣсь Христосъ показываетъ только кратчайшій путь спасенія. Такъ какъ преступленіе совершено по свободной волѣ, то спасеніе не составляетъ общей необходимости; оно пріобрѣтается заслугой, хотя принятіе альбигойства и есть непремѣнное условіе спасенія, къ осуществленію котораго служило посланничество Христа. Тѣло Іисуса, какъ и его Матери, не изъ плоти Адама. Оно можетъ терзаться, страдать, творить чудеса, воскреснуть, но напрасно было бы ему возноситься на небо; оно не должно разставаться съ землею. Въ такъ называемомъ Вознесеніи Іисусъ сложилъ свою бренную одежду въ высшихъ частицахъ эѳира и возьметъ ее развѣ ко дню страшнаго суда. По другимъ, Христосъ носилъ только призрачное тѣло; — иначе апостолъ Павелъ не сказалъ бы про него: «себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ» или «Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти» ([209]). Дѣва Марія представлялась имъ настоящей женщиной и только не многіе считали ее ангеломъ, низлетѣвшимъ съ неба вмѣстѣ съ Іисусомъ. Іоаннъ Креститель, въ противность

([209]) Посл. къ Филип. II, 7; къ Римл. VIII, 3.—Moneta; 247—248 (l. III, c. 3, § 4—7).

крайнимъ, здѣсь является посланникомъ Бога, а не діявола; онъ родился отъ Елизаветы, наитіемъ Святаго Духа; онъ вообще принадлежитъ къ числу ангеловъ неба.

По понятіямъ катаровъ, тотъ судъ, о которомъ бесѣдовалъ Спаситель съ учениками своими на горѣ Масличной, свершится, но при этомъ не будетъ раздѣленія по преступленіямъ и по качествамъ его; измѣнникъ Іуда встанетъ рядомъ съ отрокомъ; наказаніе также будетъ сообразно съ преступленіемъ. Тогда все войдетъ въ свою гармонію и первоначальный порядокъ рушится. Троица исчезнетъ и вернется къ единому божеству. Зло будетъ побѣждено; виновникъ его навсегда verженъ въ пропасть; единъ Богъ вездѣсущій останется на землѣ. Это конецъ борьбы, торжество добра надъ зломъ, общее примиреніе (210). Такая утѣшительная мысль, благотворно дѣйствующая на духъ человѣческій, должна была дать огромное число послѣдователей дуализму умѣренному. Только стройная организація Церкви, общій нравственный принципъ, одушевлявшій культъ того и другаго толка, подавляющая сила воображенія въ крайнемъ и гармонія въ умѣренномъ уравновѣшивали силу обоихъ и въ виду тождества основнаго взгляда заставляли забывать различія. — Обратимся къ нравственной и практической сторонѣ альбигойства.

Катары въ глазахъ самаго строгаго нравственнаго суда удовлетворяли тому названію, которое они возложили на себя. Только аскетическое подвижничество въ католической Церкви могло представлять явленіе аналогичное съ тѣми, которыя составляли характеристику обыкновенныхъ послѣдователей альбигойства. Высшее духовное совершенство выставлялось цѣлью земнаго существованія катара; тяжелый путь велъ къ достиженію ея. Смертный грѣхъ представлялся вездѣ суровому ригористу альбигойскому. Эта секта смотрѣла на намѣреніе, какъ на преступленіе. Кодексъ ея воспрещалъ подъ страхомъ исключенія, вмѣстѣ съ убійствомъ,

(210) Moneta; 382(l. IV, c. 11).

нанесеніемъ кровавыхъ ранъ, даже всякое обладаніе земными благами (211),—этой ржавчиной души (rubigo animae); этотъ кодексъ предписывалъ умудреніе души возвышеннымъ созерцаніемъ. Отсюда законъ о совершенномъ нищенствѣ, и сектанты часто называли себя нищими во Христѣ (nos pauperes Christi). Сношеніе съ людьми, не принадлежащими сектѣ, привязанными къ міру, могло быть только въ видахъ обращенія таковыхъ къ альбигойскому ученію. Отступничество отъ убѣжденій въ принципѣ преслѣдовалось, но тѣмъ не менѣе словесныя отпирательства и уклончивость по примѣру богомиловъ,—практическое искуство хранить свою вѣру и избѣгать преслѣдованій,—встрѣчалось нерѣдко и между французскими катарами, хотя съ другой стороны часто были примѣры геройской честности и твердости. Божба и клятва не существовала въ альбигойскихъ общинахъ. Тутъ еретики возвышались до идеальнаго величія героевъ древности. Клятва не дозволялась даже при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать непосредственныя выгоды ереси. Передъ трибуналомъ инквизиціи, одинъ альбигоецъ объявилъ, что если бы клятва его въ святости исповѣдуемаго имъ ученія могла весь міръ обратить къ нему и изъ религіи гонимой сдѣлать религію царствующаго, то и тогда онъ не рѣшался дать такую клятву. Запрещая убійство, альбигойцы запрещали всякое кровопролитіе, вообще войну. Въ крайнемъ случаѣ, даже убиваемые за ученіе «совершенные» альбигойцы должны терпѣливо сносить раны и смерть и не поднимать руки въ свою защиту. Хотя бы за самое святое дѣло проливалась кровь, — она не угодна Богу» (212). Потому только непосвященные, простые вѣрующіе очищались при тѣхъ страшныхъ сценахъ, которыя скоро обагрили кровью поля Лангедока. Избѣгая убійства вообще, альбигойскій кодексъ запрещалъ убивать всѣхъ животныхъ, кромѣ

(211) «Mundi sunt non quaerentes, non domum, nec agros, nec aliquod peculium possidentes, sicut Christus non possedit, nec discipulis suis possidenda concessit». Evervini epistola ad S. Bernardum (Mabillon. Vetera analecta; III, 454).

(212) Они старались встрѣтить подтвержденіе въ мѣстахъ Новаго Завѣта: Матѳ. V, 21—22, 38—39; XXVI, 52. Къ Галат. V, 20—21. I Посл. Іоанна; III, 15.

гадовъ, бывшихъ вмѣстилищемъ демоновъ и не приносившихъ ничего кромѣ вреда. Принятіе мясной пищи, какъ дѣло плотоугодія, считалось за тотъ же смертный грѣхъ, тѣмъ болѣе что мясо и также сыръ, молоко, служили орудіемъ и порожденіемъ діавольской силы. Наконецъ, съѣдая мясо, катаръ могъ помѣшать покаянію какой-либо души, облеченной въ этотъ моментъ въ плоть животнаго. Они ссылались на апостола Павла, который писалъ: лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отчего братъ твой соблазняется (Р. XIV, 21). Совершенные катары скорѣе умирали отъ голода, нежели позволяли себѣ вкусить мяса. Рыба не запрещалась отчасти потому, что въ средніе вѣка полагали, что зарожденіе рыбы чуждо плотскаго акта, а также слѣдуя указанію Христа, вкусившаго рыбы и хлѣба, и тою же пищію насыщавшаго другихъ. Дозволялось питаться хлѣбомъ, плодами, оливками, овощами, вообще произведеніями растительнаго царства, хотя нѣкоторые полагали, что и это всё порожденіе діявола. Прекратить жизнь голодомъ нельзя было уже потому, что тѣмъ могъ остановиться процессъ покаянія. Съ той же точки горькой необходимости катары смотрѣли на бракъ. Самъ по себѣ онъ вреденъ, онъ узаконяетъ сладострастныя наслажденія, потворствуетъ губительнымъ сладостямъ плоти; но, говорили крайніе дуалисты, если воспретить развитіе тѣлесной матеріи формъ человѣческихъ, то куда, послѣ смерти бреннаго тѣла, помѣститься душѣ, жаждущей покаянія. За то съ тѣхъ поръ, когда это понятіе совершится, когда весь міръ приметъ чистую вѣру, то бракъ теряетъ свой смыслъ; организація новыхъ тѣлъ изъ прежнихъ прекращается. Между тѣмъ большинство умѣренныхъ, исходя изъ мысли постепеннаго продолженія грѣховныхъ душъ изъ первой пары, не находило повода къ оправданію брака, къ этому расположенію зла, и проповѣдовало его запрещенія. Въ Новомъ Завѣтѣ они встрѣчали свидѣтельства и за и противъ. Всегда злоупотребляя Евангеліемъ, они все неблагопріятное своей системѣ перетолковывали въ смыслѣ аллегорическомъ, говоря, что бракъ евангельскій означаетъ соединеніе души съ небеснымъ тѣломъ или съ Духомъ Святымъ, а положительное запрещеніе его высказано у Павла: «добро человѣку женѣ не прикасатися (Кор. VII, 1). Не плотскія дѣти суть дѣти Божіи, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя» (Рим. IX, 8). Наконецъ, говорили они, самъ Христосъ сказалъ: «чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ. А сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ, ни женятся, ни замужъ не выходятъ. И умереть уже не могутъ; ибо они равны Ангеламъ, и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія» ([213]).

Если цѣль жизни всякаго человѣка покаяніе, неразлучное съ исходнымъ пребываніемъ въ Церкви альбигойской, то принятіе въ нее, какъ важнѣйшій актъ жизни, должно было ознаменовываться особымъ обрядомъ. Крещеніе водою катары отвергали, какъ матеріальное, а въ замѣнъ того принимали «крещеніе духомъ», называемое «consolamentum», т. е. утѣшеніе души на время земнаго пребыванія посредствомъ духовнаго обѣтованія. Весь обрядъ состоялъ въ возложеніи рукъ съ произнесеніемъ извѣстныхъ символическихъ словъ. Получившій consolamentum, и слѣдовательно отрѣшившійся отъ власти демона, отъ угожденій плотскихъ, назывался другомъ Божіимъ, добрымъ человѣкомъ (lo bos homes), добрымъ христіаниномъ, но чаще «совершеннымъ» (perfectus). Метафорическими наименованіями ихъ, принесенными съ славянской и греческой почвы, — были: отцы по Господѣ (*θεότοκοι*) и «утѣшенные» или параклеты. Эту центральную силу ереси католики ненавидѣли особенно и называли «совершенныхъ» еретиками по преимуществу; ихъ даже малосвѣдущіе писатели строго отличали отъ вальдензовъ. Остальную же массу катаровъ называли обыкновенно вѣрующими или вѣрными. Совершенные считали себя непосредственными преемниками апостоловъ; свое призваніе они ограничивали распространеніемъ и проповѣданіемъ истинной вѣры. Они отрѣшались отъ міра и общества; ихъ имущества принадлежали всей церкви и шли на ея цѣли такъ же,

---

([213]) Еванг. отъ Луки, XX, 34—36. **Moneta**; 315—317.— Въ своемъ апокрифѣ отъ Іоанна, они читали: Discipuli Ioannis nubunt, et ducuntur ad nuptias; mei autem discipuli nec nubunt, nec nubentur, sed sunt sicut Angeli Dei in coelo. Ego autem dixi: Si enim est peccatum cum muliere, non expedit homini nubere: Dixit autem Dominus ad me: non omnes capiunt verbum hoc, nisi hi, quibus datum est (**Thilo**; I, 894. **Benoist**; I, 292).

какъ и вклады, которые они получали отъ вѣрующихъ и отъ новообращаемыхъ, удостоенныхъ «утѣшенія» во время болѣзней, или хотя бы въ минуту смерти. Ихъ жизнь была рядомъ аскетическихъ подвиговъ. Они отрекались отъ семейныхъ и родственныхъ узъ. Они давали обѣты цѣломудрія и нищеты. Четыре раза въ годъ они соблюдали великіе 40-ка дневные посты; три раза въ недѣлю они не ѣли ничего, кромѣ хлѣба и воды. За каждымъ изъ нихъ слѣдилъ неотступный глазъ другаго. Подобно позднѣйшимъ іезуитамъ, «совершенные» не оставались на единѣ ни во время отдыха, ни во время занятій, ни въ путешествіи, ни въ молитвѣ. Имъ сопутствовали часто и «непосвященные». «Какъ овцы среди волковъ,—говорили они про себя,—блуждаемъ мы отъ города до города; жизнь наша трудная и скитальческая, но святая и подвижническая. Мы терпимъ преслѣдованія и поношенія, подобно апостоламъ и мученикамъ; проводимъ время въ подвигахъ уничиженія, въ молитвахъ, въ трудахъ, которые ничто остановить не можетъ,—но все это не трудно намъ, ибо мы не принадлежимъ сему міру» (214). Черная одежда, кожаная сумка черезъ плечо съ романскимъ переводомъ Новаго Завѣта, составляетъ отличительные признаки странствующаго проповѣдника. Они узнавали другъ друга по особымъ жестамъ и символическимъ фразамъ (per solam loquelam et per solas gestas). Ихъ дома также носили особые знаки, загадочные для другихъ, но понятные еретикамъ. Женщины также принимались въ число посвященныхъ. Онѣ также могли совершать consolamentum, но только въ крайнихъ случаяхъ; проповѣдывать же онѣ не имѣли права. Онѣ жили или отшельнически въ отдѣльныхъ домахъ, или составляли особыя общины, въ которыхъ занимались рукодѣльными работами, или воспитаніемъ дѣвочекъ, принимая также на свое попеченіе больныхъ. Это былъ родъ католическаго монастыря. Женщинамъ не дозволялось сидѣть за однимъ столомъ съ посвященными своими братьями. Даже враги сознаются, что посвященные никогда не позволяли себѣ даже рукой прикоснуться къ женщинѣ (215).

(214) **Evervini epist.** (**Mabillon.** Vet. anal. III, 454).
(215) **Liber sentent. inquis. Tolosanae:** «Non tangunt mulierem nec permittunt se tangi a muliere»,—apud **Schmidt**; II, 96, n. 5.

Число посвященныхъ того и другаго пола одинъ изъ инквизиторовъ половины XIII стол. насчитываетъ около четырехъ тысячъ человѣкъ; но тогда многіе были истреблены войною и кострами,—ибо преслѣдованіе всегда съ особенною силою направлялось на нихъ (216). Понятно, что они пользовались безграничнымъ уваженіемъ среди альбигойцевъ. Ихъ появленіе въ селѣ было праздникомъ; широко растворялись предъ ними ворота феодальнаго замка; гостепріимный владѣтель его велитъ нести всё лучшее для нихъ и ихъ спутниковъ, зная, что деньги и яства будутъ сбережены для бѣдныхъ и больныхъ общины; знатный и гордый баронъ самъ служилъ при столѣ «утѣшителя»; онъ и его вассалы окружали плотною толпою проповѣдника; его поученія народъ ловилъ съ жадностію; его совѣтовъ нельзя было не исполнять, —онъ обладалъ сверхъестественною силой; это былъ чудотворецъ католическій. Внѣшность такихъ людей, величавая походка, ихъ манера говорить, напоминали жрецовъ Востока и судей еврейскихъ. Они назывались иногда діаконами. Они, какъ увидимъ, были и духовныя и свѣтскія власти въ альбигойской Церкви. Популярность и могущество св. Бернара повторялись въ Лангедокѣ на нѣсколькихъ лицахъ. Благословеніе утѣшителя считалось милостію неба. Въ обрядѣ благословенія видны воспоминанія славянскія. Склонивъ голову и поклонившись въ землю, подходилъ къ проповѣднику альбигоецъ и говорилъ: «добрый христіанинъ, благослови меня» (217) и, обнявшись три раза, склонялся головой къ его плечу; женщины же складывали на груди руки и склоняли голову. Да благословитъ васъ Господь Богъ, было отвѣтомъ. Передъ женщинами, удостоившимися благодати утѣшенія, складывали крестообразно руки и преклонивъ голову, но не подходя близко, въ такомъ положеніи ждали благословенія, которое цѣнили столь же высоко. Входя въ чье-либо жилище и оставляя его, эти святые люди надѣляли домъ своимъ благословеніемъ.

Вся остальная масса дуалистовъ дѣлилась на вѣрующихъ (credentes) и слушающихъ (auditores), т. е. поучаю-

(216) **Reinerus.** Contra **Waldenses**, c. 3. (**Gretser**; XII, II; 27).
(217) **Muratori.** Antiquitates italianae medii aevi; V, 122.

щихся ([218]). Послѣдніе, представляя третью низшую степень, были новичками въ альбигойской вѣрѣ и имѣли изъ нея только элементарныя свѣдѣнія. Философія ученія, символизмъ обрядовъ,—это было закрыто для нихъ. Но надо полагать, что такой искусъ не составлялъ необходимости для каждаго, переходившаго въ альбигойство. Иногда представлялась возможность поступать прямо въ число «совершенныхъ»; иные на одрѣ смерти принимали consolamentum и о такихъ нерѣдко упоминаютъ помятники. Большинствомъ всегда были вѣрующіе. Они могли жениться, носить оружіе; имъ прощалось многое ради одного исповѣданія ученія. Но тѣмъ не менѣе они должны были хотя бы подъ конецъ жизни принять посвященіе; если этого не удавалось, то обрядъ совершался въ послѣднюю минуту жизни, чтобы умереть съ «хорошимъ концемъ». Бывали примѣры, что надъ умершими младенцами совершали обрядъ посвященія, дабы не дать напрасно погибнуть душѣ. Consolamentum замѣняло для еретиковъ и крещеніе, и причащеніе вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ оно называлось convenenza; — (stare in convenientia Dei). Этотъ обрядъ совершался надъ больными, особенно если болѣзнь грозила смертельнымъ исходомъ. Въ легкихъ болѣзняхъ діаконы не всегда соглашались на обрядъ, опасаясь, что если больной останется въ живыхъ, то не будетъ въ состояніи исполнить строгія правила посвященныхъ. Потому, если наступалъ благопріятный кризисъ, то обрядъ воспрещался. Въ послѣдствіи вошло въ обычай придавать столь высокое значеніе этому разрѣшительному обряду, что никто не рѣшался принимать его иначе, какъ въ самый часъ смерти, подобно тому, какъ въ IV столѣтіи христiане крестились только умирая, такъ какъ таинству этому приписывали силу очищать всѣ прежніе грѣхи. Такъ какъ, при дальнѣйшемъ теченіи жизни, для принявшаго утѣшеніе грозила опасность совратиться и тѣмъ потерять полученную благодать, то въ избѣжаніе соблазна допускалось даже убійство; оно истекало изъ отвращенія къ матеріи. Это такъ называемая endura ([219]).

Такое добровольное убійство, предпринятое ради спасенія души, бывало двухъ родовъ: или мученическое или исповѣдническое. Въ первомъ случаѣ принято было удавленіе, во второмъ — голодная смерть. Часто прибѣгали къ самоубійству для избѣжанія пытокъ и костровъ инквизиціи; въ ваннахъ открывали жилы, принимали ядъ, пили толченое стекло. Такое геройство считалось признакомъ святости,—оно не было доступно для всѣхъ и, напротивъ дома запрещалось прибѣгать къ нему иначе, какъ въ крайнихъ случаяхъ. Жизнь альбигойцевъ дорога, какъ узаконенный срокъ покаянія, какъ примѣръ истинной Церкви, истинныхъ послѣдователей христіанства, среди царства мрака и діявола. Достоинство этой Церкви, ея превосходство предъ католическою, еще болѣе увеличивались, — тѣмъ кроткимъ духомъ, чуждымъ насилія и гоненій, который полагался въ основаніи ея, а также нравственною чистотою ея сочленовъ, принадлежать къ которымъ могли такъ называемые «совершенные.» Представляя собою много дѣйствительно замѣчательныхъ сторонъ, она считала себя вправѣ поносить свою соперницу. Еретики упрекали католицизмъ за блескъ богослуженія, театральность обрядовъ, обольщающихъ воображеніе и отвлекающихъ отъ помысловъ о Богѣ, — за пышность и богатства прелатовъ, за почести, ими требуемыя ([220]). Они указывали на корыстолюбіе, жадность, насиліе, чему такъ предавались прелаты католическіе. Паденіе началось, по ихъ словамъ, со времени папы Сильвестра, котораго еретики считали Антихристомъ, человѣкомъ беззаконія и сыномъ погибели: — «это противящійся и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога» ([221]). Теперь же Церковь стала великая блудница, о которой говорится въ Апокалипсисѣ (гл. 17 и 18), и крещеніе

([218]) **Срв. у Marténe et Durand (Veteri scriptores; I, 776) и Mabillon (Vet. anal. III, 455). «Habet enim (haeresis) auditores, qui ad errorem initiantur; habet credentes, qui jam decepti sunt».**

([219]) **Liber sent. inquis. Tolosanae apud Schmidt; II, 102—103.**

([220]) **Moneta; 393.**

([221]) **II Посл. къ Θессалоникійцамъ, II, 4.**

духомъ въ новой Церкви, принятіе consolamentum единственное спасеніе отъ козней демона. Согрѣшившій послѣ того уже не можетъ получить прощеніе покаяніемъ или воздержаніемъ; для него нужно вторичное утѣшеніе; тогда оно называлось reconsolatio ([222]). Оно могло повториться и въ такомъ случаѣ, если не было преподано съ должнымъ благоговѣніемъ, омрачено какимъ-либо нечистымъ помысломъ, а это могло случаться очень часто. Тѣмъ только и можно объяснить, что нѣкоторые «совершенные», склонные къ сомнѣнію, принимали два и три consolamentum ([223]). Этотъ обрядъ, возведенный на степень таинства, представлялъ единственное въ своемъ родѣ явленіе въ Церкви, внѣшнею простотою напоминавшей Церковь позднѣйшихъ кальвинистовъ и, подобно имъ, не признававшей необходимости собственно храмовъ.

Альбигойцы сходились на молитву вездѣ, гдѣ представлялись къ тому нѣкоторыя удобства. Они собирались въ замкахъ, хижинахъ, на поляхъ и долинахъ, въ пещерахъ и лѣсахъ. Были и особые молитвенные дома тамъ, гдѣ альбигойство пользовалось уже признаннымъ авторитетомъ. Въ нихъ не было ни малѣйшей роскоши. Все убранство состояло изъ скамейки и простаго деревяннаго стола, накрытаго бѣлой скатертью; на немъ лежалъ Новый Завѣтъ, открытый обыкновенно на первой главѣ Евангелія Іоанна. Въ молельняхъ не было каѳедры для проповѣдника; колокольный звонъ здѣсь не раздавался. Христосъ присланъ былъ освободить насъ отъ идолопоклонства,—и потому не прилично и позорно въ мѣстахъ, посвященныхъ его воспоминанію, обожать статуи, иконы и кресты; послѣдніе особенно должны бы быть отвратительны для взора христіанина, какъ орудіе торжества Сатаны надъ Богомъ. Еретики употребляли всѣ усилія, чтобы поселить отвращеніе къ предметамъ, обожаемымъ у христіанъ. Они дѣлали болѣе, чѣмъ отвергали иконы. Они осмѣивали образа и лица на нихъ изображаемыя, въ собственныхъ рисункахъ. Богородицу они писали съ однимъ глазомъ и столь безобразно, что зрителямъ предоставлялось сообразить все униженіе Христа, сдѣлавшагося ея сыномъ. Эти рисунки конечно не помѣщались въ молитвенныхъ домахъ, но преднамѣренно распространялись въ книгахъ, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Они должны были пріучить думать о духѣ, а не о тѣлѣ. Молитвенными собраніями еретиковъ руководилъ одинъ изъ священнослужителей, или старшій между присутствовавшими «совершенными.» Они открывалися чтеніемъ какого-либо мѣста изъ Новаго Завѣта; проповѣдники толковали его въ смыслѣ альбигойскомъ, при чемъ объясняли отличіе отъ латинскаго богословія и доказывали, на сколько католицизмъ отступилъ отъ Евангелія. Послѣ проповѣди наступало такъ называемое благословеніе. Обыкновенныя «радѣнія» русскихъ людей Божіихъ и молоканской секты, имѣющей разительное сходство, по направленію и ученію, съ альбигойцами,—напоминаютъ собранія, описанныя въ актахъ инквизиціи XIII столѣтія и въ сочиненіяхъ Ермengарда, Алана, Еврара, Рейнера и Монеты Кремонскаго ([224]). Взявшись другъ съ другомъ за руки, всѣ вѣрующіе падали на колѣни, дѣлали три земныхъ поклона передъ своими старшими и говорили имъ послѣ перваго и втораго поклона: «благословите насъ», и послѣ третьго прибавляли: «молите Бога за насъ грѣшныхъ, дабы онъ сдѣлалъ изъ насъ истинныхъ христіанъ и даровалъ намъ блаженную кончину (qu'il nous conduise a une bonne fin)». Священники и другіе изъ утѣшенныхъ на каждый поклонъ отвѣчали словами: «Богъ да благословитъ васъ» и подъ конецъ «да содѣлаетъ Господь истинныхъ христіанъ изъ васъ и да сподобитъ васъ блаженной кончины.» Отъ нѣмецкихъ катаровъ мы имѣемъ даже подлинную молитву, составленную риѳмованною прозою:—«Nimmer müsse ich ersterben, — Ich müsse um euch erwerben,—Dass mein end gut werde», — а священникъ заканчивая, произносилъ: «Und werdest ein gut mann». Послѣ того все собраніе начинало пѣть молитву Господню, «единственно указанную истиннымъ христіанамъ». Молитва во-

([222]) «Et opportebat eum iterum reconsolari (**Petr. Cern.** p. 548).—**Moneta**; 275.

([223]) **Reinerus**; c. 6. (**Grelser**; XII, II; 35).

([224]) **Schmidt**; II, 116—119.—Спеціальное соч. для обрядовъ и службъ у катаровъ: **E. Cunitz**. Ein katharischer Ritual. Jena. 1852.

обще, по ихъ мнѣнію, должна быть по возможности короче и никоимъ образомъ не обращаться къ святымъ и Богородицѣ или къ Сыну и Духу; она должна призывать только одного благаго Бога. «Отче нашъ» они пѣли по греческому образцу, замѣняя слова: «хлѣбъ нашъ насущный» (quotidianum) словами «хлѣбъ нашъ сверхъестественный» и прибавляя въ концѣ «яко твое есть царство» и т. д., что основательно принято восточною Церковью. Послѣ молитвы, священникъ провозглашалъ христіанскую формулу, хотя совсѣмъ иначе понималъ ее: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», а собраніе отвѣчало: «благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ нами». Служба кончалась новымъ колѣнопреклоненіемъ и вторичнымъ благословеніемъ, при чемъ иногда священникъ произносилъ: «Отецъ, Сынъ и Духъ Святый да сжалятся надъ вами, и да простятъ прегрѣшенія ваши». Никакихъ обоготвореній, подобныхъ обычаямъ нѣкоторыхъ тайныхъ русскихъ сектъ, здѣсь не происходило; хотя намеки памфлетистовъ приписывали это сектантамъ альбигойскимъ, но акты инквизиціи, приведенные К. Шмидтомъ, не даютъ права на такое заключеніе. Передъ священниками еретики преклонялись потому, что считали ихъ одержанными Духомъ Святымъ и стоящими въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Богу. Цѣлью собранія было получить благословеніе этихъ людей; благословеніе, по вѣрованію секты, могъ сообщать Духъ благодати, духъ добраго Бога,—какъ мистически перемѣшивали альбигойцы евангеліе съ своею восточною системою.

Съ большимъ торжествомъ совершался другой обрядъ, имѣвшій огромное значеніе, замѣнявшій для еретиковъ, какъ было замѣчено, и крещеніе, а отчасти и причащеніе,—это consolamentum. Во время гоненія и опасностей, этотъ обрядъ окруженъ былъ всевозможною таинственностью и совершался въ уединенныхъ мѣстахъ, среди немногихъ присутствующихъ, дабы не привлечь вниманія, тѣмъ болѣе, что разъ принявшій consolamentum,—уже тѣмъ самымъ повиненъ былъ непремѣнной смерти въ глазахъ католиковъ; къ нему инквизиція не могла имѣть пощады. Въ послѣдствіи, когда альбигойство заняло въ Лангедокѣ положеніе, въ нѣкоторомъ смыслѣ равноправное съ господствующею Церковію, то сосредоточило на этомъ обрядѣ весь блескъ, какой только оно могло допустить. Къ нему приготовлялись строгимъ постомъ и молитвою; бывали примѣры, что не ѣли по три дня.

Длинное зало горѣло безчисленными огнями, будто знаменуя огонь крещенія; въ срединѣ жертвенникъ, т. е. столъ, покрытый бѣлой скатертью и на немъ книга Новаго Завѣта. Священники приготовлялись къ таинственному обряду омовеніемъ рукъ. Собравшіеся становились въ кругъ по старшинству, соблюдая глубокое молчаніе; кающійся стоялъ въ срединѣ, не далеко отъ огня. Священникъ держалъ въ рукѣ Новый Завѣтъ; онъ начиналъ учить неофита о суровости жизни, которую тотъ избралъ для себя; онъ наставлялъ его никогда не возлагать надежды на римскую Церковь, но терпѣть до послѣдняго часа за вѣру альбигойскую. Потомъ священникъ неожиданно обращался къ неофиту съ рѣшительнымъ вопросомъ: — «братъ, твердо ли ты рѣшился принять нашу вѣру.» Послѣ утвердительнаго отвѣта, обращенный становился на колѣни и, склонивъ голову между руками, испрашивалъ благословенія. За этимъ слѣдовала формула клятвы: «я обѣщаю, говорилъ онъ колѣнопреклоненный, служить Богу и Его Евангелію; никогда не обманывать, не клясться, не прикасаться женщины, не спать раздѣтымъ, не убивать какое-либо животное и не ѣсть ни мяса, ни молока, ни растеній, ни рыбы; ничего не дѣлать безъ молитвы, не путешествовать, не спать, не ѣсть безъ спутника. А если попаду въ руки непріятеля, то непремѣнно въ продолженіе трехъ дней воздерживаться отъ пищи и никакими угрозами не отрекаться отъ своей вѣры». Онъ кончалъ возваніемъ: «благословите меня», и все собраніе вмѣстѣ съ нимъ падаетъ на колѣни. Тогда приближался священникъ, давалъ испытуемому цѣловать Евангеліе еретическое (librum dictorum haereticorum) и возлагалъ на него руки; потомъ подходили другіе «совершенные» и также возлагали на него руки, одинъ на голову, другой на плечи. Все собраніе восклицало: «славимъ Отца, Сына и Св. Духа», послѣ чего священникъ просилъ Бога, чтобы Духъ (параклетъ) низошелъ на неофита. Слѣдомъ за тѣмъ все собраніе читало молитву Господню. Служба приходила къ концу: священникъ прочитывалъ первыя семнадцать главъ изъ любимаго сектаторами апокрифическаго евангелія Іоаннова. «Утѣшенному» въ воспоминаніе столь знаменательнаго для него событія давали нитку шерстяную или льняную, которою онъ долженъ былъ препоясываться. Прежде чѣмъ разойтися, всѣ священники обнимали новопоступившаго и давали ему

два поцѣлуя мира; онъ въ свою очередь цѣловалъ одного изъ стоявшихъ около него «совершенныхъ, а тотъ передавалъ лобызаніе всѣмъ присутствующимъ. Если же обрядъ совершался надъ женщинами, то священники ограничивались прикосновеніемъ къ плечу Библіею и такимъ же образомъ посвященная отдавала поцѣлуй своему сосѣду. Послѣ поздравленій, собраніе, полное радости, расходилось. Посвященный, едва выдержавъ предварительный трехъ-дневный постъ, осуждался на новый, уже сорока-дневный, весьма тяжкій, только съ хлѣбомъ и водою. Если consolamentum слѣдовало скорѣе дать больному или умирающему, то блескъ торжества значительно уменьшали. Священникъ съ немногими спутниками входилъ въ комнату больнаго. Требовалось, чтобы онъ былъ въ памяти и могъ бы читать должныя молитвы; рѣдкія исключенія дѣлались развѣ для раненыхъ, сражавшихся за вѣру и дѣло альбигойцевъ съ католиками. Обыкновенно при входѣ «добрыхъ людей» всѣ присутствующіе падали ницъ и получали благословеніе; священники спрашивали больнаго, хочетъ ли онъ служить Богу и Его Евангелію. Тогда на грудь больнаго клали бѣлый покровъ; два «совершенныхъ» становились въ изголовьи его и въ ногахъ; одинъ клалъ правую руку на голову больнаго, не касаясь однако ея, если то была женщина, въ лѣвой же держалъ Евангеліе и читалъ начало благовѣствованія Іоаннова; призываніемъ Духа Святаго и молитвой Господнею оканчивался обрядъ, въ заключеніе котораго слѣдовали тѣ же лобзанія. Мы замѣтили, какія плачевныя слѣдствія имѣло иногда выздоровленіе больнаго, принявшаго consolamentum.

На степень простаго обряда низводилось у альбигойцевъ таинство Причащенія. Это было просто благословеніе хлѣба. Одинъ изъ старшихъ лѣтами принималъ на себя исполненіе этого обряда. Преломивъ хлѣбъ, по примѣру вечери первыхъ христіанъ, сопровождая то обыкновенно застольной молитвою и благословеніемъ, онъ произносилъ, раздѣляя и раздавая куски: «благодать Господа нашего да будетъ всегда между вами». Цѣлью этого обряда было не воспоминаніе смерти Христа, а знаменованіе братства общенія между членами альбигойской Церкви. Наконецъ этотъ хлѣбъ не предназначался для исключительныхъ цѣлей, какъ въ Церкви христіанской; это скорѣе былъ освященный хлѣбъ; его ѣли во всякое время и постоянно. Одинъ доку-

ментъ (225) свидѣтельствуетъ, что освященный хлѣбъ заготовлялся въ огромномъ количествѣ для дальнѣйшаго употребленія. Тамъ, гдѣ еретиковъ сильно преслѣдовали и гдѣ открытое совершеніе обряда было немыслимо, такими хлѣбами дорожили и вкушали его лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Надежные лица тайно разносили его по городамъ и деревнямъ; тамъ онъ былъ символомъ единенія и надеждъ всѣхъ разсѣянныхъ и гонимыхъ. Католики, зная объ этихъ сборищахъ по наслышкѣ, вѣрили молвѣ, что еретики ѣдятъ пасху, приготовленную изъ пепла дѣтей православныхъ, которыхъ будто они кучами ловили и жгли. Вино на вечеряхъ они не пили, отвергая необходимость его не потому, чтобы они, подобно манихеямъ, возставали противъ напитковъ вообще, а на томъ основаніи, что Христосъ и прямо и аллегорически говоритъ только о хлѣбѣ жизни (Іоан. VI, 35). Отрицая всякое таинство въ обрядѣ благословенія, еретики, конечно въ силу своей догматики, должны были возстать противъ пресуществленія, такъ какъ въ ихъ глазахъ тѣло не имѣло никакого значенія, а тѣмъ болѣе тѣло Спасителя, считавшееся только призрачнымъ. Привычка же во всемъ искать аллегорическаго смысла и своеобразная манера пользоваться Евангеліемъ привели ихъ къ такому пониманію этого обряда (226). Правда, Христосъ сказалъ: «ядый мою плоть и піяй мою кровь,—имать жизнь вѣчную» (Ев. Іоанна VI, 53), но онъ тамъ же прибавилъ: «духъ животворитъ; плоть не пользуетъ нимало» и наконецъ ясно заключилъ: «Слово, которое я говорю вамъ, есть духъ и жизнь» (VI, 63). Потому не можетъ быть сомнѣнія послѣ такихъ словъ самого Спасителя, что дѣло не въ тѣлѣ, а въ словахъ Его, въ Его ученіи; вкушать хлѣбъ значитъ вразумляться высокими, божественными наставленіями, изложенными черезъ ангела Іисуса. Тѣло Христово, чуждое матеріи, никогда не бывало

(225) **Doat.** Arch. de l'nquisition de Carcassonne, — apud Schmidt; II, 130.

(226) **Moneta**; 301. — «*Verba sancta* dicunt esse panem, quia cibus animae sunt Verba Evangelica etc. (**Ebrardus.** Contra Waldenses, apud **Gretser.** XII, II, 146).—«Audiendo verbum Dei, se manducare carnem filii hominis et ejus sanguinem bibere (**Ermengardus.** Contra Wald. id. 232).

и быть не можетъ въ рукахъ священника, ибо это есть Церковь Божія.» Да и какъ хлѣбъ и вино, эти произведенія демона, могутъ обратиться въ плоть и кровь небеснаго архангела, одного изъ ангеловъ»? Если Христосъ говорилъ когда-то: «сіе есть тѣло мое», то это относится къ хлѣбу, который олицетворялъ какъ бы Его плоть, но никакого фактическаго смысла слова эти имѣть не могутъ. Наименованіе простаго хлѣба тѣломъ Христовымъ, продолжали еретики, продажа его, самая обѣдня—все это дерзкая выдумка поповъ. «Да и какихъ невѣроятныхъ размѣровъ должно быть это тѣло, насытившее и насыщавшее столько милліоновъ людей? Скалы Эренбрейтштейна, самыя Альпы ничто въ сравненіи съ нимъ, говорили еретики Бонна и Лангедока» ([227]).

Для принятія св. хлѣба вовсе не требовалось предварительнаго очищенія отъ грѣховъ посредствомъ покаянія, хотя обрядъ этотъ признавался необходимымъ въ Церкви альбигойской. На исповѣдь катары смотрѣли съ точки зрѣнія такъ называемой евангелической Церкви. Обыкновенно кто-нибудь одинъ отъ имени всѣхъ перечислялъ грѣхи передъ собраніемъ «совершенныхъ»; особенныя преступленія высказывались наединѣ старѣйшему. Многолюдныя собранія эти происходили по обыкновенію разъ въ мѣсяцъ. Желавшій исповѣдываться обыкновенно говорилъ, стоя на колѣняхъ: «я пришелъ, чтобы здѣсь передъ вами, какъ бы передъ лицомъ Божіимъ, исповѣдать всѣ грѣхи, одолѣвавшіе меня, и все зло присущее мнѣ, дабы черезъ ваше посредство получить прощеніе отъ Бога». Тогда священникъ клалъ Новый Завѣтъ на голову кающагося, другіе «совершенные» подавали ему правую руку и, при пѣніи молитвы Господней, произносили ему прощеніе и разрѣшеніе. За нѣкоторые тяжкіе грѣхи, по примѣру католическому, слѣдовали церковныя наказанія, эпитиміи. Обрядъ исповѣданія назывался службою или «appareillamentum», такъ какъ при посредствѣ его жизнь катара направлялась по прежнему пути и вознаграждались ея минувшія уклоненія.

([227]) «Si esset illud corpus Domini tantae quantitatis ut est petra Erenberti, jamdudum esset consumptum, ex quo primum coepit manducari (**Eckbertus.** Sermones adv. Catharos).—«Christi corpus, etsi magnitudinem Alpium in se contineret» etc. (**Petr. Cern.** c. 2. M. 547).

Такимъ образомъ,—не выработавъ изъ себя религіи вполнѣ самостоятельной и въ тоже время слишкомъ разъединившись, чтобы ступить на примирительную стезю,—альбигойство заключало въ себѣ вмѣстѣ съ догматикою полухристіанскою, полулиберальною и обрядность, заимствованную во многомъ изъ культа, столь ей враждебнаго. Катары не отказывались отъ христіанскихъ праздниковъ: Рождества, Пасхи и Троицы, но нельзя сказать, чтобы они праздновали еженедѣльныя воскресенья. Въ великіе праздники говорились особенно торжественныя проповѣди, и тѣ еретики, которые не могли почему либо присутствовать на этихъ собраніяхъ, ознаменовывали праздиество дома вкушеніемъ освященнаго хлѣба. Конечно, еретическая догматика придавала совсѣмъ иной смыслъ празднествамъ христіанскимъ. Рождество означало пришествіе Христа въ царство зла; Пасха означала побѣду Христа надъ Сатаной; день Троицы служилъ воспоминаніемъ основанія Церкви катаровъ, нисшествія Св. Духа на «совершенныхъ», духовнаго соединенія съ «Утѣшителемъ». Достойное приготовленіе къ этимъ празнествамъ сопровождалось десяти-дневными постами; первый начинался 23-го ноября и продолжался до Рождества; второй—недѣлею позже противъ христіанскаго и кончался вмѣстѣ съ нимъ; лѣтній постъ—съ Троицы до Петрова дня. Послѣдняя недѣля каждаго поста называлась обыкновенно священною и сопровождалась особенно изнурительнымъ воздержаніемъ. Объ особомъ осеннемъ праздникѣ еретиковъ ходили мрачные слухи; онъ назывался Malilosa,—слово непонятное и по сіе время неразъясненное ([228]). Нѣкоторые приписывали ему манихейское происхожденіе, что до нѣкоторой степени основательно.

Изъ христіанской іерархіи еретики удержали только двѣ степени—архіерея и священника (Sacerdotes) или діакона ([229]). Обязанности и предѣлы епископской власти были тѣ же, какъ и въ Церкви христіанской. Епископъ былъ и болѣе почетнымъ лицомъ и имѣлъ предпочтительное право въ присутствіи діаконовъ (соотвѣтствовавшихъ христіанскимъ священникамъ, пресвитерамъ) на проповѣдь, consolamentum,

([228]) **Schmidt**; II, 139.

([229]) Secta habet sacerdotes, habet et caeteros praelatos sicut et nos (**Martène et Durand.** Vet. scrp. collectio; I, 776).—**Moneta**; 313 (l. IV, c. 6, § 2).

appareillamentum, приготовленіе хлѣба, раздачу благословеній. Они посвящали въ діаконы; только имъ принадлежала власть прощать такъ называемые смертные грѣхи. При каждомъ изъ нихъ было два наперсника изъ діаконовъ,—старшій сынъ и младшій сынъ, непремѣнная обязанность которыхъ состояла въ посѣщеніи какъ «совершенныхъ, такъ и вѣрныхъ, принадлежащихъ дистрикту и вѣдомству епископа. Діаконы, всегда замѣнявшіе епископовъ, раздѣлялись на діаконовъ и иподіаконовъ. Они разсылались по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не было епископовъ; по степени они стояли ниже наперсниковъ епископскихъ, старшій изъ которыхъ всегда смѣнялъ епископа послѣ его смерти, а младшій замѣнялъ мѣсто старшаго, котораго посвящали въ епископы тѣмъ, что клали на голову его Новый Завѣтъ, а надъ книгою кто-либо распростиралъ руки. Въ послѣдствіи, именно съ начала VIII столѣтія, вошло въ обычай, чтобы епископъ самъ указывалъ себѣ преемника, который еще при жизни его считался облеченнымъ властью. При этомъ встрѣчаемся съ обычаемъ, подобный которому повторился въ «корабляхъ» русской секты людей Божіихъ ([230]). Будущій епископъ готовился съ дѣтства къ своему званію, хотя не отличался особенностью своего рожденія, какъ бывало у молоканъ. Съ самаго рожденія его отнимали отъ груди матери; его рѣдко поили молокомъ животныхъ, предпочитая миндальное. Въ послѣдствіи ему ничего не давали кромѣ рыбы и растительной пищи. Такимъ образомъ сберегали его вдали отъ міра и его наслажденій до совершеннолѣтняго возраста, когда его посвящали возложеніемъ рукъ. Такой епископъ отличался вполнѣ достоинствами епископскаго сана. Случалось иногда, что община посылала его въ одинъ изъ университетовъ, гдѣ онъ, знакомясь съ силами и наукой враждебной Церкви, пріобрѣталъ оружіе противъ нея. Количество епископовъ у еретиковъ равнялось количеству католическихъ епископовъ. Въ Лангедокѣ и Ломбардіи вышло такъ, что всякій округъ имѣлъ двухъ епископовъ. Съ теченіемъ времени діаконства изчезли и были замѣнены старшинами изъ числа «утѣшенныхъ» (anciens во Франціи, anciani въ Италіи); они имѣли ту же обязанность и послѣдніе отстаивали Церковь альбигойскую.

([230]) См. **Православный Собесѣдникъ,—статьи о «Людяхъ Божіихъ» за 1858 г. I, 363; II, 371.**

Самый темный вопросъ въ исторіи катаровъ, это статья о верховенствѣ папы. Нѣкоторые католическіе источники ошибочно приписываютъ альбигойцамъ церковную организацію манихейцевъ, съ ихъ папою, 12 апостолами, 72 учениками, какъ Экбертъ и Стефанъ бурбонскій ([231]), что мало приноситъ чести наблюдательности этихъ авторовъ. Другіе, съ большимъ авторитетомъ, приписываютъ, еще съ XII столѣтія, верховенство одному лицу, называя его то папою, то апостоломъ ([232]). Мы знаемъ, что такой папа засѣдалъ на соборѣ подъ Тулузой; онъ прибылъ изъ Болгаріи и принадлежалъ къ умѣренному толку. Объ этомъ въ своемъ донесеніи писалъ въ Римъ легатъ Гонорія III ([233]). Во всякомъ случаѣ это было авторитетное лицо въ богомильской Церкви, хотя не съ юридическими функціями. Но что въ самомъ Лангедокѣ не существовало старшаго между еретическими епископами, это доказывается отсутствіемъ подобнаго рода извѣстій въ главныхъ источникахъ для изученія ереси катаровъ. Ни Рейнеръ, ни Монета, ни акты инквизиціи не говорятъ ничего, что бы дало основаніе заключить о централизаціи альбигойской Церкви. Епископы ея были соединены между собою узами братства и расположенія; соборы ея составлялись вполнѣ самостоятельно; въ альбигойствѣ было столько элементовъ, опиравшихся на однѣ раціональныя теоріи, что необходимость въ единой связывающей и правящей власти значительно устранялась.

При обзорѣ предварительныхъ элементовъ альбигойскаго дуализма мы встрѣчали частыя указанія на особый характеръ ночныхъ собраній, который, по словамъ нѣкоторыхъ источниковъ, принадлежалъ многимъ прежнимъ сектамъ, какъ напримѣръ манихейству, присцилліанитству и другимъ. Придавать вѣру указаніямъ, выходившимъ всегда изъ видовъ крайне враждебныхъ, изъ видовъ не чуждыхъ той клеветѣ, жертвою которой были между прочимъ и

([231]) См. **Schmidt; II, 145.**

([232]) **Evervinus. Epistola ad S. Bernardum (Mabillon. Vetera analecta; III, 457) и Ioachim. Expositio in Apocalypsim (Schmidt; II, 146). «Se dicunt apostolos et suum papam habent». «Et apostolicum cui omnes obediunt se fatentur habere».**

([233]) См. **Schmidt; II, 147.**

христіане первыхъ вѣковъ,—невозможно. То же самое повторилось и съ альбигойцами. Ихъ тайныя оргіи сняты будто съ присцилліанитовъ, и если мы приводимъ здѣсь тѣ толки, которые возбуждали онѣ между современниками, то съ цѣлью показать непрерывность дуалистическихъ традицій, продолжающихся отчасти въ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ русскихъ сектахъ, и вмѣстѣ древность альбигойскаго вѣроисповѣданія. На своихъ ночныхъ собраніяхъ еретики будто вызывали діявола, который и являлся имъ преимущественно въ видѣ животнаго; тогда перечисливъ каждаго демона поименно, начинали пѣть гимны въ честь ихъ. Очевидно, источникъ этихъ предположеній лежитъ въ вѣрованіи альбигойцевъ въ демона. Носились между прочимъ слухи, что они лобызали кошекъ, жабъ и другихъ животныхъ. Наконецъ, погасивъ свѣчи, предавались свальному грѣху, гдѣ будто побужденія плоти не удерживались никакими предѣлами естественности; попадалась ли мать, сестра, монахиня, говоритъ одинъ памятникъ ([234]), пощады никому не было; дѣти здѣсь зачатыя, черезъ 6 дней послѣ рожденія сожигались и пепелъ ихъ служилъ вмѣсто христіанскаго Причастія. Если, говоритъ другой документъ, еретики осуждали законный бракъ, то позволяли иной, предписывая соблюденіе его по неистовымъ правиламъ секты. За кровосмѣшеніе съ матерью полагалось 18 денаріевъ,—6 за то что зачала, 6 за то что выносила и 6 за то что выкормила младенца. За преступленіе съ сестрой платилось 6 денаріевъ, вмѣстѣ съ матерью 9 денаріевъ. О всѣхъ этихъ сказкахъ ни слова не говорятъ писатели достовѣрные и источники непосредственные. До-

([234]) См. d'Achéry. Spicilegium veterum scriptorum; I, 605. Gretser. Opera, XII, II; 39.—Срв. развратныя радѣнія русскихъ «Людей Божіихъ» и духоборцевъ: Правосл. Собес. (1858 г. II, 404—406), Русскій Вѣстникъ (1868 г. май, стр. 63—65 по поводу слѣдственнаго дѣла 1732 г. въ статьѣ г. Мельникова о тайныхъ русскихъ сектахъ), Полное Собр. Законовъ (IX, № 6613). Вообще «въ ученіи альбигойцевъ и вальдензовъ (только въ гораздо меньшей степени) есть черты сходства съ ученіемъ нашихъ тайныхъ сектъ» (Мельниковъ; тамъ же, стр. 16).—Тѣмъ меньшее вѣроятіе имѣетъ предположеніе г. Добротворскаго (Люди Божіи; стр. 29, 73) о сродствѣ «людей божіихъ» съ нашими франкъ-масонами XVIII вѣка.

просы тоже не подтвердили того ни въ Италіи, ни во Франціи ([235]). Дѣло въ томъ, что католиковъ смущала чистота жизни альбигойцевъ и, руководимые завистью, они обвиняли ихъ въ тщеславіи и притворности: чисты-де они были днемъ, ночью же выказывали всю свою необузданность. Но, повторяемъ, всѣ эти клеветы—вымыслы мелкихъ памфлетистовъ, неспособныхъ стать на высшую точку сужденія и рабски слѣдовавшихъ за невѣжественною толпою. Образованные католики, враги ихъ вѣры, отдаютъ должное чистотѣ, патріархальности и легальности ихъ нравовъ, столь противоположныхъ съ нравственнымъ типомъ католическихъ прелатовъ. Они, по словамъ одного стихотворнаго памятника: recta loquuntur, prava sequuntur, decipientes, simplicitatis et pietatis nomen habentes ([236]). Печаль всегда рисовалась на ихъ блѣдныхъ, истомленныхъ воздержаніемъ и омраченныхъ суровою думою лицахъ, такъ замѣтилъ еще св. Бернаръ ([237]). Они ничего не начинали безъ молитвы, безъ благословенія Божія; и въ отдыхѣ и въ болѣзни они мечтали о небѣ; между ними не было ни слишкомъ высокихъ, ни слишкомъ малыхъ; великій Богъ, передъ взоромъ котораго все умалялось, уравнивалъ всѣхъ между собою. Ровный, тихій голосъ, скромная походка, смиренный видъ, поникшій взоръ—были признаками катара. Est Patharistis visio tristis, vox lacrimosa,—какъ справедливо характеризуются сектанты италіянскіе. По самому духу своего ученія, еретики (подразумѣваются «вѣрные», т. е. не посвятившіе себя исключительно дѣламъ духовнымъ), призваны были къ труду и дѣятельности. Работа была единственнымъ источникомъ, который могъ дать альбигойцу средства къ существованію и

([235]) Lami (Della eresia de'Patareni in Firenze) замѣчаетъ по этому поводу: «На сколько мнѣ знакомы всѣ обряды нашихъ братьевъ, я не нашелъ въ нихъ ничего, что бы показывало, что еретики тосканскіе изъ секты Consolati прибѣгали къ чему-либо постыдному и чтобы между ними совершалось что-либо чувственное, особенно между мужчинами и женщинами» (Lezioni di antichità Toscane. 1766, Fir. 2 v. II, 550).

([236]) Стих. на патареновъ, напр.— Bernardus Morlacensis. Много свидѣтельствъ подобнаго рода собрано у К. Шмидта; II, 155, n. 1.

([237]) Sermo LXV.

вмѣстѣ содѣйствовать успѣху ученія секты. Оттого они укромно блюли свое хозяйство и, ведя умѣренную жизнь, не остались чужды упрека въ скупости, въ жадности къ прибыли, —но они, подобно евреямъ, должны были слишкомъ заботиться о будущемъ, должны были ожидать, не обезпеченные въ настоящемъ, ежедневнаго грабежа своихъ имуществъ, даже изгнанія въ чужіе края. Тысячи мелкихъ оскорбленій могли смягчаться развѣ деньгами. Экономическій разцвѣтъ Лангедока много обязанъ характеру его обитателей вообще, но еще болѣе характеру и личнымъ свойствамъ послѣдователей сектъ альбигойскихъ. «Вѣрные» должны были трудиться усиленно еще и потому, что на ихъ обязанности лежало содержаніе «совершенныхъ», духовенства, больныхъ и бѣдныхъ братьевъ. Эти пожертвованія, а также и деньги за требы собирались въ особую казну, которая была на попеченіи архіерея; въ опасное время ее прятали въ погреба въ лѣсахъ, зарывали въ землю и употребляли на общественныя нужды.

Еретики—это сбродъ бѣдняковъ, тунеядцевъ, невѣждъ, глупцовъ,— говорили монахи-хроникеры и восклицалъ св. Бернаръ. Послѣ всего сказаннаго,—очевидно, на сколько это справедливо. Создать стройную философскую систему, бороться съ учеными богословами—дѣло ума далеко не невѣжественнаго. Полемисты сознавались, что противники ихъ были весьма искусны въ св. Писаніи. Множество «вѣрныхъ» получило образованіе на скамьяхъ парижскаго и болонскаго университетовъ. Церковь католическая не страшилась бы безграмотныхъ невѣждъ. Вѣрнѣе сказать, что еретики были интеллигенціею Юга. Все, чему мы были свидѣтелями въ первой главѣ, было отраженіемъ религіознаго свободномыслія. Ихъ упрекаютъ еще за лицемѣріе. Св. Бернаръ, нѣмецъ Экбертъ, испанецъ Лука говорятъ, что «вѣрные» альбигойцы продолжали для вида посѣщать католическіе храмы, что они подходили къ Причастію, но облатки или кидали незамѣтно въ уголъ, или прятали въ молитвенникъ ([238]). Въ этомъ же обвиняли ихъ манихейскихъ и присцилліанскихъ предшественниковъ. Наивно думать, что къ такой политикѣ они должны были прибѣгать постоянно даже во

([238]) **ibid.—Mabillon. Vetera analecta; III, 467.**

дни счастія своей вѣры, но съ другой стороны нельзя отрицать, что необходимость въ первое время часто ставила ихъ въ такое положеніе. Во всякомъ случаѣ твердая энергія и неустрашимость не за тѣхъ, кто умѣетъ лишь лицемѣрить, да скрывать свои убѣжденія,—а что еретики не только вполнѣ обладали активными качествами, но даже, руководимые упорнымъ духомъ пропаганды, передали ихъ другимъ, тому свидѣтельствомъ служитъ самая исторія или лучше способъ распространенія альбигойства.

Искуство и умѣнье еретиковъ пропагандировать свое ученіе, ихъ изворотливость, разнообразіе средствъ, къ которымъ они прибѣгали,—все это заслуживаетъ особенное вниманіе ([239]). Вотъ какой-нибудь «вѣрный», сопутствуемый искушеннымъ въ назиданіяхъ духовнымъ, или «совершеннымъ», минуя замокъ, пробирается по живописной деревнѣ лангедокской, населенной католиками. Время идетъ къ ночи. У вѣрнаго есть знакомые; здѣсь его всегда считали за православнаго. Страннику охотно отворяютъ ворота. Завязывается тихій разговоръ, который незамѣтно, мало по малу, переходитъ къ вопросамъ вѣры и необходимости спасенія. Тономъ благоговѣнія вѣрный начинаетъ говорить, какъ трудно достигнуть этого обѣтованія. Въ разговоръ вмѣшивается старецъ, его незнакомый спутникъ. Его скорбный и крѣпкій видъ внушаетъ уваженіе и невольно располагаетъ къ себѣ. Онъ ведетъ хорошую рѣчь о Богѣ и Евангеліи, говоритъ такъ набожно, такъ краснорѣчиво, что завтра хозяева не отпускаютъ гостей и сосѣди, наслышавшись о старцѣ, приходятъ слушать его. Онъ заживается въ деревнѣ. Изъ его устъ такъ убѣдительны увѣренія о злѣ, заразившемъ нынѣшнихъ пастырей, о порчѣ, которую они внесли въ христіанское ученіе, —что остается мало по малу отступать предъ доводами, преисполненными текстовъ Писанія на родномъ языкѣ, притомъ истолкованныхъ такъ ясно. Тогда онъ начинаетъ называть свое дуалистическое ученіе истиннымъ ученіемъ евангельскимъ, пока скрывая демоническое основаніе его. Убѣжденные искренностью тона, евангельскою внѣшностью слова, слушатели даютъ продолжать проповѣднику. А между тѣмъ его товарищъ начинаетъ съ

([239]) **Schmidt; II, 160—163.**

своей стороны внушать хозяину необходимость спасенія и соединенія съ Богомъ.—Какъ достигнуть того?—«Если захочешь, то очень ясно. Ты знаешь, какія преслѣдованія и мученія терпѣлъ Христосъ за насъ, слѣдовательно, если мы хотимъ достигнуть спасенія, то должны брать примѣръ съ тѣхъ, которыхъ гонятъ за него и казнятъ по его слѣдамъ.» Собесѣдникъ хочетъ посмотрѣть этихъ людей. Его скоро приводятъ въ собраніе «добрыхъ людей»; онъ чаще посѣщаетъ эти вечера, слушаетъ «мудрыя рѣчи» и увлекается ими. Прежде всего ему открываются истины житейской мудрости, внушается презрѣніе и ненависть къ католическому духовенству и «идолопоклонству, которое ввело оно». Истинной Церковью, ведущею къ блаженной кончинѣ, окажется только одно общество альбигойское, пропаганда котораго незамѣтно проникала всюду, пользуясь всѣми обстоятельствами, часто прибѣгая къ хитрости, не пренебрегая никакими средствами. Лишь только дѣлалось извѣстнымъ, что есть посторонніе въ собраніи, то двое еретиковъ, притворившись, вступали въ богословскій споръ; одинъ изъ нихъ игралъ роль католика; конечно, онъ сдавался побѣжденнымъ, чѣмъ готовилъ въ слушателяхъ будущихъ прозелитовъ. Еретики принимали всѣ мѣры къ распространенію своихъ сочиненій. Часто находили поученія ихъ проповѣдниковъ, катехизисы, памфлеты, прибитыми на перекресткахъ, на мостахъ, у перевозовъ. На улицахъ дѣти католиковъ распѣвали гимны, сочиненные въ альбигойскомъ духѣ, изложенные красивыми стихами, легко запоминаемыми. Исповѣданія еретиковъ были написаны видимо въ православной формѣ. Ихъ можно было найти на поемномъ лугу, въ пещерахъ, въ дуплахъ деревьевъ, въ лѣсахъ; крестьяне, пастухи, охотники заносили ихъ въ деревню, показывали священникамъ, а серьезнѣйшіе и способнѣйшіе изъ послѣднихъ заражались духомъ сектаторства. Еретики знали, какъ и на кого дѣйствовать въ видахъ вѣрнѣйшаго успѣха. Очевидный примѣръ строгой жизни, которую можно было развѣ оклеветать, но не опорочить, дѣйствовалъ на людей мыслящихъ, предпочитавшихъ совершенство духовное. Виланамъ же, бѣднымъ, они напоминали, что по завѣту Спасителя не должно быть богатыхъ и бѣдныхъ, что въ апостольской Церкви не было даже разницы въ имуществѣ, ибо все было общимъ, все сносили къ ногамъ апостоловъ (Дѣян. Ап. IV; 32, 34—35), однимъ словомъ такъ, какъ хотятъ теперь устроить они. — «Если ты хочешь избавиться отъ твоего несчастнаго положенія, говорилъ діаконъ альбигойскій бѣдняку, приди къ намъ, мы беремъ на себя заботу о твоемъ благосостояніи и тебѣ больше не придется бороться съ судьбою; ты долженъ будешь только почитать и слушать твоихъ наставниковъ и уважать вѣрныхъ; богатства земныя въ этомъ вѣкѣ и вѣчная жизнь въ будущемъ,—станутъ твоею наградою» ([240]). Даръ убѣжденія былъ въ высшей степени присущъ проповѣдникамъ альбигойства; самые стойкіе и неподатливые католики опасались за себя. Одинъ нѣмецкій монахъ сказалъ, что онъ согласился бы лучше пробыть цѣлый годъ между пятью стами чертей (tufel), нежели 14 дней въ домѣ, гдѣ есть хотя одинъ альбигоецъ. Въ иныхъ мѣстахъ секта принимала наступательное положеніе; такъ въ нѣмецкихъ городахъ на улицахъ распѣвались пѣсни, полныя кощунства надъ христіанской догматикой; о католическихъ святыхъ публично разсказывались самыя скандальныя похожденія; служители господствующей Церкви во всеуслышаніе подвергались особенно язвительной сатирѣ. Въ Германіи, доминиканцы, въ послѣдствіи, опасались встрѣчаться на улицахъ съ еретиками, которые вообще рѣдко выходили изъ дому безъ оружія. Напротивъ, еретики Лангедока и Италіи отличались смиреніемъ, можетъ быть потому, что тутъ они видѣли за собой цѣлыя массы и могли дѣйствовать на остальныхъ кротостью и спокойнымъ сознаніемъ своей силы. Они многихъ увлекли своею геройскою твердостью передъ лицомъ инквизиторовъ, равнодушіемъ къ страшнымъ пыткамъ, паѳосомъ мученичества, жаждою умереть за свои религіозныя убѣжденія. На допросахъ они говорили: «мы переносимъ много трудовъ; много бѣдъ на нашей долѣ; вся жизнь наша—это суровое покаяніе; друзья Бога (amici Dei) преслѣдуются римскою Церковью,—но путь въ рай не легокъ, онъ достигается цѣною отреченія отъ плоти и крови.» И самые заклятые католики не могли сказать, чтобы это были одни слова. Католическая Церковь причислила нѣкоторыхъ катаровъ, какъ итальянца Армано Пунджилово, къ лику святыхъ ([241]).

([240]) **Ioachim. Expositio in Apocalypsin apud Schmidt; II, 162, nota.**

([241]) **Muratori. Ant. ital. diss. V.**

Вотъ тѣ данныя, которыя сохранились въ источникахъ объ альбигойскихъ дуалистахъ и которыя мы, по возможности сжато, изложили пользуясь обличеніемъ Монеты и изслѣдованіемъ страсбургскаго богослова. Жизнь, нравы этихъ еретиковъ привлекаютъ симпатію; борьба, веденная ими, заслуживаетъ полное сочувстіе, но несомнѣнно, что основаніе системы, предложенной ими, вносило въ христіанскую сферу философію далекаго Востока, уже прожившаго отмѣренное ему исторіею время. Грустный взглядъ на міръ во многомъ преграждалъ прогрессъ и развитіе. Дѣлая помыслы односторонними, онъ отвлекалъ ихъ отъ земли и, въ то же время требуя идеальнаго совершенства, хотѣлъ того, что возможно только для избранныхъ натуръ, и нападалъ на христіанство, которое, допуская безконечную надежду на Бога, вносило уже тѣмъ однимъ примиреніе съ жизнію. Мы еще будемъ имѣть случай говорить объ историческомъ значеніи и заслугахъ этого вѣрованія, а теперь обратимся къ другому направленію, которое, не будучи связано съ отдаленною древностію, возникло само по себѣ изъ плодотворнаго критическаго взгляда на католичество, изъ такъ называемаго раціонализма. Если дуализмъ протягивалъ руку изъ дали вѣковъ Зороастру и магамъ персидскимъ, считая своимъ непосредственнымъ творцемъ Манеса, а организаторами славянскихъ поповъ Болгаріи (242), и, внося много неисторич-

(242) Прямое происхожденіе альбигойцевъ — катаровъ отъ богомиловъ Болгаріи признаютъ слѣд. авторитеты: Farlati. Illyricum sacrum; IV, 44 (Quos in Bosina et in Italia Patarenos, eosdem in Gallia Albigenses vulgo appellabant... hujus initia referunt ad Basilium quemdam genere Armenum, professione medicum;... ejus sectatores in exilium ejecti, delatique in Bulgariam, fidem incolarum pravitate dogmatum infecerunt; hic se Bongimilos, seu Bongomilos, id est Deo dilectos.. appellarunt. E Bulgaria in Galliam... Далѣе несправедливо Петръ де-Брюи, Генрихъ и Вальдо считаются послѣдователями богомильства, будто обогатившими послѣднее, но что важно, — вальдензы вмѣстѣ съ дуалистами: *dicti sunt omnes communi vocabulo Albigenses* ab Alba Augusta Helviorum, ut ajunt, ubi praecipue vigebant ac fere dominabantur).— Neander. Gesch. der chr. Rel. IV, 457 etc.—Matter. Hist. du gnosticisme.—О неудовлетворительности

наго, изощрялъ мысль къ подвигамъ, — то раціонализмъ, возникшій какъ законный протестъ всякому извращенію религіи и руководимый реформаторами и подвижниками XII столѣтія, оставилъ глубокій слѣдъ во всей новой исторіи человѣчества. Исторія была нѣсколько оскорблена вмѣшательствомъ чуждыхъ ей началъ; судьба несла ей теперь то, что она имѣла право требовать. Будто бы для того, чтобы сокрушить католицизмъ, оба враждебныя горнила были направлены на него въ одно время на одной и той же почвѣ.

Современники не всегда отличали одно направленіе отъ другаго, смѣшивая ихъ подъ именемъ альбигойскихъ ересей и чаще приписывая катарамъ черты, принадлежавшіе собственно раціоналистамъ въ родѣ вальдензовъ, а иногда даже прямо называя ихъ вальдензами. Такая ошибка встрѣчается даже у спеціалистовъ и авторитетовъ, у церковныхъ историковъ въ родѣ Бособра (243), а не только у другихъ старыхъ, новыхъ и современныхъ писателей французскихъ (244), нѣмецкихъ (245), англійскихъ (246). Такая же

мнѣнія К. Шмидта касательно самостоятельности ученія катаровъ, мы уже говорили. Богомилы не могли быть вѣтвью катаровъ еще и потому, что по его же доказательствамъ послѣдніе показались позже. Срв. I, 2—8; II, 264, 266.

(243) См. у Lelong. Bibliothèque historique de la France (1768; I, 375, 378) № 5737, 5764.—Самыя работы Бособра не изданы.

(244) Такъ думали всѣ гугенотскіе писатели и сами вальдензы: Chassanion (Histoire des Albigeois, touchant leur doctrine et leur religion, Gen. 1595,—по двумъ манускриптамъ лангедокскому и французскому,—книга теперь весьма рѣдкая и въ продажѣ не находящаяся; p. 29). Perrin (Hist. des chrestiens albigeois; Gèn. 1618, тоже очень рѣдкая,—находится въ библіотекѣ казанскаго университета; см. посвященіе герцогу Henri de Foix Candale и въ началѣ: Les Albigeois desquels il s'agit en cette histoire ne different point des Vaudois en croyance; 178, 222—223 et passim), Basnage (Egl. reformées; II, 164—174; вся 9 глава посвящена полемикѣ съ de-Meaux въ защиту поло-

огромная ошибка, между прочимъ, во всѣхъ русскихъ историческихъ учебникахъ, что въ особенности заслуживаетъ вниманіе, какъ совершенное извращеніе истины въ элементарномъ фактѣ большой важности и глубокаго значенія именно для славянскаго племени, заявившемъ въ альбигойскомъ вопросѣ нѣкоторое вліяніе на исторію Запада.

женія: «que les Albigeois n'etaient pas Manichéens et qu'ils avoient une Doctrine semblable à celle des Reformez»; доводы опираются на недовѣріи къ фанатическимъ историкамъ альбигойцевъ, на молчаніи соборовъ лаворскаго, турскаго и тулузскаго о манихействѣ еретиковъ, на авторитетѣ нѣкоторыхъ историковъ,—но соборы перетолкованы неполно, пристрастно и неправильно, а приведенные авторитеты не заслуживаютъ такого названія по ихъ ничтожному и одностороннему знакомству съ источниками), Leger (Egl. vaudoises; I, 17—18), Abadie (La vérité de la religion réformée, 1718, Rott. I, 338)—Du-Tillet. (Hist. belli contra Albigenses, издана только въ 1845 г. въ Берлинѣ). Этотъ полемистъ писалъ по «хартіямъ государственнымъ», но онъ вѣроятно пользовался ими дурно, такъ что Basnage воспользовался случаемъ сказать: «il faut donc dire ou que les chartes du Roi sont fausses, ou que le sentiment de M. de Meaux n'ést pas veritable» (II, 1671).—De Serret (Hist. de France. Louis VIII; p. 96) говоритъ, будто онъ видѣлъ такой древній документъ, изъ котораго прямо можно заключить, что Виклефъ и Лютеръ только возобновили ученіе альбигойцевъ, «car ils ne vouloient point recevoir l'autorité du Pape, ni le reconnoître pour l'Evêque Universel».—Vignier (Recuel de l'histoire de l'Eglise, подъ 1206 годомъ) будто, по какому-то старому документу ихъ исповѣданія, альбигойцы не имѣли даже тѣни манихейства.—Bertr. Girard (Hist. de la France, l. X) говоритъ о неповиновеніи папѣ.—Percin (Monumenta conventus Tolosani, 1693; p. 2 etc.).—Voltaire (Oeuvres complètes; ed. de 1859; VII, 380), нисколько не подозрѣвая различія сектъ, связываетъ почему-то альбигойцевъ съ первыми христіанами Галліи, которые «ne connaissaient alors ni images, ni reliques, ni transsubstantiation. Il se trouva ensuite des hommes qui ne voulurent de loi que l'Evangile, et qui prêchèrent à peu près les mêmes dogmes que tiennent aujourd'hui les protestants (!) On les nommait *Vaudois*, parce qu'il y en avait beaucoup dans les vallées du Piémont; *Albigeois*, à cause de la

Именемъ «Альбигойцы», правда, довольно часто обозначаются и въ памятникахъ и въ пособіяхъ собственно дуалисты, но тотъ смыслъ, въ которомъ мы ихъ понимаемъ, т. е. какъ общій объединительный терминъ оппозиціи средневѣковому Риму на почвѣ Лангедока, встрѣчается и въ главнѣйшихъ источникахъ, современныхъ альбигойскимъ по-

---

ville d'Albi; *bons hommes*, par la regularité dont ils se piquaient; enfin *manichéens* (?), du nom qu'on donnait alors en général aux hérétiques» (Essai sur les moeurs; chap. LXII).—Того же убѣжденія держится вполнѣ Muston; при всей своей учености, при всей важности своего труда написаннаго по массѣ манускриптовъ, онъ впадаетъ въ удивительныя ошибки (L'Israël des Alpes ou l'hist. des Vaudois du Piémont, 4 v. 1851; avert. и въ нач.): «Les Vaudois des Alpes sont, selon nous, des chrétiens primitifs ou des héritiers de l'Eglise primitive, conservés dans ces vallées... Ce n'est pas eux qui se sont séparés du catholicisme, mais le catholicisme qui s'est séparé d'eux, en modifiant le culte primitif».—По Monastier (Egl. vaudoise, I, 71),—катары, манихейцы, альбигойцы,—ошибочныя и мѣстныя названія секты Вальдензовъ,—Julia (Hist. de Béziers; 72) полагаетъ, что вѣрованія альбигойцевъ «avaient la plus grande analogie avec celles des protestants de nos jours».—Mary-Lafon (Midi II, 405, 391) считаетъ альбигойцевъ тѣми же вальдензами,— «réformateurs un peu trop mystiques, un peu trop égarés dans l'idéal des croyances chrétiennes primitives... Vaudois—du pays d'où ils venaient»..

([245]) Mosheim. Institutiones hist. eccles. 1764; S. 551.—Fuesslin. Kirchen und Ketzerhistorie. 1772, 3 v. II, 161.—H. Schmid. Der Mysticismus des Mittelalters. 1824; S. 387.

([246]) Allix. Remarks upon the ancient church of Piedmont. L. 1690.—Blair. Hist. of the Waldenses, Ed. 2 v. 1833.—Stanley Faber. An inquiry into the history and the theology of the ancient Vallenses and Albigenses, L. 1838.—Въ Англіи мысль о тождествѣ Альбигойцевъ съ Вальдензами и объ апостольской древности послѣднихъ была одвимъ изъ популярныхъ научныхъ предразсудковъ до появленія капитальнаго труда Maitland'a, по отзывамъ, за 10 лѣтъ раньше К. Шмидта разъяснившаго вопросъ о катарахъ (Facts and documents illustrative of the history, doctrine and rites of the ancient Albigenses and Waldenses, L. 1838).

ходамъ. Изложеніе Петра Сернейскаго показываетъ, что дуалистовъ было большинство во всей области романскаго языка и большинство столь значительное, что для него альбигойцы никто иные какъ дуалисты, что видно изъ его второй главы. Но всѣ манускрипты его сочиненія озаглавливаютъ эту главу: de diversis haereticorum sectis, — хотя авторъ ([247]) безразлично называетъ всѣ таковыя то альбигойцами, то провансальскими еретиками (generaliter Albigenses vocantur, eo quod aliae nationes haereticos Provinciales, Albigenses consueverint appellare, какъ видно изъ предисловія), включая въ нихъ и раціоналистовъ (erant praeterea alii haeretici, qui Waldenses dicebantur etc.). Въ 6 главѣ онъ описываетъ диспутъ съ вальдензами и замѣчаетъ, что одна изъ сестеръ графа де Фуа держится этого исповѣданія. Въ 19 главѣ разскрывая разграбленіе Монфоромъ владѣній Ратьера Кастельно, Петръ имѣетъ случай замѣтить, что крестоносцы повѣсили семерыхъ вальдензовъ, — такъ какъ послѣдователи раціоналистовъ стояли въ одномъ лагерѣ съ катарами ([248]).

Тотъ же фактъ съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчается и въ латинской лѣтописи «о славныхъ подвигахъ французовъ», т. е. объ истребленіи ими еретиковъ, записанное подъ 1214 годомъ ([249]). Вильгельмъ изъ Пюи — Лорана, перечисляя еретиковъ Альбигойи, говоритъ, что между ними были «одни аріане, другіе манихейцы, иные же вальдензы или ліонцы» ([250]), хотя слѣдующая фраза (et alii quidem Valdenses contra alios acutissime disputabant) заставляетъ подозрѣвать, что авторъ не умѣлъ отличить ихъ отъ дуалистовъ. Неизвѣстный провансальскій поэтъ, такъ хорошо описавшій Югъ во время крестовой войны, разсказываетъ, что на латеранскомъ соборѣ, прелаты, защищая Монфора, говорили ([251]), что онъ изгналъ изъ Каркассоны еретиковъ (катаровъ), бро-

([247]) Migne; CCXIII, 546—551.

([248]) ib. 554, 555, 686.

([249]) Collection des mém. par Guizot; XV, 346.

([250]) Guilelmus de Podio Laurentii. Chron. in pref.

([251]) La cansos de la crozada contr els ereges d'Albeges; v. 3502 (Fauriel; p. 248).

дягъ—разбойниковъ и вальдензовъ (e casses los eretges els rotiers els Valdres). Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ у Жуанвилля ([252]), мы встрѣтили указаніе на то же значеніе вальдензовъ, какъ составной части послѣдователей такъ называемыхъ альбигойскихъ вѣроисповѣданій.

Въ свою очередь и *религію Вальдензовъ* было бы *ошибочно принимать за цѣлостную* и самостоятельную. *Она есть также объединительный терминъ для многихъ сектъ* раціоналистическаго или, какъ можно назвать, *реформатскаго направленія*, отчасти съ чертами піетизма. Въ противоположность дуалистической Церкви, начало которой исчезаетъ въ древности, каждая изъ сектъ реформатскихъ имѣла своего основателя, давшаго ей догматъ, практическій и моральный кодексъ.—

Петръ де-Брюи, какъ онъ названъ по мѣсту рожденія, былъ однимъ изъ числа ересіарховъ. Онъ началъ дѣйствовать около 1105 года. Имъ руководило искреннее убѣжденіе въ необходимости реформы. Онъ принадлежалъ къ духовному сословію. Быстрый успѣхъ сопровождалъ его ученіе въ Гіенни и Лангедокѣ. Онъ дѣйствовалъ и поучалъ одновременно съ извѣстнымъ намъ Танхелиномъ, съ которымъ былъ друженъ нѣкоторое время, пока вскорѣ въ лицѣ своего ученика Генриха нашелъ себѣ призваннаго продолжателя. Жестоко гонимый, Петръ былъ схваченъ и сожженъ въ 1125 г., въ томъ самомъ Санъ-Жиллѣ, гдѣ послѣ былъ наказанъ Раймондъ VI ([253]). Тогда Генрихъ замѣнилъ его проповѣдываніемъ, получивъ на свое попеченіе большое пространство, обнимавшее всю южную Францію. Ученіе Петра де Брюи однимъ изъ его католическихъ историковъ, аббатомъ Петромъ Достопочтеннымъ, выражается въ пяти пунктахъ. Въ первомъ пунктѣ запрещается крестить младенцевъ, какъ еще не понимающихъ значенія этого таинства. А если крещеніе, совершенное въ дѣтствѣ, не дѣйствительно, то не только прежнее человѣчество, но самые т. н. Отцы Церкви, муче-

([252]) Joinville. Hist. de Saint Louys IX; c. 26 (Michaud et Poujoulat. Coll. I, 182). Здѣсь подъ именемъ «plusieurs gent des Albigeois» разумѣются вальдензы.

([253]) Hahn. Man. Ketz. 410.—Baronius принимаетъ 1126 годъ (Ann. eccles. t. XVIII).

ники, тѣмъ болѣе всѣ папы, епископы и пр. должны быть осуждены какъ не христіане ([254]). Во второмъ пунктѣ запрещается построеніе храмовъ, какъ излишнее, ибо Церковь Христова складывается не изъ стѣнъ, не изъ камней, а изъ единенія вѣрующихъ, и притомъ единенія духовнаго. Можно также удобно молиться въ тавернѣ, какъ въ Церкви, на площади—какъ во храмѣ, предъ алтаремъ—какъ передъ стойломъ и всегда быть услышаннымъ Богомъ ([255]). Въ третьемъ:—кресты должны быть сломаны и сожжены, какъ орудіе, на которомъ такъ мученически пострадалъ Спаситель и такъ жестоко былъ умерщвленъ. Никакого почитанія или, что ужаснѣе, поклоненія имъ не должно быть оказываемо, а напротивъ позоръ, мечь и огонь надобно воздвигнуть на нихъ. Тоже самое утверждали и катары. Упомянутый противникъ ересіарха, имѣющій обыкновеніе текстами возражать противъ положеній Петра де Брюи, восклицаетъ по поводу этого столь односторонняго взгляда:—«если уничтожить крестъ, то не уничтожится ли тѣмъ имя распятаго»,—ubi crucifixi mentio remanebit? ([256]). Но, какъ бы въ отвѣтъ на то, еретики, назвавшіеся петробрусіанцами, послѣ казни своего учителя, сожгли публично огромное множество крестовъ. Доводамъ о чудесахъ, творимыхъ крестомъ, они также не могли повѣрить, потому что были столь же непримиримыми противниками чудотворенія. Въ четвертомъ,—

([254]) Источниками служатъ **Petri Venerabilis** epistola adversus Petrobrusianos (Bibl. Patr. Lugd. XXII, 1033 sq.); **Heriberti** ep. de haereticis Petragoricensibus (**Mabillon**. Vetera analecta; III, 467 sq. и **Martène**. Thes. nov. anecd. I, 453 sq.), направленное противъ перигорскаго послѣдователя Генриха именемъ Понція; **Hugonis** tres libri contra haer. sui temporis.—**I. G. Meissner**. Diss. de Petrobrusianis et Henricianis. Vit. 1682 —**Hecker**. Diss. de Petr. et Henr. testibus veritatis seculi XII. Lips. 1721.

([255]) Nec esse necessaria Christianis sacra loca ad orandum, quoniam aeque in taberna et in Ecclesia, in foro et in templo, ante altare vel ante stabulum invocatus Deus audit, et eos qui merentur exaudit, **Petr. Ven.** XXII, 1048.

([256]) **Flathe**. Vorl. der Ref. 303.

тѣло и кровь Христова ни силою божественною, ни заслугами священниковъ не претворяются и потому все, что при совершеніи этого таинства дѣлается въ алтарѣ, излишне и безполезно; такъ отвергалось все таинство Причащенія. Въ этомъ отрицаніи петробрусіанцы шли дальше послѣдователей Беренгарія турскаго, нѣсколько раньше проводившаго подобное же ученіе,—и потому мнѣніе Флате ([257]), будто еретики имѣли таинство Причащенія и не признавали необходимости только внѣшнихъ обрядовъ священнослуженія, недостаточно вѣрно, равно какъ и мнѣніе Фюсслина ([258]), что они будто принимали вечерю за воспоминаніе о смерти Спасителя,—какъ доказалъ Ганъ ([259]). Наконецъ въ пятомъ положеніи,—брюисскій реформаторъ осмѣиваетъ всѣ остальныя таинства, отрицаетъ необходимость молитвы, милостыню и все то, что дѣлается живыми, чтобы спасти мертвыхъ. Все это ни малѣйшимъ образомъ не можетъ быть полезно мертвымъ; ни умалить, ни уменьшить ихъ наказанія оно не можетъ, ибо душа заранѣе предназначена къ осужденію или къ вѣчной жизни.—Еще больше сходства съ позднѣйшимъ кальвинизмомъ представляла ихъ антипатія ко всякой церковной внѣшности, къ украшеніямъ, къ музыкѣ, къ органамъ католическимъ, даже гимнамъ и молитвамъ, хотя бы обращеннымъ къ Богу; ихъ собственныя молитвы не допускали мелодіи. Петробрусіанцы подобно катарамъ принимали непреложнымъ только Евангеліе, но Ветхій Завѣтъ, равно какъ дѣянія и посланія Павла отрицали,—потому-ли что считали излишнимъ или заподозривали его достовѣрность (aut dubias dicere certum est). Полная независимость Петра де Брюи отъ тенденцій дуализма, совершенная самостоятельность его ученія во многомъ опередила великихъ реформаторовъ XVI вѣка. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ противоположность катарамъ, онъ отрицалъ необходимость плотскаго воздержанія, признавалъ бракъ; послѣдователи этого ученія всегда ѣли мясо, не имѣли понятія о католическихъ постахъ. Нѣтъ даже общихъ побужденій ме-

---

([257]) «Sie hatten zwei Sacramente, die Taufe und das Abendmal». 306

([258]) **Fuesslin**. Kirchen и Ketzerhistorie; I, 205.

([259]) **Hahn**. Man. Ketz. 421—423.

жду дуалистами и петробрусіанцами въ томъ, что послѣдніе отрицали крещеніе и Ветхій Завѣтъ, и потому нѣтъ необходимости видѣть въ реформаторѣ брюисскомъ посредника между манихействомъ и евангеличествомъ, какъ полагаетъ нѣмецкій ученый Ганъ ([260]). Это было бы возможнѣе сказать про Танхелина, Бонакорсо, Стеллу. Несомнѣнно, что Петръ де Брюи и его ученики приготовили новыхъ альбигойцевъ, но вообще значеніе и смыслъ его рѣчи въ исторіи человѣчества мало оцѣнены. Онъ стоитъ въ ней особнякомъ и, въ отдаленное время, на иной почвѣ, этотъ уроженецъ Юга блистательно формулируетъ тѣ идеи, передъ которыми черезъ четыре столѣтія преклонилась половина германской расы и могучую силу которыхъ призналъ весь цивилизованный міръ. Онъ же первый пострадалъ на кострѣ за свои религіозныя убѣжденія. Ученіе его пріобрѣло большое количество послѣдователей, и въ добавокъ нашло новаго вождя, который, идя по слѣдамъ великаго учителя, придалъ его идеямъ стройность и развитіе.

Откуда былъ родомъ этотъ человѣкъ, по сіе время не опредѣлено. Онъ назывался Генрихомъ и дѣйствовалъ еще при жизни Петра. Когда онъ появился въ Лозаннѣ, его принимали то за швейцарца, то за итальянца. Прежде онъ былъ въ клюнійскомъ монастырѣ, гдѣ отличался воздержаніемъ и достигъ званія діакона. Скоро заговорили объ его благочестіи, большихъ дарованіяхъ, дарѣ пророчества и чудотвореніяхъ. Въ черной рясѣ, истомленный бдѣніемъ, съ длинной бородой, съ крестомъ въ рукѣ, всегда поучающій, онъ уподоблялся апостоламъ. Слухи о немъ черезъ учениковъ дошли до жителей Манса. Они просили у своего епископа разрѣшить Генриху проповѣдывать въ городѣ. Въ 1116 г. Генрихъ прибылъ въ Мансъ и, восторженно принятый, съ первой же проповѣди произвелъ фуроръ. Клирики сидѣли у ногъ его; толпы народа тѣснили каѳедру. Пылкая рѣчь неодолимо приковывала слушателей; въ городѣ этомъ и безъ того жило много еретиковъ разныхъ толковъ. Проповѣдникъ столь могуче говорилъ о порчѣ и фарисействѣ духовенства, что народъ тутъ же кинулся на присутствовавшихъ священниковъ, которые избитые едва могли спастись. Городское

([260]) id. 438.

духовенство опасалось за свои имущества, дома, жизнь. Народъ, увлекаясь проповѣдникомъ, съ каждымъ днемъ приходилъ въ большую ярость, грозился сжечь, перебить, перевѣшать фарисеевъ, враговъ Бога. Епископъ былъ въ отъѣздѣ, въ Римѣ. Въ отчаяніи, духовенство послало письмо къ Генриху, который такъ не оправдалъ ихъ ожиданій. «Мы надѣялись, писали они, что ты будешь поучать народъ спасенію душъ, вразумлять его и чисто сѣять сѣмена слова Божія въ ихъ сердца, но ты мстишь смѣшеніемъ дружбы съ враждою, чести съ позоромъ, любви съ ненавистью, благословенія съ проклятіемъ и безпокоишь Церковь Божію ложью. Ты посѣялъ вражду между клиромъ и народомъ и повелъ его съ мечами и дреколіями на Церковь, его матерь. Ты намъ далъ Іудино лобзаніе и открыто назвалъ насъ и все духовенство православное еретиками. Больше того; ты, что еще ужаснѣе, многими неприличными и развратными словами возстаешь противъ Церкви католической. Потому, мы повелѣваемъ тебѣ и твоимъ послѣдователямъ, именемъ высочайшей, нераздѣльной Троицы, всей православной Церкви, Святой Богородицы Маріи, святаго князя апостоловъ Петра и его намѣстника папы Пасхалиса и нашего епископа Гильдеберта, навсегда удалиться изъ предѣловъ епархіи Манса и ни тайно, ни явно не проповѣдывать, не распространять свое лжеученіе. А если ты вопреки сему запрещенію позволишь себѣ снова изъ твоихъ нечистыхъ устъ распространять, — то мы тебя, твоихъ покровителей и послѣдователей, въ силу вышесказаннаго, предадимъ отлученію и да поразитъ тебя тотъ, котораго божество ты такъ ужасно опозорилъ, —проклятіемъ въ день суда вѣчнаго» ([261]). Генрихъ не принялъ письма, а заставилъ его прочесть при себѣ. — «Ты лжешь», сказалъ онъ посланному. Въ отвѣтъ на угрозы онъ отвѣчалъ новою манифестаціею. Онъ призвалъ къ себѣ женщинъ сомнительнаго поведенія и велѣлъ всѣмъ вступать въ супружество съ юношами, на которыхъ онъ указалъ, дабы въ городѣ не было ничего нечистаго. Золото и серебро сносили ему на раздачу приданаго. Онъ встрѣтилъ епископа при его возвращеніи. О многихъ благотворныхъ перемѣнахъ въ городѣ епископъ былъ предупрежденъ заранѣе, но отъ городскаго духовенства онъ услыхалъ иное.

([261]) **Hefele**. Conciliengesch. V, 380.—**Hahn**, 446.

При торжественномъ въѣздѣ въ городъ, когда епископъ расточалъ свои благословенія направо и на лѣво, въ народѣ говорили: «не надо намъ твоихъ благословеній; святи и благословляй эту грязь. У насъ есть свой отецъ епископъ, заступникъ, который не тебѣ чета, а ведетъ святую жизнь и знаетъ больше тебя; твои попы его оклеветали, потому что онъ обнажилъ ихъ ересь, ихъ развратъ» и далѣе въ томъ же родѣ. Какъ ни снисходительно выслушивалъ добрый епископъ этотъ ропотъ, однако не преминулъ лично навѣстить Генриха и переговорить съ нимъ. Результатомъ было удаленіе Генриха изъ города; по словамъ епископа, онъ оказался недостаточно свѣдущимъ въ богословіи и предметахъ духовныхъ, чтобы поучать паству. Хотя послѣ, духовенство съумѣло унять народъ, но память о Генрихѣ еще долго продолжала жить среди обитателей Манса.

Генрихъ между тѣмъ отправился искать себѣ другаго убѣжища. Черезъ Пуатье и Бордо, онъ прибылъ въ Лангедокъ. Въ нарбоннской епархіи онъ встрѣтился съ Петромъ де Брюи; ихъ убѣжденія сходились; ихъ цѣли были одинаковы. Генрихъ объявилъ себя ученикомъ и апостоломъ Петра. Когда его наставникъ былъ сожженъ, Генрихъ вернулся въ Гасконь; здѣсь его захватилъ епископъ арльскій (1134 годъ). Ересіархъ былъ отвезенъ въ Италію и представленъ передъ лицо папы Иннокентія II на пизанскомъ соборѣ. Его ученіе было осуждено, но поступлено съ нимъ было снисходительно, хотя аббатъ Бернаръ сильно ратовалъ здѣсь противъ еретиковъ. Его присмотру и исправленію былъ порученъ Генрихъ. Бѣжалъ ли ересіархъ изъ заключенія или былъ освобожденъ, только онъ внезапно опять появился въ Лангедокѣ и снова здѣсь начались его блистательные успѣхи; особенно сильно было его вліяніе въ Тулузѣ. Графъ тулузскій Альфонсъ открыто объявилъ себя за Генриха. Понятно, что Риму нѣкогда было разбирать содержаніе ученія новатора. Знали, что въ Тулузѣ много тѣхъ самыхъ еретиковъ, которыми славятся города Альбижуа, и Генриха причислили къ тѣмъ же альбигойцамъ, къ тѣмъ же манихейцамъ. Знаменитый городъ открыто объявилъ себя за ересь: и въ Римѣ всполохнулись. Легатъ Евгенія III, кардиналъ остійскій Альберикъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ прибылъ на Югъ. На помощь призвали и краснорѣчіе св. Бернара. Предпринимая путешествіе въ Тулузу,

Бернаръ съ дороги послалъ письмо графу Альфонсу, въ которомъ фанатизму позволилъ увлечь себя до извращенія истины. — «Неужели неизвѣстно тебѣ, государь, пишетъ аббатъ, сколь великіе раздоры причинилъ еретикъ Генрихъ св. Церкви! Въ твоихъ владѣніяхъ этотъ хищный волкъ принимаетъ видъ смиреннаго агнца; но потщись узнать его по послѣдствіямъ, какія производитъ его проповѣдь. Ни души не видно болѣе въ храмахъ Лангедока; духовныя власти не уважаются; надъ святыми Таинствами кощунствуютъ; умираютъ безъ покаянія; дѣтей не крестятъ. Можетъ ли, послѣ всего этого, причиною зла столь великаго быть человѣкъ Божій? Безъ сомнѣнія нѣтъ,—а между тѣмъ этого человѣка слушаютъ. Этотъ лживый «докторъ» успѣлъ увѣрить, что отцы наши обманывались, что мы заблуждаемся, что смертью Іисуса не искупляется смерть христіанъ, и что спасутся только тѣ, которые послѣдуютъ новому ученію. Вотъ почему я рѣшился предпринять странствіе, не смотря на великія немощи мои. Я отправлюсь въ страну, гдѣ чудовище это произвело наиболѣе опустошеній и гдѣ никто не смѣлъ воспротивиться ему. Хотя его нечестіе достаточно извѣстно во множествѣ городовъ королевства, — однако онъ находитъ у тебя пристанище, и, подъ кровомъ благорасположенія твоего безбоязненно опустошаетъ стадо Христово. Не удивляюсь однако, да и удивляться не чему, что сей змій обманулъ тебя, ибо онъ имѣетъ обликъ добродѣтели,—познайте же его! Это отступникъ, избѣгающій власти начальниковъ того ордена, къ которымъ онъ принадлежитъ; нѣкогда онъ просилъ подаянія, послѣ же сталъ проповѣдывать, дабы тѣмъ снискать себѣ пропитаніе. Все, что оставалось у него за издержками на необходимое, онъ или проигрывалъ или употреблялъ на удовольствія самыя преступныя; въ продолженіе дня упивался восторгами слушателей, онъ проводилъ ночи у развратницъ. Освѣдомься, государь, о причинахъ, которыя побудили еретика оставить Пуатье и Бордо, и тогда ты узнаешь, какъ онъ потому не смѣетъ вернуться туда, что оставилъ тамъ самые постыдные слѣды своего разврата. Ты надѣялся, государь, что такое древо дастъ тебѣ добрый плодъ, а изъ него не вышло ничего кромѣ порчи, способной погубить твои зачинанія. И если я отправляюсь въ Тулузу, то не по собственному желанію, а вслѣдствіе повелѣній Церкви, возлагающихъ на меня долгъ исторгнуть плевелы, павшіе

на ниву Господню,—если только на то есть надежда. Но не я недостойный исторгну ихъ; я самъ по себѣ ничто. То сдѣлають прелаты, которыхъ я имѣю назначеніе сопровождать и между которыми значительнѣйшій,—кардиналъ легатъ Альберикъ, епископъ Остіи.»

Въ сущности, послѣднія слова были излишнею скромностью. Римъ главнымъ образомъ надѣялся на проповѣдь Бернара. И знаменитый аббатъ со славою исполнилъ эти ожиданія. Огромное вліяніе оказало на гражданъ тулузскихъ слово Бернара, по свидѣтельству католическихъ лѣтописей. Мужчины и женщины плакали въ церкви и публично каялись. Странствованіе Бернара по землѣ Лангедока уподоблялось побѣдному шествію тріумфатора. Бернаръ писалъ, что нѣтъ больше еретиковъ въ Тулузѣ ([262]), а между тѣмъ ихъ оставалось слишкомъ много. Но вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ римской куріей и мѣстнымъ епископомъ, Генрихъ былъ снова схваченъ и на соборѣ въ Реймсѣ въ 1148 году осужденъ на пожизненное заточеніе. Вскорѣ послѣ того, онъ умеръ.

Своимъ примѣромъ и дѣятельностію, Генрихъ естественно долженъ былъ сильно увеличить число послѣдователей евангелическаго ученія. Громадность оказаннаго имъ вліянія обнаруживается въ томъ взглядѣ, который имѣли на него католическіе историки Церкви. Петробрусіанцевъ назвали генрисіанами. Въ Генрихѣ совмѣщали всѣ еретическія ученія. Изъ него выводили всякое зло, всякую оппозицію католицизма. Такъ думаютъ Манзи и Мабильонъ. Они называютъ его главнымъ ересіархомъ, почти отцемъ средневѣковыхъ ересей ([263]). Въ сущности это далеко несправедливо. Если, напримѣръ, система Арнольда Брешіанскаго возникла подъ вліяніемъ лангедокскаго реформатора, то того нельзя сказать о разновидныхъ ересяхъ того же Лангедока. Догматика Генриха была та же, за которую пострадалъ Петръ де Брюи; онъ только обогатилъ и уяснилъ

([262]) Epist. 224. **Neander.** Der heiliger Bernard; 264—266.—Его письмо къ Альфонсу изъ **Langlois.** Crois. 5—7.

([263]) «Petri de Bruis impias haereses secuti sunt pene omnes qui post illum fuerunt haeretici». **Mansi.** Concilia; XXI, 525.—**Mabillon.** Vet. anal. III; 458, 468.—**Hahn,** 450—451.

ее проповѣдью, но не внесъ новыхъ основаній. Доказательствомъ того служитъ молчаніе памятниковъ. Въ нихъ какое-то смутное, хотя сильное впечатлѣніе оставляетъ личность Генриха; они не знаютъ, въ чемъ именно ересь знаменитаго проповѣдника, хотя подробно передаютъ всѣ мелкіе случаи его жизни, особенно указываютъ на его дружественныя отношенія къ Петру де Брюи и на сходство ученій того и другаго. На самомъ дѣлѣ, въ Генрихѣ въ совершенствѣ воплотилась религіозная мысль такъ называемыхъ вальдензовъ, названныхъ по имени своего непосредственнаго учителя, но въ сущности наслѣдниковъ Петра и Генриха. Говоря о догматикѣ вальдензовъ, мы должны подразумѣвать слѣдовательно ученіе ихъ отдаленныхъ предшественниковъ.

Когда явился Петръ Вальдо, бѣднякъ ліонскій,—память о Генрихѣ начинала исчезать; о немъ знали только по славному преданію. Оттого реформу Петра и Генриха связали съ именемъ Вальдо. Это было въ концѣ XII вѣка, на томъ же Югѣ, гдѣ такъ развита была ересь катаровъ, хотя названіе послѣднихъ скорѣе могло подходить къ послѣдователямъ евангелическаго ученія. Извѣстно, что Вальдо выступилъ на реформаторскую арену около 1175 года. Его впечатлительную натуру увлекла непреклонная вѣрность евангелическому догмату въ послѣдователяхъ Генриха. Богатый негоціантъ ліонскій, Вальдо изъ любви къ Богу и ближнимъ распродалъ и роздалъ все свое имущество и сталъ «нищимъ о Господѣ». Фамилія Вальдо встрѣчается издревле, но такъ какъ два документа показываютъ *существованіе* имени вальдензовъ и еще до появленія упомянутаго Вальдо, то возможно принять мнѣніе Мютона о томъ, что Петръ по торговымъ сношеніямъ имѣлъ случай заимствоваться идеями петробрусіанскихъ обитателей долинъ Піемонта (Vallenses, Valdenses),—Vaux ([264]). Добровольно сдѣлавшись нищимъ, Петръ посвятилъ себя на проповѣдь Евангелія. Его возбуждала мысль о недоступности св. Писанія.

([264]) **Muston.** L'Israël des Alpes; avert. XXXIII (прим. съ замѣткой К. Шмидта изъ его письма къ автору); I, 3. Въ первой половинѣ XII вѣка о «вальдензахъ» говоритъ **Evrard de Bethune** и **Bernard de Fontcaud**, писавшій книгу: contra *Valdenses* et Arianos, за 30 лѣтъ до появленія Вальдо.

Провансальскій переводъ евангелія ходилъ по рукамъ, старательно распространяемый катарами. Пророковъ и Дѣянія апостольскія онъ перевелъ самъ при помощи католическаго священника Стефана со многими мѣстами изъ св. Отцевъ, дабы убѣдить, что его ученіе вовсе не новое, а издревле было сознаваемо христіанскою Церковью. На улицахъ Ліона онъ сталъ толковать Евангеліе; народъ осаждалъ его на площадяхъ. Архіепископъ запретилъ ему проповѣдь, но Петръ лично оправдался передъ нимъ и вернулся въ Ліонъ. Папа полагалъ, что это совершенный глупецъ, который не можетъ отличить «credere aliquid» отъ «credere in aliquid.» А онъ между тѣмъ продолжаетъ говорить, что въ дѣлѣ религіи надо повиноваться одному Богу, а не людямъ, что Церковь римская отказалась отъ истинной вѣры и отъ ученія Христова и сдѣлалась блудницею вавилонской и тою безплодною смоковницею, которую нѣкогда проклялъ Іисусъ и повелѣлъ уничтожить. Онъ училъ, что не слѣдуетъ повиноваться ни папѣ, ни епископамъ, что монахи католическіе ведутъ дьявольскую жизнь, что ихъ обѣты цѣломудрія, — только предлогъ позорить юношей, что латинскіе священники носятъ на себѣ всѣ слѣды звѣря, упоминаемаго въ Апокалипсисѣ. Онъ отрицалъ чистилище, обѣдню, святыхъ, молитву за усопшихъ, называя все это изобрѣтеніемъ сатаны. Его проповѣдь надѣлала много шума въ городѣ. Онъ обладалъ тайной вліянія на массы. Народъ увлекся новою вѣрою; значительное количество перестало посѣщать Церкви; этихъ людей охватила жажда узнать истинное Евангеліе. «Большіе и малые, говоря лѣтописью, мужчины и женщины, дни и ночи стали проводить въ томъ, что учили и учились.» Работникъ, наработавшись до усталости днемъ, ночью слушалъ или читалъ Евангеліе. Другой переплывалъ въ бурю рѣку, чтобы прочесть пріятелю главы Писанія или поучить его. Были такіе, которые знали наизустъ многія мѣста изъ Новаго и Ветхаго Завѣта. Такой духъ, проявившійся въ народѣ, смутилъ католическихъ властей. Архіепископъ ліонскій (Jean de Belles-Maison), видя, что и вельможи и бѣдняки оставляютъ католичество, донесъ Риму. Уже въ 1179 г. на латеранскомъ соборѣ Петръ былъ объявленъ еретикомъ, а теперь, въ Веронѣ, въ 1184 Луцій III предалъ его анаѳемѣ вмѣстѣ съ его послѣдователями, которыхъ повелѣлъ изгнать изъ епархіи ліонской. Въ

1188 г. Вальдо уже не было въ Ліонѣ; онъ ушелъ во Фландрію. Въ Пикардіи онъ имѣлъ особенный успѣхъ; торговцы и богачи пошли по его стопамъ. Филиппъ-Августъ, въ одномъ изъ своихъ походовъ, разорилъ до 300 еретическихъ семействъ. Изъ Пикардіи Петръ и его ученики пошли въ Германію и Богемію (1197 г.); здѣсь вальдензовъ прозвали пикардами. Всюду гонимые, преслѣдуемые, ограбленные, они не находили себѣ пріюта, пока не разсѣялись въ долинахъ Піемонта, гдѣ и прежде было ихъ не мало въ сосѣдствѣ Лангедока. Здѣсь они занимали дистрикты собственно Прованса (какъ долины Pragela, Meane, Matthias, маркизатство Салуцское) и Піемонта (Keiras, Cezane, Freisiniers, Val Louise, Suse и др.), гдѣ пережили всѣ другія ереси самую великую реформарцію, навсегда сохранивъ свое отдѣльное бытіе. Дальнѣйшая участь ихъ вождя осталась неизвѣстною. Къ нимъ примкнули всѣ секты, исповѣдывавшія чисто евангелическое ученіе. Именемъ Вальдо стали обозначать петробрусіанцевъ, генрисіанъ, сперонистовъ, ліонцевъ и т. п. Религія вальдензовъ всегда была символомъ протеста противъ католичества. Благопріятныя политическія условія страны, въ которой они поселились, способствовали сбереженію не только чистоты ученія, но даже литературныхъ памятниковъ его. Какъ послѣдніе были совершенно затеряны у катаровъ, такъ они вполнѣ сохранились въ долинахъ Піемонта съ самаго перваго появленія петробрусіанства. Главнѣйшіе изъ нихъ, когда, во время возобновившихся гоненій, имъ стало грозить истребленіе, были перенесены въ Англію къ Кромвелю, который считался главою и покровителемъ протестантства, «capo e protettore», по словамъ венеціанскихъ реляцій. Съ 1658 г они хранятся въ библіотекѣ Кембриджа. Это множество памятниковъ богословскаго, назидательнаго, историческаго, обрядоваго и чисто поэтическаго характера. Частію цѣликомъ, частію въ извлеченіи, они, какъ и остальные документы, перепечатаны въ книгахъ двухъ гугенотовъ Лежера и Перрена, теперь довольно рѣдкихъ, которыя имѣются въ библіотекѣ казанскаго университета ([265]). Задушевная теплота чувства, искренность

([265]) Jean Leger. Hist. gén. des Eglises evangeliques des vallées de Piemont ou Vaudoises. div. en 2 livr. (Leyde, f. 1669);

тона, непримиримая ненависть къ католичеству, красивая форма изложенія, — отличительныя черты въ каждомъ произведеніи изъ этой литературной массы. Потому въ матеріалахъ для всесторонняго изученія религіи вальдензовъ нѣтъ и никогда не было недостатка, какъ бы въ полный контрастъ сравнительно съ катарами. Мы имѣемъ Катехизисъ для полнаго ознакомленія съ доктриной вальдензовъ, «Книгу добродѣтелей», заключающую въ себѣ изъясненіе заповѣдей, «Сокровище вѣры», толкованіе молитвы Господней, «Духовный альманахъ» ихъ нравственный практическій кодексъ, «Книгу о дисциплинѣ» съ тою же цѣлью и еще болѣе обстоятельной разработкой, такого же направленія дидактико-историческую поэму, подъ заглавіемъ «Благородное поученіе» (la nobla leyçon), замѣчательнѣйшій памятникъ между всѣми и по полнотѣ изложенія правилъ практической нравственности и по художественности исполненія, — наконецъ книгу о Таинствахъ и множество другихъ. «Исповѣданіе вѣры», въ ранней редакціи, компактнѣе всего передаетъ намъ ту евангелическую религію, которую исповѣдывали какъ ученики Вальдо, такъ и его предшественники XII столѣтія. Прежде, полагаемъ, слѣдуетъ указать на отличія и несходство въ ученіи катаровъ и вальдензовъ. Первые вѣрили въ двухъ боговъ, добраго и злаго; вальдензы признавали только одного, который создалъ вселенную (un segnor Dio local a forma la mont), который безъ начала и никакой другой богъ не существуетъ (e alcun autre non es), какъ только тотъ, который изъ неба, т. е. изъ добраго ([266]). Катары отрицали Троицу, а «Nobla leyçon» съ первыхъ же строкъ прославляетъ ее ([267]); въ поэмѣ же «Вѣчный Отецъ» читаемъ: «ты, еди-

I, 21—117.—I. P. Perrin, lionnais. Hist. des Chretiens Albigeois (Gen. 1618); 225—333.

([266]) Nobla Leyçon, v. 444; Payre eternal, v. 103—104.—О времени «Nobla Leyçon» см. послѣднія розысканія Dieckhoff'a. (Die Waldenser im Mittelalter. 1851, Gött. 143), который вмѣсто 1100 года появленіе (срв. Muston; av. XXXV et IV, bibl. 46) этой поэмы опредѣляетъ началомъ XIII столѣтія.

([267]) Параллель проведена въ основательномъ изслѣдованіи: Herzog. De origine et pristino statu Waldensium, Hal. 1848; p. 8—13.—Nobla Leyçon; v. 27—38.—Payre eternal. v. 152—154.

ный въ трехъ (un en tres), напиши на челѣ моемъ имя твоей троичности (de la toa trinita). Догматика ихъ въ этомъ вопросѣ была безупречно католическая; даже Духа Святаго они считали исходящимъ отъ Отца и Сына. Троица именуется, говоритъ ихъ катехизисъ, вслѣдствіе различія лицъ, но не въ смыслѣ сущности Божества, ибо будучи въ трехъ лицахъ, она не перестаетъ быть единымъ существомъ ([268]),—el es en un Essentia. Катары принимали разницу между Духомъ Святымъ, Утѣшителемъ, Верховнымъ Духомъ, а у вальдензовъ Св. Духъ называется: consolador, dreiturier, sant e principal ([269]).

Тѣ отрицали свободную волю, а «Nobla leyçon» говоритъ объ Адамѣ: «Богъ предоставилъ ему на волю поступать хорошо или дурно» ([270]). Тѣмъ болѣе они не раздѣляли заблужденій крайнихъ и умѣренныхъ катаровъ о составѣ существа человѣческаго, небесныхъ и земныхъ тѣлахъ, количествѣ душъ, ихъ переселеніи. У нихъ не было столь сильной антипатіи къ Ветхому Завѣту, о которомъ они относились не безъ сочувствія; они условно принимали только тѣ книги Ветхаго Завѣта, достовѣрность которыхъ была сомнительна даже для господствующей Церкви. Воплощеніе Спасителя они признавали, и точно также формулировали догматъ, какъ католики.

Лучше всего уясняется compendium ихъ религіи изъ упомянутаго «исповѣданія вѣры». Не намѣреваясь останавливаться на подробностяхъ, что было бы очень легко при обиліи матеріала, который благодаря рѣдкимъ книгамъ Лежера, Перрена, изслѣдованіямъ Герцога и Дикхофа и другихъ, находится въ нашихъ рукахъ, обходя ихъ потому, что система вальдензовъ играла вторую роль въ иновѣріяхъ альбигойскихъ,—обратимся къ этому памятнику. Вотъ его содержаніе въ дословномъ переводѣ ([271]): «1) Мы вѣруемъ,

([268]) Изъ Катехизиса вальд. у Perrin. Hist. des Alb. 163.

([269]) Payre eternal, v. 16, 25.—Herzog, 9.

([270]) Nobla Leyçon, v. 71. Payre eternal, v. 58, 140.—Herzog, 10.

([271]) Напечатано у Leger. Hist. gén. des Eglises vaudoises; I, 92—95.—Muston считаетъ редакцію этого исповѣданія позд-

такъ начинается исповѣданіе, и твердо уповаемъ (fermament tenen) во все то, что содержится въ 12 членахъ Символа, называемаго апостольскимъ, и считаемъ за ересь всё, что противорѣчитъ и что не подходитъ къ этимъ 12 членамъ. 2) Мы вѣруемъ въ Бога Отца, Сына и Св. Духа. 3) Мы считаемъ за св. Писаніе, за каноническое,—книги святой Библіи (по этому поводу перечисляются даже тѣ, которыя они считали за апокрифы Ветхаго Завѣта, какъ: 3 и 4 книга Эздры, Товіи, Іудиѳь, Премудростей, Екклезіастъ, Варуха съ посланіями Іереміи, Есѳирь съ 10 главы до конца, Пѣснь 3 отроковъ въ пещи, исторія Сусанны, исторія дракона, 3 книги Макавеевъ). 4) Всѣ вышеперечисленныя книги показываютъ, что Богъ есть всемогущъ, премудръ, всеблагій, который все содѣлалъ своею благостью. Ибо онъ создалъ (a forma) Адама по своему образу и подобію, но что завистью діявола и непослушаніемъ сказаннаго Адама, грѣхъ вошелъ въ міръ и мы стали грѣшниками въ Адамѣ и Адамомъ. 5) Христосъ завѣщалъ отцамъ, которые получили законъ, чтобы, сознавъ сердечно свои прегрѣшенія, недостатокъ истинной правды, свою слабость, они просили бы пришествія Христа, дабы искупить ихъ грѣхъ и тѣмъ сохранить законъ для себя самихъ. 6) Что Христосъ, рожденный во время, указанное Богомъ Отцемъ, и увидавъ сколько нечестія развелось, низшелъ на землю, но никакъ не изъ за одниxъ добрыхъ дѣлъ, ибо всѣ были грѣшники, а съ тѣмъ, чтобы оказать намъ благость и милосердіе. 7) Что Христосъ для насъ истина, жизнь, правда и миръ, пастырь, заступникъ, жертва (hostia) и искупитель и что онъ умеръ за всѣхъ вѣрныхъ и воскресъ ради нашего оправданія. 8) Потому мы твердо постановляемъ, что нѣтъ другаго Посредника и Заступника передъ Богомъ, кромѣ Іисуса Христа; однако дѣва Марія была святая, кротка и полна благости; а также мы вѣруемъ во всѣхъ другихъ святыхъ, которыхъ ожидаетъ на небѣ воскресеніе ихъ тѣлъ передъ судомъ. 9) Также мы вѣримъ, что послѣ этой жизни только два мѣста, одно для спасенныхъ, которое называемъ раемъ, и другое для осужденныхъ, которое называемъ адомъ; совершенно отвергаемъ мы чистилище, придуманное діяволомъ вопреки истинѣ. 10) Также мы не перестанемъ вѣровать, что поношеніемъ было бы говорить предъ Господомъ о предметахъ, изобрѣтенныхъ людьми (las cosos atrobas de li hames), каковы суть: праздники, вечери святыхъ и вода, называемая благословенною, а также воздержаніе въ извѣстные дни отъ плотскихъ наслажденій, отъ мяса и подобныхъ вещей, а особенно объ обѣдняхъ. 11) Мы презираемъ преданія человѣческія, какъ изобрѣтенія антихристовы, возмущающія насъ, и какъ предосудительныя свободѣ духа. 12) Мы вѣримъ, что Таинство—это знакъ, видимая внѣшность святыхъ дѣлъ и сознаемъ необходимость время отъ времени прибѣгать къ этимъ символамъ, этимъ внѣшностямъ, если то возможно. Однако мы вѣримъ, что вѣрующій можетъ спастися и не прибѣгая къ означеннымъ средствамъ, если бы, напримѣръ, для того не было мѣста и не оказалось бы средствъ. 13) Мы не знаемъ другаго таковаго Таинства, кромѣ Крещенія и Евхаристіи. 14) Мы должны почитать свѣтскую власть, подчиняться ей и повиноваться со всею готовностію (en promptessa e en pagamènt)».

нѣйшею (IV, bibl. 143), но его отрицаніе вальдензскаго взгляда на таинства противорѣчитъ древнимъ памятникамъ. Срв. Perrin. Albigeois, 328.

Церковь вальдензовъ, прозванная бѣдняками ліонскими, согласно своему исповѣданію, отрицала всякое внѣшнее выраженіе. Въ ней не было ни установившихся обрядовъ, ни прелатовъ, ни монаховъ, ни десятинъ, ни церковныхъ имѣній, ни привиллегій, ни патримоній, ни эпитимій. Бракъ священниковъ этихъ «barba» былъ дозволенъ. Barbas вальдензовъ посвящали всю свою дѣятельность проповѣдыванію. Они должны обладать внутреннимъ просвѣщеніемъ, увлекаться животворящимъ духомъ. Ихъ объясненіе таинствъ, запрещеніе крестить дѣтей, напоминаетъ подобное же ученіе русскихъ духоборцевъ ([272]). Послѣдніе имѣютъ столь же близкую связь съ евангелическою вѣтвью Альбигойцевъ, какъ люди Божіи съ дуалистическою ихъ вѣтвью. Практическій кодексъ нравственной жизни вальдензовъ и обязанности духовенства ихъ предписываются стихами той же Nobla leyçon: «Пастыри церковные не должны проклинать и убивать лучшихъ людей и оставлять жить въ мірѣ злыхъ и обманщи-

([272]) Новицкій. О Духоборцахъ; 74.

ковъ; этимъ узнается только, что они пастыри не добрые, что они любятъ овецъ только для того, чтобы стричь ихъ. Но Писаніе гласитъ, да и видѣть теперь можно вездѣ, что есть добрые люди, любящіе Бога и Христа, которые не хотятъ ни злорѣчить, ни клясться, ни лгать, ни любодѣйствовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своимъ врагамъ: это-то и есть вальдензы, за-это-то ихъ и влекутъ на казнь. Тѣ злые пастыри совершаютъ много грѣховъ, за 100, за 200, за 300 ливровъ они даютъ разрѣшеніе, а довѣрчивая паства не знаетъ, что этимъ впадаетъ въ смертный грѣхъ, ибо я могу сказать вамъ навѣрное (таковы слова барбы), что всѣ папы, послѣ Сильвестра до настоящаго времени, всѣ кардиналы, епископы и аббаты, всѣ вмѣстѣ не могутъ дать ни одного разрѣшенія и простить смертныхъ грѣховъ кому бы то ни было. Ибо одинъ Богъ прощаетъ, никто другой не можетъ, а истинные пастыри должны проповѣдывать народу и непрестанно внушать ему божественное ученіе, очищать его добрымъ примѣромъ (donanta lor decipllina) и добрыми увѣщаніями и такъ заставить его покаяться, дабы идти по слѣдамъ Іисуса Христа, исполняя его волю, неуклонно соблюдая все, что повелѣлъ онъ. Только тѣмъ можно избѣжать антихриста и не подчиниться его дѣламъ и словамъ, а по Писанію уже много антихристовъ, ибо Антихристъ значитъ все противное Христу (273). Частная жизнь этихъ сектантовъ была безупречна; она напоминала пуританъ XVII столѣтія, съ которыми вальдензы имѣютъ удивительное сходство. Подобно имъ, они доходили до ригоризма и, живя на почвѣ Юга, будто принесли туда начало сѣверной стойкости и неодолимой крѣпости духа въ виду соблазновъ міра. Подобно имъ, они любили говорить ветхозавѣтнымъ языкомъ; а кротость и молчаніе тѣхъ и другихъ могли обратиться въ неудержимое негодованіе только при видѣ иконы или католической статуи. Барбы вальдензовъ старались принимать внѣшность еврейскихъ судей. Все это дало поводъ одному изъ невѣдущихъ французскихъ романистовъ (274) совершенно превратно перенести весь культъ вальдензовъ на массу альбигойцевъ-дуалистовъ, съ которою

(273) Leger; I, 28—30.

(274) Ch. Mathurin. Les Albigeois, 4 v. есть русскій переводъ.

вальдензы имѣли мало общихъ догматическихъ основаній и во многомъ представляли противоположность; при томъ даже они были не столь многочисленны на Югѣ. «Можно ли позорить Бога, изображая его въ видѣ человѣка, говорили вальдензы, когда примасы и народъ нынѣшній полны жадности, гордости и роскоши; они же велятъ рисовать изображенія, подобныя имъ самимъ. Изображенія Бога на всякомъ человѣкѣ, но подобіе его не во всѣхъ, а тамъ только, гдѣ чистая мысль и благословенная душа» (275). Столь же великая, столь же общая вальдензамъ и пуританамъ была ненависть къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Танцы,—это шествіе діявольское (lo Bal es la procession del Diavol) и пришедшій на балъ присутствуетъ на позорищѣ діявола. Діяволъ въ началѣ, въ рединѣ и въ концѣ всякой пляски. Сколько шаговъ человѣкъ сдѣлаетъ на балѣ, столько таковыхъ онъ ступитъ по дорогѣ къ аду. Въ танцахъ грѣшатъ разными способами: излишнимъ и долгимъ хожденіемъ (en anar, car tuit li pas son nombra), прикосновеніемъ къ женскому стану (en tocar), блескомъ украшеній и нарядовъ, слухомъ, зрѣніемъ, разговоромъ, пѣніемъ, мечтами и суетой. Балъ—это несчастіе, грѣхъ и суета,—а мы хотимъ еще отличиться въ пляскѣ. О вредѣ танцевъ практическій кодексъ распространяется особенно долго. Женщины на балахъ прельщаютъ тремя способами: своимъ прикосновеніемъ, взорами, слухомъ, и этими-то тремя средствами они завлекаютъ людей маломудрыхъ... На это позорище діяволъ является со всею своей пышностью, точно католики на мессу (en la soa Messa). И женщина, поющая на балѣ—игуменья (Prioressa) діяволова, а вторящіе ей это клирики римскіе; зрители же прихожане, а звуки и флейты—это колокола, а гудочники—это слуги діявола.» Сужденіе о вредѣ бала является такимъ образомъ средствомъ разить ненавистные обряды католичества. Участвующіе на балѣ грѣшатъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей вмѣстѣ и каждой отдѣльно,—и на нѣсколькихъ страницахъ упорно доказывается и развивается это положеніе (276). Управлять своими чувствами, подчинять тѣло духу, умерщ-

(275) Lou livre de las Vertus,—Perrin. Alb. 185.—Leger; I, 53.

(276) De la Disciplina, c. IX, apud Perrin, 240—249.

влять плоть, избѣгать праздности, — вотъ четыре основныя положенія, къ осуществленію которыхъ стремиться долженъ всякій истинный христіанинъ ([277]). Но все это угнетеніе тѣла вытекало не изъ тѣхъ началъ, которыми руководились въ этомъ случаѣ дуалисты славянскіе и альбигойскіе. Столь же одинаковы съ дуалистами были у нихъ предложенія жизненнаго кодекса, составляющаго послѣднюю главу ихъ «Дисциплины.» Презирать этотъ міръ, избѣгать дурнаго сообщества, жить въ ладу со всѣми, избѣгать всякихъ тяжбъ, любить своихъ враговъ, переносить клеветы, поношенія, угрозы, претерпѣвать пытки, всѣ мученія за истину, не предаваться дурнымъ поступкамъ и мыслямъ и питать особенное отвращеніе ко всему, что напоминаетъ идолопоклонство, въ родѣ молитвъ къ святымъ, которые въ такомъ случаѣ становятся выше Бога, въ родѣ украшеній храмовъ и вообще блеска и пышности въ жизни свѣтской ([278]). Никто не смѣлъ заподозрить исповѣдниковъ вальденства въ безнравственной жизни.

Государственная сторона ученія вальдензовъ не представляла столько сходнаго съ политическимъ характеромъ катаровъ. Видимъ, что протестантизмъ только впослѣдствіи принялъ оттѣнокъ революціонный. Всѣми текстами Ветхаго и Новаго Завѣта, евангелики XII вѣка предписываютъ повиновеніе властямъ. Духъ порядка былъ прирожденъ ученію секты. Всѣ люди, зловредные обществу, должны быть искоренены, особенно обманщики, обмѣрщики, фальшивые монетчики; какъ похитители общественнаго блага, они по заслугамъ обречены, согласно Писанію, мучиться въ кипящемъ маслѣ. Игроки также были преслѣдуемы въ ихъ общинахъ ([279]); игра есть «гробница живаго человѣка» ([280]).

Такова была догматическая и моральная сторона религіи вальдензовъ, этой западной вѣтви альбигойства. Ея по-

([277]) Perrin, Albigeois; 251.

([278]) De la Disciplina, c. X,—Perrin; 249—250, 311—312.

([279]) Lou libre de las Vertus,—Leger; I, 56, Perrin; 194.

([280]) Leger; I, 54.

разительное сходство съ новыми евангелическими исповѣданіями слишкомъ очевидно, чтобы нуждалось въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, и точно также убѣдительно, какъ ихъ несходство съ альбигойцами восточной вѣтви, съ дуалистами славянскими; слово *альбигойцы* ихъ объединительный географическій терминъ, какъ слово катары, т. е. пуритане, объединительный моральный терминъ. «Въ нашей вѣрѣ вальдензовъ нѣтъ ничего, чтобы было несогласно съ словомъ Божіимъ, съ чувствомъ говоритъ ихъ историкъ, смѣшавшій по незнанію оба направленія альбигойскія ([281]). Вальдензы познали необходимость обученія дѣтей религіи и усвоили себѣ тѣ практическія начала, которыми жила первоначальная Церковь. Они исповѣдывали грѣхи свои одному Богу со всѣми признаками истиннаго смиренія, великой ревности и святой надежды на милосердіе Божіе... Они призывали Бога въ своихъ нуждахъ, какъ Іисуса Христа, нашего Спасителя. Таинство они совершали съ вѣрою, покаяніемъ и безъ измѣненія обрядовъ. На бракъ они смотрѣли, какъ на учрежденіе святое, завѣщанное Богомъ. Они познавали, сколько любви (sainct et honorable) надо имѣть, чтобы утѣшать, посѣщать и надѣлять больныхъ и угнетенныхъ. И неужели за все это они должны были быть осуждены на смерть, какъ еретики осуждены за то, что съ чистотою ученія соединяли набожную жизнь, осуждены за повиновеніе и за святую кротость»?

Такъ говорилъ гугенотъ, родственный вальдензамъ, говорилъ 400 лѣтъ спустя послѣ ужасныхъ событій, совершившихся на Югѣ Франціи, говорилъ подъ живымъ впечатлѣніемъ окружавшей современности, подобное которой ему пришлось изобразить въ своей книгѣ. Картина, нарисованная имъ, передаетъ вѣрно духовныя черты исповѣдниковъ евангелическаго ученія, составлявшихъ во всякомъ случаѣ меньшинство среди манихейскихъ послѣдователей, густыми полосами засѣлявшихъ шумные города и плодоносныя долины Лангедока. Эти-то люди и пугали Римъ своею силою, странностью своего ученія. Латинское духовенство, папскіе легаты имѣли дѣло съ большинствомъ, т. е. съ катарами;

([281]) Perrin; 222—223.—Источники и пособія для вальдензовъ будутъ указаны въ приложеніи къ труду.

съ вальдензами они встрѣчались рѣдко и то только недавно, со второй половины XII столѣтія. Объ альбигойствѣ они судили потому какъ объ исключительномъ манихействѣ, хотя, по непреложности своихъ принциповъ, папская курія не могла дружелюбно отнестись и къ пуританамъ вальдензамъ. Они для нихъ были тѣми же еретиками. «Манихеецъ еретикъ, слѣдовательно всякій еретикъ манихеецъ ([252]). Альбижуа имя страны, быстро перенеслось на всѣ секты безъ разбора. Они живутъ преимущественно въ Альбигойи, слѣдовательно всѣ еретики Альбигойцы. Въ какихъ бы краяхъ Европы еретики ни жили, ихъ хочется назвать альбигойцами, хотя бы ихъ ученіе ни чѣмъ не подходило къ ученіямъ лангедокскимъ. Отсюда такая спутанность въ понятіяхъ, этотъ хаосъ многообразныхъ именъ съ противоположными опредѣленіями, хаосъ взглядовъ и сужденій самыхъ разнорѣчивыхъ; отсюда такая долгая неуясненность исторіи «Альбигойцевъ» и церковно-политическихъ отношеній того времени.

Риму, въ виду протеста и наступленія противниковъ, некогда было отличать послѣдователей чистаго Евангелія отъ послѣдователей фантастичнаго пытливаго гностицизма да они и не хотѣли того. Для вождя католицизма была опасна смѣлость вообще протеста, каковъ бы ни былъ характеръ послѣдняго. Евангеліе да еще на народномъ языкѣ не могло служить ни защитой, ни оправданіемъ. Оно было тутъ почти тѣмъ же, чѣмъ Іоанновъ апокрифъ, возвѣщавшій древній персидскій дуализмъ. Чистая жизнь еретиковъ тоже не выкупала ихъ смѣлости мыслить, ихъ попытокъ философски уяснить или евангельски очистить католическую религію. И Римъ, на случай надобности, приготовился поднять кровавое знамя.

Еще казалось, что онъ принужденъ защищать свое существованіе. Такъ были велики силы противниковъ.

Мы оставили ихъ въ годы торжества и достаточнаго выясненія ихъ цѣлей. Обращаемся къ прерванному разсказу.

([252]) **Flathe. Vorl. der Ref. 276, 311, 345.**

Семидесятые годы XII столѣтія наступили для альбигойцевъ подъ благопріятными предзнаменованіями. Блистательный центръ ереси былъ въ Тулузѣ. Тамъ дуализмъ открыто исповѣдывалъ дворъ, муниципалитетъ, рыцарство; богатые купцы, множество цеховыхъ ремесленниковъ составляли его силу. Католическіе храмы были въ запустѣніи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и замкахъ, отступившихъ отъ католичества, ихъ уничтожали. Самъ герцогъ Раймондъ V изъ политическихъ видовъ счелъ за должное поддержать папскіе интересы, а съ нимъ и тѣснимую Церковь. Это было дѣломъ непопулярнымъ. Въ столицѣ особенно агитировалъ знатный богачъ Петръ Моранъ. Онъ считался покровителемъ ереси; въ его крѣпкомъ замкѣ происходили торжественныя собранія совершенныхъ и вѣрныхъ; здѣсь были публичныя моленія и благословеніе хлѣбовъ. Отецъ Раймонда VI хочетъ подавить ересь, столь популярную. Онъ писалъ аббату Сито, что прольетъ послѣднюю каплю крови за католическое дѣло. Онъ завелъ переписку съ папою Александромъ III, съ королями французскимъ и англійскимъ. Людовигъ VII и Генрихъ II обѣщали лично прибыть на Югъ и уничтожить ересь, но прежде присовѣтывали папѣ отправить своего легата въ Тулузу для поправленія католическихъ дѣлъ. Кардиналъ Петръ, въ сопровожденіи огромной свиты прелатовъ Гіенни и Прованса, прибылъ въ столицу съ такою цѣлью. Это было въ 1178 году. Кардиналъ зналъ, что, кромѣ проповѣди, ему и его спутникамъ, людямъ ученымъ съ даромъ убѣжденія, придется выдерживать публичныя состязанія съ еретиками. Еще дорогою легатъ могъ убѣдиться, какъ шатко положеніе католичества въ странѣ; въ Ліонѣ тогда гремѣла слава Петра Вальдо, напоминавшаго своимъ обаяніемъ времена Генриха; казалось, что на три вида распадалась единая Церковь. При въѣздѣ въ Тулузу, лицо кардинала должно было еще болѣе нахмуриться; толпы горожанъ всѣхъ сословій тѣснились въ воротахъ; самъ герцогъ, виконтъ Тюреннь, графъ де Кастельно и ихъ рыцарская свита почтительно сопровождали легата; народъ же оказывалъ всей процессіи явное нерасположеніе. Легатъ могъ прочесть на лицахъ толпящихся выраженіе презрѣнія, ненависти и даже угрозы. «Вотъ они-то и есть отступники, лицемѣры, еретики», кричали въ толпѣ, указывая пальцемъ на легата и его длинную свиту.—Это, кажется, еще меньшее, что мы

видѣли, графъ, замѣтилъ кардиналъ, пріѣхавъ во дворецъ Раймонда; полагаю, что намъ придется переносить болѣе чѣмъ одну уличную брань.

Скоро было отдано приказаніе мѣстному епископу и капитулу представить поименный списокъ всѣхъ исповѣдующихъ ересь. Это было сдѣлать не трудно. Имя Петра Морана красовалось впереди всѣхъ. На немъ надо было показать примѣръ строгости. Легатъ понималъ, что всякія убѣжденія, сговоры съ народомъ были бы безполезны. Противники опирались на права философствующей мысли; проповѣдники же должны были цитировать латинскою вульгатою. Надѣялись запугать страхомъ. Вождь и защитникъ тулузскихъ еретиковъ былъ поставленъ передъ лицо легата. Когда его потребовали къ легату, онъ не хотѣлъ идти; на другой день его привели подъ стражею, посланною графомъ.

— Тебя обвиняютъ въ аріанской ереси; ты заражаешь ею своихъ согражданъ, спросилъ легатъ.

— Это неправда, сказалъ, немного подумавъ, Моранъ.

— Поклянись, что тебя оклеветали.

— Это невозможно; Христосъ Спаситель намъ запретилъ клятву.

При дальнѣйшихъ настояніяхъ окружавшаго духовенства, опасаясь можетъ быть прослыть за еретика, Моранъ согласился дать присягу. Принесли реликвіи, положили на налой; запѣли гимнъ Св. Духу. Моранъ поблѣднѣлъ. Совладавъ съ собою, онъ далъ клятву. Но когда его спросили, вѣритъ ли онъ въ таинство Причащенія, то онъ на отрѣзъ отвѣчалъ, что хлѣбъ, освященный въ алтарѣ, вовсе не есть тѣло Христово. Всѣ члены собранія поднялись при этихъ словахъ. Этого было довольно. Морана безъ дальнѣйшихъ оправданій предали въ руки свѣтской власти. Кардиналъ даже заплакалъ отъ его кощунства. Народъ волновался. Не смотря на то, графъ посадилъ осужденнаго въ строгое заключеніе. Ему объявили, что у него нѣтъ больше его богатствъ, что имущество его конфисковано, что замка его скоро не станетъ и слѣдовъ. Чувство самосохраненія и корыстолюбія взяло свое. Моранъ просилъ помилованія. Назначенъ былъ день публичнаго церковнаго наказанія. Покаянникъ былъ привезенъ въ церковь св. Сатурнина; легатъ сидѣлъ у алтаря. Отъ самихъ сѣней до кардинальскаго мѣста, обвиненнаго полу-обнаженнаго бичевали съ двухъ сто-

ронъ, епископъ тулузскій и церковный аббатъ. На колѣняхъ, передъ легатомъ, Моранъ просилъ пощады и объявилъ, что самъ проклинаетъ всѣхъ еретиковъ, своихъ вчерашнихъ братьевъ. Графъ Раймондъ V, присутствовавшій въ качествѣ зрителя при этой церемоніи, не зналъ, что тоже самое черезъ 30 лѣтъ повторится и съ его сыномъ. Черезъ 40 дней Моранъ долженъ былъ оставить Тулузу и въ Іерусалимѣ со смиреніемъ грѣшника молить небо о прощеніи. До отъѣзда-же, его присудили каждый день босымъ ходить по городскимъ церквамъ и въ такомъ положеніи водили его по улицамъ, бичуя по плечамъ. Послѣ 40 такихъ операцій онъ поплылъ въ Палестину, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ. Вернувшись, Моранъ получилъ остатки своего богатства, кромѣ замка, башни котораго были срыты, заплативъ графу 400 ливровъ штрафа. Его и послѣ 3 раза вподрядъ продолжали выбирать въ капитулъ; альбигойство осталось наслѣдственнымъ въ этой фамиліи. Надо полагать потому, что онъ отрекся отъ своего отступничества и успѣлъ оправдаться въ немъ. Слѣдомъ за Мораномъ потребовали къ легату двухъ архіереевъ альбигойскихъ, заправлявшихъ Тулузою и Арномъ. Они назывались Бернаръ-Раймондъ и Раймондъ де-Байміакъ; ихъ не было въ столицѣ. Имъ дали охранную грамоту. Со всѣхъ концевъ Лангедока съѣзжались совершенные и вѣрные, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ состязаться ихъ вожди. Въ церкви св. Стефана назначено было торжественное и давно жданное собраніе. Однихъ духовныхъ и всякой знати было до 300 человѣкъ; тысячи народа помѣщались внѣ церкви. Архіереи еретическіе прочли свое исповѣданіе и по обыкновенію съ такою евангельскою внѣшностію, что придраться было невозможно. Еретиковъ стали допрашивать въ догматахъ; въ отвѣтахъ не было, казалось, ничего вольнодумнаго. Восторгъ народа не зналъ предѣловъ. Черезъ нѣсколько дней другое собраніе въ церкви св. Іакова. «Какъ же вы, спросили обвиняемыхъ, считаете себя правовѣрными, а между тѣмъ вѣрите въ двухъ Боговъ, не признаете св. Таинства Причащенія, отрицаете бракъ». Какъ прежде въ Ломберѣ, такъ и теперь, они отказались отъ клятвъ, ссылаясь на то, что она запрещена Спасителемъ. Тогда легатъ со всею торжественностію предалъ ихъ церковному отлученію, что на нихъ, конечно, весьма мало подѣйствовало. Насилія имъ не смѣли сдѣлать никакого; за свою свободу

они не опасались. Графъ Раймондъ пособилъ кардиналу только тѣмъ, что поклялся ни въ чемъ не оказывать имъ содѣйствія ([283]). Въ виду популярности преслѣдуемыхъ должно было казаться довольно наивнымъ циркулярное посланіе легата о томъ, что тулузскіе граждане Бернаръ Раймондъ и Раймондъ де-Байміакъ преданы анаѳемѣ и потому должны быть изгоняемы отовсюду. Въ то-же время, чтобы чѣмъ нибудь поднять римскій авторитетъ въ главномъ центрѣ ереси, въ предѣлахъ Альби, туда были посланы двое его приближенныхъ—епископъ Бата (въ Альбигойѣ) и аббатъ Клерво. Оба они были бы способны къ такому назначенію, если бы только въ Альбигойѣ человѣческими усиліями можно было вернуть два столѣтія назадъ. Феодалы, виконтъ Тюреннь и графъ де-Кастельно съ своими рыцарями взялись сопутствовать посланнымъ. Они разсчитывали оказать посильную помощь католическому дѣлу.

Виконтъ Безьера, Альби, Каркассоны и Разеса,—Рожеръ II совершенно сочувствовалъ еретикамъ. Въ его семействѣ открыто исповѣдывали ученіе добрыхъ людей. Виконтесса Аделаида въ этой вѣрѣ воспитывала своего сына; она была окружена діаконами и проповѣдниками, мужами «утѣшенными». Рожеръ въ добавокъ сильно враждовалъ съ графомъ тулузскимъ, своимъ сузереномъ. Съ 1178 г. онъ держалъ въ плѣну католическаго епископа альбійскаго, хотя въ то же время, слѣдуя своей вѣротерпимости, оказывалъ разныя льготы малочисленнымъ католическимъ храмамъ и монастырямъ. Узнавъ о скоромъ прибытіи тулузскаго посольства и не желая явно обнаруживать свое отступничество, онъ удалился въ сосѣднія горы. Въ Кастрѣ оставалась его жена, этотъ предметъ пѣснопѣній трубадуровъ. Во всей окрестной странѣ почти не было католиковъ, но пассивность альбигойства нисколько не препятствовала путешественникамъ проклинать дорогою еретиковъ и ихъ покровителя, называя его обманщикомъ, клятвопреступникомъ. На-

([283]) Roger de Hoveden, Annales, a. 1178.—Vaissete. Hist. gén. de Languedoc; l. XIX, c. 73 (IV, 274—276). Въ прим. поправки Pagi, ошибочно приписывавшаго личное участіе королямъ англійскихъ и франц. въ тулузскихъ событіяхъ, Langlois (Alb. 32, 48) и Fleury: См. «Notes»; IV, 332—334.

конецъ прелаты въ Кастрѣ отлучили виконта Рожера въ присутствіи его жены и нѣкоторыхъ вассаловъ; тутъ же провозгласили, что папа, короли французскій и англійскій отрекаются отъ него ([284]). Но если Рожеръ дѣйствовалъ уклончиво, то жена его была гораздо рѣшительнѣе. На убѣжденія краснорѣчиваго аббата отказаться отъ ереси, она отвѣчала, что, напротивъ, пребудетъ непремѣнно вѣрною своему ученію. Римскіе громы и торжественныя отлученія потеряли въ этой странѣ всякую силу. Посольству оставалось удалиться. Аббату Клерво католическая партія въ вознагражденіе за его усилія предложила вакантную тулузскую каѳедру, но онъ отказался, уступивъ свое мѣсто Фулькранду, пріобрѣвшему послѣ извѣстность. Легатъ Петръ также долженъ былъ вернуться въ Италію въ виду общаго равнодушія къ католическому дѣлу. Онъ увозилъ съ собою подозрѣніе даже на самого графа Раймонда, всѣ старанія котораго дѣйствовать вопреки большинству и угодить Риму, оказались столь безполезными. Кардиналъ рекомендовалъ папѣ аббата Генриха, какъ единственнаго человѣка, отъ дѣятельности котораго можно ждать какихъ либо успѣховъ. Въ ожиданіи будущихъ событій, аббату пожаловали кардинальство и епископство Альбано.

Генриху скоро пришлось обнаружить свои таланты. Изъ Лангедока въ слѣдъ за отбытіемъ легата писали, что не только виконтъ безьерскій, но и Бернаръ Аттонъ нимскій, Лупъ, баронъ рабатскій, Рожеръ таррагонскій—въ числѣ защитниковъ ереси. Въ слѣдующемъ же году (1179) былъ созванъ соборъ въ Римѣ. Это былъ третій латеранскій или одиннадцатый вселенскій; онъ главнымъ образомъ былъ направленъ противъ еретиковъ Юга, называемыхъ тогда «ажепойцами» (haeretici quos Agenenses vocant) вмѣсто альбигойцевъ, отъ области Agenois. Число присутствовавшихъ доходило до 1000 человѣкъ; изъ нихъ было болѣе 300 епископовъ. Туда вызваны были всѣ три лангедокскіе архіепископа нарбоннскій, арльскій, изъ Э (Aix) и ихъ викаріи. Двадцать седьмое постановленіе собора содержитъ строгія мѣры противъ еретиковъ. «Хотя Церковь, говорится въ немъ, слѣдуя

([284]) Vaissete. Hist. de Languedoc; l. XIX, c. 75, 74; IV, 276—279.

св. папѣ Льву, довольствуется часто однимъ судомъ первосвященническимъ и не принимаетъ кровавыхъ мѣръ, однако онъ можетъ быть вспомоществуемъ и мірскими силами, дабы страхомъ казни побудить людей слѣдовать духовному врачеванію. А такъ какъ еретики,—которыхъ одни называютъ катарами, другіе патаренами, прочіе побликанами (павликіанами),—сдѣлали великіе успѣхи въ Гаскони, Альбижуа, землѣ тулузской и иныхъ мѣстахъ и что они явно распространяютъ свое заблужденіе, пытаясь развратить слабыхъ,—то мы предаемъ анаѳемѣ ихъ съ ихъ покровителями и сообщниками, и запрещаемъ всякому, кто бы то ни былъ, имѣть съ ними общеніе. Если они умрутъ во грѣхѣ, то никогда не поминать ихъ и не хоронить между христіанами» ([285]). Здѣсь еретики приравнивались къ разбойникамъ и всякимъ бродягамъ. Порядочный христіанинъ долженъ безразлично поднимать руки на тѣхъ и другихъ, изгоняя ихъ какъ «нечистую язву»; избіеніе ихъ ставится въ заслугу. Два года покаянія прощаются даже заклятому грѣшнику, если онъ убьетъ еретика. Епископы всѣми силами должны покровительствовать такимъ убійцамъ, которые считаются тѣми же крестоносцами; ихъ семейства и имущество объявляются подъ защитою Церкви.

Архіепископъ нарбоннскій первый поспѣшилъ привести въ исполненіе угрозы латеранскаго собора. Онъ разослалъ громовые циркуляры по всѣмъ епархіямъ о гоненіи на еретиковъ, гдѣ предписывалъ привести въ немедленное исполненіе самыя строгія мѣры противъ нихъ и разбойниковъ (quatenus haereticos, et eorum fautores et deffensores, Bravuntiones, Aragonenses, Catarellos, Basculos). Если какой либо дистриктъ окажется еретическимъ, то съ соблюденіемъ обычныхъ торжественныхъ церемоній предать всю такую землю отлученію, прекратить тамъ службу, не совершать таинствъ, кромѣ крещенія и покаянія; мертвыхъ запрещалось хоронить въ городѣ (extra locum sacrum ponetur), а тѣхъ, которые допустятъ это—также отлучать. А всѣ вѣрные христіане да вооружатся на нечестивыхъ. Главные

([285]) **Mansi.** Concilia; XXII, 231.—**Hefele.** Conciliengesch. V, 536.—Указаніе на присутствіе вальдензовъ подложно; см. **Dieckhoff.** Die Waldenser; 182, 343.

покровители еретиковъ: графъ тулузскій, виконты безьерскій, нимскій, бароны рабатскій и таррагонскій, даже владѣтель Наварры отлучены, какъ участники зла ([286]).

Вліяніе рѣшеній, принятыхъ на третьемъ латеранскомъ соборѣ, скорѣе всего отразилось на французскомъ правительствѣ. Королю Филиппу Августу было только 15 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже издать строгіе указы противъ такъ называемыхъ побликанъ. Вильгельмъ Бретонскій, воспѣвшій его жизнь и подвиги, съ нѣкоторою гордостью говоритъ: «король не позволялъ никому жить вопреки законамъ церковнымъ, никому, кто бы осмѣлился чѣмъ либо оскорблять католическую религію, никому, кто бы пытался отрицать таинства» ([287]). И дѣйствительно еретиковъ уже начали жечь это время во Франціи. Тѣмъ болѣе неспокойныя вѣсти приходили изъ Лангедока. Самый ходъ политическихъ событій былъ не совсѣмъ благопріятенъ видамъ папской куріи. Король аррагонскій обѣщаетъ скоро сдѣлаться врагомъ Рима. Поводомъ къ тому грозило быть одно изъ частныхъ феодальныхъ столкновеній, къ которымъ слишкомъ привыкли въ средніе вѣка. У графа тулузскаго вышли раздоры съ еретическими и сильными вассалами, какъ виконтами Безьера и Нима и виконтессою нарбоннской. Не прибѣгая почти къ войнѣ, одною искусной политикою, графъ тулузскій успѣлъ вооружить противъ виконтовъ нѣсколько ихъ собственныхъ вассаловъ, за которыми поспѣшилъ укрѣпить уже отъ собственнаго лица ихъ владѣнія; многіе феоды онъ раздарилъ надежнымъ друзьямъ. Тогда виконтамъ, лишеннымъ почти всего, оставалось обратиться къ Альфонсу II королю аррагонскому (1162—1196 г.) и его брату Раймонду-Беренгарію, графу Прованса. И Альфонсъ и Беренгарій лично прибыли въ Лангедокъ съ своимъ рыцарствомъ въ октябрѣ 1179 года. Въ Безьерѣ, виконтъ нимскій отдалъ всѣ свои города королю аррагонскому и тутъ же получилъ ихъ отъ него обратно въ ленъ съ обязательствомъ стоять за короля и въ мирѣ и въ войнѣ, какъ бы за графа барселонскаго и его преемниковъ, стоять

([286]) **Preuves de l'hist. de Languedoc** apud **Vaissete**; IV, 540; № CCXLV.

([287]) **Philippidos** l. I, v. 407 (Bouquet, XVII; Coll. de Guizot, XII).

за всѣхъ и противъ всѣхъ ([288]). Тоже произошло и въ Каркассонѣ черезъ нѣсколько дней (2 ноября 1179 года). Виконтъ извинялся предъ королемъ, что нѣкоторое время считался вассаломъ тулузскимъ за Каркассону и другіе домены, «которые я долженъ бы, по примѣру моихъ предшественниковъ, признавать полученными отъ васъ, съ которымъ я велъ часто войны и котораго долженъ былъ часто оскорблять своимъ поведеніемъ. Посему, признавая себя виновнымъ, прошу вашего прощенія и отдаюсь въ вашу волю» ([289]). Въ случаѣ смерти брата, виконтъ объявлялъ своимъ наслѣдникомъ короля. Оставивъ своею собственностью городъ Минерву, Альфонсъ все остальное возвратилъ виконту, провозгласивъ его своимъ вассаломъ, который обязался между прочимъ не заключать мира и не вести войны съ графомъ Тулузы и Санъ-Жилля иначе какъ съ согласія короля. За нѣкоторые замки онъ дѣлался въ то же время вассаломъ графа провансальскаго. Во всемъ путешествіи по Лангедоку, Альфонса сопровождали виконтесса нарбоннская и сынъ его Педро, будущій борецъ и защитникъ альбигойцевъ. Здѣсь, въ царствѣ судовъ любви, онъ впервые развилъ свою рыцарственность; здѣсь онъ впервые могъ вдохновиться симпатіями къ еретикамъ. Война съ Раймондомъ тулузскимъ продолжалась въ теченіи 1180 и 1181 годовъ, хотя подробности ея не сохранились; извѣстно только, что Альфонсъ осадилъ замокъ Фуркъ и сдѣлалъ диверсію въ Руэргъ. Эта война привлекла на сторону Альфонса симпатію еретиковъ и обнадежила ихъ въ поддержкѣ Аррагоніи, хотя обстоятельства скоро измѣнились и въ своемъ врагѣ, въ Раймондѣ тулузскомъ, они нашли себѣ того сильнаго поборника, котораго они думали видѣть въ королѣ аррагонскомъ. Война особенно разгорѣлась съ той минуты, когда Альфонсъ получилъ горестное для него извѣстіе о трагической смерти его брата, графа провансальскаго. Беренгарій попалъ въ плѣнъ къ одному изъ католическихъ бароновъ тулузскихъ, который, вопреки обычаямъ страны, умертвилъ своего плѣн-

([288]) H. Gautier. Hist. de la ville de Nismes et de ses Antiquitès; 32 etc.

([289]) Vaissete. Hist. de Languedoc; l. XIX, c. 80; IV, 282—283.

ника въ самый день Пасхи 1181 года (5 апрѣля). Яростнымъ вторженіемъ въ тулузскія владѣнія Альфонсъ отвѣчалъ на это свирѣпое дѣло. Онъ подступилъ къ самой столицѣ; Раймондъ спрятался за стѣнами; народъ не поддерживалъ его. Онъ понялъ тогда, что бороться за католичество среди альбигойцевъ было неумѣстно и невозможно. Война съ Альфонсомъ могла обѣщать нѣкоторый успѣхъ развѣ на иной почвѣ, тамъ гдѣ король не встрѣчалъ бы поддержки отъ мѣстнаго населенія. Такое столкновеніе произошло теперь же. Альфонса приглашалъ къ себѣ на помощь Генрихъ II англійскій. Его младшій сынъ Генрихъ, обойденный отцемъ, искалъ себѣ удѣла. Изъ Нормандіи онъ кинулся въ Аквитанію, гдѣ правилъ Ричардъ Львиное Сердце, и присталъ къ той партіи вельможъ, которою предводительствовалъ тогдашній противникъ Ричарда, знаменитый Бертранъ де Борнъ. Отецъ спѣшилъ помочь Ричарду. Король аррагонскій, пройдя насквозь Лангедокъ, внезапно появился въ Аквитаніи. Тогда Раймондъ тулузскій, продолжая вражду съ Альфонсомъ, объявилъ себя за молодаго Генриха. Французскій король и бургундскій герцогъ были за него же; выстроились двѣ большія враждебныя силы. Гонимый сынъ погибъ въ этой войнѣ на рукахъ графа тулузскаго, который послѣ вернулся домой. Наемники англійскіе между тѣмъ опустошали страну. Война закончилась оффиціальнымъ миромъ лишь въ февралѣ 1185 года, скрѣпивъ ту дружбу и союзъ между Тулузою и Аррагоніей, плоды которыхъ обнаружились впослѣдствіи такъ рѣшительно. Съ этого трактата начинается крутой поворотъ Раймонда въ пользу альбигойцевъ.

Вмѣшательство Альфонса могло только усилить наблюдательность Рима и ускорить рѣшительныя мѣры. Посылая теперь (1180 г.) новаго легата на Югъ, Александръ III снабдилъ его полномочіемъ прибѣгать гдѣ надобно къ силѣ оружія и звать къ бою свѣтскихъ князей. Генрихъ, недавно кардиналъ, бывшій аббатъ Клерво, былъ назначенъ на такой постъ. Еще съ 1180 года началась его дѣятельность. Хроникеръ воссіенскій разсказываетъ, какъ среди огромнаго собранія Генрихъ проповѣдывалъ крестовую войну противъ еретиковъ Альбижуа, — альбигойцевъ, впервые здѣсь офиціально названныхъ такимъ именемъ. Онъ собралъ первыхъ крестоносцевъ; число ихъ неизвѣстно ([290]). Весною

([290]) Gaufredus Lemov. Chr. apud Bouquet; XII, 448.

1181 года, Генрихъ прибылъ во владѣнія Рожера безьерскаго. Въ то время какъ непріятель приближался, архіереи альбигойскіе такъ безвредно всегда осуждаемые, продолжали жить въ замкѣ Лаворъ. Виконтеса Аделаида предводительствовала его защитниками. Самого Рожера тутъ не было. Папскому легату и его пестрому воинству, набранному отвсюду, пришлось имѣть дѣло съ женщиною. Крестоносцы, предводимые легатомъ, кинулись на приступъ. Осажденные отбились. Атаки учащались. Аделаида принуждена была наконецъ сдать замокъ. На стѣнахъ укрѣпленія погибъ храбрый Раймондъ де-Вернейль. Архіереи попались въ плѣнъ. Ихъ привели къ легату. Съ нимъ сидѣли архіепископъ d'Auch и епископъ кагорскій. Еретикамъ грозили смертью и тѣмъ принудили отказаться отъ ихъ вѣры. Они должны были заплатить большіе штрафы въ пользу двухъ церквей тулузскихъ. Виконтъ Рожеръ, узнавъ о взятіи Лавора крестоносцами, просилъ мира. Первымъ условіемъ было выставлено отреченіе отъ ереси. Рожеръ, оставленный одинъ въ борьбѣ съ крестоносцами, не могъ не согласиться. Онъ не находилъ болѣе средствъ обороны. Вся страна была опустошена. Примѣру Рожера послѣдовало много рыцарей. Впрочемъ отреченіе было притворно. Дѣло ереси тѣмъ пострадать не могло.

Такъ кончился первый крестовый походъ на альбигойцевъ. Въ сущности онъ былъ попыткою, пробой слѣдующихъ. О немъ, какъ видимъ, мало сохранилось свѣдѣній; его никто не изображалъ съ обстоятельностью ([291]). Тѣмъ не менѣе послѣдствія его были серіозны для страны. Одинъ французскій аббатъ, сопутствовавшій кардиналу Генриху, разсказываетъ, что легатъ съ своими воинами проникнулъ въ Гасконь до самыхъ Пиринеевъ и вездѣ встрѣчалъ слѣды опустошенія еще отъ басковъ, аррагонцевъ и разбойничьихъ шаекъ. «Я слѣдовалъ за легатомъ, говоритъ онъ, черезъ горы и долины, посреди пустынь. Вездѣ я встрѣчалъ города, пострадавшіе отъ пламени, разрушенные дома. Опасности, которыя меня окружали, будто напоминали присутствіе смерти. Но въ Септиманіи, подъѣзжая къ Тулузѣ, я былъ свидѣтелемъ сценъ, болѣе ужасныхъ самой смерти. Я видѣлъ сожженныя и почти разрушенныя церкви; мѣста, которыя нѣкогда служили обиталищемъ людей, сдѣлались убѣжищемъ для звѣрей» ([292]). Если такимъ образомъ крестоносцы жгли города, замки и села, населенные альбигойцами, то послѣдніе не щадили католическихъ храмовъ. Папское правительство, съ своей стороны, приняло мѣры, чтобы на будущее время чѣмъ нибудь гарантировать успѣхи католической проповѣди въ странѣ. Недѣятельные и потому ненадежные архіепископы нарбоннскій и ліонскій были смѣнены легатомъ. Одинъ изъ бароновъ люнельскихъ, Бернардъ Госеленъ, прежде епископъ Безвера, былъ назначенъ въ Нарбонну, а епископъ Пуатье посаженъ въ Ліонъ. На мѣстныхъ соборахъ въ Пюи (15 сент. 1181 года), въ База (8 декабря 1181 года) и въ Лиможѣ (мартъ 1182 года) главная рѣчь шла объ еретикахъ, противъ которыхъ рѣшено было прибѣгать къ силѣ оружія ([293]). Но въ сущности всѣ попытки, направленныя изъ Рима противъ ересей лангедокскихъ, были безполезны. Опустошеніе страны еще болѣе возбудило ненависть торговаго и промышленнаго класса, призывая его къ мести. Новые архіепископы оказались не полезнѣе прежнихъ. Предписанія соборовъ были неисполнимы. Какъ только легатъ съ крестоносцами покидалъ мѣстность,—въ ней все принимало прежній порядокъ.

Папство попробовало испытать еще одно средство. Въ Римѣ рѣшили выдвинуть императорское имя, какъ той власти, съ которою въ умахъ средневѣковыхъ людей долго соединялось представленіе о высшей на землѣ свѣтской функціи. Въ декретѣ, изданномъ противъ еретиковъ въ годъ возвращенія Генриха изъ легатства, папа Луцій III, указавъ на «непрестанное развитіе еретическаго яда», замѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «и потому, мы, опираясь на могущество и присутствіе славнѣйшаго сына нашего Фридриха, знаменитаго и августѣйшаго императора Римлянъ и въ его присутствіи, а также съ общаго совѣта братьевъ на-

([291]) Источникомъ служатъ мѣста изъ Ann. Cisterciens. Maurici, c. 2 и Guil. de Podio Laurentii.

([292]) Stephanus Tornacensis, ep. 73, 75 90, 92 (ed. de Moulinet, 1679.—Bibl. Patr. Colon. XII, II, 509, 510).

([293]) Mansi. Concilia; XXII, 467. — Hefele. Concliengeschte; V, 640.

шихъ кардиналовъ и всѣхъ другихъ патріарховъ, архіепископовъ и многихъ князей, стекшихся съ разныхъ концевъ вселенной на тѣхъ самыхъ еретиковъ, лживыя слова коихъ, а равно и ихъ исповѣданіе, полное всяческой лжи, силою настоящаго декрета, утвержденнаго общею санкцію, а равно и всякую ересь, какимъ бы именемъ она ни называлась, властію нашею апостольскою и содержаніемъ сего постановленія,—мы осуждаемъ. И прежде всего катаровъ и патареновъ, а также и тѣхъ, которые себя смиренными (humiliatos) и ліонскими бѣдняками ложно именуютъ, а также Пассагійцевъ, Іозефинцовъ, Арнольдистовъ, навсегда объявляемъ всѣхъ таковыхъ подлежащими анаѳемѣ. Осуждаемъ также всѣхъ, которые о Таинствѣ ли тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа, либо о Крещеніи, либо о бракѣ, либо объ остальныхъ церковныхъ таинствахъ толкуютъ не такъ, какъ святая Римская Церковь проповѣдуетъ и наставляетъ, а равно и тѣхъ, которыхъ она еще прежде сего признавала за еретиковъ—или, если ихъ таковыми считали отдѣльные епископы въ своихъ діоцезахъ, съ согласія своего клира или сами клирики, когда каѳедра состояла вакантною, съ одобренія, если они того желали, сосѣднихъ епископовъ,—всѣхъ таковыхъ равно предаемъ анаѳемѣ. Ихъ укрывателей и защитниковъ, а равно и всѣхъ, которые вышесказаннымъ еретикамъ оказывали какое либо покровительство или расположеніе, были ли то «утѣшенные» или «вѣрные» или «совершенные», или одержимые иными позорными именами, подобнымъ же образомъ объявляемъ подлежащими таковому же осужденію» ([294]).

Всѣ эти громы не пугали никого на Югѣ; къ нимъ слишкомъ привыкли, какъ и къ тѣмъ мѣрамъ, которыми они сопровождались. Епископы и архіепископы напрасно трудились объѣзжать свои приходы и увѣщевать отпавшихъ. Ихъ распоряженіямъ во всемъ противодѣйствовали мѣстные феодалы. Судьба насмѣхалась надъ усиліями римской политики. Лангедокское духовенство должно было снова дозволять публичныя словопренія католическихъ священниковъ съ еретиками. Такое преніе имѣлъ аббатъ Бернаръ де-Фонткодъ (Fontis-Calidi) съ вальдензами около 1190 года, въ предѣ-

([294]) Напечатано у Hahn. Neu-man. Ketz. 489—490.

лахъ нарбоннской епархіи. Свои доводы онъ послѣ изложилъ въ особомъ сочиненіи ([295]). Когда Рожеръ II, покровитель ереси, скончался, то епископъ безьерскій Жоффруа пытался черезъ свое вліяніе на опекуна молодаго Раймонда-Рожера (которому суждено было послѣ погибнуть за новое исповѣданіе), по имени Бертрана де-Сейсака, обезпечить по крайней мѣрѣ личность и имущество католическаго духовенства въ странѣ. Былъ заключенъ договоръ между опекуномъ и епископомъ ([296]). Другъ другу клялись въ вѣрности; одинъ другому обѣщались быть добрыми и вѣрными помощниками противъ всѣхъ. Альбигойцевъ все это очень мало занимало. Епископу предоставлено было этимъ актомъ издать новый эдиктъ объ изгнаніи еретиковъ изъ графства Безьера, Альби и Каркассоны. Кажется, епископъ не прибѣгнулъ къ этому безполезному средству. Изгонять альбигойцевъ изъ Альби, когда папскія власти вмѣстѣ съ Целестиномъ III ничего не могли сдѣлать у себя въ Италіи противъ патареновъ, бывшихъ въ состояніи произвести цѣлую революцію во Флоренціи; изгонять на бумагѣ изъ страны, на которую были обращены тогда взоры всѣхъ ревнителей мысли на Западѣ и гдѣ эта мысль царила на просторѣ — значило бы для католиковъ еще лишній разъ обличить безсиліе и ничтожество своего моральнаго вліянія въ Лангедокѣ. Но подобныя условія съ епископами дѣлалъ еще покойный виконтъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ католицизму (1191 г.). Не желая вѣроятно предпринимать серьезной войны съ Римомъ, онъ хотѣлъ казаться добрымъ католикомъ, предоставивъ епископу судебную и полицейскую власть въ Безьерѣ, оставляя за собою исключительно дѣла по убійствамъ и любодѣянію ([297]). Всѣ такіе акты имѣли лишь формальный смыслъ. Надеждамъ папства не болѣе благопріятствовала и Тулуза.

Здѣсь даже свѣтская власть, а не только духовная, оказывалась безсильною. Когда Ричардъ, сдѣлавшійся ан-

([295]) Bernardus, abbas Fontis-Calidi. Contra Vallenses et contra Arrianos, apud Gretser, XII, II, 198—221.

([296]) Preuves de l'hist. de Languedoc apud Vaissete; V, 545; № XXIV.

([297]) Catel. Mem. de l'hist. de Languedoc; 643.

глійскимъ королемъ, возобновивъ старую вражду, произвелъ вторженіе во владѣнія Раймонда V и отнялъ у него 17 замковъ, то, одновременно съ тѣмъ, вспыхнуло возстаніе въ столицѣ. Оно не миновало вѣроятно интригъ Ричарда, хотя въ то же время имъ заправляла могущественная альбигойская партія, выставлявшая девизомъ возстанія коммунальное знамя. Извѣстно только, что, въ присутствіи всего народа тулузскаго, графъ долженъ былъ клясться между прочимъ въ слѣдующемъ: никто не можетъ впредь убить кого либо изъ жителей, оскорблять, возбуждать противъ нихъ, дѣлать имъ малѣйшую обиду подъ опасеніемъ суда. Судъ же долженъ производиться консулами, а за отсутствіемъ ихъ мудрыми мужами Тулузы. Самъ герцогъ отказывался отъ всякаго суда, а обязывался только въ точности исполнять то, что рѣшатъ епископы и консулы. Ихъ приговоръ имѣетъ полную силу и на этотъ разъ въ дѣлѣ оскорбленія графа, который обязанъ вполнѣ довольствоваться приговоромъ правящихъ консуловъ. «Я, графъ Раймондъ, клянусь надъ святымъ Евангеліемъ, по моей собственной волѣ и изъ любви къ тулузцамъ, исполнять все сказанное (именно потому, что я самъ того желаю), сохраняя неприкосновенными всѣ мои права и владѣнія въ томъ видѣ, какъ я ихъ имѣлъ прежде и какъ долженъ имѣть» ([298]). Только послѣ того консулы и вельможи присягнули ему въ вѣрности. Такою недовѣрчивостью платила община тому, кто безсильно захотѣлъ побороть среди ее свободную мысль. Всѣ предпріятія Раймонда V, въ эти послѣдніе годы его жизни, не вѣнчались успѣхомъ. Какія-то невидимыя преграды становились ему на пути. Филиппъ Августъ примирилъ его на время съ Ричардомъ, но и въ отсутствіи послѣдняго война между баронами сосѣднихъ странъ, прежде столь мирныхъ, не прекращалась. Самое государство его вмѣстѣ съ Провансомъ, германскій императоръ Генрихъ VI уступалъ его врагу Ричарду въ вознагражденіе за плѣненіе послѣдняго. Императоръ имѣлъ феодальное право на Провансъ, переданный ему бургундскими королями; на Тулузу или на графа санъ-жилльскаго, какъ называли англичане Раймонда V, претензіи были высказаны со стороны Германіи. Отъ такого безсильнаго по-

([298]) Catel. Hist. des Comtes de Toulouse; 216.

дарка даже Ричардъ отказался. Почти въ послѣдніе дни жизни, старикъ Раймондъ долженъ былъ дѣлать оскорбительныя для его достоинства уступки своимъ вассаламъ, руководимымъ интригами его враговъ. Среди такихъ неудачъ, въ 1194 году, смерть застигла Раймонда въ Нимѣ на 61 году жизни, почти одновременно съ сестрою Аделаидою безьерскою ([299]). Онъ оставлялъ своимъ преемникомъ сына, Раймонда VI. На воспитаніе и систему дѣйствій новаго государя еретики могли положиться.

Какъ ни искренно былъ расположенъ Раймондъ V къ католичеству, однако не остался чуждымъ упрека въ безбожіи. Трубадуры считали при немъ свое золотое время. Они разносили веселье и легкомысліе по городамъ и замкамъ. Раймонда V католики уличали кромѣ того въ святотатствѣ; за разграбленіе санъ-жилльскаго храма онъ считался отлученнымъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Какъ бы желая оправдаться, онъ въ тоже время преслѣдовалъ и жегъ еретиковъ, думая выслужиться передъ Римомъ и обезпечить себѣ новыя средства къ обогащенію и къ удовлетворенію тщеславія. Корыстолюбіе, рыцарство, война, пѣсни, — были подвигами его.

Вскорѣ послѣ того новый папскій легатъ Михаилъ и новый соборъ въ Монпельѣ (въ декабрѣ 1195 г.). Не энергичными мѣрами грозили оттуда.... По прежнему, повелѣвается по епархіи нарбоннской проклинать каждое воскресенье въ каждой приходской церкви защитниковъ и покровителей ереси, хотя бы то были сами князья и государи; всѣ подозрѣваемые въ ней—осуждаются на изгнаніе. Разбойники (mainatae) опять приравниваются къ еретикамъ ([300]). Ко всему этому успѣли привыкнуть. Все это успѣли осмѣять.

Особенно странно звучало это распоряженіе, когда всѣ три сильные престола лангедокскіе въ Тулузѣ, Безьерѣ и Фуа были заняты друзьями ереси.

Казалось, спокойствіе должно было наступить въ землѣ тулузской. Англичане и аррагонцы болѣе не показывались.

([299]) Отзывы о немъ: Guilelmus de Podio Laur, c. 5 и изъ позднѣйшихъ La-faille, 104, — преувеличены. — Срв. Vaissete; l. XX, c. 41; V, 34.

([300]) Mansi. Concilia; XXII, 667.

Шайки разбойниковъ не терзали страну. Ричардъ англійскій, заключивъ миръ съ Филиппомъ Августомъ, повелъ переговоры и съ новымъ государемъ Тулузы. Онъ отказался отъ всѣхъ претензій на тулузское графство, отдавая Раймонду сестру свою, вдову сицилійскаго короля, 31-лѣтнюю Іоанну и въ приданое за нею Аженуа и Керси, съ тѣмъ чтобы Раймондъ и дѣти его считались вассалами аквитанскихъ герцоговъ за эту страну. Теперь Раймонду VI принадлежали: герцогство Нарбонна, графства Венэссенъ, Санъ-Жилль, де-Фуа и Комменгъ, виконство Альбижуа, Виварэ, Геводанъ, Велэ, области Руэргъ, Аженуа и Керси. Раймондъ спѣшилъ развестись съ своею третьею женою и, въ октябрѣ 1196 года, при англійскомъ дворѣ, обвѣнчался съ четвертою. Вернувшись въ свою столицу послѣ свадьбы, графъ присягнулъ тулузскимъ консуламъ за городскія вольности. Раймондъ былъ видимо счастливъ и доволенъ судьбою; онъ избавился отъ самаго сильнаго врага и не видѣлъ другихъ. Образованность и симпатіи сердца влекли его къ еретикамъ. Любовь къ наслажденіямъ не ладила съ строгостью устава католическаго.

Казалось, и альбигойцы обезпечились въ этотъ моментъ за свою будущность и даже за торжество своей вѣры. До сего времени ереси упорно и постоянно разростались среди романцевъ Юга; теперь на горизонтѣ открывались новые планы....

Но сердца еретиковъ невольно смутились, когда по Лангедоку пронеслась вѣсть, что умеръ Целестинъ III и что 9 января 1198 года на престолъ папскій избранъ конклавомъ кардиналъ-діаконъ Лотарь Конти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЙНА).

Отношенія Иннокентія III къ ересямъ альбигойскимъ до 1208 года.—Католическая проповѣдь въ Лангедокѣ. Легаты и Раймондъ VI. Убійство Петра де Кастельно. Воззваніе папы. Политика королей французскаго и аррагонскаго. Крестоносное воинство. Симонъ де Монфоръ.—Ходъ крестовой войны съ Альбигойцами до первой осады Тулузы.

III.

Зная личность новаго папы, его энергичный, несокрушимый характеръ, его прежнюю дѣятельность, его обширныя, всестороннія способности, его тщеславныя мечты соединить въ своемъ лицѣ высшую духовную и политическую власть всего Запада,—можно понять какими чувствами къ еретикамъ Лангедока онъ былъ одушевленъ въ ту минуту, когда надѣвалъ на себя тіару Григорія VII. Опасность была велика для католицизма, но Иннокентій III былъ выше этихъ опасностей. Облеченный первый разъ въ епископскія одежды, среди конклава кардиналовъ и всего римскаго духовенства, съ высоты каѳедры, онъ первою же проповѣдью возвѣстилъ міру тѣ начала, которыхъ будетъ держаться. «Царь царей, Владыка владыкъ, имя которому Господь, въ полнотѣ могущества своего установилъ превосходство апостольскаго престола, дабы никто не дерзалъ сопротивляться порядку, имъ предначертанному, говорилъ Иннокентій. А такъ какъ онъ самъ положилъ основу этой Церкви и такъ какъ онъ самъ ея основа, то никогда врата адовы не сокрушатъ ее, и корабль Петровъ, въ которомъ почіетъ Христосъ, никогда не погибнетъ, какъ бы ни сокрушали его бури. Да не печалится престолъ апостольскій въ виду тѣхъ бѣдъ, которыя противоставятъ ему, да утѣшится онъ божественнымъ промысломъ, повторяя вмѣстѣ съ Пророкомъ: «въ скорби распространилъ мя еси», да утвердится въ немъ упованіе на завѣтъ Спасителя, данный имъ апостоламъ: «и се я, съ вами до скончанія вѣка». А если Богъ съ нами, то кто противъ насъ? А такъ какъ это учрежденіе исходитъ не отъ человѣка, а отъ Бога, или лучше отъ Бого-человѣка, то напрасно еретикъ и отступникъ, напрасно волкъ-похититель старается опустошить виноградникъ, разрываетъ розы, опро-

кидываетъ кадильники, гаситъ свѣтильники. Такъ сказалъ нѣкогда Гамаліилъ: если это твореніе рукъ человѣческихъ, оно погибнетъ, если же Церковь отъ истиннаго Бога, вы не можете ее разрушить, и только поднимете войну противъ Бога. Господь упованіе мое и я не боюсь ничего, что люди противъ меня могутъ сдѣлать. Я «тотъ рабъ вѣрный и благоразумный котораго Онъ поставилъ надъ слугами своими, чтобы давать имъ пищу во время». Да, я рабъ, рабъ рабовъ, но да не пребуду я изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Писаніе: «всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха.» Я слуга, а не господинъ, и скажу по примѣру перваго и славнаго предшественника моего: «цари народовъ царствуютъ надъ ними и могущественные между ними называются милосердыми владыками. Но да не будетъ такъ между вами; пусть самый великій изъ васъ станетъ рабомъ всякаго, и первый да будетъ слугой остальнымъ». Какая почесть! Я приставленъ къ дому Господню, на всякое иго; я слуга этого дома, слуга мудрыхъ и разумныхъ. Отъ васъ всѣхъ, братія и дѣти мои возлюбленные, кончилъ онъ, обращаясь къ римскому духовенству и народу, я жду одной благодарности, чтобы вы подняли къ Господу руки чистыя всякаго раздора и непріязни (sine disceptatione), съ вѣрою вознесли бы ему молитву, дабы онъ далъ мнѣ благодать достойно исполнить обязанности апостольскія, возложенныя на слабыя рамена мои, во славу имени его, на спасеніе души моей, для счастія вселенской Церкви и торжества всего христіанства» (¹).

Будущая политика Иннокентія III высказалась въ этихъ словахъ, исполненныхъ тщеславія и вмѣстѣ сознанія собственной силы. Между нимъ и альбигойцами должна была начаться борьба на смерть. Ни та, ни другая сторона не могла уступить. Въ этой кровавой коллизіи, обѣ стороны поставлены въ критическое положеніе. И та и другая заслуживаетъ сочувствія. Враги и ихъ литературные защитники осыпали Иннокентія проклятіями, а онъ одушевлялся мыслію, что ведетъ борьбу во имя историческаго прогресса, безраздѣльно сливая съ нимъ католицизмъ. Онъ стремился

(¹) **Innocentii III papae sermones de diversis**; s. II, in consecratione pontificis (**Migne**; CCXVII, 654—660). Тексты приведены изъ Ев. Матѳ. XXIV, 45; Іоанна, VIII, 34.

увѣнчать и завершить зданіе католицизма, а лангедокскіе и италіянскіе противники уже думали о разрушеніи элементовъ его. Поставленный въ такое роковое положеніе, Иннокентій долженъ бороться противъ свободной мысли, руководившей ересью переносить осужденія потомства. Но законъ исторіи за него, а безпристрастный судъ ея, если долженъ отличать средства отъ цѣли, то долженъ также указать на драматическую безъисходность этой цѣли и можетъ быть горькую но историческую необходимость. Мы нарочно въ началѣ труда посвятили столько страницъ личности Иннокентія, его характеру, его политической, общественной и частной дѣятельности, чтобы тѣ событія, до которыхъ дошли мы теперь, не представили бы его только съ одной стороны, можетъ быть единственно помрачающей его историческій образъ.

Самымъ первымъ распоряженіемъ его по выборѣ въ первосвященники, какъ знаемъ, было нравственное увѣщаніе королю французскому о соблюденіи общественнаго приличія (²), а предметомъ болѣе важныхъ помысловъ и мѣръ не могли не быть еретики Лангедока, возстававшіе не противъ какихъ либо нравственныхъ началъ, а противъ цѣлой системы папства, противъ всего католичества, даже противъ догмы христіанства. Ихъ почтенная частная жизнь, ихъ собственныя условія нравственности затемнялись значеніемъ проповѣдумаго ими ученія. Иннокентій засталъ: — болѣе тысячи городовъ объятыми ересью съ различными вѣтвями ея даже до жидовствующихъ, перекрещенцевъ и коммунистовъ (³),

(²) **Regest. Inn.** l. I, ep. 2, 4.

(³) **Muratori.** Antiquitates italianae medii aevi; V, 151—152 (decretum contra Catharos et Passagios). — **Mansi.** Concilia; XXIII, 586 (capitula constitutionis contra Patarenos Fred. II), гдѣ перечисляются названія сектъ, существовавшихъ въ Италіи въ первой половинѣ XIII столѣтія: «Catharos, Patarenos, Speronistas, Leonistas, Arnaldistas, *Circumcisos*, *Passaginos*, Iosеppinos, Garatenses, Albanenses, Franciscos, Bagnarolos, Commixtos, Waldenses, Roncarolos, *Communellos*, Warinos et Ortolenos, cum illis de Aqua nigra» etc. — «*Communiati*, quia communia omnia dicunt esse debere... *Rebaptisati*, qui rebaptisandos ab Ecclesia esse dicunt». О жидовствующихъ (Passagii, т. е. стран-

аристократію Юга и Ломбардіи, почти явно отложившуюся отъ католичества, расположеніе къ ереси даже въ собственныхъ владѣніяхъ, отступничество въ духовенствѣ между аббатами и священниками [4]. Но основный принципъ его характера, чуждаго насилія, порывался высказаться, въ той борьбѣ, которая предстояла ему. Онъ думалъ, что она покончится силою слова и увѣщанія. «Когда врачи узнаютъ содержаніе болѣзни, говорилъ онъ, тогда лишь прибѣгаютъ къ ея исцѣленію. И мы думаемъ, что союзъ еретиковъ разрушится только солиднымъ и приличествующимъ увѣщаніемъ, ибо Господь сказалъ: не хочу смерти грѣшника, но да обратится онъ и живетъ. Только проповѣдью истины подкапываются основы заблужденія» [5]. Онъ говорилъ,—«пусть только священники дружно возвѣщаютъ истину на серебряныхъ трубахъ; стѣны Іерихона, проклятыя Богомъ, сами падутъ при ихъ приближеніи». Онъ вѣрилъ, что слова увѣщанія и проповѣди глубже проникаютъ, чѣмъ мечъ, не всегда надежный, но всегда обоюдоострый. Онъ полагалъ дѣйствовать такъ даже тогда, когда въ италіянскихъ городахъ ученіе альбигойское возвѣщалось и упрочивалось открыто, когда архіереи богомильскіе имѣли резиденцію въ Виченцѣ, Сорано, Коризѣ, Брешіи, Мантуѣ, Миланѣ, когда 17 разныхъ сектъ (a se invicem divisae et adversae) обладали столицею Ломбардіи, когда еретики наполняли Флоренцію, Феррару, Прато, Орвіето, откуда они хотѣли выгнать всѣхъ католиковъ, Комо, Кремону, Верону, Парму, Плаченцію, Фаенцу, Римини, даже Витербо, и имѣли смѣлость учить въ

ствующіе. Circumcisi) и арнольдистахъ, т. е. послѣдователяхъ брешіанскаго реформатора, см. Schmidt. Cathares; II, 293—295.—О тысячѣ еретическихъ городовъ говоритъ Caesarius Heisterbacensis. Illustria miracula. Col. 1591; p. 382.

(4) См. между прочимъ документъ о низложеніи и заключеніи нивернскаго аббата за принятіе альбигойскаго ученія. Reg. Inn. l. II, ep. 99 apud Migne; CCXIV, 647—650.

(5) Innoc. serm. de tempore, XII,—CCXVII, 370. Тоже онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ l. II, ep. 63; VI, 239; VII. 70.

самомъ Римѣ [6]. Съ увѣщаніями онъ началъ относиться къ альбигойскимъ вѣроученіямъ Лангедока, присоединяя къ нимъ въ то же время угрозы свѣтской силы, если бы слово снова не привело къ цѣли. Интересно судить по актамъ, какъ постепенно развивалась эта политика и какъ дѣло дошло до той бойни, которою ознаменовалась альбигойская война.

Въ январѣ Иннокентій вступилъ на престолъ, и 1-го апрѣля подписалъ первую граммату по вопросу о еретикахъ на имя архіепископа «d'Auch».—«Среди множества бурь, писалъ въ ней Иннокентій, которыя носятъ корабль Петровъ по бурному морю, ничто такъ глубоко не печалитъ наше сердце, какъ видъ жертвъ порчи діявольской, которая отважно враждуетъ противъ истиннаго ученія, совращая простодушныхъ, увлекая на путъ гибели, пытаясь ослабить единую Церковь католическую. На сколько мы знаемъ изъ твоихъ донесеній и словъ многихъ другихъ, чума этого рода особенно распространена въ Гаскони и сосѣднихъ земляхъ. Мы надѣемся, что, твоею и прочихъ епископовъ ревностію, воспрепятствуемъ распространенію этой болѣзни, тѣмъ болѣе опасной, что гибнетъ много силъ (pars sincera) и заразой этой, которая постепенно развивается въ видѣ язвы, умы вѣрныхъ помрачаются общею порчею порока. И потому просимъ твое братство этимъ посланіемъ—принять мѣры къ искорененію всякихъ ересей и къ изгнанію изъ предѣловъ твоей епархіи тѣхъ, которые уже заражены ею. Ты примешь мѣры противъ нихъ и противъ тѣхъ, которые были вовлечены съ ними въ явныя и тайныя сношенія, *такія только мѣры, которыя будутъ въ предѣлахъ духовно-церковной власти* (ecclesiasticae districtionis), а при воздвигнутыхъ ересью препятствіяхъ, ты можешь прибѣгать къ стро-

---

(6) Доказательства собраны у К. Шмидта; I, 145—147.—Политика Иннокентія III истолкована пристрастно, противорѣчиво и реторично (I. 101—103). Политическое благоразуміе ставится въ преступленіе; тулузскій графъ выставляется болѣе сильнымъ, чѣмъ короли французскій и англійскій, которыхъ не боялся громить Иннокентій; ему же приписывается изобрѣтеніе тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгали Адріанъ IV, Григорій II, Александръ III и др. Срв. Hurter. Innoc. II, 242—249.

гимъ, и даже,—только тогда, если бы того потребовала необходимость (si necesse fuerit),—можешь обращаться, при посредствѣ государей и народа, къ силѣ свѣтскаго меча» (7). На первыхъ же порахъ Иннокентій хотѣлъ показать довѣренность къ южнымъ феодаламъ и самому могущественному изъ нихъ Раймонду VI тулузскому, этому сильному защитнику ереси. Чрезъ легата Райнерія, онъ извѣстилъ его письмомъ отъ 22 апрѣля, что снимаетъ съ него отлученіе (8). «Будучи присоединенъ къ Церкви, отъ которой тебя отдѣляло множество грѣховъ, ты долженъ теперь смыть прошедшія преступленія соотвѣтственнымъ покаяніемъ», писалъ онъ ему въ ноябрѣ того же года. Какъ искупительное средство, Иннокентій предлагалъ Раймонду крестовый походъ въ Палестину, указывая идти по слѣдамъ предковъ, погибшихъ за Господа. Такое богоугодное дѣло въ состояніи очистить всѣ прежніе грѣхи. Если бы онъ самъ не могъ поднять креста, то папа предлагалъ ему вооружить извѣстное число вассаловъ и ратниковъ и направить ихъ за море, «дабы чрезъ другихъ совершить то, что не по силамъ предпринять самому» (9). Крестовый походъ на мусульманъ занималъ всѣ помыслы Иннокентія. Всецѣло поглощенный имъ, онъ какъ будто забываетъ иногда, что Церкви надо самой обороняться, обороняться въ нѣдрахъ своихъ, а не думать о торжествахъ надъ невѣрными. Тѣ епархіи, противъ невѣрія которыхъ Церковь скоро должна была поднять мечъ, призываются теперь къ священной войнѣ за вѣру католическую. Съ такой цѣлью были разосланы циркуляры (15 августа 1198 г.) къ архіепископу нарбоннскому, епископамъ, аббатамъ, пріорамъ, всѣмъ церковнымъ прелатамъ, а также графамъ, баронамъ и всѣмъ людямъ нарбоннской провинціи (10).

Иннокентій сильно надѣялся на успѣхъ мѣръ, имъ принятыхъ. Два цистерціанскихъ монаха, Райнеръ и Гвидонъ, уже прежде проповѣдывали въ Лангедокѣ. Надо сказать, что

---

(7) Reg. Inn. l. I, ep. 81,—CCXIV, 71.

(8) Vaissete. Hist. de Languedoc, l. XX, c. 58; V, 52.

(9) Reg. Inn. l. I. ep. 397; CCXIV, 374—375.

(10) l. I, ep 336; CCXIV, 308.

члены этого братства, въ большинствѣ случаевъ, точнѣе поддерживали преданія первыхъ основателей орденовъ, нежели остальные монахи, а тѣ люди, которые дѣйствовали на почвѣ ереси, своею жизнію и характеромъ во многомъ напоминали суровые аскетическіе типы первыхъ католическихъ миссіонеровъ христіанства. Къ этимъ чертамъ они въ высокой степени присоединяли фанатизмъ позднѣйшихъ францисканцевъ. По отзыву Иннокентія, Райнеръ былъ мужъ испытанной честности, могучъ божественными дѣлами, а Гвидонъ — богобоязненностію и ревностію къ добродѣтели. Во всякомъ случаѣ, неограниченная ревность того и другаго не подлежитъ сомнѣнію. Исполнителямъ плановъ Иннокентія суждено было всегда быть людьми террора, дѣятелями безпощадными, и въ этомъ выборѣ людей заключается весь разладъ нравственной личности Иннокентія передъ судомъ исторіи, судомъ иногда крайне пуританскимъ. Неутомимо дѣятельный, съ своими безграничными планами, папа отыскивалъ лицъ, столь же энергичныхъ, непреклонныхъ, но не всегда безупречныхъ отъ тщеславія, эгоизма и часто корыстолюбія. Подобно многимъ великимъ людямъ, онъ мало разбиралъ нравственный характеръ исполнителей. Онъ начертывалъ общій планъ, а имъ предоставлялъ исполненіе, не анализируя тѣхъ средствъ, къ которымъ они могли бы прибѣгать и дѣйствительно прибѣгали.

Между тѣмъ люди, подобные Райнеру и Гвидону, были облечены огромной властью, неограниченнымъ правомъ интердикта надъ людьми и землей. Архіепископу нарбоннскому предписывалось (отъ 13 апрѣля 1198 г.) оказывать имъ во всемъ содѣйствіе; всѣ ихъ распоряженія заранѣе одобрять, все что они ни постановятъ противъ вальдензовъ, катаровъ, патареновъ и другихъ еретиковъ, ихъ послѣдователей и защитниковъ,—мѣстныя духовныя власти должны смиренно подтверждать, должны неизмѣнно хранить таковыя распоряженія. Свѣтскія же власти, графы, бароны и вельможи должны содѣйствовать проповѣдникамъ, а именно конфисковывать имущества отлученныхъ, изгонять ихъ, сперва приказаніями, а послѣ, если еретики будутъ презирать отлученіе Райнера (et si post interdictum ejus in terra ipsorum praesumpserint commorari), то силою оружія, «помощью свѣтскаго меча» (11).

---

(11) l. I, ep. 94; CCXIV, 81—83.

О томъ же циркулярно были посланы приказанія архіепископу d'Auch, вьеннскому, арелатскому, тарраконскому, ліонскому и ихъ епископамъ, и также всѣмъ князьямъ, графамъ и баронамъ южныхъ областей.

Только притворнымъ спокойствіемъ папы, его вѣрою въ несокрушимую крѣпость Церкви, можно объяснить приглашеніе баронамъ тулузскимъ принимать гостепріимно цистерціанцевъ-легатовъ. Не прошло и мѣсяца проповѣднической и административной дѣятельности Райнера, успѣвшаго произнести нѣсколько интердиктовъ и удалить многихъ духовныхъ съ ихъ мѣстъ, какъ папа отправилъ его въ Испанію по тѣмъ же церковнымъ дѣламъ, и обязанности его всецѣло поручилъ Гвидону, пославъ о томъ (13 мая 1198 г.) циркулярное извѣщеніе по всѣмъ южнымъ епархіямъ ([12]). Чрезъ годъ Райнеръ возвратился; его полномочіе на вторичное легатство было вполнѣ подтверждено (12 іюля 1199 г.) и въ тоже время всему мѣстному духовенству предписывалось удвоить наблюденіе за еретиками ([13]). Прошло полтора года опыта; всѣ мирныя распоряженія не приводили ни къ чему; усердіе бернардинскихъ фанатиковъ въ Лангедокѣ, оскорблявшее всѣ понятія о свободѣ, тамъ усвоенныя, только возбуждало ненависть въ народѣ, въ католикахъ и еретикахъ безразлично. Ересь по прежнему стучалась въ ворота Рима. Первосвященникъ римскій опасается пріѣхать въ Витербо; городъ наполненъ еретиками; это происходило предъ глазами папы, въ его вотчинѣ и въ состояніи было привести Иннокентія въ негодованіе,—но и тутъ онъ только повышаетъ тонъ; духъ относительной умѣренности и теперь не покидаетъ его. Въ посланіи къ жителямъ Витербо (25 марта 1199 г.), онъ запрещаетъ имъ повиноваться еретическимъ сановникамъ, подъ угрозой проклятія; какъ ленный государь, онъ освобождаетъ ихъ отъ клятвы и лишаетъ должностей тѣхъ консуловъ, которые позволяли себѣ засѣдать рядомъ съ еретиками; патареновъ онъ повелѣваетъ выгнать чрезъ 15 дней,

([12]) Предписываются тѣ же мѣры относительно еретиковъ: «in haereticos, quos ipse (Guido) vobis nominaverit, spiritualem gladium exeratis; laici vero bona eorum confiscent et eos ejciant de terra sua et eorum paleas separent a frumento». Migne; CCXIV, 143.

([13]) Reg. Inn. l. II, ep. 122, 123.

и уже на случай ослушанія грозитъ имъ войной и гнѣвомъ, который, проникнувъ въ городъ, покажетъ имъ всю силу апостольскаго меча ([14]). Всѣ эти угрозы, какъ оказалось въ послѣдствіи, не производили дѣйствія; всякое отлученіе было безсильно; прекращеніе церковнаго католическаго богослуженія только радовало большинство. Одно личное прибытіе папы могло поправить католическое дѣло, побудивъ еретиковъ удалиться изъ города. Витербскія сцены могутъ поэтому въ нѣкоторомъ отношеніи подтвердить безъисходность той политики, принять которую Иннокентій могъ только въ силу крайности и исключительныхъ обстоятельствъ.

Ни о какомъ участіи Юга въ католическихъ интересахъ нельзя было и думать. Одна партія никакъ не могла понять другой. У каждой были противоположныя пути, сойтись на которыхъ было невозможно. Каждая имѣетъ своихъ симпатичныхъ борцевъ, героевъ и вождей. Чѣмъ былъ для католичества Иннокентій III, тѣмъ для альбигойства въ нѣкоторомъ отношеніи служилъ Раймондъ VI. Могъ-ли онъ думать объ уступчивомъ смиреніи, если бы даже при его дворѣ вѣрили толкамъ о крестовомъ походѣ? На него были обращены надежды послѣдователей новаго вѣроученія. Онъ явно покровительствовалъ ереси. Въ церковь онъ водилъ своего шута, который подпѣвалъ священнику, кривлялся, гримасничалъ и, стоя спиной къ алтарю, благословлялъ народъ. Графъ во всеуслышаніе говорилъ, что монахи цистерціанскіе не могутъ спастись отъ своей роскоши, что онъ самъ хотѣлъ бы походить на проповѣдниковъ и мучениковъ альбигойскихъ. Цистерціанскій аббатъ жаловался ему на еретика Гуго Фабри, который хвасталъ тѣмъ, что осквернилъ католическій храмъ въ Тулузѣ и между прочимъ сказывалъ, что въ священникѣ, совершающемъ таинства, присутствуетъ демонъ. Графъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что за подобные пустяки онъ не накажетъ и послѣдняго гражданина въ своемъ государствѣ. Всѣ знали, что въ его свитѣ были проповѣдники, утѣшенные и діаконы альбигойскіе. Раймонда часто видѣли на торжественныхъ собраніяхъ еретиковъ. Иногда эти собранія устраи-

([14]) l. II, ep. 1.—CCXIV, 537—539. Витербскія дѣла въ l. VIII, ep. 85, 105; IX, 258; X, 105, 130, 139. Gesta Inn. c. 123.

вались въ его собственномъ дворцѣ. Онъ преклонялъ колѣна, выслушивая молитвы утѣшенныхъ или принимая ихъ благословенія. Его всегдашнимъ желаніемъ было умереть на рукахъ «добрыхъ людей». «Ради нихъ, говорилъ онъ, я готовъ лишиться не только всего государства, но даже и самой жизни». Всѣ знали, что своего сына онъ хотѣлъ отдать на воспитаніе архіереямъ альбигойскимъ. Онъ презиралъ католическіе уставы, хотя не особенно дорожилъ альбигойскими. Онъ перемѣнилъ пять женъ, по примѣру своего отца; три изъ нихъ еще пережили его. Раймондъ мало стѣснялся католическими приличіями, хотя оффиціально держалъ капеллана. Разъ, играя съ нимъ въ шахматы, въ отвѣтъ на его замѣчаніе, онъ сказалъ: «Богъ Моисеевъ, которому ты вѣруешь, тебѣ не поможетъ, а меня истинный Богъ не оставитъ». Онъ прямо высказывалъ свои убѣжденія, мало стѣсняясь окружающими. «Сразу видно, что діяволъ создалъ міръ, ничего въ немъ не дѣлается по нашему», говаривалъ онъ, когда бывалъ въ недовольномъ состояніи духа (15). Между тѣмъ, по своему частному характеру, это былъ совершенный типъ средневѣковаго рыцаря; трубадуры воспѣвали его въ пѣсняхъ; онъ самъ не забывалъ дамъ въ своихъ сонетахъ. Въ войнѣ онъ отличался блескомъ, пышностью и храбростью. Но, неукротимый на полѣ битвы, онъ терялся среди кабинетныхъ соображеній. Для дипломатической дѣятельности, для государственныхъ думъ, онъ не былъ созданъ. Двойственный характеръ его сложился подъ воздѣйствіемъ тѣхъ условій, въ какія его поставило альбигойство. Онъ вѣровалъ въ ересь, но въ виду католической громады не смѣлъ высказаться. Такой же системы онъ заставлялъ держаться и своихъ вассаловъ, еще болѣе ревностныхъ поклонниковъ ереси, какъ виконтовъ Раймонда-Рожера безьерскаго, Гастона VI беарнскаго и графовъ Раймонда-Рожера-де Фуа, Жеральда IV-Арманьяка и Бернарда IV комменскаго. Своею нерѣшительностію онъ парализировалъ ихъ и все дѣло альбигойцевъ. Натура неравномѣрно одаренная, Раймондъ, захваченный новыми обстоятельствами, безплодно разтратилъ

(15) Petri Cern. Hist. Albig. c. 4,—M. CCXIII, 552—553; между прочимъ за вѣрное передаются всевозможныя клеветы на Раймонда (sicut pro certo didiscimus).

свои силы и подъ конецъ жизни съ болью въ сердцѣ, обезчещенный, сдался куріи, которую такъ ненавидѣлъ. У него недоставало ясности системы, потому что недоставало твердости воли; это былъ его неисправимый порокъ. Онъ въ одно время казался и способнымъ и сильнымъ, смѣлымъ при невыгодныхъ условіяхъ и робкимъ, когда надо дѣйствовать. Онъ старается постепенно раздражить Иннокентія до самой рѣшительной минуты, когда у него непремѣнно опустятся руки не отъ недостатка смѣлости, а отъ того, что онъ не пойметъ смысла борьбы и склонится на переговоры. Онъ кокетничаетъ съ своимъ врагомъ, съ могущественнѣйшимъ человѣкомъ тогдашней Европы, съ этимъ царемъ надъ царями,—тогда какъ сѣмя ереси произрастаетъ новыя жатвы для темнаго будущаго.

А Иннокентій продолжаетъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла выбору легатовъ. Къ 1200 году кардиналъ Сан-Поль посланъ смѣнить бернардиновъ. Ему указали въ Римѣ для образца инструкцію витербскую. Конечно это ни мало не измѣнило положеніе дѣла. Къ тому же, новый епископъ въ Тулузѣ, Раймондъ де-Рабастенъ, избранный одною изъ городскихъ партій и покровительствуемый графомъ, возбуждалъ новый матеріалъ къ опасеніямъ. Находятся двое искусныхъ къ легатству людей—опять цистерціанцы, Петръ де-Кастельно и Рауль. Они, казалось, не могли обмануть надеждъ куріи,—и ихъ послали въ Лангедокъ.

Они были простыми монахами въ аббатствѣ Фонфруа въ предѣлахъ епархіи нарбоннской; оба родились на Югѣ. Первый славился энергіей характера и подвигами, второй имѣлъ степень доктора. Непреклонный фанатикъ, Петръ искалъ вѣнца мученическаго. Рауль, болѣе мыслящій, спокойный, врагъ крайностей, думалъ достигнуть мученическаго вѣнца. Въ концѣ 1203 года оба они начали свои дѣйствія въ Тулузѣ. Легаты придумали дѣйствовать на демократическій духъ народа. Папа являлся покровителемъ и защитникомъ республиканскихъ началъ въ Европѣ. 13 декабря были созваны члены капитула и именитые жители столицы. Они принуждены были дать клятву блюсти католичество; а легаты, именемъ папы, обѣщали защищать свободу и привилегіи города. Тѣ, которые впредь будутъ давать такую клятву, всегда найдутъ покровительство и защиту въ Римѣ; тѣмъ же, которые стали бы сопротивляться ей, заранѣе объявля-

лось объ отлученіи. При этомъ присутствовали бальи и вигуэры тулузскаго графа, все мѣстное духовенство и 20 консуловъ ([16]). Неохотно послѣдніе приложили свою подпись къ акту. Уничтожить еретиковъ было очень трудно, даже невозможно; въ это самое время ихъ духовенство было вліятельнѣе католическаго. Оно отличалось не менѣе стройною организаціею, какъ и латинское. Четыре епископа сидѣли въ Тулузѣ, Альби, Каркассонѣ и Аженѣ. То были: Госелинъ, Сикардъ Селлерьэ, имѣвшій резиденцію въ замкѣ Ломберѣ, и Бернардъ де-Симорръ въ Каркассонѣ. У Госелина тулузскаго «старшимъ сыномъ» былъ Гильабертъ, проповѣдникъ, завѣдывавшій собраніями въ замкѣ Фанжо. «Младшіе сыновья» и діаконы, разсѣянные на всѣхъ пунктахъ, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ ([17]). Множество проповѣдниковъ съ огненнымъ даромъ убѣжденій, въ родѣ: Тетрика (Θеодорика), Аймерика, Гоффрида вели блистательную пропаганду, противодѣйствуя искусству и усиліямъ легатовъ. Въ добавокъ, послѣдніе поссорились съ мѣстной духовной администраціей. Петръ де-Кастельно доносилъ въ Римъ на архіепископа нарбоннскаго,—что онъ и его епископы ничего не дѣлаютъ противъ ереси, что они предаются симоніи, что они продаютъ должности, наконецъ стѣсняютъ самихъ легатовъ въ распоряженіяхъ ([18]).

Между тѣмъ архіепископъ нарбоннскій въ свою очередь жаловался на легатовъ; говорилъ, что они стѣсняютъ его, вмѣшиваются не въ свое дѣло; что, не ограничиваясь увѣщаніемъ еретиковъ, входятъ въ кругъ епископскихъ обязанностей, позволяя даже себѣ наказывать лицъ, принадлежащихъ къ Церкви. Сообразивъ, что изъ такихъ раздоровъ

([16]) Catel. H. des comtes de Toulouse; 236.

([17]) Въ Монреалѣ и окрестностяхъ діаконами тогда были— Бернаръ Коль де-Фи, Арнольдъ Гиро, Арнольдъ Терро и Дуранти; въ Жеанѣ Петръ де Белестаръ, Раймондъ Имбертъ; въ Санъ-Полѣ Вильгельмъ Рикардъ, въ Виллемюрѣ Раймондъ Аймерикъ; въ Мирепуа Раймондъ Мерсьэ; въ Караманѣ Изарнъ Капель; въ Кабаретѣ Арнольдъ Го, въ Авріакѣ Бернаръ Фрезель, въ Тарасконѣ Пейрота де-Клермонъ, въ замкѣ Дюрфоръ Раймондъ Агюльэръ.

([18]) Reg. Inn. l. VI, ep. 79.

не можетъ выйти ничего, кромѣ вреда католическому дѣлу, Иннокентій, въ маѣ 1204 года, рѣшился назначить третье лицо, съ тѣмъ же званіемъ легата, но съ полномочіемъ, еще болѣе обширнымъ. То былъ Арнольдъ, настоятель главнаго цистерціанскаго монастыря, прозванный потому аббатомъ аббатовъ.

Онъ имѣлъ огромную славу въ церковномъ мірѣ, какъ ученый и искусный проповѣдникъ, передъ словомъ котораго не могъ-де устоять самый закоренѣлый еретикъ. Сцена предстоящихъ подвиговъ была хорошо ему извѣстна. Арнольдъ былъ родомъ изъ Нарбонны. Говорили, что онъ происходитъ изъ герцогскаго рода. Онъ долго былъ аббатомъ въ Тулузѣ. Католики считали его своею лучшею опорою; альбигойцы видѣли въ немъ соперника весьма опаснаго. Провансальскій пѣвецъ отдаетъ должное его способностямъ, уму и выдающимся талантамъ ([19]). Онъ не былъ такъ страшно фанатиченъ, какъ Петръ; но потому-то онъ былъ опаснѣе его. Онъ умѣлъ властвовать надъ сердцами силою слова, то громоваго и суроваго, то легкаго и лукаваго. Разсчетъ и хитрость руководили его дѣйствіями, его рѣчами; въ его глазахъ всякія средства сглаживались для великихъ цѣлей. На арену дѣйствій онъ приносилъ съ собою честолюбіе, опытность и несомнѣнный политическій геній. Но все это помрачалось страстью къ обогащенію. Тщеславный аббатъ, подобно многимъ даровитымъ современникамъ своего сословія, не могъ никогда устоять противъ мірскихъ прельщеній. Онъ поддавался подкупу ради блеска, наслажденій жизни, которую любилъ и возвыситься въ которой поставилъ себѣ цѣлью. Но его католическій фанатизмъ не позволялъ ему, цистерціанцу, сдѣлокъ съ альбигойцами.

Указомъ Иннокентія всѣ три легата должны были дѣйствовать вмѣстѣ. Папа тогда же просилъ короля французскаго Филиппа Августа, а также его сына Людовика подняться противъ феодаловъ Лангедока и оказать посильное содѣйствіе легатамъ къ искорененію ереси. «Во имя власти, которую вы получили съ неба, побуждайте графовъ и бароновъ конфисковывать имущества еретиковъ и употреблять

([19]) La Crozada contr els ereges dAlbeges; III, v. 58—67 (Fauriel; 7).

общія усилія противъ тѣхъ, которые откажутся изгнать ихъ изъ своихъ земель» ([20]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оказать свое довѣріе Петру и Раулю, Иннокентій велѣлъ легатамъ смѣнить Беренгарія, архіепископа нарбоннскаго, на котораго они жаловались, дозволивъ имъ самимъ выбрать другаго, если бы капитулъ оказалъ сопротивленіе. Петръ де-Кастельно въ силу этого распоряженія приказалъ Беренгарію оставить Нарбонну. «Какъ послѣдняго клирика, вы, отцы Петръ и Рауль, безъ совѣщаній съ аббатомъ Сито, гоните меня изъ собственнаго діоцеза, подъ страхомъ отлученія и лишенія бенефицій»,—такъ свидѣтельствуетъ гонимый архіепископъ, аппеллируя о такомъ самоуправствѣ легатовъ на имя папы ([21]). Но за Беренгаріемъ было неумолимое преступленіе. Онъ далъ возможность сосредоточиться ереси въ своемъ діоцезѣ, ибо Тулуза и Альба всегда принадлежали его вѣдомству; а здѣсь, благодаря его нерадѣнію, во всей архіепископіи почти не существовало искреннихъ католиковъ. Очевидно онъ былъ не на мѣстѣ. Суровый Петръ между тѣмъ просилъ папу или вернуть его въ монастырь, если онъ виновникъ прежнихъ раздоровъ, или же оказать ему свою поддержку. Иннокентій подтвердилъ его распоряженія, а Беренгарію повелѣлъ повиноваться. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ побуждаетъ Филиппа французскаго и его сына прибыть на Югъ и исполнить «его волю надъ баронами», сочувствующими ереси, то есть побудить ихъ къ изгнанію альбигойцевъ или лишить ихъ владѣній ([22]).

Между тѣмъ легаты успѣли вооружить противъ себя уже не однихъ альбигойцевъ: съ ними столь же рѣшительно боролся мѣстный католическій элементъ въ лицѣ своего духовенства. Отлучивъ архіепископа нарбоннскаго, легаты слѣдомъ за тѣмъ отлучили епископовъ безьерскаго и тулузскаго за тоже нерадѣніе къ дѣлу церковному. Обличенные сильно сопротивлялись и вооружили противъ легатовъ свои города. Напрасно духовенству и властямъ запрещалось повиноваться епископамъ. Для муниципалитета это былъ предлогъ усилить торжество ереси, которая не смѣла возставать такъ явно, какъ именемъ закона и папы дѣлала епископская партія. Ясно, что куда бы легаты ни повернулись, вездѣ они встрѣчали нерѣшительность, слабость, неувѣренность, если не глухое противодѣйствіе и подземную борьбу. Эти чувства Петръ де-Кастельно высказалъ въ откровенномъ письмѣ къ папѣ:—«Святой отецъ! взывалъ де-Кастельно Иннокентію. Никакія легатства не въ силахъ болѣе остановить зло; церковные сосуды и священныя книги встрѣчаютъ здѣсь въ Провансѣ ужасное кощунство надъ собой. Еретики публично крестятъ на манихейскій ладъ; они ни мало не стѣсняются безъ стыда и страха проповѣдывать свои преступныя заблужденія. Раймондъ де-Рабастенъ, епископъ тулузскій, преемникъ благочестиваго Фулькранда, человѣкъ жадный и неспокойный, которому никогда не ужиться съ своими прихожанами. Уже три года онъ, помазанникъ Господа, неустанно поддерживаетъ войну съ какимъ-то дворяниномъ, своимъ вассаломъ, вмѣсто того, чтобы обратить оружіе противъ еретиковъ, усиленія которыхъ вовсе не замѣчаетъ. Мало этого; онъ обезчестилъ себя, торгуя предметами церковными. Архіепископъ нарбоннскій и епископъ безьерскій, устрашенные возрастающимъ волненіемъ въ своихъ епархіяхъ, или забываютъ свои паствы, или отказываются отъ всякихъ карательныхъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ. Если говорить правду, то надо сознаться, что раздоры между духовенствомъ здѣсь стали столь вопіющими, что нельзя смотрѣть на этихъ недостойныхъ пастырей иначе, какъ на воиновъ, забредшихъ въ овчарню Іисуса Христа. Феодалы тулузскіе и безьерскіе отказали намъ въ своемъ содѣйствіи. Всѣ они явные или тайные сторонники и покровители еретиковъ. Развѣ угрозы французскаго короля могутъ побудить ихъ исполнить свой долгъ».

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта вражда легатовъ съ мѣстными духовными и гражданскими властями, если бы не умерли оба епископа, тулузскій и безьерскій, уже сбиравшіеся лично ѣхать въ Римъ, для оправданія. Того же желалъ Беренгарій нарбоннскій. Папа далъ свое согласіе выслушать его въ послѣдствіи; если же онъ «по болѣзни, по старости или другой уважительной причинѣ, не могъ-бы прибыть въ Римъ, то обѣщался изслѣдовать дѣло чрезъ особыхъ посредниковъ, понимающихъ и надежныхъ». Своего

([20]) L. VII, ep. 72, 79.—Raynaldi Ann. eccles. a. 1204.

([21]) Preuves de l'hist. de Languedoc apud Vaissete; V, 559—560; № XLI.

([22]) L. VII, ep. 201, 212.

аррагонскаго аббатства онъ былъ уже лишенъ навсегда, а архіепископство осталось за нимъ, «дабы дать ему время покаяться въ преступленіяхъ, которыя онъ совершилъ» ([23]). Епископъ вивьерскій не былъ такъ счастливъ. Легаты низложили его, ссылаясь на тоже нерадѣніе, и тѣмъ обезпечили себя отъ новыхъ опасностей. Новымъ епископомъ они утвердили извѣстнаго трубадура, друга и поклонника графа Раймонда, человѣка пылкаго характера, родомъ марсельскаго негоціанта, нѣкогда блистательнаго красавца, автора 19 пѣсенъ, преимущественно посвященныхъ графинѣ Монпелье, «этой царицѣ всякой доблести, вѣжливости (courtoisie) и ума». Съ горя, послѣ смерти ея и своихъ друзей— Ричарда англійскаго и Раймонда V тулузскаго, онъ пошелъ въ цистерціанцы; его жена послѣдовала примѣру мужа. Счастіе вывело Фулько изъ тѣсныхъ стѣнъ аббатства Торонэ на широкую арену дѣятельности въ санѣ тулузскаго епископа. Теперь и Беренгарій нарбоннскій представляетъ свои доводы. Обрядъ посвященія Фулькона долженъ былъ совершать епископъ Арля. Ожидали, что новый епископъ поладитъ съ графомъ, хотя послѣдній и чувствовалъ много симпатій къ Раймонду де-Рабастену, его предшественнику, — но вышло совершенно противное. Врядъ ли въ комъ, послѣ папы и легатовъ, альбигойцы пріобрѣли себѣ врага болѣе опаснаго, какъ въ лицѣ этого нѣкогда веселаго трубадура.

Католики надѣялись, что краснорѣчивый Фулько, будетъ также привлекать въ церковь своими проповѣдями, какъ привлекалъ нѣкогда рыцарей своими пѣснями. Но лишь только бывшій трубадуръ перемѣнилъ тонъ и вмѣсто нѣжныхъ стансовъ любви сталъ цитировать псалмы, пала его популярность среди тулузцевъ. Храмы по прежнему оставались пусты. Арнольдъ былъ въ отсутствіи. У легатовъ и его товарищей опустились руки. Петръ и Рауль хотѣли уже отказаться отъ возложеннаго на нихъ дѣла и удалиться въ монастырь. Но тутъ выручило ихъ дѣло неожиданное обстоятельство.

Въ это самое время случилось проѣзжать черезъ Тулузу епископу кастильскаго города Озьмы ([24]), донъ Діэго

([23]) **L. IX, ep. 68.—Приведенное донесеніе Петра де-Кастельно у Barrau et Darragon. Hist. des Croisades; I, 11—12.**

([24]) **Древняя Охотита, Ихата,—въ Старой Кастиліи; теперь уже въ развалинахъ.**

(de-Azebez). Его, въ сопутствіи нѣсколькихъ монаховъ, посылалъ король Альфонсъ VIII въ Скандинавію сватать невѣсту инфанту Фердинанду. Одинъ изъ спутниковъ епископа, его любимецъ, каѳедральный пріоръ, по имени Доминикъ, еще первымъ проѣздомъ чрезъ Тулузу успѣлъ заставить долго говорить о себѣ. Сказывали, что онъ въ одну ночь успѣлъ обратить закоренѣлаго еретика, у котораго имъ пришлось остановиться. Теперь путешественники возвращались изъ Рима домой ([25]). Донъ-Діэго, увидавшись съ легатами въ Монпельѣ, съ перваго слова сталъ говорить объ еретикахъ, которые, послѣ византійскаго похода, тогда всецѣло занимали Церковь.

— Увы! говорилъ Рауль, весь въ слезахъ, здѣсь мы совершенно безполезны. Наше пребываніе только унижаетъ достоинство святѣйшаго отца-папы и величіе Церкви. Намъ время удалиться на гору для молитвы съ Моисеемъ, такъ какъ биться съ врагами въ рядахъ Іосіи мы больше не можемъ.

— Братья, отвѣчалъ Донъ-Діэго, помните, что врачъ тогда и напрягаетъ всѣ усилія, когда опасность для больнаго велика. Чтобы возстановить сокрушенную вѣру, надо, мнѣ кажется, употребить тѣ самыя средства, которыя содѣйствовали ея торжеству.

— Какія же? —

— Вспомните, какъ проповѣдывали апостолы. Они питались милостыней, ходили пѣшіе, блистали не царскимъ блескомъ, а добродѣтелями духовными, были сильны силою возвѣщенія истины. Намъ слѣдуетъ подражать ихъ святому примѣру. Легаты почувствовали намекъ на характеръ своихъ дѣйствій, на свою гордость, пышность, честолюбіе. Ихъ католическій экстазъ одержалъ побѣду на этотъ разъ въ ихъ внутренней борьбѣ.

Кастельно молчалъ. Рауль продолжалъ говорить.

— О Боже! чего-бы мы не сдѣлали для славы имени Твоего, для торжества Твоего дѣла. Но кто же направитъ насъ по этому новому пути, по евангельской стезѣ. Ведите насъ, епископъ, помогите намъ сокрушить еретиковъ.

([25]) **Guil. de Podio Laur. c. 8.—Petrus Cern. c. 3.—Praeclara Franc. facin. a. 1206.**

— Мнѣ-ли грѣшному указывать путь спасенія другимъ. Нѣтъ, я никогда не буду вашимъ вождемъ; во мнѣ вы найдете брата и помощника. Вмѣстѣ мы станемъ трудиться, дабы изгнать демона, который овладѣлъ этой несчастной страной ([26]).

И слѣдуя своему обѣщанію, епископъ тотчасъ же распустилъ свою свиту, слугъ, отослалъ экипажи. Показывая примѣръ легатамъ, подобно нищему, онъ остался безъ всякихъ средствъ, обрекая себя милостынѣ. При немъ остался тотъ самый Доминикъ, которому когда-то здѣсь удалось совершить чудо и о которомъ ходила молва какъ о святомъ. Этому человѣку суждено было играть немаловажную роль въ будущемъ прозелитизмѣ католичества, а системѣ его, косвеннымъ путемъ, въ искорененіи альбигойства.

Жизнь святаго Доминика (1170 — 1221 г.), какъ и не менѣе знаменитаго современника его, Св. Франциска, не лишена легендарности. Онъ происходилъ изъ достаточнаго кастильскаго дома д'Аца, изъ мѣстечка Каларнога, недалеко отъ Озьмы ([27]). Съ шестаго года онъ былъ предназначенъ къ духовной должности. Онъ пошелъ въ Паленсію, въ тамошнее высшее училище, это magnificum museum, послужившее послѣ родоначальникомъ саламанкскаго университета. Здѣсь онъ выказалъ большія способности и вмѣстѣ наклонность къ созерцательной жизни. Вернувшись домой, онъ, во время голода, раздалъ все, что имѣлъ, и тѣмъ подалъ примѣръ другимъ. Епископъ, во вниманіе къ тому, сдѣлалъ его каноникомъ и записалъ въ августинское братство, только что открывавшееся; въ монастырѣ скоро его избрали пріоромъ ([28]). Обладая энергіею и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, онъ ви-

([26]) Langlois. Hist. des Croisades contre les Albigeois; 75—77.—Срв. Barrau et Darragon. Croisades; I, 17—18. Начало этого сочиненія (нпр. стр. 7—10) полно ошибокъ.

([27]) Hurter. Innoc. IV, 231. Прежде ошибочно производили его родъ отъ Гусманъ.

([28]) Между множествомъ б ографій св. Доминика остается обширнѣйшею: Fern. de Castillo y J. Lopez. Historia general del Santo Domingo y de su orden de Predicatores. Vallad. 5 f. 1612—22.

дѣлъ все свое призваніе въ проповѣди. Въ Лангедокѣ онъ нашелъ свое поприще. Онъ сдѣлался руководителемъ того донъ-Діего, который послѣ сталъ руководить другихъ. Самоотреченіе епископа, такъ геройски высказанное въ бесѣдѣ съ легатами, подготовлялось и совершалось подъ вліяніемъ Доминика. Босой, истекая кровью отъ острыхъ камней, Діэго иногда терялъ энергію, скучая о привольныхъ палатахъ своего аббатства. Тогда «смѣлѣе, веселѣе, раздавался голосъ его спутника:—Богъ обѣщаетъ намъ побѣду; кровь наша льется за грѣхи наши». Въ Монреалѣ, нищенствующіе и столь могущественные проповѣдники, съ трудомъ добывавшіе себѣ дневное пропитаніе, встрѣтились съ аббатомъ Арнольдомъ, который привелъ съ собою 12 другихъ аббатовъ, ходившихъ за нимъ, «на подобіе апостоловъ». Здѣсь повторилась монпельэрская сцена съ тою разницею, что убѣждалъ на этотъ разъ не епископъ, а Доминикъ.—«Вы путешествуете съ цѣлыми обозами муловъ, полными нарядовъ, и всякихъ яствъ—и еще бы еретики стали вѣрить вашимъ поученіямъ; они и безъ того ищутъ предлоговъ обличить развратъ нашихъ духовныхъ, а особенно монаховъ. Посмотрите, скажутъ они, какъ эти пышные люди поучаютъ о Спасителѣ, который ходилъ босымъ; послушайте, какъ эти богачи презираютъ бѣдныхъ. Если вы хотите что нибудь сдѣлать, то прежде всего бросьте вашъ суетный блескъ, ступайте босыми, поучайте собственнымъ примѣромъ.» Арнольдъ вполнѣ сочувствовалъ тому. Онъ разсѣялъ своихъ апостоловъ по всей странѣ, предписавъ имъ болѣе всего стараться о словопреніяхъ съ еретиками. Рвеніе же Доминика росло постепенно. Среди католиковъ не переставали говорить о его чудотвореніяхъ. Послѣ одного богословскаго диспута, онъ изложилъ свои доводы на бумагу и вручилъ ее еретикамъ. Тѣ, на первомъ же собраніи, положили сжечь ее. Три раза бумага не поддавалась огню. Одинъ солдатъ, пораженный этимъ, будто даже поспѣшилъ обратиться въ католичество ([30]). Но не такими подвигами успѣвалъ Доминикъ. Когда приходилось ему сталкиваться съ неминуемою опасностью при

([9]) Petrus Cern c. 5.

([30]) id. c. 7.—Авторамъ новой Hist. des Croisades неизвѣстенъ источникъ этого сказанія и они ссылаются на Langlois; 83.

спорахъ съ ожесточившимися альбигойцами, онъ поражалъ ихъ тѣмъ же хладнокровіемъ, какимъ они привыкли поражать католиковъ. Доминику его поприще казалось недостаточно обширнымъ: онъ говорилъ, что пойдетъ искать мученическаго за невѣдомымъ моремъ ([31]).

При перемѣнѣ цѣлей и системы, и при такомъ новомъ дѣятелѣ, какимъ былъ Доминикъ, удаленіе Діэго не могло повредить успѣху разсчетовъ легатовъ. На возвратномъ пути въ Испанію, въ Памьерѣ, Діэго встрѣтился съ вальдензами, съ которыми имѣлъ большой диспутъ, въ присутствіи епископовъ тулузскаго и каркассонскаго. Свидѣтелемъ случился сынъ графа де Фуа, Раймондъ Рожеръ, одинъ изъ могущественныхъ покровителей альбигойцевъ; жена его и сестра были рьяныя послѣдовательницы Вальдо. Графъ отвелъ для состязанія свой дворецъ. Католическая лѣтопись говоритъ, что будто Діэго остался побѣжденнымъ, но посредникъ диспута, какъ ни расположенъ былъ къ еретикамъ, принужденъ былъ обличить ихъ и приговорить къ свѣтскому наказанію ([32]). Діэго не суждено было увидѣть родину; онъ умеръ черезъ нѣсколько дней. Новымъ проповѣдникомъ сталъ французскій аббатъ Гюи (изъ Vaulx Cernay), дядя историка походовъ альбигойскихъ. Перемѣна системы проповѣдей могла нѣсколько поднять упавшее католичество, хотя не надолго. Здѣсь, среди непрестанной борьбы, въ головѣ Доминика зародились между прочемъ другіе замыслы. Онъ давно понялъ, что духовный способъ воздѣйствія на ересь скорѣе всего приведетъ къ цѣли. Братство, составъ и характеръ котораго онъ уже предначерталъ, могло по его расчетамъ удовлетворить стремленіямъ Иннокентія. Назиданіе и христіанское воспитаніе согласовались съ помыслами папы. Но доминиканцамъ не суждено было соблюсти въ чистотѣ свою миссію. Прежде чѣмъ просить разрѣшенія Рима на утвержденіе цѣлаго общества съ его широкими задачами, Доминикъ захотѣлъ испытать первое примѣненіе его на дѣлѣ. Недалеко отъ Монреаля, на землѣ тулузскаго епископа, онъ основалъ монастырь de Prouille, гдѣ помѣстилъ для обученія 11 дѣвицъ извѣстныхъ

([31]) **Theod. de Apolda. Vita S. Domenici; c. 35.**

([32]) **Petrus Cern. c. 6.—Срв. Guil. de Podio Laur. c. 8.**

фамилій; девять изъ нихъ прежде были въ вѣрѣ альбигойской. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось работою отгонять скуку. Потомъ, тамъ-же появляются и мужскія школы, весь строй которыхъ направлялся къ проповѣдыванію. Открылось и общество бѣдныхъ католиковъ; основателемъ его былъ одинъ испанецъ Дюрандъ де-Гуэска, душою—Доминикъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ появились монастыри этого братства. Въ нихъ пріучались между прочимъ къ полемикѣ, къ искусству обращать еретиковъ; братья и ученики ихъ жили милостынею, ходили въ бѣлыхъ, или сѣрыхъ рясахъ. Иннокентій былъ въ восторгѣ отъ нихъ; онъ принялъ ихъ подъ свое верховное покровительство. Изъ этихъ монастырей выросъ въ послѣдствіи доминиканскій орденъ ([33]). Развивать діалектическіе таланты было необходимо тѣмъ болѣе, что на большихъ словопреніяхъ съ еретиками, католики не всегда оставались побѣдителями. Такъ, незадолго до этого времени, произошло знаменитое состязаніе съ вальдензами въ Монреалѣ, гдѣ сошлись талантливые борцы той и другой стороны. Тутъ были всѣ легаты, Гюи де-Во-Серне, самъ Доминикъ и столпы ереси: Арнольдъ, Оттонъ, Гильабертъ Кастрскій, Бенуа де-Термъ, Павелъ Іорданъ. Толпами любопытныхъ, помпою и блескомъ диспутъ напоминалъ Ломберъ,—но разница была та, что здѣсь трибуналъ посредниковъ состоялъ изъ лицъ, не питавшихъ отвращенія къ ереси. Въ немъ засѣдали бароны и князья. Увлеченіе спорящихъ было до того сильно, что они не покончили спора въ продолженіи 15 дней ([34]). Рѣшено было прибѣгнуть къ богословско-литературной полемикѣ. Таково было направленіе римской политики на Югѣ, какъ случились слѣдующія событія, потрясшія всю Европу и послужившія непосредственнымъ толчкомъ крестовыхъ альбигойскихъ войнъ.

Петру де-Кастельно какъ-то удалось встрѣтиться съ графомъ Раймондомъ VI. Раймонда трудно было увидѣть въ послѣднее время. Онъ былъ поглощенъ феодальными война-

([33]) **Объ этомъ учрежденіи см. у Иннокентія въ Reg. l. VI, ep. 196, 197, 199; l. XII, ep. 17, 66—69; l. XIII, ep. 63, 77, 78; l. XV, ep. 82, 90, 93, 96.**

([34]) **Guil. de P. Laur. c. 9.—Petr. Cern. c. 3; M. 550.**

ми въ Провансѣ. Петръ искалъ его давно. Надо было объясниться открыто. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ, воспроизведенный позднѣйшимъ историкомъ изъ лѣтописныхъ данныхъ.

— Графъ, вамъ пора наконецъ объявить, кто вы: другъ или врагъ нашъ, началъ легатъ. Если вы покровитель ереси, то присоединяйтесь явно къ еретическимъ баронамъ провансальскимъ; если же вы не расположены къ ней, то разите ересь въ сердце, ибо иначе она, какъ язва, пожретъ всѣ ваши домены.

— Я такъ-бы и сдѣлалъ, господинъ легатъ, если бы нѣкоторые провансальцы, не причинили мнѣ тяжкаго зла, думая войною отложиться отъ своего законнаго сузерена.

— Но они вамъ предлагали миръ.

— Знаю; но что же это за условія?

— Вамъ, конечно, герольды передавали ихъ.

— Да, хороши условія! По нашему, господинъ легатъ, такой миръ въ сто разъ хуже войны. Они хотятъ мнѣ связать руки и ноги и заставить ходить на ихъ помочахъ. Клянусь Сàнъ Жиллемъ! Нѣтъ, я достаточно хитеръ, чтобы не попасться на зубы волку, котораго затравливаю. Дайте намъ кончить эту войну; тогда, въ качествѣ феодальнаго синьора, я сдѣлаю для Церкви все, что могу.

— Если такъ, то сейчасъ же удалите изъ вашей арміи осужденныхъ еретиковъ, которые зачумляютъ остальныхъ воиновъ.

— Никогда, государь легатъ, никогда. Вальденезъ-ли, католикъ-ли,—одинаково храбрые служаки въ день битвы.

— А! теперь я вижу, вы прямой защитникъ ереси.

— Ничуть; я терплю ее, и только.

— Вздоръ! тотъ кто не за насъ, — противъ насъ! Читайте,—воскликнулъ онъ внѣ себя, кладя свертокъ, запечатанный папской печатью и уходя изъ комнаты (35).

Раймондъ развернулъ грамоту и прочелъ слѣдующее (36).

«Благородному мужу Раймонду, графу тулузскому, духъ мудраго совѣта!—Если бы мы могли раскрыть твое сердце,

(35) **Barrau et Darragon. Croisades; I, 25—27.**

(36) **Reg. Inn. l. X, ep. 69; CCXV. 1166—1168.**

то нашли бы въ немъ и увидѣли гнусныя мерзости, совершенныя тобою. Но такъ какъ сердце твое крѣпче камня, то можно еще пробить его словомъ благости, но невозможно проникнуть въ него. О! какая гордыня овладѣла твоимъ сердцемъ, сколь велико твое безумство, язвительный человѣкъ (vir pestilens); ты не хочешь знать мира съ сосѣдями и нарушаешь законы божескіе, желая тѣмъ присоединиться къ врагамъ вѣры. И кто ты такой, одинъ противящійся миру, чтобы подобно врагу кинуться на трупъ въ то время, когда могущественнѣйшіе государи и самъ король аррагонскій клялись блюсти миръ по приказу легатовъ апостольскаго престола. Не краснѣешь-ли ты, нарушивъ клятву, которую далъ, обѣщая изгнать еретиковъ изъ своихъ владѣній? Когда, во главѣ разбойниковъ аррагонскихъ, ты свирѣпствовалъ по арелатской провинціи, — епископъ оранскій просилъ тебя пощадить монастыри и хотя въ праздничные дни воздержаться отъ опустошенія страны, а ты клялся въ это самое время, что не будешь уважать ни праздниковъ святыхъ, ни воскресныхъ, и что лишишь бенефицій всѣхъ тѣхъ, кои служатъ Церкви. Клятву, или лучше клятвопреступленіе, тобою содѣланное, ты бережешь гораздо точнѣе, чѣмъ твои клятвы, вынужденныя обѣтованіемъ блаженной кончины. Нечестивый, жестокій, варварскій тиранъ, не ты ли покрытъ позоромъ покровительствованія ереси, не ты ли отвѣчалъ на эти улики, что найдешь среди еретиковъ такого епископа, вѣра котораго лучше католической? Не тебя ли обвиняютъ въ вѣроломствѣ, когда ты, презирая просьбу монаховъ Кандельскихъ возстановить истребленные тобою виноградники, тщеславно оберегалъ всякое имущество еретиковъ? Легаты по справедливости отлучаютъ тебя и налагаютъ интердиктъ на твою страну. Ради того, что предводительствовалъ шайкой аррагонцевъ, а также и за то, что презиралъ дни поста и праздниковъ, въ которые долженъ бы былъ заботиться о безопасности и мирѣ, за то, что отказываешься поступать честно съ врагами твоими, клятвенно предлагающими тебѣ миръ, что даешь общественныя должности жидамъ, къ стыду имени христіанскаго, что опустошаешь монастыри и церкви, что храмы обращаешь въ укрѣпленія, что увеличиваешь налоги, что изгналъ нашего почтеннаго брата, епископа Карпентраса изъ его епархіи,—за все это мы подтверждаемъ ихъ распоряженіе и симъ повелѣваемъ,

чтобы оно было немедленно приведено въ исполненіе, если ты немедленно не дашь намъ должнаго удовлетворенія. Но хотя, въ слѣдствіе тяжелыхъ прегрѣшеній твоихъ, какъ противъ Бога и противъ Церкви вообще, такъ и противъ насъ въ частности, мы, слѣдуя данной намъ власти исправлять заблудшихъ,—и повелѣваемъ благородству твоему и посильно увѣщаемъ, напоминаніемъ суда Господня, принести скорѣе покаяніе, сообразное твоимъ преступленіямъ, — однако, не будучи въ правѣ оставить ненаказанною столь великую несправедливость твою противъ вселенской Церкви (Ecclesiae generalis) и противъ самого Господа, даемъ знать тебѣ, что мы кладемъ запретъ на земли, которыми ты владѣешь отъ Римской Церкви (terram quam nosceris ab Ecclesia Romana tenere tibi faciemus auferri). Если же подобное наказаніе не заставитъ тебя вернуться къ своему долгу, тогда мы примемъ мѣры, чтобы всѣ сосѣдніе государи поднялись противъ тебя, какъ противъ врага Христова и гонителя Церкви, и удержали бы за собою тѣ земли, которыя успѣютъ захватить, дабы тѣмъ исторгнуть ихъ изъ твоей власти, столь потворствующей еретической заразѣ. И всѣмъ этимъ еще не истощится гнѣвъ Господень надъ тобой (nec in omnibus iis avertetur furor Domini super te); рука его, доселѣ надъ тобой распростертая, раздавитъ тебя (te comprimet), и покажетъ, что трудно избѣгнуть отъ лица гнѣва Его, такъ преступно вызваннаго. Дано въ Римѣ, у Св. Петра, 26 мая (IV Kal. Junii), лѣто же папствованія нашего десятое (отъ Р. Х. годъ 1207).»

Такъ, ровно съ половины первосвященничествованія Иннокентія, измѣнилась его политика. Всѣ палліативныя мѣры отжили въ его глазахъ свое время; онъ успѣлъ уже потерять вѣру въ пользу той системы, которую создали Діэго и Доминикъ, дабы не угрозой, а собственнымъ примѣромъ и увѣщаніемъ дѣйствовать на заблудшихъ. Папа, доселѣ гуманный, съ высоты своего престола грозитъ оружіемъ. Какъ объяснить эту крутую перемѣну? Дѣло въ томъ, что Иннокентій наконецъ понялъ, что компромиссъ съ альбигойцами немыслимъ, что на убѣжденія его они не сдадутся, сильные своимъ духомъ, своей логикой, что скоро католицизму грозитъ борьба почти за существованіе. Если не онъ, то его преемники должны будутъ оружіемъ дѣйствовать на ересь. Въ этой горькой необходимости, Иннокен-

тій III сознавалъ свою миссію; трудное и щекотливое дѣло онъ предоставлялъ себѣ. Трагичность исторіи поставила его въ такое положеніе, несогласное съ принципами его личнаго характера, но совершенно соотвѣтствовавшее условіямъ той міровой системы, которую онъ хотѣлъ создать. Вина на немъ лежитъ за всю теократическую систему, если только она не удовлетворяла эпохѣ, а не за тотъ одинъ факторъ ея, проявленія котораго онъ, какъ увидимъ, всегда въ послѣдствіи старался смягчать. Внезапною, но послѣдовательною перемѣною его убѣжденій объясняется и редакція буллы. Она полна натяжекъ, и оттого въ ней чередуются доводы убѣдительные съ ничтожными; въ ней видимо желаніе придраться, по возможности мотивировать свое дѣло, отыскать какіе бы то ни было доводы, взять количествомъ аргументовъ и внѣшностью изложенія. Указавъ на распоряженія легатовъ, булла выражается: Cum igitur propter hoc etiam et pro eo quod etc., будто дальнѣйшій перечень новъ, будто онъ не исчерпанъ самой сущностью прежней формулы, будто не ясно просвѣчиваетъ желаніе поразить однимъ количествомъ видимо разнообразныхъ преступленій. Виноградники кандельскіе слишкомъ не важны сравнительно съ цѣлою системой оппозиціонныхъ дѣйствій графа тулузскаго. Судьба одного епископа прошла незамѣтною въ ряду систематическихъ гоненій на католическое духовенство въ Лангедокѣ. Частная феодальная тяжба наскоро принизана къ религіозному и міровому вопросу. Папа выставляетъ себя защитникомъ политическихъ правъ свободнаго народа цвѣтущей страны, только кое гдѣ терзаемой шайками аррагонцевъ, но если демократизмъ Иннокентія не противорѣчилъ римской политикѣ, и тѣмъ болѣе личнымъ убѣжденіямъ его, то здѣсь онъ одно изъ орудій къ страстнымъ нападкамъ на графа тулузскаго.

Но Раймондъ VI въ душѣ прекрасно понималъ, что онъ, на глаза Рима, вполнѣ заслуживаетъ и такой буллы и ея угрозъ. Онъ зналъ, что ему давно слѣдовало ждать ихъ исполненія, и все таки теперь, въ рѣшительную минуту, когда пришлось расквитаться съ папой и католицизмомъ, у него по прежнему не было отваги. Разладъ, слабость личнаго характера взяли свое. Онъ сробѣлъ борьбы, когда надо было обнажить оружіе. Слѣдуя пагубной двуличности, онъ губилъ самого себя, подобно всей массѣ альбигойцевъ,

какъ бы судьбою наказанныхъ за свое лицемѣріе, за наружное отступничество. Раймондъ и теперь идетъ опять на сдѣлки, но ему не вѣрятъ. Онъ спѣшитъ заключить требуемый миръ и принимаетъ условія провансальскихъ католическихъ бароновъ. Съ горечью въ сердцѣ, онъ пріѣхалъ въ Санъ-Жилль; тамъ ждало его все семейство; тамъ опять неожиданная встрѣча съ вѣчно преслѣдующимъ его, подобно тѣни или мрачному духу, Петромъ де-Кастельно. Петръ одинъ бурно работалъ за католическую партію въ странѣ. Онъ, вмѣстѣ съ Арнольдомъ (Рауль умеръ вскорѣ послѣ смерти донъ-Діэго), подтвердилъ мирный трактатъ и обязательство графа принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ. Онъ опять не видѣлъ исполненія ихъ. Началось крупное объясненіе. Теперь легатъ наступалъ рѣшительно, со всѣмъ самозабвеніемъ фанатика. Присутствіе многихъ свидѣтелей побуждало графа смягчать свои выраженія, а на легата, напротивъ, дѣйствовало возбудительно. Петръ повысилъ тонъ до послѣдней возможности, какъ бы стирая въ прахъ Раймонда и всѣхъ его единомышленниковъ, и наконецъ разразился такъ, что звуки его голоса проникали въ отдаленные концы готической залы, полной баронами и рыцарями.

— Теперь, графъ, я объявляю тебя клятвопреступникомъ и беззаконникомъ; гнѣвъ Божій да разразится надъ тобой. Я отлучаю тебя отъ Церкви. На всѣхъ земляхъ твоихъ отнынѣ интердиктъ. Съ этого дня ты врагъ Бога и людей. Подданные твои разрѣшены отъ присяги. И,—сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, такъ что гулъ его наполнилъ высокую залу замка,—тотъ, кто свергнетъ тебя, поступитъ справедливо, очистивъ престолъ, опозоренный еретикомъ!

— Повѣсить негодяя, закричалъ въ бѣшенствѣ графъ, дѣлая движеніе на легата.

— Именемъ святаго посланничества моего, говорилъ Петръ съ какимъ-то вдохновеніемъ,—которое меня осѣняетъ, я запрещаю всякому поднять руку на помазанника Господня.

Раймондъ еще продолжалъ грозить легату, когда тотъ вышелъ изъ залы. Сильное движеніе было въ свитѣ графа. Тутъ были большею частію люди, явно или тайно исповѣдывавшіе ересь. Проклятіе и смѣлость Петра вызывали въ нихъ одно чувство негодованія и мести. Раймондъ, съ своей стороны, имѣлъ неосторожность замѣтить, что наглецъ не

выйдетъ живымъ изъ его владѣній (37). Нашлось много людей, готовыхъ услужить графу, хотя извѣстно, что аббатъ Санъ-Жилльскій, консулы и даже многіе вліятельные граждане приняли всѣ мѣры, чтобы утишить страсти. Легату дали спокойно выѣхать изъ города. Онъ торопился перебраться черезъ Рону. Утромъ на другой день, 15 января (1208 г.), онъ былъ у переправы. Онъ отслужилъ короткую мессу; съ нимъ было нѣсколько монаховъ. У берега стояла лодка; въ ней сидѣло двое людей, по видимому гребцы.

— Если вы не еретики и не жиды, сказалъ онъ, садясь въ лодку, то не откажитесь дать убѣжище проповѣднику Св. Евангелія, который бѣжитъ съ земли гоненія.

Онъ уже занесъ ногу въ лодку, какъ одинъ изъ гребцовъ поднялся, будто желая пособить ему, и однимъ ударомъ кинжала опрокинулъ Петра. Смертельный ударъ попалъ въ бокъ возлѣ сердца. Нѣсколько взмаховъ веселъ и убійцы были въ безопасности; лодка скрылась по теченію. Обливаясь кровью, легатъ на рукахъ своихъ спутниковъ, твердилъ, едва шевеля губами: «да проститъ ихъ Господь, какъ я ихъ прощаю.» Онъ успѣлъ передать еще нѣсколько наставленій и, съ словами молитвы на устахъ, тихо скончался (38).

---

(37) Источниками для этой сцены какъ и для описанія убійства Петра служатъ мѣста изъ Reg. Inn. l. XI, ep. 26; CCXV 1354—1358.—Petr. Cern c. 3,—CCXIII, 55, c. 8.—Robertus Altissiodorensis (Malchetius). Chronologia seriem temporum ab orig. usque ad a. 1211; a. 1208 (Bouquet, Scriptores: XVIII, 248—290) Срв. изложеніе Barrau et Darragon (I, 33—35) и Vaissete Hist. de Lang. l. XXI, c. 29; V, 104.

(38) Тамъ-же.—Другое, противорѣчивое свидѣтельство встрѣчаемъ въ провансальской анонимной полупоэтической хроникѣ, можетъ быть даже современной событіямъ, авторъ которой всегда сочувствуетъ графамъ тулузскимъ (см. Guizot. Coll. XV, notice, p. IX). «Когда легатъ (аббатъ Арнольдъ) жилъ нѣсколько дней въ Санъ-Жиллѣ, Петру де-Кастельно пришлось имѣть горячую перебранку (aguét alcunas paraulas et question) съ однимъ дворяниномъ изъ свиты Раймонда, по поводу ереси. Ихъ споръ дошелъ до того, что дворянинъ поразилъ кинжаломъ Петра де-Кастельно и тѣмъ убилъ и умертвилъ его (et talament fou lor

Мнимые гребцы были изъ тулузскихъ придворныхъ. Графъ Раймондъ былъ соучастникомъ этого преступленія ([39]). По слухамъ, онъ даже наградилъ убійцу.

Съ ужасомъ узналъ объ этомъ товарищъ Петра, Арнольдъ; съ неменьшимъ ужасомъ узнали о страшномъ убійствѣ и въ Тулузѣ. Арнольдъ донесъ обо всемъ Иннокентію и крестовый походъ былъ осуществленъ.

Негодованіе папы и римской куріи не знало границъ. Во всю исторію Церкви католической подобной исторіи не бывало. Гибель первыхъ апостоловъ Христовыхъ отъ руки язычниковъ производила впѣчатлѣніе гораздо болѣе слабое. Только убійство древнихъ римскихъ пословъ также нѣкогда волновало площади вѣчнаго города, какъ теперь вѣсть о

question, que à la fin lo dit gentilhome, servito del dit conte Ramon, donet d'ung spict à travers lo corps del dit Peyre de Castelnau, et lo tuet de faict et murtrit). Это обстоятельство было причиною великаго зла, какъ увидимъ ниже, и легатъ Арнольда и всѣ спутники его (et tota sa compania) были тѣмъ чрезвычайно поражены и измучены (for marryt et corossat). Петръ былъ погребенъ въ монастырѣ Санъ-Жилльскомъ (черезъ годъ, по приказанію папы, трупъ изъ часовни былъ перенесенъ въ монастырскую церковь и торжествено погребенъ рядомъ съ гробницею св. Эгидія). Что же касается до дворянина, который совершилъ убійство, то, сказываетъ исторія, онъ бѣжалъ въ Бокэръ къ своимъ роднымъ и друзьямъ, и если бы графъ Раймондъ могъ захватить его, то совершилъ бы надъ нимъ такой судъ, что легатъ и всѣ духовные были бы совершенно удовлетворены. Графъ былъ такъ сильно опечаленъ и истерзанъ этимъ убійствомъ совершеннымъ однимъ изъ людей его, какъ никто на свѣтѣ не бывалъ такъ измученъ отъ подобнаго обстоятельства. И когда легатъ убѣдился, что такимъ образомъ убитъ Петръ, онъ немедленно увѣдомилъ о такомъ событіи святѣйшаго отца и пр. (Preuves de l'hist. de Languedoc, Chron. prov. Vais. V. 456, № 1). Основный источникъ этой лѣтописи, стихотворная альбигойская хроника приписываетъ убійство конюшему графскому, родомъ изъ Бокэра, куда онъ и ускакалъ, проколовши монаха. La crozada contr els ereges d'Albeges; IV, v. 82—88.

([39]) Guil. de Podio Laur. c. 9, in fine — P. Cern c. 64.

злодѣйствѣ надъ легатомъ. Неприкосновенность легата была дѣломъ свято узаконившимся. Ею опредѣлялось все могущество, все вліяніе куріи на историческій міръ. У папы не было легіоновъ чтобы охранять своихъ пословъ и доселѣ въ томъ не предвидѣлось надобности. Провансальскимъ епископамъ и всему католическому міру возвѣстилась воля Иннокентія. Чрезъ нѣсколько недѣль, въ Тулузѣ читали слѣдующую грамоту:

«Иннокентій, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, нашимъ возлюбленнымъ дѣтямъ, благороднымъ мужамъ, графамъ, баронамъ и всѣмъ рыцарямъ, находящимся въ провинціяхъ: Нарбонны, Арля, Эмбрюна, Э и Віэнны (и архіепископамъ ихъ), привѣтъ и апостольское благословеніе.

«Мы услыхали ужасную вѣсть, которой принуждены были повѣрить, лишь вслѣдствіе общей печали, овладѣвшей всею Церковью. Мы узнали, что братъ Петръ-де-Кастельно, блаженной памяти, монахъ и священникъ, мужъ добродѣтельный между всѣми людьми, знаменитый своею жизнію, знаніемъ, славой, предназначенный вмѣстѣ съ другими къ евангельской проповѣди мира и къ утвержденію вѣры (ad evangelizandam pacem et astinendam fidem), въ Окситанской (языкѣ д'Ока), провинціи, — узнали, что этотъ труженикъ, достославно исполнявшій обязанности на него возложенныя и не перестававшій работать, какъ вполнѣ постигшій въ дѣлѣ Іисусовомъ то, чему учило оно, — умерщвленъ». Описавъ со всѣми подробностями это убійство, булла продолжаетъ: «хотя это несчастное общество заблудшихся провансальцевъ не заслуживаетъ, при всемъ желаніи своемъ, того, чтобы на немъ отпечатлѣлось мученичество брата Петра, мы всетаки склонны думать, что онъ смертью своею хотѣлъ искупить души, дабы не погибла вся страна, которая, терзаемая ересью, могла бы только кровью мученика исцѣлиться отъ своего заблужденія. Такова была и вѣчная заслуга І. Христа, такова и чудодѣйственная тайна Спасителя, который, будучи видимо побѣжденъ на землѣ, въ сущности могущественно торжествуетъ тою благостью, въ силу которой Онъ, умирая, однако разрушилъ смерть, продолжая давать своимъ слугамъ торжество надъ побѣдителями, нѣкогда поражаемыми. Сѣмя пшеницы, упавшее на землю, не взросшее остается одинокимъ, а исчезнувшее даетъ обильные плоды. И потому, пребывая увѣренными, что плодъ отъ этого обильнаго по-

сѣва долженъ произрасти въ Церкви Христовой, хотя преступна, и пагубно тверда душа того, который не будетъ уязвленъ мечемъ посланнымъ Петру (т. е. не рѣшится пострадать за вѣру), и въ тоже время не теряя надежды на то, сколь великая потеря будетъ для Церкви въ пролитіи крови, и сколь великій успѣхъ обѣщалъ Господь его проповѣди въ странѣ, за которую мученикъ палъ въ узы смерти, — мы сами рачительнѣйше приказываемъ нашимъ почтеннымъ братьямъ, епископамъ и ихъ суффраганамъ, напоминая имъ подвигъ Петровъ, поднятый во славу Церкви: извѣстить по ихъ діоцезамъ, что отнынѣ убійцу слуги Господня, а вмѣстѣ и тѣхъ, которые помогали его ужасному преступленію, дѣломъ, словомъ и помышленіемъ, тѣмъ болѣе его укрывателей и защитниковъ, именемъ Всемогущаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, властію блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла и нашею, — считать всѣхъ таковыхъ отступниками и пораженными анаѳемою. Отнынѣ церковному интердикту подлежитъ всякое мѣсто, гдѣ покажется убійца или какой изъ его соучастниковъ. Объ этомъ епископы и все духовенство долженствуютъ объявлять по воскресеньямъ и по праздникамъ утромъ при звонѣ колоколовъ и при зажженыхъ факелахъ, пока отлученный не сознаетъ преступленія и не склонится къ Церкви римской. Мы приказываемъ имъ, епископамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ объявить безопасное (secure promittatis) отпущеніе грѣховъ именемъ Бога и его намѣстника тѣмъ, которые одушевлены или ревностію къ вѣрѣ православной, или местью за кровь праведника, вопіющаго отъ земли къ небу; а также и тѣмъ, которые мужественно опояшутся и вооружатся на зачумленныхъ нападающихъ вмѣстѣ и на вѣру и на истину. Трудъ, подъятый ими, да будетъ для нихъ искупленіемъ грѣховъ, вслѣдствіе которыхъ они должны были принести Господу сокрушеніе своего сердца и искреннее покаяніе. Мы пребываемъ увѣрены, что зачумленные провансальцы думали не только отнять у насъ паству нашу, но и совершенно сокрушить насъ самихъ и что неудовольствуясь изощреніемъ ругательствъ на погибель душъ христіанскихъ, они простираютъ руки даже на сокрушеніе тѣлесъ, будучи такимъ образомъ развратителями однихъ и убійцами другихъ. Что же касается до вышеупомянутаго графа, то хотя онъ уже съ давнихъ поръ пораженъ ножемъ анаѳемы, по причинѣ

многочисленныхъ и великихъ преступленій его, о которыхъ разсказывать здѣсь было бы слишкомъ долго, — но въ виду того, что на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, онъ оказывается виновнымъ въ смерти святаго человѣка, не однимъ тѣмъ, что онъ грозилъ публично умертвить его и сдѣлалъ ему засаду (non solum ex eo quod publice comminatus est ei mortem et insidias paravit eidem), но еще потому, что убійцу подвижника принялъ подъ свое покровительство, наградивъ его большими дарами (in multam familiaritatem admisit et magnis donis remuneravit eumdem), если даже умолчать о прочихъ подозрѣніяхъ, которыя однако вполнѣ извѣстны намъ, — повелѣваемъ архіепископамъ и епископамъ торжественно объявить его преданнымъ анаѳемѣ. И такъ какъ, слѣдуя каноническимъ постановленіямъ Св. Отцевъ, вѣра не должна быть хранима для того, кто не хранитъ ее для Бога, то сказаннаго графа отлучить отъ общенія съ вѣрными и, желая скорѣе удалять отъ него, чѣмъ привязывать къ нему, — властью апостольскою приказываемъ объявить разрѣшенными всѣхъ тѣхъ, которые соединены съ этимъ графомъ клятвами вѣрности, общности, союза и другими подобными причинами, и предоставляемъ всякому католику не только преслѣдовать его личность, но даже занять и держать его земли и домены съ соблюденіемъ однихъ правъ его государя — сузерена, дабы этими средствами успѣть достигнуть очищенія отъ ереси силою и умѣньемъ, земли, которая по сей день была позорно повреждаема и попираема злодѣйствомъ сказаннаго графа; ибо не будетъ несправедливымъ, если руки всѣхъ поднимутся на того, кто самъ на всѣхъ поднималъ свои руки. Если же такое осужденіе не заставитъ его опомниться (quod si nec sic vexato sibi dederit intellectum), то мы найдемся вынужденными сильнѣе наказать его (manus nostras in eum curabimus fortius aggravare). Но если бы, какимъ бы то ни было способомъ, онъ будетъ обѣщать удовлетвореніе, то слѣдуетъ принудить его въ знакъ раскаянія употребить всѣ усилія къ изгнанію послѣдователей нечестія еретическаго, и приступить къ братскому миру, когда вины, совершенныя имъ въ томъ и другомъ отношеніи, онъ искупитъ прилежнымъ церковнымъ покаяніемъ, хотя считаемъ должнымъ прибавить, что если бы Господу Богу угодно было склониться къ его преступленіямъ, то трудно найти достаточное удовлетвореніе, не столько

за него самого, сколько за множество тѣхъ, которыхъ онъ увлекъ въ петлю осужденія (in laqueum damnationis). Но въ силу того, что, по гласу истины, должно бояться не тѣхъ, которые убиваютъ тѣло, а скорѣе тѣхъ, которые могутъ послать тѣло и душу въ геенну огненную, мы, вѣруя и уповая на того, который, стремясь избавить вѣрныхъ отъ страха смерти, умеръ и въ третій день воскресъ, — надѣемся, что умерщвленіе раба Божія Петра де-Кастельно не только не внушитъ никакого страха ни нашему почтенному собрату епископу консеранскому, ни нашему возлюбленному сыну Арнольду, аббату Сито, легату апостольскаго престола, ни другимъ православнымъ послѣдователямъ истинной вѣры, но, напротивъ, воспламенитъ ихъ любовью. И пусть они, одушевленные примѣромъ того, кто счастливо заслужилъ жизнь вѣчную цѣною смерти временной, не поколеблются пожертвовать ради Христа, если бы то оказалось необходимо, и самую жизнь свою въ битвѣ столь достославной.

«Посему, мы сочли за благо совѣтовать архіепископамъ и епископамъ, чтобы они, увѣщевая свои паствы молитвами, а также наставленіями и дружнымъ подчиненіемъ спасительнымъ распоряженіямъ и повелѣніямъ нашихъ легатовъ, содѣйствовали послѣднимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ они опредѣлятъ дать имъ повелѣнія по желанію своему или ихъ храбрыхъ соратниковъ; симъ извѣщаемъ ихъ, что всякое обнародованное постановленіе легатовъ не только противъ мятежныхъ, но и противъ лѣнивыхъ, — мы повелѣваемъ признавать какъ бы нами одобреннымъ (nos ratam haberi praecipimus), и хранить ненарушимо ([40]). Дано въ Латеранѣ, 6 дня марта, папствованія же нашего лѣто одинадцатое» (10 марта 1208 г.).

([40]) **Petrus Cern. c. 8; M. CCXIII, 556—560.**—Срв. CCXV, 1354 — 1358, — другой варіантъ буллы. У Петра выкинуто начало до «in communem luctum» etc. и имѣется подложное окончаніе, заключающее въ себѣ воззваніе къ крестоносцамъ: Eia igitur Christi milites etc.—Несомнѣнно, что варіантъ, помѣщенный въ перепискѣ, какъ документальный, во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы предпочтенія; но на этотъ разъ подлогъ слишкомъ очевиденъ, хотя историки по сіе время не замѣчали того. Мнимое окончаніе скомпилировано изъ другой буллы, обращенной къ Филиппу-Августу французскому, гдѣ оно очевидно имѣетъ свой смыслъ и гораздо болѣе на мѣстѣ (**Reg. Inn. l. XI**, ep. 28; p. 1358—59). При всемъ томъ, многіе слова, обороты, даже фразы принадлежатъ изобрѣтательности фанатическаго компилатора. Въ этомъ можно убѣдиться черезъ сопоставленіе двухъ отрывковъ. Такъ Петру, принадлежала редакція слѣд. мотива, заимствованнаго изъ посланія къ французскому народу, составленнаго издателемъ (l. XI, ep. 29, p. 1359): «Mementote quia Creator noster nostri non indiguit, cum nos fecit: qui, quanquam nostro servitio non indigeat, ut quasi per illud minus in agendo minus voluerint fatigetur, et sua omnipotentia minor sit obsequio nostro carens, occasionem tamen in hoc articulo nobis tribuit acceptabiliter serviendi». Редакціи же Петра принадлежитъ мѣсто; «quatenus tantis malis» etc. usque ad «ibi studentis» (p. 560), соотвѣтствующее у Иннокентія: «quatenus tantis» usque ad «tamen studeant» (p. 1359).—**Migne** гадательно воспроизвелъ буллу къ французскому народу, по тексту Петра, имѣвшаго въ виду южанъ вообще (CCXV, 1359—1360).

Римская государственная канцелярія, какъ и надо было ожидать, оказала необычайную дѣятельность въ дни полученія извѣстія объ убійствѣ Петра. Тѣмъ же числомъ были помѣчены и другія буллы, написанныя по тому же поводу и содержавшія рядъ мѣръ и распоряженій, имѣвшихъ великія послѣдствія. Архіепископъ ліонскій долженъ былъ требовать отъ своей епархіи, между свѣтскими и духовными, содѣйствія «въ столь святомъ дѣлѣ, въ службѣ достойной Господа» ([41]). Аббатъ Арнольдъ получилъ вмѣстѣ съ ободреніемъ и извѣщеніе о назначеніи ему помощника въ лицѣ епископа консеранскаго, съ которымъ вмѣстѣ онъ «долженъ благоразумно и неотступно вѣдать дѣло вселенской Церкви, какъ укажетъ Господь» ([42]). Цѣлыя политическія соображенія и планы создались среди конклава и въ головѣ вождя его. Архіепископу турскому и епископамъ парижскому и невернскому поручено было дѣйствовать къ возбужденію французскаго короля и вельможъ на еретиковъ для возстановленія мира во Христѣ и «очищенія Прованса отъ нечестія, для чего возстановленные епископы именемъ папы дол-

---

([41]) **Reg. Inn. l. XI**, ep. 27.

([42]) **L. XI**, ep. 32.

жны были давать согласное формѣ отпущеніе грѣховъ» ([43]). Всѣ графы, бароны и народъ французскій получили подобное же посланіе, какъ и сами южане ([44]). Епископу турскому и мѣстнымъ аббатамъ цистерціанскимъ (Perseuniae et de Pinu) предписывалось употреблять всѣ усилія, чтобы короли французскій и англійскій какъ можно скорѣе помирились или хотя заключили немедленно перемиріе, дабы тѣмъ не подавали соблазна своимъ поведеніемъ въ виду бѣдствій церковныхъ ([45]). Но важнѣе всего и вмѣстѣ труднѣе было убѣдить Филиппа Августа содѣйствовать Церкви и видамъ папы; безъ него разстроивались всѣ планы. Читатели могутъ припомнить, въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему Иннокентій по поводу дѣла Ингебурги. Возмущенный вмѣшательствомъ Рима, своею вынужденною уступкою, интердиктомъ, рядомъ оскорбленій, находившійся и теперь подъ какимъ-то гнетущимъ взоромъ Иннокентія, король могъ или рѣшительно отказать въ помощи, или поставить въ замѣшательство римскую курію. Но Иннокентій всегда счастливый, не терялъ надежды на успѣхъ, когда писалъ Филиппу. Онъ смотрѣлъ на эту грамоту вмѣстѣ какъ на воззваніе къ фанатическому духу средневѣковыхъ народовъ. Оттого въ этой буллѣ особые пріемы, то обличительные, то дѣлающіе ее скорѣе грознымъ обращеніемъ могущественнаго государя ко всему міру, чѣмъ посланіемъ представителя высшей духовной власти. Эта булла— литературный памятникъ европейской теократіи и ея стремленій. «Если твоя королевская ясность, обозрѣвая своимъ взоромъ всѣхъ государей міра, такъ начинаетъ Иннокентій, сознаетъ себя преимущественно предъ другими осѣненнымъ покровительствомъ Господа (a Deo specialiter inter caeteros exaltatam), который по благости своей, а также по заслугамъ, которыя ты и предки твои содѣлали передъ врагами его, и такъ какъ многочастно имя твое достойно прославленія, то и опочила на тебѣ благодать въ настоящемъ и уготовалась слава въ будущемъ, особенно потому, что довѣ-

([43]) L. XI, ep. 33.

([44]) Migne, CCXV, 1359—1360; l. XI, ep. 29. См. прим. 40.

([45]) L. XI, ep. 30, 31; p. 1360.

ряясь одной святой католической и апостольской Церкви, ты всегда ненавидѣлъ и чуждался секты нечестія еретическаго». Затѣмъ, изложивши буквально всѣ подробности убійства легата и сдѣлавъ указаніе на необходимость ополченія крестоваго, папа обращается прямо къ королю, восклицая: «И такъ, гряди, воинъ Христовъ, гряди христіаннѣйшій государь, да подвигнется благочестивѣйшій духъ твой стономъ святой вселенской Церкви и да будешь ты самымъ ревностнымъ въ отмщеніи столь великой несправедливости къ Богу твоему. Услышь, какъ взываетъ къ тебѣ кровь праведника и побуждаетъ стать щитомъ Церкви противъ тирана и врага вѣры. Если кто до сихъ поръ со славою вооружался за мірское дѣло, то тѣмъ болѣе достоинъ хвалы ополчившійся за Христа, который тяжко гонимъ своими недостойными рабами. Возстань во время удобное для содѣланія праведнаго суда и не отврати ушей своихъ отъ вопля Церкви, неумолкно взывающей къ тебѣ. Возстань и суди дѣло мое (Псал. LXXIII)... Почему, возлюбленный сынъ, возьми мечъ на пораженіе злодѣяній, и пріими славу добрыхъ отъ Господа, соедини мечъ свой съ нашимъ, дабы мы отмстили столь позорнымъ и дерзновеннымъ злодѣямъ. Послѣдуй Моисею и Петру, этимъ двумъ отцамъ обоихъ Завѣтовъ, обозначившихъ единство между царствомъ и священствомъ, изъ которыхъ одинъ основалъ царство священническое, а другой наименовалъ царственное священство (alter regnum sacerdotale praedixit, et reliquus regale sacerdotium appellavit), во свидѣтельствованіе чего самъ Царь царей и Господь господствующихъ, Іисусъ Христосъ, по уставу Мельхиседека священника и царя, восхотѣлъ родиться отъ общихъ корней, т. е. священническаго и царскаго. И князь Апостоловъ говоритъ: «вотъ два меча» (Лука XXII) и напослѣдокъ самъ Господь отвѣтомъ своимъ показалъ, что есть два меча, вещественный и духовный, содѣйствующіе другъ другу, изъ которыхъ одинъ помогаетъ другому. А такъ какъ, послѣ убійства сказаннаго праведника, Церковь въ странахъ тѣхъ находится въ тоскѣ и печали, безъ помощи и утѣшенія, вѣра же погибла, миръ исчезъ, а еретическая язва и ярость вражеская восторжествовали, и также принимая въ соображеніе, что, съ начала бури, нѣтъ достаточнаго утѣшенія въ религіи и что корабль церковный представляется совершенно погибшимъ въ крушеніи, — мы внимательно склоняемъ

твою королевскую честность и тщательно увѣщеваемъ тебя, отпуская тебѣ прегрѣшенія твои, съ довѣріемъ на благость Христову,—дабы въ такой крайности и великой необходимости, ты не замедлилъ придти на помощь въ виду золъ, столь ужасныхъ. Мы же не перестаемъ ожидать, что ты будешь напрягать всѣ усилія къ умиротворенію тѣхъ народовъ, ибо твое призваніе царственное въ государствѣ своемъ водворять дѣло мира, подобно мудрѣйшему изъ царей, Соломону, который, предъ лицомъ Бога вѣчнаго, призванъ былъ быть миротворцемъ. Всѣми путями, какими направитъ тебя Господь, ты будешь стараться вѣроломство еретическое уничтожить, какъ и послѣдователей нечестія,—сражаясь съ ними рукою могучею и дланью далеко простертою, суровѣе чѣмъ съ сарацинами, ибо они суть хуже ихъ (таковъ всегда бываетъ взглядъ ортодоксовъ на отщепенцевъ, — и тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ проявляться въ то время, когда съ понятнымъ чувствомъ самосохраненія католичество только-что закрѣплялось, стремясь быть универсальнымъ). Сверхъ того повелѣваемъ тебѣ, что если бы вышесказанный графъ Раймондъ, который, какъ бы заключивъ союзъ съ смертью духовною, пока теперь продолжаетъ грѣшить и пока не отказывается отъ своихъ преступленій, вздумалъ бы избрать иной путь въ виду того покаянія, которое опредѣлено ему, и, съ лицомъ покрытымъ безчестіемъ, воспріялъ бы намѣреніе снова искать имени Божьяго (incipiat requirere nomen Dei) и дать должное удовлетвореніе намъ и Церкви или скорѣе Богу,—то все-таки тебѣ не переставать пользоваться надъ нимъ предоставленными тебѣ королевскими правами, изгоняя его самого и послѣдователей его изъ замковъ и лишая ихъ земель, имъ принадлежавшихъ. Очистивъ долины отъ еретиковъ, ты водворишь католическихъ жителей, которые, слѣдуя уставамъ твоей православной вѣры и пребывая въ святости и справедливости, подъ твоимъ счастливымъ правленіемъ,—да не перестанутъ служить предъ Господомъ» ([46]).

Теперь Римъ дѣлается неумолимымъ и чуждается всякихъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ съ еретиками. Недовѣряя имъ

([46]) L. XI, ep. 28.

болѣе, онъ отказывается отъ увѣщаній, вмѣсто которыхъ двигаетъ арміи крестоносцевъ.

На Филиппа II столь рѣшительное посланіе впрочемъ мало подѣйствовало. Практичный король предпочиталъ воспользоваться готовою добычею, кровью и трудами другихъ, чѣмъ рисковать всѣмъ, чего онъ успѣлъ достичь, чѣмъ уклоняться отъ поставленной задачи водворить монархію въ феодальномъ королевствѣ, и безъ Лангедока представлявшемъ достаточное разнообразіе элементовъ. Большее, что онъ обѣщалъ сдѣлать для крестоваго дѣла,—это не мѣшать вооружаться своимъ подданнымъ. Раймондъ приходился ему двоюроднымъ братомъ, по женѣ. Есть свидѣтельства, что король продолжалъ съ нимъ дружескія сношенія. Въ маѣ 1208 года король писалъ ему о бенефиціяхъ церковныхъ ([47]). Когда, по воззванію римскому, авантюристы и фанатики, изъ простаго народа и рыцарства, стали сбираться во Францію, помимо распоряженій Филиппа, то Раймондъ просилъ короля, при личномъ свиданіи, воспрепятствовать тому. Какъ у близкаго родственника онъ просилъ у него совѣта. Въ отвѣтъ, король предлагалъ ему помириться. Понимая затруднительность положенія своего сузерена, Раймондъ обратился къ сопернику Филиппа, императору Оттону, чѣмъ вызвалъ противъ себя естественное негодованіе французскаго короля ([48]).

Устранить или задержать крестовое ополченіе Филиппъ не могъ, если бы и захотѣлъ. Духовенство католическое и народъ явились дѣятельными помощниками папской политики. Легаты успѣшно вели свое дѣло. Главному изъ нихъ, аббату Арнольду, поэтическая лѣтопись провансальская приписываетъ даже мысль о крестовомъ походѣ, и это мѣсто важно для насъ, какъ выраженіе убѣжденія народнаго. Бывши въ Римѣ, онъ будто сказалъ Иннокентію: «св. Отецъ скорѣе пишите ваши латинскія грамоты, поднимите великій шумъ, а я разнесу ихъ по Франціи, по всему Лемузену, Пуату, Оверни, до самаго Перигора. Объявите повсюду индульгенціи отъ здѣшнихъ странъ до самаго Константино-

([47]) Gallia Christiana; III, 578.—Preuves. Vaissete; V, 569, № LI.

([48]) Guil. de Podio Laur. c. 13.

поля, по всей землѣ христіанской, и что тому, кто не вооружится, будетъ запрещено пить вино, ѣсть за столомъ по утрамъ и вечерамъ, одѣваться въ ткани пеньковыя и льняныя, и что если такой умретъ, то будетъ похороненъ, какъ собака». И все сдѣлалось по этимъ словамъ, прибавляетъ хроника, по этому совѣту. Папа съ грустнымъ видомъ сказалъ аббату:—«Братъ, поѣзжай въ славную Тулузу, раскинувшуюся на берегахъ Гаронны; ты поведешь туда ополченіе крестоносцевъ противъ невѣрующаго племени. Именемъ Іисуса Христа прощай вѣрнымъ ихъ грѣхи, и проси и увѣщавай ихъ отъ меня изгнать изъ среды себя еретиковъ». — И пошелъ аббатъ въ страну свою... И настолько далеко, насколько простирается земля христіанская, во Франціи и во всѣхъ другихъ королевствахъ народы ополчались, лишь только узнавали о прощеніи грѣховъ и никогда, какъ родился я, не видалъ столь великаго воинства (tan gran ajust), какъ то, которое отправилось на еретиковъ и жидовствующихъ. Тогда надѣли крестъ герцогъ бургундскій, графъ неверскій и другіе многіе синьоры. Не стану я перечислять тѣхъ, которые нашили себѣ кресты изъ парчи и шолка, наколовъ ихъ на правой сторонѣ груди; не стану описывать ихъ вооруженіе, доспѣхи, гербы, ихъ коней, закованныхъ въ желѣзо. Еще не родился на свѣтѣ (quanc Dieus no fetz) такой латинистъ или такой ученый клирикъ, который изъ всего этого могъ бы разсказать половину или треть, или переписать одни имена всѣхъ священниковъ и аббатовъ, которые собрались въ лагерѣ подъ Безьеромъ, за стѣнами города, на поляхъ окрестныхъ» (49).

Не подлежитъ сомнѣнію, что, въ виду такого движенія, при такихъ приготовленіяхъ, пала отвага Раймонда тулузскаго. Онъ хотѣлъ отклонить ударъ новымъ изъявленіемъ папѣ своей покорности. Онъ пытался просить о заступничествѣ даже Арнольда.—«Я ничего не могу сдѣлать для васъ безъ папы, да это и не въ моей власти», было отвѣтомъ легата (50). Тѣмъ болѣе ничего не могли сдѣлать въ его пользу новые легаты, ни Наварръ Консеранскій, ни

(49) Cansos de la crozada contr els ereges dAlbeges; VI—VIII; v. 124—147, 165—181.

(50) Crozada contr els ereges; IX, v. 188—193.

Гуго-Раймондъ, епископъ Ріеца, только-что уполномоченный Иннокентіемъ (51). Тогда Раймондъ отправилъ знатное посольство въ Римъ изъ архіепископа Бернарда d'Auch и Раймонда Рабастена, бывшаго епископа тулузскаго (52). Они имѣли цѣлью ходатайствовать передъ папою о милосердіи и принести жалобу на безсердечіе легата Арнольда и его крайнюю суровость. Около того времени только-что оставили Римъ Фульконъ, епископъ тулузскій и Наварръ, епископъ консеранскій; какъ мѣстныя католическія верховныя власти, они съ своей стороны успѣли представить дѣло Иннокентію въ своихъ видахъ и по прежнему требовали искорененія Раймонда (53). При всемъ томъ, Иннокентій еще былъ на столько безпристрастенъ, что принялъ довѣренныхъ пословъ графа, откровенно бесѣдовалъ съ ними и видимо снова думалъ о примиреніи. Послы привезли ему формальную уступку графства Мельгейль, за которое Раймондъ обѣщалъ присягнуть папѣ, «какъ за собственность Святаго Петра» (54). Папа, нуждаясь не въ территоріи, а въ пріобрѣтеніи ручательства за будущую вѣрность Раймонда, отказался отъ этого дара. Онъ обнаружилъ нѣкоторую благосклонность къ графу. Прощаясь съ послами, «почтенный папа» сказалъ имъ: «Мы и вся курія апостольская довольны смиреніемъ графа тулузскаго. Отъ него самого зависитъ подчиниться Церкви и ея приказаніямъ; мы же, съ своей стороны, обѣщаемъ поступить съ нимъ правосудно. Пусть онъ докажетъ свою невинность—и прощеніе тотчасъ же будетъ дано ему; отлученіе будетъ снято. Но прежде того, въ доказательство искренней

(51) Reg. Inn. l. XI, ep. 158.

(52) Petr. Cern. c. 9.—Въ провансальской большой эпопеѣ (X. X, v. 229—231) приводится другой перечень пословъ, который и ввелъ въ заблужденіе Barrau et Darragon (I. 42). Эти послы тѣ же, что и въ провансальской прозаической хроникѣ (р. 457),—аббатъ Кондомъ, знатный клирикъ, Раймондъ де Рабастенъ, щедрый рыцарь и пріоръ госпиталитовъ, искусный легистъ,—могли быть отправлены непосредственно къ императору; см. v. 232.

(53) P. Cern. c. 9.

(54) Reg. Inn. l. XI, ep. 232,—Migne; CCXV, 1546.

вѣры, его непритворнаго благочестія, пусть онъ дастъ въ залогъ семь своихъ крѣпкихъ замковъ. По окончаніи суда, они немедленно будутъ возвращены ему. Ему кажется подозрительнымъ аббатъ Арнольдъ, — мы устранимъ и его. Графъ непосредственно будетъ имѣть дѣло съ новымъ легатомъ a latere; это Милонъ, нашъ секретарь (notarius), котораго мы теперь же посылаемъ въ Провансъ» ([55]).

Графъ былъ доволенъ, когда узналъ объ этомъ. Онъ почему-то разсчитывалъ на Милона, самъ хорошо не зная его ([56]). Въ совѣтники къ легату посланъ былъ каноникъ изъ Генуи, по имени Θеодосій; онъ слылъ за человѣка энергичнаго и весьмаго ученаго. Прежніе легаты не были подчинены Милону, какъ и онъ не былъ подчиненъ ему. Въ то же время, папа, не покидая своей рѣшительной политики, писалъ имъ со всею тонкою хитростію какого нибудь итальянскаго дипломата Возрожденія. Рѣшившись на чисто свѣтскую, политическую борьбу, онъ обладалъ искуствомъ, слишкомъ достаточнымъ для успѣха ея. Понятно, что одно уклоненіе отъ идеала ведетъ къ другому, одно снисхожденіе къ средствамъ ведетъ къ дальнѣйшимъ и соблазнъ съ возрастающею силою опозориваетъ систему.

«Посовѣтовавшись съ легатами и вождями крестоносцевъ, такъ предписывалъ Иннокентій легатамъ, вы должны порознь нападать на еретиковъ, начиная съ тѣхъ, которые отдѣлились отъ остальныхъ. Вы не должны трогать графа тулузскаго, когда увидите, что онъ не старается помочь другимъ и что поведеніе его стало болѣе обдуманно; вы оставите его на время въ сторонѣ, дабы тѣмъ удобнѣе вести войну съ прочими еретиками; въ виду того, что они всѣ будутъ разъединены, можно, руководясь благоразумной скрытностію (arte prudentis dissimulationis), надѣяться покорить ихъ. Не надѣясь на помощь отъ графа, они тѣмъ скорѣе будутъ побѣждены и самъ графъ тогда, видя пораженіе, можетъ быть почувствуетъ раскаяніе; если же онъ будетъ коснѣть въ своемъ лукавствѣ, то гораздо легче обрушиться на него, когда онъ останется одинъ и будетъ лишенъ всякой помощи со стороны друзей своихъ. Мы предлагаемъ

([55]) Cansos; XI, v. 235—245.—P. Cern. c. 9.
([56]) Vaissete. Hist. de Languedoc; l. XXI. c. 46; V, 112.

вамъ эти мысли на всякій случай, и просимъ скрывать ихъ (haec ergo vobis suggerimus ad cautelam). Вы же, какъ свидѣтели всѣхъ окружающихъ происшествій и потому знающіе ихъ тѣмъ обстоятельнѣе, вы будете дѣйствовать такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ и внушеніямъ съ неба: вы вмѣшаетесь въ дѣла графа и тогда, благоразумно обдумавъ все предпріятіе, увидите, какъ будетъ полезнѣе всего для чести Божіей и выгодъ Церкви» ([57]).

Тогда же папа писалъ всѣмъ «архіепископамъ, епископамъ и прочимъ прелатамъ королевства французскаго», предписывая имъ увѣщевать своихъ прихожанъ идти противъ еретиковъ. Онъ давалъ индульгенціи тѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, которые примутъ въ томъ хотя нѣкоторое участіе. Онъ обѣщалъ выплачивать за нихъ проценты, если они были должниками, до самаго ихъ возвращенія. Наконецъ онъ увѣщеваетъ всѣхъ прелатовъ слѣдовать примѣру архіепископа сеннскаго и его помощниковъ, которые заставили всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ водвореніе въ владѣніямъ графа бургундскаго, графа неверскаго и другихъ именитыхъ крестоносцевъ, платить десятину съ ихъ доходовъ для содержанія войска, предназначеннаго къ походу. Духовнымъ же лицамъ, кои окажутъ содѣйствіе тѣмъ или другимъ способомъ въ войнѣ съ еретиками Прованса, обѣщаны были всѣ церковные доходы за два года. Крестоносцы брались подъ защиту святаго престола ([58]). Въ февралѣ 1209 года Иннокентій просилъ французскаго короля назначить главнокомандующаго надъ арміею, которая должна идти противъ еретиковъ провансальскихъ, дабы тѣмъ соблюсти порядокъ и единство въ дѣйствіяхъ ([59]). Онъ самъ, въ особомъ посланіи къ этимъ «universis fidelibus in obsequium Christi»,—ободрялъ крестоносцевъ сражаться за дѣло Божіе и славу вѣчную ([60]). Число ихъ постепенно увеличивалось,—въ рядахъ рыцарей были и цѣлые массы виллановъ и крестьянъ, болѣе двухъ сотъ тысячъ, по одному стихотвор-

([57]) Migne; CCXV, 1546—1547.
([58]) L. XI, ep. 156, 157, 158; p. 1469—1470.
([59]) L. XI, ep. 229.
([60]) L. XI, ep. 230.

ному сказанію (⁶¹). Въ отличіе отъ тѣхъ, которые собрались на мусульманъ и нашивали кресты на плечахъ, новое ополченіе нашило кресты на правой сторонѣ груди.

Папа такъ надѣялся на Арнольда, хорошо знавшаго край, что и Милону указалъ совѣщаться всегда съ нимъ въ случаяхъ важныхъ. Свиданіе ихъ происходило въ Оксеррѣ. Арнольдъ чувствовалъ, что долженъ встать къ Милону въ отношенія, нѣсколько подчиненныя. Онъ изложилъ ему письменно свои планы и соображенія въ виду предстоящихъ событій и передалъ въ запечатанныхъ пакетахъ. Тутъ же указалъ на необходимость собора, при чемъ назвалъ надежныхъ и умныхъ прелатовъ, совѣтами которыхъ можно пользоваться. Вмѣстѣ съ Милономъ, Арнольдъ отправился къ Филиппу II. Онъ стоялъ тогда лагеремъ при городкѣ Villeneuve-le-Roi на рѣкѣ Іоннѣ. Тутъ были и крестоносцы, — герцогъ бургунскій, графы Невера и Санъ-Поля и множество другихъ феодаловъ. Легаты вручили королю папское посланіе: въ нихъ заключалась просьба прибыть или лично на Югъ, или прислать сына Людовика. Филиппъ отвѣчалъ, что и безъ того два льва сидятъ у него на шеѣ, нѣмецкій (Оттонъ Гордый) и англійскій (Іоаннъ), что Францію ни ему, ни сыну покидать нельзя и что бо́льшее, что онъ можетъ сдѣлать,—это не препятствовать своимъ баронамъ дѣйствовать противъ «возмутителей мира и враговъ вѣры» (⁶²). Популярность войны среди сѣверянъ была столь сильна, что 15 тысячъ человѣкъ тогда же оставили французскій лагерь (⁶³). Переговоривъ съ королемъ, легаты разстались. Арнольдъ остался во Франціи, чтобы наблюдать за сборомъ и движеніемъ крестоносцевъ. Милонъ прибылъ на берега Роны въ городокъ Монтелимаръ, гдѣ назначилъ большой соборъ для совѣщанія, какъ о предстоящей экспедиціи, такъ и о графѣ тулузскомъ. Онъ просилъ письменныхъ мнѣ-

(⁶¹) Cans. v. 281.

(⁶²) P. Cern. c. 10.

(⁶³) Вмѣстѣ съ иноземными крестоносцами, провансальская поэма насчитываетъ 20 тысячъ рыцарей разнаго оружія, не считая горожанъ и духовныхъ Cansos; v. 280, 282.—По другимъ извѣстіямъ 30 тысячъ и даже полмилліона. Срв. Guil. Bret (Philippides; l. VIII) и Vaissete (Hist. gen. l. XXI, c. 53).

ній. Всѣ они оказались сходными, Раймондъ долженъ былъ предстать предъ Милономъ въ городѣ Валенсіи. Графъ исполнилъ наставленіе собора. Въ первыхъ числахъ іюня, Раймондъ былъ въ Валенсіи. Онъ поклялся исполнить всѣ повелѣнія легата и въ залогъ соблюденія своихъ обѣщаній передалъ ему семь исправныхъ замковъ. Кромѣ того онъ согласился, что консулы Авиньона и Санъ-Жилля дадутъ за него клятву легату, а, въ случаѣ его дальнѣйшаго неповиновенія, откажутся отъ подчиненія ему и графство Мельгейль тогда остается навсегда принадлежностью Римской Церкви. Раймондъ присягнулъ передъ Милономъ и вручилъ документы, содержаніе которыхъ было слѣдующее:

«Да будетъ вѣдомо всѣмъ, что лѣто отъ воплощенія Господня 1209, мѣсяца іюня, я Раймондъ, Божіею милостію, герцогъ Нарбонны, графъ Тулузы, маркизъ Прованса, предаю вмѣстѣ съ собою и семь замковъ (omitto corpus meum): Оппедъ, Монферрандъ, Бомъ, Морна, Рокморъ, Фуркъ и Фанжо,—милосердію Божію, и полной власти Римской Церкви, папской и вашей, господинъ Милонъ, легатъ апостольскаго престола, дабы замки эти служили порукою исполненія тѣхъ статей, за которыя я пребываю отлученнымъ. Я обязуюсь отнынѣ держать эти замки именемъ Церкви Римской, обѣщая немедленно возвратить ихъ тому, кому вы укажете и кому присудите, а также не препятствовать ничему, что вы прикажете ихъ правителямъ и жителямъ и вообще въ точности охранять ихъ въ то время, какъ они будутъ во власти Римской Церкви, не смотря на вѣрность, которую они мнѣ должны и не щадя никакихъ издержекъ для того» (⁶⁴). Тотчасъ же Милонъ послалъ своего помощника Ѳеодосія принять эти замки, раскинутые по обоимъ берегамъ Роны, въ предѣлахъ Арля и Моннелье. Самая же церемонія прощенія, обрядъ торжественнаго покаянія, назначена была въ Санъ-Жиллѣ, на томъ мѣстѣ воспоминаній, которыя должны были тяготить Раймонда, въ виду той церкви, въ которой хранились теперь мощи убитаго Петра, причисленнаго къ лику блаженныхъ.

Тамъ произошла та знаменитая сцена, которую мы описали въ началѣ этой книги....

(⁶⁴) Processus negotii Raymundi, — Migne; CCXVI, 89.—P. Cern. c. 11.

Несоблюденіе клятвы, данной здѣсь графомъ столь торжественно, при обстоятельствахъ, еще не вызванныхъ насиліемъ, всегда приводилось историками въ укоръ Раймонду VI. Но условія ея были слишкомъ тяжки. Редакція этой клятвы, какъ и всѣхъ другихъ присягъ, произносимыхъ на торжественномъ собраніи санъ-жильскомъ, составлена была усерднымъ Милономъ, въ выраженіяхъ стиравшихъ въ прахъ самыя тонкія чувства Раймонда и допускавшихъ только ссылку на общественное мнѣніе. Вотъ содержаніе ея:

«Во имя Господа Бога. Двѣнадцатый годъ первосвященничества господина папы Иннокентія III; XIV день іюльскихъ календъ. Я Раймондъ, герцогъ Нарбонны, графъ Тулузы, маркизъ Прованса, въ виду находящихся здѣсь святыхъ мощей, даровъ Христовыхъ и древа честнаго креста, положа руку на святое Евангеліе Господне, клянусь повиноваться всѣмъ приказаніямъ папы (stabo omnibus mandatis) и вашимъ, учитель Милонъ, нотарій господина папы и легатъ святаго апостольскаго престола, а равно и всякаго другаго легата или нунція апостольскаго престола относительно статей всѣхъ вообще и каждой порознь, за которыя я отлученъ папою-ли, легатами-ли его, или самымъ закономъ. Симъ обѣщаюсь, что исполню чистосердечно все, что будетъ приказано мнѣ самимъ папою и равно его посланіями по предмету всѣхъ упомянутыхъ статей, а особенно слѣдующихъ, которыя поименую:

«1) Въ томъ, что когда другіе клялись соблюдать миръ, я, какъ говорили (dicor), отказался отъ клятвы. 2) Въ томъ, что я, какъ считали, не хранилъ обѣщаній, которыя далъ относительно изгнанія еретиковъ и ихъ послѣдователей. 3) Въ томъ, какъ полагали, что я всегда потворствовалъ еретикамъ. 4) Въ томъ, что всегда считался подозрительнымъ въ вѣрѣ (quod de fide suspectus habeor). 5) Въ томъ, что держалъ шайки разбойниковъ или майнадовъ. 8) Въ томъ, какъ считали, что я нарушалъ дни поста, праздниковъ и четыредесятницы, которые должны ознаменовываться спокойствіемъ. 7) Въ томъ, что не хотѣлъ оказывать справедливости моимъ врагамъ, когда они предлагали миръ. 8) Въ томъ, что поручалъ жидамъ государственныя должности (publica officia). 9) Въ томъ, что удерживалъ домены монастырскіе Св. Вильгельма и другихъ церквей. 10) Въ томъ, что укрѣплялъ церкви, которыя служили у меня вмѣсто крѣпостей. 11) Въ

томъ, что бралъ недозволенныя подати, а также возвышалъ и возвышаю налоги. 12) Въ томъ, что изгналъ епископа Карпентраса изъ его епархіи. 13) Въ томъ, что заподозрѣнъ (suspectus habeor) въ убійствѣ Петра де-Кастельно блаженной памяти, преимущественно потому, что въ послѣдствіи я принялъ убійцу въ свое расположеніе. 14) Въ томъ, что плѣнилъ епископа Везонскаго и его клириковъ, что разрушилъ его дворецъ вмѣстѣ съ домомъ каноников и опустошилъ замокъ Везонъ. 15) Наконецъ въ томъ, что мучилъ въ плѣну церковныхъ особъ и совершилъ многія злодѣйства (multas rapinas).—Я присягаю за всѣ эти пункты, а также за всѣ другіе, которые могутъ мнѣ предложить; я присягаю за всѣ тѣ вышеупомянутые замки, которые далъ въ залогъ. Если же я нарушу эти статьи и другія, которыя мнѣ могутъ предлагать, то соглашаюсь, что эти семь замковъ будутъ конфискованы въ пользу Римской Церкви и что она войдетъ во всѣ тѣ права, которыя я имѣю надъ графствомъ Мелгейль. Я хочу и безпрекословно соглашаюсь въ такомъ случаѣ считаться отлученнымъ. Тогда пусть предадутъ интердикту всѣ мои домены; пусть тѣ, которые присягали вмѣстѣ со мною, консулы или иные, даже ихъ преемники, будутъ изъяты отъ вѣрности, обязанности и службы, которою они обязаны мнѣ, и пусть тогда они принесутъ и станутъ хранить присягу въ вѣрности Римской Церкви, за тѣ феоды и права (pro feudis et juribus), которые имѣю я въ городахъ и замкахъ.»

«Также, сею же клятвою, я обѣщаюсь заботиться о безопасности дорогъ. Если все вышесказанное или что-либо изъ того не соблюду, то желаю вновь подвергнуться тѣмъ же наказаніямъ» ([65]).—Вмѣстѣ съ Раймондомъ подобную же присягу дали его 16 вассаловъ, присутствовавшіе здѣсь и также обличенные въ ереси ([66]). Они обѣщали исполнять послуш-

---

([65]) Processus, c. 2; 89—91.

([66]) Вильгельмъ де-Бо принцъ Оранскій и Гуго его братъ, Раймондъ де-Бо ихъ племянникъ, Драгонетъ де-Бокайранъ, Вильгельмъ д'Арно, Раймондъ д'Агу, Рикардъ де-Карніумно, Бертранъ де-Лоденъ и Вильгельмъ его братъ, Бертранъ д'Андузъ и Петръ Бермондъ его сынъ, Ростингъ де-Покьеръ, Раймондъ владѣтель д'Узеса и его сынъ Деконъ, Раймондъ-Госелинъ и Понсъ-Госелинъ Люнельскіе.

но всѣ приказанія папскихъ легатовъ. Они обѣщались изгнать всѣ разбойничьи шайки изъ страны, всѣхъ майнадовъ, которымъ прежде покровительствовали, уволить евреевъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей; не увеличивать налоговъ и податей, соблюдать такъ называемый Божій миръ, по распоряженію и назначенію папскаго легата; блюсти католическіе храмы, уничтожить всѣ укрѣпленія, какія они подѣлали въ нѣкоторыхъ церквахъ, никогда не возводить новыхъ и вознаградить убытки, которые они дѣлали храмамъ и монастырямъ; заботиться о сохраненіи порядка и о сбереженіи общественнаго имущества; наконецъ, что было вмѣстѣ и самое новое: безпощадно дѣйствовать противъ еретиковъ, ихъ защитниковъ и укрывателей, явныхъ и тайныхъ, противъ всѣхъ, на кого укажутъ легаты и мѣстныя духовныя власти. Кромѣ того Римъ выговорилъ себѣ право, пользуясь обстоятельствами, исключительнаго распоряженія церковными бенефиціями, назначенія епископовъ и прелатовъ на вакантныя мѣста ([67]).

Униженіе, коему подвергся графъ тулузскій, все еще казалось недостаточнымъ. Въ слѣдующіе два дня, послѣ снятія отлученія, ему были предложены еще новыя условія, едва не болѣе тяжкія. Онъ обязывался никогда впередъ ни единымъ словомъ не вмѣшиваться въ судьбу еретиковъ, предоставляя ихъ полному произволу и «милосердію» крестоносцевъ; свято исполнять всѣ дисциплинарныя постановленія послѣдняго латеранскаго собора о праздникахъ, постахъ, воскресныхъ дняхъ, оказывать правосудіе церквамъ, монастырямъ, богоугоднымъ домамъ, бѣднымъ; предоставить духовенству церквей и монастырей полную внутреннюю свободу, не накладывать на эти бенефиціи ни альберговъ, ни прокурацій, ни какой либо другой тяготы, не захватывать епископскаго наслѣдія; не вмѣшиваться въ церковное правленіе и въ дѣла прихода и ничѣмъ не вліять на избирателей. Сверхъ того было подтверждено запрещеніе повышать подати и налоги земные и водные сравнительно съ тѣми, которые были утверждены королемъ и императоромъ, построеніе хлѣбныхъ амбаровъ на чужой землѣ, обязательство безпрепятственнаго пропуска путешественниковъ на морѣ и на су-

([67]) Processus, c. 10, 11; p. 95—96.

шѣ, обязанность заботиться о безопасности дорогъ, блюсти миръ и перемиріе. Онъ долженъ былъ заранѣе обѣщать безпрепятственно склониться на всѣ распоряженія легатовъ относительно его, безъ возраженія считать еретиками или укрывателями и защитниками всѣхъ тѣхъ, на кого въ такомъ смыслѣ донесутъ легаты, бальи или другіе церковныя власти, заранѣе обязаться не нарушать настоящаго мира, предписаннаго легатами, или того, какой предпишутъ они, заранѣе присягнуть и исполнить всѣ статьи, которыя послѣ вздумается приказать ему. Подобно своимъ вассаламъ, онъ обѣщалъ не вмѣшиваться въ избраніе на духовныя должности и всѣ прежнія самовластныя назначенія, какъ незаконныя, отмѣнить, а остальнымъ покровительствовать, повинуясь Церкви и защищая духовенство ([68]). Наконецъ 22 числа, Раймондъ новою присягою, положа руку на Евангеліе, обязывается повиноваться всѣмъ приказаніямъ, которыя заблагоразсудятъ дать ему вожди крестоносцевъ, прибывшіе въ его землю ([69]). Легатъ, педантливый законникъ, хотѣлъ заручиться еще обязательствомъ муниципальныхъ властей, какъ самыхъ дѣйствительныхъ. Консулы Авиньона, Нима и Санъ-Жилля поклялись дѣйствовать всѣми силами, чтобы побудить графа вѣрно исполнять его торжественныя обязательства передъ легатомъ, а въ противномъ случаѣ лишить его всякой помощи и перестать смотрѣть на него какъ на законнаго государя, объявивъ свое подданство Римской Церкви съ тѣми же условіями, на которыхъ присягалъ графъ. Тогда ежегодно предъ лицомъ своего епископа, консулы будутъ приносить обычную вассальную присягу и всякаго отказывающагося отъ нея будутъ считать за еретика ([70]). Блюстителями городовъ и уступленныхъ замковъ были назначены духовныя лица, которыя, въ свою очередь, присягнули не передавать ихъ обратно графу иначе, какъ въ силу особенныхъ распоряженій или папскихъ буллъ; собираемые съ доменовъ доходы они пока должны употреблять на военныя

([68]) id. c. 4, 6, p. 91—94.

([69]) id. c. 9, p. 95.

([70]) id. c. 5; p. 92, 93.—P. Cern. c. 111; p. 563. Вмѣсто S. Georgii надо читать S. Aegidii по кодексу Кольбертинскому.

издержки ([71]). Съ своей стороны и Милонъ обязался блюсти миръ въ странѣ, устраняя всякую вражду между графомъ и его баронами.

Въ случаѣ несогласій и недоразумѣній, какія возникли бы, Милонъ предлагалъ имъ духовное посредничество легата Гуго, архіепископа арльскаго и подобныхъ церковныхъ лицъ, связывая тѣмъ графа по рукамъ и ногамъ, лишая его всякой самостоятельности и теперь и впредь ([72]).

Такъ были употреблены всѣ усилія человѣческаго искуства и римской политики, чтобы раздѣлить Раймонда и еретиковъ. Цѣль была достигнута, хотя временно. Слабохарактерный Раймондъ согласился принять крестъ и идти на своихъ друзей; только двое вассаловъ послѣдовали его примѣру. «Но не для того, восклицаетъ католическій историкъ, взялъ крестъ графъ тулузскій, не для отмщенія Распятаго; онъ хотѣлъ лишь скрыть на нѣсколько времени развратъ свой» ([73]).

Тогда Милонъ окончилъ свои порученія и вернулся въ Римъ, поручивъ все дальнѣйшее веденіе дѣла аббату Арнольду, а Θеодосій поѣхалъ на встрѣчу крестоносной арміи, уже собранной въ Ліонѣ и готовой къ наступленію.

Со всѣхъ концевъ Франціи кинулись на зовъ Рима охотники побороть провансальскихъ еретиковъ. Двадцать тысячъ рыцарей и двѣсти тысячъ вооруженнаго простаго народа, если бы даже эта цифра была преувеличена,—были страшною силою. Тутъ были воины Оверни, Бургундіи, Иль де-Франса (Fransa) и Лимузина; тутъ же были нѣмцы, пуатійцы, гасконцы, руэргцы, сант-онжцы. И не родился еще такого искуснаго клирика, говоритъ современный поэтъ провансальскій, который могъ бы переписать всѣхъ ихъ въ два или даже въ три мѣсяца. Ради прощенія грѣховъ, сошлись сюда люди Прованса и всей Вьенны отъ Ломбардіи до Родеца. Ихъ высокія хоругви,—они шли въ разсыпную,—наводили страхъ не на одного каркассонца. Они хотѣли бы взять Тулузу, но благородная Тулуза была покойна; тогда

([71]) Processus, c. 8; p. 94—95.
([72]) id. c. 7; p. 94.
([73]) Petrus Cern. c. 13, 15.

они рѣшили покорить Каркассону и всю Альбижуа. Водою, на корабляхъ, плыли припасы и снаряды этого воинства. На встрѣчу крестоносцамъ поспѣшно выѣзжаетъ графъ тулузскій, такъ какъ онъ обѣщалъ дѣйствовать съ ними заодно. А изъ Аженуа приближается другая армія крестоносцевъ, хотя не столь многочисленная, какъ французская. Уже мѣсяцъ войска были въ дорогѣ. Съ ними шли—графъ Гюи, галантный овернецъ (us Alvernhas cortes), виконтъ Тюреннь, епископъ Лиможа и Базаса, добрый архіепископъ бордосскій, епископы кагорскій и агдскій, Бертранъ Кардальякъ и Бертранъ де-Гордонъ, Бертранъ де-Кастельно и вся Керси. Воины эти прежде всего взяли Пюи ла-Рокъ, не встрѣтивъ тамъ сопротивленія; они разрушили Гонтодъ и опустошили Тоннейнскую страну, но не могли взять Шаснейля,—хорошая крѣпость отважно защищаемая своимъ гарнизономъ (per la garnizo), который еще прежде туда помѣстилъ графъ тулузскій изъ быстроногихъ гасконцевъ и искусныхъ арбалетчиковъ.

Какъ ни храбро защищались осажденные, подъ предводительствомъ одного храбраго рыцаря (Segni de Balencs),—замокъ былъ взятъ крестоносцами. Изъ-за обладанія городомъ, съ первыхъ же дней, произошелъ раздоръ у графа Гюи съ архіепископомъ. Побѣдители осудили на сожженіе нѣсколькихъ еретиковъ; между прочимъ была сожжена одна красивая дѣвушка (bela eretga); она гордо отринула всѣ предложенія пощады и съ презрѣніемъ отвергла всѣ убѣжденія отречься отъ своей вѣры ([75]). Жители Вельмура, который лежалъ на пути шествія арміи крестоносцевъ были напуганы ложнымъ слухомъ, что непріятель идетъ на городъ. Услыхавъ о томъ, граждане, исполненные самоотверженія, рѣшились сжечь свой городъ. Подъ вечеръ они зажгли замокъ разбѣжались въ разныя стороны ([76]). Такъ великъ былъ ужасъ, наводимый крестоносцами.

Главная армія шла прямо на Безьеръ. Виконтъ и его жена болѣе всѣхъ другихъ феодаловъ возбудили противъ себя негодованіе католическаго духовенства своимъ явнымъ от-

([74]) Cansos de la crozada; XIII, v. 283—315.
([75]) Cansos; XIV, v. 316—324.
([76]) id. v. 329—335.

ступничествомъ. Его самого не было въ это время въ городѣ, который, по его распоряженію, укрѣпляли днемъ и ночью. Онъ выѣхалъ на встрѣчу арміи и, подобно своему дядѣ, сталъ оправдываться передъ Милономъ; онъ сваливалъ все покровительство еретикамъ на консуловъ и на своихъ бароновъ. Въ станѣ непріятельскомъ однако тому не повѣрили. Когда крестоносныя полчища переправились через Рону и заняли Монпелье, Рожеръ оставилъ ихъ станъ. Онъ велѣлъ сѣдлать другаго боеваго коня и на зарѣ примчался въ Безьеръ. Здѣсь онъ встрѣтилъ гражданъ взволнованными; «и старые и молодые, и бѣдные и знатные, всѣ спѣшили къ нему.» Виконтъ успѣлъ только ободрить ихъ сражаться съ храбростью, обѣщалъ имъ скорую поддержку, и поспѣшно уѣхалъ.—«Я поѣду въ Каркассону, сказалъ онъ при прощаньи; старой дорогой я проберусь туда, — а тамъ ждетъ меня помощь». Онъ только-что уѣхалъ, какъ католическій епископъ Гено сталъ агитатировать въ городѣ въ пользу крестоносцевъ. Въ городскомъ каѳедралѣ епископъ велѣлъ сзывать всѣхъ гражданъ, будто на совѣтъ. Когда они сѣли, онъ сталъ увѣщевать ихъ покориться крестоносцамъ, если они не хотятъ быть побѣжденными и перебитыми. Но на сѣверныхъ непріятелей смотрѣли какъ на враговъ городской свободы и независимости; въ этой ненависти соединялись всѣ вѣроисповѣданія. Краснорѣчивыхъ убѣжденій епископа не послушали; еретикамъ онъ предлагалъ по крайней мѣрѣ войти въ переговоры съ вождями арміи и съ легатами. Граждане о всемъ этомъ и слышать не хотѣли. Тогда епископъ, въ сопутствіи городскаго латинскаго духовенства, рѣшился выѣхать изъ города; немного католическихъ гражданъ пошло вслѣдъ за нимъ. При свиданіи съ аббатомъ Сито, главнымъ лицомъ въ арміи, онъ представилъ ему безьерцевъ, какъ народъ мятежный и злобный ([77]). Весь Безьеръ готовился достойно встрѣтить непріятеля. Энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, такъ что думали сладить съ войскомъ столь громаднымъ, что оно 15 дней только сходилось и занимало позицію въ окрестностяхъ Безьера, на пространствѣ одного

([77]) Quels tenon totz per nescis e per gent forsenea (v. 418). Cansos; XV—XVII.—Vaissete; l. XXI, c. 55; V, 120,—изъ прозаической провансальской хроники.

лье, раскинувшись по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ. Никогда Франція не видала такой огромной арміи, которую иные, по ея громадности, готовы были преувеличить до полмилліона. Осажденнымъ казалось, что со временъ Менелая, у котораго Парисъ похитилъ Елену, не сходилось столько воинства, не раскидывалось столько богатыхъ шатровъ, «блескомъ подобныхъ стану Микенскому» ([78]). Въ этомъ войскѣ отличались т. н. рутьеры (бродяги), своимъ пьянымъ, наглымъ видомъ, неумолкаемой бранью, бѣлыми полотняными хоругвями; этихъ разбойниковъ было тысячъ до пятнадцати. Подъѣзжая къ стѣнамъ города, они наѣздничали и вызывали горожанъ на поединокъ громкимъ крикомъ, кривляньями и оскорбленіями. Безъ доспѣховъ, въ однихъ рубашкахъ, съ дикимъ крикомъ, предводимые своимъ королемъ, стремительнымъ натискомъ они внезапно кинулись на стѣны и опрокинули защитниковъ и горожанъ, которые, увлекая своихъ женъ и дѣтей, бѣжали въ церковь и ударили въ набатъ, не находя другой защиты. Стѣны и ворота стали ломиться тогда подъ учащенными ударами тарановъ. Общій крикъ «къ оружію, къ оружію» раздался въ рядахъ крестоносцевъ. Регулярныя силы крестоносцевъ начали вливаться въ городъ; въ улицахъ рѣзали гражданъ; церковь окружили. Подъ звуки колоколовъ и клики умирающихъ немногіе священники запѣли похоронную мессу; двери церковныя рухнули; разбойники ворвались въ храмъ. Ихъ товарищи въ это время разсѣялись по домамъ; всѣ они думали о поживѣ. Богатствъ нашли множество; каждый бралъ, что хотѣлъ. Разбойники эти алчны до грабежа, говоритъ очевидецъ; «они не боятся смерти, они бьютъ и убиваютъ все, что попадается имъ» ([79]). Дѣйствительно рутьеры убивали всѣхъ, кто попадался подъ руку, не разбирая даже монаховъ и священниковъ; крестоносцы же искали еретиковъ. Ни женщина, ни младенецъ не были пощажены. Врядъ ли кто изъ безьерцевъ остался въ живыхъ послѣ этого штурма, пріобрѣтшаго послѣ столь печальную извѣстность. Ихъ богатый городъ въ нѣ-

([78]) Cans. XVIII, v. 425—429.

([79]) P. Cern. c. 16.—Cansos; XVIII—XXII.—О «ribauds» y Guizot (Collection des mémoires, XIV, 53, nota) и Du-Mège (Additions du l. XXI; Vais. V, 34).

сколько часовъ сдѣлался бѣднымъ. Французскіе рыцари сдѣлали по крайней мѣрѣ ту заслугу, что не дали рутьерамъ истреблять напрасно сокровища, бывшія въ ихъ рукахъ; мечами они разогнали ихъ и на лошадяхъ своихъ и ослахъ стали свозить добычу. Тогда въ рядахъ разбойниковъ пробѣжалъ крикъ: «огня, огня»; ихъ король готовился отмстить соперникамъ. Зажженные пуки соломы, дымящіеся факелы и лучины, кинуты въ разныя мѣста,—и городъ запылалъ. Гибель города свершилась въ день св. Магдалины, годовщину оскорбленія епископа и умерщвленія герцога Тренкавеля. Весь Безьеръ горѣлъ и вдоль и поперегъ; тогда каждый изъ грабителей и воиновъ почувствовалъ опасность; каждый кинулся бѣжать, оставляя гражданъ и ихъ богатства въ добычу пламени. Горѣли дома и дворцы, горѣли доспѣхи, сложенные въ нихъ, горѣли склады суконъ и ремесленныхъ издѣлій, горѣли кольчуги, шлемы, дѣланные въ Шартрѣ, Блэ и Эдессѣ. Сгорѣлъ и старый каѳедралъ; прочныя арки его долго не поддавались, наконецъ и онѣ рухнули. «Никогда, я думаю, говоритъ пѣвецъ провансальскій, со временъ самыхъ Саррациновъ, такого избіенія не было ни задумано, ни исполнено» ([80]). По оффиціальному донесенію легата папѣ, погибло всего до 20 тысячъ человѣкъ. Безьерцы, замѣчаетъ католическій историкъ, «хотѣли лучше умереть еретиками, чѣмъ жить христіанами» ([81]). Смерти они предпочли свою вѣру.

([80]) Cansos, v. 500.

([81]) P. Cern. c. 16; p. 556.—Срв. для осады Безьера документальный и главный источникъ Reg. Inn. l. XII. ep. 108 (CCXVI, 137—141).—По французской хроникѣ Guilelmi de Nangiaco. Chronicon ab o. c. usque ad a. 1300 (Bouquet. scrp. XX, 753) убитыхъ до 17 тысячъ; по Albericus. Chr. (Leibn. Accens. hist. II, 450),—60 тысячъ.—Что касается до знаменитой фразы, произнесенной-де здѣсь Арнольдомъ или другимъ легатомъ:—«бейте всѣхъ; Господь узнаетъ своихъ вѣрныхъ»,—то уже по самымъ обстоятельствамъ, тону этого разсказа можно бы заключить объ его несостоятельности, вымышленности. Впервые онъ встрѣчается въ сборникѣ анекдотовъ, изданномъ въ концѣ XVI вѣка,—Caesarius Heisterbacensis. Illustria miracula (p. 382),—у автора мало достовѣрнаго и совершенно посторонняго, писаннаго по слухамъ. У этого цистерціанца фанатически былъ затемненъ разумъ, когда онъ способенъ былъ приписать Арнольду фразу, не подходящую къ характеру человѣка, уму котораго и протестанты отдаютъ все должное; онъ же способенъ былъ насчитать 100 тыс. убитыхъ въ Безьерѣ (l. V, c. 21). Защита К. Шмидта мало убѣдительна (Cath. I, 229). Если Цезарь былъ «assez crédule» и въ добавокъ писалъ такъ несообразительно съ честью своего ордена,—то уже тѣмъ однимъ достаточно лишаетъ себя права на довѣріе. Дѣло исторіи отыскивать истину, не увлекаясь никакими посторонними цѣлями. Собиравшіе всѣ интимныя подробности событій, авторы провансальскихъ хроникъ стихотворной и прозаической, мало расположенные къ духовенству католическому и совершенно чуждые фанатизма,—умалчиваютъ о фактѣ, приводимомъ Цезаремъ. Крестовое увлеченіе рутьеровъ, обнаружившееся здѣсь впервые, ярость бродягъ—дѣйствительно мало различали католиковъ отъ альбигойцевъ; таково было убѣжденіе народное. Надо было обратить его въ образъ, облечь въ драматическій фактъ. Для провансальцевъ легатъ былъ вождемъ разбойниковъ; съ именемъ Милона сочетался самый походъ. Неудивительно, что такимъ путемъ могъ утвердиться и пріобрѣсть гражданство между историками разсказъ, не подтверждаемый нигдѣ источниками и неизвѣстный современникамъ.

Теперь путь крестоносцевъ лежалъ на Каркассону. Простоявъ три дня на богатыхъ жнитвахъ подъ Безьеромъ, они выступили. Шли они широкой долиной; ничто не остановило ихъ; только многочисленные значки воинства развѣвались въ воздухѣ. Замки, расположенные на дорогѣ, были пусты; и бароны и народъ сбирались въ Каркассону, гдѣ былъ самъ виконтъ, готовившійся къ оборонѣ. Между тѣмъ слухъ о безьерскомъ побоищѣ давно дошелъ до Каркассоны и привелъ въ ужасъ жителей. Здѣсь, среди суматохи и приготовленій, происходилъ теперь (1-го августа) военный совѣтъ. Врагъ приближался; передовыя толпы уже располагались на холмахъ. Въ католической церкви звонили къ вечернѣ. На совѣтѣ, одни предлагали цѣлой массой кинуться на непріятеля; другіе,—когда онъ завтра вздумаетъ отрѣзать воду и подойдетъ для того къ самому оврагу; такъ и рѣшено было поступить. Виконтъ почти не спалъ

ночь; съ первой зарей онъ вышелъ изъ шатра, осмотрѣлъ стѣны и старался разглядѣть непріятельскій лагерь. Французы зажгли предмѣстья, взявъ его штурмомъ, при чемъ особенно отличился графъ Симонъ де-Монфоръ, послѣ столь знаменитый. Одинъ, стоя на обрывѣ стѣны, онъ долго оборонялся, пока не получилъ подкрѣпленія и не ворвался въ улицы.

Тогда, къ стѣнамъ втораго предмѣстья крестоносцы подкатили камнеметальныя машины. Первое время, безустанно день и ночь, онѣ громили городъ, хотя нисколько не поколебали отваги и стойкости защитниковъ ([82]). Когда, по вечерамъ, въ крестовомъ лагерѣ католики пѣли псалмы и гимны св. Духу,—граждане Каркассоны задѣлывали пробоины. На рѣшительную вылазку они не рѣшались, хотя у виконта было 400 превосходныхъ рыцарей. Крестоносцы также не рѣшались на штурмъ. Въ такомъ выжидательномъ положеніи прошло нѣсколько дней. Но однажды въ срединѣ августа, внезапное движеніе въ станѣ крестоносцевъ смутило осажденныхъ. То была встрѣча короля аррагонскаго. Донъ-Педро пріѣхалъ съ сотнею испанскихъ рыцарей,—частію думая примирить вождей католическихъ съ мѣстными феодалами. Если альбигойцамъ онъ не сочувствовалъ, называя ихъ пустяшнымъ племенемъ, то съ романцами его поэтическую натуру связывало сходство языка, народности и симпатій ([83]). Виконтъ получилъ позволеніе переговорить съ своимъ царственнымъ посредникомъ. Съ небольшой свитою прибылъ онъ въ станъ католическій. Онъ жаловался королю на свирѣпость крестоносцевъ, на опустошенія страны.

— Я предупреждалъ васъ изгнать еретиковъ; вы сами накликаете на себя опасность, говорилъ король виконту. Изъ-за чего было подвергаться такому риску? Но мнѣ очень жаль васъ. Я не вижу другаго исхода для васъ, какъ помириться съ французами. Не разсчитывайте на сраженіе. Армія крестоносцевъ столь многочисленна, что очень опасаюсь, чтобы вы долго могли устоять противъ нея. Вы говорите, что городъ вашъ крѣпокъ, но другое бы дѣло, если бы вы не набрали себѣ столько народу, столько женщинъ и дѣтей.

([82]) Cansos; XXIII—XXV, v. 530—596.—P. Cern. c. 17.

([83]) Per unas folas gens e per lor fola erransa (v. 632).

Горько, горько мнѣ за васъ, баронъ; но нѣтъ ничего, на что бы я не рѣшился изъ любви моей къ вамъ, изъ сострадания; клянусь въ томъ. Предоставьте мнѣ вашу участь.

— Государь, отвѣчалъ виконтъ, дѣлайте что хотите съ городомъ и со всѣми нами. Мы всѣ люди ваши, какъ обѣщали еще вашему отцу, который такъ любилъ насъ ([84]).

Король тотчасъ же отправился къ легату Арнольду Амори, который значилъ всё въ арміи католической. Петръ просилъ о снисхожденіи. Аббатъ наотрѣзъ требовалъ безусловной сдачи города, обѣщая свободный пропускъ только виконту и 11 баронамъ. Раймондъ-Рожеръ благородно отвѣчалъ, что онъ скорѣе перебьетъ самъ всѣхъ жителей и въ заключеніи умертвитъ самого себя, нежели позволитъ себѣ согласиться на подобныя условія, нежели пожертвуетъ самымъ послѣднимъ изъ гражданъ. Король былъ очень опечаленъ ([85]). Ему оставалось только ни съ чѣмъ вернуться въ Аррагонію. Но онъ возвращался съ затаенной злобою на крестоносцевъ. Онъ уносилъ съ собою сочувствіе къ бѣдамъ еретиковъ; въ этотъ же моментъ изъ вассала папскаго, онъ въ душѣ дѣлается заклятымъ врагомъ Рима.

Между тѣмъ бездождіе и жары изсушили рѣчку. Въ городѣ не доставало припасовъ и воды, а между тѣмъ у католиковъ, благодаря распорядительности Арнольда, прозваннаго за то чудотворцемъ и волшебникомъ,—не чувствовалось нужды ни въ чемъ. Они сдѣлали сильное нападеніе на второе предмѣстье, но были отбиты и разстроенные бѣжали далеко за прежнюю черту, хотя число регулярныхъ крестоносцевъ доходило подъ Каркассоной до 50 тысячъ. Монфоръ вторично отличился при этомъ; подъ мечами, направленными на него, онъ вынесъ изъ оврага раненаго рыцаря. Послѣ такого пораженія, крестоносцы подкатили къ стѣнѣ новую машину, четырехъ-колесную; она могла подкапывать стѣны и, наполненная людьми, отъ огня защищена была бычачьими шкурами. Если вѣрить католическому историку, то къ другому утру эти саперы успѣли сдѣлать брешь и обрушить часть стѣны; такимъ образомъ, кресто-

([84]) Cansos, v. 625—652.

([85]) Cans. v. 670—677.

носцы по готовому пути ворвались въ городъ ([86]). По другому же извѣстію, со словъ противной стороны, крестоносцы и этимъ не достигли цѣли, а взяли городъ хитростью. «Легатъ, разсказываетъ авторъ тулузской хроники, понимая, что онъ ни какимъ образомъ не утвердится въ Каркассонѣ, рѣшился послать рыцаря въ городъ подъ предлогомъ переговорить съ виконтомъ о мирѣ, а въ сущности разузнать положенiе осажденныхъ. Этотъ посланный прибылъ къ городскимъ воротамъ въ сопровожденiи 30 человѣкъ свиты и изъявилъ желанiе видѣть виконта, который и прiѣхалъ. Съ нимъ было 300 человѣкъ. Неизвѣстный рыцарь открылъ виконту, что онъ изъ близкихъ къ нему людей, что его не можетъ не печалить судьба виконта, и что Рожеру, оставленному безъ всякихъ средствъ, остается только немедленно заключить миръ съ легатомъ.—Я полагаюсь на васъ, отвѣчалъ ему виконтъ; я самъ пойду къ легату и къ вождямъ армiи; я согласенъ принять ихъ условiя, если только они обезпечатъ мою безопасность; я докажу имъ, что невиновенъ, и что я вынужденъ былъ такъ дѣйствовать.—Господинъ виконтъ, говорилъ герольдъ въ отвѣтъ, я клянусь вамъ словомъ рыцарскимъ, что если вы пойдете за мной, то я доставлю васъ въ совершенной безопасности въ станъ крестоносцевъ и съ вами не приключится никакого зла.— Легковѣрный виконтъ послѣ клятвы рыцаря, послѣдовалъ за нимъ въ поле и съ небольшой свитой, сопутствовавшей ему, явился въ шатеръ легата, гдѣ были собраны всѣ главнѣйшiе лица крестовой армiи. Они давно домогались видѣть храбраго защитника города и потому приняли его со всею вѣжливостью. Послѣ взаимныхъ привѣтствiй онъ началъ говорить въ свою защиту, доказывая, что ни онъ, ни его предшественники никогда не раздѣляли заблужденiй еретическихъ, что онъ не утаивалъ еретиковъ и всегда чистосердечно слѣдовалъ католическому исповѣдыванiю, вѣрно исполняя повелѣнiя Церкви.—Если, прибавилъ онъ, еретики и находили прибѣжище въ моихъ городахъ и на моей землѣ, то это вина должностныхъ лицъ, которыхъ отецъ назначилъ моими опекунами и которымъ поручилъ управлять нашими доменами на время моего малолѣтства. Онъ говорилъ далѣе, что онъ положительно не сдѣлалъ ни какого преступленiя, за которое заслуживалъ бы столь ужаснаго наказанiя, и наконецъ отдавался вполнѣ со всѣми доменами своими въ руки Церкви и просилъ только, чтобы его откровенному объясненiю было оказано какое-либо вниманiе. Когда виконтъ кончилъ, продолжаетъ та же хроника, легатъ отвелъ въ сторону вождей армiи,—которые ничего не знали о готовившейся измѣнѣ,—и сталъ совѣщаться съ ними о томъ, что предпринять относительно виконта. Рѣшено было удержать его въ плѣну до тѣхъ поръ, пока сдастся городъ. Виконтъ со всею свитою былъ отданъ подъ стражу солдатамъ бургундскаго герцога. Каркассонцы же, какъ только узнали о задержанiи виконта, пали духомъ и рѣшились искать спасенiя въ бѣгствѣ. Они давно знали о подземномъ ходѣ, который велъ отъ Каркассоны до городка Туръ де-Кабардэ, находящагося на разстоянiи трехъ лье. Когда настала ночь, то осажденные всѣ хлынули этимъ проходомъ и въ городѣ не осталось никого. Одни бѣжали къ Тулузѣ, другiе по направленiю къ испанской границѣ. На другой день въ лагерѣ были чрезвычайно удивлены, не видя никого на валахъ; сперва думали, что это хитрость осажденныхъ и, чтобы убѣдиться въ томъ, стали готовиться къ приступу. Не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленiя, крестоносцы овладѣли городомъ, и, изумленные, не могли сообразить, какимъ путемъ успѣли исчезнуть жители. Послѣ напрасныхъ поисковъ горе взяло ихъ, ибо они разсчитывали, полагаетъ провансальскiй историкъ, поступить съ бѣглецами такъ, какъ они поступили нѣкогда съ безьерцами. Всю добычу собрали въ каѳедралѣ, по приказанiю аббата Сито. Когда легатъ въѣхалъ въ городъ, то приказалъ виконта Раймонда-Рожера посадить въ одну изъ толстыхъ башенъ и держать подъ крѣпкою стражею» ([87]).

([86]) P. Cern. c. 17, p. 568.

([87]) Chron. provençal; p. 465 (Vais. preuves); p 114 (ed du-Mège). Guillelmus de Nangiaco, католикъ по убѣжденiямъ, еще иначе объясняетъ взятiе Каркассоны. «Виконтъ безьерскiй, говоритъ онъ, человѣкъ вѣроломный, развращенность котораго покровительствовала ереси, сознавъ силу и храбрость католиковъ и безсилiе своихъ, заключилъ съ нашими договоръ, которымъ было бы дозволено выдти всѣмъ его приверженцамъ,

Въ этомъ разсказѣ мало достовѣрнаго и много сказочнаго. Онъ не подтверждается даже тѣмъ поэтомъ, изъ котораго главнымъ образомъ заимствуетъ подробности авторъ приведеннаго разсказа. Видимо, на этотъ разъ, онъ хотѣлъ отличиться и блеснуть собственнымъ полу-арабскимъ воображеніемъ. Вѣренъ только основной мотивъ, т. е. что виконтъ былъ задержанъ обманомъ и послѣ заключенъ въ темницу. Далѣе извѣстія разнорѣчивы. Надобно отыскать сходныя указанія у писателей разныхъ партій. Дѣйствительно, есть возможность напасть на такой слѣдъ и открыть истину. Провансальскій поэтъ и монахъ Петръ сходятся на томъ, что жители сдались на капитуляцію и согласились выдти изъ города безъ всякаго имущества—лишь въ однихъ рубашкахъ, съ тою лишь разницею, что Петръ, конечно въ своихъ видахъ, говоритъ о задержаніи виконта по условію, а провансалецъ объясняетъ это обманомъ крестоносцевъ ([88]). Источники болѣе безпристрастные, хотя и монахи, болѣе склоняются на сторону послѣдняго, боязливо обходя фактъ обмана, какъ французы Робертъ и Вильгельмъ Нанжисскій ([89]); историки же, болѣе заинтересованные въ походѣ, какъ Вильгельмъ изъ Пюи-Лорана ([90]) и авторъ «Славныхъ дѣяній» ([91]), повторяютъ Петра сернейскаго и всѣ они единогласно утверждаютъ, что жители вышли изъ города полунагіе. Значитъ большинство, довольно авторитетное, соглашается въ томъ, что виконтъ былъ задержанъ хитростью, какъ давнишній и опасный врагъ католическаго дѣла; самъ онъ отдаться очевидно не могъ. Крестоносцевъ нужно было содержать; добыча была одною изъ цѣлей легата, такъ какъ замѣняла жалованье стотысячной арміи, если и не составляла необходимости собственно для него ([92]). «Я

куда они захотятъ, съ тѣмъ только, чтобы они не выносили своихъ имуществъ. Жители оставили городъ и Рожеръ одинъ былъ удержанъ въ строгомъ заключеніи» (с. 1209).

([88]) Cans. XXXI—XXXIII—P. Cern. c 17.

([89]) Malchetius seu Rob. Altissidorensis. Chronologia, a. 1209.—Guil. de Nangiaco; a. 1209.

([90]) Guil. de Podio Laur. c. 14.

([91]) Praecl. Franc. facinora; a. 1209.

([92]) Cans. v. 770—774.

вамъ запрещаю именемъ Господа удержать только хотя малѣйшую вещицу изъ добычи подъ страхомъ вѣчнаго проклятія», проповѣдывалъ онъ по взятіи города. Въ то время, когда добыча и богатства города дѣлились между крестоносцами, когда виконтъ томился въ башнѣ, въ ожиданіи казни или измѣнническаго удара, какой дѣйствительно вскорѣ и постигъ его, — легатъ Арнольдъ сзывалъ къ себѣ всѣхъ вождей и знаменитостей арміи на очень важное дѣло. Римъ не могъ довольствоваться пріобрѣтенными успѣхами, взятіемъ двухъ сильныхъ городовъ. Долго собирая силы и наконецъ запасшись ими, онъ хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ, отъ котораго ересь должна была исчезнуть навсегда. Многочисленное и разноплеменное, разнохарактерное воинство слѣдовало объединить одной волею. Для продолженія войны слѣдовало духовную власть легата замѣнить искусной военною рукою. Легатъ прямо предложилъ вождямъ выбрать между собою одного начальника, въ награду которому предстояло получить цѣлые домены на Югѣ. Арнольдъ указалъ на герцога бургундскаго, но тотъ отвѣчалъ, что у него много своихъ земель, чтобы онъ рѣшился обидѣть виконта Рожера, что уже и безъ того послѣднему достаточно зла сдѣлано. Легатъ взглянулъ на герцога неверскаго, тотъ отвѣчалъ почти тѣми же словами. Онъ обратился къ графу Сан-Полю и получилъ тотъ же благородный отвѣтъ ([93]). Тогда Арнольдъ назначилъ коммиссію изъ двухъ епископовъ и четырехъ рыцарей. Они избрали французскаго графа Симона де-Монфора. Онъ дѣлается теперь главнымъ героемъ альбигойской драмы. Въ немъ выражается политическій смыслъ крестовыхъ войнъ, — подчиненіе самостоятельныхъ южанъ сѣвернымъ французамъ.

Графъ Монфорскій давно славился католическою ревностью, безумной храбростью, своеобразнымъ благочестіемъ и доходившимъ до болѣзненности фанатизмомъ. Такихъ людей могла производить только теократія. Это былъ «атлетъ вѣры», по выраженію его историка, Іуда Маккавейскій XIII столѣтія. Даже въ вѣкъ господства католическихъ идеаловъ, подобныя личности встрѣчались рѣдко. Знатное про-

---

([93]) Chron. prov. p. 466. — Cans. XXXIV. — P. Cern. c. 18.

исхожденіе питало гордость Симона. Онъ велъ свой родъ съ X вѣка, по мужскому колѣну черезъ графовъ Гено, отъ которыхъ собственно и происходилъ, а по женскому—генеалогія Монфоровъ терялась въ отдаленіи первыхъ варварскихъ поселеній. Старинный замокъ Монфоръ, въ 8 лье отъ Парижа, на берегу Сены, въ самомъ центрѣ французской земли, пережилъ ряды поколѣній. Когда, къ X столѣтію, пресѣклась линія его владѣльцевъ, то молодая наслѣдница этой фамиліи, послѣдняя въ родѣ Монфоровъ, вышла за мужъ за Вильгельма, графа Гено; ихъ сынъ назывался Амори и присоединилъ къ своему имени исчезнувшій титулъ фамиліи Монфоровъ. Альбигойскій герой былъ его правнукомъ. Браками росла сила этого дома. Отецъ нашего Симона, называвшійся барономъ Монфора и графомъ д'Эврё, женился на англійской графинѣ Лейчестеръ. Знаменитый баронъ, давшій такую историческую, хотя печальную извѣстность дому Монфоровъ, былъ послѣднимъ плодомъ этого брака. Симонъ женился на Алисѣ Монморанси, женщинѣ мягкаго характера, довольно умной, принесшей ему богатое приданое и много дѣтей, но не имѣвшей вліянія на смягченіе характера своего задумчиваго, упрямаго и жестокаго мужа (94). Въ Симонѣ не исчезалъ родовой типъ полудикаго франка, будто сейчасъ со всею страстностью воспринявшаго религію. Въ его жилахъ мало было галльской крови. Онъ успѣлъ ознаменовать себя подвигами благочестія во время византійскаго похода 1204 года. Когда хотѣлъ, Симонъ могъ казаться говорливымъ, даже утонченнымъ въ обращеніи. Но въ большинствѣ случаевъ, онъ казался недоступнымъ (95). У него было много энергіи въ характерѣ, но еще больше че-

(94) Hist. gén. des grands officiers; VI, 71. — См. новую монографію Pauli (R.) Simon von Montfort, Graf von Leicester, der Schöpfer des Hauses der Gemeinen (Tüb. 1867),— о сынѣ Монфора, столь прославившемся въ исторіи англійскаго парламента.

(95) Срв. о немъ P. Cern. c. 17, 18, 34, 56, особенно 19, 20, 84, 86. Guil. de P. Laur. c. 14, 27,30. Praecl. Franc. a. 1209, 1218.—Chron. prov. p. 467 —Cansos de la crozada; XXXV, особенно его слова при избраніи: v. 815—819.—Raynaldi. Ann. eccl. a. 1217.

столюбія. Чувствуя себя призваннымъ и способнымъ къ власти, онъ былъ вдвойнѣ опасенъ, какъ способный прикрываться маской набожности, если того требовали его виды. Впрочемъ его религіозность почти всегда была непритворною. Онъ былъ созданъ повелѣвать и словомъ и страхомъ. Его строгость доходила до жестокости и даже свирѣпости. За честолюбіе и жестокость, его упрекаетъ даже ультра-католическій историкъ, Райнальди, который смерть, постигшую Монфора, считаетъ справедливымъ наказаніемъ Божіимъ. Провансальскій поэтъ угадалъ скрытые замыслы крестоноснаго героя, влагая въ уста его слова, сказанныя имъ при избраніи:—«я принимаю власть подъ однимъ условіемъ, что въ случаѣ крайности присутствующіе здѣсь бароны всюду пойдутъ за мною.» На войско и рыцарство онъ производилъ впечатлѣніе своею величественною наружностью, гордымъ взоромъ и рѣдкой физической силою для того желѣзнаго вѣка. Онъ не чуждъ былъ военныхъ талантовъ, хотя часто руководился необдуманной храбростью и слѣпымъ презрѣніемъ всѣхъ опасностей.

Теперь была достигнута завѣтная цѣль его жизни. Онъ имѣлъ въ виду сдѣлаться государемъ всѣхъ земель, которые крестоносцы отвоюютъ отъ еретическихъ феодаловъ. Таковы были обѣщанія и условія легата.—Первымъ дѣломъ Симона, по избраніи въ военачальника, было издать грамоту, въ которой онъ достойнымъ образомъ награждалъ духовенство, такъ возвысившее его. Въ ней господинъ Монфора называетъ себя «графомъ Лейчестеромъ, виконтомъ Безьера и Каркассоны» (96). Тогда же онъ распорядился обложить десятиною, въ пользу церквей, всѣхъ безъ исключенія лангедокцевъ, объявивъ что всякаго, кто того не исполнитъ, онъ будетъ считать своимъ врагомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ установилъ ежегодный налогъ въ три денарія на домъ (очагъ), въ пользу собственно Римской Церкви. Въ то же время, послѣдовало оригинальное узаконеніе, показывавшее, какъ истощились средства крестоносцевъ. Ересь была въ нѣкоторомъ смыслѣ обложена штрафомъ. Всѣ отлученные, т. е. еретики нераскаявшіеся въ продолженіи 40 дней, должны отплачи-

(96) Она помѣщена въ Preuves de l'hist. de Languedoc въ прил. V, 571, № LIII.

ваться смотря по званію: рыцарь 100 солидовъ, гражданинъ 50, ремесленникъ 20 солидовъ. Въ благодарность, Монфоръ, съ своей стороны, обязался платить св. Петру ежегодную лепту, подобно королямъ англійскому и аррагонскому.

Между тѣмъ, въ крестовомъ станѣ происходили раздоры и неурядицы. Герцогъ бургундскій и графъ неверскій и многіе другіе считали себя оскорбленными, когда увидали надъ собою начальникомъ монфорскаго барона. Всѣ они объявили, что оставятъ лагерь и уведутъ свои отряды. Едва легатъ упросилъ остаться бургундскаго герцога ([97]). Тѣмъ не менѣе, силы крестоносцевъ значительно уменьшились; впрочемъ, съ другой стороны, они выиграли въ единодушіи. Герцогъ бургундскій поступалъ великодушно; онъ видимо обладалъ талантомъ полководца; совѣты, данные имъ Монфору, отличаются благоразуміемъ, знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ—и Симонъ исполнялъ ихъ безпрекословно. Къ счастію альбигойцевъ, герцогъ скоро уѣхалъ ([98]). Но подъ его руководствомъ, Монфоръ успѣлъ предпринять походъ въ самый центръ ереси, въ Альбижуа. Укрѣпленія Минервы, Терма и Кабарета, какъ болѣе сильныя, было трудно взять; ихъ рѣшено было блокировать особыми отрядами, что продолжалось цѣлую зиму вплоть до будущаго лѣта ([99]). Вторженіе же въ Альбижуа съ главными силами было болѣе удачно. Выйдя изъ Каркассоны вмѣстѣ съ герцогомъ бургундскимъ и миновавъ Альзонну, Симонъ, на другой же день, взялъ замокъ Фанжо, который заняли аррагонцы. Далѣе, дорогою, онъ встрѣчалъ пустыя села и покинутые замки; движеніе крестоносцевъ наводило понятный страхъ на еретиковъ. Въ добавокъ, графъ тулузскій, бывшій въ католической арміи, нарочно совѣтывалъ Монфору опустошать страну, разсчитывая тѣмъ поднять противъ крестоносцевъ народонаселеніе безъ различія вѣроисповѣданія ([100]). Кичливость альбигойскаго характера выказалась вполнѣ въ эту страшную минуту. Еретикамъ предстоялъ разсчетъ съ

([97]) P. Cern. c. 21.—Cans. XXXVI.

([98]) P. Cern. c. 24.

([99]) Guil. de Pod. Laur. c. 14.

([100]) P. Cern. c. 22.

католиками, оружіе которыхъ грозило разгромить и даже уничтожить ихъ. И вотъ, депутаты самыхъ еретическихъ городовъ — Кастра и Ломбера, пріѣзжаютъ въ лагерь къ Монфору и просятъ не пощады, а безусловно сдаются ему. Симонъ принимаетъ ихъ условія; онъ не думаетъ мстить цѣлому городу за ересь, выбирая для того лишь «совершенныхъ», какъ самыхъ опасныхъ; въ этотъ моментъ его волнуютъ лишь политическіе замыслы. Онъ оставилъ герцога назади, а самъ поспѣшилъ занять Кастръ; въ Ломбардію же даже и не заѣхалъ, и почему-то внезапно поворотилъ назадъ, принявъ на словахъ покорность города.

Подробности описанной компаніи опредѣляютъ весь будущій характеръ альбигойскихъ войнъ. Въ тактическомъ отношеніи онѣ состоятъ изъ подобныхъ экспедицій, маршей по лангедокскимъ областямъ, всегда направленныхъ изъ одного и того же центра. Съ каждымъ разомъ радіусъ вторженія увеличивался, постоянно сопровождаясь тѣми же послѣдствіями для страны. Потому, особенному опустошенію подверглись области смежныя съ дистриктами Безьера и Альбижуа. На «совершенныхъ» еретиковъ всегда обрушалась одинаковая кара; они обрекались костру; съ вѣрными Монфоръ поступалъ снисходительно, можетъ быть потому, что самыя условія ихъ исповѣданія дозволяли имъ скрываться и искусно лавировать между соблюденіемъ наружныхъ обрядовъ католичества и сердечною вѣрою. Хотя Кастръ сдался безусловно, однако казнь, совершенная въ городѣ, полномъ еретиковъ, была явленіемъ исключительнымъ до того, что обратила на себя особенное вниманіе католическаго историка. Рѣшено было сжечь для примѣра только двухъ еретиковъ, которые вѣрно не считали нужнымъ слѣдовать общей покорности гражданъ. Ихъ привели на судъ къ Монфору. Одинъ изъ нихъ былъ «совершенный», другой вѣрный; первый гордо смотрѣлъ на судей, второй сталъ плакать, молить и, каясь, обѣщалъ перейти въ католичество. Многіе изъ присутствовавшихъ бароновъ требовали пощадить молодаго еретика. Голоса раздѣлились; нѣкоторые говорили, что раскаяніе его притворное, изъ страха костра, что казнь онъ заслуживаетъ уже тѣмъ однимъ, что прежде позволилъ себя совратить съ истинной вѣры. Монфоръ согласился съ этимъ доводомъ, прибавивъ, что костеръ замѣнитъ ему искупленіе. Осужденныхъ тутъ же свя-

зали между собою лицемъ къ лицу; руки каждаго были привязаны къ спинѣ. На пути къ костру молодаго еретика въ послѣднiй разъ спросили: въ какой вѣрѣ онъ хочетъ умереть. — Въ католической, было отвѣтомъ. Пламя объяло костеръ. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, но легенда прибавляетъ, что искреннее покаянiе было вознаграждено. Когда въ пепелъ обратился старый еретикъ, раскаившiйся остался недоступнымъ пламени; только концы пальцевъ его обгорѣли; на тѣлѣ даже не видно было слѣдовъ обжеговъ (101). Подобные костры, даже не въ большихъ размѣрахъ, могли быть непремѣннымъ знакомъ того, что городъ занятъ крестоносцами.

Вернувшись въ Каркассону изъ похода на Альбижуа и намѣреваясь покорить его вторично, Монфоръ вздумалъ въ антрактѣ сдѣлать диверсiю противъ владѣнiй графа де-Фуа. Онъ быстро взялъ замки Мирепуа, Памьеръ и Савердюнъ. Уважая права духовенства, онъ согласился дать присягу аббату памьерскому, который считалъ себя въ большемъ правѣ называться феодаломъ города, чѣмъ графъ де-Фуа (102). Отъ столицы графа Монфоръ былъ такимъ образомъ не далѣе какъ въ трехъ лье. Но держась своей обыкновенной политики утомлять противника и тѣшиться, что тотъ не уйдетъ его рукъ, Симонъ свернулъ съ дороги и направился на Альби. Католическiй епископъ Вильгельмъ принялъ его съ понятнымъ торжествомъ и присягнулъ ему. И вотъ Монфоръ въ такое короткое время увидѣлъ себя обладателемъ главныхъ притоновъ ереси, тѣхъ центровъ, которые пользовались особеннымъ уваженiемъ у всѣхъ еретиковъ Европы (103). Въ короткое время были заняты города Лиму (старая столица графства Разеса) и Прейссанъ (въ нарбоннскомъ дiоцезѣ), принадлежавшiе графу де-Фуа; наконецъ и самъ графъ явился къ Монфору, обѣщая во всемъ слѣдовать повелѣнiямъ Церкви, а въ обезпеченiе вѣрности оставилъ заложникомъ своего сына.

Такъ, главнѣйшiе покровители провансальской ереси были въ рукахъ католиковъ. Между тѣмъ Раймондъ тулузскiй продолжалъ жить въ лагерѣ крестоносцевъ и дѣйствовать съ ними за одно противъ собственныхъ подданныхъ. Въ послѣднее время онъ унизился до того, что просилъ руки дочери Монфора. Можно бы думать, что онъ разсчитывалъ этимъ сохранить свои обширные домены и достигнуть прежняго преобладанiя на Югѣ. Но у Симона было много родныхъ сыновей. Бракъ этотъ не состоялся; на Раймонда католики продолжали смотрѣть подозрительно. Столкновенiя выходили постоянно. Графъ тулузскiй объявилъ, что будетъ жаловаться на вождей крестоносцевъ и легата, — французскому королю, императору и наконецъ самому Иннокентiю. Монфоръ послалъ инквизиторскую коммиссiю въ Тулузу; всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ ереси, она должна была вытребовать оправдываться предъ всей армiею, въ ставкѣ ея главнокомандующаго и легата. Консулы и Раймондъ отвѣчали, что они уже получили прощенiе и отпущенiе за себя и всю столицу, что никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствiй не нужно. Монфоръ грозилъ войною. Тогда-то Раймондъ рѣшился обратиться прямо къ папѣ, а Арнольдъ между тѣмъ въ силу своей власти отлучилъ консуловъ и сенаторовъ (совѣтниковъ) Тулузы за неповиновенiе Церкви. На городъ было наложено запрещенiе (104).

Въ это же время легатъ Милонъ, опять начавшiй дѣйствовать въ Лонгедокѣ, отлучилъ виконта Марсельскаго Русселина, какъ отступника и клятвопреступника, за покровительство ереси; подъ интердиктомъ былъ объявленъ весь Марсель (105). Между прочими заботами авиньонскаго собора, главною было — принять мѣры противъ еретиковъ собственнаго Прованса. Оба легата предсѣдательствовали на этомъ соборѣ, бывшемъ въ сентябрѣ 1203 года. Всѣ мѣстные архiепископы и епископы съѣхались въ Авиньонъ (106). Духовныя власти должны были принять дисциплинарныя мѣры противъ свѣтскихъ; евреи были удалены отъ должностей; подозрѣваемые въ убiйствѣ Петра де-Кастельно и другихъ духовныхъ лицъ, были отдалены отъ церковныхъ бе-

(101) ibid. p. 574.
(102) P. Cern. c. 24.
(103) Roger. Arch. hist. de l'Albigeois; 79.

(104) Chron. prov. 468.—Cans. XXXIX.
(105) Reg. Inn. l. XII, ep. 106. Migne; CCXVI, 124—126.
(106) Mansi. Concilia; XXII, 783.—Hefele. Conc. V, 749.

нефицій до третьяго поколѣнія. Но все это далеко не ново. Новымъ было то, что увеличился списокъ отлученныхъ городовъ. Графъ тулузскій былъ также предметомъ толковъ членовъ собора. «Не вѣрьте, ваше святѣйшество, хитростямъ этого графа, писалъ Милонъ Иннокентію; онъ продолжаетъ по прежнему быть врагомъ Бога и Церкви; не уменьшить, а увеличить надо намъ тяжесть церковнаго наказанія, ибо онъ заслуживаетъ того. Онъ не соблюлъ ни одного изъ 15 обязательствъ, данныхъ имъ мнѣ. Потому то и конфискованы въ пользу Церкви четыре изъ заложенныхъ имъ замковъ. Граждане Авиньона, Нима и Санъ-Жилля готовы принести ту же присягу ([107]). Въ другомъ письмѣ онъ такъ формулируетъ причины новаго отлученія графа тулузскаго ([108]). «Раймондъ по сіе время не возвратилъ домены епископовъ Карпентраса и Вэзона съ ихъ клиромъ, какъ онъ обѣщалъ подъ клятвою мнѣ, Милону. Онъ не изгналъ изъ своихъ государствъ еретиковъ и покровителей и не отдалъ ихъ въ распоряженіе крестоносцамъ (nec eos ad arbitrium tradidit signatorum). Онъ не сдѣлалъ удовлетворенія храмамъ, благороднымъ дамамъ и бѣднымъ, какъ ему было приказано. Онъ не назначилъ посредниковъ, которые должны бы были разобрать его раздоры и недоразумѣнія съ духовенствомъ. Онъ не срылъ укрѣпленій, понадѣланныхъ имъ при церквахъ, вопреки приказаніямъ мѣстныхъ епископовъ. Онъ не уничтожилъ лишнихъ налоговъ и другихъ несправедливыхъ домогательствъ. Мы однакоже смягчаемъ по возможности строгость приговора: если Раймондъ предстанетъ передъ нами раньше праздника Всѣхъ Святыхъ и исполнитъ всѣ условія, мною съ нимъ заключенныя, то не будетъ болѣе связанъ этимъ отлученіемъ, но если того не послѣдуетъ въ сказанный срокъ, то всѣ домены его будутъ подлежать интердикту. Мы узнали, что графъ собирается въ скоромъ времени ѣхать въ Римъ, дабы заступничествомъ короля Оттона, короля французскаго и многихъ другихъ, дружбою которыхъ онъ льстится, выпросить у васъ возвращенія замковъ данныхъ имъ намъ, что было бы ошибкой злѣйшей, чѣмъ первая,—и если это такъ, то мы считаемъ должнымъ сообщить вамъ, что если государь этотъ получитъ аудіенцію у вашего святѣйшества, то найдетъ въ васъ твердость, достойную преемника Петрова.»

([107]) Reg. Inn. l. XII, ep. 106.
([108]) L. XII, ep. 107; p. 126—128.

Описавъ причины отлученія виконта марсельскаго, — бывшаго монаха, основавшаго монастырь и вступившаго въ бракъ и теперь друга и защитника ереси,—легаты (Милонъ и Гуго, епископъ Ріеца) въ концѣ письма снова оправдываются въ своихъ распоряженіяхъ относительно тулузцевъ. «Господинъ аббатъ (Арнольдъ), съ согласія всѣхъ прелатовъ, какіе находятся въ арміи,—отлучилъ консуловъ и совѣтниковъ тулузскихъ и подвергнулъ весь городъ интердикту, за то, что они отказались выдать крестоносцамъ еретиковъ и вѣрныхъ (credentes), которыхъ такое множество въ странѣ, со всѣми ихъ имуществами (noluerunt cum rebus suis ad arbitrium tradere signatorum).»

Раймондъ VI не отказался отъ своего рѣшеніи аппелировать въ Римъ и лично объясниться съ Иннокентіемъ. Передъ тѣмъ онъ хотѣлъ переговорить съ королемъ французскимъ. Отправляясь въ такое путешествіе, опасаясь неизвѣстнаго будущаго, онъ счелъ нужнымъ составить завѣщаніе въ пользу своего сына. Подробности его важны для ознакомленія съ политикой Раймонда и его истинными отношеніями къ Церкви. Сына, именемъ Раймонда-же, онъ объявилъ законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ; опекунами и защитниками ему онъ назначалъ брата Балдуина, кузена Бернарда, графа Комминга и консуловъ Тулузы. До 30 лѣтъ онъ не властенъ былъ что-либо отчуждать отъ своихъ земель, и достигши зрѣлаго возраста, даже всегда долженъ былъ подчиняться совѣтамъ Балдуина, котораго просилъ не оставлять племянника и помогать ему противъ всѣхъ. Балдуинъ получилъ земли въ Руергѣ на условіяхъ вассальства тулузскаго и 10 тысячъ солидовъ ренты съ доходовъ государства. Въ случаѣ прекращенія потомства Балдуина графы тулузскіе дѣлаются его полными наслѣдниками. Король французскій и императоръ Тевтоновъ Оттонъ объявлены протекторами малолѣтняго Раймонда. Первый былъ протекторъ не безопасный; въ добавокъ, Филиппъ Августъ былъ объявленъ наслѣдникомъ доменовъ французской короны, если Раймондъ и Балдуинъ умрутъ безъ законнаго потомства; нѣмецкія земли, по ту сторону Роны, долженъ былъ наслѣдовать императоръ Оттонъ. Большія даянія онъ завѣщалъ тампліерамъ и госпиталитамъ; всѣ натуральные побо-

ры хлѣбомъ и виномъ, въ продолженіе года его отсутствія, предоставлялись въ ихъ пользу; свое оружіе, доспѣхи онъ роздалъ также тампліерамъ (109). Принявъ такимъ образомъ мѣры для будущаго, графъ Раймондъ отправился въ путь.

Если вѣрить свидѣтельству провансальской хроники, всегда сочувствующей Раймонду, то онъ встрѣтилъ ласковый пріемъ у короля французскаго, — но, кромѣ обѣщаній, выгодъ никакихъ не послѣдовало. Тотъ же памятникъ говоритъ о пребываніяхъ Раймонда при разныхъ дворахъ французскихъ (110). Онъ былъ у герцога бургундскаго, графа неверскаго, у графини Шампаньи и у многихъ другихъ сеньоровъ и владѣтеля. Особенно ласковый пріемъ былъ оказанъ ему и его спутникамъ графинею Шампаньи. Раймондъ жаловался на оскорбленія и домогательства, которыя причиняли ему въ его государствѣ легаты вмѣстѣ съ графомъ Симономъ. Всѣ государи эти приняли въ немъ участіе и дали ему рекомендательныя записки папѣ. Заѣхавъ не надолго въ Тулузу, графъ взялъ съ собою нѣсколько бароновъ, городскихъ депутатовъ, консуловъ,—которые при этомъ сильно потратились, замѣчаетъ поэтъ - хроникеръ провансальскій, и отправился въ Римъ. Напрасно уговаривалъ его легатъ Арнольдъ, представляя ему всю безполезность столь дальняго путешествія; напрасно онъ предлагалъ ему на мѣстѣ порѣшить всѣ недоразумѣнія (111). Графъ ни минуты не колебался въ исполненіи своего намѣренія. Онъ надѣялся на справедливость Иннокентія III.

Ожиданія не обманули его. Разнообразныя свидѣтельства сходятся въ томъ, что папа отнесся справедливо къ несчастному положенію графа. Опасался ли Иннокентій, что отвергнутый, графъ явно пристанетъ къ церковной и политической оппозиціи (112), или дѣйствовалъ по чувству человѣколюбія (113),—только римское правительство взглянуло внимательно на жалобы Раймонда. Легаты главной причиной своихъ распоряженій постоянно выставляли обременительную систему налоговъ; но такое вмѣшательство во внутреннія дѣла тулузскаго государства было излишне при тѣхъ условіяхъ жизни политической и экономической, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ этого сочиненія.

(109) **Preuves de l'hist. de Languedoc; V, 571—573, № LIV. Документъ помѣченъ XI die exitus mensis Septembris,— т. е. 20 сентября 1209 года.**

(110) **Chron. prov. p. 469.—Cans. v. 976—984.**

(111) **Cans. XL, v. 912—916; 975.**

(112) **P. Cern. c. 33, p. 581. Католическая Церковь въ нарбоннской провинціи выставляется при этомъ осиротѣвшею,— «pupilla erat».**

Раймондъ прибылъ въ Римъ въ половинѣ января 1210 года. Торжественную аудіенцію у папы старый графъ получилъ скоро послѣ своего пріѣзда. Иннокентій принялъ его, окруженный кардиналами и всѣмъ дворомъ. Онъ выслушалъ его весьма любезно, какъ истиннаго государя (cum baro natural); сѣдины вѣнценоснаго просителя тронули Иннокентія. Графъ изложилъ предъ собраніемъ причины своихъ неудовольствій съ легатомъ и Монфоромъ, говорилъ, «что они не перестаютъ терзать его», несмотря на разрѣшеніе, которое онъ получилъ отъ перваго и формальный договоръ, который онъ заключилъ со вторымъ. Тогда Иннокентій взялъ Раймонда за руки и сказалъ ему, что онъ преслѣдуетъ это дѣло, сдѣлаетъ все что предписываетъ ему долгъ, если найдетъ справедливыми жалобы графа, и, въ знакъ довѣрія къ нему, теперь же во всеуслышаніе произноситъ разрѣшеніе всѣхъ е о грѣховъ. И онъ, положивъ руки на голову графа Раймонда, опустившагося на колѣни, торжественно повторилъ надъ нимъ формулу отпущенія. — Иннокентій въ винѣ тулузскаго государя принималъ только два пункта: участіе его въ убійствѣ Кастельно и сочувствіе къ ереси. Только эти стороны онъ велѣлъ принять въ соображеніе при перепискѣ, которая снова возникла по дѣлу Раймонда съ духовенствомъ лангедокскимъ. Между тѣмъ графу оказывали всевозможное вниманіе въ Римѣ. Папа велѣлъ показывать ему всѣ историческія и священныя достопамятности вѣчнаго города; мощи Вероники графъ видалъ совершенно открытыми. Онъ допускалъ его до интимныхъ бесѣдъ; оба они казались искренними друзьями. При прощаньи, столь же торжественномъ, какъ и пріемъ,—Иннокентій подарилъ Раймонду графскую мантію (mantel principal), дорогаго ко-

(113) **Cans. v. 989. «La donc devengro els mot bo amic coral».**

ня съ своей конюшни и золотой перстень, одинъ камень котораго стоилъ 50 марокъ. Они разставались въ полномъ согласіи ([114]). Черезъ Парижъ, гдѣ горькое разочарованіе постигло его со стороны французскаго короля, не совсѣмъ довольнаго успѣхомъ своего снова сильнаго вассала, и гдѣ потому онъ пробылъ только одинъ день ([115]),—Раймондъ вернулся въ Тулузу съ обычнымъ торжественнымъ въѣздомъ. Великая радость настала въ тѣ дни у граждань тулузскихъ.

Иннокентій исполнилъ свои обѣщанія. Въ интересѣ графа онъ разослалъ грамоты легатамъ и духовенству лангедокскому. «Раймондъ, графъ тулузскій, писалъ папа архіепископамъ Нарбонны и Арля, отъ 25 января 1210 года, представъ передъ нами, жаловался на легатовъ, которые причинили ему много зла, хотя онъ уже исполнилъ большую часть тѣхъ тягостныхъ обязательствъ, которымъ господинъ Милонъ, блаженной памяти (тогда легатъ этотъ уже умеръ) нотарій нашъ, счелъ нужнымъ подвергнуть его. Онъ представилъ намъ свидѣтельства (testimoniales litteras) отъ разныхъ церквей въ знакъ сдѣланнаго имъ удовлетворенія, прибавивъ къ тому увѣренія, что онъ исполнитъ въ послѣдствіи всѣ тѣ свои обѣщанія, которыхъ не удалось ему привести въ исполненіе теперь же. Онъ просилъ насъ также дозволить ему оправдаться передъ нами касательно католической его вѣры, въ которой онъ съ давнихъ поръ заподозрѣнъ, хотя не совсѣмъ справедливо (licet injuste), и по принесеніи имъ, въ нашемъ присутствіи, законнаго оправданія, просилъ возвратить ему заложенные замки, ибо дѣйствительно, *было бы несправедливо удержать безъ конца то, что дано только на сохраненіе* (sub praestitae cautionis). Хотя и увѣряютъ меня, что замки эти должны считаться за Римскою Церковью въ силу неисполненія графомъ условій договора при передачѣ ихъ, но, такъ какъ *Церкви не при-*

([114]) Chron. prov. 469. — Cans. XLIII. — P. Cern. p. 581—582.

([115]) Cans. XLIV, v. 999—1003.—Petrus Cern. своеобразно замѣчаетъ (с. 34 : Inde venit ad regem Franciae, ut eum verbis fictis corrumpens posset ejus ad se animum inclinare. Rex autem, utpote vir discretus et providus, despexit eum quia contemptibilis erat valde.

личествуетъ обогащаться на счетъ чужаго имущества, то мы рѣшились отнестись къ означенному графу съ апостольскою благосклонностью (eumdem comitem apostolica benegnitate tractantes), и, съ согласія нашихъ братьевъ, постановили, что графъ не долженъ быть лишенъ тѣхъ правъ, которыя онъ имѣетъ надъ замками, если онъ по справедливости исполнитъ все, что было ему приказано. Но какъ, между прочимъ, мы должны быть вполнѣ внимательны къ интересамъ вѣры, которые должны взвѣшивать тѣмъ основательнѣе, то мы предлагаемъ легатамъ созвать спустя три мѣсяца по полученіи этихъ распоряженій, соборъ въ удобномъ для того городѣ, куда пригласить архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, князей, бароновъ, рыцарей и другихъ лицъ, присутствіе которыхъ они сочтутъ необходимымъ. Если въ продолженіе засѣданій соборныхъ, явится обвинитель на графа и докажетъ, что онъ погрѣшилъ противъ православной вѣры (super divinatione) и повиненъ въ убійствѣ блаженной памяти Петра де-Кастельно, тогда легаты, выслушавъ обѣ стороны и учинивъ слѣдствіе до окончательнаго мнѣнія, представятъ намъ на разсмотрѣніе это дѣло, тщательно составленное, и извѣстятъ подсудимыхъ о времени, когда они должны будутъ предстать передъ нами и выслушать рѣшеніе. Если же не явится никакого обвинителя, то легаты извѣстятъ насъ, какимъ образомъ они постановятъ свой приговоръ по сказаннымъ двумъ пунктамъ, и дѣло въ такомъ случаѣ должно кончиться тамъ, гдѣ оно началось. Если графъ приведетъ свидѣтельства въ доказательство своей невинности, слѣдуя тому порядку при производствѣ дѣла, какой будетъ указанъ ему легатами съ утвержденія соборнаго, то пусть они употребятъ всѣ усилія къ оправданію его; но если придется обвинить его, то легаты не преминутъ извѣстить насъ, всегда удерживая въ своихъ рукахъ обладаніе замками, которые заложилъ онъ; они сообщатъ намъ также, доволенъ-ли графъ способами оправданія, ему указанными, и станетъ ли онъ жаловаться на притѣсненія и несправедливость. Въ томъ и другомъ случаѣ, легаты имѣютъ ожидать рѣшенія апостольскаго престола. Если графъ оправдается законнымъ образомъ, ему указаннымъ, по суду каноническому, легаты торжественно и всенародно объявятъ его католикомъ и непричастнымъ въ смерти Петра де-Кастельно; ему будутъ возвращены его замки, по исполненіи

всего того, что ему будетъ приказано; они позаботятся, между прочимъ, взять отъ него другое ручательство, достаточное для сохраненія вѣчнаго мира, къ которому склонять его; но они приложатъ также всевозможныя старанія, чтобы впредь исполненіе нашихъ приказаній не задерживалось никакими суетностями и злобными выходками» (116).

Такъ исполнялъ Иннокентій все, что могъ требовать отъ него долгъ чести, все, на сколько позволяли ему обстоятельства и условія, въ которыя было поставлено тогдашнее папство. Оставалось также поступить исполнителямъ его распоряженій. Но въ томъ-то и было историческое несчастіе Иннокентія III. Корысть крестоносцевъ и мѣстнаго католическаго духовенства взяла свое и на этотъ разъ. Монфору нельзя было допускать оправданія своего соперника, на богатыя страны котораго онъ разсчитывалъ. Легаты поддались его вліянію. Если ихъ корыстолюбивые разсчеты не подтверждаются фактами, то они могли проявляться незамѣтно, послѣ смерти суроваго и честнаго Милона. Арнольдъ весьма мало блисталъ подвигами добродѣтели. Папа продолжалъ вѣрить въ него. Онъ былъ дорогъ своею преданностью католицизму и теократіи, своими способностями, основательнымъ знаніемъ края. Но какое-то темное подозрѣніе закралось въ послѣднее время въ душу Иннокентія. Повидавшись съ Раймондомъ, папа перестал быть въ такой степени легковѣрнымъ къ своимъ исполнителямъ. Онъ понялъ, что личность играетъ большую роль въ соотношеніяхъ стараго феодала и Арнольда. Поэтому онъ рѣшился избавить Раймонда отъ хитраго и искуснаго аббата, хотя тѣмъ и становился къ послѣднему въ положеніе весьма неловкое. Чувствуя то, онъ старается и оправдаться въ посланіи своемъ къ Арнольду и вмѣстѣ уколоть его подъ ласковыми фразами, полными благодарности къ его дѣятельности. «Изъ писемъ, данныхъ нами графу тулузскому, ты увидишь, что мы предприняли относительно его. Мы предоставили всѣ исполненія по этимъ письмамъ господину Ѳеодосію, клирику и приближенному (familiari) покойнаго Милона, нашего легата, такъ какъ ему извѣстно все то дѣло, и такъ какъ

(116) Reg. Inn. l. XII, ер. 152. По догадкѣ Migne помѣтка должна быть VIII Kal. Febr. p. 172, nota 102.

многими уважаемыми людьми свидѣтельствуется его похвальное поведеніе въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ пылкою ревностью и теплой душою. Но тѣмъ мы не даемъ ему достоинства легата, а поручаемъ дѣйствовать лишь въ качествѣ делегата. Мы приказали ему ничего не дѣлать безъ твоихъ предписаній и во всемъ считать себя твоимъ орудіемъ (in proponendis gerat se velut organum) и исполнителемъ твоихъ мыслей. Сверхъ того, ты долженъ принять къ свѣдѣнію, что посланные граждане тулузскіе, представъ передъ нами, согласились дать полное удовлетвореніе, по всѣмъ статьямъ, въ которыхъ тулузцы нарушали церковную дисциплину. Они представили намъ письмо многихъ достойныхъ особъ, которые ходатайствуютъ за нихъ, дабы мы дали имъ полное прощеніе. Вотъ почему мы приказываемъ тебѣ, что ты увидалъ бы и въ другихъ нашихъ письмахъ, — остановить рѣшеніе, произнесенное на тулузцевъ и, получивъ съ ихъ стороны обезпеченіе, поступить такъ, какъ того потребуетъ справедливость (secundum Deum videbitur expedire). Но если же они презрятъ исполненіемъ данныхъ имъ приказаній, то не только снова подвергнутся первому отлученію, но будутъ еще строже наказаны свѣтскими мѣрами» (117).

Самому Ѳеодосію и другому легату епископу Ріеца, почти словами грамоты къ архіепископамъ, предписывалось черезъ три мѣсяца созвать соборъ, на которомъ принять способы къ безпристрастному суду надъ Раймондомъ и, если можно, то къ оправданію его (118). Черезъ нѣсколько дней была отправлена Ѳеодосію экстренная записка, гдѣ высказывалось рѣшительное желаніе видѣть графа тулузскаго оправданнымъ. Легаты и Ѳеодосій особенно должны выслушать отъ Раймонда всѣ жалобы на оскорбленія и несправедливости, причиненныя ему во время его отлученія (119).

Арнольдъ не могъ не почувствовать оскорбленія, косвенно нанесеннаго ему изъ Рима. Скрывъ досаду въ сердцѣ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ приписать себѣ одному тѣ мягкія мѣры, которыя теперь требовались; его самолю-

(117) L. XII, ер. 156.

(118) L. XII, ер. 153.

(119) L. XII, ер. 155.

бію было больно полномочное вмѣшательство и даже контроль со стороны его подчиненнаго. Онъ изъявилъ желаніе самъ ѣхать въ Тулузу и лично отмѣнить интердиктъ, имъ же наложенный. Граждане столицы умѣли заключить условіе съ легатомъ, по которому ихъ собственный епископъ Фульконъ, человѣкъ коварный, притворившійся другомъ Тулузы, дастъ имъ разрѣшеніе, а Арнольдъ получитъ сумму въ тысячу тулузскихъ ливровъ. Если бы даже достовѣрность этого извѣстія и подлежала сомнѣнію, какъ опирающаяся на свидѣтельство полупоэтическаго провансальскаго источника, однако обстоятельства, подавшія поводъ къ тому, сами по себѣ даютъ поводъ заподозрить въ достаточной степени безкорыстіе изворотливаго Арнольда. Далѣе тотъ же источникъ замѣчаетъ, что въ выдачѣ суммы, при раскладкѣ на тулузцевъ, произошло затрудненіе, что легату дана была только половина и что потому-де онъ снова наложилъ интердиктъ на городъ и отлучилъ отъ Церкви консуловъ ([120]). Тулузцы испугались и рѣшились покориться. Они обѣщали повиноваться епископу и папѣ во всемъ, что касается Церкви, и въ залогъ того дали въ руки епископа, по его желанію, знатныхъ заложниковъ. Фульконъ отослалъ ихъ въ Памьеръ подъ надзоръ Монфора. Отлученіе было снято легатами, хотя о полученіи ими полной суммы уже больше не упоминается.

Тотъ же Фульконъ еще вторично заявилъ передъ Тулузой свое отступничество отъ интересовъ города, который имѣлъ слабость довѣриться ему. Во время пребыванія легата въ Тулузѣ, Раймондъ уже успѣлъ вернуться въ свою столицу. Силою прекрасныхъ рѣчей (de bellas paraulas), льстивый Фульконъ (per grand cautela) овладѣлъ расположеніемъ графа.—«Государь, сказалъ онъ ему, теперь дружба и любовь между вами, легатами и графомъ Монфоромъ. Я могу ручаться вамъ, что если бы теперь чья-либо рука поднялась противъ васъ, дабы причинить вамъ зло и непріятность, то оба они положатъ жизнь и имущество, чтобы защитить васъ и вашу землю. Мнѣ кажется, государь, что вы поступите прекрасно, если въ знакъ дружбы дозволите

([120]) Все это подтверждаетъ и **Vaissete**; l. XXI, c. 82, V, 147.

легату жить въ замкѣ нарбоннскомъ.» Графъ Раймондъ, убѣжденный притворнымъ добродушіемъ епископа, согласился допустить своего злѣйшаго врага къ обладанію столицею, поселивъ его въ крѣпости ([121]). Легатъ занялъ крѣпость, надежнымъ гарнизономъ, а «народъ тулузскій, отъ мала до велика, какъ только узналъ о томъ, пришелъ въ неописанный гнѣвъ». Онъ видѣлъ теперь себя въ полной власти безпощаднаго Монфора.

Въ то время, когда графъ тулузскій испытывалъ на себѣ всѣ коловратности судьбы, когда онъ отъ отчаянія переходилъ къ надеждѣ, а потомъ, хитростью своихъ враговъ, опять становился ихъ игрушкой,—Монфоръ, напутствуемый счастіемъ и руководимый лишь практическимъ разсчетомъ, одолѣвалъ всѣ препятствія и упорно домогался своей цѣли. Онъ, при внѣшней рыцарственности, представлялъ собою типъ полной политической безправственности, нарушая самыя священныя права, не разбирая никакихъ средствъ. Мы оставили его среди успѣховъ, за покореніемъ графства Разесъ. Тогда Раймондъ собирался ѣхать въ Римъ, а король аррагонскій, Петръ,—понимая опасность, какая грозила бы ему, если бы централизованная, абсолютно-теократическая монархія организовалась на его границѣ,—обѣщалъ содѣйствіе лангедокскимъ феодаламъ. Сперва онъ могъ оказать имъ лишь моральную поддержку; онъ подстрекалъ ихъ къ борьбѣ и обнадеживалъ въ помощи ([122]). Вѣроятно, слѣдствіемъ этой таинственной поддержки и объясняются тѣ успѣхи, которые, именно въ это время, пріобрѣла альбигойско-національная партія. Замки, недавно покоренные Симономъ въ предѣлахъ Альби, Каркассоны и Безьера,—кое-гдѣ отлагаются отъ Монфора; католическіе гарнизоны или оставляютъ ихъ или осаждены лангедокскими отрядами. Такъ, два знаменитыхъ католическихъ барона Амори и Вильгельмъ Писсіаки должны были сдаться почти въ виду самого Монфора, который напрасно

([121]) **Chron. prov** 470.—**Cans** XLV.

([122]) «Mandavit insuper, sicut dictum fuit secreto nobilibus per totum vice-comitatum Biterrensem et Carcassonensem, qui adhuc resistebant sanctae Ecclesiae et comiti nostro (Монфору), ne componerent cum comite, promittens eis quod ipse cum eis comitem impugnaret». **Petr. Cern.** c. 26; p. 576.

напрягалъ всѣ усилія, чтобы переправиться черезъ рѣку Оду. Также напрасны были попытки друга и любимца Монфорова, Бухарда де-Марли овладѣть замкомъ Кабаретомъ, мѣстомъ весьма важнымъ и въ стратегическомъ и въ церковномъ отношеніи. Теперь уже ясно обнаружились стремленія крестоносцевъ; кромѣ католическихъ цѣлей, французы имѣли свои собственныя; сѣверные бароны, съ береговъ Сены и горъ Нормандіи, хотятъ водвориться на берегахъ Гаронны и долинахъ Лангедока; лишь только они получили въ свои руки исполненіе церковнаго наказанія, какъ стали въ глазахъ провансальцевъ чужеземцами и поработителями южныхъ республикъ вмѣстѣ съ ихъ религіею. Въ Кабаретѣ засѣлъ одинъ изъ рьяныхъ бойцевъ альбигойскаго вѣроисповѣданія, старикъ Петръ-Рожеръ; онъ приходился родственникомъ виконту безьерскому. Выждавъ приближеніе непріятеля, онъ приготовилъ засаду и Бухардъ, разбитый на голову, потерявъ убитыми многихъ товарищей, былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ башню замка, гдѣ альбигойцы держали его въ цѣпяхъ, въ продолженіе 16 мѣсяцевъ, пока тотъ же самый Петръ-Рожеръ не освободилъ его, не умѣя предвидѣть въ немъ будущаго опаснѣйшаго врага альбигойскаго дѣла, который не могъ примириться съ еретиками никакимъ чувствомъ благодарности ([123]). Мелкія неудачи часто случались съ Монфоромъ въ продолженіе этой зимы до поста и причиною всего было отсутствіе главныхъ силъ крестоносцевъ изъ лагеря. Такова была вся система альбигойскихъ войнъ; первый годъ служитъ ея прототипомъ. По зимамъ, Монфору приходится прибѣгать къ хитростямъ и интригамъ, такъ какъ отряды его расходились по домамъ; къ веснѣ, они приходили вновь и увлекали своимъ примѣромъ другихъ ([124]). Но непріятнѣе всего подѣйствовала на Монфора измѣна одного изъ близкихъ ему. Жераръ де-Пепье (Guiraldus de Pepios), особенно любимый Симономъ, умѣлъ скрывать свои религіозныя убѣжденія въ глазахъ суроваго графа Этотъ французъ, человѣкъ жестокаго характера, втайнѣ исповѣдывалъ альбигойство. Разъ, онъ былъ отправленъ на экспедицію; дорога шла черезъ замокъ Пюисергье, занятый крестоноснымъ отрядомъ. Жераръ, въѣхавъ въ замокъ съ своею небольшой свитою, къ которой пристали еретики, объявилъ гарнизонъ военноплѣннымъ. Жители возстали. Рыцари Монфора сдались на томъ условіи, что имъ будетъ сохранена по крайней мѣрѣ жизнь. Между тѣмъ самъ графъ Симонъ, узнавъ объ измѣнѣ, спѣшилъ къ замку; съ нимъ былъ Амори, баронъ Нарбонны; онъ отказался помочь Монфору при осадѣ замка, а безъ него дѣло устроиться не могло. Пока Симонъ, удалившись на ночь въ сосѣдній замокъ, обдумывалъ месть, Жераръ ушелъ съ своимъ отрядомъ. Онъ увлекалъ съ собою двухъ главныхъ плѣнниковъ; 50 остальныхъ были опущены въ ровъ. Ускользнувъ отъ Монфора, онъ прибылъ въ еретическій замокъ Минерву. Жераръ по своему сдержалъ слово; онъ оставилъ плѣнникамъ жизнь, но лишилъ ихъ зрѣнія и, если вѣрить католическому историку, свирѣпо наругался надъ ними. Онъ обрѣзалъ имъ уши, носъ, верхнюю губу и раздѣвъ ихъ до нага, пустилъ назадъ къ Монфору. Зима стояла довольно холодная; одинъ изъ нихъ погибъ, другой, едва живой, повстрѣчался съ нищимъ, который привелъ его въ Каркассону ([125]). Такъ, въ короткое время, Монфоръ потерялъ 40 замковъ. Еще сильнѣе должна была подѣйствовать на него вѣсть о смерти легата Милона, скончавшагося въ Монпелье. Это былъ его надежнѣйшій другъ. Счастье будто отвертывалось отъ Симона.

([123]) P. Cern. c. 23.—Cans. XLI; срв. LXIII, v. 1446.

([124]) Cans. v. 971—973.

При всѣхъ такихъ неудачахъ, фонды Монфора не падали на Югѣ. Къ началу 1210 года, въ его рукахъ было до 200 замковъ, кромѣ нѣсколькихъ городовъ. Постоянныя передвиженія, приливъ а чаще отливъ, въ лагерѣ крестоносцевъ, болѣе всего занимали сторонниковъ католическаго дѣла въ Лангедокѣ. Вторымъ важнымъ вопросомъ было удержать за графомъ Симономъ владѣнія, скорѣе номинально имъ пріобрѣтенныя. Для этого необходимо было папское утвержденіе. Посольство и просительное письмо самого Монфора, отправленное какъ бы въ противовѣсъ поѣздкѣ графа тулузскаго, не могло имѣть особеннаго успѣха. Рыцарь Робертъ де-Мовуазенъ везъ это письмо и конечно въ Римѣ онъ долженъ былъ сгладиться рядомъ съ старымъ Раймондомъ, нѣкогда столь могущественнымъ, блистательнымъ и, теперь еще,

([125]) P. Cern. c. 27.

хранившимъ прежнюю гордость въ несчастіи. Извѣщая Иннокентія о своемъ выборѣ для подвиговъ и христовой службы въ землѣ альбигойской, Монфоръ писалъ, что посвятитъ себя всецѣло во славу Божію, на преуспѣяніе вѣры и на гибель еретиковъ. «Но дѣло это требуетъ большихъ усилій по двумъ причинамъ, продолжалъ Монфоръ, и ваше святѣйшество окончитъ то, что начало. Съ одной стороны, бароны, принявшіе участіе въ этой войнѣ, оставили меня почти одного противъ еретиковъ, блуждающихъ по горамъ и скаламъ. Съ другой, я буду не въ состояніи управлять сколько нибудь продолжительное время страной, почти обѣднѣвшей отъ опустошеній, ее постигшихъ. Еретики покинули большую часть своихъ замковъ, или расхитивши или разрушивши ихъ; они прочно сберегли тѣ, которые достаточно укрѣплены, имѣя намѣреніе защищать ихъ. Мнѣ слѣдуетъ дѣлать огромныя затраты, не въ примѣръ другихъ войнъ, на тѣ отряды, которые при мнѣ; едва за двойную плату я могу удерживать около себя необходимое число солдатъ». Онъ просилъ папу подтвердить за нимъ завоеванныя владѣнія и извѣщалъ при этомъ, что въ пользу Римской Церкви онъ ввелъ налогъ по три денарія съ дома, что въ пользу ея же, онъ опредѣлилъ обычныя десятины съ еретиковъ. «За все это я прошу ваше святѣйшество оставить за мною обладаніе этой страною, которая поручена мнѣ и наслѣдникамъ моимъ Богомъ и вами, черезъ посредство легата вашего аббата Сито и съ согласія всей арміи. Я прошу васъ также оказать таковую же милость тѣмъ, которые раздѣляли мои труды и въ вознагражденіе чего получили часть страны» (126). О томъ же просили Иннокентія и легаты его, откровенно прибавляя къ тому, что финансовыя дѣла крестоносцевъ въ столь дурномъ положеніи, что надобность въ деньгахъ и пособіи крайне чувствуется. «При содѣйствіи и того небольшаго числа рыцарей, которые остались около него, графъ Монфоръ отвоюетъ все остальное въ странѣ; надо только, чтобы Церковь, за которую борется онъ, приняла на себя матеріальныя издержки. Хотя онъ, кромѣ городовъ, обладаетъ уже двумя стами весьма надежныхъ замковъ и держитъ въ цѣпяхъ виконта безьерскаго, защитника еретиковъ, онъ тѣмъ не менѣе сильно нуждается въ помощи, какъ для того чтобы укрѣпить уже пріобрѣтенные пункты, такъ для того чтобы дѣлать новыя завоеванія» (127). Письмо Монфора равно какъ и ходатайство легатовъ имѣли свою долю успѣха. Тотъ самый Робертъ де-Мовуазенъ, который былъ посломъ воителя Юга, привезъ ему отвѣтную грамоту папы. Иннокентій высказывалъ радость свою по поводу побѣдъ Монфора надъ еретиками и согласно желанію графа утверждалъ его въ обладаніи завоеванными землями и городами; онъ обнадеживалъ его въ борьбѣ съ остатками еретичества и увѣрялъ, что въ такой политикѣ онъ всегда найдетъ въ немъ совѣтъ и должную помощь, — consilium a nobis recipies et auxilium opportunum» (128). Но помощью, въ системѣ и понятіяхъ Иннокентія III, чаще называлось моральное вліяніе на государей европейскихъ, подчиненныхъ его авторитету. И дѣйствительно, съ этою цѣлью онъ писалъ императору Оттону, котораго увѣрялъ, что за то добро, какое сдѣлаетъ тотъ на пользу Господа, получитъ воздаяніе въ жизни настоящей и славу въ будущей» (129). О томъ же шла рѣчь и къ королю аррагонскому (130). Иннокентій не зналъ, что послѣдній уже давно перемѣнилъ свои убѣжденія, что изъ слуги Рима онъ готовился стать въ ряды его враговъ. Въ выгодахъ Монфора были сдѣланы предписанія лангедокскому духовенству. Мѣстныя власти должны были еще разъ опросить еретиковъ и если, они откажутся перейти въ католичество, предать ихъ свѣтскому наказанію, т. е. конфискаціи имуществъ, которыя переписать на Монфора (131). Бароновъ, помогающихъ Монфору, онъ особо просилъ, не оставлять его до конца дѣла; онъ писалъ, что къ Пасхѣ пришлетъ имъ помощь, а теперь пока пусть они

(126) **Reg. Inn. l. XII, ep. 109,—Migne; CCXVI, 142.**

(127) **L. XII, ep. 108; p. 141.**

(128) **L. XII, ep. 123; p. 153.—P. Cern. c. 29.**

(129) **L. XII, ep. 124; p. 154. Иннокентій насчитываетъ до 500 покоренныхъ Монфоромъ замковъ и городовъ (fere quingentis), можетъ быть по ошибкѣ въ текстахъ.**

(130) **L. XII, ep. 125.**

(131) **L. XII, ep. 126. Всѣ эти распоряженія помѣчены однимъ днемъ.**

примутъ издержки на себя ([132]). Консуламъ Арля, Авиньона, Санъ-Жилля, Нима, Монпелье и Тарасконы, а также барону нарбоннскому со всѣми гражданами, графамъ Форкалькье, Савойи, Женевы, Масона (W. Matisconensi) и Русильона,—папа новымъ циркуляромъ напоминалъ объ ихъ обязанностяхъ относительно вѣры католической ([133]). Но Иннокентій предупредилъ Монфора, что главные феодалы не лишаются своихъ владѣній; только явное отложеніе отъ Церкви и вооруженный образъ дѣйствій противъ нея подвергаютъ ихъ такой участи ([134]). Все это были, къ счастію, прежнія безконечныя сдѣлки. Мы должны признать слѣдовательно, разбирая ходъ альбигойской войны съ ея перваго года, что, или Иннокентій не хотѣлъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, или средневѣковая римская теократія изъ идеи никогда не переходила въ область факта, или что у большинства католиковъ XIII столѣтія было на столько человѣчности и снисходительности, чтобы не рѣзать братьевъ ради вѣры. Послѣднее было бы желательнѣе всего для достоинства исторіи.

Тѣ неудачи, которыя испытывалъ Симонъ, должны были сильно подѣйствовать на его тщеславіе; онѣ привели его къ преступленію, если уже вся система его не была сама по себѣ великимъ преступленіемъ. Мы сейчасъ читали, какъ легаты цѣнили плѣнъ стараго виконта безьерскаго. Раймонда-Рожера содержали строго. Онъ сидѣлъ въ тѣсной башнѣ своего собственнаго дворца, что еще больше должно было мучить его шестнадцать мѣсяцевъ. Онъ не видалъ никого, кромѣ стражей. При условіяхъ средневѣковаго плѣна, трудно было выдержать такое заключеніе человѣку, даже менѣе привыкшему къ привольной роскоши провансальской аристократіи. Есть достаточное подозрѣніе, что смерть виконта старались ускорить его тюремщики, если не прямымъ убійствомъ, то разными мѣрами, не менѣе дѣйствительными. Смерть его была необходима въ интересахъ новаго виконта, въ интересахъ страшнаго для Прованса Монфора. За эту смерть, послѣ, самъ Иннокентій упрекалъ палачей ([135]). Католическіе историки говорятъ, что Раймондъ-Рожеръ умеръ отъ диссентеріи; они какъ-то боязливо проходятъ около тѣни человѣка, имъ ненавистнаго ([136]). При этомъ Вильгельмъ, одинъ изъ нихъ, капелланъ позднѣйшихъ тулузскихъ герцоговъ, не можетъ скрыть подозрѣній, ходившихъ въ народѣ ([137]). Несомнѣнно, что такъ вѣрило даже большинство католиковъ Лангедока. Всѣ знали также, что передъ смертью мнимый еретикъ принялъ Причастіе изъ рукъ епископа каркассонскаго. Монфоръ, желая по возможности оправдать себя, велѣлъ выставить тѣло съ открытымъ лицомъ въ каѳедральной церкви ([138]). Народъ сбирался толпами и молча плакалъ вокругъ гробницы любимаго государя. Торжественныя похороны также не могли заглушить подозрѣній.

Послѣ Раймонда тулузскаго и виконта безьерскаго, графъ де-Фуа составлялъ третье сильное лицо между феодалами Лангедока. Въ виду необходимости, онъ покорился Монфору и даже заключилъ съ нимъ союзъ, но при первыхъ неудачахъ ненавистнаго француза измѣнилъ ему ([139]). Монфоръ понималъ, что положеніе его самое непрочное. Его армія

([132]) L. XII, ep. 129. Отъ 13 ноября 1209 г.

([133]) L. XII, срв. ep. 136, 137 къ архіепископу и консуламъ Арля. Migne; CCXVI, 160.

([134]) L. XII, ep. 122.

([135]) «Vicecomes praedictus terram perdidit auxilio destituitus, ad ultimum miserabiliter interfectus». L. XV, ep. 212; p. 739.

([136]) Eodem etiam tempore.. vicecomes Bitterensis, qui apud Carcassonam tenebatur in palatio, in infirmitate laborans defunctus est». P. Cern. c. 26; p. 577.

([137]) Guilelmus de Podio Laur. c. 14.

([138]) Chron. prov. p. 467, — «et aysso afin que tot le monde le vissen et recognessen».—Ученый бенедиктинецъ отзывается такъ про Раймонда-Рожера: «biens moins coupable d'avoir suivi ou favorisé les erreurs des hérétiques, qui dans le tems de sa naissance étoient dejà répandus dans ses états, que malheureux d'avoir eu des tuteurs et des conseillers, qui durant sa minorité n'arrêterent pas leurs progrez dans les païs soûmis à son autorité» (Vaissete; V, 140).

([139]) P. Cern. c. 32.

должна была сама себя обезсиливать. При взятіи какого-либо замка, слѣдовало оставить гарнизонъ въ немъ, но завтра нельзя было ручаться, что этотъ гарнизонъ не будетъ вырѣзанъ или прогнанъ. При его приближеніи нѣкоторыя мѣстности покорялись, но, уходя, онъ всегда оставлялъ въ тылу у себя опасныхъ враговъ. Даже операціонные пункты его подвергались нападенію. Разъ, въ январѣ 1210 года, возвращаясь изъ экспедиціи въ свой лагерь подъ Каркассоною, онъ не нашелъ и слѣдовъ своихъ сооруженій: машины были сожжены, склады уничтожены, зданія разрушены, охранявшіе караулы перерѣзаны. Въ его отсутствіе возстали окрестные жители, вооружились и отмстили за свои утѣсненія; тутъ, вмѣстѣ съ религіозною ненавистью, въ равной степени дѣйствовала и патріотическая. Въ негодованіи, Монфоръ хотѣлъ вымѣстить свое пораженіе на тулузцахъ. Онъ потребовалъ, чтобы столица выслала въ его лагерь людей и денегъ. Муниципалитетъ отказалъ. Дѣйствовать силою Монфоръ не рѣшался; папскія распоряженія въ этомъ отношеніи стѣсняли его. Легаты, проживавшіе въ Тулузѣ, тогда только что снимали отлученіе; убѣжденія Фулькона, державшаго, какъ знаемъ, сторону крестоносцевъ, также не привели ни къ чему. Монфору оставалось скрыть на сердцѣ свою обиду. Если бы онъ имѣлъ дѣло съ какимъ нибудь замкомъ Бромъ, то конечно поступилъ бы не такъ. Кинувшись на этотъ городокъ послѣ тулузскаго пораженія, онъ въ три дня овладѣлъ имъ, безъ всякихъ машинъ. Первымъ дѣломъ его было ослѣпить болѣе 100 человѣкъ, которымъ въ добавокъ были обрѣзаны носы; одинъ глазъ нарочно былъ не вполнѣ поврежденъ, чтобы, изуродованные, они могли вести своихъ остальныхъ товарищей въ Кабаретъ. Достойно вниманія то оправданіе поступковъ Монфора, къ какому прибѣгаетъ по этому поводу его католическій историкъ ([140]). «Графъ поступилъ такъ не потому, чтобы такое уродованіе (talis detruncatio membrorum) доставляло ему удовольствіе, но оттого, что противники его, сами первые прибѣгая къ тому, умерщвляли и рѣзали въ куски всѣхъ нашихъ, которые попадались къ нимъ, точно палачи жестокосердые (историческое безпристрастіе должно подтвердить справедливость этихъ словъ). И дѣйствительно,

([140]) id. c. 34; p. 583.

падая въ яму, которую еретики сами себѣ выкопали (Пс. VII), они иногда пили изъ той чаши, которую слишкомъ часто предлагали другимъ, что не было несправедливо. Что же касается до благороднаго графа, то онъ никогда не предавался никакимъ жестокостямъ, никакимъ истязаніямъ, ибо онъ былъ самый кроткій (?) изъ людей (omnium siquidem mitissimus erat).» Если есть правда въ первой половинѣ этой замѣтки, если дѣйствительно лангедокцы, гонимые иновѣрцами и чужеземцами, въ пылу борьбы, слабѣйшіе, не пренебрегали никакими средствами и весьма часто, какъ увидимъ, не уступали въ жестокости и свирѣпости крестоносцамъ,—то только особымъ складомъ взглядовъ и односторонностью Петра Сернейскаго можно объяснить наивный отрывокъ его объ извѣстномъ предводителѣ крестоносцевъ.

Но подходило лѣто, а съ нимъ могли прибыть новые отряды крестоносцевъ. При такихъ условіяхъ мѣстные феодалы не могли уже разсчитывать на счастливый исходъ своей обороны. Тогда всѣ усилія ихъ направились на пріисканіе надежнаго союзника. Преслѣдуемые Римомъ, они мало могли найти сочувствія и поддержки у государей европейскихъ. Взоры ихъ могли остановиться развѣ только на королѣ аррагонскомъ. Кстати, донъ-Педро былъ тогда въ Лангедокѣ; онъ возвращался изъ Прованса. Вассалы графа тулузскаго, его родственника, надѣялись найти въ немъ если не защитника, то ходатая. По этому поводу съѣхались въ Монреаль, къ синьору Амори, — бароны Кабарета и Терма. Они отправились въ качествѣ лангедокской депутаціи на встрѣчу королю. Они просили его принять ихъ подъ свою защиту, добровольно подчиняясь ему въ качествѣ вассаловъ, очевидно отстраняя тѣмъ законнаго сюзерена своего, короля французскаго. Казалось бы, не было ничего проще, какъ просить защиты у послѣдняго. Филиппъ былъ во всякомъ случаѣ сильнѣе и вліятельнѣе аррагонскаго государя; онъ оказалъ уже самостоятельность, непокорливость свою въ борьбѣ съ Римомъ по дѣлу Ингебурги, тогда какъ Петръ не нашелъ другаго исхода, кромѣ полурабской покорности. И теперь, сойдясь съ Филиппомъ тѣснѣе, онъ могъ разсчитывать на его рѣшительную поддержку. Но тутъ-то и выказывается вся ненависть лангедокцевъ къ французамъ, все родство ихъ съ тогдашними испанцами. Понимая, что Филиппъ выручитъ ихъ изъ бѣды,

они на этотъ разъ не менѣе того сознавали, что воинственная французская раса поглотитъ ихъ собственную національность, какъ и случилось вскорѣ. Они искали другихъ союзниковъ и въ этомъ отношеніи обстоятельства не могли предложить имъ инаго, какъ короля Аррагоніи. Но личный эгоизмъ лангедокскихъ вельможъ иначе направилъ ходъ событій. Петръ готовъ былъ протянуть имъ руку помощи. Въ послѣднее время у него часто выходили раздоры съ Римомъ; онъ, вслѣдствіе крайностей характера своихъ соотечественниковъ, готовъ былъ сдѣлаться столь же сильнымъ врагомъ Иннокентія, сколько вѣрнымъ другомъ его онъ былъ до того времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ вѣрныхъ ручательствъ; онъ былъ на столько благоразуменъ, что не рѣшался проливать кровь подданныхъ, не видя успѣха или не обставивъ себя болѣе надежными условіями. Онъ прежде всего спросилъ, сдадутъ-ли они ему свои замки на время веденія войны, т. е. сдѣлаютъ ли его хозяиномъ въ странѣ. Получивъ на то сперва нерѣшительный, а потомъ отрицательный отвѣтъ, король не могъ взяться за рискованное предпріятіе. Онъ не хотѣлъ ссориться съ папою, не имѣя основаній ввѣриться тѣмъ людямъ, которые только нуждались въ его содѣйствіи. Монфоръ-же, какъ бы желая показать, съ какимъ соперникомъ онъ будетъ имѣть дѣло, упорно осаждалъ замокъ Бельгардъ въ то самое время, когда король подъѣзжалъ къ Монреалю. Бароны, сопровождавшіе Петра, просили его въѣхать въ замокъ, обѣщая тамъ принести обычную присягу, но король желалъ хотя временно быть неограниченнымъ властителемъ страны. Онъ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Увидавшись на пути съ Монфоромъ, король просилъ его снова снизойти къ графу де-Фуа и не трогать его до Пасхи. Симонъ обѣщалъ исполнить желаніе короля ([141]). Но еще болѣе безуспѣшны были попытки легатовъ склонить Педро на свою сторону ([142]). Мы увидимъ, что только годъ спустя имъ удалось достигнуть своей цѣли, и то только необходимость и исключительныя обстоятельства заставили короля уступить неотступнымъ настояніямъ легатовъ и принять вассальную

([141]) P. Cern. c. 36; срв. c. 32.
([142]) Cans. v. 1022—1025.

присягу новаго виконта Каркассоны, оставивъ ему въ залогъ даже своего малолѣтняго сына ([143]). Теперь же король возвращался изъ Аррагоніи если безутѣшнымъ въ своихъ мечтахъ пособить дѣлу симпатичныхъ ему провансальцевъ, по крайней мѣрѣ съ убѣжденіемъ, что онъ своимъ вліяніемъ не склонилъ вѣсовъ счастья въ пользу Монфора.

Когда Монфору измѣнила сила, онъ прибѣгалъ къ интригѣ. Въ этомъ ему отъ души содѣйствовалъ епископъ тулузскій Фульконъ. Благодаря послѣднему, въ столицѣ возникли междоусобія. Епископъ успѣлъ составить въ городѣ ультра-католическую партію, вѣроятно изъ низшихъ классовъ; онъ образовалъ общество изъ 5000 человѣкъ подъ названіемъ «бѣлаго товарищества.» Члены этого братства посвящали себя надзору за соблюденіемъ церковнаго устава и католическихъ приличій: они же должны были розыскивать еретиковъ и искоренять ихъ даже силою оружія. Начальниками братства были двое дворянъ и двое купцевъ; они составляли никѣмъ непризванный комитетъ, въ которомъ разсматривали преступленія противъ нравственности и особенно по дѣламъ ростовщиковъ. Комитетъ этотъ самовольно присвоилъ себѣ право исполнять свои приговоры. Его вооруженные агенты наказывали виновныхъ разрушеніемъ и грабежемъ домовъ. Общество это считало себя однимъ изъ отрядовъ Монфора. Въ ознаменованіе своего тожества съ крестоносцами, члены братства носили бѣлый крестъ и давали ту же присягу быть вѣрными и всегда служить Церкви. Въ противовѣсъ этому обществу образовалось другое, уже въ самой крѣпости, въ бургѣ, и называлось «чернымъ товариществомъ». Послѣднее было гораздо многочисленнѣе и могущественнѣе, такъ какъ опиралось на общій духъ, господствующій въ столицѣ и потворствуемый ея властями. Часто на улицахъ сталкивались вооруженные пѣшіе и конные соперники, начинали свалку и обагряли кровью городскія площади, какъ позднѣйшія религіозныя партіи во Флоренціи, во время Савонаролы. «Этими раздорами, съ горькимъ чувствомъ говоритъ пѣвецъ провансальскій, граждане губили другъ друга, тогда какъ, если бы

([143]) Guil. de Podio Laur. c 16.—P. Cern. c. 47.— См. ниже примѣчаніе 160.

они были соединены, никакіе крестоносцы на свѣтѣ не могли бы сдѣлать имъ зла. А теперь они готовы погибнуть всѣ и съ ними вся страна, опустошенная, обезлюденная. Ибо французы, италіянцы и всѣ другіе преслѣдуютъ ихъ съ бо́льшимъ озлобленіемъ, съ бо́льшею ненавистью, чѣмъ сарацины» ([144]). Напрасно графъ тулузскій пытался прекратить эти междоусобія; напрасно въ послѣдствіи, онъ сопротивлялся удаленію въ непріятельскій лагерь 5000 бѣлыхъ, когда тѣ рѣшительно заявили такое намѣреніе. Они съумѣли таки настоять на своемъ съ помощію обмана; переправившись черезъ Гаронну подъ Базаклемъ тамъ, гдѣ ихъ ожидали менѣе всего и гдѣ ихъ не стерегла тулузская милиція, они явились на полѣ лаворскомъ и соединились съ отрядами Монфора.

Лѣтомъ 1210 года, силы Монфора были сосредоточены въ другомъ мѣстѣ, за восточной границей тулузскаго графства, недалеко отъ Кабарета, именно подъ замкомъ Минервою. Въ лагерѣ крестоносномъ были всѣ три легата: Арнольдъ, епископъ Ріеца и Өеодосій. Выгодное стратегическое положеніе Минервы уже давно обращало на себя вниманіе Монфора. Въ прошломъ походѣ крестоносцы миновали этотъ пунктъ; недоступность замка дѣлала его основнымъ базисомъ для еретиковъ; сюда послѣдніе стеклись во множествѣ и находили здѣсь много заготовленныхъ средствъ для существованія. Вся мѣстность, окрестная Минервѣ, нѣкогда носившая имя графства Минервуа, изрыта горами; здѣсь главный узелъ этихъ хребтовъ, возвышающихся во всѣхъ частяхъ стараго тулузскаго графства къ югу отъ Гаронны и непримѣтныхъ только въ сѣверной сторонѣ. Въ самой возвышенной точкѣ такъ называемыхъ Черныхъ горъ, скалы ростутъ надъ скалами и уносятъ на крутизну—угрюмую и довольно обширную крѣпость, вокругъ которой цѣпляются бѣдные дома вилановъ. Стремнины, овраги, пропасти, дѣлаютъ едва доступнымъ этотъ замокъ, извилистая дорога къ которому извѣстна только обитателямъ его, да немногимъ окрестнымъ жителямъ. Значительный гарнизонъ охранялъ Минерву; онъ находился подъ личнымъ начальствомъ своего владѣтеля, барона Вильгельма. Симонъ, понимая всю трудность дѣла, усилилъ свое войско отрядами виконта нарбоннскаго. Въ его лагерѣ была жена, недавно прибывшая изъ Франціи и вездѣ почетно встрѣчаемая французами, какъ будущая властительница Лангедока. Крѣпость была обложена со всѣхъ сторонъ; самъ Симонъ стоялъ съ запада, гасконцы съ востока, нарбоннцы съ сѣвера, — а съ юга былъ предназначенъ штурмъ. Приготовили метательныя машины. Особенно въ этомъ дѣлѣ отличились гасконцы; они изготовили особый по величинѣ снарядъ; камень, которымъ заряжали его, былъ невѣроятной тяжести; содержаніе артиллеристовъ, которые обращались съ этимъ огромнымъ сооруженіемъ, ежедневно стоило болѣе 20 ливровъ. Эту диковинную машину взялъ Монфоръ къ себѣ. Стрѣльба производилась первое время день и ночь. Разъ, когда уже первый жаръ крестоносцевъ остылъ, и когда губительныя дѣйствія машины нѣсколько пріостановились, ночью на воскресенье, осажденные незамѣтно сдѣлали вылазку съ пучками пакли и сухой соломы, подложили ихъ къ самой машинѣ и зажгли ее. Удушливый густой дымъ распространился въ воздухѣ и безъ того накалившемся отъ постоянныхъ іюльскихъ жаровъ. Всѣ спали въ лагерѣ, даже караулы; только одинъ солдатъ вышелъ изъ палатки и, понявъ, въ чемъ дѣло, пронзительно закричалъ. Въ это самое мгновеніе копье, мѣтко направленное, опрокинуло его мертвымъ на землю. Но нѣкоторые уже успѣли проснуться и черезъ минуту весь лагерь былъ на ногахъ; вылазка отступила; пламя успѣли потушить. Машина стала дѣйствовать по прежнему; прочія неустанно поддерживали ее. У осажденныхъ недоставало припасовъ; они уже стали думать о переговорахъ. Графъ Монфоръ отказался вести ихъ отъ своего имени; такъ объявилъ онъ барону Вильгельму, при свиданіи съ нимъ. Безъ совѣта и благословеній папскихъ легатовъ, а особенно аббата Арнольда, онъ ничего не предпринималъ, ни на что не рѣшался. Положеніе же аббата Сито было очень затруднительно; какъ крестоносецъ, онъ считалъ своею обязанностью отбить враговъ Христа, говоритъ монахъ сернейскій; какъ священникъ и духовное лицо, онъ не могъ обречь смерти часть жителей Минервы. Арнольдъ предложилъ заключить письменную капитуляцію, но когда условія со стороны барона были прочтены, то легатъ не одобрилъ ихъ и объявилъ возобновленіе военныхъ дѣйствій. Арнольдъ настаивалъ на безусловной

([144]) **Cans. XLVII.—Guil. de Pod. c. 15.**

капитуляціи, на выдачѣ всѣхъ еретиковъ — «вѣрныхъ» и «совершенныхъ», которымъ обѣщалъ жизнь только на томъ условіи, если они обратятся въ католичество; самый замокъ легатъ предназначалъ Монфору; Вильгельму же обѣщалъ жизнь. Замѣчательно, что въ лагерѣ крестоносцевъ были такія лица, которые считали очень снисходительными условія, предложенныя легатомъ. Рыцарь Робертъ де-Мовуазенъ душевно сожалѣлъ, что нечистымъ еретикамъ предлагаютъ пощаду; онъ боялся, что они изъ страха согласятся хотя на притворное отреченіе и тѣмъ избѣгнуть костра, который уже давно былъ присужденъ имъ храбрымъ французомъ. Едва успокоилъ его легатъ замѣтивъ, что бояться не чего. —«Я полагаю, что очень немногіе изъ нихъ обратятся», сказалъ Арнольдъ ([145]).

Между тѣмъ необходимость заставила осажденныхъ принять условія, какъ они ни были тягостны. Ворота были отворены непріятелю. Съ хоругвями, крестами и распущенными знаменами вступило въ городъ крестоносное воинство, предводительствуемое легатомъ. Монфоръ на этотъ разъ отказался отъ участія въ процессіи; онъ остался въ своемъ лагерѣ. Одинъ изъ проповѣдниковъ, аббатъ сернейскій, «съ особенной ревностью работавшій надъ дѣломъ Христовымъ», узнавши, что множество еретиковъ собралось въ своемъ молитвенномъ домѣ, направился прямо къ нимъ; онъ думалъ обратить ихъ въ католичество. Сопутствуемый стражей, онъ вошелъ въ длинную залу, наполненную мужчинами, преимущественно изъ «совершенныхъ» альбигойскихъ; они понимали, что это послѣдняя ихъ дружеская бесѣда въ жизни. Католическій аббатъ сталъ объяснять имъ въ своемъ духѣ. —«Зачѣмъ пришелъ ты проповѣдывать сюда? говорили ему. Намъ не надо вашей вѣры; мы проклинаемъ Церковь Римскую. Напрасно трудитесь вы, ибо *ни смерть, ни жизнь*, какъ гласитъ Апостолъ, *не могутъ отлучить насъ отъ той вѣры*, которую мы исповѣдуемъ.» Послѣ такихъ словъ аббату оставалось только удалиться. Онъ пошелъ въ другой домъ, гдѣ собрались однѣ женщины, но онъ нашелъ ихъ еще болѣе непреклонными и еще болѣе рѣшительными. Тогда-то вступилъ въ городъ самъ Монфоръ. Первымъ его

([115]) P. Cern. c. 37; p 586.

распоряженіемъ было согнать на одну площадь всѣхъ еретиковъ. «Этотъ истинный католикъ, говоритъ его лѣтописецъ, хотѣлъ всѣхъ ихъ спасти и привести въ лоно истины.» Но, такъ какъ всѣ такія попытки оказались напрасными, то Монфоръ приказалъ выдти впередъ «совершеннымъ»; тѣ безмолвно повиновались. Ихъ оцѣпили солдатами и повели за городскія ворота. Тутъ, на скалистой площадкѣ, былъ приготовленъ огромный костеръ. Болѣе полутораста человѣкъ мужчинъ и женщинъ было перевязано и кинуто въ огонь. Они, благословляя имя Божіе, радостно привѣтствовали свою участь. «Даже не было бы необходимости прибѣгать къ силѣ, замѣчаетъ католическій лѣтописецъ, ибо закоснѣлые въ своемъ нечестіи, они съ веселою сердечностью кидались въ пламень» ([146]). Только три женщины были выпрошены одной католической баронессой для обращенія ихъ въ католичество. Остальные еретики, т. е. «вѣрные», будто были обращены въ католичество; конечно такое обращеніе альбигойцевъ было притворное. Съ Вильгельмомъ Монфоръ поступилъ довольно великодушно, хотя объявилъ себя государемъ Минервы, согласно условіямъ договора: онъ далъ Вильгельму въ вознагражденіе нѣсколько доменовъ въ окрестностяхъ Безьера. Духовные на радостяхъ получили награды, какъ напримѣръ, епископъ безьерскій Регинальдъ, которому достался лишній замокъ, конфискованный крестоносцами. За то онъ долженъ былъ признать своимъ прямымъ государемъ Монфора. Непосредственнымъ слѣдствіемъ паденія Минервы было подчиненіе Амори, владѣтеля Монреаля. Онъ прислалъ депутацію Монфору и сдалъ ему свой замокъ, въ замѣнъ чего получилъ доменъ, не столь надежный, безъ укрѣпленій и открытый для нападеній ([147]). Всѣ такія подчиненія не были прочны. При первомъ случаѣ, покорившіеся лангедокскіе бароны поднимались и дѣлались снова врагами пришельцевъ.

Кромѣ Монреаля, подчинились слѣдомъ за Минервой и другіе окрестные замки. Пейріакъ защищался только два дня; Рье недѣлю. Венталонъ сдался добровольно, хотя Мон-

([146]) id. 587. По другимъ извѣстіямъ сожжено 180 человѣкъ (Rob. Altissid.).—Cans. XLIX.
([147]) Chron. prov. 471.—P. Cern. c. 39.

форъ тѣмъ не менѣе приказалъ срыть замокъ въ наказанье за его вспоможеніе осажденнымъ въ Минервѣ. Когда же прибыли новые крестоносцы подъ предводительствомъ рыцаря Вильгельма Капка и когда извѣстили о скоромъ прибытіи бретанцевъ, то надежды Монфора должны были сильно возвыситься. Теперь онъ задумывалъ объ уничтоженіи крѣпкихъ притоновъ церковной національной оппозиціи, а тамъ о рѣшительномъ движеніи на Тулузу. Къ тому обнадеживало его одобреніе изъ Рима, какъ разъ теперь высказавшееся въ папской буллѣ отъ 28 іюня 1210 года; она пришла въ лагерь крестоносцевъ послѣ взятія Минервы. Въ ней Иннокентій III «апостольской властью» подтверждаетъ за Монфоромъ и его наслѣдниками обладаніе «государствомъ альбигойскимъ» со всѣмъ, что относится къ нему,—въ охраненіе мира и на защиту Церкви. Въ этотъ же день была подписана булла ([148]) къ лангедокскому духовенству нарбоннской и другихъ епархій съ приказаніемъ отдавать въ распоряженіе Монфора всѣ имущества еретиковъ, которые не обратятся въ католичество. Легатамъ своимъ, Арнольду и епископу Ріеца, папа предписывалъ собрать денежныя пособія на крестовое дѣло въ діоцезахъ Безансона, Бордо, Вьенны, Пампелуны, Лиможа, Клермона, Пюи, Кагора и Родеца; кромѣ того имъ предлагалось принять мѣры къ сбору приношеній и по другимъ провинціямъ ([149]). Надѣясь на успѣхъ такихъ мѣръ, Монфоръ могъ предпринять осаду того крѣпкаго пункта, который всего болѣе страшилъ его послѣ Минервы,—именно замка Термъ.

На тѣхъ скатахъ горъ, которые идутъ параллельно морскому берегу по направленію отъ сѣверныхъ границъ нарбоннскаго графства вплоть къ Пиринеямъ, замокъ Термъ представлялъ единственно сильную крѣпость послѣ Минервы. Взятіемъ его обезпечивался тылъ крестовой арміи, которой тогда ничто не мѣшало диверсировать въ предѣлахъ маркграфства тулузскаго; ранѣе же того нельзя было приступить къ осадѣ самой столицы. Термъ возвышался на гребнѣ высокой горы, окруженной съ трехъ сторонъ скалами и стремнинами; доступъ къ замку былъ открытый

([148]) Inn. Reg. l. XIII, ep. 86. Срв. l. XII, ep. 122.
([149]) L. XIII, ep. 87; l. XII, ep. 87.

только съ одной стороны, по высокой ложбинѣ высохшаго потока, подниматься по которой было весьма затруднительно и опасно. Два предмѣстья, отдѣленныя одно отъ другаго стѣнами, оцѣпляли крѣпость. Стѣны одна другой были выше; наружная, со стороны доступной нападеніямъ, опиралась въ искуственный бастіонъ изъ обрыва огромной скалы; проникнуть въ крѣпость можно было только черезъ тройную битву у каждой стѣны. Издала вся эта масса природныхъ и искуственныхъ укрѣпленій представлялась гигантской чалмой. Въ замкѣ давно ждали нападенія; потому гарнизонъ былъ усиленъ каталонцами, привыкшими къ войнѣ; альбигойцы сосредоточились здѣсь во множествѣ изъ окрестнаго края, по примѣру Минервы. Баронъ термскій, Раймондъ славился на всемъ Югѣ своимъ строптивымъ и отважнымъ характеромъ. О немъ ходила молва, что онъ имѣлъ обыкновеніе выражаться: «народы боятся виконта безьерскаго, графа тулузскаго и короля аррагонскаго, а король аррагонскій съ графомъ тулузскимъ и виконтомъ безьерскимъ боятся господина Терма» ([150]). И Раймондъ термскій искусно поддерживалъ въ дѣйствительности такое изрѣченіе; онъ прекрасно лавировалъ между сильными сосѣдними государями и до сихъ поръ не признавалъ ничьей посторонней власти надъ собой. Безъ королевства, безъ графства, онъ былъ самъ себѣ королемъ и графомъ. Сѣдины его, прямота и честность характера внушали уваженіе. Какъ задорный провансальскій феодалъ, онъ считалъ за долгъ чести покровительствовать мѣстной вѣрѣ, дѣлавшейся (такъ казалось) національною. Говорили даже, что онъ открыто присоединился къ альбигойству; уже 30 лѣтъ, какъ въ Термѣ дуализмъ былъ признанною религіею. Тѣмъ большая досада и злоба овладѣвала имъ, когда онъ узналъ о пришельцахъ французахъ, которые свои честолюбивыя цѣли освящаютъ крестомъ. Въ Монфорѣ для него воплощалось всё ненавистное и злоба душила его, когда онъ услышалъ, что крестоносцы идутъ на его неприступный Термъ. Для Монфора мало было недоступнаго. Оставивъ д'Энконтра охранять Каркассону подъ формальной властью своей жены, графъ Симонъ со всѣми силами пошелъ на замокъ. Крестовое воин-

([150]) Langlois. Crois. contre les Albigeois; 170.

ство было тогда въ полномъ сборѣ. При всемъ томъ, когда армія приблизилась къ цѣли предпріятія, то оказалось, что она не въ состояніи будетъ обложить со всѣхъ сторонъ городъ, расположенный на такой мѣстности. Жители знали всѣ тропинки, всѣ пролазки изъ замка и по прежнему имѣли свободное сообщеніе съ окрестностями. Изъ-за своихъ стѣнъ они посмѣивались надъ крестоносцами и часто дѣлали нападенія на непріятельскій лагерь. Ряды Монфоровыхъ войскъ замѣтно убывали. Но съ прибытіемъ бретанцевъ его надежды снова поднялись. Бретанцы считались лучшимъ войскомъ; дорогою они перенесли много бѣдствій и лишеній; ихъ числомъ было до пяти тысячъ. За ними прибыли отряды двухъ воинственныхъ и славныхъ рыцарей,—Роберта Дре и его брата, епископа изъ Бове, именемъ Филиппа. Послѣдній славился въ Европѣ своею храбростью; духовное платье онъ надѣвалъ рѣдко; его всегда видали въ шлемѣ и кольчугѣ; на своемъ конѣ въ бою онъ наводилъ ужасъ. Онъ прославился въ Палестинѣ и въ войнахъ съ англичанами на югѣ и сѣверѣ Франціи; тогда рѣдкая битва происходила безъ его участія. Примѣръ знаменитаго прелата, предложившаго свой мечъ и услуги Монфору, привлекъ въ лагерь войско епископа шартрскаго и крестоносцевъ Абевиля. Теперь, оглядѣвшись вокругъ себя, Монфоръ увидѣлъ достаточно силъ, чтобы дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ приказалъ штурмъ. Но личная храбрость была безсильна противъ условій мѣстности, столь удобной для обороны и такъ губительной для нападающихъ. Цѣпляясь одинъ за другаго, крестоносцы лѣзли по скаламъ на стѣны, но, опрокинутые, летѣли въ страшную крутизну; ихъ трупы наполнили пропасти, которыя служили естественными оврагами для осажденныхъ. Оставалось отступить. Послѣ такого успѣха, еще более оживилась увѣренность осажденныхъ въ ихъ недоступности и непобѣдимости. Еретики стали появляться на городскихъ стѣнахъ, безъ всякаго вооруженія; они смѣялись надъ крестоносцами и кричали имъ: «бѣгите, сокройтесь отъ лица нашего» ([151]). Въ свою очередь, энергія Монфора не остывала; къ храбрости надо было приложить искусство. Въ его станѣ нашелся человѣкъ, который подъ церковной рясой скрывалъ таланты полководца.

([151]) P. Cern. c. 40.

Это былъ Вильгельмъ, архидіаконъ парижскій. Онъ болѣе всѣхъ другихъ ревновалъ о соблюденіи въ лагерѣ церковнаго благочинія и объ исполненіи духовныхъ требъ; онъ-же въ рѣшительную минуту первый нашелся и первый предложилъ ту систему дѣйствій, которая только и могла сокрушить неодолимый замокъ. Его дѣятельность была неутомимая; не знали, когда онъ ѣлъ, когда спалъ; его всегда заставали за работой. Онъ одобрялъ бароновъ и воиновъ, упадавшихъ духомъ отъ постоянныхъ неудачъ. Онъ то устроивалъ новыя машины, то поправлялъ старыя; часто онъ работалъ самъ съ топоромъ въ рукахъ, если работники не умѣли привести въ исполненіе его указаній. Мало того. На машины нуженъ былъ лѣсъ; доставать его было не безопасно; альбигойцы чутко сторожили своихъ враговъ въ лѣсу, гдѣ ихъ перерѣзывали цѣлыми партіями. Вильгельмъ самъ взялся предводительствовать этими охотниками и, видя его впереди себя, послѣдніе отважно кидались въ бой. На первомъ военномъ совѣтѣ, онъ предложилъ измѣнить систему осады; надо было дѣйствовать долгимъ трудомъ. Глубокіе овраги рѣшено было засыпать и наносною почвою замѣнить отсутствіе природной; исполнить такой замыселъ было само по себѣ гигантскимъ предпріятіемъ Всѣ взялись по неволѣ; сперва смѣялись, потомъ роптали, наконецъ увидѣли, что дѣло приходитъ къ концу, что упорную природу замѣтно одолѣваютъ и изъ арміи Монфора поскакали гонцы съ извѣстіемъ, что паденіе Терма отнынѣ неминуемо, какъ ни тяжки труды и усилія, положенные для того ([152]). Огромныя машины были поставлены на ровномъ мѣстѣ; изъ нихъ была открыта безпрестанная пальба. Въ первой стѣнѣ была пробита брешь; черезъ нее крестоносцы ворвались въ нижнее предмѣстье. Тогда защитники отступили во второе предмѣстье, заманивая за собою уже разстроившіеся ряды непріятеля Аттака второй стѣны была отбита и, осыпаемые камнями и огненными зарядами, крестоносцы скоро оставили даже первое предмѣстье, горячо преслѣдуемые. Послѣ новой неудачи, Вильгельмъ и Монфоръ напрягаютъ всѣ

([152]) Langlois. Croisades; 174—175.

усилія на башню Терметъ, которая особенно вредила осаждающимъ; изъ нея сыпалась всегда масса зарядовъ. Овладѣть ею,—значило обладать всѣмъ замкомъ. ([153]). У самаго обрыва ея были поставлены охотники, которые взялись прервать всякое сообщеніе башни съ городомъ. Они не только съумѣли продержаться, будучи всегда между двухъ огней, но успѣли даже поставить въ промежуткѣ большую стѣнобитную машину, которая стала дѣйствовать на башню. Тогда осажденные выдвинули противъ нея свою машину, метавшую тяжелыми каменьями. Но во всякомъ случаѣ сообщеніе между башней и городомъ было прервано; отряду грозила голодная смерть и ему оставалось только темной ночью незамѣтно отъ стражей пробраться къ предмѣстью. Пустая башня слѣдующее утро была занята воинами епископа шартрскаго. Такъ медленно, съ тяжкимъ трудомъ крестоносцы вырывали успѣхи на этой неодолимой позиціи еретиковъ. Послѣдніе употребили въ свою пользу все, что могла дать имъ храбрость, изобрѣтательность и стойкость. Каждый изъ жителей, рѣшившійся или спастись или погибнуть, хотѣлъ сдѣлаться героемъ при этой достопамятной пятимѣсячной осадѣ. Когда часть стѣны обрушилась, то слѣдомъ за ней выдвигалась другая, изъ камня и дерева; историкъ Монфора сознается, что альбигойцы Терма не теряли ни минуты даромъ и какъ бы предупреждали и устраняли всякій вредъ, который старались дѣлать имъ противники; мгновенно появлялись у нихъ запасныя стѣны. Архидіаконъ Вильгельмъ, неусыпной бдительности и искусству котораго приписывали все веденіе и весь успѣхъ осады ([154]), велѣлъ поставить еще новую метательную машину на возвышенномъ и недоступномъ мѣстѣ. Съ высокой скалы она метала тучи камня въ городъ. Знали, что непріятель постарается уничтожить ее—потому Монфоръ въ охрану ей

([153]) P. Cern. c. 41.

([154]) «Et quia non possemus omnes providas et sollicitas strenuitates dicti archidiaconi, laboresque quos in dicta obsidione sustinuit ad plenum exprimere, breviter hoc asserimus, quod huic prae caeteris, imo soli post Deum, ascribenda est pervigil et diligentissima hujus obsidionis cura, victoria captionis». P. Cern. p. 592.

далъ 300 солдатъ съ 5 рыцарями. Когда, однимъ утромъ, 50 человѣкъ изъ города, вооруженные длинными копьями, со множествомъ зажигательныхъ снарядовъ, кинулись на машину, то крестоносцы, будто въ паническомъ страхѣ, бросились бѣжать, опасаясь сгорѣть или быть свергнутыми въ пропасть. Только одинъ молодой рыцарь остался и долго геройски оборонялся противъ нападавшихъ, пока не дождался помощи; онъ четыре раза скидывалъ головни, неуязвимый отъ копій за стѣной машины. Онъ дождался помощи и невредимо сохранилъ машину. Монфоръ, узнавъ, что во многихъ мѣстахъ сдѣланы проломы, приказалъ новый генеральный штурмъ, но, встрѣтивъ вездѣ двойныя стѣны, пораженные страхомъ и потерявшіе энергію, крестоносцы вездѣ повернули назадъ и отступили. Уже духъ арміи Монфора падалъ, какъ однажды совершенно неожиданный звукъ рога и бѣлое знамя возвѣстили, что непріятель проситъ мира. Что было причиной того? Крестоносцы не подозрѣвали, что если у нихъ истощились припасы, что если самъ графъ Симонъ стыдился обѣдать при постороннихъ, потому что часто, за его столомъ ничего не было кромѣ сухаго хлѣба,—то въ осажденный городъ закралось самое ужасное бѣдствіе. Въ Термѣ уже нѣсколько дней не было ни капли воды, хотя вина оставалось мѣсяца на два или на три. Какъ нарочно настала засуха и всему городу оставалось или сдаться или умереть отъ жажды, «ибо никакой человѣкъ не проживетъ безъ воды», такъ оправдываетъ своихъ соотечественниковъ современный поэтъ Лангедока. При такихъ-то обстоятельствахъ и самъ гордый Раймондъ рѣшился на переговоры съ ненавистнымъ ему врагомъ. Монфоръ назначилъ Гюи де-Левиса для подписанія условій отъ своего имени; они были очень кротки и снисходительны. Раймондъ въ самый день Пасхи обязывался сдать городъ Монфору и въ замѣнъ Терма получить какое либо другое владѣніе. На другой же день договоръ былъ подписанъ и утвержденъ. Изнуренные вожди католическіе обрадовались окончанію этой тяжелой осады; самъ епископъ Бовэ, привыкшій къ боямъ и штурмамъ, спѣшилъ ѣхать домой; также поднялся епископъ шартрскій и свѣтскіе вельможи и рыцари, уже пропустившіе обыкновенный срокъ отъѣзда. Напрасно Монфоръ уговаривалъ бароновъ повременить отъѣздомъ; только епископъ шартрскій согласился подождать нѣкоторое время. Предчувствія Монфора

осуществились. Черезъ нѣсколько дней пошелъ проливной дождь; каналы и бассейны городскіе обильно наполнились водою и граждане тотчасъ же отказались отъ сдачи; ихъ свободный духъ воскресъ. Монфоръ думалъ подѣйствовать на ихъ совѣстливость, послалъ къ нимъ самого Левиса, чтобы побудить ихъ исполнить обѣщанія. Раймондъ отвѣчалъ, что сами крестоносцы не держутъ своихъ обѣщаній, что они измѣннически погубили виконта безьерскаго. Надо было начинать осаду сьизнова. Между тѣмъ строптивые вожди пилигримовъ выходили изъ подчиненія; епископъ шартрскій не смотря на всю важность настоящей минуты объявилъ на отрѣзъ, что онъ болѣе оставаться не можетъ. Скрывъ досаду на сердцѣ, Монфоръ даже отправился провожать епископа. Въ его отсутствіе, альбигойцы сдѣлали яростное нападеніе на непріятельскій лагерь; они проникли до самыхъ палатокъ и зажгли ихъ. Огонь уже началъ распространяться по линіямъ, какъ крики «Монфоръ, Монфоръ»! раздались на той и другой сторонѣ. То былъ онъ самъ, въ желѣзѣ, на огромномъ конѣ, съ тяжелымъ мечемъ, страшно разившемъ на право и на лѣво. Альбигойцы теперь въ свою очередь повернули назадъ и побѣжали въ городъ. Тѣмъ не менѣе осаду надо было возобновить съ прежними ея усиліями и пожертвованіями.

На этотъ разъ Монфоръ собралъ всю неодолимость своихъ физическихъ силъ, всю крѣпость своего закаленнаго характера. Въ окончаніи термейской осады какъ бы сосредоточились и обнаружились всѣ богатыя способности его природы, достойныя иныхъ подвиговъ, лучшей дѣятельности. Настала зима, довольно суровые холода, снѣга и бури;—казалось надо было отступить, но крестоносцы продолжали дрожать на холодѣ и не двигались изъ своихъ просырѣвшихъ палатокъ; Монфоръ не рѣшился ни на одинъ шагъ назадъ, а съ радостью привѣтствовалъ прибытіе лотарингцевъ съ графомъ Баромъ. За то и положеніе осажденныхъ было самое печальное. Дождевая вода, которую они съ жадностью собирали въ бочки и всевозможную посуду, стала портиться и гнить. На ней пекли хлѣбы, готовили пищу и скоро такой изнурительный поносъ распространился между жителями, что никто не могъ узнать себя. «И всѣ они лучше рѣшились бѣжать, чѣмъ умирать въ такомъ положе-

ніи», разсказываетъ современникъ ([155]). Они собрали женщинъ въ центральной башнѣ и, когда настала глубокая ночь, вышли изъ замка, оставляя въ немъ свои сокровища и унося самое дорогое — свои семейства. Это было на 23 ноября 1210 года. Пройти незамѣченными въ такомъ большемъ количествѣ, мимо непріятельскаго лагеря, они не могли. Ихъ открыли,—и тогда, въ ночной темнотѣ, на обрывистой мѣстности, началось побоище. По однимъ извѣстіямъ, всѣ бѣглецы погибли; по другимъ, болѣе достовѣрнымъ, потеря заключалась въ нѣсколькихъ убитыхъ и плѣнныхъ. Раймондъ благополучно миновалъ крестоносцевъ, но ему понадобилось вернуться въ городъ. Онъ вторично выбрался изъ него, но тутъ наткнулся на пилигримма шартрскаго отряда, который нанесъ ему нѣсколько ранъ. Истерзаннаго Раймонда привели къ Монфору. Побѣдитель не смѣялся надъ нимъ, но, въ наказаніе за измѣну, велѣлъ заключить барона въ каркассонскую тюрьму, гдѣ нѣкогда томился и погибъ славный виконтъ безьерскій. Баронъ Терма не долго переносилъ свое уничиженіе. Онъ скоро скончался отъ душевной боли и суровости заключенія ([156]). Монфоръ, въѣхавъ въ городъ, объявилъ прощеніе женщинамъ, вернувшимся изъ бѣгства, и велѣлъ помѣстить ихъ въ безопасное мѣсто.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ паденія Терма было занятіе замковъ Констанса, Абаса, Пюиверта. Несмотря на неудобное время, Монфоръ пошелъ на Альбижуа. Кастръ и Ломберъ покорились добровольно. Въ началѣ декабря 1210 года, Монфоръ уже былъ обладателемъ всего лѣваго берега Тарна.

Такіе успѣхи должны были невольно смутить стараго государя Лангедока. Всякій прибытокъ въ завоеваніяхъ Монфора щемилъ сердце Раймонда тулузскаго; каждый счастливый шагъ Симона на почвѣ лангедокской грозилъ будущему этого несчастнаго государя, попавшаго въ борьбу религіозныхъ и политическихъ интересовъ. Прежде всего Раймондъ,

([155]) Cans. LVII; v. 1291, 1297—98. По lic. poët. авторъ принимаетъ на осаду 9 мѣсяцевъ; v. 1288.

([156]) Chron. prov. 472—473.—P. Cern. c. 42.—Vaissete; V, 157—160.

какъ и всѣ соотечественники его, видѣлъ въ Монфорѣ иноземца, пришедшаго поработить страну тѣмъ французамъ, съ которыми доселѣ она связана была формальными и вассальными отношеніями или точнѣе узами союзничества, даже не дружества. Зимой 1210 года никто не сомнѣвался, что Монфоръ пойдетъ на Тулузу, чтобы прогнать стараго графа и сѣсть на его престолъ. Никто не догадывался, что борьба надолго затянется и что не Монфоръ распутаетъ ея узелъ. Недоставало только юридическихъ причинъ къ сверженію Раймонда, но и онѣ не замедлили явиться. Легаты взяли на себя трудъ доказать Раймонду, что онъ совершенно не на мѣстѣ. Вспомнимъ, что прежнія сдѣлки ихъ съ графомъ не привели ни къ чему. Легаты продолжали говорить, что Раймондъ не исполняетъ условій договора, что милости папской онъ не заслуживаетъ и что отлученіе съ него снято быть не можетъ. Раймондъ въ свою очередь жаловался, что домогательства легатовъ явно своекорыстны, что они имѣютъ цѣлью поставить его въ затруднительное положеніе передъ римскимъ дворомъ, что ему не даютъ оправдаться. Прелаты писали въ Римъ, что графъ тулузскій не исполняетъ постановленій санъ-жилльскаго съѣзда, что онъ по прежнему потворствуетъ ереси.

Тогда Иннокентій написалъ слѣдующую грамоту Раймонду, которому въ душѣ не могъ не сочувствовать. «Неприлично мужу столь высокаго имени, писалъ папа, не исполнять (desistere vel tepere) законныхъ обѣщаній, имъ данныхъ, особенно когда онъ самъ желаетъ, чтобы другіе исполняли тѣ, которыя даны ему. Такъ какъ ты обѣщалъ изгнать изъ земель твоихъ еретиковъ, то мы сильно изумились, узнавши, что они живутъ еще на тѣхъ же мѣстахъ вслѣдствіе нерадѣнія твоего, чтобы не сказать, вслѣдствіе твоего дозволенія. Кромѣ опасности для души твоей, такъ какъ имя твое можетъ сильно пострадать, мы просимъ благородство твое, приказываемъ и увѣщеваемъ симъ апостольскимъ посланіемъ, во что бы то ни стало и безотлагательно изгнать еретиковъ изъ земли твоей, согласно твоему обѣщанію, данному намъ лично. Въ противномъ случаѣ (alloquin), ихъ имущество и земли, по суду праведному, будутъ отданы тѣмъ, кто возметъ на себя трудъ искорененія еретиковъ» (157).

Это было написано въ половинѣ декабря 1210 года.

(157) L. XIII, ep. 188.

Намекъ прямо былъ направленъ на Монфора. До сего времени папа противился узурпаторству французовъ. Онъ наградилъ Монфора виконтствомъ безьерскимъ, и никогда не думалъ отнимать непосредственный доменъ Раймонда VI. Теперь ходъ событій велъ къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ. Замыслы французовъ-крестоносцевъ грозили осуществиться вполнѣ. Но что было дѣлать Раймонду въ такомъ безвыходномъ положеніи? На что рѣшиться? Онъ хотѣлъ пойти на сдѣлку съ Монфоромъ, но это было-бы по меньшей мѣрѣ напрасно. Легаты и другія духовныя власти явно потянули теперь, послѣ папскаго намека, на сторону католическаго воителя. Въ такихъ обстоятельствахъ Раймонда застало, въ январѣ 1211 года, приглашеніе на нарбоннскій съѣздъ. Тутъ присутствовалъ король аррагонскій, Монфоръ и всѣ три легата; былъ также приглашенъ и другой, столь же заподозрѣнный Церковью,—графъ де-Фуа. Цѣлью съѣзда было пріискать средства къ примиренію съ этими вождями національной партіи,—цѣль, въ случаѣ достиженія ея, очень непріятная для французовъ и Монфора. Легаты на этотъ разъ испытали послѣднія средства, зависѣвшія отъ нихъ, высказались послѣднимъ словомъ. Раймонду, за изгнаніе еретиковъ, обѣщали не только ручательство въ сохраненіи всѣхъ его владѣній, но еще сверхъ того прибавку четвертой, или даже третьей части всего завоеваннаго крестоносцами. Это былъ тонкій и искусный подкупъ. Благородный Раймондъ отвергнулъ его и не согласился предать альбигойцевъ изъ-за корысти. Столь же неудачны были попытки легатовъ склонить на свою сторону графа де-Фуа. Король аррагонскій въ этомъ дѣлѣ былъ искреннимъ посредникомъ. Благодаря его стараніямъ, было постановлено утвердить за графомъ де-Фуа его прежнія и нынѣшнія владѣнія, исключая замка Памьера, если только онъ поклянется въ повиновеніи Церкви и въ дружбѣ съ крестоносцами. Но графъ, подобно другу своему Раймонду, не принялъ этихъ условій. Король между тѣмъ клятвенно обязался передъ легатами наблюдать за поведеніемъ графа и, въ случаѣ неповиновенія и возмущенія, сдать легатамъ или Монфору замокъ Фуа въ вассальное владѣніе, такъ какъ онъ, король, считался его верховнымъ сюзереномъ (158).

(158) Mansi. Concilia; XXII, 813; XXII, 886.—P. Cern. c. 43.

Петръ былъ почти вынужденъ къ тому, чувствуя сродство съ лангедокцами; онъ не могъ сочувствовать французскому владычеству въ странѣ. Легаты стали просить его принять присягу графа Симона за Каркассону, которая фактически уже давно считалась за нимъ. Король отказался. Арнольдъ вмѣстѣ съ епископомъ д'Узеса не теряли надежды. Завтра они возобновили свои просьбы; они пали на колѣна предъ королемъ и самымъ унизительнымъ образомъ молили Петра не отказать въ своемъ признаніи новаго владѣнія (159). Отказаться, при такой оригинальной настойчивости, королю было невозможно; онъ далъ свое согласіе и Монфоръ тутъ же присягнулъ ему. Это тяжело стоило ему. Когда засѣданіе было перенесено въ Монпелье, то король почти противъ воли ѣхалъ туда.

Дѣйствительно, ему было въ высшей степени неловко на этихъ засѣданіяхъ. Тамъ, утомляя его просьбами, вынудили его согласіе противъ искренняго убѣжденія; здѣсь, новыя просьбы съ такими цѣлями, что противъ нихъ не могли не вооружиться всѣ его лучшія чувства. Онъ едва могъ выдержать внутреннюю борьбу съ самимъ собою, это мучительное колебаніе, борьбу клятвъ и обязательствъ повиновенія папскимъ легатамъ съ привязанностью къ угнетаемому Лангедоку и Раймонду. Е о просили отдать своего младшаго сына Монфору, съ тѣмъ, чтобы послѣ женить его на дочери графа; у короля отняли трехлѣтняго сына Іакова и отдали его на воспитаніе человѣку, котораго отецъ ненавидѣлъ въ душѣ (160). Но, чтобы показать лангедокской партіи, что его симпатіи къ ней не остыли, что такой поступокъ вызванъ лишь нежеланіемъ разрывать связи съ папою, онъ тутъ же обѣщалъ Раймонду женить его сына на своей сестрѣ доннѣ Санчіѣ, дабы тѣмъ передъ цѣлымъ міромъ скрѣпить узы между двумя государями (161). Этимъ поступкомъ, который черезъ годъ былъ приведенъ въ исполненіе, Петръ протестовалъ противъ церковныхъ претензій на Лангедокъ и по-

(159) **P. Cern. c. 47.**

(160) **Baluzius. Inn. III Ep. II, 766 (acta conc.). — P. Cern. c. 47. — Guil. de Podio Laur. c. 16.**

(161) **Guil. de Podio Laur. c. 18.**

казалъ, каковы будутъ его отношенія къ гонимому графу тулузскому и Риму. Что же касается до Раймонда, то онъ окончательно не могъ выносить всѣхъ мелочныхъ домогательствъ и рѣшительныхъ настояній со стороны легатовъ. Онъ долго отмалчивался; наконецъ согласіе его было вынуждено. На другой день назначено было подписаніе условій и принесеніе присяги. Къ торжеству дѣлались приготовленія, но графа уже не было въ городѣ. Онъ убѣжалъ.

Наивный монахъ думаетъ объяснить это обстоятельство несчастливымъ пророчествомъ: птица пролетѣла на лѣво отъ него, а графъ тулузскій по примѣру саррацинъ, вѣрилъ въ гаданія (162). Въ сущности же, Раймонда повернули такъ, что отвертываться долѣе было нельзя; надо было назваться или католикомъ, или еретикомъ, — а онъ еще не хотѣлъ сказать послѣдняго слова.

Въ его отсутствіе, засѣданія не могли продолжаться въ томъ же Монпелье; надо было дать имъ болѣе торжественную обстановку. Новый соборъ былъ назначенъ въ Арлѣ, въ предѣлахъ собственно Прованса. Легаты прибыли сюда съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покончить съ Раймондомъ. Ему было черезъ вѣстника послано приглашеніе прибыть въ Арль. Онъ не пріѣхалъ, хотя по сіе время считался однимъ изъ крестоносцевъ и всегда имѣлъ свое знамя въ ихъ лагерѣ. Надо замѣтить, что, въ небольшой промежутокъ времени между соборомъ въ Монпельѣ и въ Арлѣ, оба государя успѣли видѣться и переговорить между собою. Они встрѣтились въ Нарбоннѣ; король тогда думалъ уже вернуться домой; бѣглый графъ просилъ его помощи. Они пробыли нѣсколько дней вмѣстѣ въ глубокой грусти и разъѣхались, не придумавъ никакого примирительнаго исхода, — а къ войнѣ Петръ не былъ еще готовъ (163). Король, раз-

(162) **P. Cern. c. 47.**

(163) **«Et lodit rey s'en és tournat en son pays, ben dolen et corrossat de so que lodit son cunhat ly avia dit et contat deldit leguat, et de so que ly volia far». Chron. prov. p. 474. — О Раймондѣ, другой поэтъ тоскуетъ такъ: «corrossos e irat e es sena Tolosa en son pais tornat, on plus pot bat baten». Cans. v. 1341—1343.**

ставшись съ графомъ, печальный, поѣхалъ по дорогѣ въ Аррагонію, когда его застало приглашеніе легата немедленно прибыть въ Арль по важному церковному дѣлу. Онъ повиновался вмѣстѣ съ Раймондомъ. Короля аррагонскаго легаты принудили присутствовать на соборѣ. Духовенство сочло за нужное прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ. И тому и другому государю запрещено было, безъ особаго разрѣшенія, удаляться за черту города. Король Аррагоніи и графъ Тулузы очутились подъ домашнимъ арестомъ. Скоро графъ получилъ ультиматумъ отъ легатовъ и членовъ собора. Ему предлагали войну или миръ; въ противномъ случаѣ безотлагательно требовалось исполнить предложенныя условія, а условія были между прочимъ таковы: 1) графъ тулузскій распуститъ немедленно свои войска, собранныя имъ, и остановитъ тѣ, которыя на походѣ. 2) Онъ отдастъ въ руки аббата Сито и Монфора, въ продолженіе этого года, всѣхъ, кого легаты укажутъ ему, и не будетъ ни чему препятствовать относительно ихъ участи. 3) Всѣ граждане его доменовъ не будутъ отнынѣ носить цѣнныхъ нарядовъ, имъ дозволяются только черные плащи и шляпы. 4) Графъ срoетъ до основанія всѣ укрѣпленія въ своихъ замкахъ. 5) Его вассалы и рыцари будутъ отнынѣ жить въ своихъ деревняхъ, а не въ городахъ. 6) Новыхъ налоговъ и податей не будетъ; останутся только тѣ, которые существовали издревле. 7) Государство облагается податью: каждое семейство платило по четыре тулузскихъ денарія ежегодно легату или его довѣренному. 8) Графу Монфору и его крестоносцамъ будетъ открытъ безпрепятственный доступъ въ тулузское государство, гдѣ всѣ они будутъ содержимы на счетъ жителей. 9) Принявъ всѣ эти условія, графъ Раймондъ отправится за море, въ орденъ госпиталитовъ, рыцарей св. Іоанна іерусалимскаго, и не вернется въ свое государство безъ позволенія легата. 10) Его государство объявляется подъ властію Церкви и всѣ замки синьоріи будутъ возвращены легатомъ и графомъ Монфоромъ тогда, когда они признаютъ то возможнымъ ([164]). Когда призванный капел-

([164]) Chron. prov. 474. Видимо авторъ пользовался не подлиннымъ документомъ; въ его дурно обработанной редакціи 14 условій; нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что или не могли быть

ланъ прочиталъ графу эти условія, Раймондъ разразился смѣхомъ «будто отъ великой радости» и показалъ бумагу своему кузену, королю аррагонскому.—«Вотъ дикія предложенія, которымъ заставляютъ меня повиноваться», говорилъ онъ уже съ негодованіемъ. Пробѣжавъ глазами бумагу, король горько улыбнулся.

— Вамъ прекрасно отплачиваютъ, замѣтилъ донъ Педро.

Долго не думая, Раймондъ рѣшился бѣжать; король одобрилъ это и въ добавокъ самъ согласился сопувствовать ему. Оставивъ у себя хартію, не сказавъ ничего легатамъ, король и графъ, эту же ночь, тайно исчезли изъ города ([165]). Чрезъ Монтабанъ и Муассакъ, Раймондъ безъ оглядки скакалъ въ Тулузу. Теперь легаты считали себя въ правѣ произнести послѣднее слово. Соборъ отлучилъ Раймонда и торжественно объявилъ его отступникомъ и врагомъ Церкви; его владѣнія и имущество объявлялись собственностью каждаго, желающаго ими воспользоваться ([166]). Но соборъ зналъ, что въ силу прежнихъ предписаній Иннокентія, всякія дальнѣйшія мѣры легатовъ относительно Раймонда, должны быть утверждены самимъ папою.

Потому они послали въ Римъ одного аббата съ донесеніемъ о всемъ происшедшемъ въ послѣднее время и о своихъ рѣшеніяхъ. Въ апрѣлѣ 1211 года, Иннокентій отвѣчалъ согласіемъ на мѣру легатовъ въ циркулярахъ къ архіепископу арльскому и всему мѣстному духовенству. «До сихъ поръ, пишетъ папа, мы были убѣждены, что благородный Раймондъ, графъ тулузскій, послѣдуетъ нашимъ увѣщаніямъ и окажетъ Церкви то почтеніе, какое долженъ оказать ей

помѣщены или были гораздо лучше выражены въ подлинномъ договорѣ; XI—непонятно самому Vaissete; V, 163. Это мѣсто въ переводѣ Guizot (Coll. XV, 57): «que le comte fera rendre tout ce que lui sera rentré des revenus de sa terre». Hefele (Conc. V, 755) переводитъ его такъ: von den Gütern des Grafen müsse wieder der Zehnte gegeben werden;—но это очевидно не: «revenels (renovels) fera rendre».—Cansos; LX.—Срв. Mansi; XXII, 815. Harduin. Conciliorum collectio; VI, P. II, p. 1997.

([165]) Cans. LIX.—Chron. prov. 475.

([166]) Baluzius. Inn. Epist. II, 762.

всякій католическій государь. Между тѣмъ, прельщенный духовнымъ совѣтомъ, онъ не только обманулъ наше ожиданіе, но со злобой противился всякимъ предначертаніямъ Церкви и безъ стыда презрѣлъ свои обѣщанія и клятвы. Потому, нашъ почтенный братъ, епископъ Узеса и возлюбленный сынъ аббатъ Сито, легатъ Церкви апостольской, произнесли противъ него отлученіе, согласно совѣту многихъ прелатовъ, вслѣдствіе е о явнаго ослушанія; мы же симъ апостольскимъ посланіемъ приказываемъ вамъ какъ можно успѣшнѣе распространить это рѣшеніе по вашимъ діоцезамъ и неуклонно привести его въ исполненіе, согласно требованіямъ церковнаго устава» ([167]).

Въ тотъ же день, въ Римѣ сдѣланы были распоряженія объ удаленіи архіепископа д'Ока, Бернара де-Лабарта и епископовъ Каркассоны и Родеца. Иннокентій писалъ лично архіепископу о томъ, что дѣйствія его слабы, что теперь епархія его, наводненная еретиками, нуждается не въ такомъ пастырѣ, что теперь, *къ сожалѣнію*, настало время, когда надо напрягать одинаково и свѣтскія и духовныя орудія ([168]). Легатъ Арнольдъ долженъ былъ предложить архіепископу очистить мѣсто и пріискивать другое лицо, болѣе энергичное и дѣятельное ([169]). Епископъ Родеца получилъ такого же рода посланіе; курія ссылалась на его старость, какъ причину недѣятельности. Дѣйствительно, ему было уже за 60 лѣтъ; ему грозили принятіемъ дисциплинарныхъ мѣръ, въ случаѣ его сопротивленія ([170]). Одному изъ мѣстныхъ епископовъ поручено было вмѣстѣ съ легатомъ принять должныя мѣры по этому предмету. Ему же приказано было свергнуть епископа каркассонскаго, на котораго, какъ видно изъ письма, онъ же и доносилъ въ Римъ. Черезъ 8 дней, капитулъ долженъ былъ законно избрать новаго епископа, болѣе полезнаго; всѣ сопротивленія и всякіе возмутители должны караться церковными мѣрами ([171]).

---

(167) **L. XIV, ep. 36 (M. CCXVI, 410); ep. 37, 38,—p. 411.**

(168) **L. XIV, ep. 32.**

(169) **Migne; CCXVI, 409.**

(170) **L. XIV, ep. 33.**

(171) **L. XIV, ep. 34.**

Капитулъ Каркассоны получилъ такую же грамоту съ напоминаніемъ, что онъ долженъ избрать себѣ пастыря по существующимъ узаконеніямъ и каноническимъ обрядамъ, именно такого, который могъ бы вынести не только почести, но и всю тяжесть своего званія ([172]). Изъ всѣхъ этихъ распоряженій Иннокентія видно, что онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ законности, что онъ смѣщалъ епископовъ, какъ не соотвѣтствовавшихъ тогдашнимъ стремленіямъ Церкви, что, считая себя за верховнаго цензора, онъ не дозволялъ себѣ поступать самовластно, предоставляя по всѣмъ юридическимъ формамъ избрать тѣхъ лицъ, которыхъ пожелаютъ на мѣстѣ. Такому примѣру слѣдовали позднѣйшіе первосвященники. Замѣчательно, что если были исполнены предписанія Иннокентія относительно епископовъ, то архіепископъ продолжалъ еще сидѣть на своемъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Въ Римѣ между тѣмъ принимались всѣ необходимыя мѣры, изобрѣтались всѣ комбинаціи къ успѣшному окончанію войны съ тулузскимъ государемъ, войны, теперь неминуемой.

Раймондъ также съ своей стороны не оставался безъ дѣла и не допускалъ накрыть себя въ расплохъ. Онъ не льстился мечтами, хорошо понимая, что теперь у него съ Монфоромъ начнется бой на смерть. Только теперь, зимой 1211 года, ясно очертились интересы и пути противниковъ, только теперь Монфоръ безцеремонно обнажаетъ свою политику и систему. Раймондъ понималъ радость своего врага, которому теперь законно открыта была дорога въ его государство, и въ виду непріятельскаго нашествія тулузскій графъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ подданнымъ своихъ доменовъ. На его зовъ откликнулись прежде всего тулузцы. Тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, онъ велѣлъ особымъ глашатаямъ читать, по всѣмъ рынкамъ и площадямъ своихъ городовъ, грамоту легатовъ. Когда въ Тулузѣ услышали ея позорныя условія, то чувство оскорбленнаго негодованія какъ бы однимъ дуновеніемъ охватило всѣ сословія. И рыцари, и граждане, и простые виланы говорили единогласно, что они лучше согласятся погибнуть или лишиться свободы, чѣмъ такъ страдать и обратиться въ ничто (que mais voldrian estre tuit mort o pres, queli aiso sufrisan ni o fessan

---

(172) **Migne; CCXVI, 410.**

per res). Горожане понимали, что грамота дѣлаетъ всѣхъ ихъ рабами Монфора и католическихъ прелатовъ. Грамоту эту успѣли прочесть во всякой деревнѣ, считавшейся въ зависимости отъ графа тулузскаго, во всякомъ замкѣ, ему подвассальномъ. Католики и еретики соединились въ одномъ патріотическомъ чувствѣ, въ любви къ своей родинѣ. Жители Муассака и Агена объявили, что онѣ скорѣе своею родною рѣкою поплывутъ въ Бордо, чѣмъ признаютъ власть поповъ, или французовъ (ni barrau, ni Franses), и если графу угодно, то они выселятся вмѣстѣ съ нимъ въ другую страну, всюду, куда онъ хочетъ. Въ Монтабанѣ и другихъ городахъ говорили въ томъ же духѣ. Графъ велѣлъ благодарить ихъ за такія чувства (grans merces). Онъ приказалъ изготовить повѣстительныя письма во всѣ концы своего государства на счетъ приготовленій къ войнѣ. Онъ поднималъ Альбижуа и Каркассону противъ Монфора; онъ просилъ помощи у самостоятельныхъ графовъ Беарна, Комминга, де-Фуа, аквитанскихъ синьоровъ, Саварика и Молеона. Всѣ они тогда же предложили ему свои услуги отъ всего сердца ([173]). Католиковъ тулузскихъ въ этомъ общемъ патріотическомъ движеніи занимало одно,—церковное отлученіе. По настоянію властей, оно было снято епископомъ Фулькономъ торжественнымъ образомъ ([174]). Приготовленія Раймонда были кончены къ началу поста, но онъ не хотѣлъ первый приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Такую же дѣятельность обнаруживали и въ лагерѣ. Арнольдъ, понимая, что предстоящая компанія важнѣе всѣхъ прочихъ, заботился объ увеличеніи войска. Онъ послалъ епископовъ вербовать крестоносцевъ во Францію и Германію. Тотъ самый епископъ тулузскій, который только-что снялъ отлученіе съ своихъ согражданъ, прибывъ къ легатамъ, взялъ на себя порученіе проповѣдывать новый походъ во Франціи. Фульконъ былъ типомъ ловкости и изворотливости провансальца. Онъ, умѣя льстить и ладить съ тулузцами, также съумѣлъ заготовить имъ страшныхъ враговъ. Славный между тогдашнимъ рыцарствомъ, епископъ парижскій, прибылъ въ лагерь Монфора ([175]). Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и другіе вельможи, извѣстные своими подвигами, приключеніями, храбростью. То были: Петръ, графъ д'Оксера; Робертъ де-Куртнэ; Адольфъ, графъ Монса; Юлій, графъ Майэнна и Энгерранъ де-Куси, потомокъ знаменитыхъ сеннскихъ бароновъ. Слѣдомъ за имъ отрядами, шли и ѣхали новыя толпы воиновъ и пилигримовъ, блистательные рыцари, бароны, князья и графы, въ парчѣ, золотѣ, камняхъ, но чаще въ желѣзѣ, на высокихъ боевыхъ коняхъ. И главной приманкой, поднявшей это воинство, была проповѣдь Фулькона тулузскаго ([176]). Плоды его измѣны должны были быть ощутительны для тулузцевъ. Между знатными рыцарями появился, наконецъ, хотя не надолго, угрюмый, злой и вѣчно закованный плѣнитель «львинаго сердца»,—Леопольдъ, герцогъ австрійскій ([177]). Весь этотъ блескъ тогдашнихъ военныхъ знаменитостей сосредоточился въ Каркассонѣ почти въ одно время, около первыхъ чиселъ марта. Постъ уже давно начался и въ это время обыкновенно открывались кампаніи на альбигойцевъ, обязательныя для каждаго крестоносца по крайней мѣрѣ на сорокъ дней.

([173]) Cans. LXI,—Chron prov. 475.
([174]) Cans. v. 1434.
([175]) P. Cern. c. 48.

Готовы были на той и на другой сторонѣ; и Раймондъ и Симонъ были вооружены. Но, въ послѣднюю минуту, мечь будто не развертывался въ рукахъ противниковъ. Монфоръ давалъ видъ, что продолжаетъ заниматься прежнимъ усмиреніемъ уже покоренныхъ феодаловъ и уничтоженіемъ ихъ еретиковъ. Начало похода должно было непремѣнно быть толковымъ. Монфоръ собралъ все именитое рыцарство на совѣтъ и предложилъ пока заняться осадой Кабарета. Родственникъ замученнаго виконта безьерскаго, Петръ Рожеръ, по прежнему, неприступно сидѣлъ въ своемъ замкѣ и держалъ въ заключеніи неосторожнаго Букарда де-Марли. Уже 16 мѣсяцевъ томился плѣнникъ въ оковахъ, ожидая освобожденія. Его властелинъ не рѣшался на преступленіе, понимая, что для него содержаніе плѣнника всегда будетъ выгодно. Имѣя его въ своихъ рукахъ, баронъ Кабарета могъ

([176]) Cans. v. 1437—1439.
([177]) Caesarius Heisterbacensis. Illustria miracula; l. V, c. 21.

много выгадать для себя. Теперь, когда Монфоръ принялъ положеніе столь ужасное для мѣстныхъ феодаловъ и когда первою жертвою воздвигнутой имъ бури готовился стать Кабаретъ, вся отвага стараго барона мгновенно пропала. Имъ овладѣлъ невольный испугъ; онъ, при первыхъ слухахъ о появленіи непріятеля, велѣлъ призвать передъ себя плѣнника, рѣшаясь въ душѣ на капитуляцію. Букардъ былъ уже не въ цѣпяхъ, а въ богатой одеждѣ. — «Синьоръ, сказалъ ему баронъ, вамъ предстоитъ получить не только свободу, но даже и самый замокъ мой; вы должны съ своей стороны принять на себя посредничество для заключенія мира между мною и легатами вмѣстѣ съ графомъ Симономъ. Я обѣщаю имъ служить противъ всѣхъ и на всѣхъ и прошу только объ одномъ, сохранить за мной мои домены.» Букардъ согласился на роль примирителя. Баронъ самъ проводилъ его за городъ; его сопровождали пажи и оруженосцы на дорогихъ коняхъ. Прощаясь, онъ обѣщалъ достойно отблагодарить барона по окончаніи войны. Букардъ встрѣтилъ на походѣ армію Монфорову.—«Мадонна оказала намъ величайшую милость (gran proeza e granda cortezia), какой во Франціи никогда не бывало, говорилъ онъ въ порывѣ радости. Но, государь, я долженъ предупредить васъ объ одномъ; я обѣщалъ старому барону, что онъ не потерпитъ никакого вреда, что все будетъ прощено ему, а онъ за это обѣщалъ честью служить вамъ и покориться.» Монфоръ и легаты приняли условія, но только съ тѣмъ, что Петру Рожеру дадутъ какой нибудь другой доменъ. Вѣстникъ поскакалъ въ Кабаретъ увѣдомить обо всемъ легата. Ночлегъ прошелъ весело. На утро главныя силы поворотили на Каркассону, а Монфоръ съ легатами пріѣхалъ въ Кабаретъ, гдѣ и водворилъ свое знамя, занявъ городъ сильнымъ гарнизономъ ([178]). Такимъ образомъ сильный пунктъ достался крестоносцамъ, безъ пролитія капли крови. Примѣру Кабарета, какъ всегда бывало, послѣдовали многіе мелкіе окрестные замки.

Слѣдуя заранѣе составленному плану, походъ на тулузскіе домены долженъ былъ открыться нападеніемъ на

([178]) P. Cern. c. 48, 26.—Cans. LXIV—LXVI.—Chron. prov. 476.

сильную крѣпость Лаворъ. Лаворъ теперь принадлежалъ женщинѣ, знаменитой по всей странѣ, именемъ Жиро. Она была вдовою владѣтеля, вассала виконта безьерскаго, а чрезъ него и графа тулузскаго. Еретическія убѣжденія владѣтельницы Лавора далеко не были тайною. Ея городъ, можетъ быть послѣ Тулузы, былъ самымъ опаснымъ центромъ ереси во всей Европѣ. Недаромъ въ Лаворѣ сбирались соборы; недаромъ здѣсь всегда устраивались дебаты между альбигойскими и католическими богословами. Жиро еще была молода; красота ея, взятая вмѣстѣ съ граціозностію и внѣшней представительностію, обаятельно дѣйствовала на многихъ; добрый характеръ, привлекательное обхожденіе заставляли любить и привязываться къ ней. Но о любовныхъ похожденіяхъ молодой вдовы не было слуховъ. Она въ точности слѣдовала альбигойской нравственности; для того она имѣла много твердости и мужской энергіи характера. Съ общиной баронесса была въ ладу. При ея дворѣ было убѣжище оппозиціи церковной и политической, убѣжище всѣхъ новыхъ гражданскихъ и религіозныхъ идей, выработанныхъ эпохою. Понятно, что много рыцарей, даже католиковъ готовы были служить ей. Она была «цѣломудренной Аспазіей» альбигоизма; судьба опредѣлила ей быть и Армидою крестоваго похода и чистой мученицею ея вѣры. Можно было предсказать, какой отпоръ встрѣтятъ крестоносцы въ этой героинѣ. Графъ тулузскій прислалъ своему вѣрному вассалу искусныхъ въ военномъ дѣлѣ рыцарей, и между прочимъ своего собственнаго сенешала Раймонда де-Рекальда Ограбленный Монфоромъ, бывшій владѣтель Монреаля, храбрый и блистательный Амори, приходившійся братомъ Жиро, начальствовалъ ея войскомъ. Восемьдесятъ рыцарей нетерпѣливо ожидали случая состязаться въ бою и получить благодарность изъ устъ или очей прекрасной и знаменитой дамы.

Тотъ городъ, на который устремлялось теперь крестовое воинство, расположенъ въ пяти лье отъ Тулузы, на среднемъ теченіи неширокаго Агута, который, вытекая изъ возвышенностей Кастра, стремится къ Тарну, чтобы снести воды свои въ Гаронну. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ; крѣпостныя стѣны были толсты; овраги глубоки. Мѣстность была такова, что окружить городъ со всѣхъ сторонъ было затруднительно для арміи Монфора. Главнокомандующій

расположилъ свое войско противъ одной стороны, въ тоже время раздѣливъ его на двѣ половины, изъ которыхъ каждая не могла содѣйствовать другой. Съ своею всегдашнею быстротой, онъ велѣлъ приставить машины, пробить брешь и кинуться на штурмъ. Встрѣча, оказанная непріятелю, была такова, что Монфоръ остановилъ всѣ дальнѣйшія попытки къ штурму; онъ говорилъ, что у осажденныхъ болѣе войска, чѣмъ у него, и сознавался, что и сражаются они не очень храбро. Выморить ихъ голодомъ нельзя было и думать, пока не оцѣпить городъ со всѣхъ сторонъ. Съѣстные припасы привозились осажденнымъ изъ Тулузы, а въ лагерѣ осаждающихъ, при всей дороговизнѣ, чувствовался въ нихъ крайній недостатокъ. Такъ какъ война Раймонду еще не была объявлена, то Монфоръ просилъ его не пособлять осажденнымъ и конечно напрасно. Раймондъ приказывалъ своимъ подданнымъ поступать осторожнѣе. Съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, циркумваллаціонная линія крестоносцевъ начала раздвигаться, а когда чрезъ Агутъ былъ перекинутъ мостъ, то городъ былъ оцѣпленъ и подвозъ припасовъ долженъ былъ прекратиться ([179]). Къ тому же времени, «бѣлое товарищество» католиковъ вышло изъ Тулузы, измѣнило своему родному городу и перешло окольной дорогой въ лагерь Монфора. Скоро, около самыхъ стѣнъ города, показались насыпи съ небольшими деревянными башенками (castella quaedam de lignis) и надъ ними крестовое знамя. Ни что не возбуждало такой ненависти въ альбигойцахъ, какъ видъ креста. Машины лаворцевъ стали успѣшно дѣйствовать по сооруженіямъ непріятеля; кресты были сбиты; на самомъ большомъ Распятіи была отбита рука. Граждане и воины съ своихъ стѣнъ громко поносили предметы, имъ такъ ненавистные. «Они кричали и смѣялись такъ,—говоритъ католическій историкъ,—какъ-бы одержали совершенную побѣду» ([180]). Монфоръ, не достигнувъ цѣли, велѣлъ строить т. н. «catus» (провансальское guate), огромную катапульту, катившуюся на колесахъ. Ее подкатили къ самому рву крѣпости. Изъ нижняго этажа этой машины накидали фашины въ ровъ до верху и думали такимъ путемъ взобраться на стѣны. Но крестоносцы не знали, что ровъ подкопанъ. Подземными ходами проникли лаворцы до оврага и снизу обрушили фашины. Ихъ охотники, изъ своей засады, крюками стали вылавливать смѣльчаковъ, которые продолжали работать въ оврагѣ. Въ слѣдующую ночь, они, тѣмъ же подземнымъ путемъ, добрались до самой фашины, думая зажечь ее; у нихъ съ собой были пенька, жиръ, и другія легко воспламеняющіяся вещества. Два нѣмецкихъ графа на этотъ разъ дежурили около машины; они велѣли трубить тревогу. Пока крикъ: «къ оружію» оглашалъ воздухъ, и пока прошла паника въ крестовомъ лагерѣ, лаворцы захватили обоихъ графовъ и много другихъ нѣмцевъ, храбро защищавшихся и увлекли ихъ плѣнными. Много крестоносцевъ было переранено и убито этой продѣлкой лаворцевъ.

([179]) Cans. LXVIII.—P. Cern. c. 49, 50.—Guil. de Pod. Laur. c. 16.

([180]) P. Cern. c. 52.—По Chron. prov. (p. 476) осада продолжалась 6 мѣсяцевъ.

Тогда и крестоносцы, послѣ всѣхъ неудачъ и пораженій своихъ, захотѣли отличиться хитростью. Кстати замѣтить, что они приписывали своей простой выдумкѣ много ума и соображенія ([181]), тогда какъ къ ней надо было уже давно прибѣгнуть. Они догадались засыпать ходъ и заминировать его сухимъ и зажигательнымъ матеріаломъ, какъ саломъ, пенькой, жиромъ, дерномъ и бревнами, которые не такъ легко было сдвинуть, какъ простые фашины. Они наложили все это снаружи и удушливый дымъ распространился въ подкопѣ; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался недоступнымъ. Пользуясь тѣмъ временемъ, Монфоръ велѣлъ всѣмъ работать надъ фашиновкой оврага. Засыпавъ его почти сполна, крестоносцы подкатили по твердому грунту машину къ самой стѣнѣ; напрасно съ стѣнъ кидали камни, колья, наконецъ зажигательные снаряды,—рыцари и воины, сидѣвшіе въ башнѣ, не отступали ни на одинъ шагъ. Назначенъ былъ штурмъ. Духовенство всѣмъ хоромъ запѣло «Veni creator Spiritus»—и подъ эти звуки крестоносцы пошли на штурмъ. Брешь, отъ усиленной пальбы послѣдней ночи, бы-

([181]) «Sed dum nostri ita turbarentur, quidam ex eis subtilius excogitantes, adversus hostium insidias utile remedium invenerunt». P. Cern. p. 608.

ла довольно велика. Непріятель проникъ черезъ нее и городъ былъ взятъ, въ праздникъ св. Креста, какъ-бы въ ознаменованіе того, что еретики такъ позорили изображеніе креста. Всѣ 80 альбигойскихъ рыцарей, вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Амори, безъ дальнѣйшаго соображенія, были присуждены къ повѣшенію. Наскоро приготовили за городомъ висѣлицу; крестоносному воинству хотѣлось скорѣе насладиться кровью. Первымъ подвели Амори. Когда его вздернули, столбы висѣлицы, неплотно вбитые, закачались и рухнули. Тогда Монфоръ велѣлъ перебить всѣхъ осужденныхъ. Пилигримы и крестоносцы съ радостью дикарей спѣшили исполнить порученіе. Началось ужасное побоище....

Мученически погибли геройскіе защитники Лавора.

Но это было только началомъ варварскихъ распоряженій Монфора. Владѣтельницу города, эту прелестную даму «Жиро», онъ велѣлъ побить каменьями ([182]). «Наконецъ, лаконически восклицаетъ одинъ изъ побѣдителей, наши крестоносцы съ превеликою радостью сожгли безчисленное множество еретиковъ.» Эта выходка свидѣтельствуетъ о всей силѣ религіозной идеи надъ человѣкомъ, доводящей его до забвенія самыхъ обыкновенныхъ понятій; она же показываетъ, въ какія условія къ католической Церкви была поставлена новая религія, объясняетъ характеръ и губительную для человѣчества безъисходность крестовой войны.

([182]) «Dominam etiam castri quae erat soror Aymerici et haeretica pessima, in puteum projectam, comes lapidibus obrui fecit; innumerabiles etiam haereticos, peregrini nostri cum ingenti gaudio combusserunt». p. 609.—Et faict tout so dessus, a faict prendre ladita dama d'eldit Lavaur, que dessus és dita et dins un pots touta viva la faicta davalar; et quand és estada al fond d'eldit pots, a ly faict gectar tant de calhaus dessus, que touta la ne ha couverta, et faicta mourir de mala mort dins lodit pots (онъ велѣлъ взять даму Лавора и поставить ее живою въ колодезъ; и когда она стала на дно колодеза, то на нее накидали столько камней, что совершенно закрыли ее и такъ заставили ее умереть позорной смертью). Et quand tout so dessus és estat faict et touts los que eran dins lodit Lavaur tuats et murtrits, que *ung sol no ny an laissat per senhal en vida* (?)», etc. Chron. prov. p. 478.

До конца міра станутъ говорить о казняхъ лаворскихъ, предсказалъ поэтъ провансальскій ([183]). Тутъ сожжено было, по крайней мѣрѣ, 100 человѣкъ ([184]). Имъ предложили жизнь на условіяхъ возвращенія въ католичество, но они были люди, не мѣнявшіе убѣжденій. Они съ радостью бросились въ огонь ([185]). Сколько погибло, кромѣ того, мужчинъ, женщинъ, дѣтей на улицахъ города, во время и послѣ штурма, нельзя опредѣлить приблизительно. Крестоносцы рѣзали съ наслажденіемъ. Между ними мало было истинныхъ рыцарей. Какъ исключеніе, записанъ одинъ примѣръ, весьма замѣчательный при тѣхъ обстоятельствахъ. Куртуазія не забывалась средневѣковымъ рыцарствомъ даже въ минуты самыя ужасныя. Во время кровопролитія, одновременно начавшагося на всѣхъ пунктахъ, какой-то рыцарь (ung noble home) явился къ Монфору и сказалъ ему, что имѣетъ поручить его попеченію женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ онъ спасъ въ разныхъ мѣстахъ. Графъ предоставилъ распорядиться рыцарю съ своей добычей по его желанію (a son plaser et voluntat). Онъ и рыцарь велѣли особой стражѣ охранять жизнь женщинъ; подъ страхомъ смерти, стража должна была наблюдать, чтобы плѣнницамъ не было сдѣлано ни малѣйшаго оскорбленія. Приказаніе было въ точности исполнено (so que fouc faict). По окончаніи побоища, рыцарь навѣстилъ своихъ дамъ и предоставилъ имъ идти куда угодно,—«это было съ его стороны дѣломъ истиннаго благородства и куртуазіи» (que fouc una grand noblessa et cortesia faicta), замѣчаетъ провансальскій историкъ ([186]). Тѣмъ болѣе выдавался такой поступокъ, рядомъ

([183]) Lai doncas fo laor faita aitant grans mortaldat
Quentro la fin del mon cug quen sia parlat.
Cans. v. 1566—67.

([184]) Cans. v 1556, 1620. Praecl. Franc. facin. a. 1211.

([185]) Robertus Altissidorensis seu Malchetius. Chronologia; a. 1211.

([186]) Chron. prov. 477. Куртуазія крестоносцевъ проявляется въ словахъ даже непріязненнаго имъ историка,... «lor comandan sus pena de la mort, que a vielha ne à jove ne serquen deshonor aucuna; mais los gardassen ben et honestamen de tout mal et domatge».

съ рѣзней и грабежемъ. Весь городъ былъ разрушенъ. Въ немъ не было ничего, чтобы не перерыли крестоносцы (sans laissar res). Огромныя богатства этого торговаго города (granda riche) достались Монфору. Говорили, что всѣ они перешли въ руки его банкира, купца кагорскаго, Раймонда де-Сальваньяка, котораго онъ послѣ сдѣлалъ барономъ (187). Это было вознагражденіе за небольшія суммы, занятыя Монфоромъ. Лаворъ оплачивалъ вождя католиковъ. Никакой городъ, послѣ Безьера, не вынесъ на себѣ столько свирѣпости католической; нигдѣ въ эту войну не было пролито столько крови. Особая причина поджигала ярость крестоносцевъ при побоищахъ и разграбленіи Лавора; въ ней виновны были сами альбигойцы. Для объясненія этого, мы должны разсказать событіе, которое случилось нѣсколько ранѣе и которое послужило однимъ изъ поводовъ страшной мести, обрушившейся на Лаворъ.

Во время осады, когда значительно ослабѣли силы и средства крестоносцевъ, шелъ на помощь къ нимъ пятитысячный нѣмецкій отрядъ. Уже онъ былъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Лавора. Эти крестоносцы миновали Пюи-Ларанъ и расположились ночевать въ замкѣ Монжуа, нисколько не подозрѣвая, что по близости сторожитъ ихъ сильный отрядъ графа де-Фуа. Во всемъ Лангедокѣ не было человѣка болѣе ненавистнаго для крестоносцевъ. Онъ чистосердечно платилъ имъ тою же ненавистью. Онъ говорилъ, что для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ убить крестоносца. Онъ раззорялъ и жегъ монастыри и храмы. Безконечны были его преступленія; злодѣйства его противъ Церкви превышали всякую мѣру, — говорили католики. Онъ съумѣлъ овладѣть замкомъ Памьеромъ, который недавно былъ покоренъ Монфоромъ (188). Теперь, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и Жеромъ де-Пепье, графъ де-Фуа расположился въ засадѣ, намѣреваясь перебить нѣмецкихъ гостей. Его планъ удался вполнѣ (189). Большая часть крестоносцевъ была перерѣзана, по крайней мѣрѣ до 1500 человѣкъ. Въ тѣснотѣ и паническомъ смятеніи, воины Фуа произвели побоище. Пощады не оказывалось и, при всемъ томъ, они много плѣнниковъ повели за собою въ Тулузу. По преувеличенному провансальскому показанію, изъ всей массы нѣмцевъ прорвался только одинъ, который привезъ ужасную новость въ лагерь подъ Лаворомъ. Окрестные крестьяне добивали раненыхъ (190). Монфоръ съ главными силами кинулся въ Монжуа, но и слѣдъ провансальцевъ простылъ. Монфоръ могъ видѣть множество мертвыхъ и умирающихъ, кучами покрывавшихъ окрестные луга. Онъ велѣлъ собрать раненыхъ и отвести ихъ въ свой лагерь, а самъ—безсильный что нибудь сдѣлать, хотя при немъ было 14000 человѣкъ, —остался на нѣсколько дней хоронить мертвыхъ. Въ его душѣ, съ той минуты, затаился страшный планъ мести альбигойцамъ Лавора. Рѣзня лаворская была отплатой за Монжуа.

(187) Chron. prov. 478.—Cans. v. 1634—39.

(188) P. Cern. c. 46.

(189) Chron. prov. 477.—P. Cern. c. 50.—Cans. LXIX—LXX.

Паденіе Лавора было сигналомъ послѣдовательнаго паденія другихъ сосѣднихъ городовъ, менѣе сильныхъ, а именно Пюи-Лорана, владѣтель котораго добровольно покинулъ свой замокъ и бѣжалъ въ Тулузу (191), а послѣ того, Рабастена, Галвака, Монтагу, Латгарда, Пюисельза, Санъ-Антонина и Санъ-Марселя. Вся альбійская страна теперь была приведена къ повиновенію, благодаря своему епископу, который былъ помощникомъ Симона и дѣйствовалъ съ нимъ за одно (192). Теперь Монфоръ сталъ явно дѣйствовать противъ графа тулузскаго, хотя войны еще объявлено не было. Разрушивъ до основанія замокъ Монжуа, навѣвавшій непріятныя воспоминанія на крестоносцевъ, Монфоръ двинулся на городъ Кассеръ, находившійся въ прямой зависимости отъ графа тулузскаго. Раймондъ выступилъ на помощь, но дошелъ только до Кастельнодарри. Узнавъ о силахъ Монфора и не рѣшаясь на столкновеніе, онъ зажегъ этотъ замокъ и оставилъ Кассеръ на произволъ. Гарнизонъ капитулировалъ на условіяхъ свободнаго отступленія и выдачи всѣхъ еретиковъ. Монфоръ пошелъ въ городъ для като-

(190) Cans. v. 1590, 1597. Въ обоихъ мѣстахъ говорится про «vilan della terra», принимавшихъ участіе въ битвѣ,—что очень важно.

(191) P. Cern. c. 53.

(192) Chron. prov. 479.—Cans. LXXV.

лическаго увѣщанія, но все было отвергнуто и 60 совершенныхъ было сожжено съ тою-же превеликою радостію (cum ingenti gaudio), какая обнаружилась въ Лаворѣ ([193]). Потомъ Монфоръ двинулся на замокъ Монферранъ, гдѣ сидѣлъ братъ графа тулузскаго, Балдуинъ, человѣкъ отважный и смѣлый, «одинъ стоившій Роландовъ и Оливье», способный къ широкой дѣятельности, но не имѣвшій средствъ достигнуть ея ([194]). Замокъ былъ не изъ особенно крѣпкихъ. Но у Монфора уже не было славныхъ сотрудниковъ; его армія значительно уменьшилась. Знаменитые воители, какъ епископъ парижскій, баронъ Куси, Робертъ Куртенэ и другіе оставили его. Но у него было еще тысячъ до десяти войска ([195]); съ нимъ онъ подступилъ къ замку. Храбрецы, въ родѣ виконта Монклара, Перигора и подобныхъ имъ,—засѣли въ замкѣ; такихъ было 14 человѣкъ. Гарнизонъ былъ довольно значителенъ и Балдуинъ съумѣлъ бы больше продержаться, если бы только крѣпость была надежнѣе. Орудія и машины крестоносцевъ не испугали рыцарей, которые скоро успѣли поломать многія изъ нихъ и разрушить труды непріятеля. Убѣдившись тогда, что отвагу осажденныхъ можно одолѣть только или терпѣніемъ, или хитростію, Монфоръ остановился на послѣдней мысли. Онъ послалъ сказать Балдуину, что хочетъ переговорить съ нимъ, и на рыцарское слово просилъ его пріѣхать въ свой лагерь, имѣя сообщить ему много важнаго. Балдуинъ согласился и только съ однимъ спутникомъ отправился прямо въ ставку Монфора. Симонъ принялъ его почтительно и со всѣми знаками уваженія. Онъ началъ говорить о храбрости Балдуина и его сподвижниковъ и перешелъ къ тому стѣсненному положенію, въ которое его повергаетъ братъ, забывшій о немъ и оставившій его, какъ на острову, среди войскъ непріятеля. Онъ прибавилъ, что, какъ рыцарь, сочувствуетъ ему и желаетъ помочь. Онъ предлагалъ ему въ полное владѣніе за-

([193]) P. Cern. c. 53.—Guil. de Pod. Laur. c. 18.—Praecl. Franc. facin. a. 1211.

([194]) Cans. v. 1642 44.

([195]) По Chron. prov. (p. 478) войска у Монфора насчитывается 14 тысячъ, но основный источникъ этого автора, Cansos (v. 1667), полагаетъ только 10 тысячъ.

мокъ съ окрестною страной, требуя только полнаго нейтралитета. Онъ такъ разстрогалъ Балдуина своимъ видимо искреннимъ участіемъ, что тотъ далъ ему слово впредь ни въ какомъ случаѣ ни воевать съ нимъ, ни помогать его врагамъ ([196]). По другому извѣстію, онъ далъ ему обѣщаніе помогать во всякое время и противъ всѣхъ ([197]). Болѣе того: будто очарованный Монфоромъ, онъ взялъ на себя трудъ—опять склонить Раймонда на сторону крестоносцевъ. Заключивъ договоръ съ Монфоромъ, Балдуинъ дѣйствительно поѣхалъ къ брату съ монферратской свитой и пересказалъ ему обо всемъ происходившемъ. Какъ только Раймондъ услышалъ изъ устъ брата всѣ эти подробности, то пришелъ въ такое негодованіе, будто потерялъ все свое государство,—такъ это огорчило и изумило его ([198]). Онъ сказалъ Балдуину и его свитѣ, чтобы они убирались съ его глазъ (que s'en anassen ou vouldrian) и прибавилъ брату, что отнынѣ онъ его недругъ, такъ какъ заключилъ союзъ съ его непримиримыми врагами и, что ужаснѣе всего, принесъ клятву въ вѣрности тому человѣку, который беззаконно началъ съ нимъ войну. Балдуинъ уѣхалъ. Долго послѣ этой сцены никто не смѣлъ показываться на глаза Раймонду; такъ былъ онъ страшенъ и печаленъ. Единственная надежда его, родной братъ измѣнилъ ему. Но онъ не отступилъ въ эту рѣшительную минуту. Когда Балдуинъ постыдно присягалъ Монфору и изъ слуги діявола дѣлался слугою Христовымъ ([199]), Раймондъ взывалъ къ своему народу.

Противники дождались наконецъ открытаго боя. Монфоръ становился нападающей стороной. Причиною объявленія войны графу тулузскому, онъ выставлялъ вмѣшатель-

([196]) Chron. prov. 478. Авторъ темно говоритъ о переговорахъ, къ которымъ будто прибѣгалъ Раймондъ. О томъ же говорится въ письмѣ тулузцевъ къ королю аррагонскому (Guizot; XIV, 378), но послѣднее, какъ увидимъ, написано съ извѣстною цѣлью.

([197]) P. Cern. c. 54.

([198]) «Es estat tant corrossat, que si aguessa perduda touta sa terra no ne fora estat tant morrit et corrossat». Chron. prov. 479.

([199]) P. Cern. c. 54.

ство послѣдняго въ лаворскую осаду. Говорили, что въ городѣ нашли вспомогательный отрядъ, посланный тулузскимъ графомъ ([200]). Всѣ знали, что Раймондъ запретилъ давать присягу осажденнымъ. Но главный поводъ заключался въ томъ, что Раймондъ былъ отлученъ легатами и что надъ нимъ—Монфору, съ французами и нѣмцами, надлежало «исполнить месть Божію».

Формальнаго вызова и теперь не было. Крестоносцы шли прямо на Тулузу потому, что теперь иначе имъ некуда было идти.

Всему Лангедоку не могло не казаться, что это движеніе будетъ роковымъ во всей исторіи альбигойскихъ войнъ.

([200]) Capto castro Vauri, cum venissent nostri in castrum, homines comitis Tolosani attendentes etiam etc. P. Cern. p. 610. Срв. с. 50, 53.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

(ТОРЖЕСТВО МОНФОРА).

Ходъ альбигойской войны отъ первой осады тулузской до подчиненія Лангедока и Тулузы Симону Монфору.—Памьерскія постановленія. Дипломатическія сношенія. Посредничество Аррагоніи.—Императорскій престолъ. Великая Хартія. Битва подъ Бовинымъ. — Четвертый латеранскій соборъ. Смерть Иннокентія III.—Заключеніе.

IV.

Тулуза была давно предметомъ существенныхъ помысловъ крестоносцевъ. Она привлекала къ себѣ своимъ богатствомъ, стратегическимъ положеніемъ, а главное—значеніемъ центра провансальской ереси. Столица Лангедока была союзницею альбигойцевъ. Искоренить ересь нельзя было, не поколебавъ ея столпа. Можно было разрушить еще сотню замковъ и городовъ, но не нанести такого удара ереси, какое наносила ей одна сдача Тулузы. Это событіе было-бы сигналомъ сокрушенія ереси во всей Европѣ. Всѣ средневѣковые протестанты Запада обращали свои взоры къ этой царственной общинѣ. Подчиненіе ея и само по себѣ удовлетворяло всѣ замыслы Монфора. Оно дѣлало его повелителемъ Лангедока. Его французамъ предстояло здѣсь получить окончательное торжество надъ провансальской расой. Множеству пестрыхъ крестоносцевъ Тулуза обѣщала деньги, богатства, удовольствія и спокойный пріютъ. Фанатическимъ монахамъ она сулила наслажденіе костровъ; по ихъ убѣжденію, лишь пепелъ самыхъ опасныхъ коноводовъ нечестиваго ученія могъ доставить имъ спокойствіе за будущее католицизма. Легатамъ взятіе Тулузы возвѣщало окончаніе ихъ трудовъ, долгую славу и неисчерпаемое вознагражденіе въ той теократической монархіи, которая должна была основаться на развалинахъ блестящаго, веселаго и свободнаго царства Раймондовъ.

Такими мыслями были одушевлены разнообразные элементы крестоносной арміи, когда она шла осаждать Тулузу.

А столицу тогда охватилъ самый искренній энтузіазмъ. Религіозныя и политическія страсти всплыли наружу и смѣ-

шались между собой. Въ самомъ дѣлѣ, кто не понималъ, что Монфору столько же, если не болѣе, желательно сдѣлаться государемъ Тулузы, сколько искоренить ересь. Республиканскій интересъ могъ явно пострадать, если такой честолюбивый и деспотическій государь сядетъ на престолѣ тулузскихъ графовъ. Никакая изъ сѣверныхъ центральныхъ французскихъ общинъ, которымъ естественно было сочувствовать тулузской, не пожелала бы видѣть въ стѣнахъ своихъ Монфора и его рыцарей и не пожелала бы того Тулузѣ. За республиканскимъ принципомъ въ столицѣ укрывался религіозный. Призывая сограждан защищать знамя свободы, многочисленная альбигойская партія видѣла въ томъ спасеніе своей вѣры. Она успѣла уже показать свою силу, изгнавъ изъ города католическаго епископа, явно тяготѣвшаго къ крестоносцамъ. Фульконъ былъ злымъ геніемъ Тулузы. Если онъ не переставалъ дѣйствовать противъ альбигойцевъ, то это было, конечно, его долгомъ, какъ католическаго пастыря; но этотъ, нѣкогда веселый трубадуръ, сталъ фанатикомъ и другомъ крестоносцевъ, когда надѣлъ рясу монаха. У него продолжали выходить постоянныя столкновенія съ Раймондомъ, отлученнымъ Церковью, дѣлавшимъ всѣ приготовленія къ оборонѣ города и теперь явно поддерживавшимъ еретиковъ. Понятно, что епископъ сталъ безпокоиться за свою личную безопасность, когда увидѣлъ, что альбигойское вѣроисповѣданіе восторжествовало, что еретики появляются на всѣхъ городскихъ должностяхъ, что католичество здѣсь скоро станутъ преслѣдовать. Фульконъ чувствовалъ, что онъ виноватъ передъ городомъ. На страстной недѣлѣ великаго поста (1211 г.), въ то время, когда Монфоръ стоялъ еще подъ Лаворомъ, епископъ объявилъ, что не можетъ приступить къ католическому праздничному богослуженію въ томъ городѣ, гдѣ находится отлученный, заражающій своимъ присутствіемъ всякое мѣсто, на которое вступитъ. Онъ просилъ Раймонда на время Пасхи удалиться за городъ. Графъ прогналъ посланнаго и отвѣчалъ, что епископъ можетъ сдѣлать такую прогулку самъ и прибавилъ притомъ, что еще лучше онъ поступитъ, если навсегда оставитъ Тулузу. Епископъ объявилъ тогда, что готовъ перенести всѣ гоненія за вѣру, что готовъ даже умереть за нее, что безоружный отдастся онъ палачамъ Раймонда и мести еретиковъ,—однако поторопился уѣхать [1]. Онъ направился прямо къ Монфору и въ лагерѣ крестоносцевъ оказался столь же хорошимъ воиномъ, сколько счастливымъ проповѣдникомъ и дипломатомъ. Мы замѣчали уже, что немало новыхъ крестоносцевъ онъ заготовилъ Монфору въ то самое время, когда изъ Тулузы по его слѣдамъ выступило и все католическое духовенство. По одному свидѣтельству, самъ епископъ, видя, въ какое положеніе были поставлены въ столицѣ его подчиненные, приказалъ всему духовенству соборомъ выдти изъ города [2]. Босые, неся св. Дары на головѣ, длинной пеленой, священники и монахи вышли изъ воротъ Тулузы, направляясь подъ защиту крестоносцевъ.

Здѣсь, разрушеніе Тулузы было уже рѣшеннымъ дѣломъ. То совѣтовали и новые рыцари, французскіе и нѣмецкіе, которые съ разныхъ сторонъ стекались тогда подъ знамена Монфора [3]. Между ними особенно отличались графы Бара, отецъ и сынъ, съ графомъ Шалона. Тибо де-Баръ особенно настаивалъ на скорѣйшемъ движеніи къ Тулузѣ. Подъ Монтобаномъ его отрядъ соединился съ арміею Монфора—и великолѣпная столица Юга была въ нѣсколькихъ переходахъ. Неожиданно, передъ самымъ выступленіемъ, въ лагерь прибыло посольство отъ гражданъ тулузскихъ. Многіе въ рядахъ крестоносцевъ боялись, что этими переговорами вырвутъ у нихъ добычу, что легаты остановятся въ виду рѣшительнаго удара и удовольствуются нѣкоторыми уступками. Но опасаться снисходительности легатовъ было излишне; думать, что тулузская депутація привезла предложенія рѣшительныя, было также ошибочно. Цѣлью посольства было выиграть время; это обнаружилось изъ общихъ выраженій, съ которыми оно обратилось къ легатамъ. Епископъ Фульконъ, Монфоръ съ вождями арміи—присутствовали при аудіенціи. Послы старались доказать, что вторженіе крестоносцевъ въ тулузскіе предѣлы несправедливо и беззаконно, что съ своей стороны городъ сдѣлалъ все, чтобы отстранить отъ себя ужасы войны, что

---

(1) P. Cern. c. 51.
(2) id. c. 54.
(3) Guil. de Pod. Laur. c. 18.

онъ присягнулъ по требованію легатовъ и далъ заложниковъ. Легаты отвѣчали, что главная причина похода въ томъ, что тулузцы продолжаютъ держаться Раймонда, ослушника и еретика, что если они откажутся отъ него и возьмутъ въ государи того, кого имъ укажетъ Церковь, то поводъ къ войнѣ устранится; иначе на всѣхъ тулузцевъ безъ исключенія будутъ смотрѣть, какъ на таковыхъ же еретиковъ ([4]). Напрасно прибавлять, что такое предложеніе съ достоинствомъ было отвергнуто. Посольство достигнуло своей цѣли уже тѣмъ, что дало время Раймонду придвинуться съ большимъ отрядомъ къ мѣсту расположенія непріятеля.

Крестоносцы снимались съ позиціи. Они начали переправу черезъ Леръ. Вѣстники полетѣли сообщить о томъ Раймонду. Онъ стоялъ съ 600 рыцарей; съ нимъ были графы де-Фуа и Комминга. Когда непріятель показался въ виду крестоносцевъ, то послѣдніе, не рѣшаясь прорываться, стали отыскивать брода въ другомъ мѣстѣ. Они наткнулись на мостъ и частію по немъ, а частію вплавь стали переходить на берегъ. Раймондъ успѣлъ встрѣтить ихъ, но былъ опрокинутъ послѣ кровопролитной схватки. До 200 рыцарей съ той и другой стороны не стало. По богатымъ пашнямъ, виноградникамъ и садамъ, окружавшимъ Тулузу, Монфоръ тѣснилъ Раймонда до самыхъ стѣнъ города. Нѣсколько десятковъ виланowъ, спасавшихъ свои имущества, погибло при напорѣ арміи ([5]). Крестоносцы, не разбирая, рубили все, что попадало подъ руки. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ окрестныя богатства были уничтожены огнемъ и копытомъ; благоустроенный садъ обратился въ пустыню.

Когда передъ взорами Монфора развернулся живописный видъ огромнаго города, то онъ тотчасъ же понялъ, что обложить его со всѣхъ сторонъ онъ будетъ не въ состояніи. Скоро онъ на опытѣ убѣдился, что и долгой осадой и штурмомъ взять Тулузу одинаково затруднительно, что Тулуза не подходитъ къ категоріи тѣхъ замковъ, обирать которые вошло въ привычку Монфора. Предметомъ своихъ операцій онъ сдѣлалъ одинъ пунктъ — укрѣпленное предмѣстье св. Сернина. Безпрерывно орудія его громили камнями двое воротъ, которые вели въ него. Осажденные же, чтобы показать Монфору, какъ они равнодушны къ его пальбѣ, день и ночь оставляли ворота отворенными. Монфоръ приказалъ штурмъ; но встрѣтилъ такое стойкое и блестящее сопротивленіе, что велѣлъ отступить. Раймондъ въ отвѣтъ сдѣлалъ вылазку. До глубокой ночи продолжалось горячее дѣло. Графы тулузскій и де-Фуа блистали впереди боя. Сраженіе было безпощадное; столько же было убитыхъ, сколько и раненыхъ. Послѣ такого пораженія упалъ духъ въ крестовомъ лагерѣ; къ тому присоединились утомленіе отъ жаровъ и недостатокъ въ водѣ. Раймондъ готовилъ между тѣмъ вторую генеральную вылазку. Сенешалъ д'Аженуа, Генрихъ д'Альфаръ, кинулся на главный отрядъ Монфора, а графъ де-Фуа на войска Бара. Смятеніе распространилось по непріятельскому лагерю. Крики «Тулуза, Фуа»! смутили ихъ. Разсѣянныя войска едва успѣли спастись. Съ богатой добычей, множествомъ плѣнниковъ вернулись храбрые горожане, предводимые альбигойскими рыцарями за свои стѣны. На третій день, Монфоръ, передъ разсвѣтомъ, съ досадой, доходившей до бѣшенства, покидалъ лагерь, не успѣвъ забрать даже всѣхъ раненыхъ ([6]). Есть извѣстіе, что его сотрудники въ тулузской осадѣ, столько же какъ и онъ, опечаленные неудачей, при отступленіи напоминали ему о незаконности войны и совѣтовали заключить миръ съ тремя сильными феодалами Юга, но что епископъ Фульконъ былъ главною причиною неосуществленія этой мысли ([7]). Оставленный многими крестоносцами, Монфоръ пошелъ на землю графа де-Фуа, рьянаго друга Раймонда. Не съ большимъ недѣлю продолжалось это опустошеніе, а между тѣмъ оно оставило по себѣ много слѣдовъ. Монфоръ успѣлъ занять Готривъ, Памьеръ и кинулся на

([4]) Chron. prov. p. 479.—Lettre des hab. de Toulouse. (Guizot; XIV, 379).

([5]) Cansos; LXXVII, LXXVIII.

([6]) Chron. prov. p. 480.—Cans. LXXIX—LXXXIV; подробности были сообщены автору доном-Изарномъ, пріоромъ изъ Мюрета (v. 1887).—Срв. P. Cern. c. 55.—Guil. de Pod. c. 18.—Praecl. Franc. fac. a. 1211.

([7]) Содержаніе такого указанія объясняется глубокой ненавистью провансальцевъ (Chron. prov. 481) къ тулузскому измѣннику Фулькону.

столицу графовъ Фуа. Но штурмъ крѣпости не удался, хотя предмѣстья были заняты и сожжены до тла (burgum Fuxi totum combussit). Окрестности города опустошены; виноградники и плодовыя деревья порублены съ корнемъ. Въ это время, его гарнизонъ въ готривской крѣпости былъ запертъ окрестными альбигойскими бандами, которыя у католиковъ называются разбойничьими (ruptarii); жители сговорились тайно впустить своихъ друзей и уничтожить крестоносцевъ, но не успѣли. Гарнизонъ, лишенный всякихъ припасовъ, не могъ выдержать сколько нибудь продолжительной осады. Альбигойцы же торопились занять городъ и согласились отпустить гарнизонъ съ сохраненіемъ жизни; условіе было въ точности исполнено; вреда не было сдѣлано никому. Монфоръ, тѣмъ не менѣе, по возвращеніи, жестоко наказалъ городъ; Готривъ былъ обращенъ въ пепелъ ([8]). Устроивъ въ Памьерѣ свой операціонный временный пунктъ, графъ Симонъ предпринялъ походъ въ Керси. Эта область, какъ знаемъ, считалась подвассальной тулузскимъ графамъ; въ ней не было почти ничего провансальскаго; она имѣла видъ земли чисто французской, и, тяготѣя къ Монфору, вѣроятно, съ удовольствіемъ желала видѣть его своимъ государемъ на мѣсто Раймонда. Съ этою цѣлью епископъ и знатное дворянство отправили къ Симону депутацію. Подлиннаго расположенія горожанъ и народа къ владычеству Монфора не знали, но полагали, что крестоносцамъ предстоитъ прогулка, а не походъ. Графъ Баръ отказался сопутствовать Монфору и уѣхалъ домой; нѣмецкое же рыцарство не оставило Монфора. Легатъ Арнольдъ шелъ другой дорогой къ Роквемадуру, не увлекаясь династическимъ интересомъ Монфора; онъ имѣлъ въ мысляхъ только однихъ еретиковъ, розыскивая ихъ повсюду. Ему сопутствовали крестоносцы, самые фанатичные. Онъ зналъ, что въ Кассерѣ много «совершенныхъ» еретиковъ и потому кинулся на замокъ, взялъ его и къ великому удовольствію своихъ монаховъ и воиновъ, сжегъ 80 заклятыхъ альбигойцевъ ([9]). Самый городъ Кассеръ былъ опустошенъ до того, что ничего въ немъ не осталось (sans y laissar rés que fossa). Совершивъ такой

([8]) P. Cern. c. 55.

([9]) Chron. prov. 481.

подвигъ, легатъ отступилъ въ Роквемадуръ, гдѣ расположился отдыхать на осень и зиму, между тѣмъ какъ Монфоръ пожиналъ дешевые лавры въ Керси. При первомъ вступленіи въ предѣлы этой области, онъ встрѣтилъ, впрочемъ, неожиданное сопротивленіе. Замокъ Келюсъ онъ долженъ былъ взять и сжечь; за то въ Кагорѣ приняли его съ радостью ([10]). Проживъ нѣсколько дней въ этомъ городѣ, получивъ присягу и проводивъ своихъ нѣмецкихъ соратниковъ до самой границы, онъ, уже отправляясь въ обратный путь, узналъ, что графъ де-Фуа плѣнилъ двухъ знатныхъ крестоносцевъ,—французскаго рыцаря Тюрси и англійскаго Готьера Лангтона, брата знаменитаго кентерберійскаго архіепископа. Онъ бросился на владѣнія Фуа, взялъ еще одинъ небольшой замокъ, перебилъ его гарнизонъ, а въ Памьерѣ между тѣмъ узнаетъ, что Пюи-Лоранъ вернулся подъ власть своего прежняго барона Сикарда. Барометръ военныхъ дѣйствій опустился: крестоносцы разъѣзжались, многіе отъ усталости, другіе, отбывъ условленные сорокъ дней. Монфоръ полагалъ, что причиною капитуляціи была непріятельская сила, но каково стало его изумленіе, когда онъ узналъ, что городъ просто проданъ самимъ рыцаремъ, которому онъ поручилъ его охраненіе. Подобный поступокъ во всемъ рыцарствѣ Европы способенъ былъ произвести изумленіе. Измѣнника звали Гюи де-Люсъ. Ему предложили оправдаться поединкомъ, но онъ отказался и, по приговору бароновъ крестоносныхъ, былъ повѣшенъ.

Въ это самое время, въ Тулузѣ завязывались дипломатическіе и военные узлы, имѣвшіе большое вліяніе если не на развязку, то на дальнѣйшій ходъ войны. Избавившись отъ Монфора и такъ счастливо поразивъ непріятеля, тулузцы не могли надѣяться, что такое счастье всегда будетъ сопутствовать имъ. Между тѣмъ, рано или поздно, надобно было ожидать вторичнаго появленія крестоносцевъ подъ стѣнами столицы. Значительное увеличеніе силъ въ непріятельскомъ лагерѣ было-бы сигналомъ къ новой осадѣ, за исходъ которой нельзя было поручиться. Потому, при такихъ обстоятельствахъ, тулузцы должны были, въ ожиданіи будущихъ событій, позаботиться пріобрѣсти себѣ сильнаго союзника.

([10]) P. Cern. c. 55.

Въ Лангедокѣ и Провансѣ его не могло быть; государства лангедокскія, кромѣ тулузскаго графа, покорились, изрѣдка заявляя себя возстаніями, которыя вспыхивали въ разныхъ концахъ. Сами феодалы или носили французское ярмо или бѣжали къ Раймонду. За-ронскому Провансу предстояла та-же участь; Монфоръ уже сбирался нагрянуть туда. Разсчитывать на короля французскаго, тулузцамъ было болѣе чѣмъ безполезно; тотъ король, у котораго возникла мысль централизировать будущую монархію, не долюбливалъ свои собственныя общины и, конечно, не сталъ бы поддерживать оппозиціонно-республиканскій духъ Юга, зараженнаго ересью. Взоры тулузскаго муниципалитета остановились на рыцарственномъ королѣ родственной Аррагоніи. Донъ Педро пока былъ рьяный католикъ, но давно бывшій не въ ладахъ съ римской куріею, а особенно съ Монфоромъ, онъ долженъ былъ внять голосу справедливости. Городскія власти Тулузы, освободившись отъ осады, послали письмо къ королю аррагонскому. Предъ глазами католика, всегда одушевленнаго сердечною привязанностію къ интересамъ Церкви, передъ глазами человѣка, преклоняющагося ницъ предъ Иннокентіемъ III, государя, можетъ быть искренно восторгавшагося идеей теократіи, тулузскій муниципалитетъ долженъ былъ предстать, искренно или притворно, во всей католической обстановкѣ. Надо было скрыть въ собственныхъ интересахъ всякое подозрѣніе въ православіи и представиться страдающими чуть не за самый католицизмъ.

И дѣйствительно, прошеніе тулузцевъ составлено въ такомъ духѣ, что изслѣдователю, кажется, нѣтъ и причинъ сомнѣваться въ религіозномъ чувствѣ авторовъ письма. Онъ долженъ только удивляться, какъ можно было такихъ искреннѣйшихъ католиковъ считать за альбигойцевъ. Преслѣдованія легатовъ выставляются исключительно своекорыстными и если въ этомъ есть много правды, то также правда и то, что безцеремонно, рядомъ фразъ, сущность дѣла скрыта въ томъ прошеніи еретиковъ къ пиринейскому государю, съ какимъ крайняя необходимость заставляла обратиться этихъ республиканцевъ,—«консуловъ, совѣтъ и совокупность города и предмѣстьевъ, посылавшихъ королю божіею милостію привѣтъ и всякія пожеланія». Инаго средства не представлялось, а альбигоизмъ «вѣрныхъ» оправдывалъ средства, дозволяя и явное отпирательство, если оно приносило пользу. Выставляя

себя искренними католиками, тулузцы будто съ удивленіемъ узнаютъ, что ихъ могли и могутъ еще считать за друзей ереси, отъ которой они рядомъ чистосердечныхъ заклятій отрекаются. «Мы переспрашивали всѣхъ, которыхъ намъ указали, какъ послѣдователей ереси, и они намъ постоянно отвѣчали, что они не были еретиками и обѣщали жить безъ всякихъ уклоненій, подъ властью и наставленіями Церкви. И сами мы никогда не считали ихъ за еретиковъ, ибо они живутъ между нами, какъ люди преданнѣйшіе христіанской вѣрѣ. Когда, по приказанію и волѣ легатовъ господина-папы, отца Петра де-Кастельно и отца Рауля, весь городъ нашъ клялся въ подчиненіи святой римско-католической вѣрѣ, они также принесли клятву, а легаты сами же объявили, что всѣ давшіе, *согласно ихъ волѣ*, присягу, считаются въ вѣрѣ католической и истинными христіанами». Сдѣлавъ такъ кстати и такъ искусно намекъ на вынужденность и на формальность присяги, тулузскія власти продолжаютъ. «Тѣмъ сильнѣе и глубже мы поражены всѣмъ происшедшимъ, что знали, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ нынѣшняго графа, *слѣдуя повелѣнію* исправить народъ тулузскій, актомъ, изданнымъ по этому поводу, предписалъ, что если хотя одинъ еретикъ найдется въ крѣпости и предмѣстьяхъ Тулузы, то казнить его вмѣстѣ съ тѣмъ, кто укрывалъ его и имущество обоихъ конфисковать. Вслѣдствіе чего, мы и сожгли многихъ и не перестаемъ это дѣлать каждый разъ, какъ только таковыхъ находимъ» ([11]). Послѣ такихъ оговорокъ, тулузцы переходятъ къ своекорыстію легатовъ, указывая на грамоту Иннокентія еще 1202 года, которая не была приведена въ исполненіе, такъ какъ заключала въ себѣ приказаніе снять интердиктъ и впредь поступать по божьему ([12]). Далѣе раскрывается все дѣло по порядку, съ большими и часто новыми подробностями, какъ

([11]) Lettre des habitans de Toulouse,—въ подлинникѣ въ Preuves de l'hist. de Languedoc (Vaiss. V, 583, № LXVII) а въ переводѣ: у Guizot (Coll des mem. XIV, 313).

([12]) Этого письма (XIV kal. Febr. a. VII) нѣтъ въ Reg. Inn. По изданію Migne оно должно бы слѣдовать за ep. CLXII. Но подобныя посланія Иннокентія были процитированы нами въ своемъ мѣстѣ.

Тулуза просила папу вторично, какъ за 1000 ливровъ легатъ Арнольдъ согласился снять отлученіе, какъ изъ-за полученія 500 ливровъ и «только изъ-за того», не обвиняя ни въ чемъ другомъ, онъ подвергъ отлученію городскихъ консуловъ, какъ консулы, не желая прослыть измѣнниками, снова присягнули, какъ городъ далъ заложниковъ, какъ тулузцы помогали (?) крестоносцамъ при осадѣ Лавора, какъ ихъ отблагодарили за это раззореніемъ графскаго замка, какъ два раза (?) Раймондъ пытался къ примиренію, при чемъ чуть не былъ измѣннически захваченъ, какъ, наконецъ, ихъ принуждалъ Фульконъ отречься отъ своего графа ([13]). Описавъ тулузскую осаду и пораженіе крестоносцевъ, авторы письма заключаютъ: «не успѣвъ исполнить, вслѣдствіе непопущенія божескаго всемогущества, всего того, что они предполагали, крестоносцы, отъ печали, которою они объяты были, учинили великую несправедливость. Болѣе озлобленные чѣмъ когда либо, они, удаляясь, грозили намъ бѣдствіями—гораздо болѣе ужасными чѣмъ тѣ, которыя мы перенесли. Вотъ почему мы настоятельно просимъ ваше королевское благоразуміе и благоволеніе отнестись съ негодованіемъ къ оскорбленіямъ и несправедливостямъ, которыя намъ беззаконно причинены; и если вамъ ложно будутъ внушать противное тому, что мы говорили, то не вѣрьте тому. А такъ какъ мы готовы исполнить все, что слѣдуетъ по отношенію къ Церкви, все, чего требуетъ справедливость, то мы просимъ васъ и вашъ пародъ не вредить намъ никакимъ образомъ, ибо, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что все уже сдѣланное ими или еще предпринимаемое противъ господина нашего графа и противъ насъ, они сдѣлаютъ, и еще можетъ быть хуже, если будутъ въ силахъ,—и противъ остальныхъ государей и князей, противъ горажанъ и буржуа, ибо когда сосѣдняя стѣна запылала, то пламя пойдетъ дальше. Не слѣдуетъ проходить молчаніемъ столь несправедливую, столь пристрастную жестокость духовныхъ пастырей по отношенію къ намъ. Они гонятъ насъ и отлучаютъ изъ-за рутьеровъ и рыцарей, которыхъ мы наняли не для чего инаго, какъ для того чтобы защититься отъ смерти; а когда тѣ-же рутьеры покидаютъ насъ изъ-за денегъ, и начинаютъ проливать нашу кровь, то тѣ же пастыри не преминутъ разрѣшить ихъ отъ всякаго грѣха. Случается и то, что въ ихъ ставкѣ, за ихъ столомъ, сидятъ тѣ разбойники, которые своими руками убили аббата изъ Она и варварски изуродовали монаховъ изъ Больбона, обрѣзавъ имъ носъ, уши, выколовъ глаза, не оставивъ имъ даже подобія человѣческаго образа» ([14]).

([13]) Preuves. Lettre des hab. V, 585.

Послѣдній фактъ, разсказанный такъ просто, такъ откровенно—что всегда отличало акты общинъ, краснорѣчивые въ своей ясности,—если въ немъ есть хотя основа истины, уже самъ по себѣ достаточно заподозрѣваетъ корыстолюбіе и произволъ папскихъ пословъ. Они имѣли неограниченную власть и были слишкомъ честолюбивы и алчны, чтобы не злоупотреблять ею. Сдѣлавъ изъ донъ-Педро апелляціонное судилище легатовъ, тулузцы хотѣли прежде всего поколебать его католическія привязанности. Они достигли своей цѣли. Еще нѣсколько дипломатическихъ бумагъ и объясненій съ Римомъ, какъ король готовъ будетъ уже лично содѣйствовать утѣсняемой ереси, понимаемой имъ въ смыслѣ національности,—поддерживаемый въ борьбѣ своими подданными, рыцарями Аррагоніи.

А пока значительный ударъ успѣлъ нанести непобѣдимому Монфору и самъ графъ тулузскій. Симонъ хотѣлъ идти въ Провансъ, когда узналъ, что Раймондъ оправился, собралъ силы и въ исходѣ августа 1210 года предпринялъ походъ на окрестные замки, теперь передавшіеся Монфору. Раймондъ получилъ неожиданное и сильное содѣйствіе изъ Аквитаніи. Сенешалъ Савари де-Молеонъ, англійскій вассалъ, привелъ ему двухтысячный отрядъ басковъ, жившихъ въ горахъ пиринейскихъ и сочувствовавшихъ вѣрѣ альбигойской. Раймондъ шелъ па крестоносцевъ, тогда какъ монахи утѣшали всегда-побѣдоноснаго Монфора ([15]). — «Вы думаете, что я боюсь чего-либо, отвѣчалъ онъ имъ; намъ надо заботиться о дѣлѣ Христовомъ; вся Церковь молитъ за меня и я не опасаюсь, чтобы кто-нибудь одолѣлъ насъ».

Монфоръ спѣшилъ занять Кастельно-д'арри, названный

([14]) Lettre; V, 586.—На печати этой хартіи сохранилось: «Nobilium Tolosae».

([15]) P. Cern. c. 56.

такъ потому, что укрѣпленія его были построены еще вестготами — аріанами. Раймондъ шелъ на этотъ городъ другой дорогою. Монфоръ повсюду узнавалъ на пути, что покоренные имъ замки отлагаются, что гарнизоны ихъ перебиты. Наконецъ онъ пришелъ въ Кастельнодарри Тогда графы тулузскій, Фуа и Беарна съ ихъ басками осадили его; крестоносцамъ казалось, что «тучи саранчи» (quasi locustae) осыпали городъ; страхъ увеличивалъ число непріятеля до ста тысячъ человѣкъ ([16]). Жители предмѣстій кинулись въ восторгѣ къ нимъ на встрѣчу; толпами смѣшались они съ альбигойцами, съ басками и всѣ вмѣстѣ вошли въ предмѣстье. Тогда Монфоръ велѣлъ своимъ рыцарямъ ударить на нихъ. Вытѣсненные изъ города, они расположились на горахъ, какъ разъ напротивъ самой крѣпости. Позиція Раймонда была столь недоступна, была такъ укрѣплена самою природою, что ее слѣдовало брать съ боя; тулузцы казались осажденными, но за своими крутизнами, оврагами, наконецъ обозомъ, они были безопаснѣе, чѣмъ французы въ замкѣ. Къ вечеру они не утерпѣли и опять ворвались въ предмѣстье, но на другой день снова отступили, жестоко преслѣдуемые Монфоромъ. Крестоносцы всегда безуспѣшно старались оттѣснить альбигойцевъ съ горъ; а тулузцы также неудачно пытались овладѣть замкомъ, встрѣчая каждый разъ строй рыцарей, готовыхъ къ бою. Раймондъ велѣлъ изготовлять машины, а между тѣмъ его союзники, дѣлая рекогносцировки по окрестностямъ, брали на его имя присягу отъ сосѣднихъ деревень и замковъ; даже крѣпкій Кабаретъ изъявилъ желаніе сдаться графу тулузскому. Раймондъ послалъ значительный отрядъ занять городъ, но ночью онъ не нашелъ дороги и принужденъ былъ вернуться въ лагерь.

Между тѣмъ стѣнобитныя машины работали неустанно. Монфоръ пытался остановить дѣйствіе самой губительной изъ нихъ, которая уже успѣла разрушить одну изъ башенъ замка. Онъ лично съ отборными рыцарями сдѣлалъ

([16]) Lafaille вѣрно замѣчаетъ по этому поводу: «ce qui est fort difficile à croire» (Abregé de l'ancienne hist. de Toul. 115). Желаніе прославить Монфора заставило Петра Сернейскаго такъ преувеличить цифру.

вылазку, но встрѣтилъ неодолимыя препятствія: машина была окопана широкимъ рвомъ. Съ трудомъ успѣли увести лошадь Монфора, который хотѣлъ добиться своей цѣли. Убѣдившись въ моральномъ и физическомъ превосходствѣ силъ непріятеля и чувствуя недостатокъ припасовъ, Симонъ отправилъ въ Каркассону своего маршала Гюи де-Левиса, на вѣрность и храбрость котораго могъ положиться. Ему поручено было сбирать разсѣянные отряды французовъ и другихъ крестоносцевъ и вести ихъ въ Кастельнодарри. Монфоръ совершенно ошибочно разсчитывалъ на вѣрность и привязанность покоренныхъ лангедокскихъ бароновъ. Когда жители Нарбонны на предложеніе маршала дали уклончивый отвѣтъ,—то виконтъ прямо отказался вести ихъ. Отряды, собранные силою, разбѣгались. Но не такъ это обстоятельство мучило Монфора, какъ то извѣстіе, которое вскорѣ онъ получилъ: надежнѣйшій человѣкъ, имъ облагодѣтельствованный, рыцарь Вильгельмъ Катъ, измѣнилъ ему въ самую рѣшительную минуту. Осажденные ждали самой дѣйствительной поддержки; ждали, что съ большими силами, которыя поручено было ему собрать, онъ придетъ на выручку. Но Вильгельмъ, провансалецъ родомъ, владѣвшій столькими феодалами отъ Монфора, счелъ за лучшее примкнуть къ Раймонду, когда того потребовали интересы патріотическаго дѣла. Съ тѣхъ поръ, Монфоръ поклялся—никогда не вести дружбы съ рыцарями лангедокскими ([17]).

Не много помощи велъ съ собою Гюи де-Левисъ, посланецъ Монфоровъ, возвращенія котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждали въ Кастельнодарри. Съ нимъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. Бухардъ де-Марли соединилъ съ нимъ свой отрядъ. Монфоръ послалъ значительныя силы на встрѣчу своихъ друзей, оставивъ въ городѣ не болѣе 40 рыцарей и отрядъ пѣхоты. Раймондъ-Рожеръ, графъ де-Фуа сторожилъ его; онъ рѣшился воспрепятствовать соединенію непріятеля и расположился въ засадѣ не подалеку отъ города. Гюи и Бухардъ приближались, но, узнавъ о засадѣ, остановились выслушать мессу и принять Причастіе. Они успѣли дать знать Монфору объ опасности. Тѣснымъ строемъ сходились крестоносцы съ противоположныхъ сто-

([17]) Guil. de Pod. Laur. c. 19.

ронъ. Тогда де-Фуа построилъ свое войско боевымъ порядкомъ; въ центрѣ стояла кавалерія, на флангахъ пѣхота. Монахи тѣмъ временемъ благословляли крестоносцевъ на бой. Вожди дали сигналы и французскіе рыцари понеслись на непріятельскій центръ. Но ихъ встрѣтило стойкое сопротивленіе. Французы были отбиты. Выдержавъ натискъ, альбигойцы въ свою очередь опрокинулись на крестоносцевъ. Началось рукопашное дѣло; строи смѣшались отъ тяжелыхъ мечей, отъ длинныхъ копій. Десятками падали рыцари съ той и другой стороны. Когда одинъ знатный французъ упалъ съ коня, епископъ кагорскій заставилъ его сѣсть снова. Французы были неистовы какъ львы и дрались какъ добрые воины (coma bo vassalh). Но, послѣ отважной борьбы, крестоносцы отступили, потерявъ множество убитыми; альбигойцы не щадили католиковъ. Преслѣдованіе было стремительное. Аріергардъ крестоносцевъ не успѣлъ еще приготовиться къ отступленію, какъ былъ разсѣянъ провансальцами при крикахъ «Фуа, Тулуза»! Монфоръ былъ зрителемъ битвы, когда она, приближаясь ближе и ближе, подошла наконецъ къ лугамъ Кастельнодарри; онъ стоялъ съ гарнизономъ въ заднихъ воротахъ города, со стороны противоположной лагерю тулузскому; онъ не могъ равнодушно видѣть пораженія своихъ; досада овладѣла имъ. Оставивъ только 5 рыцарей въ городѣ, онъ бросился на помощь. На рысяхъ неслись его отборные рыцари, но опоздали. Гюи напрасно думалъ снова сразиться съ альбигойцами; его смяли вторично, а Монфора еще не было. Графъ де-Фуа торжествовалъ, но его воины, вмѣсто того чтобы приготовиться къ новой битвѣ съ Монфоромъ, кинулись грабить убитыхъ и добивать раненыхъ. Епископъ кагорскій воспользовался этимъ и снова повелъ своихъ на непріятеля. Всѣ усилія геройской храбрости употребилъ Раймондъ-Рожеръ, чтобы оставить за собою поле сраженія; отъ ударовъ его меча летѣли головы знатнѣйшихъ крестоносцевъ, но его многочисленная армія потеряла всякій порядокъ. Пѣхотинцы, захваченные въ расплохъ, побѣжали стадомъ. Тогда-то примчался Монфоръ. Ему не стоило большаго труда докончить побѣду теперь, когда онъ привыкъ однимъ своимъ появленіемъ измѣнять ходъ битвъ. Бурею налетѣлъ онъ на бѣгущихъ съ крикомъ: Дѣва Марія! Возгласы: «Тулуза, Фуа»! уже слабѣли. Погибая подъ копытами коней,

альбигойцы стали кричать: Монфоръ, Монфоръ! Они думали спастись, обманувъ этимъ паролемъ крестоносцевъ. Но Монфора трудно было обмануть.—«Если такъ, то бейте переднихъ», кричалъ имъ Симонъ и, изъ чувства самосохраненія, каждый изъ несчастныхъ рѣзалъ своего товарища, чтобы очистить себѣ дорогу. Груды труповъ, граждань и виланов Лангедока покрыли черною массою поля Кастельнодарри ([18]). «И никогда вы не услышите описанія такихъ страшныхъ битвъ, небывалыхъ со временъ Роланда и великаго Карла, когда онъ побѣдилъ Эголанта и Галафра, славнаго эмира земли испанской», — замѣчаетъ трубадуръ провансальскій ([19]).

Между тѣмъ, во все продолженіе боя, тулузская армія продолжала стоять въ своемъ лагерѣ, выжидая исхода сраженія, кипѣвшаго въ противоположной сторонѣ. Савари де-Малеонъ въ самомъ концѣ дѣла, пытался сдѣлать нападеніе на городъ, но такъ слабо, что былъ отбитъ ничтожнымъ количествомъ рыцарей ([20]). Когда же въ лагерѣ узнали о пораженіи графа де-Фуа, то Раймондъ не могъ понять какъ это случилось.—«Вѣдь нашихъ было въ десятеро больше», твердилъ онъ. Въ лагерѣ тулузскомъ была паника. Раймондъ хотѣлъ сниматься и отступать. Но Савари остановилъ его. — «Господа, будьте покойны, говорилъ онъ баронамъ, не сбирайтесь, не снимайте палатокъ; иначе, вы погибли въ одно мгновеніе» ([21]). Его послушались и повременили. Между тѣмъ Монфоръ побѣдителемъ возвращался въ городъ. Его встрѣтили кресты и хоругви. Въ воротахъ онъ сложилъ свои доспѣхи «въ знакъ того, что Господь даровалъ ему побѣду» и босымъ пошелъ въ церковь. Дорогою пѣли: Te Deum. «Наши, разсказываетъ католическій

(18) О битвѣ подъ Кастельнодарри сохранились извѣстія очевидцевъ. P. Cern. c. 56—57.—Cans. XCVI—CII. — Chron. prov. 483.

(19) Cans. v. 2067—2072.

(20) P. Cern. c. 57.

(21) Cans. CIII—CIV. И было столько добычи у французовъ, что ею «можно было обогатиться на весь остатокъ жизни». v. 2254—2256.

лѣтописецъ, возносили молитвы со всѣмъ благоговѣніемъ и энтузіазмомъ, благословляя гимнами Милосердаго Бога, знаменуя тѣмъ благочестивую преданность Тому, Кто сотворилъ великія дѣла для своего народа и далъ ему торжество надъ врагами» ([22]).

Первымъ дѣломъ графа де-Фуа, послѣ пораженія, было разослать во всѣ концы гонцевъ съ ложнымъ извѣстіемъ о своей побѣдѣ. Про Монфора говорили, что онъ плѣненъ и повѣшенъ... Дѣйствительно, противъ всякаго ожиданія, Монфоръ раньше ушелъ изъ Кастельнодарри, чѣмъ осаждающіе оставили свой лагерь. Препятствовать его отступленію Раймондъ не рѣшался, тогда какъ вступить въ битву, если бы на него напали, онъ былъ въ состояніи. Путь на Нарбонну былъ открытъ. Узнавъ о выступленіи Монфора, Раймондъ велѣлъ жечь машины, бараки, и приказалъ сниматься. Столкновенія съ крестоносцами онъ теперь, конечно, не искалъ, такъ какъ не рѣшился показываться изъ своихъ окоповъ, пока дѣйствительно не убѣдился въ томъ, что Монфоръ ушелъ.

Впрочемъ, Монфоръ скоро вернулся въ Кастельнодарри. Въ Нарбоннѣ къ нему присоединился новоприбывшій отрядъ французовъ и походы возобновились. Изъ дальнѣйшаго хода ихъ видно, что причиною внезапной слабости дѣйствій Монфора былъ недостатокъ средствъ; Раймондъ значительно превосходилъ своего противника, даже послѣ претерпѣнныхъ имъ пораженій. Всѣ усилія Монфора обращены теперь на возвращеніе городовъ, быстро и почти одновременно отпавшихъ отъ него. Всѣ внезапныя диверсіи его не достигаютъ цѣли. Не успѣютъ крестоносцы куда-либо придти на помощь своимъ, какъ узнаютъ, что городъ уже сдался. Такимъ образомъ, въ короткое время Монфоръ потерялъ болѣе 50 замковъ въ предѣлахъ Альби и Тулузы; между ними были Рабастенъ, Гэльякъ, Пюи-Лоранъ, Санъ-Феликсъ и Монферранъ ([23]). Поставленные имъ бароны или измѣняли или были безсильны въ виду возстанія жителей, большая часть которыхъ были еретики. Покоренные ланге-

([22]) P. Cern. p. 623.
([23]) P. Cern. c. 57.

докскіе феодалы возвращались въ прежнее подданство графу тулузскому.

При такихъ обстоятельствахъ, два краснорѣчивыхъ проповѣдника, Вильгельмъ, архидіаконъ парижскій, и Яковъ, епископъ витрійскій, начали вербовать новыхъ крестоносцевъ. Они застали за тою же дѣятельностію въ той же Франціи, — Фулькона тулузскаго и аббата изъ Во-Серпэ. Суровый епископъ витрійскій отличался особенною ревностью въ своей миссіи; съ его фанатизмомъ мы знакомы уже изъ первой главы, когда говорили объ обличеніи, написанномъ имъ на современное ему свѣтское и духовное сословіе. Онъ уже не первый разъ брался за крестовое дѣло; не первый разъ онъ приносилъ ему свои таланты и свое счастье. Иннокентій преимущественно отъ его краснорѣчія ожидалъ инаго поворота альбигойской войны. Мѣстное лангедокское духовенство обращало на французскихъ проповѣдниковъ тѣ же взоры, полные ожиданія; епископъ Узеса, одинъ изъ первыхъ указалъ на нихъ. Всю зиму 1211—12 года, епископъ съ архидіакономъ громили еретиковъ въ городахъ и въ селахъ Франціи. Изъ Франціи, они перешли въ сосѣднія земли Германіи. Они завербовали невѣроятное множество воиновъ Христа, говоритъ оффиціальная лѣтопись, — и, послѣ Бога, имъ болѣе всего обязана вѣра христіанская во Франціи и Германіи ([24]). Скорѣе слова эти надо понимать въ томъ смыслѣ, что одною изъ цѣлей проповѣди было удержать распространеніе ереси въ этихъ земляхъ. И по всему видно, что такая цѣль была достигнута прежде всего.

Но если въ землѣ французской шло успѣшное вербованіе крестоносцевъ, то король ея не высказывалъ особеннаго расположенія къ подвигамъ этого воинства въ подвассальныхъ ему странахъ. Есть извѣстія, что скрытая досада Филиппа Августа на Монфора, существовавшая всегда, около этого времени явно обнаружилась. Король французскій

([24]) «Qui zelo fidei succensi, Franciam imo Allemanniam circumeuntes, tota hieme illa, incredibilem fidelium multitudinem ad Christi militiam signo crucis in pectoribus signaverunt; isti siquidem duo, praecipue post Deum, fidei negotium in partibus Gallicanis et Teutonicis promoverunt». P. Cern. p. 626.

жаловался папѣ, что Симонъ не воздаетъ должнаго своему сузерену. Иннокентій въ отвѣтномъ письмѣ, еще осенью 1211 года, разъясняетъ королю все дѣло графа тулузскаго, а также права новаго государя Лангедока. Папа считаетъ нужнымъ оправдаться въ пристрастіи къ Раймонду, въ которомъ могли бы его заподозрить. Онъ пишетъ, что графъ тулузскій не удовлетворилъ въ точности тѣмъ требованіямъ, которыя были ему предложены. «Мы вполнѣ убѣждены, что онъ не оправдался (quod purgationem non praestitit); но мы не знаемъ, зависѣло-ли это отъ него самого, хотя вообще онъ считался въ странѣ за еретика. Вслѣдствіе неисполненія предложенныхъ условій, онъ и потерялъ свои домены, которые мы приказали нашимъ легатамъ тщательно беречь для тѣхъ, кому они принадлежатъ. Мы и теперь пишемъ имъ, вслѣдствіе ихъ неотступныхъ моленій, стараясь сдѣлать все то, что соотвѣтствуетъ твоимъ выгодамъ и твоей чести» ([25]).

Это посланіе было писано осенью, во время дѣйствій подъ Тулузой; оно приносило собою мѣры, которыя вполнѣ обнаружили легальность Иннокентія. Въ самый разгаръ борьбы, Иннокентій не сходилъ съ почвы законности; онъ не увлекся ненавистью къ ереси на столько, чтобы забыть человѣчность и вторить дикимъ выходкамъ легатовъ и епископовъ Лангедока. Нѣсколько разъ, обезнадеженный Раймондомъ, папа видимо терялъ всякую надежду сойтись съ нимъ; Иннокентій часто возвращается на прежній путь примиренія. Уже всѣ считали Раймонда государемъ развѣнчаннымъ, какъ папа высказываетъ прежнее чувство сожалѣнія къ нему. Онъ входитъ въ его положеніе. Дѣйствія легатовъ были снова заподозрѣны. И къ тому былъ достаточный поводъ, притомъ слишкомъ явный. Арнольдъ въ маѣ 1212 года сдѣлался архіепископомъ Нарбонны вмѣсто Беренгарія, наконецъ низложеннаго за нерадѣніе, въ силу давнишняго папскаго предписанія. Но съ перваго же дня избранія онъ взялъ на себя функціи не духовнаго лица, а герцога нарбоннскаго. Это слишкомъ смѣло обнаруживало такіе замыслы, которые еще доселѣ никто не рѣшался обнаруживать съ подоб-

([25]) Inn. Regestorum l. XIV, ep. 163.—Migne; CCXVI, 524.—Срв. по дѣлу Раймонда: l. XII, ep. 152, 153; l. XIII, ep. 190, 191; l. XVI, ep. 39.

ною смѣлостью. Тогда-же епископомъ Каркассоны былъ назначенъ аббатъ изъ Во-Сернэ, въ награду за услуги крестовому дѣлу ([26]). Теперь стало видимо, что легаты прекрасно, ни сколько не стѣсняясь, умѣютъ сами награждать себя, что ихъ труды не проходятъ даромъ. Завѣса больше и больше спадаетъ съ глазъ Иннокентія. Онъ пишетъ тому-же Арнольду: «хотя Раймондъ, графъ тулузскій, и найденъ виновнымъ по многимъ статьямъ противъ Бога и противъ Церкви и хотя легаты наши, вслѣдствіе его неповиновенія и возмущенія, сами постановили отлучить его самого (sit excommunicatus ab ipsis), а землю передать тому (exposita terra ejus), кто окажется достойнымъ ея, слѣдуя ихъ собственнымъ побужденіямъ. Но между тѣмъ, если доказано, что сказанный Раймондъ еретикъ, не доказано, что онъ соучастникъ въ убійствѣ Петра Кастельно, блаженной памяти, хотя въ томъ онъ и очень заподозрѣнъ. Вотъ почему мы и повелѣли, что если въ извѣстное время явится противъ него законный обвинитель, то назначить опредѣленный день для оправданія, слѣдуя предначертанному нами распоряженію; но по нашему предписанію ничего не было исполнено. Впрочемъ мы не понимаемъ, какимъ бы образомъ мы имѣли право отдавать другимъ его владѣнія, которыя юридически не были отняты ни отъ него, ни отъ его потомства. Апостолъ не желаетъ, чтобы и тѣнь зла была сдѣлана ему, а слѣдовательно не должно обманомъ лишать его тѣхъ замковъ, которые онъ намъ довѣрилъ. Потому, если послѣдуетъ противъ графа рѣшеніе по этимъ двумъ пунктамъ, то въ какую бы форму оно ни было облечено, не должно придавать ему никакой силы. По всему надзору твоему, симъ апостольскимъ посланіемъ приказываемъ тебѣ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы покончить это дѣло какъ можно справедливѣе и осмотрительнѣе, такъ какъ мы не имѣемъ въ виду слѣдовать твоему совѣту, не хотимъ и передавать владѣній сказаннаго графа кому-либо другому. Мы приказываемъ также епископу Ріеза и господину Ѳеодосію, канонику Генуэзскому поступить сообразно нашему предписанію; если же причиной несоблюденія нашихъ повелѣній служитъ графъ, то должно сообщить ему и всѣмъ

([26]) P. Cern, c. 60.—Gallia Christiana; I, 378.

прочимъ, что мы намѣрены поступать такъ, какъ блага міра и вѣры того требуютъ; ибо поучать истинѣ мы призваны всегда» ([27]).

Въ письмѣ къ другимъ легатамъ, Иннокентій, перебирая сдѣланныя ими распоряженія, находитъ ихъ преждевременными, пристрастными, вообще несправедливыми. Онъ не подтверждаетъ отлученія графа, его изгнаніе и насильственную передачу его владѣній другому лицу. Онъ самъ не соглашается признать новаго архіепископа Нарбонны въ званіи герцога, чего такъ безцеремонно домогался Арнольдъ, ссылавшійся на верховную власть свою, какъ легата. Иннокентій далеко не расположенъ былъ прикрывать узурпацію легатовъ авторитетомъ своего имени ([28]). Папа продолжалъ удерживать за собою только замки, данные Церкви въ залогъ, а также графство Мелгейль, которое считалъ вассальствомъ Рима, передавъ его теперь Іоанну Бокадосу непосредственно отъ своего имени съ правомъ собирать доходы, за чѣмъ должны были надзирать духовныя власти ([29]). Папа и въ послѣдствіи, какъ напр. въ іюнѣ 1212 года, продолжалъ сноситься съ новыми подданными, которые, конечно только въ письмахъ, благословляли ненавистную имъ римскую власть ([30]). Графство Мельгейль было единственнымъ непосредственнымъ пріобрѣтеніемъ, которымъ воспользовался Иннокентій, чтобы вознаградить издержки, понесенныя имъ въ альбигойскія войны.

Въ то время, когда сомнѣнія въ правотѣ дѣйствій запали въ душу Иннокентія, и когда онъ сталъ склоняться на сторону Раймонда, — графу тулузскому готовилась поддержка съ другой стороны. Педро аррагонскій тогда только-что прославился подвигами въ войнѣ съ Маврами. Онъ былъ дѣятельнымъ пособникомъ Альфонса VIII кастильскаго въ великой битвѣ подъ Толозою. Новый архіепископъ нарбоннскій, Арнольдъ, принималъ главное участіе въ битвѣ; двѣ тысячи рыцарей, 10 тысячъ конныхъ и 50 тысячъ

([27]) Regesta; l. XV, ep. 102,—CCXVI, 613—614.

([28]) Vaissete. Hist. de Languedoc; V, 186.

([29]) Regest. l. XV, ep. 19.

([30]) L. XV, ep. 103.

пѣшихъ составляли французскую вспомогательную армію. Всѣ же силы христіанскія, подъ предводительствомъ кастильскаго короля, были огромны. Мусульмане одолѣли-было своимъ первымъ натискомъ; христіане подались, но архіепископъ Арнольдъ, подобно старому Турпину, сталъ уговаривать рыцарство. Строй африканцевъ былъ прорванъ; самъ Могамедъ-Аназиръ едва избѣгнулъ плѣна; произошло страшное побоище; арміи Могамеда не существовало; 60 тысячъ сарращинъ покрывало поле битвы ([31]). Это было великимъ днемъ торжества христіанскаго имени, днемъ радостно отозвавшимся во всѣхъ концахъ Западной Европы. Аларкосъ былъ блистательно отомщенъ. Королю Петру битва принесла еще болѣе славы, блистательно заявивъ его вѣрность христіанству и чести. Онъ могъ теперь съ большимъ авторитетомъ вступиться за правое дѣло тулузскаго графа. Съ наступленіемъ лѣта, шансы войны опять поворачивались на сторону Монфора; новыя полчища крестоносцевъ прибыли къ нему, преимущественно изъ Франціи. Надо было вернуть старыя завоеванія и сдѣлать новыя. Симонъ отправился на Отпуль. Городъ былъ взятъ на четвертый день послѣ сильнаго сопротивленія жителей, которые разбѣжались уже тогда, когда дѣйствіе тарановъ сдѣлалось невыносимымъ. Укрѣпленія были разрушены, городъ разграбленъ; не успѣвшіе бѣжать всѣ перебиты; сумятица была страшная, такъ какъ дѣло происходило ночью; въ заключеніе, крестоносцы сожгли замокъ ([32]). Слѣдомъ за паденіемъ Отпуля, были возвращены многіе другіе замки и между ними Санъ-Феликсъ, Монферранъ, Санъ-Микель, который былъ разрушенъ до основанія ([33]). Кинувшись на Пюи-Лоранъ, Монфоръ вызвалъ было противъ себя графа тулузскаго, который, занявъ го-

([31]) Rod. Santium. Historia Hispanica; pars III, c. 35.—Conde. Hist. de la dominacion de los Arabes en Espana; II 447.

([32]) «Nostri percipientes, statim, clamore facto, in castrum irruerunt, et quoquot invenerunt de hostibus interfecerunt. Alii autem in ipsa obscurissima nocte, illos qui fugiebant insecuti, aliquos ex eis comprehenderunt; in crastino autem fecit comes castrum illud dirui et comburi». P. Cern. p. 631.

([33]) P. Cern. c. 62.

родъ своими войсками, видимо рѣшился защищать его. Но отвага Раймонда исчезла, когда къ городу стали сходиться крестоносцы; онъ поспѣшно оставилъ городъ, а жителей повелъ съ собою въ Тулузу. Монфоръ нашелъ городъ опустѣлымъ. Черезъ 10 дней, его армія снялась съ окрестныхъ долинъ и увеличивъ численность свою новыми французскими ополченіями, постепенно сходившимися, направилась въ путь. Высшее французское духовенство мѣняло посохъ пастырскій; архіепископъ руанскій, епископъ лаонскій и знаменитый проповѣдникъ, архидіаконъ парижскій, Вильгельмъ, привели Монфору свои и набранные отряды. Города (castra nobilia): Рабастенъ, Монтагу и Гэльякъ сдались безъ сопротивленія. Граждане Санъ-Марселя выслали депутацію, но она не была принята, потому что Монфоръ рѣшился никогда впредь не вступать ни въ какіе переговоры съ лангедокскими барономи и общинами. Граждане предчувствовали бѣду, но сохранили геройское присутствіе духа. Они не хотѣли, чтобы ихъ богатства стали достояніемъ ненавистнаго врага; одни поспѣшно вывозили все, что казалось имъ цѣннымъ, другіе разрушали свои дома. Монфоръ нашелъ опустѣлый городъ; онъ велѣлъ сжечь его, а стѣны и башни разрушить. Крестоносцы пошли на сосѣдній замокъ Гэпи, но, къ удивленію, и тамъ не нашли присутствія жизни (³⁴). Монфоръ велѣлъ и здѣсь исполнить тоже самое; городъ былъ разрушенъ и зажженъ; а армія двинулась на осаду Санъ-Антонина.

Когда такъ легко и счастливо шли дѣла Монфора, онъ не подозрѣвалъ, что его юный сынъ подвергается сильной опасности отъ рукъ непокорливыхъ горожанъ, непривыкшихъ сносить рабства, которое предлагали имъ французы. Молодой Амори, вмѣстѣ съ своимъ дядею Гюи, недавно прибывшимъ изъ Палестины, былъ оставленъ въ Нарбоннѣ. Занявъ съ своею свитою герцогскій дворецъ, въ которомъ всегда имѣли обыкновеніе жить графы тулузскіе, онъ уже тѣмъ однимъ навелъ на жителей много невыгодныхъ для себя воспоминаній. Въ городѣ, альбигойцы, распустивъ слухи, что вооруженные французы производятъ насилія, тѣмъ подготовили гражданъ смотрѣть на нихъ, какъ на опаснѣй-

(³⁴) ibid.

шихъ враговъ, отъ которыхъ надо ежеминутно ждать вреда. Разъ, молодой Амори хотѣлъ открыть старое готическое окно дворца, которое уже давно не открывали; рама отъ ветхости разбилась и обрушилась на людную улицу. Очевидцы происшествія воспользовались случаемъ, подняли шумъ и въ народѣ заговорили о какихъ-то страшныхъ событіяхъ, о насиліяхъ, совершившихся во дворцѣ. По этому поводу въ Нарбоннѣ произошло рѣшительное возстаніе. Толпы бросились ко дворцу, осадили его и принудили графа удалиться въ одну изъ башень. Двое изъ оруженосцевъ Монфора были убиты; едва кому-то удалось успокоить возмутившихся (³⁵). Народъ разошелся, но это происшествіе показало пришельцамъ, какъ непрочно положеніе ихъ въ ихъ странѣ, которую такъ упорно они воевали.

Многимъ баронамъ, еще не успѣвшимъ столкнуться съ Симономъ, даже не вѣрилось, чтобы они могли быть побѣждены. — «Никогда пилигримы не возьмутъ моего замка», говорилъ рыцарь Адемаръ Іорданъ, намѣстникъ Санъ-Антонина. Объ этихъ словахъ сообщили Монфору тогда, когда его крестоносцы уже шли на замокъ. Санъ-Антонинъ расположенъ у подошвы высокой горы; обмываемый позади водами рѣки, дѣлающей его съ этой стороны неприступнымъ,— спереди онъ открываетъ обширную равнину, на которой и расположились лагеремъ крестоносцы. Какъ только это примѣтили въ городѣ, то тотчасъ изъ замка была произведена вылазка. Отразивъ ее, французы кинулись на приступъ и завладѣли тремя наружными бастіонами городской стѣны. Наступившая ночь разлучила сражающихся, но на горожанъ этотъ стремительный натискъ крестоносцевъ произвелъ такое впечатлѣніе, что они начали падать духомъ и многіе немедленно покинули городъ черезъ заднія ворота: Монфоръ послалъ обходъ; кровопролитіе и схватки такимъ образомъ не прекращались. Но вождь крестоносцевъ врядъ-ли ждалъ столь легкаго успѣха, когда на слѣдующее утро къ нему явилась депутація отъ города, которая недавно такъ презрительно отзывалась о пилигримахъ. Дѣло въ томъ, что въ городѣ, кромѣ Адемара, намѣстника Раймондова, одинаково начальствовалъ и непосредственный баронъ, владѣтель его,

(³⁵) P. Cern. c. 62.

Понсъ; послѣдній хотѣлъ только выговорить свободное отступленіе. Онъ искалъ достигнуть этой цѣли посылкой депутаціи,—но ошибся; Монфоръ отказалъ въ свободномъ пропускѣ, а требовалъ безусловной сдачи города. Его желаніе исполнилось. Намѣстникъ не успѣлъ заранѣе оставить городъ и сдѣлался такимъ же плѣнникомъ Монфора, какъ и виконтъ Понсъ. Крестоносцы парадно вступили въ замокъ; 30 знаменитыхъ жителей были немедленно казнены; городъ разграбленъ; не были пощажены ни монастыри, ни церкви, по признанію самого католическаго историка. Граждане послѣ произведенныхъ казней были прощены, потому что Монфору не было разсчета обезлюдить городъ. Баронъ, намѣстникъ, тулузскіе рыцари были подъ стражей отправлены въ Каркассону, гдѣ заключены въ тѣсное подземелье (36). Изгнанникъ Балдуинъ, родной братъ графа тулузскаго, былъ оставленъ въ качествѣ барона и представителя Монфора, который теперь направился на область Аженуа.

Эта земля была такимъ же средоточіемъ ереси, какимъ всегда славилась Альбижуа (37). Составляя аквитанскій доменъ, она досталась коронѣ тулузской, по наслѣдству отъ

(36) Cans. CXIII. — P. Cern. c. 63.—Chron. prov. (p. 484) замѣчаетъ, что въ Санъ-Антонинѣ не осталось камня на камнѣ, что тамъ не щадили даже священниковъ.

(37) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Vaissete, будто въ столицѣ Аженуа къ тому времени не существовало открытой ереси (il est certain qu'il n'y avait alors aucun hérétique manifeste à Agen). Характеръ альбигойскаго вѣроисповѣданія никогда и не требовалъ манифестацій и другихъ рѣшительныхъ заявленій. Ересь просачивалась тогда въ областяхъ Лангелока съ такою силою, что даже молчаніе памятниковъ не служитъ еще свидѣтельствомъ отсутствія ереси. Авторъ ссылается на Innoc. Reg. l. XII, ep. 172, но этотъ же самый документъ требуетъ ряда предупредительныхъ мѣръ. Папа ссылается на донесеніе мѣстнаго епископа, но онъ же приглашалъ Монфора.—За то справедливо замѣчаніе бенедиктинцевъ: «On peut observer à cette occasion, que le zele de la religion regloit bien moins les pas de ce général, que l'envie de s'agrandir aux dépens d'autrui» (V, 190).

матери Раймонда VI, Іоанны, сестры Ричарда англійскаго. Мѣстный епископъ давно уже призывалъ Монфора. Главною цѣлью похода былъ замокъ де-Пеннь; все, что встрѣчалось крестоносцами на пути, они истребляли. Въ названномъ замкѣ начальствовалъ родственникъ Раймонда тулузскаго, Гуго д'Альфаръ. Съ 400 альбигойскихъ воиновъ онъ рѣшился погибнуть въ своей крѣпости, но не сдаваться непріятелю. Мѣсто было довольно укрѣпленное, окрестности плодоносныя; взять эту крѣпость значило повелѣвать надъ страной. Монфоръ хотѣлъ прежде занять Аженъ, гдѣ надѣялся на болѣе радушный пріемъ (38). Дѣйствительно, въ столицу его пустили видимо безпрекословно и отдохнувши въ ней, онъ двинулся на осаду Пення. Гуго находился въ положеніи, очень затруднительномъ. Онъ не получалъ никакихъ вѣстей отъ Раймонда и былъ отрѣзанъ отъ него линіею осаждающихъ. Тѣмъ не менѣе онъ защищался со всѣмъ геройствомъ. Крестоносцамъ жестоко досталось отъ его вылазокъ. Въ продолженіе всего іюня, онъ ничего не могъ сдѣлать, хотя областные бароны добровольно съѣзжались въ его лагерь и приносили ему присягу. Симонъ плохо разсчитывалъ на удачный исходъ осады и счелъ необходимымъ просить помощи брата Гюи. Послѣдній между тѣмъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ діоцезахъ Альбижуа и Тулузы. Разгромомъ замка д'Ананклета, гдѣ онъ распорядился вырѣзать весь гарнизонъ, Гюи навелъ ужасъ на всю область. Съ такимъ обаяніемъ, онъ подходилъ къ пригородамъ Тулузы, но такъ какъ столица была не изъ числа тѣхъ замковъ, съ которыми привыкли расправляться оба Монфора, то Гюи миновалъ ее и было осадилъ одинъ городъ неподалеку, какъ прискакалъ къ нему гонецъ отъ брата съ предложеніемъ прибыть на помощь въ лагерь подъ Пеннемъ. Съ Гюи былъ архидіаконъ Вильгельмъ, епископъ лаонскій и достаточное число другихъ извѣстныхъ воителей. Гюи расположился съ восточной стороны замка; Симонъ стоялъ на противоположной. Приказано было строить новыя машины большихъ размѣровъ, такъ какъ прежнія не приносили почти никакой пользы. Но едва отъ дѣйствія этихъ новыхъ баллистъ, упорно бившихъ по одному мѣсту,

(38) P. Cern. c. 63.

стала показываться брешь, какъ многіе крестоносные бароны, особенно изъ духовныхъ, задумали разъѣзжаться изъ лагеря, видимо разочарованные въ удачѣ предпріятія. Убѣжденія и просьбы Монфора успѣли подѣйствовать только на архіепископа руанскаго. Между тѣмъ, осажденные съ виду обнаруживали еще большую рѣшимость и самоотверженіе,—но это была послѣдняя агонія. Изъ города были высланы тѣ жители, которые были въ немъ безполезны, но Монфоръ не принялъ ихъ; они радовались тому, что остались цѣлы въ непріятельскомъ лагерѣ. Въ замкѣ же гарнизонъ умиралъ отъ жажды; рѣка, обтекавшая городъ, была отрѣзана отъ осажденныхъ; какъ нарочно, жары стали невыносимые. Все соединилось, чтобы стойкіе защитники де-Пенья потеряли присутствіе духа, а о графѣ тулузскомъ не было и слуховъ. Гуго д'Альфаръ рисковалъ погубить весь гарнизонъ самою мучительной смертью; онъ завелъ переговоры съ Монфоромъ и получилъ согласіе на свободное выступленіе. Черезъ семь недѣль послѣ начала осады, крестоносцы заняли де-Пенъ, оставленный еретиками. Отрядъ, посланный Монфоромъ, успѣлъ взять замокъ Мирмандъ, а онъ самъ, выступивъ далѣе, осадилъ и разбилъ машинами городъ Биронъ ([39]). Альбигойскіе воины геройски защищались. Вытѣсненные изъ города, они заперлись въ замкѣ. Существовала особая причина рѣшимости и отваги осажденныхъ. Ихъ начальникомъ былъ рыцарь Мартинъ д'Альгэ. Это былъ тотъ самый д'Альгэ, который уже два раза измѣнилъ родинѣ; онъ продался Монфору и обманомъ увлекъ виконта безьерскаго въ подземелье Каркассоны. Онъ оставилъ католиковъ и такимъ образомъ измѣнилъ въ третій разъ. Снисходительный графъ тулузскій довѣрилъ ему замокъ Биронъ. На этотъ разъ онъ не ошибся. Уже по одному тому Мартинъ долженъ былъ бороться до послѣдней крайности. Между тѣмъ, привязать къ себѣ гарнизонъ онъ былъ не въ состояніи. Монфоръ, кажется, не преминулъ воспользоваться этимъ и склонилъ къ себѣ многихъ рутьеровъ. Его впустили въ крѣпость, гдѣ, вытѣсненный изъ города, сидѣлъ комендантъ со своими воинами. Крѣпость была взята и Мартинъ захваченъ живымъ. Онъ предчувствовалъ, что ему предстоитъ страш-

---

([39]) Chron. prov. p. 485.—P. Cern. c. 63.

ное наказаніе отъ рукъ безпощаднаго Монфора. Его предчувствія сбылись. На другой день, къ десяти часамъ утра, все крестоносное воинство было въ полномъ сборѣ на платформѣ крѣпости и на ея покатостяхъ. Назначено было совершить обрядъ обезчещенія и потомъ смертную казнь надъ плѣннымъ измѣнникомъ, котораго только теперь постигла месть за Рожера безьерскаго.

На платформѣ возвышался эшафотъ. Д'Альгэ привели съ связанными руками. Врядъ ли у него были какія-либо искреннія религіозныя убѣжденія, но когда-то альбигойцы видѣли въ немъ одного изъ своихъ; во всякомъ случаѣ онъ погибалъ на службѣ ихъ дѣлу. Монфоръ между тѣмъ не хотѣлъ считать его за еретика; потому осужденный вошелъ на подмостки въ сопровожденіи 12 католическихъ священниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ; по одну сторону его шелъ герольдъ въ полномъ вооруженіи, по другую палачъ огромнаго роста, весь въ красномъ. Когда всѣ бароны заняли свои мѣста около эшафота, герольдъ развернулъ пергаментъ; на печати былъ изображенъ крестъ. Герольдъ прочелъ приговоръ, которымъ обвиненный присуждался къ смертной казни за измѣну, предательства и клятвопреступленіе. По прочтеніи приговора, епископъ каркассонскій поднялся съ своего мѣста и предалъ осужденнаго анаѳемѣ; 12 священниковъ запѣли похороннымъ голосомъ псаломъ: Deus laudem meam non tacueris, осуждавшій измѣнниковъ. Пѣніе кончилось; герольдъ воскликнулъ трижды:

— Палачъ, кто этотъ человѣкъ?

— Рыцарь Мартинъ д'Альгэ, произносилъ палачъ на каждое воззваніе герольда.

— Нѣтъ, отвѣчалъ герольдъ; клятвопреступникъ и обманщикъ не можетъ быть рыцаремъ. Да не будетъ онъ болѣе рыцаремъ!

Палачъ вырвалъ мечъ у осужденнаго и воскликнулъ:

— Вотъ мечъ измѣнника!

Потомъ онъ сталъ сдирать съ него все рыцарское вооруженіе и каждый разъ возглашалъ громкимъ голосомъ:

— Вотъ латы, поручни, наколѣнники, набедренникъ, вотъ кинжалъ измѣнника!

Когда сорванъ былъ шлемъ, герольдъ взялъ склянку съ горячею водою и вылилъ ее на голову осужденнаго; это было позорное крещеніе,—символъ того, что водою этою

смывалось съ чела преступника помазаніе, а со щеки его поцѣлуй рыцарскій. Потомъ палачъ разрубилъ топоромъ щитъ д'Альгэ, а гербъ его испачкалъ грязью. На д'Альгэ накинули веревку; палачъ въ такомъ видѣ стащилъ его на подножіе эшафота, положилъ на носилки и покрылъ ихъ гробовымъ саваномъ. Обезчещеннаго рыцаря отнесли въ церковь. Двѣнадцать священниковъ окружили живаго покойника и пѣли погребальные гимны, какъ бы прощаясь съ человѣкомъ, умершимъ для рыцарства. Послѣ такой торжественной церемоніи, д'Альгэ положили на дровни, привязали къ лошадиному хвосту и въ такомъ положеніи среди толпы народной, повлекли по городу. Наконецъ, уже около 4 часовъ вечера, его повѣсили. Трупъ оставили висѣть на висѣлицѣ въ примѣръ позорной казни за измѣну и на съѣденіе хищнымъ птицамъ (40).

Побудительной причиной паденія замка Бирона была во всякомъ случаѣ измѣна, а непремѣннымъ условіемъ выдача д'Альгэ, такъ какъ извѣстно, что почти весь гарнизонъ выступилъ невредимымъ изъ Бирона. Сдача этого города служила сигналомъ уничтоженія самостоятельности Аженуа. Получивъ обладаніе надъ цѣлой областью, Монфоръ выступилъ на покореніе Керси.

Къ нему присоединилось 15 тысячъ крестоносцевъ. Ими начальствовалъ другой измѣнникъ, братъ графа тулузскаго Балдуинъ, прозванный за то «отступникомъ». Соединенная армія Монфора прежде всего устремилась на Муассакъ. Этотъ городъ, расположенный у подошвы горы, въ плодоносной долинѣ Тарна, получилъ свое названіе отъ обилія водъ. Ему трудно было потому повредить съ этой стороны; еретики явно издѣвались въ городѣ надъ многочисленными католиками; въ городѣ, пораженномъ интердиктомъ, насмѣшливо раздавался постоянный колокольный звонъ въ каѳедралѣ. Когда началась осада, граждане Муассака имѣли всѣ причины презирать силы Монфора. Огромныя

(40) Вездѣ короткіе отзывы про эту казнь въ родѣ Cans. (CXVI), но Barrau et Darragon возсоздають эту сцену аналогично другимъ подобнымъ событіямъ (Crois. I, 328—331); потому приведенныя подробности могли быть достовѣрны. Мы слѣдовали въ точности французскимъ авторамъ.

машины не могли разбить городской стѣны; епископъ каркассонскій и архидіаконъ Вильгельмъ употребляли всѣ свои знанія и усилія, но долгое время безполезно. Даже гомерическая храбрость Монфора должна была преклониться предъ силами природы и стойкости. Осажденные въ одной вылазкѣ опрокинули Симона; мало того, вождь рисковалъ собою, подвергаясь опасности погибнуть или отдаться въ плѣнъ. Подъ нимъ была убита лошадь; на него кто-то изъ альбигойцевъ намѣтилъ копье; ударъ ранилъ героя въ ногу. Въ этой схваткѣ попался альбигойцамъ въ плѣнъ племянникъ архіепископа римскаго. Старикъ-дядя перенесъ несчастіе съ твердостью и, узнавъ о томъ, показалъ окружавшимъ примѣръ терпѣнія и самопожертвованія ради службы Христовой. Скоро осада измѣнилась на блокаду вслѣдствіе условій самой мѣстности. Гарнизонъ могъ свободно выходить на гору и оттуда альбигойцы пускали стрѣлы на крестоносцевъ. Чтобы еще болѣе устрашить непріятеля, а вѣрнѣе по чувству мести и религіозной ненависти, альбигойцы ежедневно показывались на городскомъ валу и терзали плѣнныхъ кинжалами и копьями (41).

Наконецъ, къ крестоносцамъ стали подходить новыя вспоможенія изъ Франціи. Значительныя силы велъ Регинальдъ, епископъ Тула, но онъ едва было не потерялъ ихъ, столкнувшись подъ Кагоромъ съ графомъ де-Фуа, который заставилъ его укрыться въ ближайшемъ замкѣ. Графъ Балдуинъ былъ посланъ принять надъ ними начальство и привести ихъ въ лагерь. Съ того времени осада пошла дѣятельнѣе. Былъ изготовленъ большой «катъ», покрытый воловьими шкурами; онъ былъ подвезенъ къ самому рву крѣпости. На горѣ, между тѣмъ, альбигойцы уже не смѣли показываться; они стали тогда напрягать всѣ усилія, чтобы зажечь катъ. Со всѣми зажигательными снарядами и съ луками, они устремились на пріятеля. Отважнѣйшіе изъ крестоносцевъ бросились защищать машину, но удушливое пламя распространилось въ воздухѣ и непріятель былъ приведенъ въ невольное разстройство. Симонъ и Гюи Монфоры были изъ первыхъ, которые обороняли своими мечами машину, послужившую главнымъ предметомъ состязанія борю-

(41) P. Cern. c. 63.—Cans. CXVII—CXXIII.

щихся. Во время боя, монахи и все невооруженное духовенство, босое, молилось съ воздѣтыми руками; ихъ головы были посыпаны пепломъ; громко еще раздавались ихъ гимны, какъ вдругъ дружно оборонявшіеся альбигойцы отступили и скрылись за городскія стѣны. Попытка прорваться за ними была неудачна. Монфоръ понялъ, что этотъ городъ можно взять только выжиданіемъ и потому занялся рекогносцировкою и пріобрѣтеніемъ сосѣднихъ замковъ (Castel-Sarrasin Verdun). Тѣмъ временемъ, вся область Керси, кромѣ замка Монтобана, подчинилась оружію крестоносцевъ и только теперь граждане Муассака поняли, что ихъ дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, тѣмъ болѣе, что бреши дѣлались день ото дня значительнѣе. Изъ города требовали свободнаго пропуска гарнизона; крестоносцы требовали безусловной сдачи и задержанія гарнизона.—Монфоръ обѣщался пощадить городъ отъ разграбленія, если ему заплатятъ 100 марокъ золотомъ. Крайность заставила и на это согласиться. Только рыцарь Жеральдъ (de-Pepios) не согласился на то. На альбигойскихъ защитниковъ французскіе бароны не хотѣли смотрѣть, какъ на рыцарей; еретикъ не-католикъ на глаза ихъ лишался правъ рыцарскихъ. Симонъ Монфоръ сталъ такимъ же государемъ Муассака и всей Керси, какимъ былъ графъ тулузскій. Въ грамотѣ было сказано, что «Господь лишилъ графа тулузскаго за грѣхи его и безконечныя бѣдствія, причиненныя имъ Церкви и вѣрѣ католической» (42). Прежде городъ зависѣлъ отъ аббата; владѣтели Тулузы считались лишь сузеренами его. Монфоръ же, вѣроятно, приносилъ съ собою иную систему, иные взгляды, ибо съ первыхъ же дней своей власти вооружилъ противъ себя аббата, который такъ умѣлъ ладить съ Раймондомъ, считавшимся его «avoué» (43). Аббатъ отправилъ посланіе отъ себя къ королю французскому, какъ верховному сюзерену съ жалобою на вымогательства крестоносцевъ и особенно ихъ предводителя (44). Соглашаясь признать себя непосредственнымъ вассаломъ короля, онъ просилъ у него защиты.

Въ виду того, Монфоръ счелъ удобнымъ обратиться къ другому защитнику. Онъ всегда любилъ выставлять себя представителемъ Церкви, исполнителемъ ея велѣній. И въ этомъ случаѣ онъ старался всѣми мѣрами заискать у мѣстнаго духовенства, не скупясь на подарки, десятины собственно ему, а также на ежегодныя ренты въ Римъ, которыя, по обычаю, пріѣзжали сбирать чиновники папской канцеляріи (45). Одному изъ такихъ лицъ приказано было получить съ вождя крестоносцевъ 1000 серебр. труасскихъ марокъ (46); деньги эти предназначались въ подарокъ папѣ, нисколько тѣмъ не компрометируя его нравственныхъ идеаловъ (47). Ежегодные расходы римскаго двора, составлявшіе по бюджету кардинала Ценція, нѣсколько тысячъ марокъ, часто пополнялись такими внезапными рессурсами (48).

(42) Vaissete. Hist. de Languedoc; l. XXII, c. 27.

(43) Du-Mége (Add. et notes du l. XXII; V, 51) бездоказательно принимаетъ мысль о мнимой покорности Монфора.

(44) Письмо это помѣщено въ подл.—Preuves (Vaiss. V, 587, № LXIX) и въ переводѣ у Guizot. Coll. des mém. XIV, 283—385.

(45) Regest. l. XV, ep. 167—170,—по поводу порученія, даннаго субдіакону Петру Марку, въ сентябрѣ 1212 года.

(46) L. XV, ep. 175.

(47) Изъ письма папы видно, что Симонъ самъ предложилъ даръ Иннокентію: «Nobilitati tuae gratiarum dignas referimus actiones quod, sicut dilectus filius frater Constantinus conversus Carthusiensis nobis exposuit, tu volens nobis in mille marcis argenti liberaliter subvenire, Raimundum et Eliam de Caturcio fecisti juramento praestito corporaliter obligari ut eas cui voluerimus nomine nostro persolvant. Ideoque devotionem tuam rogamus attentius et monemus, per apostolica tibi scripta mandantes quatenus dilecto filio magistro Petro Marco subdiacono nostro correctori litterarum nostrarum, cui hoc duximus committendum, sine difficultate facias nostro nomine assignari». Migne. Patr. CCXVI, 693.

(48) Источникомъ для ознакомленія съ папскимъ бюджетомъ того времени служитъ счетъ, составленный папскимъ казначеемъ Ценціемъ, родственникомъ Целестина III, помѣщенный у Muratori (Antiq. ital. medii aevi; V, 851—910), подъ заглавіемъ: Liber censuum Romanae Ecclesiae a Censio Camerario compositus secundum antiquorum patrum regesta et memorabilia diversa (съ спец. изслѣд. издателя на лат. языкѣ; V, 797). Па-

Случалось, что на Югѣ нѣкоторые феодалы добровольно отказывались отъ своихъ владѣній, дѣлились ихъ доходами съ Римомъ и становились подъ покровительство Церкви, избавляя тѣмъ себя отъ преслѣдованій. Всѣ эти доходы папы вмѣстѣ съ данью королей Англіи, Скандинавіи, Даніи, Аррагоніи уходили на расходы по управленію Церковной областью, на содержаніе двора, а главное на осуществленіе замысловъ той міровой теократіи, которою задался Римъ. Крестовые походы и предпріятія (въ родѣ альбигойскаго или ливонскаго) поглощали значительно суммы папскаго казначейства. Монфоръ не останавливался передъ матеріальными издержками, всегда надѣясь выручить ихъ съ лихвою. Въ это время онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы дать рѣшительное сраженіе своимъ сильнѣйшимъ противникамъ, графамъ тулузскимъ и де-Фуа. Послѣдній неотступно тревожилъ его партизанскимъ образомъ и въ тоже время избѣгалъ всякой рѣшительной встрѣчи съ графомъ. Раймондъ былъ въ Савердюнѣ, когда туда кинулся Монфоръ съ нѣмецкими крестоносцами. Тулузцы покинули этотъ замокъ, тотчасъ же занятый непріятелемъ. Монфоръ полагалъ столкнуться съ графомъ де-Фуа, владѣнія котораго онъ уже заранѣе уступилъ французскому рыцарю Энгеррану де-Бовэ, но по-прежнему безуспѣшно преслѣдовалъ графа. Жители Готрива, пропустившіе черезъ свой городъ альбигойцевъ де-Фуа, разбѣжались при приближеніи крестоносцевъ ([10]). Городъ опустѣлъ, но для Монфора онъ былъ очень важенъ, какъ укрѣпленный пунктъ между двумя столицами Лангедока, Тулузой и Фуа. Узнавъ о вооруженіяхъ графа Комминга, Монфоръ рѣшилъ опустошить его земли и, двинувшись на нихъ, встрѣтилъ на пути крѣпкій и довольно обширный городъ Мюрэ. Онъ лежитъ въ привлекательныхъ мѣстностяхъ Гаронны, въ сосѣдствѣ съ Тулузой. Многіе разбѣжались изъ него, когда узнали о наступленіи Монфора, но тѣмъ не менѣе крестоносцы здѣсь должны были встрѣтить сопротивленіе. Первымъ дѣломъ рѣшено было сжечь деревянный, большой мостъ на Гароннѣ, черезъ который долженъ былъ проходить непріятель. Хотя въ Мюрэ почти не было кавалеріи, и хотя наступленіе католиковъ были стремительно, однако альбигойцы сопротивлялись какъ могли и задержали непріятеля на той сторонѣ. Неудачи крестоносцевъ продолжались до тѣхъ поръ, пока самъ Монфоръ не показалъ примѣра. Онъ кинулся съ храбрѣйшими крестоносцами въ воду и не безъ сильной опасности переплылъ ее. Появленіе такого ужаснаго воина на городской сторонѣ изумило мюрэйцевъ и заставило ихъ запереться въ городѣ. Но положеніе небольшаго отряда Монфоровыхъ героевъ сдѣлалось довольно опас-

---

пы съ давнихъ поръ вели подобные счеты; въ нихъ помѣщались списки церквей, монастырей, замковъ, городовъ, земель, баронствъ, платившихъ какую-либо дань въ Римъ. Реэстры Ценція, его система—были приняты въ основу дальнѣйшихъ работъ по этой части. Онъ дѣлитъ всѣ епископства на платящія и неплатящія въ папскую казну. Изъ 633 епископствъ платила почти половина,—именно 330. Изъ нихъ многія вносятъ натуральными повинностями; съ однихъ трибуты были опредѣлены вѣчные, съ другихъ временные, съ третьихъ чрезвычайные,—всё зависѣло отъ отдаленности мѣста, отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ условій страны. Богатые монастыри, какъ св. Діонисія, вестминстерское аббатство, тогда совершенно освобождались отъ взносовъ. Въ то время платило 375 монастырей, преимущественно италіанскихъ. Датскіе монастыри, польскія и чешскія церкви вовсе ничего не платили. Кабинетныя деньги папы получали съ собора св. Петра и Павла; Иннокентій III не бралъ ничего изъ этой суммы, предоставляя свою долю нищимъ и бѣднымъ. Самый значительный финансовый источникъ составлялъ доходъ съ Англіи,—при Иннокентіи III,—тысяча марокъ (въ 1213 г. ит. марка 5—30 солидамъ), нѣсколько пудовъ золота; съ Скандинавіи—300 марокъ; съ Аррагоніи—250 золотыхъ оболовъ; съ острова Сициліи — 12 тыс. денаріевъ; съ Апуліи — 1000 зол. монетъ. Ценцій не приводитъ итога валоваго дохода папскаго, такъ какъ въ то время, въ столицѣ западнаго міра, были въ ходу всевозможныя деньги. Опредѣлить каждую статью папскихъ расходовъ нельзя; извѣстно, что большія суммы сберегались въ Римѣ. Преемники Иннокентія III не довольствовались своими средствами; они ввели новые, незаконные рессурсы, которые и послужили послѣ одною изъ главныхъ причинъ великой Реформаціи (Acosta. Hist. de l'origine et du progrès des revenues ecclésiastiques. Francf. 1684).

([10]) P. Cern. c. 63.—Chron. prov. 488.

нымъ, когда проливные дожди переполнили Гаронну. Гарнизонъ, обрадованный тѣмъ и понявшій затрудненіе Монфора, рѣшился дать сраженіе, отправивъ между тѣмъ въ Тулузу гонца съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ и намѣреній мюрэйцевъ. Тулузцамъ предлагали воспользоваться оставшеюся на ихъ долю крестоносною арміею безъ страшнаго вождя ея. Монфоръ видѣлъ свое воинство съ другаго берега, а между тѣмъ не могъ и подумать подать ему какую-либо помощь. Крестоносцы, какъ доказалъ опытъ, были сильны только имъ; безъ него имъ грозило совершенное истребленіе. Мысли, одна другой смѣлѣе, возникали въ головѣ героя; но никто изъ крестоносцевъ не полагалъ, чтобы онъ рѣшился на единственный исходъ, который предстояло выбрать ему въ виду полнаго проигрыша всего крестоваго дѣла.

Ему знаками дали знать, что тулузское войско наступаетъ. Прошло нѣсколько часовъ и онъ самъ увидѣлъ знамена, доспѣхи и оружіе альбигойцевъ тулузскихъ. Гаронною онъ былъ отдѣленъ отъ непріятеля и отъ своихъ, которыхъ обрекалъ на вѣрную гибель и помочь которымъ былъ безсиленъ. Какъ нарочно, поднялся сильный вѣтеръ; рѣка закипѣла въ берегахъ. Монфоръ порывался кинуться въ волны; братья, сыновья и свита удерживали его. Но всякія препятствія для него были ничтожны. На мольбы удерживавшихъ его—онъ грозилъ мечомъ. Всякое физическое усиліе остановить его было напрасно.

— Я долженъ спасти ихъ; они гибнутъ за меня. Богу такъ угодно, Dieu le veut, воскликнулъ Монфоръ и, давъ шпоры своему коню, опрокинулъ Гюи, перескочилъ черезъ него и ринулся въ ревущія и кипящія волны.

Началась борьба между рѣкою и героемъ—всадникомъ. Неукротимая стихія оспоривала побѣду у человѣка и часто, какъ-бы издѣваясь надъ всѣми усиліями его, далеко откидывала всадника, будто увлекая его ко дну; волны скрывали его... Послѣ страшныхъ для крестоносцевъ мгновеній, въ которыя жизнь Симона висѣла на волоскѣ, онъ достигалъ цѣли, къ несчастію альбигойцевъ. Съ обоихъ береговъ крестоносцы наблюдали внимательно и съ гробовымъ молчаніемъ. Вдругъ оглушительное: «Vive Montfort» раздалось на противоположномъ берегу. Тяжелый конь скользя взбирался на покатость; онъ несъ торжествовавшаго всадника.

Пятеро рыцарей вышли слѣдомъ за нимъ. Восторгъ и крики долго не умолкали; они должны были грустно отозваться въ сердцахъ жителей Мюрэ и Тулузы; но альбигойскіе воины того и другаго города были обмануты. Они полагали, что крестоносцы нашли гдѣ-нибудь переправу и тѣмъ заявляютъ свою радость; никому изъ нихъ въ голову не приходило, чтобы Монфоръ рѣшился на переправу при такихъ условіяхъ. Тулузцы поспѣшили отступить, а крестоносцы стали спокойно исправлять мостъ. Какъ только постоянная переправа была приготовлена, вся католическая армія появилась у самыхъ стѣнъ Мюрэ. Это было въ тотъ же вечеръ. На слѣдующее утро армія приготовилась къ приступу и городъ былъ взятъ ([50]). Монфоръ учредилъ въ немъ свою главную квартиру; изъ нея онъ сталъ тревожить сосѣднюю Тулузу и Раймонда, у котораго въ рукахъ только и оставались столица да замокъ Монтобанъ; за исключеніемъ ихъ, вся тулузская область была покорена Монфоромъ. Кромѣ нея, французскому побѣдителю, въ концѣ 1212 года, принадлежали Альбижуа, Каркассона, Разесъ, Минервуа, Аженуа. Каркассона названа была столицею этого новаго государства. Имѣя въ виду покончить съ графомъ Комминга, который послѣ графовъ Тулузы и Фуа былъ единственно назойливымъ барономъ, и дорожа временемъ, Симонъ сдѣлалъ изъ Мюрэ экспедицію въ эту область. Ему содѣйствовалъ въ томъ епископъ Комминга, который прибывъ въ крестоносный лагерь, поднималъ Монфора противъ своей непокорной паствы, настаивая на немедленной кампаніи противъ Консерана. Епископъ хотѣлъ также принять участіе въ экспедиціи, но ему поручили сидѣть въ Мюрэ и укрѣплять городъ. Взятіе города С. Годана въ Коммингѣ имѣло свое дѣйствіе; вся мѣстная знать явилась къ Монфору на поклонъ. Альбигойство тамъ было непрочно. Мѣстные бароны весьма довольны были получить свои земли обратно отъ Монфора ([51]). Вернувшись изъ Гаскони, Симонъ усилилъ свои операціи противъ Тулузы. Столица была тревожима со всѣхъ сторонъ: часто у самыхъ воротъ города появлялся

([50]) **Cans. v. 2645.—P. Cern. c. 63.—Barrau et Darragon; I, 344—349.**

([51]) **P. Cern. c. 64.**

непріятель: нельзя было знать, гдѣ предупредить его. Тутъ нападалъ измѣнникъ Балдуинъ, тамъ Гюи Монфоръ, то внезапно появлялся самъ Симонъ, всегда неодолимый, только одинъ, котораго боялись альбигойцы и который наводилъ на нихъ ужасъ самымъ появленіемъ. Графъ Раймондъ утомился въ этой блокадѣ. Положеніе его, столь безъисходное, столь мучительное, прискучило ему. Онъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ, о которой думалъ давно и которая, такъ казалось ему, дастъ побѣду лангедокцамъ.

Въ октябрѣ 1212 года, графъ Раймондъ тулузскій, со свитою галантныхъ бароновъ, ѣхалъ по направленію къ Пиринеямъ. Онъ пробирался въ Аррагонію—просить прямой помощи у короля донъ-Педро.

Тогда-же, пышный кортежъ выѣхалъ изъ Тулузы по направленію къ нижнимъ Альпамъ. Это было торжественное посольство къ папѣ Иннокентію съ послѣднимъ объясненіемъ тулузцевъ. И тогда-же, новый могущественный повелитель Юга сзывалъ своихъ вѣрныхъ друзей и союзниковъ, свѣтскихъ рыцарей и духовныхъ прелатовъ, а также усмиренныхъ бароновъ провансальскихъ въ городъ Памьеръ.

Здѣсь предстояло дать прочную административную организацію завоеванію, предстояло закрѣпить за собою все отнятое отъ законнаго графа тулузскаго и распорядиться добычей. Симонъ Монфоръ не былъ на столько государственнымъ человѣкомъ, чтобы въ тѣхъ политическихъ идеяхъ, которыя онъ спѣшилъ осуществить теперь, способенъ былъ слѣдовать новому духу, начинавшему тогда вѣять во Франціи. Монфоръ далеко не обладалъ преобразовательнымъ геніемъ своего государя Филиппа Августа. Онъ долженъ былъ на этотъ разъ дѣйствовать въ духѣ среднихъ вѣковъ, воплотить пока общій государственный идеалъ своего времени.

Тѣмъ не менѣе, акты, составленные на этомъ собраніи, весьма важны для изученія того времени. Ордонансы и статуты памьерскіе 1212 года важнѣйшіе изъ правовыхъ памятниковъ среднихъ вѣковъ. То былъ новый кодексъ Юга, нѣкоторое обновленіе феодальной, государственной и социальной жизни Лангедока и потому эти любопытные документы должны остановить наше особенное вниманіе. Но прежде слѣдуетъ взглянуть на общую государственную реформу, сдѣланную нашествіемъ французовъ. Если разсматривать дѣло проще, безъ его церковной покрышки, то завоеваніе Лангедока Монфоромъ является такимъ же фактомъ, какимъ въ свое время было нашествіе саксовъ на бриттовъ, нормановъ на саксовъ, нормановъ на южную Италію или попытки латинянъ на области Византійской имперіи. Пришельцы должны были вносить въ мѣста новыхъ водвореній государственныя и соціальныя начала. Феодально - государственный бытъ сѣверной Франціи того времени мало чѣмъ отличался отъ южной, хотя централизація уже заявила свое появленіе; тѣ Монфоры, которые нѣкогда были жертвою королей французскихъ XII вѣка, въ Лангедокѣ сами дѣлаются Людовиками Шестыми. Но другое дѣло было вліяніе соціальное. Изъ вѣчно-веселаго, смѣявшагося Юга, статуты памьерскіе сдѣлали угрюмый монастырь, изъ царства трубадуровъ царство прелатовъ, съ невыносимѣйшимъ изъ гнетовъ,—гнетомъ клерикальнымъ. Государство Монфорово стремилось поработить и стереть мѣстную свѣтскую аристократію, замѣнивъ ее французской, назначаемой побѣдителемъ. Это государство было раздѣлено въ политическомъ отношеніи на двѣ области: Каркассэ и Аженуа. Съ новой столицей, Каркассоною, этимъ первымъ лавромъ крестоносцевъ, столицею сенешала, оно вносило въ страну не только незнакомое государственное начало, но дѣлало изъ нее нѣчто въ родѣ французской области, находившейся на военномъ положеніи. Въ рукахъ этого сенешала, который изъ Каркассоны переѣзжалъ въ Безьеръ и Лиможъ, сосредоточивалась и военная и судебная власть; онъ совершалъ неограниченную расправу съ тѣмъ же самовластіемъ, съ какимъ сзывалъ ополченія. Устройство Аженуа было такое же. Измѣнникъ Бухардъ де-Марли, изъ рода бароновъ Монморанси, былъ первымъ сенешаломъ въ Каркассонѣ; онъ властвовалъ отъ предѣловъ Фуа до города Монпелье, творя судъ надъ баронами, прежде независимыми и склонявшимися развѣ только передъ городскими властями. Сперва сенешалъ властвовалъ одинъ, но въ послѣдствіи получилъ двухъ помощниковъ или намѣстниковъ (juges—mage), изъ которыхъ одинъ взялъ уголовныя дѣла, другой гражданскія, такъ что на его долю остался надзоръ надъ движеніемъ судебныхъ функцій, да и то къ судьямъ былъ приставленъ королевскій прокуроръ. Апелляція на рѣшенія ихъ предназначалась, по французскому обычаю, въ парламенты, которые стали утверж-

даться около того времени. Вообще Югъ былъ въ судебномъ отношеніи принаровленъ къ Сѣверу ([52]).

На соціальный бытъ, т. е. на нравы и общественную жизнь Юга, нашествіе сподвижниковъ Монфора принесло, или по крайней мѣрѣ хотѣло принести, фатальное вліяніе. Католическому историку знаменитаго воителя казалось, что соціальныя и административныя реформы его героя имѣли въ виду отвратить какое-то зло, господствовавшее до него въ Лангедокѣ; подъ этимъ зломъ подразумѣвались, образованность, блескъ общежитія, изысканность нравовъ, богатство страны. «Съ прежнихъ временъ, области эти были жертвою грабительства и хищеній всякаго рода; вельможа терзалъ бѣдняка (potens impotentem), сильный тѣснилъ слабаго. Потому-то (igitur) благородному графу угодно было опредѣлить всѣ порядки (cunctas consuetudines), а также извѣстные предѣлы, которые никто не долженъ нарушать, указать на сколько по-справедливости рыцари имѣютъ право пользоваться законными доходами (recte viverent) и при какихъ условіяхъ меньшіе люди (minor populus) могутъ существовать подъ крыломъ господъ (sub alis dominorum), не будучи обременены ихъ чрезмѣрными вымогательствами» ([53]). Читатель знаетъ изъ первой главы этого сочиненія, на сколько существовали тѣ неблагопріятныя сословныя условія, на которыя счелъ нужнымъ указать монахъ сернейскій. Реформа, замышленная Монфоромъ, предназначена была совсѣмъ въ иныхъ видахъ, по инымъ побужденіямъ. Первый и главный результатъ альбигойскихъ войнъ,—она долженствовала быть исполненною торжественнымъ образомъ. Монфоръ будто хотѣлъ гарантировать себя передъ исторіею, предоставивъ исполненіе дѣла не себѣ, а парла-

([52]) Chéruel. Hist. de l'administration monarchique en France depuis l'avénement de Philippe-Auguste jusqu'à la mort de Louis XIV. Introd.—«Nous ne sommes pas encore à l'époque où le roi imposera la loi à tous les seigneurs; elle n'est encore sous Philippe-Auguste qu'une transaction, un contrat entre le roi et ses vassaux» (I, 15).—La guerre des Albigeois, à laquelle il refusa de prendre part, rendit réelle dans les provinces du midi de la France une autorité qui n'y était que nominale» (I, 13).

([53]) P. Cern. p. 647.

менту чиновъ. Въ парламентѣ участвовали епископы, рыцари и горожане. Число ихъ неизвѣстно. Монфоръ предложилъ собранію полуфранцузскій статутъ для государственнаго управленія. Парламентъ поручилъ редакцію его особой коммисіи изъ 12 членовъ ([54]). Въ ней участвовали 4 духовныя лица: епископъ Тулузы, епископъ Консерана, одинъ тампліеръ и, одинъ госпиталитъ, четыре французскихъ рыцаря и четыре мѣстныхъ уроженца, два барона и два горожанина. Введеніемъ въ собраніе послѣднихъ хотѣли замаскировать цѣли и характеръ собранія. Безпрекословно эти нѣмые члены должны были одобрять и принимать для своей родины кутюмы, дѣйствовавшіе въ окрестностяхъ Парижа. Симонъ былъ заранѣе увѣренъ въ томъ, что офранцузитъ страну, что его первая преобразовательная мѣра будетъ и самая рѣшительная. Потому, передъ началомъ засѣданій коммиссіи, вмѣстѣ съ своими товарищами, далъ клятву на Евангеліи никогда не нарушать того, что будетъ постановлено ея членами. Къ 1 декабрю они кончили свои засѣданія и составили актъ подъ названіемъ «Ордонансовъ и Регламентовъ», получившихъ послѣ извѣстность подъ именемъ Монфоровыхъ.

Этотъ актъ, написанный на пергаментѣ, былъ скрѣпленъ печатью самого графа и всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ ([55]). На немъ было написано слѣдующее, съ такимъ предисловіемъ:

«Именемъ Господа нашего Іисуса Христа, мы установляемъ генеральное судилище къ подавленію всего, что противно Богу, Римской Церкви и справедливости, къ искорененію ереси, къ уничтоженію всѣхъ преступленій, грабителей и другихъ злодѣевъ. Потому, мы Симонъ, Божіею милостію Графъ (*) Лейстера и Монфора, виконтъ Безьера, Каркассоны, синьоръ д'Альби и Родеца, преисполненные желанія совершить это предначертаніе и удержать государство въ мирѣ и покоѣ, въ честь Господа, св. Римской Церкви, нашего господина короля французскаго, и для пользы нашихъ подданныхъ, съ совѣта почтенныхъ синьоровъ, архіепископа Бордо, епископовъ Тулузы, Каркассоны, Аженуа, Перигье, Консерана, Ком-

([54]) Такъ излагаетъ дѣло—Vaissete; l. XXII, c. 34.

([55]) P. Cern. c. 65.

(*) Въ памятникѣ вездѣ подъ именемъ «Графа» подразумѣвается Симонъ Монфоръ, для обозначенія чего это слово пишется съ заглавной буквы.

минга, Бигорра, мудрыхъ мужей, бароновъ и именитыхъ вассаловъ нашихъ, — обнародываемъ по всѣмъ землямъ нашимъ, что слѣдующіе пункты повелѣваемъ всѣмъ народамъ нашимъ хранить ненарушимо, а именно:

I) Привилегіи и свобода церквей и молитвенныхъ домовъ, освященныхъ каноническимъ-ли, гражданскимъ-ли правомъ, должны быть всѣми уважаемы и оберегаемы. Мірянамъ воспрещается обращать въ замокъ или крѣпость какую-либо церковь или считать ее себѣ подвластной. Приказываемъ также, чтобы всѣ таковыя церкви были срыты или переданы въ руки епископовъ, которые никогда не должны допускать, чтобы эти храмы оставались укрѣпленными въ замкахъ или въ другихъ городахъ.

II) Всѣ обѣты, данные церквамъ, должны быть исполняемы безъ всякихъ затрудненій, сообразно обычаямъ каждой страны; всѣ десятины слѣдуетъ платить, какъ предписано и повелѣно святымъ отцемъ нашимъ, папою.

III) Никакой клирикъ, хотя бы при полученіи наслѣдственнаго достоянія, не можетъ быть подвергнутъ налогу, развѣ если только онъ считается за купца или состоитъ въ бракѣ. Также должно поступать и относительно бѣдныхъ вдовицъ.

IV) Никогда базаръ или ярмарку не слѣдуетъ открывать въ день воскресный. Пусть всюду, гдѣ имѣлось обыкновеніе торговать въ этотъ день, изберутъ какой-либо другой день, согласно указанію мѣстнаго владѣтеля и государя—Графа.

V) Кто уличитъ клирика въ какомъ бы то ни было преступленіи, то, если бы даже этотъ клирикъ имѣлъ одну простую тонзуру, тотъ долженъ безотлагательно представить его епископу или архидіакону или ихъ представителямъ. За неисполненіе того, за удержаніе при себѣ, виновный подвергается немедленному отлученію.

VI) Каждый домъ въ странѣ долженъ платить ежегодно 3 мельгор. денарія нашему святѣйшему отцу папѣ и нашей святой Матери Церкви Римской въ ознаменованіе и постоянное напоминаніе того, что помощью его (папы) земля эта отнята отъ еретиковъ и навсегда предоставлена Графу (Монфору) и преемникамъ его. Дань эта должна быть отбываема отъ начала великаго поста до дня Пасхи.

VII) Бароны и рыцари не смѣютъ принуждать платить налоги тѣхъ вассаловъ или тѣ феоды (виланы и деревни), которые даромъ или уступкою пріобрѣтены церквами и молитвенными домами отъ королей, князей и другихъ господъ и которые всегда считаются изъятыми отъ всякихъ поборовъ со стороны тѣхъ господъ, въ областяхъ и городахъ которыхъ эти вассалы живутъ. Если такой родъ владѣнія сомнителенъ въ слѣдствіе продѣлокъ еретиковъ и другихъ злыхъ людей и если сомнѣнія въ вопросѣ платежа не выяснены, то истина должна быть безотлагательно отыскана и справедливость возстановлена.

VIII) Прихожанъ должно принуждать ходить въ церковь въ воскресные и праздничные дни, когда прекращается всякое будничное занятіе, и слушать тамъ обѣдню и проповѣдь. Если же случится, что въ эти дни, господа и госпожи города или деревни не будутъ въ церкви, безъ достаточныхъ побужденій въ родѣ болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, — то таковые подвергаются штрафу въ 6 денаріевъ ходячей монеты, изъ которыхъ половина принадлежитъ синьору города или деревни, другая же часть дѣлится между церковью и приходскимъ священникомъ.

IX) Во всѣхъ тѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церкви, а вмѣсто того молитвенные дома еретиковъ, то одно пригодное для того зданіе предназначается на церковь, а другое на жительство священнику; если же есть церковь, а нѣтъ священника, то ближайшая еретическая молельня отводится для жительства священнику.

X) Кто впредь отважится дозволить за деньги или другимъ какимъ образомъ проживать еретику на своей землѣ, тотъ, побѣжденный, теряетъ навсегда всю свою землю, а его личность отдается въ полную власть синьора, который поступаетъ съ нею по всей своей волѣ.

XI) Предлагается каждому, кто бы онъ ни былъ, рыцарь или простолюдинъ, жертвовать изъ собственнаго имущества пятину на милостыни, согласно кутюмамъ Франціи и обычаямъ парижской области, исключая изъ счета бароніи, замки и подобные домены, развѣ только сузеренъ проживаетъ въ странѣ, наслѣдованной имъ и населенной прежде еретиками.

XII) Во всякомъ процессѣ и рѣшеніи, судья не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, ни по какимъ кутюмамъ, прибѣгать къ какому-либо вымогательству надъ тяжущимися сторонами. Судъ производится безвозмездно и съѣздъ (cour) самъ даетъ защитника тому, кто не могъ его пріобрѣсть.

XIII) Еретикъ, хотя бы и возвращенный Церкви, не можетъ быть ни превотомъ, ни байльи, ни судьею, ни засѣдателемъ (assessor), ни свидѣтелемъ, ни защитникомъ. Такъ же поступать и съ жидами; впрочемъ, жидъ можетъ быть свидѣтелемъ противъ своего соплеменника.

XIV) Еретикъ, если онъ еще не обращенъ къ Церкви, не можетъ проживать въ томъ городѣ, гдѣ онъ считался за еретика. Онъ долженъ жить лишь тамъ, гдѣ Графу угодно будетъ указать ему.

XV) Всѣ клирики и монахи, равно пилигримы и орденскіе рыцари, проходя черезъ наши земли, если только они не занимаются торговлею,—свободны отъ всякихъ поборовъ.

XVI) Бароны и рыцари французскіе обязаны служить графу Монфору всегда и вездѣ, гдѣ ведется война противъ него, по поводу земель покоренныхъ и впредь имѣющихъ быть покоренными, вмѣстѣ съ тѣми рыцарями, на которыхъ господинъ Графъ давалъ имъ земли и лены, хотя бы по условіямъ они и пользовались вполнѣ и самостоятельно землями, имъ данными. А если надѣлъ не обусловленъ въ точности, то вассалъ служитъ Графу съ тѣми рыца-

рями, которые написаны на земляхъ, порученныхъ вассаламъ. Если же Графъ безъ явной необходимости, не вынужденный защищать себя или свои земли, а добровольно, захочетъ оказать военную помощь сосѣду-ли или кому другому,—то ни вассалы, ни ихъ люди не могутъ быть принуждаемы служить ему, развѣ если того захотятъ по доброй волѣ, изъ любви къ нему.

XVII) Французскіе ленники, обязанные военною службою графу Монфору, въ продолженіе 20 лѣтъ должны непремѣнно служить съ французскимъ же рыцарствомъ, если не получатъ особаго разрѣшенія замѣнить французовъ рыцарями покоренной страны (т. е. провансальцами). По истеченіи же 20 лѣтъ, всякій служитъ съ тѣми рыцарями, которыхъ найдетъ годными къ войнѣ.

XVIII) Рыцари, получившіе отпускъ во Францію, не должны оставаться тамъ долѣе срока, назначеннаго графомъ Монфоромъ, безъ уважительныхъ причинъ; Графъ можетъ, по прошествіи срока и послѣ 7 мѣсячной отсрочки, не обращая ни на что вниманія, лишить ленника земли, съ которою поступаетъ по своему усмотрѣнію.

XIX) Всѣ бароны, рыцари и другіе владѣльцы въ государствѣ графа Симона, должны, по требованію его, безъ замедленія и безъ противорѣчія, возвращать ему замки и укрѣпленія, полученные отъ него. А послѣ, Графъ долженъ, какъ доброму государю надлежитъ, вернуть эти замки и укрѣпленія въ томъ-же видѣ.

XX) Всѣ бароны и военные люди должны являться по первому зову графа Симона, на помощь ему, туда, гдѣ онъ будетъ терпѣть осаду или утѣсненія. Если будетъ доказано, что кто-либо отказался идти на помощь Графу во время его крайности, и если не окажется основаній къ достаточному оправданію, то земля, которою владѣетъ такой ленникъ, отъ Графа будетъ конфискована въ пользу послѣдняго. Что касается до прочихъ служилыхъ военныхъ людей, какъ горожанъ, такъ и простолюдиновъ, то они должны являться на помощь Графу, по зову его, по 2 человѣка съ дома или по 1, если тамъ нѣтъ больше. Тѣ, которые не явятся и не принесутъ уважительнаго оправданія, лишаются половины ихъ движимаго и недвижимаго имущества, которое конфискуется въ пользу синьоровъ, ихъ повелителей.

XXI) Бароны, рыцари и другіе ленники, которымъ наступаетъ очередь отбывать службу графу Монфору въ продолженіе узаконенныхъ 15 дней, должны являться въ свой срокъ, если же замедлятъ и не явятся на назначенный пунктъ, то повинны заплатить пятую часть изъ годоваго дохода съ земли, данной имъ Графомъ. А если они явятся съ меньшимъ числомъ рыцарей противъ положенія, то платятъ вдвойнѣ за каждаго недостающаго рыцаря до полнаго числа. Такая же пеня полагается съ бароновъ и рыцарей провансальскихъ, если они не будутъ являться на службу, которою они обязаны Графу.

XXII) Никто изъ подданныхъ Графа не станетъ сооружать новыхъ укрѣпленій въ землѣ своей безъ его согласія, не станетъ даже возобновлять разрушенныхъ крѣпостей.

XXIII) Католическіе рыцари, уроженцы Юга, остаются къ своимъ сузеренамъ въ тѣхъ же служебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ они находились до крестоваго похода. Но тѣ, которые придерживались ереси, обязаны служить Графу и своимъ синьорамъ, по ихъ востребованію.

XXIV) Бароны, рыцари и другіе ленники, надѣленные землями государемъ—Графомъ, не могутъ требовать болѣе тѣхъ поборовъ, какіе опредѣлены ордонансами ихъ синьора и Графа, какого бы сорта эти поборы ни были, какъ то налоги, сыски, жертвованія, подати и другіе доходы съ земель, виноградниковъ, домовъ и всякихъ иныхъ достояній и правъ; ибо поборы эти учреждены и установлены такъ, что, внѣ ихъ, никто бы не могъ требовать и домогаться чего инаго. А если кто рѣшится поступить вопреки тому, то Графъ имѣетъ право принудить такого уступить и возвратить все взятое противъ хартіи, которая должна быть уважаема и соблюдаема всѣми.

XXV) Дозволяется всѣмъ подданнымъ людямъ мѣнять по ихъ произволу сузерена, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что люди свободные берутъ съ собою только движимое имущество, оставляя ему все недвижимое, отъ него-ли или отъ другаго полученное; рабы же, т. е. люди господина, оставляютъ ему какъ движимое, такъ и недвижимое, требовать котораго они уже лишаются права съ тѣхъ поръ, какъ переселились въ другую синьорію.

XXVI) Всякій заключенный или задержанный не лишается своихъ гражданскихъ правъ, если только можетъ дать достаточныхъ поручителей.

XXVII) Никакой синьоръ не можетъ удерживать заложниковъ или другихъ порукъ за своихъ людей, если они имѣютъ намѣреніе удалиться въ чужой доменъ, по общепринятымъ узаконеніямъ.

XXVIII) Синьоры получаютъ оброкъ съ своихъ людей, сообразно старому обычаю земель, городовъ и деревень и согласно таковымъ-же ихъ содержатъ.

XXIX) Въ уваженіе того, что подданные князей и синьоровъ, родившіеся въ этой странѣ, чрезмѣрно обременены налогами, на что они уже жаловались графу Симону, наши синьоры и рыцари соберутся другой разъ въ парламентѣ, дабы приискать болѣе справедливыя основанія въ распредѣленіи налоговъ и взносовъ. Если синьоры и рыцари отъ того откажутся, то Графъ можетъ ихъ принудить къ тому.

XXX) Горожане и крестьяне сохраняютъ за собой свои права на лѣса, воды и дороги въ томъ видѣ, какъ было назадъ тому 30 лѣтъ отъ настоящаго времени. Если же возникнутъ споры между ними и ихъ синьоромъ, то дѣйствительный владѣлецъ сохраняетъ свое владѣніе до тѣхъ поръ, пока дѣло не рѣшится клятвою старѣйшинъ (anciaиs) или инымъ какимъ способомъ.

XXXI) Никакой подданный не можетъ быть взятъ за долги своего господина, если онъ не поручитель и не дѣйствительный должникъ.

XXXII) Никакой баронъ, рыцарь, горожанинъ или крестьянинъ не можетъ силою отнять чужое имущество, но тотъ, кому будетъ сдѣлано такое насиліе, можетъ мстить лишь съ согласія своего синьора, которому будутъ приноситься всѣ подобныя жалобы. Тотъ, кто осмѣлится совершить насиліе, долженъ заплатить, въ пользу своего сузерена, 20 ливровъ, если онъ баронъ, 10 л. если онъ рыцарь, и 100 солидовъ, если онъ буржуа. Кромѣ того, по приказанію своего синьора, виновный долженъ возвратить похищенное и вполнѣ удовлетворить того, кому сдѣлана обида. Тотъ же, кто рѣшится на самовольную расправу, равно долженъ быть подвергнуть пенѣ и сверхъ того заплатить 60 солидовъ тому, кому онъ отомстилъ, и вернуть ему то, что онъ взялъ у него, съ вознагражденіемъ убытковъ. Отсюда исключается тотъ случай, если кто отражалъ силу силою.

XXXIII) Бароны, рыцари, горожане и крестьяне не должны смѣть принимать участіе въ какомъ-либо заговорѣ, ни словомъ, ни клятвою, даже подъ предлогомъ простаго братства, хотя бы и съ доброю цѣлью,—безъ согласія и желанія государя - Графа. Если же кто сговорился дѣйствовать противъ него, то жизнь и имущества таковыхъ въ его власти. А когда заговоръ направленъ не противъ него, а противъ всякого другаго лица, то заговорщики подвергаются пенѣ въ 10 ливровъ, если они бароны, въ 100 солидовъ, если они рыцари, 60 солидовъ, если они горожане, и 20 солидовъ, если они сельчане. Этой пенѣ не подлежатъ общества герольдовъ и пилигримовъ, которые даютъ временную клятву быть во взаимномъ общеніи для видовъ безопасности.

XXXIV) Кто впредь, безъ вѣдома и желанія графа Монфора, будетъ доставлять припасы или другіе предметы потребленія, а также помощь людямъ тулузскимъ, или другимъ врагамъ Графа, и когда таковой будетъ побѣжденъ, то онъ теряетъ навсегда свою землю вмѣстѣ съ остальнымъ своимъ имуществомъ; если же то будетъ сержантъ или бальи, рѣшившійся на содѣйствіе безъ вѣдома и противъ воли своего господина, тогда послѣдній конфискуетъ всѣ его имущества, а самого его предаетъ на расправу графа Монфора. Всѣ предметы и лица, взятые при этомъ, безъ всякого умаленія и протеста достаются тому, кто успѣлъ завладѣть ими.

XXXV) Кто, имѣя возможность взять, во владѣніяхъ Графа, враговъ вѣры католической,—того не сдѣлаетъ, тотъ, побѣжденный, предастъ свою землю и личность милосердію Графа. Такъ же будетъ поступлено съ тѣмъ, кто не будетъ явно возставать противъ нихъ и преслѣдовать ихъ по искреннему побужденію, согласно обычаямъ земли.

XXXVI) Хлѣбопеки пекутъ и продаютъ хлѣбъ согласно порядку, мѣрѣ и вѣсу, указаннымъ ихъ синьоромъ. Въ случаѣ неисполненія того, ихъ хлѣбъ конфискуется. То же постановленіе дѣйствуетъ и въ тавернахъ.

XXXVII) Публичныя женщины, проживающія въ городахъ, будутъ изгнаны изъ нихъ. Пошлины, установленныя князьями и другими синьорами, будутъ уничтожены черезъ 20 лѣтъ.

XXXVIII) Владѣнія, подлежащія цензу, не могутъ быть даримы и продаваемы ко вреду сузеренетета.

XXXIX) Налоги, въ извѣстные сроки, должны быть выплачиваемы синьорамъ, по принадлежности, и представляемы въ ихъ куріи. Всякій разъ, какъ такіе должники не представятъ суммы въ извѣстный срокъ, они будутъ штрафованы 5 солидами за каждый пропущенный срокъ, а если они не заплатятъ слѣдуемаго въ продолженіе трехъ лѣтъ, то синьоръ властенъ, не обращая вниманія на протестъ должника, отдать или продать его собственность другому лицу, а если синьоръ пожелаетъ самъ удержать ее, и даже возвратить ее должнику, то, тѣмъ не менѣе, послѣдній заплатитъ по 5 солидовъ за каждый пропущенный срокъ.

XL) Какъ бароны и рыцари, такъ горожане и сельчане, пріобрѣтая права, получаютъ свои наслѣдства, по правамъ и обычаямъ Франціи, господствующимъ около Парижа (Ile de France).

XLI) Жены измѣнниковъ и непріятелей графа Монфора должны оставить предѣлы страны своей, хотя бы они и считались за католиковъ, дабы на нихъ, въ послѣдствіи, не пало какое подозрѣніе. Они могутъ оставить за собою доходы съ ихъ земель и приданыхъ, если поклянутся, что не принимали никакого участія въ тѣхъ войнахъ, которыя вели ихъ мужья противъ христіанства и Графа.

XLII) Ни вдовы, ни другія благородныя дамы, ни иныя невѣсты, ни наслѣдницы, обладающія крѣпостями и замками, не осмѣливаются выходить за мужъ по своему желанію за уроженцевъ Юга, безъ согласія Графа, впредь до истеченія 10 лѣтъ, во избѣжаніе опасностей, какія могутъ приключиться ихъ землямъ. Но имъ дозволяется вступать въ бракъ съ тѣми французами, которыхъ они изберутъ, хотя бы и безъ согласія государя—Графа и другихъ господъ. По истеченіи же 10 лѣтъ, имъ дозволяется вступать въ бракъ по ихъ желанію съ французами и съ южанами безразлично.

Дано въ Памьерѣ, во дворцѣ нашемъ, 1 декабря 1212 года.

Къ этимъ статьямъ было прибавлено три слѣдующихъ, касательно кутюмовъ, предписанныхъ Монфоромъ его вассаламъ, а именно:

XLIII) Какъ бароны и рыцари, такъ буржуа и крестьяне наслѣдуютъ свои владѣнія, согласно обычаямъ, установившимся въ окрестностяхъ Парижа.

XLIV) Бароны, рыцари и синьоры не допустятъ поединковъ въ своихъ куріяхъ, исключая проступковъ измѣны, похищенія и грабежа.

XLV) Графъ обязуется хранить относительно бароновъ французскихъ и другихъ, которымъ онъ пожалуетъ земли въ этой странѣ, обычаи и порядки, господствующіе во Франціи, около Парижа, касательно жалобъ, судовъ, тяжебъ, леновъ и дѣлъ феодальныхъ.

Подписано тѣмъ же днемъ, 1 декабря 1212 года ([56]).

Въ этомъ статутѣ совмѣстились всѣ задушевныя желанія Монфора. Въ немъ онъ предусмотрѣлъ все, что могло быть полезно какъ въ интересахъ Римской Церкви, такъ и въ его собственныхъ. Принося полу-монастырскіе нравы на веселый Югъ (статьями IV, VIII и XI), упрочивая по возможности выгоды духовенства какъ мѣстнаго (статьи I—III, V и VII), такъ римскаго (ст. VI и XV), Монфоръ не забылъ гарантировать и себя (понимая непрочность завоевательной системы) цѣлымъ рядомъ статей (XVI — XXI, XXXIII), часто даже стѣснявшихъ тѣхъ людей, которые были его друзьями и помощниками въ покореніи Лангедока. Не говоря про то, что всякая возможность національной мѣстной оппозиціи была предусмотрительно отстранена, что ересь не имѣла и возможности возродиться вслѣдствіе условій французскаго террора, объявленнаго надъ страною, нельзя не замѣтить, что въ памьерскомъ актѣ было заранѣе узаконено то, что должно было фактически совершиться гораздо послѣ, — это лишеніе Юга его особенностей, объединеніе его съ Франціей и подчиненіе новымъ государственнымъ идеямъ, которыя уже съ того времени начинаютъ слабо вѣять на сѣверѣ отъ Луары; парижскіе кутюмы провозглашаются обязательными для Лангедока (статьи XL, XLIII, XLV), отнынѣ, значитъ, страны завоеванной, которой можно повелѣть измѣнить свою хозяйственную и юридическую стародавность.

Послѣ такихъ мѣръ, вся дальнѣйшая исторія альбигойскихъ войнъ имѣетъ лишь одинъ смыслъ, — *дать фактическое торжество государственнымъ началамъ, провозглашеннымъ* въ памьерскомъ дворцѣ Монфора, въ многознаменательный для Лангедока день *1 декабря 1212 года.*

([56]) Помѣщено у Martène et Durand. Thesaurus novus anecdotorum; I, 381 sqq.—Лучше изд. у Dressel: Jean du-Tillet. Hist. belli contra Albigenses (B 1845); 20 sq.—Въ переводѣ: Catel. Comtes de Toulouse; 267. Compayré. Etudes hist. sur l'Albigeois; 496. Barrau et Darragon; Crois. I, 358 — 376.—Schmidt (Hist. des Cathares; I, 252) дѣлаетъ такое заключеніе по поводу памьерскихъ статутовъ: «On le voit, ces coutumes avaient pour but la destruction non seulement de l'hérésie, mais aussi celle de la nationalité et de l'indépendance des méridionaux.»

Борьба, туземное сопротивленіе этому нашествію, — борьба слабаго противъ сильнаго, хотя она длится еще болѣе полстолѣтія. Всѣ военныя силы Франціи придутъ оружіемъ упрочить въ странѣ памьерскій статутъ.

Покоренные, угрожаемые, офранцуживаемые, лангедокцы думаютъ найти единственное спасеніе въ чужой помощи, въ народѣ, который только одинъ во всей Европѣ былъ близокъ къ нимъ по родству, по исторіи, который только одинъ во всей Европѣ могъ симпатизировать имъ, — въ народѣ аррагонскомъ и его рыцарственномъ королѣ. Высшее общество Аррагоніи должно было сочувственно откликнуться на вопль трубадуровъ. Донъ-Педро уже давно громко высказывалъ свое сочувствіе альбигойцамъ. Вспомнимъ, какъ онъ, раздраженный, оставилъ лагерь крестоносцевъ. Теперь ѣхалъ къ нему самъ графъ тулузскій просить заступничества и помощи, оставивъ свою столицу на попеченіе графа де-Фуа, страдавшаго вмѣстѣ съ нимъ. Радушно принялъ Педро своего несчастнаго родственника; онъ обѣщалъ Раймонду съ первыхъ словъ все, что было въ его власти. Политическія дѣла его были теперь такъ хорошо устроены, какъ рѣдко прежде.

Онъ побѣдилъ мусульманъ и слылъ героемъ толозской битвы. Обѣщая Раймонду всякое содѣйствіе войскомъ и деньгами, король хотѣлъ послѣдній разъ попытать переговоровъ съ могущественнымъ противникомъ ереси, папою Иннокентіемъ. Графъ тулузскій зналъ, что это ни къ чему не поведетъ, но король, тѣмъ не менѣе, отправилъ отъ своего лица посольство въ Римъ. Оно состояло изъ двухъ почетныхъ духовныхъ особъ. Въ январѣ 1213 года послы Петра уже бесѣдовали въ Римѣ съ Иннокентіемъ. Папа былъ склоненъ выслушивать голосъ оправданія, исходившій изъ Тулузы, центра ереси, — онъ уже не разъ дѣлалъ замѣчанія легатамъ, — тѣмъ болѣе, теперь, онъ долженъ былъ склониться къ заступничеству посторонняго короля, который былъ его вассаломъ и котораго онъ не имѣлъ достаточныхъ основаній подозрѣвать въ отступничествѣ отъ католицизма. Въ отвѣтъ на уважительныя представленія аррагонскихъ пословъ, папа велѣлъ немедленно изготовить по-

сланія къ легатамъ, его именемъ продолжавшимъ дѣйствовать въ Лангедокѣ. То были: Арнольдъ, теперь пышный архіепископъ Нарбонны, епископъ Ріеца и тотъ же каноникъ Ѳеодосій. Изъ ихъ дѣйствій было видно, что они забыли и о своемъ званіи и о цѣли своего назначенія въ Провансъ. Они совершенно предались свѣтской жизни и, въ упоеніи успѣховъ и счастья, спокойные со стороны Монфора, который иногда становился простой ихъ креатурою,—сдѣлались для страны главнымъ предметомъ ненависти и вмѣстѣ страха. И все это тогда, когда искреннѣйшія попеченія Иннокентія были посвящены дѣлу св. Земли ([57]). Не даромъ, думалъ онъ, послы донъ-Педро рѣзко очертили поведеніе легатовъ, увѣряя, что всякое дальнѣйшее веденіе крестовой войны излишне, что оно послужитъ только предлогомъ утолить алчность мѣстнаго духовенства и французскихъ пришельцевъ, сбродныхъ сподвижниковъ Монфора, что ересь скрылась, что лангедокскіе феодалы, какъ графы Комминга, Фуа и Беарна, ничѣмъ ей не причастны ([58]).

Папа повѣрилъ этимъ доводамъ пословъ. Феодалы, считавшіеся оскорбленными въ своемъ лицѣ и въ лицѣ короля аррагонскаго, будучи вассалами графа тулузскаго, только частью своихъ владѣній подлежали сюзеренству донъ-Педро; это былъ результатъ политики его предшественниковъ, графовъ барселонскихъ. Тѣмъ не менѣе, феодальное право было оскорблено крестоносцами и Иннокентій счелъ должнымъ принять на себя посредничество. Но отъ этого дѣла онъ отдѣлялъ другое, въ которомъ еще рѣзче обнаружилось самовольство Монфора. Графъ Симонъ не хотѣлъ признать себя вассаломъ короля за Каркассону, уступленную Петромъ. Въ этомъ поступкѣ французскаго барона нельзя было не видѣть явнаго нарушенія права, безцеремоннаго неуваженія установившагося обычая. Такъ какъ въ вопросѣ о Каркассонѣ не осталось никакихъ сомнѣній, а дѣла пиренейскихъ бароновъ курія римская хотѣла еще обдумать, то Иннокентій, прежде всего, предписалъ вождю крестоносцевъ

([57]) Письмо къ королю іерусалимскому «ad defensionem terrae sanctae», отъ 5 января 1213 года въ Reg. Inn. l. XV, ep. 211

([58]) P. Cern. c. 70.

присягнуть королю за Каркассону. «Симъ апостольскимъ посланіемъ повелѣваемъ тебѣ, чтобы ты не преминулъ исполнить относительно короля то, чѣмъ ему былъ обязанъ прежній графъ, ибо какъ мы ни любимъ тебя о Господѣ, не желаемъ и не должны желать, чтобы король потерпѣлъ что-либо или чтобы справедливость была нарушена» ([59]).

Это распоряженіе было написано 15 января (1215 года), а черезъ три дня было отправлено къ тому же Монфору такое рѣзкое по тону посланіе, къ которымъ не привыкъ этотъ католическій изъ католическихъ бароновъ, этотъ вѣрнѣйшій сынъ Церкви и которое достаточно показываетъ, что Иннокентій убѣдился въ страшныхъ насиліяхъ, совершаемыхъ на Югѣ его именемъ и въ наглости французскихъ завоевателей и всѣхъ крестоносцевъ ([60]).

«Любезнѣйшій сынъ нашъ во Христѣ, Петръ, знаменитый король аррагонскій изъяснилъ намъ черезъ посланниковъ своихъ, что ты оружіемъ своимъ (manus tuas) обративъ въ католичество тѣхъ, въ которыхъ распространилось нечестіе еретическое, тѣмъ не удовольствовался, а обратилъ воинство крестоносное на пролитіе неповинной крови и на насиліе противъ непричастныхъ ереси, отнявъ земли королевскихъ вассаловъ, какъ графовъ Фуа, Комминга и Гастона беарнскаго,—чѣмъ причинилъ ему, королю, тяжелое оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что въ земляхъ тѣхъ не жили еретики и обитатели ихъ никогда не осквернялись ужасами еретической заразы. Сверхъ того, посланники королевскіе объявили, что ты взялъ съ тѣхъ обитателей присягу на вѣрность и слѣдовательно дозволилъ еретикамъ свободное проживаніе, выдавая ихъ за католиковъ и тѣмъ дѣлая изъ себя послѣдователя ереси; въ самомъ дѣлѣ, какъ не считать тебя покровителемъ ереси, когда ты законно занялъ и присвоилъ себѣ ихъ землю. Они, послы, жалуются преимущественно на то, что въ то время, когда король, ихъ государь, велъ войну съ саррацинами, ты несправедливо завладѣлъ имуществомъ вассаловъ его, и что именно тогда ты,—зная, что король не можетъ оказать помощи послѣднимъ, ибо онъ отвлекъ силы свои противъ вѣроломнаго племени сар-

([59]) Reg. Inn. l. XV, ep. 214,—Migne; CCXVI, 744.

([60]) L. XV, ep. 213; p. 741—743.

рациновъ на помощь народу христіанскому,—устремилъ всѣ усилія свои на порабощеніе тѣхъ вассаловъ. Такъ какъ король имѣетъ намѣреніе продолжать войну съ саррацинами и такъ какъ тѣмъ дѣятельнѣе онъ можетъ дѣйствовать противъ нихъ, чѣмъ болѣе будетъ увѣренъ за спокойствіе другой части своихъ доменовъ,—то онъ требуетъ, чтобы спокойствіе и его самого и вассаловъ его, было обезпечено апостольскимъ престоломъ. Потому,—не желая лишить его правъ, ему принадлежащихъ, и не желая препятствовать исполненію его похвальныхъ намѣреній,—мы повелѣваемъ тебѣ возвратить ему и вассаламъ его всѣ тѣ земли, которыми ты завладѣлъ, дабы, въ случаѣ несправедливаго ихъ удержанія, ты не выказался ревнующимъ болѣе для собственныхъ выгодъ, чѣмъ для общихъ, т. е. для блага католической вѣры (ne ad tuum specialem, non generalem catholicae fidei, laborasse profectum per retentionem illicitam videaris).»

Столь же рѣзкою грамотою папа разразился относительно легатовъ. Иннокентій снова сталъ сомнѣваться въ нравственномъ принципѣ дѣйствій своихъ представителей и сомнѣнія свои съ видимымъ неодобреніемъ поступковъ легатовъ выразилъ въ слѣдующей къ нимъ грамотѣ, отправленной на другой день послѣ Монфоровой ([61]).

«Хотя пораженныя части тѣла должны быть усѣкаемы, такъ начинаетъ Иннокентій,—дабы язва не распространилась на мѣста здоровыя, однако надлежитъ искусно и благоразумно прилагать руку врачующую, дабы вмѣстѣ съ зараженными частями не были, по неблагоразумію, поражены и части неповрежденныя. Письма и послы нашего возлюбленнаго сына во Христѣ Петра, славнаго короля аррагонцевъ, достаточно убѣдили насъ, что онъ, король Петръ, не согласился оказать помощи вассалу своему, виконту безьерскому, который просилъ о ней въ то время, когда, послѣ изданія апостольской буллы на еретиковъ провансальскихъ, крестоносцы вступили во владѣнія этого виконта, и что оный же король, не внявъ мольбамъ о помощи со стороны виконта и, въ то же время, не желая препятствовать исполненію предначертаній Церкви, рѣшился вовсе не помогать католикамъ, дабы тѣмъ самымъ не оказать содѣйствія и на-

---

([61]) L. XV, ep. 212; p. 739—740.

ходящимся между ними еретикамъ. Потому, названный виконтъ, лишенный поддержки, потерялъ свою землю и былъ наконецъ, къ несчастію (miserabiliter), умерщвленъ. Ты же, братъ архіепископъ, вмѣстѣ съ благороднымъ мужемъ Симономъ де-Монфоромъ, приведя въ послѣдствіи войско крестоносцевъ во владѣнія графа тулузскаго, не только заняль всѣ тѣ мѣста, гдѣ находились еретики, но алчнымъ образомъ оба вы захватили (manus avidas extendistis) и тѣ, которыя никакъ нельзя было заподозрить въ еретичествѣ (super haeresi nulla notabantur infamia); нельзя же думать съ какимъ-либо вѣроятіемъ, чтобы тѣ народы, которые принесли клятву и получили дозволеніе оставаться на мѣстахъ прежняго жительства, были еще заражены ересью. Тѣ-же самые уполномоченные сказали намъ, что вы захватили (usurpastis) противъ всякой справедливости чужое имущество съ такимъ хищничествомъ, что у графа (тулузскаго) едва остались только замокъ Монтобанъ да городъ Тулуза. Сверхъ того, въ числѣ владѣній, несправедливо захваченныхъ вами, какъ извѣщаетъ король, находятся тѣ земли, которыя Ричардъ англійскій, славной памяти, далъ въ приданое сестрѣ своей, выдавая ее въ замужество за вышеупомянутаго графа ([62]), а также владѣнія графовъ де-Фуа, Комминга и Гастона беарнскаго. Король обращаетъ также особенное вниманіе (specialiter) на то, что ты архіепископъ и упомянутый Монфоръ, въ тѣхъ земляхъ, которыми вы завладѣли, вынудили подданныхъ трехъ означенныхъ графовъ дать присягу на вѣрность другому, хотя графы тѣ— вассалы короля аррагонскаго. Государь этотъ присовокупляетъ еще, что, по возвращеніи его послѣ побѣдъ надъ саррацинами ([63]), вышесказанный графъ тулузскій, увидѣвшись съ нимъ и изложивъ всѣ притѣсненія (damnis), нанесенныя ему крестоносцами, объявилъ,

---

([62]) По поводу этого брака и приданаго, какъ бы гарантированнаго римскою куріей, см. письмо Иннокентія къ епископу салисбюрійскому въ l. XIII, ep. 74.

([63]) Объ этой войнѣ и побѣдахъ въ Reg. имѣется подробное донесеніе кастильскаго короля папѣ, l. XV, ep. 182. О донъ-Педро тамъ такой отзывъ: «Venerunt etiam illustres amici nostri et consanguinei rex Aragonum et rex Navarrae cum potentatu suo in fidei catholicae auxilium et juvamen» (p 699).

что отказъ Церкви въ принятіи отъ него, графа, удовлетворенія, имъ предлагаемаго, онъ приписываетъ грѣхамъ своимъ и готовъ, на сколько то будетъ возможно для него, исполнить повелѣнія наши; и графъ въ послѣдствіи сказалъ, что не только понесетъ ярмо того наказанія, но что онъ передастъ ему, королю, владѣнія свои, сына, жену свою, дабы онъ, король, по усмотрѣнію своему, или взялъ ихъ подъ защиту, или оставилъ на произволъ. Потому король, ожидая не малаго ущерба себѣ по этому предмету и въ то-же время не считая справедливымъ, чтобы наказаніе превышало преступленія,—униженно проситъ оставить тулузское графство во владѣніе сыну вышеназваннаго графа (Раймонда), который, т. е. сынъ, никогда не былъ и, при помощи Божіей, никогда не будетъ зараженъ ересью. Король обѣщалъ сверхъ того держать во власти своей, какъ сына тулузскаго графа, такъ и самого графа во все то время, пока намъ угодно будетъ,—дабы перваго изъ нихъ воспитать въ вѣрѣ и благочестіи, равно и обратить все свое вниманіе на истребленіе ереси въ королевствѣ аррагонскомъ, съ тѣмъ, что во исполненіе всего этого будетъ представлено такое ручательство, какого мы потребуемъ. Король присоединяетъ къ тому, что графъ тулузскій соглашается, въ очищеніе прежнихъ прегрѣшеній своихъ, подвергнуться такому духовному наказанію, какое назначимъ мы, и служить противъ невѣрныхъ, какъ за моремъ, такъ и въ предѣлахъ Испаніи, около границъ, противъ вѣроломнаго племени саррациновъ. Но такъ какъ дѣло это было затруднительно и, благодаря Бога, приведено уже къ счастливому концу, то и надлежитъ поступать въ сихъ обстоятельствахъ съ большою осторожностью и должною обдуманностію, дабы не разрушить того, что совершено съ такимъ великимъ трудомъ. А потому, мы повелѣваемъ созвать соборъ въ мѣстѣ безопасномъ и благонадежномъ, пригласивъ на него архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ, бароновъ и тѣхъ сановниковъ, присутствіе которыхъ на этомъ соборѣ вы сочтете необходимымъ, и, изложивъ имъ безпристрастно просьбы и желанія короля аррагонскаго, рѣшительно отстранивъ при этомъ всякое личное раздраженіе, какъ ненависть, страхъ, привязанности и все плотское, вы тщательно донесете обо всемъ, что будетъ предусмотрѣно и рѣшено относительно сказанныхъ пунктовъ или доставите хотя бы и частное разумное мнѣніе,

дабы мы, согласно вашимъ донесеніямъ, постановили рѣшеніе, которое бы считали согласнымъ съ волею Божіею (secundum Deum viderimus statuenda), покончивъ тѣмъ или другимъ образомъ вопросъ о лучшемъ управленіи упомянутыхъ земель.—«Гдѣ два или три во имя мое, тамъ и Азъ посреди ихъ».

Кончая свое посланіе евангельскимъ текстомъ, папа высказалъ съ своей стороны непритворное желаніе кончить всю распрю исходомъ справедливымъ. Эта граммата снимаетъ съ него долю отвѣтственности за лицепріятныя и корыстолюбивыя дѣйствія его легатовъ.

Они должны были убѣдиться теперь, что дальнѣйшая ихъ политика должна быть направлена лишь къ чистымъ интересамъ вѣры. Наконецъ папа высказывалъ даже сомнѣніе въ необходимости продолжать крестовыя войны. Изъ его словъ можно было заключить, что католицизмъ снова возстановленъ на Югѣ и возстановленъ вполнѣ, что теперь настало время умиротворенія страны, никакимъ образомъ не нарушая однако же старыхъ условій ея государственной и юридической жизни; по крайней мѣрѣ въ папскихъ грамотахъ нѣтъ распоряженій въ такомъ смыслѣ. По мнѣнію Иннокентія, силы соединеннаго христіанства должны быть употреблены теперь на невѣрныхъ, такъ какъ ересь представлялась уже подавленною вполнѣ. Изъ Кастиліи самъ король униженно просилъ содѣйствія папскаго и помощи европейскаго рыцарства для дружнаго изгнанія саррациновъ ([64]). Какъ-бы въ отвѣтъ на мольбы Альфонса VIII, Иннокентій въ томъ же январѣ приказывалъ своимъ легатамъ употребить всѣ усилія, чтобы двинуть крестоносцевъ противъ испанскихъ мусульманъ. «Мы приказываемъ тебѣ, писалъ папа легату Арнольду (архіепископу нарбоннскому), въ этомъ смыслѣ снестись съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ Петромъ, королемъ аррагонскимъ, какъ съ графами, баронами и другими мудрыми мужами, которыхъ ты потому

([64]) Haec igitur, sanctissime Pateri vobis scribenda decrevimus, pro auxilio toti Christianitati impenso gratias quas possumus exhibentes, et humiliter supplicantes ut vos, quem Dominus ad summi sacerdotis gradum elegit, ei cum sacrificio laudis pro salute populi immoletis vitulos labiorum». Ib. p. 703.

поводу созовешь, дабы возвратить миръ и спокойствіе Провансу, дальнѣйшую безопасность котораго долженствуешь обезпечить основательнымъ договоромъ. Раздавъ индульгенціи апостольскія, какія полагаются тѣмъ, которые боролись съ еретиками,—ты ничѣмъ инымъ болѣе не долженъ обременять *христіанскій народъ»* ([65]).

Въ то самое время, когда писались эти бумаги,—другія сцены происходили въ Лангедокѣ. Если Иннокентій считалъ войну поконченною, если онъ, довольствуясь торжествомъ католицизма, примиренно и человѣчно относился къ Югу,—то его легаты еще не считали конченной свою миссію, еще не хотѣли проститься съ тѣми матеріальными выгодами, которыя она имъ доставляла. Теперь всѣ помыслы легатовъ, узнавшихъ объ аррагонскомъ посольствѣ въ Римъ, и ихъ честолюбивой креатуры, Симона Монфора, направлены къ тому, чтобы затемнить дѣло, запутать его и снова крестовую войну сдѣлать орудіемъ мести, наживы и другихъ личныхъ видовъ. И они достигли своей цѣли.. Альбигойцы, сообразно эластичному характеру своей догматики, уже были подавлены; въ Лангедокѣ трудно было указать «вѣрныхъ»; тамъ не знали даже, гдѣ скрываются «совершенные», эти агитаторы, плоть и кровь альбигоизма. Надо было отыскать ихъ и тогда найдется предлогъ къ возобновленію войны. Опытъ показалъ, что лучше всего замутить дѣло, перетолковать истину на сборищѣ людей единомышленныхъ, людей однихъ стремленій. Соборъ католическаго духовенства лангедокскаго былъ полезенъ для того; кстати, на него намекалъ самъ папа. Король Петръ между тѣмъ прибылъ лично въ Тулузу; онъ видѣлся съ Арнольдомъ и съ Монфоромъ и предложилъ имъ свое посредничество въ спорѣ съ альбигойской партіею. Этому прямо не противились, замѣтивъ, что согласіе будетъ дѣломъ собора. Король требовалъ возстановить домены графовъ тулузскаго, коммингскаго, беарнскаго и Фуа въ ихъ прежнемъ видѣ. Ему опять дали понять, что

([65]) L. XV, ep. 215; p 715.

раньше собора объ этомъ не можетъ быть и рѣчи ([66]). Соборъ, еще въ концѣ прошлаго года, предполагался въ Авиньонѣ, во исполненіе прежнихъ папскихъ предписаній кончить дѣло о графѣ тулузскомъ и простить его послѣ каноническаго наказанія,—но засѣданія того собора не могли состояться по причинѣ заразы, господствовавшей въ городѣ. Теперь, наконецъ, онъ собрался въ Лаворѣ, нѣкогда ознаменованномъ славнымъ диспутомъ альбигойскихъ и католическихъ богослововъ. Несчастный для альбигойской партіи поворотъ дѣла былъ въ томъ, что въ Лаворѣ открывались засѣданія раньше полученія папскихъ предписаній отъ 18 января.

Этотъ городъ значительно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ немъ знаменитый альбигойскій съѣздъ. Нѣкогда кипѣвшій альбигойцами, онъ теперь оглашался звономъ вечернихъ колоколовъ съ католическихъ церквей; альбигойство сдѣлалось семейной тайной, наружу оно не смѣло выходить. Архіепископы Нарбонны и Бордо, всѣ епископы тулузской епархіи, множество аббатовъ, засѣдало теперь на лаворскомъ собраніи; Арнольдъ предсѣдательствовалъ. Донъ-Педро выговорилъ себѣ право участвовать при открытіи собора. Онъ потребовалъ, чтобы объявлено было перемиріе на время переговоровъ или по крайней мѣрѣ на 8 дней (treuga). Это было совершенно справедливо; Монфоръ не могъ съ тѣмъ не согласиться, хотя тому и противились хищные бароны французскіе. — «Вы вѣрно не перестанете вредить тулузцамъ, говорилъ ему Петръ.—«Да, государь, не слѣдовало бы переставать, но изъ почтенія къ Вамъ, я удержусь отъ этого добраго дѣла на 8 дней» ([67]). Это было бо́льшее, что могъ выхлопотать король. Въ душѣ онъ не ждалъ ничего добраго отъ собора; съ самаго открытія засѣданій собранія, понимая каковы будутъ ихъ послѣдствія, онъ обдумалъ собственный образъ дѣйствій. Внезапно онъ оставилъ Лаворъ и уѣхалъ въ Тулузу. Послѣ разныхъ формальностей, на соборѣ хотѣли приступить къ рѣшеніямъ по поводу прежняго папскаго предложенія,—(послѣднія же—въ этотъ день только составлялись въ римской государственной канцеля-

([66]) P. Cern. c. 66.
([67]) id. p. 648.

ріи),—какъ отъ короля прибыло посольство изъ духовныхъ и привезло собранію слѣдующій меморандумъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: Петиціи короля аррагонскаго къ прелатамъ, собравшимся на соборъ въ Лаворѣ.

«Такъ какъ святая матерь наша, Церковь, не только наказуетъ, но и милуетъ, — то я, почтительнѣйшій сынъ ея, Петръ, милостью Божіей, король аррагонскій, униженно и настоятельно прошу вашу святость за Раймонда, графа тулузскаго, который желаетъ возвратиться въ нѣдра матери нашей Церкви и обязуется исполнить все то, что вы ему предпишете сдѣлать во очищеніе прегрѣшеній его и въ вознагражденіе за поношенія и оскорбленія, причиненныя имъ какъ самой Церкви, такъ за убытки и обиды, сдѣланныя имъ разнымъ храмамъ и прелатамъ, и если милосердіе этой святой матери на то будетъ, то проситъ онъ, графъ, милостиво возстановить его во владѣніяхъ и въ другихъ ущербахъ, имъ претерпѣнныхъ. Если же Церковь не соблаговолитъ внять нашей просьбѣ королевской, ради личности графа, то король настаиваетъ и проситъ (petit et rogat) за сына его, ибо отрокъ никоимъ образомъ отвѣчать лично не можетъ за все случившееся, — подъ тѣмъ условіемъ, что самъ онъ (старый графъ тулузскій) обязуется, во очищеніе грѣховъ своихъ, съ рыцарствомъ своимъ (cum militibus) служить или въ помощь испанскимъ христіанамъ на саррацинской границѣ, или въ заморскихъ странахъ, сообразно тому, гдѣ сама Церковь признаетъ за лучшее ([68]); за поведеніемъ же юноши, дабы онъ поступалъ какъ слѣдуетъ во славу Господню и Святой Римской Церкви, будетъ имѣться строгій присмотръ, а управленіе его землями предоставлено будетъ ему не прежде того, какъ онъ представитъ явныя свидѣтельства своей доброй жизни».

«Такъ какъ графъ Комминга не только никогда не былъ еретикомъ или ихъ единомышленникомъ, а скорѣе врагомъ ихъ и такъ какъ онъ притомъ увѣряетъ, что лишился владѣній своихъ единственно потому, что оказалъ по-

([68]) Lafaille (Ann. de la ville de Toulouse; abregé, 116) и Daniel (Hist. de France; I, 1393) ошибочно полагали, что служба противъ невѣрныхъ обязательна для сына.—См. Vaissete; Hist. de Languedoc; V, 200.

мощь графу тулузскому, своему родственнику и сузерену, то король ходатайствуетъ за него, какъ за вассала, и проситъ возвратить ему земли его съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ удовлетвореніе Церкви, если бы оказалось, что онъ въ чемълибо погрѣшилъ противъ нея».

«Item—такъ какъ графъ де-Фуа не причастенъ ереси и никогда еретикомъ не былъ, то король ходатайствуетъ также и за него, какъ за возлюбленнаго родственника, котораго оставить по-справедливости онъ не можетъ безъ поношенія себѣ самому, и проситъ, изъ почтенія и любви къ нему, королю,—возвратить графу де-Фуа его земли, обязавъ его, графа, исполнить въ удовлетвореніе Церкви все то, чему присудитъ его милосердіе матери Церкви, если окажется, что онъ погрѣшилъ противъ нея».

«Item,—тотъ же король ходатайствуетъ за вассала своего Гастона беарнскаго и убѣдительно проситъ возвратить ему землю и права сузеренскія ([69]), тѣмъ болѣе, что онъ готовъ повиноваться рѣшенію Церкви и судей безпристрастныхъ, если вы не согласитесь допустить насъ къ изслѣдованію и рѣшенію по сему дѣлу.

«Взаключеніе, король, считая должнымъ взывать скорѣе къ состраданію, чѣмъ къ суду вашему, касательно всего вышеупомянутаго, и предлагая вниманію вашему своихъ клириковъ и бароновъ, посланныхъ къ вамъ для переговоровъ, обѣщается съ своей стороны утвердить все, о чемъ вы условитесь съ ними. Король проситъ васъ отнестись къ посламъ съ радушіемъ и вниманіемъ и не задержать ихъ, дабы тѣмъ съ большею пользою помощь этихъ бароновъ, равно какъ и самого графа Монфора, могла быть употреблена въ землѣ испанской на дѣло всего христіанства, въ честь Господа и распространенія святой матери нашей, Церкви» ([70]).

([69]) У всегда точнаго Vaissete переводъ этого мѣста неправильный (et aux vassaux de ce vicomte); въ подлинникѣ говорится про «fidelitates vassalorum» и притомъ далѣе слѣдуетъ «sit», число единств.—(V, 201). Списывавшіе съ него Barrau et Darragon конечно повторяютъ ту-же ошибку (I, 388).

([70]) Этотъ документъ помѣщенъ у Petr. Cern. c. 66; p. 649.

Эта грамота подписана была въ Тулузѣ, 16 января, страннымъ стеченіемъ событій, за два дня до того, когда отправлена была изъ Рима, за печатью Иннокентія, приведенная нами инструкція легатамъ, составленная въ томъ же самомъ духѣ. Донъ-Педро опередилъ Иннокентія, не имѣя свѣдѣній отъ своихъ пословъ,—и это обстоятельство было однимъ изъ несчастныхъ для альбигойцевъ, для Раймонда, для всего Лангедока. Иначе пошли бы дѣла, если бы Петръ выждалъ время и не предупреждалъ распоряженій Иннокентія; иное бы впечатлѣніе на прелатовъ лаворскихъ произвело посланіе папы, открыто объявлявшаго себя на сторонѣ короля аррагонскаго и требовавшаго удовлетворенія его вассаловъ и между прочимъ графа тулузскаго. Когда же, на соборѣ, прочли грамоту королевскую, то поняли, что заступничество короля за еретиковъ и его самого дѣлаетъ причастнымъ ереси, противъ которой направлены всѣ крестовыя усилія. Легаты догадались, что Аррагонію и короля ея можно втянуть въ войну и сдѣлать предметомъ новыхъ походовъ, которымъ не предвидѣлось конца и которые суевѣріе и фанатизмъ всегда могли поддерживать. Рѣшено было потребовать мнѣнія каждаго члена по поводу вмѣшательства королевскаго, а пока покончить съ вопросомъ о прощеніи и разрѣшеніи графа тулузскаго въ слѣдствіе папскаго предложенія, сдѣланнаго прежде въ выраженіяхъ довольно общихъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ напрасно было разсчитывать на исходъ, сколько нибудь благопріятный для графа Раймонда. Объ январскомъ посланіи Иннокентія прелаты лаворскіе никакъ не предполагали. Архіепископъ нарбоннскій потому не имѣлъ причинъ смягчаться относительно короля аррагонскаго, а тѣмъ болѣе тулузскаго графа. Вмѣстѣ съ епископами альбигойскимъ, коммингскимъ и тулузскимъ онъ прочелъ отъ имени всего собора заявленіе въ такомъ смыслѣ. Онъ говорилъ, что нѣтъ причины разрѣшить тулузскаго графа въ ереси и въ смерти легата де-Кастельно, что въ томъ и другомъ родѣ преступленій графъ достаточно не оправдался,—въ подтвержденіе чего Арнольдъ приводилъ слѣдующія причины (71):—1) Графъ

(71) Reg. de neg. com Tol. l. XVI, ep. 39. По Mansi варіантъ въ началѣ письма non solum verbera, sed ubera (Conc. coll. XXII, 865) и въ Reg. l. XVI, ep. 42.

Раймондъ много разъ подъ присягою обѣщалъ изгнать еретиковъ и всякихъ рутьеровъ изъ своихъ владѣній и ни разу не сдержалъ клятвы. 2) Возвратясь изъ Рима, гдѣ онъ встрѣтилъ такой пріемъ, какого не заслуживалъ, графъ увеличилъ поборы, жертвовалъ интересами Церкви ради обогащенія еретиковъ и рутьеровъ, которымъ продолжалъ покровительствовать. 3) Эти рутьеры погубили болѣе тысячи крестоносцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ. 4) Графъ держалъ въ своихъ темницахъ болѣе года аббатовъ Муассака и Монтобана и, будучи въ главѣ разбойничьей шайки, изгналъ епископа аженскаго изъ его епархіи; лишивъ этого прелата всѣхъ его доменовъ, онъ, не довольствуясь тѣмъ, подвергнулъ его штрафу въ 15 тысячъ солидовъ. 5) Въ продолженіе столь долгаго времени, подозрѣніе въ его еретичествѣ нисколько не уменьшилось.

По всѣмъ этимъ причинамъ, заключило собраніе и «по многимъ другимъ, которыя было бы долго исчислять», нѣтъ основаній простить графа тулузскаго и примирить его съ Церковью. Только по особому повелѣнію святѣйшаго отца папы отлученіе могло бы быть снято съ него, — такъ рѣшили члены собора, а январскія бумаги были близки къ такому исходу!

Теперь соборъ взялся за отвѣтъ королю аррагонскому. «Мы съ удовольствіемъ замѣтили, написано въ отвѣтной грамотѣ, что ваша королевская свѣтлость именуетъ себя преданнымъ сыномъ Церкви (filium devotum), почему мы благодаримъ Господа Іисуса Христа и васъ, короля, и во всемъ, гдѣ можно бы поступить по Божьему, мы согласны бы были склониться къ вашимъ просьбамъ, по причинѣ той постоянной любви, которую Святая Римская Церковь вамъ оказываетъ. Что же касается до ходатайства вашего за графа тулузскаго, то мы должны отвѣтить вашей королевской свѣтлости, что все относящееся до дѣла графа и его сына, который зависитъ отъ отца своего, нашему вѣдѣнію, вслѣдствіе высокой важности своей, не подлежитъ, тѣмъ болѣе, что, съ согласія самого графа тулузскаго, дѣло его, подъ извѣстными условіями, предоставлено господиномъ папою епископу Ріеца и отцу Ѳеодосію. Мы знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ, господинъ папа, не взирая на всѣ многочисленныя преступленія графа, оказалъ ему многія милости; извѣстно также, что легатъ апостольскаго престола, поч-

29

тенный архіепископъ нарбоннскій, тогда аббатъ Сито, вслѣдствіе нашего посредничества и въ уваженіе ходатайства вашего, уже два года тому назадъ, сдѣлалъ ему, графу, выгодныя предложенія въ Нарбоннѣ и въ Монпельѣ. Тогда легатъ соглашался на то, чтобы сохранить въ цѣлости и неприкосновенности всѣ владѣнія графа и всѣ права его (omnes dominicaturas et proprietates) и оставить неприкосновенными права его надъ замками прочихъ еретиковъ, составлявшихъ часть его доменовъ. Что же касается до тѣхъ замковъ, которые принадлежали инымъ еретикамъ и не составляли его феода и число которыхъ, по его же словамъ, доходило до 50, то легатъ соглашался, чтобы четвертая часть ихъ, и даже третья, подчинилась ему же, графу (72). Между тѣмъ, графъ, презрѣвъ эту великую милость господина папы, его легата и Церкви Господней, сталъ дѣйствовать вопреки всѣмъ клятвамъ, которыя онъ самъ прежде приносилъ легатамъ, и, дѣлая насиліе за насиліемъ, преступленіе за преступленіемъ, зло за зломъ, продолжалъ преслѣдовать Церковь Господню и наносить великое бѣдствіе христіанству, сговариваясь и соединяясь съ еретиками и рутьерами,—чѣмъ оказался вполнѣ недостойнымъ никакихъ милостей и благодѣяній.

---

(72) Это было не совсѣмъ такъ. См. этого сочиненія,—гл. III. Тотъ самый Петръ Сернейскій, который теперь (с. 66) приводитъ такое показаніе, прежде (с. 43) говорилъ иначе. Легатъ предлагалъ Раймонду: кромѣ его доменовъ, воспользоваться четвертою, или третьею долей его леновъ или, точнѣе, его сузеренныхъ правъ на нихъ и больше ничего (Illa etiam jura quae habebat in castris aliorum haereticorum, quae de feodo ejus erant, quae idem comes etc.. volebat.. ut quarta etc. p. 599). Теперь же, кромѣ того, что все это вполнѣ признается «integra», прибавлена новая статья, никогда легатами не предлагавшаяся и неестественная въ ихъ устахъ (De illis praeterea castris... quae de feodo ejus non erant, quae.. quinquaginta, volebat.. ut quartalis et tertia pars eorum caderet in proprietatem comitis supradicti, p. 650). Очевидно, что Арнольдъ хотѣлъ похвастать своимъ излишнимъ великодушіемъ, что впрочемъ ввело въ ошибку Vaissete и списывавшихъ съ него, Barrau et Darragon (I, 189).

«Что касается до просьбы вашей за графа Комминга, то мы постановили отвѣтить вамъ касательно его, что онъ, послѣ многихъ преступленій и клятвопреступничества, заключивъ союзъ съ еретиками и ихъ покровителями, вмѣстѣ съ ними гналъ Церковь, не будучи ничѣмъ оскорбленъ ею, а послѣ, увѣщеваемый вернуться на лоно Церкви и присоединиться къ католичеству, упорствовалъ въ своемъ злочестіи, — по всѣмъ тѣмъ причинамъ онъ не можетъ быть разрѣшенъ отъ отлученія и проклятія. Извѣстно даже, что графъ тулузскій неоднократно указывалъ на графа Комминга, какъ на подстрекавшаго его къ войнѣ, изъ чего можно заключить, что онъ-то и былъ причиною многочисленныхъ бѣдствій, перенесенныхъ Церковью. Впрочемъ, если онъ окажется заслуживающимъ отпущенія, то, давши ему возможность оправдаться, Церковь не преминетъ оказать ему справедливость.

«Кромѣ того ваше королевское величество ходатайствуетъ за графа Фуа; на это мы отвѣтимъ вамъ, что съ давнихъ поръ онъ считается покровителемъ еретиковъ и еще по сіе время онъ самый рьяный изъ ихъ послѣдователей, ибо несомнѣнно, что къ числу ихъ принадлежатъ такъ называемые «вѣрные». Этотъ графъ, послѣ многихъ преступленій, послѣ всѣхъ клятвъ его, послѣ разрушенія и грабежа церквей, послѣ плѣненія духовныхъ лицъ, которыхъ онъ содержалъ по тюрьмамъ, и разграбленія имуществъ,—былъ наконецъ преданъ анаѳемѣ. Легатъ едва простилъ ему, и то по вашимъ настояніямъ,—что онъ перерѣзалъ крестоносцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые безпечно шли къ Лавору. Вашему величеству не безъизвѣстно, на сколько велико было снисхожденіе легата, если онъ въ такомъ дѣлѣ рѣшился уступить вашему заступничеству; заблужденіе самого графа причиной того, что это обстоятельство не привело къ инымъ послѣдствіямъ. Еще по сіе время хранятся ваши письма, адресованныя графу Монфору и закрѣпленныя вашею королевской печатью, въ которыхъ между прочимъ написано: «Мы соглашаемся, если графъ де-Фуа не приметъ этихъ условій и если вы не захотите послѣ выслушать нашихъ предложеній въ его пользу, не настаивать на продолженіи мира». Впрочемъ, если этотъ графъ окажется достойнымъ получить разрѣшеніе, и если онъ за-

служитъ того, то, въ случаѣ представленій его, Церковь не откажетъ ему въ должной справедливости.

«Вы ходатайствуете также за Гастона беарнскаго и просите возвратить ему его домены и возстановить его сузеренскія права. На это мы вамъ отвѣтимъ, что онъ извѣстнѣйшій врагъ и гонитель церквей и духовныхъ, не говоря про другія многочисленныя или лучше безчисленныя его преступленія и про союзы его противъ Церкви и крестоносцевъ съ еретиками, ихъ послѣдователями и защитниками. Онъ помогалъ тулузцамъ въ битвѣ подъ Кастельнодарри; онъ держалъ при себѣ убійцу Петра де-Кастельно, легата апостольскаго престола; онъ долго держалъ въ своихъ войскахъ рутьеровъ и имѣетъ ихъ еще по сіе время. Въ прошломъ году онъ привелъ ихъ съ собою въ каѳедралъ д'Олерона, гдѣ, порвавъ шнуръ, который поддерживаетъ завѣсу алтаря, онъ побросалъ на землю,—что ужасно и произнести,—тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Въ добавокъ, нарушивъ всѣ клятвы свои, онъ совершилъ насилія противъ клириковъ; по этому-то и по многимъ другимъ причинамъ, о которыхъ мы теперь умолчимъ, онъ и повергнутъ въ узы отлученія и анаѳемы. Тѣмъ не менѣе, если онъ дастъ должное удовлетвореніе Церкви и если заслужитъ отпущеніе, то его жалобы будутъ удовлетворены, въ случаѣ, если онъ ихъ представитъ. А вашему королевскому величеству, государю столь знаменитому, не слѣдовало бы вступаться за отлученныхъ, не принесшихъ оправданія, ибо пока мы, конечно, не можемъ ничего инаго сказать про этихъ людей и ихъ дѣла.. Мы молимъ Бога сохранить на долго васъ, въ честь Господню и св. Римской Церкви. Если же ваше королевское величество не останетесь довольнымъ этимъ рѣшеніемъ, то мы принуждены будемъ донести обо всемъ господину папѣ, ради почтенія и любви нашей къ вамъ» ([73]).

Такъ были отвергнуты петиціи короля аррагонскаго. Казалось, насталъ часъ разрыва; но столь велико было вліяніе католическихъ идей на умы современниковъ, что и теперь еще донъ-Педро не прервалъ сношеній съ людьми, явно къ нему нерасположенными. Онъ до послѣдней минуты скрываетъ мысль о возможности войны между нимъ и крестоносцами, дѣйствовавшими подъ могучей эгидой Рима. Видимо онъ хотѣлъ выговорить мирнымъ образомъ интересъ своего друга и потому ловилъ послѣднія надежды. Онъ отправляетъ новыхъ пословъ на соборъ; имъ поручено было выхлопотать перемиріе до Троицына дня или по крайней мѣрѣ до Пасхи. Получивъ извѣщеніе изъ Рима, что нѣкоторыя надежды есть, онъ разсчитывалъ хотя выиграть время, полагая, что легатъ скоро долженъ получить папскія предписанія, въ смыслѣ благопріятномъ для тулузцевъ. Но соборъ дурно принялъ аррагонское посольство и легатъ поспѣшилъ отказать ему. Только теперь донъ-Педро рѣшился на разрывъ. Онъ объявилъ себя покровителемъ гонимыхъ Церковью феодаловъ,—графа тулузскаго и его друзей ([74]), заявивъ при этомъ, что донесетъ папѣ о лицепріятныхъ дѣйствіяхъ собора. Но уже было поздно; соборъ предупредилъ его.

Такъ новая жертва была впутана въ тонкія, но крѣпкія сѣти Арнольда. Могущественный легатъ спѣшилъ теперь закрѣпить силки.

Грозной грамотой соборъ отвѣчалъ на вызовъ короля; если выраженія ея были пока дипломатическія, то смыслъ долженъ былъ навести невольное раздумье на всякаго католическаго государя первой половины XIII столѣтія. «Вы рѣшились принять подъ свое покровительство городъ Тулузу и замокъ Монтобанъ, вы рѣшились защищать противъ арміи крестоносцевъ земли преданныя Сатанѣ, земли, за ужасныя злодѣйства, отлученныя отъ всякаго общенія съ Церковью... и, если это такъ, то это не только повредитъ вашему спасенію, но и вашему достоинству королевскому, вашей чести, вашей славѣ... Потому мы заклинаемъ васъ

([73]) Этотъ документъ помѣщенъ у Petr. Cern. c. 66. и въ Reg. l. XVI, ep. 42—Migne; CCXVI, 840—842. Онъ помѣченъ только двумя днями позже (XV kal. Febr.) аррагонскаго меморандума, въ отвѣтъ на которое онъ предназначался.

([74]) «Videns rex quod nihil proficere potuisset, in grave dispendium famae suae pariter et honoris, apposuit quod excommunicatos et terras eorum quas adhuc tenebant, in sua protectione reciperet: et ut suam nequitiam aliquantulum palliaret, sedem apostolicam appellavit». P. Cern. p. 653.

отъ такого соучастія, заклинаемъ всею нашею властью, дабы такимъ покровительствомъ... вы не подпали позору анаѳемы. Наконецъ, мы не скроемъ отъ вашего величества, что если вы позволите кому-либо изъ вашихъ защищать эти страны, вслѣдствіе отлученія лишившіяся всякихъ правъ,— то мы васъ, король, торжественно объявимъ защитникомъ ереси» ([75]).

Тогда же соборъ, слѣпо повиновавшійся указаніямъ Арнольда, отправилъ съ депутаціею донесеніе папѣ о всемъ происходившемъ, составленное въ извѣстномъ духѣ. Отецъ Ѳеодосій, архидіаконъ Вильгельмъ, епископъ Консерана,— могли какъ нельзя лучше перетолковать дѣло передъ римской куріей. Пока Иннокентій узналъ объ этомъ и пока донесеніе дошло до него, аррагонская политика успѣла развиться окончательно и крестоносцамъ пришлось бороться съ новымъ врагомъ, явно ставшимъ за ересь. Изложимъ эти подробности.

Угрозы легата уже не могли остановить короля. Онъ тѣмъ тѣснѣе сблизился съ гонимыми владѣтелями, графомъ тулузскимъ, коммингскимъ, де-Фуа, виконтомъ беарнскимъ и ихъ вассалами. Въ Тулузѣ, 27 января 1213 года, онъ торжественно принялъ всѣхъ ихъ подъ свое подданство и принесъ присягу сузерена. Графъ тулузскій съ сыномъ предали здѣсь самихъ себя, замокъ и городъ Тулузу, замокъ Монтобанъ съ ихъ правами, бывшими и имѣющими быть, всѣ домены свои, своихъ вассаловъ и подданныхъ,—на волю короля Петра и намѣстниковъ его ([76]). Знакомый съ условіями феодальнаго государственнаго строя, пойметъ, что этимъ тулузское графство не подпало подданичеству Аррагоніи; оно имѣло извѣстныя отношенія только съ личностью ея государя и то черезъ своего прирожденнаго графа. Королю было предоставлено сноситься съ папою и ратовать за тулузское государство. Собрался капитулъ ([77]). Присутствовали всѣ наличные консулы изъ крѣпости и города.

([75]) Reg. l. XVI, ep. 43.—P. Cern. c. 66.

([76]) Всѣ документы по дѣлу о передачѣ Тулузы королю Петру,—у Migne. Patr. CCXVI, 845—849.

([77]) См. у насъ, стр. 65—66.

Они не лишались своей свободы, когда отдавались королю; они сближались только съ народомъ, почти единокровнымъ. Безъ горькаго чувства они читали свою клятву; если между ними были альбигойцы, то не могли оскорбиться они видомъ реликвій, замѣненныхъ Евангеліемъ, къ которому они всегда относились съ благоговѣніемъ. Этимъ «священнымъ Евангеліемъ», а не Римской Церковью, клялись они; не на папскую, а на Божью помощь полагались они ([78]). Впрочемъ, въ виду силы и интересовъ своего державнаго покровителя, они обѣщали слѣдовать велѣніямъ папы, и не противодѣйствовать имъ (et contra non veniemus aliqua ratione). Слѣдомъ за ними выступилъ графъ де-Фуа, храбрый воинъ, легкомысленный, всегда любимый и теперь такъ же веселый, какъ въ своемъ полумусульманскомъ дворцѣ, въ обществѣ дамъ провансальскихъ. За себя и за сына отдавалъ онъ свои замки,—которые вполнѣ перечислилъ,—королю аррагонскому, котораго назвалъ господиномъ своимъ ([79]). Потомъ выступилъ Бернардъ, графъ пиринейскаго Комминга и прочелъ формальный актъ съ тѣмъ же почтительнымъ воззваніемъ къ матери Церкви и къ господину Иннокентію, и отдавался королю вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Бернардомъ-же. Онъ и Гастонъ беарнскій уже давно считались вассалами Петра, давно, собратья по оружію и походамъ, они питали къ нему одинаковое рыцарское чувство, полное преданности и особой искренности.

Король долженъ былъ скоро оставить Тулузу. Его съ нетерпѣніемъ ждали въ Аррагоніи, гдѣ быстро узнали о всѣхъ приключеніяхъ донъ-Педро и о важныхъ событіяхъ, сдѣлавшихся предметомъ напряженнаго вниманія аррагонскаго рыцарства. Общее впечатлѣніе было хорошее; рьяные католики, аррагонцы, видѣли въ тулузцахъ людей, гонимыхъ жадностью духовныхъ феодаловъ. Между свѣтской и духовной аристократіей всегда былъ раздоръ въ Лангедокѣ; по сходству культуры, онъ передавался и за Пиринеи. Короля встрѣтилъ восторженный пріемъ.

([78]) Reg. l. XVI, ep. 47. Consulum Tolosae juramentum, p. 846.

([79]) Professio comitis Fuxensis, ib. p. 847.

— Съ тысячью рыцарей моихъ я уничтожу крестоносцевъ, говорилъ король, и на эти слова громко откликнулись аррагонцы ([80]).

Донъ-Педро объявилъ съѣхавшимся баронамъ, что онъ рѣшился воевать за Тулузу. — «Онъ мой братъ (cunhatz), а сынъ его женатъ на моей сестрѣ. Я долженъ идти противъ этого подлаго племени, которое хочетъ лишить его законнаго наслѣдія. Попы и французы хотятъ изгнать его изъ родной земли ради своего удовольствія. Я прошу васъ, друзья мои, собрать и вооружить людей своихъ; черезъ мѣсяцъ мы пойдемъ въ походъ.

— Государь, отвѣчали бароны, все, что говорили вы, совершенно справедливо и мы ни въ чемъ не будемъ противиться вашимъ намѣреніямъ.

И, вслѣдъ за этими словами, по всей Аррагоніи начались вооруженія ([81]), — говоритъ пѣвецъ провансальскій.

Между тѣмъ, желая по возможности оправдать себя передъ римскимъ правительствомъ, король отправилъ въ Римъ протестъ противъ поступковъ легатовъ. Въ то-же время, пользуясь наступающимъ лѣтомъ, онъ спѣшилъ открыть военныя дѣйствія и, достаточно приготовившись, хотѣлъ идти на Монфора, котораго ненавидѣлъ и какъ личнаго врага, и какъ непокорнаго вассала, и какъ чужеземца. Но Монфоръ предупредилъ его своимъ вызовомъ. Онъ отправилъ отъ себя съ этою цѣлью въ Аррагонію дворянина Ламберта де-ла-Тура, своего приближеннаго. Впрочемъ, ему поручалось вести себя осторожно и, если можно, то даже склонить короля къ миру.

Ламбертъ былъ представленъ Петру въ большомъ собраніи бароновъ. Его предложенія запоздали. Донъ-Педро уже отстранилъ свой личный интересъ. Послѣ первыхъ объясненій, онъ прочелъ письмо Монфора; оно вызвало негодованіе собранія; посолъ подвергался явной опасности.

([80]) Cansos de la crozada; v. 2744—45. Передъ тѣмъ кончается первая часть поэмы, вѣроятно принадлежавшая особому автору. Съ этого мѣста внутренній характеръ поэмы измѣняется. Объ этомъ, см. у насъ въ приложеніи, — «обзоръ источниковъ и пособій».

([81]) Cans. CXXXI—CXXXII

Его посадили подъ стражу. На другой день, его потребовали снова. Нѣкоторые настаивали, чтобы Монфоръ пріѣхалъ съ повинною къ королю.

— Государь, сказалъ посолъ королю, позвольте замѣтить вамъ, что мой властитель ничѣмъ не провинился передъ вами; онъ по прежнему готовъ, относительно васъ, исполнить всѣ свои вассальскія обязанности.

— Теперь я уже избавлю его отъ того.

— Но если ваше величество не довольны тѣмъ, что графъ, по повелѣнію папы и при помощи пилигримовъ католическихъ, завоевалъ земли еретиковъ, то онъ предлагаетъ вамъ перенести дѣло на судъ въ Римъ или, наконецъ, предоставить споръ рѣшенію легата, архіепископа нарбоннскаго.

— Славныхъ судей выбираетъ Монфоръ! Это, по правдѣ сказать, значитъ разбойники будутъ судить разбойника... Впрочемъ, вѣстникъ, если вы пріѣхали для переговоровъ, то можете сѣсть на коня и вернуться въ Каркассону.

— Нѣтъ, король, я имѣю передать вамъ еще нѣсколько словъ. Слушайте, государь! Графъ Лейстера, Монфора и Каркассоны, виконтъ безьерскій и государь нарбоннскій извѣщаетъ васъ черезъ меня, что отнынѣ вы не сузеренъ его, а онъ не вассалъ вашъ. Отнынѣ онъ не считаетъ себя обязаннымъ вамъ ни службой, ни повиновеніемъ, и будетъ биться съ вами всюду и всякимъ оружіемъ. И, если при дворѣ вашемъ, есть какой нибудь рыцарь, который скажетъ, что графъ Монфоръ оскорбилъ васъ несправедливо, я вызываю этого рыцаря на поединокъ, лицомъ къ лицу, пѣшимъ, на конѣ, на копьяхъ, на мечахъ, на сѣкирахъ или на кинжалѣ, какъ ему будетъ угодно...

Буря поднялась въ собраніи при этихъ словахъ, которыя были сочтены дерзостью. Оскорбительный вызовъ смѣлаго де-ла-Тура, высказанный такъ смѣло, никто изъ бароновъ аррагонскихъ не хотѣлъ принять. Только Петръ откликнулся на него.

— Ламбертъ, скажи твоему государю, что скоро мы сами принесемъ ему отвѣтъ на концѣ копья нашего.

Разгоряченные рыцари едва-ли бы выпустили посла живымъ изъ залы, не смотря на его благородное званіе. Но

нѣкоторые изъ приближенныхъ королевскихъ, знавшіе Ламберта лично, просили короля взять его подъ защиту и скорѣе выслать изъ предѣловъ Аррагоніи. Не безъ опасности герольдъ вернулся къ Монфору ([82]).

Передъ выступленіемъ въ походъ, король не къ радости получилъ посланіе отъ Иннокентія, содержанія довольно внушительнаго. Папа грозилъ королю за поднятіе оружія противъ воиновъ креста и за покровительство еретикамъ.

Дѣло въ томъ, что Иннокентій уже успѣлъ получить донесеніе лаворскаго собора, пристрастно составленное въ интересахъ легатовъ и выслушалъ посольство, въ которомъ между прочимъ участвовалъ отецъ Ѳеодосій и архидіаконъ Вильгельмъ. Это донесеніе заключало въ себѣ оправданіе того терроризма, котораго легаты считали нужнымъ держаться по настоящее время и всю отвѣтственность котораго по прежнему продолжали приписывать графу тулузскому ([83]). «Язва ереси, посѣянная здѣсь съ древнихъ временъ, въ послѣдніе годы дошла до такой высоты, что всякое богослуженіе впало въ поношеніе, что еретики и рутьеры дѣлали открытыя насилія духовенству и грабили церковное добро. Виною всего былъ и есть графъ тулузскій, хотя побѣжденный Монфоромъ, но еще владѣющій убѣжищами, изъ которыхъ онъ можетъ проливать ядъ свой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ удостоился быть у вашего святѣйшества, и былъ ободренъ снисхожденіемъ и пріемомъ, котораго онъ не заслуживалъ, стало очевидно, что ангелъ сатаны вселился въ его сердце; отплачивая неблагодарностію за ваши милости, онъ не исполнилъ ничего, что обѣщалъ въ вашемъ присутствіи». Далѣе, доказывая нерасположеніе Раймонда къ Церкви, соборъ указываетъ на его дружбу съ Оттономъ, этимъ мятежникомъ противъ Церкви и Бога, и отъ сношеній графа съ гонимымъ императоромъ зависѣли-де его отношенія къ еретикамъ. Дѣйствительно, Оттонъ въ это время находился въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Римомъ, который выдвинулъ противъ него другаго претендента на престолъ въ лицѣ

([82]) P. Cern. c. 67. — Barrau et Darragon; I, 403—404.

([83]) Reg. l. XVI, ep. 44.—P. Cern. c. 66; p. 654—656.

Фридриха II Гогенштауфена ([84]). Преслѣдуемый императоръ притягивалъ къ себѣ всякую оппозицію римскому правительству. Раймондъ, видѣвшій явное нерасположеніе къ себѣ со стороны Филиппа Августа, принявшаго на себя обязанность уничтожить Оттона,—долженъ былъ, естественно, видѣть въ послѣднемъ своего союзника. Въ преступленіе ему также выставляется Савари, английскій сенешалъ ([85]),—союзничество котораго ясно обнаружило пріязнь графа съ англійскимъ королемъ, тогда союзникомъ Оттона. Раймонда укоряютъ въ томъ, что онъ призывалъ на гибель христіанству мароккскаго короля. Далѣе: «изгнавъ епископа Ажена, онъ ограбилъ все имущество его; захвативъ аббата Муссака и аббата Монтобана, онъ почти цѣлый годъ продержалъ ихъ въ своихъ тюрьмахъ. Его рутьеры и единомышленники всячески истязали пилигримовъ свѣтскихъ и духовныхъ въ неисчислимомъ количествѣ (peregrinos innumerabiles); многихъ изъ нихъ держали по долгу въ тюрьмахъ, другихъ держатъ и по сіе время. Всѣмъ этимъ еще не ограничилась его злоба; рука его всегда распростерта надъ нами; съ каждымъ днемъ онъ становится ужаснѣе и творитъ Церкви и Богу всякое зло, какое только въ состояніи сдѣлать онъ самъ, его сынъ и друзья его, какъ графы де-Фуа, Комминга, и Гастонъ беарнскій, преступнѣйшіе изъ людей и столь же развращенные, какъ и онъ самъ». Содѣйствіе же, теперь оказываемое ему королемъ аррагонскимъ, соборъ считаетъ послѣднимъ препятствіемъ, какимъ враги Господа хотятъ разстроить его святое дѣло. «Знайте, ваше святѣйшество, такъ кончается посланіе,—что если страна, отнятая отъ этихъ тирановъ, такъ справедливо и съ такимъ пролитіемъ крови христіанской, будетъ возвращена имъ-же, то не только новыя заблужденія восторжествуетъ тамъ съ возрастающей силой, но настанетъ неминуемое паденіе духовенства и Церкви; нельзя исчислить въ этомъ донесеніи безконечныхъ злодѣйствъ и другихъ преступленій ихъ,—это вышла бы цѣлая книга, потому мы поручили

([84]) См. у насъ, стр. 20. Въ концѣ этой главы мы опять вернемся къ ходу политическихъ событій на Западѣ, въ послѣдніе годы жизни Иннокентія III.

([85]) См. у насъ, стр. 401, 405.

этимъ посламъ словесно передать о многихъ предметахъ, сердечно желая, дабы ихъ рѣчь достигла до святаго слуха вашего».

Понятно, что Иннокентій расположенъ былъ больше вѣрить своимъ легатамъ, на которыхъ онъ полагался вмѣстѣ съ своею куріей. Мы знаемъ, какъ онъ враждебно былъ настроенъ относительно легатовъ до представленій аррагонскихъ пословъ; мы знаемъ, что онъ велѣлъ снять отлученіе съ обвиненныхъ графовъ и возвратить имъ земли, но знаемъ также, что пастырская слабость Иннокентія III, исходившая изъ всѣхъ преданій и условій папской политики, заключалась въ излишней довѣрчивости къ легатамъ, злоупотреблявшимъ его именемъ и авторитетомъ.

Но теперь будто сами обстоятельства возстали на альбигойцевъ и ихъ державнаго покровителя. Не одни легаты дѣлаютъ представленія Иннокентію противъ Раймонда. Около того же времени, въ томъ же духѣ, пишетъ архіепископъ арльскій Михаилъ къ епископамъ своей епархіи; онъ, въ порывѣ католической ревности, предлагаетъ уничтожить Тулузу, какъ пораженный членъ; города еретиковъ, которые сравниваются съ Содомомъ и Гоморрой, онъ совѣтуетъ искоренить вмѣстѣ съ ихъ обитателями ([86]). Архіепископъ въ Бордо, Вильгельмъ, приноситъ тогда-же благодареніе папѣ за все добро, оказанное крестоносцами провинціи Нарбонны и д'Ока и впредь проситъ продолжать оказывать тѣ-же благодѣянія ([87]). Епископъ Безьера, Бертранъ, проситъ папу разрушить до тла городъ Тулузу съ окрестностями, гдѣ пребываютъ послѣдніе еретики, дабы тѣмъ отнять у графа Раймонда возможность вредить Церкви. «Если бы король аррагонскій, прибавляетъ епископъ, сталъ испрашивать у вашего святѣйшества милости и возвращеніе земель графу и его сообщникамъ, то тогда онъ оказался бы мятежнымъ сыномъ (factus videtur filius infidelis), который содѣйствуетъ еретикамъ, разбойникамъ, святотатцамъ, убійцамъ и людямъ, обремененнымъ всякими преступленіями (такъ изъ Безьера былъ брошенъ камень въ короля смѣлѣе, чѣмъ изъ Лавора). Дѣйствительно, кончаетъ епископъ, если Тулуза, это убѣжище еретиковъ, бывшее таковымъ издревле—когда, какъ читаемъ, она была вполнѣ разрушена и плугъ прошелъ черезъ нее, по причинѣ таковой же ереси,—останется жилищемъ этихъ вѣроломныхъ людей, то изъ нея выдетъ пламя, которое въ досталь пожретъ наши страны и области съ ними сосѣднія» ([88]). Архіепископъ д'Э, Бернаръ, прямо говоритъ, что теперь ересь столь же опасна, какъ была прежде,—quod novissimus error non sit pejor priore ([89]).

([86]) Reg. l. XVI, ep. 40.
([87]) L. XVI, ep. 42.

Такъ была глубока вражда лангедокскаго духовенства къ свѣтской феодальной аристократіи. Она была непримирима съ эгоистичной политикою легатовъ.

Но не одни эти извѣты должны были вооружить Иннокентія на Петра аррагонскаго. Къ тому времени подоспѣло разводное дѣло короля съ его женой Маріею, которое должно было кончиться такъ, какъ кончались подобныя же дѣла съ Беренгаріей и Ингебургой ([90]). Донъ-Педро давно уже не любилъ Марію, принесшую ему въ приданое Монпелье и давно уже не жилъ съ нею. Къ рѣшительнымъ и несправедливымъ поступкамъ онъ прибѣгнулъ въ то время, когда задумалъ поддерживать альбигойскую партію. Въ бытность въ Тулузѣ, онъ, въ январѣ 1213 года, презирая права своего сына Іакова (будущаго короля-Завоевателя), торжественно окруженный всѣми независимыми феодолами Юга и рыцарствомъ Аррагоніи и Каталоніи, передалъ въ ленъ этотъ городъ пасынку Маріи—Вильгельму V вмѣстѣ съ доменами, принадлежащими ему, короче все графство Монпелье, за исключеніемъ области Мельгейль, феодально принадлежавшей Тулузѣ и теперь считавшейся за Церковью. Въ это-же время, Петръ отправилъ пословъ къ королю французскому и просилъ у него руки его дочери. Но Иннокентій, побѣдившій самого Филиппа, не могъ смягчиться относительно короля аррагонскаго, тѣмъ болѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, когда Петръ обнаружилъ желаніе принять наступательное положеніе противъ Церкви. Отъ своихъ нравственныхъ принциповъ Иннокентій не любилъ отступать. При дворѣ французскомъ уже знали о предстоя-

([88]) L. XVI, ep. 44, p 844.
([89]) ib. ep. 45.
([90]) См. у насъ, стр. 24—25, 31—33.

щемъ рѣшеніи папы. Аррагонскихъ пословъ встрѣтилъ отказъ. Тамъ знали, чѣмъ кончить дѣло, которое если легаты лангедокскіе тянули прежде, то лишь потому, что не желали вооружить противъ себя Петра, нейтралитетомъ котораго всѣ дорожили. Епископъ Пампелуны, которому вмѣстѣ съ южными легатами было поручено папою вести это дѣло, изъ-за феодальныхъ отношеній къ королю и изъ-за эпархіальныхъ занятій мало обращалъ вниманія на него. Но теперь легатъ Арнольдъ имѣлъ основаніе иначе отнестись къ разводу короля.

Притомъ, сама Марія, недовольная медленностію, рѣшилась ѣхать въ Римъ и лично изъясниться съ Иннокентіемъ. Донъ-Педро послалъ своихъ представителей, но его доводы не были уважены. Въ засѣданіи консисторіи постановлено было объявить бракъ законнымъ и узы Маріи неразрѣшимыми; 19 февраля 1213 года папа увѣдомилъ о томъ короля. Онъ напоминалъ ему, что безчестно покидать женщину, съ которою онъ прижилъ сына, притомъ женщину, славную святой жизнію и любимую всѣми. Но не долго Марія скорбѣла о своемъ горѣ. Черезъ 2 мѣсяца ея не стало; развѣнчанная королева не видала болѣе ни Монпелье, ни Аррагоніи, ни мужа, ни сына. Она скончалась въ Римѣ отъ лихорадки и отъ душевныхъ потрясеній. Передъ смертію она успѣла перемѣнить завѣщаніе, приказавъ похоронить себя въ базиликѣ св. Петра. Скорбно проходитъ ея женственный образъ среди тѣхъ кровавыхъ событій. Эта «лучшая дама на свѣтѣ, эта святая женщина» (какъ называетъ ее поэтъ), будто унесла съ собою счастье и самую жизнь своего мужа, оттолкнувшаго ее. Только въ Иннокентіи она нашла симпатію и защиту.

Замѣтимъ, что папское распоряженіе о разводѣ было сдѣлано только мѣсяцъ спустя послѣ январской буллы Иннокентія. Въ ней Иннокентій дѣйствуетъ въ силу однихъ нравственныхъ началъ, попранныхъ въ его глазахъ. Папа не имѣлъ причины ждать извѣтовъ на Петра; онъ пока сочувствовалъ ему, какъ государю, какъ сюзерену, какъ

(91) Vaissete; V, 207.—Zurita (Anales; l. II, c. 72) ошибочно показалъ годъ ея смерти (1219 вмѣсто 1213) чѣмъ ввелъ въ заблужденіе Ferreras. Synopsis de Espana; a. 1212.

другу Раймонда. Извѣтъ лаворскаго собора только-что составлялся въ тѣ дни. Но въ слѣдующій мѣсяцъ все перемѣнилось.

Бесѣды съ депутаціей лаворской дали папѣ другое понятіе о королѣ аррагонскомъ. Ѳеодосій, Вильгельмъ и имъ подобные обладали тайной склонять на свою сторону Иннокентія, всегда довѣрявшаго имъ. Неизвѣстно, что̀ происходило въ тайныхъ бесѣдахъ папы съ депутаціей собора. Можетъ быть, онъ высказалъ лишь недовѣріе къ образу дѣйствій послѣдняго и легатовъ въ особенности,—тогда дурно, что подъ конецъ онъ уступилъ приносимымъ оправданіямъ; можетъ быть, онъ заявилъ полное нерасположеніе къ легатамъ, извѣты на которыхъ происходили довольно часто,—тогда еще хуже для него, что онъ, вопреки собственному убѣжденію, разразился угрозами на короля, которому онъ прежде такъ сочувствовалъ. Глухой намекъ Петра сернейскаго побуждаетъ принять первое предположеніе (92). Какъ бы то ни было, но теперь Иннокентій перемѣняетъ свои отношенія къ королю аррагонскому и грозитъ ему отлученіемъ за дальнѣйшее покровительство еретикамъ (93). Видимо, его успѣли снова убѣдить, что ересь далеко не подавлена, что теперь даже больше требуется усилій къ одолѣнію ея, такъ какъ еретики, изгнанные изъ своихъ городовъ, разбѣжались и сосредоточились въ одной Тулузѣ, сдѣлавшейся теперь, по словамъ папы, клочкомъ ереси; оттуда альбигойцы могли оказать сопротивленіе ужасное, сопротивленіе, которое по настоянію легатовъ, можно уничтожить только новымъ напоромъ крестовыхъ силъ. Иннокентій, съ согласія своего кардинальскаго совѣта, предписываетъ королю, ради его собственныхъ интересовъ, ради его спасенія, во имя божественной и апостольской благодати,—оставить тулузцевъ и,

(92) Venientes igitur nuntii nostri ad curiam Romanam, D. papam invenerunt aliquantulum durum, eo quod nimis credulus fuisset falsis suggestionibus nuntiorum regis Arragonensium; sed postea, veritate comperta, per nuntios nostros, quidquid fecerat ad regis nuntiorum suggestionem, revocavit in irritum, et ipsi regi misit litteras in haec verba, etc. p. 656.

(93) Reg. Inn. l. XVI, ep. 48.—P. Cern. c. 66. Отъ 18 мая 1213 года.

пока тѣ будутъ еретиками, не оказывать имъ ни совѣта ни содѣйствія, ни благоволенія. «Если они пожелаютъ обратиться на лоно единой Церкви, продолжаетъ папа, какъ насъ увѣряли посланцы твои, то мы дадимъ объ этомъ наставленіе нашему почтенному брату Фулькону, епископу тулузскому, человѣку искреннихъ мыслей и праведной жизни (?!), который заслужилъ такую славу не только отъ соотечественниковъ, но и отъ чужестранцевъ ([94]). Мы поручаемъ ему сообща съ двумя (легатами) обратить къ Церкви тѣхъ, которые восхотятъ того чистымъ сердцемъ и истинной вѣрой, и дадутъ на то достаточныя ручательства; что же касается до тѣхъ, которые упорствуютъ во мракѣ ихъ заблужденій, то тотъ же епископъ долженствуетъ изгнать ихъ изъ города за еретическую развращенность и конфискуетъ все имущество ихъ, съ тѣмъ, чтобы они никогда не возвращались въ Тулузу, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока добрыми дѣлами не покажутъ, что они истинные христiане, согласно исповѣданію православному (veros fidei orthodoxae Christianos). Когда же городъ этотъ будетъ примиренъ съ Церковью и очищенъ, то будетъ принятъ подъ покровительство апостольскаго престола, дабы впредь ни Монфоръ, ни иные католическіе бароны не угнетали его, а скорѣе защищали и помогали (non molestanda de caetero a comite praedicto vel aliis Catholicis sed defendenda potius et favenda)». Свое мнѣніе о преслѣдуемыхъ графахъ—Иннокентій теперь рѣшительно измѣняетъ, подъ вліяніемъ извѣтовъ лаворскаго собора. Онъ говоритъ, что они дѣйствительно принесли много вреда Церкви и справедливо заслужили отлученіе; прощеніе имъ можно дать лишь тогда, когда они чѣмъ-либо особеннымъ, а не простой порукою, которая уже нарушена ими, — докажутъ свое католичество. Устроить ихъ дѣло поручается тому-же архіепископу нарбоннскому; этого, по мысли Иннокентія, требовало довѣріе къ его системѣ. Но что недовѣріе къ Арнольду продолжало существовать въ Иннокентіи, то доказываетъ слѣдующее распоряженіе. «Когда предварительныя условія будутъ исполнены въ доказательство ихъ благочестія, писалъ папа, мы, согласно просьбѣ твоей, не преминемъ послать въ тѣ предѣлы кардинала нашего, легата a latere, человѣка *честнаго*, осмотрительнаго и твердаго, который, *не уклоняясь ни на право, ни на лѣво*, а идя по прямой стезѣ, подтвердитъ и одобритъ все содѣланное правильно, исправитъ и уничтожитъ заблужденія, который, наконецъ, *окажетъ полное безпристрастіе*, какъ относительно всѣхъ феодаловъ, такъ и относительно противной стороны» ([95]). Папа обѣщаетъ тулузцамъ и графамъ продолжать войну съ ними (procedant in nomine Domini Sabaoth) до тѣхъ поръ, пока не искоренитъ среди нихъ ересь. «Мы не можемъ думать, чтобы ты, король, поступилъ вопреки нашимъ наставленіямъ, ибо тогда, ты понесъ бы тяжелый и неотвратимый ущербъ (detrimentum), не говоря о негодованіи Божіемъ, которое неотвратимо обрушится на тебя, вслѣдствіе такого образа дѣйствій, — и тогда, если бы мы даже желали, мы не могли бы щадить тебя, не смотря на всю нашу любовь къ тебѣ (quantumcunque deligamus personam), не могли бы отнестись равнодушно, вопреки интересамъ вѣры христіанской. А сколь великая опасность угрожаетъ тебѣ, если ты воспротивишься Богу и Церкви, во всемъ, что касается вѣры, и если ты пожелаешь воспрепятствовать успѣху святаго дѣла, — ты можешь убѣдиться не только изъ прежнихъ примѣровъ, но видѣть и на примѣрахъ, тебѣ очевидныхъ». Послѣдній намекъ на горькое положеніе Раймонда VI и гонимыхъ феодаловъ рѣзко оканчивалъ письмо; онъ заключалъ въ себѣ все.

Но донъ-Педро не смутился темнаго предчувствія, которое должно было запасть въ его сердце съ этой минуты. Онъ былъ готовъ къ войнѣ; рыцарство ждало его со всѣмъ нетерпѣніемъ и боевымъ пыломъ, а самъ король и не ду-

([94]) Изъ этого можно видѣть, до чего простиралась довѣрчивость Иннокентія, полагавшагося на слова своихъ легатовъ; это обстоятельство коренилось въ условіяхъ папской системы.

([95]) ...«cardinalem de latere nostro legatum virum honestum, providum et constantem, iuxta petitionem tuam ad partes illas curabimus destinare: qui non declinans ad dexteram vel sinistram, sed incedens regia via semper, quae recte facta invenerit approbet et confirmet, errata vero corrigat et emendet, et tam nobilibus antedictis quam aliis conquerentibus exhiberi faciat justitiae complementum.» Reg. l. XVI, ep. 48; p. 851.

малъ отказываться отъ нея. Онъ объявилъ походъ. Въ чувствѣ свѣтлой радости мчались аррагонцы на подвиги; они не хотѣли вѣрить въ несчастіе. Въ то время, когда они переходили Пиринеи, Монфоръ внесъ истребительную войну въ предѣлы тулузскіе Онъ опустошилъ до тла 17 феодальныхъ замковъ, окрестныхъ Тулузѣ. Въ Пюжолѣ, на 2 лье къ югу отъ Тулузы. онъ поставилъ сильный гарнизонъ подъ командою Пьера де-Сесси, которому первому должно было выдержать напоръ аррагонцевъ. Самъ же Монфоръ отправился въ Кастельнодарри, гдѣ торжественно совершилъ церемонію посвященія въ рыцари своего сына Амори ([96]). Ареной первыхъ подвиговъ новопосвященнаго, была предназначена Гасконь. Тамъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ его дядя Гюи, которому на помощь теперь спѣшилъ Симонъ съ сыномъ. Отбытіе главнаго воинства изъ католическаго лагеря открывало надежды на успѣхъ дѣйствій графа тулузскаго. Раймондъ выступилъ съ цѣлью отнять у католиковъ тотъ замокъ Пюжоль, изъ котораго непріятель всегда и всячески могъ безпокоить сосѣднюю Тулузу. Французскіе рыцари сопротивлялись отважно; шагъ за шагомъ, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, они уступали осаждающимъ. Наконецъ Раймондъ стѣснилъ замокъ до крайности. Симонъ и Гюи Монфоры спѣшили на помощь и тулузцы стали напирать еще съ большею стремительностію. Замокъ вынужденъ былъ сдаться подъ условіемъ сохраненія жизни гарнизона. Въ пылу національной и религіозной ненависти, страсти не повиновались. Альбигойцы не сдержали условія и на Раймонда трудно возложить отвѣтственность. Плѣнныхъ рыцарей и ихъ вождей вывели изъ города; альбигойская армія стояла въ виду стѣнъ взятаго замка. Какъ только увидали французовъ, рушилась всякая дисциплина. Альбигойцы прежде всего кинулись на Пьера де-Сесси; его тогда разорвали на куски вмѣстѣ со многими рыцарями; остальные плѣнники были съ трудомъ перевезены въ Тулузу. Ихъ хотѣли посадить въ тюрьму и беречь для размѣна, но народъ не допустилъ до того; толпа отняла ихъ и начались истязанія; многихъ привязывали къ хвосту коней и пускали въ поле;

([96]) P. Cern. c. 70. — Подробно описано у Barrau et Darr. II, 5—12.

другихъ прямо вѣшали. Не осталось въ живыхъ ни одного француза, ни богатаго, ни бѣднаго, говоритъ провансальская поэма; одни были повѣшены, другіе погибли отъ меча. Шестьдесятъ самыхъ славныхъ рыцарей кончило жизнь среди мученій. Упившись местью и насладившись ею, народъ пошелъ дальше. Уличныя толпы разломали тюрьмы, обливая ихъ кровью плѣнныхъ католиковъ ([97]). Этотъ день былъ несчастливѣйшимъ для крестоносцевъ. Ненависть альбигойцевъ провансальскихъ обнаружилась съ страшною силою. Фактовъ этихъ дней не скрываютъ и писатели альбигойской партіи. Обвиненія въ жестокости часто повторяетъ историкъ, къ нимъ нерасположенный ([98]). Они могли быть отчасти справедливы, такъ какъ свидѣтельства сернейскаго монаха, вслѣдствіе склада его воззрѣній, надо понимать условно. Только одно изъ нихъ бросаетъ достаточно мрачную тѣнь на одного изъ альбигойцевъ, сына графа де-Фуа, Рожера-Бернара. Онъ, — это было передъ памьерскимъ засѣданіемъ, — безъ нужды тиранилъ пилигримовъ, которыхъ плѣнилъ засадой, когда они проходили безоружные; убивъ многихъ и не малое число истерзавъ, онъ остальныхъ привелъ въ Фуа, гдѣ, надѣвъ на нихъ оковы, тщательно изобрѣталъ самыя изысканныя пытки, придумывалъ новыя мученія, прежде неизвѣстныя, словомъ «уподоблялся Діоклетіану и Максиміану, если не превосходилъ ихъ» ([99]). Но дѣло въ томъ, что этотъ фактъ не записанъ у дру-

([97]) Cans. CXII—CXIV, особенно v. 2865—70.—Guilelmus de Podio Laur. c. 20.—P. Cern. c. 70.

([98]) Примѣры жестокости альбигойцевъ и ихъ вождей перечислены у P. Cern. въ слѣд. главахъ: 16, 26, 27, 32, 44, 45, 46 (преимущественно святотатство графа де-Фуа, съ его убѣжденіями совершенно согласное), 55, 63, 64, 70, 75, 80, 83. Всѣ эти подробности могутъ быть и преувеличены; но въ большинствѣ онѣ согласны и съ условіями, въ которыхъ находились борющіяся стороны, и съ духомъ вѣка. Многія изъ нихъ представляются съ особымъ исключительнымъ характеромъ только такому ультра-католику, какимъ былъ сернейскій монахъ.

([99]) Описаніе звѣрства альбигойцевъ надъ плѣнными, Петръ Сернейскій, кончаетъ такъ: «Ut enim praetermittamus ibi minima, ipsos sacerdotes et divini mysterii tractatores frequentius

гихъ историковъ, тогда какъ пюжольскихъ и тулузскихъ сценъ не скрываетъ хроникеръ, даже расположенный къ альбигойцамъ.

Какою злобою долженъ будетъ закипѣть Монфоръ, когда узнаетъ о нихъ. Онъ торопился изъ Гаскони помочь Пюжолю, но не успѣлъ. Братъ шелъ впереди его, но и Гюи Монфоръ былъ только въ Авиньонѣ, когда чернь неистовствовала на улицахъ тулузскихъ. Гонецъ прямо поѣхалъ въ капитулъ сообщить это извѣстіе, которое сперва держалъ подъ секретомъ, чтобы не испугать народъ, который по натурѣ провансальской могъ впасть въ противоположную крайность.—«Намъ отомстятъ за враговъ нашихъ»,— перешептывались члены капитула. Говорятъ, когда Гюи услыхалъ о гибели французовъ, онъ не могъ подавить въ себѣ слезъ; «на сердце его залегла съ тѣхъ поръ великая печаль и тоска; онъ плакалъ отъ стыда и отъ поношенія, которое теперь обрушилось на него» (100).

Въ то-же самое время донъ-Педро съ своими аррагонцами спускался съ Пиринеевъ. Съ нимъ было до 1000 рыцарей. Гдѣ проходилъ онъ, тамъ свергалъ иноземное иго. Амори уже оставилъ Гасконь и спѣшилъ къ своимъ. Альбигойцы снова торжествуютъ въ предѣлахъ при-пиринейскихъ. Монфоръ положилъ спустить первый натискъ; онъ оставилъ открытою дорогу въ Тулузу. Въ сентябрѣ Петръ прибылъ въ столицу, гдѣ сосредоточились всѣ гонимые феодалы, всѣ эмигранты и патріоты. Соединенная альбигойская армія имѣла 2000 рыцарей; пѣхотинцевъ можно было набирать только изъ однихъ тулузцевъ; ихъ набрали однако до 40 тысячъ. Надо было приступить къ дѣлу скорѣе, такъ какъ, будто въ ожиданіи великихъ событій, все лѣто прошло въ однихъ переговорахъ. Феодалы и рыцари провансальскіе, собравшіеся въ Тулузѣ и составившіе изъ себя родъ военнаго совѣта, рѣшили двинуться въ Мюрэ, откуда производились частыя нападенія на столицу. Быстро подступили тулузцы къ Мюрэ. Осада одновременно открылась на всѣхъ пунктахъ (10 сентября 1213 года). Король аррагонскій продолжалъ начальствовать надъ всею арміей. Первое предмѣстье было взято штурмомъ на слѣдующій же день. Альбигойскія колонны въ чаду успѣха кинулись на второе. Уже онѣ врывались съ побѣдными криками въ улицы предмѣстья, уже донъ-Педро приписывалъ себѣ полное торжество,—какъ на другомъ берегу Гаронны показались знамена крестоносцевъ. Извѣстно, какое обаянія на самыхъ храбрыхъ альбигойцевъ производило одно имя Монфора. Въ рядахъ тулузскихъ произошло замѣшательство, лишь только узнали, что Монфоръ близко. Присутствіе духа, которое даетъ побѣды, было потеряно и началось отступленіе. Теперь всѣ старанія короля должны бы напрягаться къ тому, чтобы не допустить сообщенія Монфора съ гарнизономъ. Но донъ-Педро обладалъ талантами рыцаря, а не полководца, чтобы искусно совершить такой маневръ. Ему слѣдовало-бы встать между замкомъ и движеніями Монфора, немедленно разрушивъ мостъ на Гароннѣ; но донъ-Педро или боялся или не успѣлъ на то рѣшиться. Лишь только крестоносцы перешли мостъ, они становились побѣдителями своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Король же не только допустилъ ихъ до того, но самъ отступилъ. Этимъ недостаткомъ смѣлости и рѣшительности, даже робостью, было проиграно будущее. При первомъ столкновеніи Монфора и короля, еще безъ пролитія капли крови, Симонъ уже торжествовалъ (101).

Открывъ крестоносцамъ дорогу и добровольно предоставляя имъ соединиться съ гарнизономъ Мюрэ, донъ-Педро не распорядился даже занять дефилэ, лежащаго по пути, около Савердюна. Онъ сосредоточилъ свой лагерь съ противоположной стороны и надѣялся взять городъ отсюда, хотя-бы то требовало отчаянной храбрости. Между тѣмъ

---

suspendebant; quandoque etiam, quod dictu horribile est! ligatis ad genitalia membra funibus, ferocissime distrahebant. O crudelitas immanis! o rabies inaudita»! (c. 64, p. 647). Автора особенно поражаетъ обхожденіе еретиковъ съ лицами духовными, но, понятно, что религіозная ненависть альбигойцевъ главнымъ образомъ и должна была сосредоточиваться на католическихъ священникахъ, въ которыхъ они видѣли идолопоклонниковъ и слугъ Луцифера.

(100) Cans. v. 2871—2886.

(101) Guil. de Pod. c. 21.—P. Cern. c. 71. — Franc. praecl. fac. a. 1213.

Монфоръ поспѣшно приближался на выручку города; съ нимъ была вся армія. Его не останавливали ни помѣхи, ни предчувствія жены. Еще передъ началомъ экспедиціи, графинѣ Алисѣ приснился сонъ, сильно напугавшій ее; она видѣла руки свои—обагренными кровью Можетъ быть, то было отраженіе впечатлѣній, повседневныхъ въ жизни ея мужа. Она предостерегала Симона. — «Вы говорите, графиня, какъ женщина, отвѣчалъ виконтъ; неуже ли мы испанцы, что должны вѣрить всякимъ снамъ и гаданьямъ. Если бы я увидѣлъ во снѣ, что въ эту ночь буду убитъ въ экспедиціи, на которую пускаюсь,—тогда и то не сталъ бы остерегаться, чтобы посмѣяться надъ глупостями испанцевъ и провансальцевъ, которые вѣрятъ всякимъ предчувствіямъ и сновидѣніямъ» ([102]). Путь лежалъ на Савердюнъ; Монфоръ свернулъ съ дороги и заѣхалъ въ ближайшее цистерціанское аббатство Бульбонъ. Здѣсь, настоятель сталъ пугать его силами королевскими, недовѣрчиво относясь къ успѣху предпріятія.—«Ваши силы недостаточны въ сравненіи съ королевскими, говорилъ онъ ему; самъ король предводительствуетъ ими, а онъ человѣкъ опытный и искусный; съ нимъ всѣ графы. Дѣло рискованное—кинуться вашимъ воинамъ на многочисленнаго непріятеля.»

Вмѣсто отвѣта, Симонъ вынулъ записку и показалъ ее собесѣднику.—Прочтите, сказалъ онъ.—Это было письмо короля къ одной дамѣ, женѣ тулузскаго дворянина. Донъ-Педро писалъ, что, изъ любви къ ней, онъ выгонитъ французовъ изъ Лангедока.

— Что же изъ этого, спросилъ монахъ.

— А то, что Богъ будетъ помощникомъ моимъ и что не слѣдуетъ мнѣ бояться человѣка, который изъ-за прелестницы идетъ разрушить дѣло Божіе.

Вѣроятно, кто-нибудь изъ домашнихъ той дамы, снялъ копію съ письма королевскаго ([103]). Оно сдѣлало большую услугу исторіи; благодаря ему, можно судить о различіи нравовъ и рыцарскаго тона во Франціи и Лангедокѣ.—Уединеніе аббатства бульбонскаго, его лѣсистыя окрестности, располагали къ молитвѣ. Монфоръ вошелъ въ церковь и преклонилъ колѣна предъ алтаремъ. Онъ долго молился молча, потомъ вынувъ свой мечъ и положивъ его на алтарь, сказалъ: «Великій Боже, ты избралъ меня недостойнаго воевать за тебя. Въ этотъ день я кладу оружіе свое на алтарь твой; сражаясь за тебя, я хочу, чтобы мечъ сей руководилъ мною во славу твою» ([104]). Уѣзжая изъ монастыря, онъ поручилъ себя и воиновъ своихъ молитвамъ иноковъ бульбонскихъ.

([102]) P. Cern. c. 71; p. 668.

([103]) Guil. de Pod. c. 21.

Ночлегъ былъ въ Савердюнѣ. Здѣсь подоспѣлъ къ арміи легатъ Арнольдъ; онъ нерасположенъ былъ къ этой экспедиціи. Она, по его мнѣнію, началась слишкомъ рано, когда еще не кончились дипломатическіе переговоры. Видимо, онъ былъ напуганъ неблаговоленіемъ папы. Монфоръ не чувствовалъ усталости и хотѣлъ въ эту же ночь быть въ Мюретѣ, но спутники его требовали отдыха. Съ первымъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня—наступило 11 сентября,—Симонъ призвалъ къ себѣ священника, исповѣдывался и пріобщился. Пріору бульбонскому онъ велѣлъ передать свое завѣщаніе и приказалъ обнародовать его только въ случаѣ смерти. Все рыцарство съ духовенствомъ отправилось въ церковь; послѣ мессы, было громогласно произнесено отлученіе графовъ де-Фуа, Комминга и Раймонда тулузскаго со всѣми ихъ сообщниками, покровителями и защитниками. Наличная армія крестоносцевъ была выстроена на поляхъ Савердюна. Она двинулась въ то самое время, когда въ аррагонскомъ лагерѣ было приказано штурмовать крѣпость. Минуя Готривъ, крестоносцамъ оставалось только лье до Мюрэ; здѣсь дорога, уже сама по себѣ узкая и гористая, была размыта дождемъ. Альбигойцы не догадались сдѣлать засаду. Монфоръ же, рискуя собою, не упустилъ случая заѣхать въ уединенную часовню. Лилъ проливной дождь; небо было мрачно. Когда Симонъ вышелъ изъ часовни, небо прояснилось, дождь пересталъ. Фанатики приписывали это чуду, явному покровительству неба надъ «апостоломъ господнимъ» ([105]). Крестоносцы появились въ виду непріятеля именно тогда, когда второе предмѣстье было уже занято тулузцами и когда передовые изъ нихъ готовы были ринуться

([104]) P. Cern. c. 71.

([105]) ibid.

черезъ стѣны. Появленіе крестовыхъ знаменъ и Монфоровой орифламмы заставило побѣдителей отступить назадъ въ лагерь и очистить предмѣстье. Легатъ для формальности, а частію въ виду не совсѣмъ рѣшительнаго настроенія папской политики хотѣлъ предварительно объясниться съ королемъ. Онъ посылалъ къ королю, убѣждая его заклинаніями отказаться отъ еретиковъ, но донъ-Педро благородно не покидалъ своихъ вассаловъ и друзей. Рьяные изъ рыцарей между тѣмъ требовали у Монфора позволенія теперь же ринуться на аррагонцевъ. Назначенъ былъ военный совѣтъ въ замкѣ Мюрэ. Мнѣнія раздѣлились; военная партія требовала войны, духовная хотѣла переговоровъ, опасаясь взять на себя отвѣтственность за войну съ королемъ, считавшимся такъ долго другомъ Церкви и вассаломъ папы; припоминали его путешествіе въ Римъ, его присягу, эту обаятельную сцену надъ мощами Апостоловъ ([106]). Тому не прошло еще 10 лѣтъ, и на этого самаго государя, на католическаго изъ католическихъ, призывается мечъ Христова воинства. Между тѣмъ къ крестоносцамъ стали прибывать отставшіе, наконецъ показались цѣлыя подкрѣпленія, долго не успѣвавшія нагнать армію на походѣ и теперь прибывшія въ самую важную минуту. Надежды пылкихъ рыцарей увеличивались, но прелаты твердо стояли на своемъ. Они сказали, что скорѣе пойдутъ босыми и, отложивъ въ сторону свой санъ, униженно, на колѣняхъ, станутъ молить короля не возставать противъ Церкви,—чѣмъ допустятъ крестоносцевъ обнажить мечъ на него, не получивъ прямыхъ повелѣній папы. Тѣмъ и кончилось это бурное засѣданіе, гдѣ впервые свѣтскій и клерикальный элементъ крестоносной арміи пошли въ разладъ; въ послѣдствіи, этотъ разладъ дошелъ до сильныхъ размѣровъ. Прелаты не шутили и хотѣли-было уже привести въ исполненіе свое обѣщаніе, но лишь только мостъ былъ спущенъ, какъ передовые каталонскіе пикеты съ такою быстротой кинулись на него, что едва не прорвались въ крѣпость.—Видите, что ничего вамъ не удается сдѣлать, сказалъ Монфоръ легатамъ, и будетъ еще не то; довольно оскорбленій перенесли мы; пора дать позволеніе воинству сразиться.—Лучше умереть со славой,

([106]) См. у насъ, стр. 25—26.

чѣмъ жить опозореннымъ, воскликнулъ рыцарь Балдуинъ и слова его повторили всѣ французы ([107]). Легаты согласились. Мостъ поднятъ. Войско начало готовиться къ бою. На открытомъ воздухѣ совершена была послѣдняя месса. Симонъ стоялъ на колѣняхъ и усердно молился; два дурныхъ предзнаменованія не смутили вождя, при всемъ суевѣріи его. Во время молитвы, наплечники его лопнули и кирасса упала; онъ спокойно велѣлъ принести другую. Когда онъ всталъ и, садясь на лошадь, хотѣлъ утвердиться въ сѣдлѣ, то конь взвился и опрокинулъ всадника на землю. При колоссальной фигурѣ Монфора, это могли видѣть изъ непріятельскаго лагеря; думали, что атлетъ не живъ, и крикъ радости огласилъ воздухъ.

Это обстоятельство послужило только въ пользу Монфора.

— Вы видите, говорилъ онъ своимъ, оправляясь, я остался живъ; значитъ Богу угодно даровать мнѣ побѣду. А вы, указалъ онъ на тулузцевъ, вы кричите и радуетесь; клянусь Господомъ,—побѣдителемъ я оглашу воздухъ крикомъ, который настигнетъ васъ у самыхъ стѣнъ Тулузы ([108]).

Ему предлагали счесть ряды крестоносцевъ.

— Не надо, отвѣчалъ онъ; насъ слишкомъ достаточно, чтобы съ Божіей помощью побѣдить непріятеля.

Дѣйствительно, силы были далеко не равны. Надо замѣтить, что на бурномъ засѣданіи тулузскаго капитула рѣшено было идти всѣмъ владѣющимъ оружіе въ лагерь королевскій; многіе послѣдовали этому зову, какъ ни пугали ихъ оробѣвшіе, что французы страшны на войнѣ, что у нихъ «львиныя сердца» ([109]). Такимъ образомъ, въ альбигойской арміи собралось съ пѣхотой болѣе 50 тысячъ; у Монфора же не было и одной тысячи рыцарей; пѣшихъ же онъ не вводилъ въ дѣло, да ихъ было очень мало, — нѣсколько сотъ; имъ приказано было охранять мостъ. Епископъ тулузскій, Фульконъ, благословилъ крестовыхъ рыцарей, каждаго отдѣльно. Но епископъ Комминга прервалъ его и, осѣ-

([107]) P. Cern. c. 72 — Cans. v. 3051.

([108]) Guil. de Pod. c. 21.—P. Cern. c. 72, p. 671.

([109]) Cans. CXXXVI.

няя крестомъ все воинство, восклицалъ громкимъ голосомъ: «грядите во имя Христа, я порукою вамъ, что въ день послѣдняго суда грѣхи каждаго, павшаго въ этомъ бою, будутъ прощены, глава его покроется вѣнцомъ мученическимъ, а самъ онъ сопричтется жизни вѣчной.» Рыцари начали обниматься между собой, какъ въ предсмертный часъ и поклялись не выдавать другъ друга во время боя. Ворота растворились и крестоносцы, распустивъ знамена, встали противъ альбигойцевъ.

А тамъ, на совѣтѣ, благодаря настояніямъ короля, ибо онъ прекрасно умѣлъ говорить (car el sap gent parlar), рѣшено было немедленно дать сраженіе. Предложеніе Раймонда—окопаться, не было уважено ([111]).

Въ это время въ станѣ аррагонскомъ совершалась оригинальная сцена. Какая-то неодолимая сила увлекла донъ-Педро въ рѣшительные часы; онъ хотѣлъ сражаться простымъ всадникомъ и неузнаннымъ помѣрить свои силы съ Симономъ Монфоромъ, который сталъ такъ ненавистенъ ему. Потому онъ предложилъ своему приближенному рыцарю Гомесу обмѣняться мантіей, броней и оружіемъ.

— Я найду тебя, Монфоръ! воскликнулъ онъ, съ обнаженнымъ мечемъ поскакавъ къ своимъ благороднымъ рядамъ, этой блестящей стали шлемовъ и доспѣховъ.

По примѣру крестоносцевъ, король раздѣлилъ густые ряды своей кавалеріи на три части: въ авангардѣ сталъ графъ де-Фуа, въ центрѣ самъ король, а въ резервѣ Раймондъ тулузскій. На возвышеніи, за рядами войскъ, виднѣлась стройная фигура еще очень молодаго человѣка, но уже въ рыцарскихъ доспѣхахъ, окруженнаго небольшой свитой съ тулузскими гербами; это былъ сынъ графа тулузскаго, будущій Раймондъ VII. Онъ наблюдалъ за ходомъ битвы, нетерпѣливо ожидая начала боя.

Монфоръ же, какъ опытный полководецъ, помѣстился въ арріергардѣ своей арміи, предоставивъ себѣ распоряженіе ходомъ боя. Впереди крестоносныхъ знаменъ носился

([110]) Петръ Сернейскій преувеличиваетъ до 100 тысячъ; с. 72.—Guil. Brito (Phil. c. VIII), пользуясь правами поэта, считаетъ 200 тысячъ.

([111]) Cans. CXXXIX.

Верль д'Энконтръ, въ центрѣ командовалъ измѣнникъ Бушаръ де-Марли.

Поданъ сигналъ и альбигойцы, предводимые графомъ де-Фуа, увѣренные въ многочисленности своихъ войскъ, заранѣе разсчитывавшіе на успѣхъ боя, аттаковали французовъ; за ними неслись каталонцы. Съ привычнымъ искусствомъ встрѣтили крестоносцы этотъ налетъ и отразили его. Графъ де-Фуа повторилъ аттаку, но крестоносцы, точно испуганные, не допустили его до рядовъ, повернули коней и понеслись назадъ въ предмѣстья Мюрэ. По тѣснымъ улицамъ города они выѣхали въ поле и помчались въ тылъ аттакующимъ. Прежде чѣмъ альбигойцы въѣхали въ предмѣстье, они были уже отрѣзаны. Сперва де-Фуа не могъ понять, кто и откуда сражается съ нимъ. «Какъ пыль, гонимая вѣтромъ на широкихъ полянахъ», разсѣялись крайніе ряды альбигойцевъ отъ стремительнаго удара крестоносцевъ, налетавшихъ съ фланговъ, и скрылись позади строя. Смѣшеніе началось и между альбигойцами, которые скоро были вытѣснены изъ предмѣстья; побѣдители, преслѣдуя ихъ, помчались къ аррагонскому центру, гдѣ по знамени можно было примѣтить королевское мѣсто. Здѣсь должно было встрѣтить ихъ сильное сопротивленіе. Началась сѣча, безпощадная съ обѣихъ сторонъ. Громъ оружія, стукъ и шумъ ударовъ былъ столь же силенъ, разсказываетъ лѣтописецъ, слышавшій объ этомъ боѣ отъ очевидцевъ, какъ шумъ, производимый паденіемъ цѣлаго лѣса подъ ударами множества топоровъ ([112]).

Соединенное сопротивленіе альбигойцевъ и аррагонцевъ было отчаянное; прорвать центръ непріятельскій крестоносцы не могли, но де-Марли успѣлъ произвести смятеніе на лѣвомъ крылѣ. Король примчался на поддержку; онъ хотѣлъ сдвинуть разорванные ряды; тутъ пошла борьба на смерть. Сражающіеся знали, что отъ этого момента зависитъ успѣхъ и слава битвы, а можетъ быть и судьба крестоваго похода. Подъ стукъ мечей и ржаніе коней раздавались крики: Aragon, Toulouse, Foiz, Comminges; девизомъ противниковъ было страшное слово: «Montfort». Скоро все перемѣшалось. Бились одинъ на одинъ, не думая о товари-

---

([112]) Guil de Pod c. 22.

щахъ. Облака пыли не дозволяли различать предметовъ и сражающихся.

Въ густыхъ толпахъ аррагонцевъ, которые спѣшили поддержать своихъ, виднѣлась статная фигура воина, въ золотыхъ доспѣхахъ, съ позолоченнымъ щитомъ; на шлемѣ его сверкала корона изъ драгоцѣнныхъ камней. По всему вѣроятію, думали французы, это былъ король. Два рыцаря Алэнъ де-Руси и Флоранъ де-Вилль давно порывались къ нему, одолѣвая всѣ препятствія. Ударомъ палицы мнимый король былъ вышибенъ изъ сѣдла. Легкая побѣда и упавшій шлемъ вывели рыцарей изъ заблужденія. Донъ-Педро былъ близко; онъ искалъ Монфора и не замѣчалъ его между сражающимися. Увидавъ опасность своего друга, онъ поспѣшилъ ему на выручку.

— Король передъ вами, воскликнулъ онъ, поднимая забрало и вызывая противниковъ. Но, попавъ въ самое жаркое мѣсто боя, онъ со свитою былъ увлеченъ толпою.

Два рыцаря, между тѣмъ, не переставали слѣдить за нимъ. Лишь только свита его отдѣлилась, нѣсколько всадниковъ съ опущенными забралами приблизились къ нему. Между ними были Руси и де-Вилль. Король не смутился, въ виду стольких мечей, занесенныхъ надъ его головою. Скоро весь интересъ боя перенесся къ этому мѣсту. Сюда съѣхались храбрѣйшіе французы и славнѣйшіе аррагонцы. Король отбивался спокойно и удачно; броня его была непроницаема. Онъ изрубилъ нѣсколькихъ человѣкъ, но; въ самую рѣшительную минуту, когда удары ожесточенныхъ враговъ стали учащаться, мечъ и истомленныя силы короля отказались служить ему; сѣкира выпала изъ рукъ его. Остріемъ меча хотѣлъ онъ заколоть де-Вилля, какъ Руси положилъ его на смерть. Король упалъ на трупы крестоносцевъ. Давно знатнѣйшіе аррагонцы дрались за своего короля, давно лишались они товарищей; теперь остальные дрались изъ-за его трупа.

Смятеніе начало распространяться между альбигойцами еще съ той минуты, какъ пронесся слухъ, что всадникъ съ короной опрокинутъ. Не всѣ въ арміи знали, что донъ-Педро переодѣтъ, и альбигойцы не могли себя утѣшать тою мыслію. Когда погибъ король и когда вокругъ его трупа пали храбрѣйшіе рыцари, думавшіе защитить его,— была поражена альбигойская армія. Раймондъ тулузскій и Рожеръ де-Фуа неспособны были оживить духъ войска.

Они скрылись; за ними бросилась бѣжать вся альбигойская армія. Всякій спѣшилъ спастись; никто не защищался. Французы ожесточились до того, что альбигойцы, оставшіеся въ живыхъ, приписывали свое спасеніе чуду ([113]). Аррагонцы, тулузцы, каталонцы, рыцари графствъ пиринейскихъ представляли пеструю смѣсь бѣгущихъ.

Въ Тулузѣ съ нетерпѣніемъ считали каждую минуту; галеры и лодки стояли на Гароннѣ. Тѣ, которые были подогадливѣе, укладывали на нихъ свое имущество. Вотъ бѣглецы стали показываться. Плачъ, стоны настали въ городѣ. Ужасъ овладѣлъ гражданами.

Между тѣмъ тулузская пѣхота, отдѣленная отъ остальной арміи, дѣлала напрасныя попытки къ овладѣнію замкомъ Мюрэ. Два штурма было отбито, а тулузцы готовились къ третьему. Тогда епископъ Фульконъ изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ сталъ увѣщевать свою бывшую паству обратиться ко Христу, для чего прислалъ свою эпитрахиль. Еретики отослали ее назадъ, исколовъ копьями. Третій приступъ былъ также отраженъ. Вдругъ, гонцы прискакали съ роковою вѣстью о пораженіи, а слѣдомъ за ними показались конные отряды крестоносцевъ. Альбигойская пѣхота, въ паническомъ страхѣ, пустилась бѣжать безъ оглядки, минуя городъ.

Многіе въ отчаяніи думали найти спасеніе только за Гаронною и, не дожидаясь переправы, хотѣли теперь же переплыть рѣку; большая часть такихъ смѣльчаковъ потонула ([114]). Едва можно было устроить нѣкоторый порядокъ

([113]) Chron. prov. p. 489 — 490 — P. Cern. c. 72—73.—Guil. de Pod. c 22.—Cans. CXL. — Praecl. Franc. fac. a. 1213.—Guil. Brito. Phillip. c. VIII. — Langlois, Crois. contre les. Alb. 308—312. Потеря аррагонцевъ и провансальцевъ была, по всему вѣроятію, огромная; она показана въ пров. хроникѣ неопредѣленно: погибло множество тулузцевъ спасся только тотъ, кто успѣлъ (la ont moriguen grand monde deldit Tolosa, car si salvavia que podia).—Петръ Сернейскій считаетъ 20 тысячъ; Вильгельмъ (изъ Пюи-Лорана),— 15 тысячъ; Вильгельмъ Бретанскій—17 тысячъ, тогда какъ у крестоносцевъ, пали, по Ланглуа,—рыцарь и *не болѣе 8 пилигримовъ*.

([114]) Cans. v. 3084—88.

и переправу на судахъ. Но всякій порядокъ разстроился, когда подоспѣли крестоносцы. Остатки арміи сдались въ плѣнъ. Немногіе успѣли достигнуть благополучно стѣнъ столицы.

Во время сраженія, самъ Монфоръ едва избѣгнулъ опасности. Какой-то аррагонскій рыцарь нанесъ ему такой тяжелый ударъ, что чуть не вышибъ изъ сѣдла. Въ то-же мгновеніе одинъ альбигоецъ разсѣкъ его шлемъ, но сѣкира не задѣла голову. Какая титаническая сила была у этого человѣка, видно изъ того, что Монфоръ, отбиваясь мечемъ правою рукою, перчаткою лѣвой раздробилъ челюсть альбигойца, отъ движенія руки котораго зависѣла жизнь его ([115]). Вождь показался во главѣ крестоносцевъ, когда побѣда уже была довершена. Лагерь и обозъ тулузскій остались на полѣ сраженія. То была не побѣда, а разгромъ,— Монфоръ отдалъ непріятельскій лагерь на разграбленіе пилигримамъ. Король умеръ; его сынъ былъ въ плѣну у Монфора.

Наступила ночь. Въ Тулузѣ зловѣщее молчаніе. Кто не находилъ возможности бѣгства,—заперся въ домѣ, будто движеніемъ боясь заявить присутствіе жизни. Между тулузцами не было никого, кто-бы не потерялъ въ этотъ день друга или родственника. То была тишина скорби за будущее; безнадежное молчаніе овладѣло всѣми тулузцами. Ни Раймонда, ни вѣрныхъ друзей его, не было видно. Но вотъ группа всадниковъ, обрызганныхъ кровью, остановилась у капитула. Консулы, въ эти страшные часы, съ важностью сановниковъ великой общины, не прекращали своихъ засѣданій. Въ залу капитула вошелъ Раймондъ; его сопровождали графы де-Фуа и Komминга. Раймондъ былъ въ слезахъ. Онъ переживалъ страшныя минуты. Ему совѣстно было этихъ почтенныхъ людей, повелителей того города, который онъ привелъ къ гибели своими обѣщаніями, своею опрометчивостью. Теперь оставалось проститься со всѣми этими мечтами и, собравъ все присутствіе духа, графъ произнесъ роковое слово:

([115]) P. Cern. c. 72.—Rigordus (Vita Ph. Aug. a. 1213) замѣчаетъ, что Симонъ получилъ семь ранъ въ день битвы подъ Мюрэ.

— Друзья мои, мы погибли, покоряйтесь Монфору, а я, пусть, что будетъ, паду къ ногамъ папы и скажу ему, что всего лишился изъ-за него. Печаль моя хуже лезвія меча ([116]).

«И пошелъ онъ изъ земли своей вмѣстѣ съ сыномъ своимъ» ([117]), съ скорбью замѣчаетъ пѣвецъ Прованса.

Капитулъ Тулузы исполнилъ предложеніе графа. Дѣйствительно, при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, это казалось единственнымъ исходомъ. Страшный Монфоръ былъ подъ стѣнами; крестоносцы, гордые своей блистательной побѣдой, могли поступить какъ хотѣли съ несчастнымъ и безсильнымъ городомъ. Можетъ быть, не то бы было, если бы легаты не присутствовали въ арміи. Только они мѣшали осуществленію политическихъ разсчетовъ Монфора, — особенно въ послѣднее время. Изъ города была отправлена депутація въ лагерь крестоносцевъ съ предложеніемъ покорности. Депутаціи поручено было именемъ города отречься отъ Раймонда и обѣщать передъ лицомъ легатовъ послушаніе и подчиненіе Церкви католической. Легаты въ обезпеченіе спросили 200 заложниковъ. Имъ обѣщали 60; это казалось мало для такого большаго города. «Наконецъ прелаты, разсказываетъ Петръ сернейскій, дабы отнять всякій предлогъ уличать ихъ въ пристрастіи—отвѣтили, что охотно согласятся и на 60 заложниковъ, которыхъ имъ предлагаютъ, и что даже подъ этимъ условіемъ они примутъ тулузцевъ въ Церковь и даруютъ имъ миръ ради единства католической Церкви» ([118]). Но когда тулузцамъ оставалось только вручить заложниковъ, произошло непредвидѣнное затрудненіе. У капитула явилась смѣлость отказать въ утвержденіи заключенныхъ условій. Легаты не получили ничего; переговоры были прерваны. Настояніе побѣдителей не уважается... Откуда такая смѣлость взялась у погибавшей Тулузы? Вѣроятно, первая паника прошла; стѣны царствен-

([116]) Cans. v. 3103—3108.—Chron. prov. p. 490.

([117]) Pueih issic de sa terra e sos filhs ichamens, v. 3109.

([118]) Chron. prov. p. 490.—P. Cern. c. 74.

наго города, видавшія враговъ болѣе страшныхъ, были крѣпки по прежнему; у городскихъ сановниковъ, по преемству, явилось римское присутствіе духа. Во всякомъ случаѣ— обстоятельство весьма важное и мало разъяснимое ([119]).

Во время этихъ переговоровъ, главнокомандующій объѣзжалъ радостные ряды крестоносцевъ. Онъ уже зналъ о смерти донъ-Педро. Герольды, монахи и госпиталиты искали еще съ ночи трупъ короля. Монфоръ самъ принималъ въ томъ участіе, чтобы оказать тѣлу героя должныя почести. Среди груды убитыхъ, обезображенныхъ и обнаженныхъ тѣлъ трудно было признать кого-либо. Сбродъ бродягъ изъ разныхъ странъ жилъ въ лагерѣ крестоносцевъ только для грабежа; они всегда дожидались лишь окончанія сраженія, какъ знака начинать свой промыселъ; ихъ рукъ не миновалъ и король. «Наши пѣхотинцы, простодушно высказываетъ очевидецъ, лишь только увидѣли побѣду рыцарей, выбѣжали изъ замка и ограбили все, что только нашли на землѣ.» Король еще дышалъ, когда эти злодѣи добили его и раздѣли до нага. Трупъ признали только по величественному росту славнаго воителя. Подъѣхавъ къ трупу своего врага, съ которымъ ему не довелось встрѣтиться на честномъ бою, Монфоръ сошелъ съ коня и преклонился предъ тѣломъ королевскимъ, «какъ второй Давидъ передъ Сауломъ» ([120]). Онъ оплакивалъ павшее величіе знаменитаго короля. Донъ-Педро не былъ отлученъ отъ Церкви; онъ далеко не питалъ сочувствія къ религіознымъ убѣжденіямъ еретиковъ; сражаясь за нихъ, онъ думалъ рыцарски сражажаться за угнетенныхъ и гонимыхъ. Монфоръ велѣлъ съ честью похоронить тѣло короля и передалъ его на руки госпиталитовъ. Тѣ привезли его въ Аррагонію и похоронили въ монастырѣ сиксенскомъ. Въ 1555 году вскрывали крышку гробницы; тѣло короля значительно сохранилось, только носъ былъ нѣсколько поврежденъ ([121]). Сынъ его, знаменитый Іаковъ Завоеватель, бывшій очевидецъ битвы подъ Мюрэ, посвятилъ страницу своихъ воспоминаній личности своего отца. «Мой отецъ умеръ героемъ и въ день битвы явилъ себя съ такою славою, какъ всегда мои предки; его девизомъ было побѣдить или умереть». Воинъ, поэтъ, страстный поклонникъ женщинъ, онъ на послѣднюю свою битву смотрѣлъ весело. Въ то время, когда его счастливый противникъ проводилъ ночь въ молитвенномъ бдѣніи, король отъ неумѣренныхъ чувственныхъ наслажденій на утро былъ такъ утомленъ, что на мессѣ не былъ въ состояніи стоя слушать Евангеліе ([122]).

Оплакавъ короля, побѣдитель весьма любезно обошелся съ плѣннымъ ребенкомъ, сыномъ покойнаго, и распорядился пока отправить его въ Каркассону. Потомъ онъ велѣлъ продать боеваго коня своего, всѣ доспѣхи и оружіе, какое было на немъ, и деньги раздать бѣднымъ на поминовеніе душъ. Потомъ съ обнаженной головой онъ отправился въ церковь возблагодарить Бога за такое неожиданное счастье ([123]). Тысячи душъ надо было замолить этому человѣку. Но онъ не забылъ наградить своихъ помощниковъ. Балдуинъ получилъ всѣ домены въ Керси ([124]).

А между тѣмъ графъ тулузскій въ это время былъ уже на дорогѣ въ Провансъ, имѣя намѣреніе отправиться въ Римъ ([125]). Послы же его пробирались къ англійскому королю, его зятю, прося у него помощи. По одному указанію, король въ послѣдствіи явился въ Аженуа и, взявъ подъ свою защиту отложившіеся города, однимъ грознымъ поло-

([119]) Объ этомъ глухо говоритъ главный источникъ: «Ipsi autem, jam amplius suas malitias non valentes velare, responderunt quod nullo modo obsides darent, per hoc manifeste denudantes quod nonnisi in fraudem et intentionem dolosam de LX obsidibus priorem fecerant promissionem». P. Cern. p. 678 — Провансальская хроника странно смѣшиваетъ событія, приписывая Монфору немедленное занятіе Тулузы (Chron. prov. 491).

([120]) P. Cern. c. 72. — Praecl. Franc. fac. a. 1213.— Muratori. Vita Inn.—III, II; 483.

([121]) Catel. Mém. de l'hist. de Languedoc; p. 298.

([122]) Cronica del rey en Jaime I. c. 8. — Mariana. Hist. Hispaniae; l. XII, c. 2.

([123]) P. Cern. c. 72.

([124]) Albericus Trium Fontium. Chron. a. 1213. — P. Cern. c. 72.

([125]) Cans. CXLI. — Chron. prov. p. 491.—Vaissete; V, 221.

женіемъ успѣлъ внушить Монфору нѣкоторыя опасенія ([126]). Но, отдохнувъ послѣ побѣды, Симонъ сталъ дѣйствовать въ другой сторонѣ. Тулуза отказала въ сдачѣ послѣ перваго потрясенія, и онъ, не смотря на прибытіе французскихъ подкрѣпленій, не находя достаточныхъ средствъ взять ее силою, пошелъ къ Ронѣ, будто преслѣдуя одинокаго Раймонда, предварительно опустошивъ замки графа де-Фуа ([127]). Здѣсь его встрѣчаетъ неожиданное противодѣйствіе. Города Прованса рѣшаются на новую борьбу. Горькое положеніе Раймонда только придало имъ новыя силы. Нарбонна затворила передъ Симономъ ворота; тому же послѣдовалъ Безьеръ. Монпелье не рѣшился на такую смѣлость. Нимъ былъ взятъ штурмомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что на основаніи актовъ принадлежалъ нѣкогда графству каркассонскому. Это обстоятельство въ послѣдствіи, какъ увидимъ, возбудило негодованіе Иннокентія на насилія Монфора. Теперь Монфоръ силенъ былъ развѣ однимъ впечатлѣніемъ, которое привыкъ производить на альбигойцевъ и вообще провансальцевъ. Крестоносцы покидали его съ наступленіемъ зимняго времени; при немъ остались только немногіе бароны, служившіе у него на жалованьи. Правда, герцогъ бургундскій Оттонъ заявилъ сочувствіе крестоносцамъ; но для католическаго дѣла пользы было мало, что онъ, вмѣстѣ съ барономъ ліонскимъ и архіепископомъ вьеннскимъ, явился въ лагерь Монфора. Его прибытіе было предлогомъ къ брачнымъ переговорамъ. Онъ былъ братомъ герцога Дофинэ, съ дочерью котораго Симонъ, умѣвшій закрѣплять династическія связи, имѣлъ въ виду обручить своего сына.

Средства Монфора сдѣлались до того слабы въ это время,—т. е. въ началѣ 1214 года,—что онъ не въ состояніи былъ защищаться отъ нападенія аррагонскихъ отрядовъ, мстившихъ за донъ-Педро. Когда Симонъ вернулся

([126]) **Albericus** (Chron. a **1214**) говоритъ, что самъ Раймондъ ѣздилъ лично просить англійскаго короля; **Barrau et Darragon** соглашаются съ тѣмъ (II, 55),—но это мало вѣроятно. Графъ, отправляясь за Рону, могъ на сѣверъ или черезъ Гіеннь отправить пословъ къ Іоанну.

([127]) P. Cern. c. 75.

подъ Тулузу, то аррагонцы своею искусной назойливостью до того озлобили его, что онъ велѣлъ своимъ бандамъ опустошать окрестности столицы. Аррагонцы требовали выдачи молодаго Іакова, короля своего; но Монфоръ распорядился отправить его къ французскому двору. Однако потери, наносимыя непріятелями, глубоко печалили Монфора, также какъ и извѣстіе о плѣнѣ и казни его друга, Балдуина тулузскаго, измѣнившаго своему брату и отечеству. Всякій провансальскій рыцарь, кому было дорого національное дѣло, добирался до головы Балдуина; знали, что Раймондъ будетъ безпощаденъ къ нему,—иначе и не могло быть. Однажды,—это было на второй недѣлѣ поста, — Балдуинъ съ небольшимъ отрядомъ остановился въ замкѣ Ольмѣ. Съ нимъ былъ и французскій воитель, Гильомъ д'Энконтръ; свита была незначительна. Баронъ замка принадлежалъ къ альбигойской партіи. Онъ далъ знать о гостяхъ въ сосѣдній замокъ Монъ-Леонардъ, гдѣ стояли альбигойцы. Подозрѣнія Балдуина постарались усыпить. Ночью, въ ворота были пущены альбигойцы съ злѣйшимъ врагомъ Балдуина, Ратьеромъ де-Кастельно. Караулы были сняты. Баронъ самъ предложилъ ключъ Ратьеру и повелъ его къ спальнѣ Балдуина. Чтобы убійство не приняло видъ злодѣйства, по данному знаку былъ поднятъ шумъ въ городѣ, дабы разбудить французовъ и приготовить ихъ къ бою; на каждый домъ, занятый французскимъ постоемъ, бросались провансальцы и вооруженные жители. Произошла рѣзня. Балдуина удалось захватить живаго. Сердечно исповѣдуя католичество, онъ прежде всего спросилъ священника пріобщиться; ему хотѣлось уморить себя голодомъ, но до этого не допускали его. Онъ зналъ свою участь. Раймонду дали знать о плѣнникѣ, котораго привезли въ Монтобанъ. Туда поспѣшили Раймондъ, графъ де-Фуа съ сыномъ, и аррагонскій предводитель Бернаръ де-Портелесъ. Какъ измѣнникъ, Балдуинъ былъ совѣтомъ рыцарей приговоренъ къ висѣлицѣ; Раймондъ велѣлъ исполнить приговоръ. Осужденному не дали католическаго священника. Тогда если духовенство альбигойское не рисковало показываться, то, тѣмъ не менѣе, между разгромленными провансальцами господствовало равнодушіе къ вѣрѣ. Балдуинъ, по словамъ крестоносцевъ, идя на казнь, заявлялъ свою

преданность Монфору ([128]). Послѣдній не долженъ былъ претендовать на это воздаяніе: когда-то онъ самъ велѣлъ казнить измѣнника, даже много послужившаго ему; только разница была въ томъ, что его приговоръ отличался характеромъ болѣе варварскимъ.

Скоро еще большее огорченіе пришлось перенести Монфору. Амори, баронъ Нарбонны, поднялъ противъ него оружіе; граждане отозвались на призывъ его и оказали ему усердную поддержку. Они пустили къ себѣ такъ называемыхъ рутьеровъ, которые состояли теперь преимущественно изъ аррагонцевъ и каталонцевъ. Примѣру нарбоннцевъ послѣдовали окрестные замки. Возстаніе охватило всю страну. Монфоръ собралъ крестоносцевъ и пошелъ на Нарбонну тремя колоннами; самъ онъ былъ въ авангардѣ. Стрѣлки поджидали его въ узкомъ и малодоступномъ дефилэ. Стрѣлы, пущенныя изъ засады, пронзили лукъ его лошади. Симонъ упалъ на землю; закованный въ желѣзо, онъ не могъ подняться. Около него началась схватка. Копья смѣльчаковъ уже достигали до него, какъ оруженосцы помогли ему встать. На ногахъ, Монфоръ былъ снова страшенъ и недосягаемъ своей сѣкирою. Гильомъ де-Баръ стремительно ударилъ на нарбоннцевъ, которые, будучи не въ состояніи выдержать бурнаго стремленія рыцарей, отступили въ городъ ([129]). Особыя обстоятельства не позволили теперь же Монфору овладѣть Нарбонною, хотя, въ лицѣ новаго папскаго легата, вождь крестоносцевъ пріобрѣталъ надежнаго помощника.

Кардиналъ—діаконъ, Петръ Беневентскій получилъ политическое воспитаніе въ Римѣ, при папскомъ дворѣ; онъ выросъ среди борьбы партій. Его способности развились путемъ практическихъ занятій; онъ навыкъ къ государственнымъ дѣламъ съ легкостью италіянскаго дипломата Возрожденія, когда онъ былъ-бы болѣе на мѣстѣ. Друзья, хотя бы и искренніе, не могли ручаться за свою вѣрность, когда на нихъ начиналъ вліять хитрый кардиналъ. Про него говорили, что нѣтъ препятствій, которыхъ бы не одолѣло его италіянское искусство; нѣтъ людей, самыхъ упорныхъ, которые бы устояли противъ его убѣдительнаго, лукаваго краснорѣчія; нѣтъ противниковъ, которые бы не послѣдовали его доводамъ и не принесли бы собственные интересы въ жертву его, по видимому, простодушнымъ настояніямъ ([130]). При немъ не было ни одной лиры, ни одного рыцаря; но, прибывъ съ неограниченнымъ полномочіемъ въ качествѣ легата a latere, онъ не преминулъ тотчасъ же доказать виконту нарбоннскому, что все спасеніе его въ немедленномъ перемиріи съ Монфоромъ, а начальниковъ аррагонскихъ убѣдилъ въ томъ, что, выручивъ своего короля, они должны непремѣнно очистить области провансальскія.

Архіепископы Арля, Э и Нарбонны должны были повиноваться въ силу папскихъ предписаній; слѣдовательно самъ всесильный Арнольдъ долженъ былъ временно склоняться передъ новымъ свѣтиломъ ([131]). Инструкція, данная Иннокентіемъ кардиналу Петру въ январѣ 1213 года, показываетъ, что подозрѣнія, подъ которыми составлялись январскія распоряженія прошлаго года, не исчезли въ папѣ. Симонъ долженъ былъ повиноваться новому легату, относиться къ нему съ уваженіемъ, должнымъ его высокому сану. По чувству легальности, Иннокентій предписываетъ Монфору теперь-же возвратить малолѣтняго Іакова, наслѣдника аррагонскаго, котораго тотъ незаконно держалъ плѣнникомъ. Въ противномъ случаѣ, *«легатъ приметъ мѣры противъ тебя*, писалъ папа, *сообразуясь съ тѣми указаніями, какія мы ему на сей разъ словесно дали»* ([132]). Изъ этого можно заключить, что Иннокентій въ это время склоненъ былъ от-

([128]) Guil. de Pod. c. 23.—P. Cern. c. 75.—Langlois (Alb. 325) придумываетъ діалогъ между Раймондомъ и Балдуиномъ; въ сущности онъ есть выраженіе личныхъ чувствъ католическаго автора.

([129]) P. Cern. c. 76.

([130]) Іезуитъ Langlois приписываетъ его личности много вліянія на ходъ событій: «.. si la sagesse d'un nouveau Legat,... n'eut rompu les noeuds, qui réunissoient les ennemis. Ce Prelat élevé à la Cour de Rome, où l'on sçait si bien convaincre ceux avec qui l'on traite, qu'il est de leur interest de faire ce qu'on leur demande, obtint» etc.. Crois. contre les Alb. 327.

([131]) Reg Inn. l. XVI, ep. 167.

([132]) L. XVI, ep. 171. Alioquin super hoc idem legatus procedet prout in mandatis a nobis viva voce recepit (CCXVI, 959).

лучить Монфора. Жалобы Раймонда тулузскаго, графовъ Комминга и Беарна уже достигли слуха Иннокентія черезъ пословъ; военныя дѣйствія измѣнили предначертанія Раймонда, хотѣвшаго отправиться лично жаловаться въ Римъ,—и потому папа приказываетъ разрѣшить графовъ Комминга и Беарна. Новый легатъ имѣлъ, сверхъ того, повелѣніе защитить городъ Нимъ отъ несправедливыхъ притязаній Монфора, какъ виконта безьерскаго, самоуправно властвовавшаго, а между тѣмъ ссылавшагося на Церковь Римскую ([133]). Несчастная Тулуза опять обратила на себя взоры Иннокентія. Послы отъ капитула ясно представили ему интриги и цѣли легатовъ, рьяно поддерживавшихъ Монфора. Папа склоняется на сторону тулузцевъ, которыхъ велитъ, по пріобрѣтеніи достаточнаго ручательства, пріобщить къ Церкви, такъ какъ они много разъ просили о томъ, не смотря на многія преступленія ихъ; «ибо нельзя отталкивать тѣхъ, которые униженно стучатся во врата церковныя» ([134]). Дѣло же Раймонда требовало особаго разсмотрѣнія.

«Городъ Тулуза, который будетъ, (обѣщаетъ булла), такимъ образомъ принятъ на лоно Церкви и изъятъ впредь отъ угнетенія графа Симона или другихъ какихъ-либо католиковъ,—умиротворенный возьмется подъ покровительство апостольскаго престола, гдѣ и пребудетъ, пока не перестанетъ находиться въ вѣрѣ католической и мирѣ церковномъ. Если же—такъ кончаетъ папа—жители откажутся дать удовлетвореніе и не отстанутъ отъ своихъ заблужденій; то мы предписываемъ тебѣ снова поднять крестоносцевъ и другихъ вѣрныхъ, возобновить индульгенціи и уничтожить эту язву какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ средѣ всѣхъ иныхъ укрывателей и защитниковъ, которые еще опаснѣе, чѣмъ самые еретики» ([135]).

Въ виду такихъ распоряженій папы, Монфору оставалось только повиноваться. Онъ безъ всякихъ отговорокъ

([133]) Etsi nobilium virorum comitis Convenarium et Gastonis excessus graves sint plurimum et enormes, quia tamen humiliter pulsantibus non est Ecclesiae aditus praecludendus, discretioni tuae etc. ibid.

([134]) L. XVI, ep. 170.

([135]) L. XVI, ep. 172; p. 959—960.

выдалъ плѣннаго короля аррагонскаго; то, чего Аррагонія не достигнула войною, было достигнуто однимъ словомъ папы. Епископъ Сеговіи, посланникъ аррагонскій при римскомъ дворѣ, могъ сказать, что его рѣчи острѣе меча рыцарей русильонскихъ и испанскихъ ([136]). Знатнѣйшіе дворяне, въ качествѣ депутатовъ, прибыли въ Нарбонну за своимъ королемъ; здѣсь Монфоръ, частнымъ образомъ допущенный, передалъ ребенка съ рукъ на руки. Вильгельмъ де-Монтредонъ, магистръ аррагонскихъ тампліеровъ, взялъ на себя его первоначальное воспитаніе. Часть его правъ на Провансъ, по причинѣ малолѣтства, была потеряна. Монпелье, напримѣръ, не хотѣлъ признать его государемъ; но, въ то же время опасаясь и Монфора, отдается королю французскому, который и принялъ коммуну подъ свое покровительство со всѣми правами ея, въ апрѣлѣ 1214 года ([137]). Коммуна по возможности гарантировала себя; король объявлялся только ея протекторомъ и то на 5 лѣтъ, но мы знаемъ, какой политики Филиппъ держался относительно общинъ ([138]). А, принимая подъ свою державу Монпелье, онъ прямо выразился, что будетъ смотрѣть на нихъ «какъ на прочихъ буржуа своихъ». Тѣмъ не менѣе, не поспѣвъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ особо отъ крестоносцевъ, онъ тѣсно примкнулъ на этотъ разъ къ куріи римской. Въ его умѣ тогда созрѣвалъ планъ пріобрѣтенія Юга и уничтоженія провансальской національности,—а въ крестовомъ походѣ онъ видѣлъ удобнѣйшее средство къ достиженію своихъ цѣлей. Онъ боялся оскорбить Иннокентія своимъ вмѣшательствомъ въ аррагонское дѣло. «Если папа, пишетъ онъ въ хартіи, въ продолженіе этого времени извѣстить насъ грамотами своими, что Іаковъ, сынъ покойнаго короля аррагонскаго, долженъ наслѣдовать Монпелье съ его доменами; то жители этого города воспользуются всѣми правами

([136]) Anales de la corona de Aragon, compuestos por Geronymo Çurita (6 v. 1610, Çaragoça); l. II, c. 66—68.

([137]) Preuves de l'hist. de Languedoc; V, 588; № LXXI.

([138]) См. стр. 37—40.—Chéruel. Administration monarchique en France; I, p. LXV, LXX.

своими, не лишаясь нашей защиты и покровительства. Если же случится, что Петръ, который теперь исправляетъ обязанности легата въ тѣхъ провинціяхъ, передастъ городъ возлюбленному и первородному сыну нашему Людовику, какъ бы завоеванный крестоносцами и отъ ихъ имени; то въ такомъ случаѣ мы будемъ считать себя освобожденными отъ всѣхъ обязательствъ, которыя заключили съ депутатами этой коммуны» ([139]). Смыслъ послѣдней фразы очень ясенъ. Ясно и то, что если бы судьба позволила Филиппу занять мѣсто Монфора, то Лангедоку не было бы отъ того ни лучше, ни хуже. Такъ или иначе, онъ неминуемо подпалъ бы тому же французскому гнету. Филиппъ иначе поступаетъ съ общиною, если воспользуется ею черезъ посредство крестоносцевъ; при первомъ же дѣлежѣ добычи онъ является съ претензіями неограниченнаго монарха.

Казалось, драма альбигойская близилась къ окончанію. Получивъ въ свои руки малолѣтняго Іакова, новый легатъ достигнулъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ цѣлей своего посольства. Онъ имѣлъ свиданіе съ Раймондомъ VI и его гонимыми друзьями, феодалами Юга. Къ общему удивленію, кардиналъ, своимъ дипломатическимъ искуствомъ, путемъ компромисса, примирилъ ихъ съ Церковью. Никто не полагалъ, что все это есть жестокое коварство кардинала, смѣло злоупотреблявшаго авторитетомъ папы. Нарбонна и даже неодолимая Тулуза изъявляютъ ему покорность. Тотъ графъ тулузскій, который имѣлъ столько причинъ ненавидѣть Церковь и крестоносцевъ, который, въ послѣднее время, казалось, могъ быть болѣе всего несговорчивымъ,—преклонился предъ судьбою. Разгадка отчасти и въ томъ, что краснорѣчіе легата было поддержано слухами о приближеніи, со стороны Ліона и Гіенни, чуть не стотысячной арміи крестоносцевъ, поднятой на ноги проповѣдью извѣстнаго намъ Якова Витрійскаго ([140]) и предводимой кардиналомъ Робертомъ (de Courçon), легатомъ французскимъ и Гюи, епископомъ Каркассоны ([141]). Тонъ актовъ отчасти объясняется этимъ обстоятельствомъ; въ нихъ, однако, гонимый государь Лангедока не отказывается отъ своихъ правъ. «Я, Раймондъ, божіею милостію герцогъ нарбоннскій, графъ тулузскій и маркизъ провансальскій,—такъ гласитъ договоръ его съ легатомъ,—не будучи вынуждаемъ ни угрозами, ни обманомъ, по доброй волѣ, вручаю вамъ, господинъ кардиналъ, мое тѣло со всѣми доменами, которыми я владѣю теперь ли, или когда-либо прежде, и которые желалъ бы передать сыну моему Раймонду. Если бы послѣдовало ваше приказаніе, то я обязанъ даже отказаться отъ всего имущества моего и удалиться къ королю англійскому или въ какую-либо иную землю и прожить тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ позволено мнѣ приблизиться къ престолу апостольскому и испросить тамъ благости и милосердія. Сверхъ того, я согласенъ передать вамъ или вашимъ посланнымъ всѣ тѣ земли, которыми владѣю, и тѣмъ предоставить всѣ домены мои въ полную власть господина первосвященника, Церкви Римской и вашу. Если же кто-либо изъ тѣхъ, которые чѣмъ-либо владѣютъ отъ меня или для меня (т. е. изъ вассаловъ тулузскихъ),—не согласится на вышесказанное; то, въ силу повелѣній вашихъ и моей сузеренской власти, я отрекаюсь отъ таковаго. Наконецъ, я поручаю вамъ моего сына со всѣми его доменами и вассалами, полагаясь на милосердіе и повелѣнія господина папы и ваши, господинъ легатъ, обѣщаясь съ своей стороны употреблять всѣ усилія, чтобы склонить къ такимъ условіямъ сыновнихъ совѣтниковъ и чтобы заставить ихъ такому рѣшенію повиноваться» ([142]).

Примѣру Раймонда должны были послѣдовать и его друзья. Они боролись съ Церковью больше изъ-за него, такъ какъ собственно-альбигойскій, религіозный интересъ постепенно отстранялся. Наконецъ, можно было надѣяться что-нибудь выговорить этой своевременной покорностію. Съ такою цѣлью капитулъ послалъ къ легату семерыхъ консуловъ, снабдивъ ихъ договорными условіями и поручивъ имъ присягнуть отъ имени своихъ товарищей и всего города. Присягу эту легатъ принималъ въ Нарбоннѣ, гдѣ онъ представ-

([139]) Charte du roi etc. Vaiss. V, 588.

([140]) См. у насъ, стр. 100—102, прим. 152.

([141]) P. Cern. c. 78.

([142]) Catel. Comtes de Toulouse; 301. Этого акта есть двѣ редакціи. Замѣчательно, что Петръ Сернейскій умалчиваетъ о немъ. См. Vaissete Hist. V, 229 и Guizot. Coll. XIV, 387 (éclaircissemens).

лялъ изъ себя повелителя провансальскихъ государей, окружавшихъ его раболѣпной толпою, какъ намѣстника того халифа христіанскаго міра, который именовалъ себя Иннокентіемъ III. Условія, на которыхъ присягали консулы тулузскіе, были унизительны: городъ отказывался отъ всей своей прежней политики, отъ прозелитизма альбигойства, даже отъ графа своего, дѣлаясь однимъ изъ орудій теократіи католической. Но, что же было дѣлать, когда самыя напряженныя усилія не вели ни къ чему, когда новая сотня тысячъ крестоносцевъ шла почти на явный грабежъ? Къ чему была борьба теперь, когда виновникъ ея склонялся въ прахѣ, у ногъ посла Иннокентіева? Униженные консулы несчастнаго города думали выиграть полной покорностью. «Мы проклинаемъ всякую ересь и торжественно отрекаемся отъ всякаго исповѣданія, которое въ чемъ-либо несогласно съ святою католическою Церковью,—говорили они,—и принимаемъ и одобряемъ ученіе этой Церкви Римской. Мы добровольно, на св. мощахъ, на Причастіи и древѣ креста Господня, положа руки на св. Евангеліе Его, безъ обмана и всякой дурной мысли, клянемся, что впредь ни мы, ни сограждане наши, не будемъ ни еретиками, ни сектаторами, ни покровителями, ни соумышленниками, ни защитниками еретиковъ и что всѣмъ таковымъ, а также наказаннымъ Церковью Римскою рутьерамъ или другимъ врагамъ ея, мы никогда ни окажемъ помощи, совѣта или защиты». Они поклялись: никогда, безъ особыхъ приказаній папскихъ, не занимать и не отнимать земель, пріобрѣтенныхъ крестоносцами. Они отказались отъ права войны и мира. Они обязались слушаться только повелѣній римскаго правительства. Они предоставляли въ распоряженіе папы и легата заложниковъ, уже не 60 какъ прежде, а сколько угодно будетъ кардиналу; издержки на содержаніе ихъ городъ принималъ на свой счетъ, а легату предоставлялъ держать ихъ, сколько времени заблагоразсудится. Наконецъ, консулы обѣщали, что они принудятъ каждаго изъ тулузцевъ, свыше 14 лѣтняго возраста, порознь принести такую-же присягу ([143]).

([143]) Preuves de l'hist. de Languedoc; V. 590; № LXXIV.—Guil. de Pod. c. 24.

Чего не доставало для полной покорности? Развѣнченная Тулуза отказывалась отъ всякой самостоятельности, признавая себя побѣжденной. Риму оставалось праздновать побѣду. Но крестоноснымъ легатамъ этого было мало. Легатамъ нужны были богатства жителей, а Монфору слава государя и повелителя Тулузы.

Графы де-Фуа и Комминга также полагали, что всѣ бѣдствія ихъ кончатся, если они примирятся съ Церковью и изъявятъ эту покорность передъ лицемъ легата. Каждый изъ нихъ клялся въ тѣхъ же выраженіяхъ, но по разнымъ документамъ, обѣщая повиноваться легату во всѣхъ дѣлахъ касающихся вѣры, мира и общественной безопасности. Они, съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ обрядовъ, заклялись оказывать какое-либо покровительство еретикамъ и отказались отъ союза съ врагами Церкви и рутьерами, обязавшись напросто вести безпощадную войну съ ними. Графъ де-Фуа теперь же отдавалъ кардиналу Петру въ залогъ Фуа, а коммингскій графъ—замокъ Сальесъ; оба обѣщали на будущее время уступить легату все, чего онъ потребуетъ, хотя бы въ собственность Римской Церкви. Въ лицѣ покорившихся графовъ клялись въ такой же покорности ихъ наслѣдники. Графъ коммингскій обязался кромѣ того дать легату въ заложники одного изъ сыновей своихъ, по выбору кардинала ([144]).

Нарбонна принесла такую же повинную, отказавшись отъ всякихъ правъ на тѣ замки, какіе будутъ находиться въ рукахъ крестоносцевъ ([145]). Она искала того же мира, необходимость котораго признавалъ весь лангедокскій Югъ.

Но всѣ эти трактаты, заключенные такъ торжественно, были ничѣмъ инымъ со стороны католиковъ, какъ кощунствомъ надъ святыней, надъ которою присягали побѣжденные. Крестоносцы хотѣли только выждать время, когда подойдетъ новая стотысячная армія, и потому предоставили легату заключать какіе угодно трактаты. Можетъ быть и самъ кардиналъ Петръ не былъ чуждъ такого коварства. По крайней мѣрѣ участникъ и историкъ похода, апологетъ Монфо-

([144]) Preuves; V, 588; № LXXII.—Guil. de Pod c. 25.
([145]) Vais. preuves; V, 589. № LXXIII.

ра, монахъ Петръ сернейскій раздѣляетъ такія мысли ([146]). «О неистощимое обиліе благодати божественной, восклицаетъ онъ съ іезуитскимъ простодушіемъ; по признанію многихъ, ни крестоносцы не сдѣлали бы ничего важнаго безъ легата, ни онъ безъ нихъ.» Вся эта продѣлка была ничѣмъ инымъ, какъ... «благочестивымъ обманомъ» ([147]), этимъ вѣрнымъ средствомъ къ достиженію политическихъ цѣлей вождя крестоносцевъ, т. е. къ порабощенію Юга.

Ни Раймондъ тулузскій, ни графъ де-Фуа, ни графъ коммингскій,—не хотѣли понять, что Монфору и его французамъ нужно не укрощеніе ихъ, а сверженіе и уничтоженіе. Неужели ни Нарбонна, ни развѣнчанная Тулуза не дознали еще, что составляютъ для Монфора слишкомъ цѣнную добычу.

Какъ только новые десять тысячъ крестоносцевъ, возбужденные фанатизмомъ и проповѣдью Якова витрійскаго и Вильгельма парижскаго, стали приближаться къ Ронѣ, а съ другой стороны къ Аженуа,—миръ былъ попранъ легатами и война началась снова Требовалось добить умирающаго.

Для лѣтописей теперь уже теряетъ интересъ личность Раймонда. Одинъ изъ современниковъ глухо замѣчаетъ, что Раймондъ съ сыномъ и семействомъ избралъ мѣстомъ жительства Тулузу, но поселился не во дворцѣ, а въ частномъ домѣ. Онъ былъ, слѣдовательно, по договору лишенъ престола, по крайней мѣрѣ временно ([148]). Легатъ Петръ уѣхалъ умиротворять Аррагонію, считая, можетъ быть, дѣла Лангедока оконченными. Но въ сущности они далеко не окончились.

([146]) «Egit ergo misericorditer divina dispositio, ut dum legatus hostes fidei, qui Narbonae erant congregati, alliceret et compesceret fraude pia. comes Montisfortis et peregrini qui venerant a Francia, possent transire ad partes Cadurcenses et Aginnenses, et suos, imo Christi, impugnare inimicos. O legati fraus pia! O pietas fraudulenta»! c. 78, p. 685. Можетъ быть, обвиненіе на легата ультра-фанатическій лѣтописецъ взводитъ лишь по собственному настроенію.

([147]) Или «лживымъ благочестіемъ», какъ варіируетъ Петръ Сернейскій.

([148]) Guil. de Pod. c. 25.

Лангедокъ не воспользовался даже тѣмъ незначительнымъ промежуткомъ спокойнаго времени, которое одинъ историкъ называетъ перемиріемъ ([149]). Легатъ, можетъ быть съ коварствомъ, а можетъ быть съ искреннимъ желаніемъ дать покой странѣ въ ожиданіи утвержденія мира, распорядился, чтобы крестоносцы не занимали силою тѣхъ городовъ, которые имъ еще не принадлежатъ, и чтобы всадники ѣздили не въ полномъ вооруженіи и не на боевыхъ коняхъ. Все это не исполнилось, да и исполнить было нѣкогда. Какъ только открылась возможность начать компанію, Гюи и Монфоръ получили приказаніе ѣхать въ Руэргъ и принять тамъ начальство надъ прибывшими изъ Франціи войсками, съ тѣмъ, чтобы осадить замокъ Марильокъ. Въ виду многочисленнаго непріятеля, замокъ сдался въ день же осады. Крестоносцы замучили и сожгли тамъ «съ превеликою радостію» семерыхъ вальдензовъ, которые отказались отречься отъ своей вѣры. Мы замѣтили уже, что католики смѣшивали ихъ съ альбигойцами—катарами ([150]). Въ то-же время, Симонъ Монфоръ бросился на земли Ратьера де-Кастельно, чтобы «опустошить ихъ, въ возмездіе за казнь Балдуина.» Во время военныхъ дѣйствій, Симонъ успѣлъ побывать съ сыномъ своимъ Амори при дворѣ бургундскомъ. Какъ ни молода была невѣста, но Монфоръ дорожилъ временемъ и спѣшилъ закрѣпить свои связи съ Бургундіею. Беатриса была отпу-

---

([149]) Guil. de Pod. c. 25. Во время этого перемирія, всѣ измѣнники провансальскіе и сторонники Монфора стали требовать наградъ отъ побѣдителей за свою службу. Одинъ изъ такихъ, нѣкоторое время былъ главнымъ совѣтникомъ Раймонда тулузскаго. Онъ просилъ себѣ у епископа Фулькона въ подарокъ домъ госпиталитовъ, обѣщая посвятить остатокъ дней своихъ Богу. Епископъ основательно замѣтилъ ему, что, убивъ графа совѣтами своими, онъ проситъ себѣ награды за убійство, подобно тому безумцу, который камнемъ умертвивъ своего пріятеля, всталъ между нищими и просилъ подаянія на поминовеніе души; когда же получалъ отказъ отъ проходящихъ, то со злобою доказывалъ: «вы не хотите мнѣ ничего дать,—тому, кто все это устроилъ». Объ этомъ много говорили въ то время. ibid.

([150]) P. Cern. c. 79.—См. у насъ, стр. 232, прим. 248, 249.

щена, и въ Каркассонѣ, подъ шумъ военной тревоги, молодые были обвѣнчаны, хотя невѣста еще долго не могла быть способна къ брачной жизни ([151]).

Теперь Монфоръ пошелъ на Аженуа. Уже давно ходили слухи, что англійскій король Іоаннъ намѣренъ поддержать своего племянника, тулузскаго графа. Но тѣ подчиненныя отношенія къ Риму, въ которыхъ привыкъ находиться этотъ безхарактерный государь, нѣсколько успокоили Монфора ([152]). Въ послѣднее время, король дѣйствительно прибылъ въ Аженуа и открыто началъ поддерживать Раймонда. Это обстоятельство было въ связи съ перемѣной, совершившейся въ прихотливой политикѣ Іоанна. Послѣ унизительной для короля сцены въ Дуврѣ (15 мая 1213 года), папа снялъ отлученіе съ Англіи. Прелаты, изгнанные Іоанномъ, возвратились и Лангтонъ занялъ архіепископскую каѳедру въ Кентербери. Іоаннъ догадывался, до чего дойдутъ требованія свѣтской и духовной аристократіи. Бароны готовились вынудить у короля гарантію гражданской свободы. Іоаннъ понималъ, что исходной причиной его униженія—Иннокентій III, который такъ тяжело далъ ему почувствовать свою силу. Въ 1214 г. король старался поступками доказать папѣ, что онъ снова можетъ представить ему затрудненіе. Извѣстно, что лѣтомъ Іоаннъ оказывалъ матеріальную поддержку провансальской арміи и еретикамъ Аженуа. Имѣя враждебныя отношенія съ королемъ французскимъ, онъ около этого времени лично высадился въ Гіенни. Французамъ въ Аженуа пришлось имѣть дѣло съ англійскими рыцарями. Но Монфоръ, завладѣвъ многими мѣстами, хотѣлъ запугать страну терроромъ; онъ опустошалъ и жегъ феодальные замки мелкихъ вассаловъ, которые попадались ему въ руки. Онъ остановился подъ городомъ Мирмандомъ, занятымъ англійскимъ гарнизономъ, и началъ его осаду, не смотря на англійское знамя, выкинутое надъ

([151]) P. Cern. c. 79.

([152]) См. у насъ, стр. 20—23.

башней. Крестоносцы смѣло пошли на штурмъ. Жители, при самомъ началѣ свалки, стали перебираться черезъ Гаронну. Англичане и еретики не выдержали напора и, сбитые со стѣнъ, заперлись въ главной башнѣ. Монфоръ дозволилъ своимъ воинамъ грабежъ. Засѣвшіе въ башнѣ, не могли сопротивляться долго; получивъ увѣреніе въ сохраненіи жизни, они сдались побѣдителю. Монфоръ, распорядившись разрушить часть городскихъ стѣнъ и укрѣпить самый замокъ съ башнями, удалился въ Аженъ, откуда скоро двинулся на осаду Кассенѣля, города, «переполненнаго еретиками и клятвопреступниками» и расположеннаго на самыхъ границахъ Керси. Этотъ городъ, по его выгодному мѣстоположенію, осаждать было трудно. Потому, Монфоръ съ главными силами расположился въ сосѣднихъ долинахъ, а веденіе осады предоставилъ своему сыну Амори и епископу каркассонскому, исправлявшему обязанность полководца ([153]). Стѣнобитныя машины наносили сильный вредъ городу; гарнизонъ всѣ надежды положилъ на прибытіе короля, который подходилъ уже къ Перигэ. Къ Іоанну большою толпой стекались его аквитанскіе вассалы; силы его были весьма значительны. Онъ могъ-бы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ крестоносцевъ; но, по обыкновенію, въ рѣшительную минуту на него нашла робость и то уничиженіе духа, которое всегда губило его безхарактерную, невыдержанную натуру. Онъ думалъ испугать отважнаго и искуснаго непріятеля одними маршами и диверсіями; конечно, такая тактика не могла дѣйствовать на Монфора. Узнавъ, что крестоносцы не намѣреваются снять осаду, Іоаннъ отступилъ. Это происходило въ іюлѣ 1214 года, почти въ тѣ самые дни, когда его англичане вмѣстѣ съ нѣмцами были разбиты французами подъ Бовинымъ, о чемъ намъ еще придется говорить.

Между тѣмъ Монфоръ, при всемъ сопротивленіи гражданъ Кассенѣля, не думалъ покидать осады. Прервать сообщеніе города онъ не могъ; горы и рѣки представляли неодолимыя препятствія. Для тогдашней военной исторіи особенно интересны усилія Монфора. Онъ, самъ принявъ начальство надъ осаднымъ корпусомъ, пустилъ въ ходъ съ замѣчательною настойчивостью все инженерное искуство

([153]) P. Cern. c. 79;

того времени. Штурмъ былъ невозможенъ; овраги глубоки и полны водою. Не смотря на градъ стрѣлъ, крестоносцы имѣли терпѣніе построить мостъ изъ сплоченныхъ бревенъ; но его снесло водою. Тогда велѣли строить другой на деревянныхъ лодкахъ; но отъ тяжести онъ не могъ держаться самъ по себѣ. Кардиналъ Робертъ де-Курсонъ, прибывшій въ армію изъ Франціи, гдѣ онъ былъ легатомъ и рьянымъ бичемъ еретиковъ, потерялъ терпѣнье, при всей стойкости своего характера. Онъ рѣшился оставить армію; но, уѣзжая, хотѣлъ на бумагѣ завершить альбигойское дѣло.

Вспомнимъ, что въ этотъ моментъ альбигойцы потеряли всякую поддержку въ Европѣ; ихъ друзья по политикѣ проиграли свое счастье подъ Бовинымъ. Филиппъ, сюзеренъ Монфора, оставшійся побѣдителемъ, вліялъ тѣмъ на дальнѣйшія судьбы Лангедока, на самое существованіе ереси. Папа, другъ Іоанна и врагъ Оттона, страннымъ образомъ выигрывалъ тою же битвою. Страдали только одни альбигойцы. И, какъ-бы съ цѣлью довершить и узаконить ихъ политическое пораженіе, легатъ французскій,—не миновавшій чаръ «атлета вѣры и столпа католичества», т. е. Симона Монфора,—своею властью (auctoritate qua fungimur) провозглашаетъ его государемъ Юга. Сочувствовалъ или нѣтъ Иннокентій Монфору, хотѣлъ онъ или нѣтъ подтвердить такое самоуправство, — кардиналъ Курсонъ мало интересовался; онъ зналъ только, что косвенно папа будетъ непремѣнно замѣшанъ въ этомъ актѣ, и—составилъ его. Симону Монфору по акту сему уступаются, въ полное владѣніе его и преемниковъ его, всѣ земли, завоеванныя имъ отъ еретиковъ и ихъ покровителей, и всѣ таковыя, имѣющія быть въ послѣдствіи завоеванными (prius occupaverat terras superius nominatas, quas per proditionem inimicorum fidei amissas, postmodum ad mandatum nostrum iterum acquisivit), — «ибо всякое такое пріобрѣтеніе дается отъ Бога». Въ силу грамоты посторонняго легата, — тогда Арнольдъ сталъ замѣтно сходить со сцены, — графъ Симонъ Монфоръ титулуется государемъ Альбижуа, Аженуа, Руэрга и Керси ([154]). Но, что въ Лангедокѣ такое пожалованіе было малоуважаемо, видно

([154]) Preuves de l'hist. de Lang. V, 592, № LXXVI.

уже изъ того, что жители Кагора заперли свои ворота передъ легатомъ. Вооруженные альбигойцы хотѣли привѣтствовать кардинала стрѣлами; но, по видимому, католическая партія взяла верхъ и муниципалитетъ долженъ былъ за такое оскорбленіе легата торжественно извиниться предъ нимъ, принести ему клятву въ вѣрности и кромѣ того заплатить 1500 серебряныхъ марокъ штрафа въ пользу Монфора. Что альбигойцы уже умирали въ странѣ послѣ крестоносныхъ погромовъ, видно изъ того, что власти кагорскія, не смотря на все униженіе свое, еще продолжали бояться гнѣва папы, черезъ нарочныхъ уполномоченныхъ отдавали себя его милосердію и жаловались на разбои людей графа Фуа ([155]), который изъ ненависти плѣнилъ нѣсколькихъ кагорцевъ; а Кагоръ, столица Керси, какъ читателямъ извѣстно, прежде былъ однимъ изъ центровъ альбигойской ереси.

По отбытіи щедраго кардинала Петра, Монфоръ съ усиленной дѣятельностью сталъ работать надъ осадою Кассенёля. Когда мосты не оправдали ожиданій, инженеры крестоваго лагеря, послѣ совѣщанія, придумали особую машину, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была уничтожить всѣ надежды осажденныхъ. Это была высокая деревянная башня въ пять ярусовъ, поставленная на широкій деревянный помостъ съ колесами; по своей наружной отдѣлкѣ она была неуязвима для непріятеля. Сверху и съ боковъ она была обшита плетенками (de cledis), которыя всегда поливали водою. На случай пожара, въ башнѣ имѣлся достаточный запасъ воды; со стороны же непріятельской, башня, кромѣ того, предохранялась сырыми бычачьими кожами. Въ верхнихъ ярусахъ сидѣли отборные стрѣльцы, которые съ достаточной высоты свободно могли дѣйствовать по городу; въ нижнихъ помѣщались отважные охотники, преимущественно изъ рыцарства. Въ такомъ видѣ гигантскую башню подкатили къ стѣнамъ замка. Тучи камней полетѣли на нее изъ непріятельскихъ орудій. Изъ нижняго яруса стали накидывать туры и фашинникъ на овраги; изъ верхнихъ началось губительное дѣйствіе стрѣльцовъ, у которыхъ ни одна стрѣла не проходила даромъ. Въ добавокъ ко всему этому крес-

([155]) Vaissete; V, 232.

тоносцы приблизили къ крѣпости лодку, наполненную зажигательными снарядами; осажденные нашли возможность залить ее и тѣмъ отвратить опасность. Наконецъ, достаточная часть оврага передъ башней была до того зафашинирована, что образовала плотину, по которой башня подкатила почти вплоть къ самымъ воротамъ. Тогда Монфоръ велѣлъ войску готовиться къ штурму; епископъ каркассонскій совершалъ молитву. Колонны штурмующихъ стали проходить черезъ башню и свободно перескакивали черезъ второй ярусъ ея на стѣну. Зловѣщими казались для защитниковъ Кассенёля двери башни, когда изъ нихъ безконечнымъ, узкимъ потокомъ текли крестоносцы. Подъ ихъ копьями гарнизонъ очистилъ стѣну. Между тѣмъ настала ночь; штурмовыхъ лѣстницъ было мало. Крестоносцы сочли нужнымъ очистить занятый пунктъ и провели ночь между стѣной и оврагомъ; они воспользовались временемъ и раззоряли непріятельскіе завалы и бойницы. На другой день, рабочіе изъ крестоваго лагеря изготовили множество лѣстницъ для штурма, который былъ назначенъ на слѣдующій день. Гарнизонъ, узнавъ о предстоящемъ штурмѣ, выдержать который онъ не надѣялся, счелъ за лучшее удалиться, оставивъ жителей на произволъ. Начальникъ его употребилъ при этомъ хитрость, сказавъ консуламъ, что отправляется въ обходъ на вылазку. Мѣстность благопріятствовала подобному отступленію; въ тылу Кассенёля не было крестоносцевъ. Измѣннически преданный городъ, долженъ былъ отдаться великодушію Монфора, который между тѣмъ распорядился отправить преслѣдованіе за гарнизономъ. Занявъ городъ, послѣ шестинедѣльной осады, Симонъ не пощадилъ его стѣнъ, которые сравнялъ съ землею ([156]). Это было 18 августа 1214 года. Послѣ перенесенныхъ при этой осадѣ трудовъ, крестоносцамъ тѣмъ отраднѣе казалась побѣда.

Паденіе Кассенёля было сигналомъ вторичнаго покоренія Аженуа французами. Вмѣстѣ съ еретическими баронами и замками, Монфоръ уничтожилъ разбойничьи притоны нѣкоторыхъ мѣстныхъ феодаловъ въ родѣ Бернара де-Касенака, который совершилъ множество злодѣйствъ и по справедливости заслуживалъ наказанія. Монфоръ лишилъ его владѣній и отдалъ виконту Тюренню, котораго имѣлъ на своей сторонѣ. Какъ государь съ идеями короля своего, онъ несклоненъ былъ допускать мѣстнаго самоуправства феодаловъ.

([156]) P. Cern. c. 79.—Praecl. Franc. fac. a. 1214.

Между тѣмъ какъ Монфоръ приводилъ подъ французскій порядокъ Аженуа и истреблялъ тамъ ересь, легаты римскіе пеклись объ его непосредственной пользѣ. Кардиналы одинъ за другимъ и Робертъ де-Курсонъ изъ Реймса издали пригласительную по южнымъ епархіямъ повѣстку (17 декабря 1214 года) на соборъ въ Монпелье. Сюда должны были прибыть архіепископы Буржа, Нарбонны, Оха и Бордо съ ихъ епископами, аббатами и архидіаконами. Предсѣдательство принялъ на себя кардиналъ Петръ Беневентскій, возвращавшійся въ то время изъ Аррагоніи. Засѣданія открылись 8 января 1215 года.—5 архіепископовъ, 26 епископовъ, множество аббатовъ были слишкомъ достаточны для мѣстнаго собора. Тридцать каноновъ, постановленныхъ на соборѣ, касались разныхъ предметовъ церковной дисциплины; но исходнымъ пунктомъ было политическое положеніе Лангедока. У членовъ собора послѣднее обстоятельство со всѣми подробностями было соображено заранѣе. Они рѣшили, что графство тулузское, т. е. главная часть Лангедока, будетъ принадлежать завоевателю, сдѣлается французскимъ леномъ. На сколько то было сообразно съ мѣстными условіями, можно было видѣть изъ того, что жители Монпелье не соглашались допустить въ городъ своего будущаго государя, который потому долженъ былъ пріютиться въ сосѣднемъ замкѣ. Легаты и епископы должны были для совѣщанія ѣздить къ нему за городъ, какъ къ изгнаннику. Онъ былъ, слѣдовательно, душею собора, хотя и не присутствовалъ на немъ. Разъ, попробовалъ-было кардиналъ привезти въ городъ Монфора; онъ благополучно ввелъ его въ засѣданіе, происходившее въ церкви Богородицы. Но лишь только французскіе рыцари показались на улицахъ, какъ народъ поднялъ тревогу; до того были ненавистны эти сѣверяне. Однѣ толпы бросились къ церкви, гдѣ былъ самъ Монфоръ, другіе торопились занять улицы, по которымъ онъ долженъ былъ возвращаться. Предупрежденный, Симонъ хитростью избѣгнулъ опасности. Ни легатъ, ни соборъ не думали обращать какое-либо вниманіе на подобный способъ манифестацій.—«Я васъ заклинаю, гово-

рилъ кардиналъ прелатамъ собора, именемъ будущаго суда и всѣми вашими обязанностями передъ Римской Церковью, подать мнѣ добрый совѣтъ по вашему разумѣнію, безъ всякаго пристрастія и личной ненависти, относительно вопроса: *кому лучше и полезнѣе*,—въ честь Господа и святой матери Церкви, для мира этихъ странъ, уничтоженія и искорененія еретической заразы, — уступить Тулузу, которою владѣлъ графъ Раймондъ, а также и другія земли, покоренныя крестоносцами. Тогда, разсказываетъ католическая лѣтопись, архіепископы и епископы стали долго совѣщаться, сперва между собою, потомъ каждый изъ нихъ съ аббатами своего діоцеза и своими личными секретарями. Послѣ, каждый написалъ свое мнѣніе на особомъ листѣ. Только такому историку, какъ Петръ Сернейскій, можетъ казаться предметомъ удивленія и даже чудомъ, что Монфоръ былъ избранъ единогласно *государемъ и монархомъ лангедокской земли* (totius terrae principem et monarcham).

Ревнуя о Монфорѣ, прелаты другъ передъ другомъ настаивали на томъ, чтобы легатъ теперь же далъ ему инвеституру на владѣнія. Это превышало власть кардинала. Онъ объявилъ, что пошлетъ всѣ протоколы къ папѣ вмѣстѣ съ своимъ донесеніемъ. Соборъ отправилъ отъ себя депутацію изъ одного архіепископа съ нѣсколькими духовными. Онъ долженъ былъ просить у папы дать Югу государя и монарха въ лицѣ Симона Монфора ([157]). Но и Иннокентій не рѣшался на такое дѣло; онъ послалъ съ тою-же депутаціей отвѣтъ (2 апрѣля 1215 года) нерѣшительный, чтобы не сказать уклончивый. Онъ писалъ легатамъ и лангедокскимъ епископамъ, а также и самому Монфору, что признаетъ его государемъ всѣхъ бывшихъ тулузскихъ доменовъ и всѣхъ земель, завоеванныхъ крестоносцами, но съ условіемъ, что его избраніе должно быть утверждено соборомъ, который имѣетъ собраться въ ноябрѣ слѣдующаго года. Въ продолженіе же этого времени, въ качествѣ *временнаго государя*, или лучше папскаго викарія, Монфоръ можетъ пользоваться всѣми доходами съ тулузскихъ доменовъ, творить тамъ судъ и расправу ([158]). Что касается до легата, то такой отвѣтъ долженъ былъ произвести на него впечатлѣніе тѣмъ болѣе непріятное, что въ послѣднее время онъ сдѣлался рьянымъ партизаномъ Монфора. Онъ приказалъ епископу Фулькону занять городъ Тулузу вмѣстѣ съ крѣпостью отъ имени Церкви и графа Монфора. Во дворцѣ Раймондовъ былъ поставленъ караулъ крестоносцевъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ Фулькономъ. Несчастный Раймондъ, дѣлаясь частнымъ человѣкомъ, долженъ былъ перебраться къ одному дворянину Давиду Роэ, который не побоялся пріютить знаменитаго изгнанника ([159]). Впрочемъ акты продолжали вершиться его именемъ ([160]). Какъ допустила столица такое насиліе надъ собою? Куда, въ минуту опасности, дѣвалась ея отвага, ея бывалая неустрашимость? Въ лѣтописяхъ католическихъ и провансальскихъ этотъ вопросъ остается неразъясненнымъ. Потому провансальская анонимная эпопея объясняетъ подчиненіе Тулузы—какъ непосредственный результатъ битвы при Мюрэ. Это было бы вѣроятнѣе, но съ тѣмъ не ладитъ молчаніе Петра Сернейскаго, который никогда не могъ бы пропустить такого важнаго факта. Не подлежитъ сомнѣнію, что «коварнѣйшій изъ епископовъ», Фульконъ вытребовалъ 12 заложниковъ изъ числа членовъ капитула. На совѣтниковъ развѣнчаннаго Раймонда было поднято гоненіе; всѣ прежніе чиновники были смѣнены; городъ сдѣлался чисто католическимъ. Ересь скрылась.

Такъ альбигойцы были вдругъ подавлены въ Тулузѣ.

Народъ и граждане отвѣчали тупымъ молчаніемъ наступающей реакціи. — «Друзья, говорили тулузцы, будемъ переносить съ кротостію; все это Богъ ниспосылаетъ намъ. Только Богъ — спаситель нашъ, только Богъ поможетъ намъ» ([161]).

([157]) P. Cern. c. 81.

([158]) Переписка Иннокентія III прерывается августомъ 1213 года; дальнѣйшіе документы не сохранились въ оригиналѣ. Потому, отъ источника мы должны снизойти къ пособіямъ. См. Vaissete; l. XXII c. 82. Впрочемъ у Migne. Patr. въ 217 т. собраны изъ разныхъ изданій документы, относящіеся до церковной и политической дѣятельности Иннокентія, въ видѣ Supplementum.

([159]) Guil. de Pod. c. 24.—P. Cern. c. 81.

([160]) Catel. Hist. des comtes de Toulouse; 302.

([161]) Cans. v. 3120—25. Эти слова были столько же направлены и на короля французскаго.

Искренни ли были эти слова? Нѣтъ причины отвѣчать отрицательно. Ихъ говорили альбигойцы, всегда слѣпо вѣровавшіе. Они составляли пока главный элементъ населенія тулузскаго. Они могли быть подавлены страхомъ, но совершенно искоренить ихъ, въ продолженіе какихъ-нибудь шести лѣтъ войны, было невозможно. Для этого требовалась цѣлая государственная система, именно такая, какую принесло Тулузѣ правленіе католическо-французское. Побѣдителей страшили стѣны и укрѣпленія Тулузы, многочисленность ея населенія. Но и они не рѣшались на то дѣло, на какое рѣшился тотъ государь, потомкамъ котораго судьба принесетъ, въ концѣ концовъ, корону Юга, благодаря политикѣ папъ, легатовъ и всякихъ Монфоровъ. Надобно замѣтить, что около того времени прибылъ въ Лангедокъ сынъ и наслѣдникъ французскаго короля Луи, будто съ цѣлью воспользоваться готовою добычей, пріобрѣтенной усиліями крестоносцевъ; это было бо́льшее, что рѣшился сдѣлать Филиппъ для крестоваго дѣла, препятствовавшій сыну пріѣхать три года тому назадъ, когда исходъ войны еще трудно было предвидѣть ([162]). Война съ Іоанномъ англійскимъ не давала возможности Филиппу удовлетворить требованіямъ папы и его легатовъ, требованіямъ, заявленнымъ еще въ 1209 году въ Вильнёвѣ легатомъ Милономъ. Читатель видѣлъ, какъ часто принужденъ былъ Филиппъ отказывать представленіямъ, исходившимъ изъ Рима. Знакомый съ характеромъ этого государя пойметъ, что не одни политическія обстоятельства обусловливали нерѣшительную медлительность французскаго Августа. Какъ сухой практикъ и искусный политикъ своего вѣка, онъ считалъ за лучшее предоставить другимъ укрощать свой номинальный ленъ, дабы послѣ погрома воспользоваться жертвами и кровью другихъ, чѣмъ самому тратить свои средства. Это былъ тотъ самый король, который, имѣя надобность въ деньгахъ, спокойно приказывалъ среди бѣлаго дня обирать евреевъ и поднимать противъ нихъ страсти черни, съ тѣмъ, чтобы послѣ получить съ нихъ выкупъ. Если не былъ онъ такъ ребячески прихотливъ, какъ Іоаннъ англійскій, который за двѣсти куръ, пару соколовъ, и даже за пять лошадей соглашался нару-

---

([162]) **P. Cern. c. 82.**

шать законы, за-то онъ не останавливался передъ преступленіями великими, которыя вели, по его мнѣнію, къ послѣдствіямъ и цѣлямъ не менѣе великимъ. И теперь, отправляя на альбигойцевъ своего сына, Филиппъ не переставалъ быть тѣмъ же холоднымъ политикомъ, тѣмъ же практическимъ человѣкомъ. Онъ приказалъ ему держаться осторожно, не возстановлять противъ себя ни легатовъ, ни крестоносцевъ, признать существующій порядокъ и быть въ Лангедокѣ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ крестоносцемъ (pelerinus). Этого требовалъ легатъ Иннокентія. Людовикъ принужденъ былъ оказать такую покорность, по отношенію къ Церкви, но скоро обнаружилось, что онъ не имѣлъ ни генія отца, ни его частныхъ свойствъ. Монфоръ почтительно встрѣтилъ принца въ Вьенни. Оба они сопровождали Людовика и нельзя сказать, чтобы оба остались довольны обращеніемъ и личностью будущаго государя. Кардиналъ Петръ склонилъ принца на свою сторону; Монфоръ понялъ, что Людовикъ видимо не доволенъ имъ. Дѣйствительно, самъ Филиппъ II не совсѣмъ былъ расположенъ видѣть на Югѣ такого сильнаго государя, какимъ былъ, хотя временно, Симонъ Монфоръ. Людовикъ не скрывался открывать чувства своего отца. Но, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Лангедокѣ, онъ успѣлъ возбудить противъ себя недовольство южанъ, даже католиковъ. Галло-римская муниципія не привыкла видѣть въ странахъ своихъ королей франкскихъ. И Людовикъ понялъ съ своей стороны, какую сильную оппозицію можетъ представить муниципальный духъ южныхъ городовъ. Потому, прибывъ въ Тулузу, онъ далъ совѣтъ крестоносцамъ срыть славныя городскія стѣны, на которыя прежде не посмѣли подняться разбойничьи руки бродягъ и полудикихъ фанатиковъ крестоноснаго лагеря.

Даже это казалось ему снисходительнымъ. Онъ думалъ поступить еще ужаснѣе того. Насчетъ этого мы имѣемъ одно прямое указаніе, но такого источника, который показываетъ, что на Югѣ, съ именемъ принца Луи, соединяли представленіе о какомъ-то личномъ врагѣ Тулузы, о человѣкѣ, передъ которымъ самъ Симонъ Монфоръ могъ быть символомъ кротости. Таковъ былъ голосъ народный. «Сынъ короля французскаго, говоритъ большая хроника провансальская, былъ склоненъ на такое зло (ques de mal cossentens);

господинъ Симонъ, кардиналъ (Петръ) и Фульконъ—всѣ вмѣстѣ тайно положили разграбить городъ, а потомъ сжечь его. Но донъ Симонъ понялъ, что это дѣло опасное и ужасное (que es mals e cozens), понялъ, что если онъ разрушитъ городъ, то это будетъ къ его же вреду, что для него же лучше, если «вездѣ будетъ золото да серебро». Наконецъ они постановили на томъ, что слѣдуетъ засыпать городскіе овраги, дабы жителей лишить оружія и всякой возможности защиты; потомъ, всѣ башни, укрѣпленія и стѣны должны быть срыты до основанія и сравнены съ землею». Такъ было рѣшено и рѣшеніе было приведено въ исполненіе, лаконически заключаетъ хроника. Графъ тулузскій съ друзьями былъ лишенъ своихъ наслѣдій, а сынъ королевскій вернулся во Францію ([163]).

Несчастному графу тулузскому оставалось искать защиты у того, во имя котораго производилась вся борьба съ его подданными. Онъ рѣшился ѣхать въ Римъ ([164]) и тамъ послѣдній разъ у ногъ Иннокентія просить справедливости. Конечно, онъ не прочь былъ отъ нѣкоторой надежды на государей Запада. Отвергнутый и преданный французскимъ королемъ, онъ надѣялся, хотя мало, на короля англійскаго, приходившагося ему съ родни. Свою жену и невѣстку, двухъ принцессъ аррагонскихъ (отецъ и сынъ были женаты на родныхъ сестрахъ), сестеръ погибшаго донъ-Педро, онъ отослалъ въ Провансъ, а сына отправилъ ко двору англійскому ([165]). Но читатель знаетъ, что за-человѣкъ былъ Іоаннъ. Притомъ, тѣ затруднительныя политическія обстоятельства, тѣ обязательно-вассальныя отношенія къ папѣ, въ которыхъ онъ тогда находился, не давали ему возможности развернуться. Раймондъ VI долженъ былъ знать все это и потому врядъ-ли онъ смотрѣлъ серьезно на свою попытку и врядъ-ли рѣшился лично ѣхать къ Іоанну, какъ увѣряетъ одинъ хроникеръ англійскій ([166]). У Іоанна явилось желаніе самостоятельности, желаніе возстать противъ папы, но стоило послѣднему только приказать легату поддерживать бароновъ, волновавшихся изъ Magna Charta, какъ король понялъ, что всѣмъ существомъ своимъ онъ опутанъ Римомъ. Тутъ мы должны прервать разсказъ и взглянуть на состояніе политическаго міра. Мы невольно столкнулись съ нимъ.

([163]) Cans. CXLI, v. 3122 etc.

([164]) Cans. CXLII.

([165]) Guil. de Pod. c. 27.

([166]) Radericus Coggeshale apud Bouquet и Martène et Durand. Veterum script. et monum. amplissima collectio (9 f. P. 1724—33); V, 873.

Ходъ главныхъ политическихъ событій въ тогдашней исторіи Запада обусловливалъ самыя обстоятельства альбигойской крестовой войны. Какъ относились къ ней народы? Почему имперія осталась равнодушной зрительницей крестовой войны, столь оригинальной, прежде неслыханной въ Европѣ? Гдѣ была та уравновѣшивавшая сила императора, которая недавно составляла предметъ страха для куріи римской? Отчего онъ, въ силу старой вражды, не поддержалъ Раймонда, раскаявшагося въ ереси, и далъ Монфору возможность воцариться въ Тулузѣ и Лангедокѣ?

Взглянувъ на тогдашнее положеніе имперіи, мы найдемъ ключъ къ объясненію политическихъ событій въ королевствахъ французскомъ и англійскомъ; послѣднія были извѣстнымъ образомъ связаны съ первыми. Мы говорили уже ([167]), что Иннокентій считалъ выгоднымъ для папства поддерживать кандидатуру гвельфа Оттона на императорскій престолъ. Въ немъ онъ думалъ видѣть государя надежнаго, удовлетворяющаго тѣмъ представленіямъ о свѣтской власти, какія составилъ себѣ Иннокентій. Папа искренно былъ расположенъ къ нему. Иннокентію казалось, что его теократія создалась и что настаетъ тотъ желанный вѣчный миръ, о которомъ въ своихъ интересахъ мечтали властители католичества; онъ думалъ, что теперь наступало осуществленіе лучшихъ идей его о примиреніи великихъ властей Запада. «И вотъ, мой любезный сынъ, съ искреннимъ порывомъ чувства писалъ папа Оттону, наконецъ-то душа наша соединяется съ твоею, сердца наши сливаются (sicque cor tuum compa-

---

([167]) См. у насъ, стр. 19—20.

ginatum est cordi nostro); мы начинаемъ ощущать присутствіе одного духа. И что будетъ изъ того? Перо не въ состояніи изобразить, языкъ высказать и умъ понять всѣхъ грядущихъ слѣдствій этого примиренія. Двоимъ намъ вручено теперь верховное управленіе надъ вселенной. Если мы будемъ жить въ согласіи, если мы соединимся, чтобы дѣлать добро, тогда сбудутся слова Пророка— солнце и луна придутъ въ свой порядокъ, все правое будетъ прямымъ, все неровное сгладится,—для того, чтобы мы, подъ покровомъ Божіимъ, не встрѣчая препятствій и сопротивленія, властвовали, владѣя этими двумя мечами, о которыхъ апостолы говорили Господу» ([168]). Обнадеженный въ коронаціи, Оттонъ сдѣлалъ уступку папѣ, отказавшись шпейерской грамотой отъ императорскаго права регалій. Угодивъ папѣ, новый императоръ примирилъ съ собою и враждебную ему швабскую партію женитьбою на гогенштауфенкѣ Беатрисѣ. Потому встрѣча Оттона въ Италіи была самая задушевная. У него было много горячихъ приверженцевъ въ Ломбардіи; веронцы добровольно передали ему замокъ и построили мостъ черезъ Адижъ. Его встрѣтилъ графъ Аццо д'Эсте и Эццелинъ II ди-Романо; тосканцы признали его своимъ главой. Все соединилось, чтобы увѣрить его въ невозмутимомъ политическомъ счастьи. Но, коронованный, онъ измѣнилъ свою политику и тѣмъ проигралъ свое дѣло. Онъ слишкомъ понадѣялся на собственный геній, тогда какъ сила его заключалась всегда въ поддержкѣ со стороны Церкви; брошенный ею, онъ легко могъ потерять свою звѣзду ([169]). Такъ и случилось. Онъ захотѣлъ возобновить императорскія претензіи на южную Италію;— и потому напалъ на сицилійскія владѣнія Фридриха, сына императора Генриха VI, еще несовершеннолѣтняго государя, находившагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ Иннокентія. Опираясь на свою италіянскую партію, онъ началъ завоеванія на полуостровѣ. Не обращая вниманія на замѣчанія и увѣщанія своего могущественнаго

([168]) **Registrum de negotio Romani Imperii**,—Migne; CCXVI, 1162.

([169]) **Hurter** (Gesch. Inn. des Dritten) замѣчаетъ объ Оттонѣ: «Gross mit der Kirche und durch die Kirche, verliess ihn sein Glücksstern, als er über sie, ja wider sie sich erheben wollte». II, 597.

друга, онъ овладѣлъ почти всею Апуліей. Онъ захватилъ и папскія земли. Городъ Витербо былъ въ его рукахъ. Такимъ образомъ дружба съ Иннокентіемъ не продолжилась и года. Послѣ безполезныхъ убѣжденій, папа, въ концѣ 1210 года, отлучилъ Оттона,—и затѣмъ счастье стало быстро покидать развѣнчаннаго императора. Умерла Беатриса. Тогда-то, князья нѣмецкіе задумали о молодомъ Фридрихѣ-Рожерѣ ([170]).

Вскорѣ по отлученіи Оттона, два швабскихъ вассала тайкомъ пробирались черезъ италіянскія земли съ посланіемъ къ королю сицилійскому ([171]). То было, посланное отъ имени многихъ нѣмецкихъ князей, собравшихся въ Нюренбергѣ, приглашеніе прибыть на престолъ славныхъ гогенштауфеновскихъ предковъ.

Этотъ юноша, о которомъ говоритъ посланіе,—что онъ, «надѣленный великими дарами природы, молодъ лишь по лѣтамъ, а старъ по уму и по опытности»,— получилъ свое воспитаніе подъ надзоромъ и особеннымъ попеченіемъ Иннокентія. Его главный наставникъ былъ кардиналъ Ченчіо, родственникъ дома Конти, послѣ извѣстный подъ именемъ Гонорія III. У Иннокентія не было какихъ-либо личныхъ, а тѣмъ менѣе своекорыстныхъ видовъ въ дѣлѣ образованія Фридриха. Онъ видѣлся съ нимъ первый разъ 30 мая 1208 года въ Палермо; здѣсь онъ предложилъ ему жениться на дочери того же Альфона II аррагонскаго, который далъ женъ обоимъ Раймондамъ тулузскимъ. Тогда жениху было только 13 лѣтъ. Тутъ же была приведена въ порядокъ администрація обѣихъ Сицилій, запутанная и разстроенная отсутствіемъ политической власти. Папа повелѣлъ, чтобы всѣ сицилійцы хранили миръ между собою. Если кто будетъ оскорбленъ, тотъ долженъ искать суда у графа, а не прибѣгать къ соб-

([170]) **Rigordus** (De reb. gest. Phil.) приписываетъ мысль о томъ королю французскому, который не сочувствовалъ Оттону.

([171]) Это посланіе приводитъ **Pfister** (Pragm. Gesch. von Schwaben; 1803—27; I, 286) съ нынѣ затеряннаго вѣнскаго манускрипта. См. **Hurter** (II, 407).—Почти вассальныя обязательства Фридриха при избраніи: у **Migne** (CCXVII, 301) и **Pertz** (Leg. II, 224).

ственной расправѣ; въ противномъ случаѣ грозила опала ([172]). Такъ сказался государственный взглядъ Иннокентія, опередившаго распоряженія другихъ государей Европы. Обручивъ юношу, папа далъ ему возможность получить самое полное для того времени образованіе. Развитіе Фридриха было дѣйствительно многосторонне. Въ немъ какъ-бы совмѣстились три цивилизаціи. Онъ былъ грекъ, арабъ, германецъ. Богатое образованіе развило въ немъ тѣ высокія побужденія, съ какими онъ приступилъ къ исторической дѣятельности, столь блистательной и въ то-же время для него столь несчастной. Онъ жаждалъ простора, славы, мечталъ о власти, дающей право началія и соображалъ преобразованія у себя въ Италіи, когда явились къ нему послы швабскихъ друзей. Ихъ предложеніе подстрекнуло Фридриха. Иннокентій самъ былъ не прочь отъ того. Онъ разсчитывалъ, что питомецъ всегда сохранитъ признательныя чувства къ своему опекуну и воспитателю. Эти ожиданія не обманули Иннокентія. Вмѣсто непокорливаго Оттона, папство получило въ лицѣ Фридриха, казалось, преданнаго друга и даже кліента. Дѣйствительно, такимъ былъ юный императоръ до самой смерти Иннокентія III. Онъ будто изъ чувства благодарности затаилъ въ себѣ ту ненависть къ духовной власти, въ ея политическихъ и умственныхъ вліяніяхъ, къ папству вообще, какую онъ приносилъ съ собою на престолъ Германіи и за какую онъ погибъ послѣ геройской, симпатичной и правой борьбы.

Будущій императоръ пріѣхалъ въ Римъ (апрѣль 1212 года) и призналъ не только папское протекторство надъ Сициліей, но отказался отъ королевства въ пользу своего сына Генриха. Римъ теперь могъ спокойно довѣрить своему кліенту, какъ считали тамъ Фридриха. Трудно было только добраться до Германіи; тамъ дорога вплоть до Майна кишѣла гвельфами. Фридриха сторожили. Проходы въ горахъ представляли, вмѣстѣ съ опасностью, еще большія не-

([172]) Gesta Inn c. 40 и документы въ Reg. l. XI, ep. 130,—«comitibus, baronibus, civibus et caeteris regni fidelibus in Apulia constitutis» и l. XI, ep. 132, 133, — Ordinatio super succursu et adjutorio domini regis et super pace ac defensione regni Siciliae.

удобства. Свита его была незначительна. Только-что онъ успѣлъ прибыть въ Констансъ, какъ 3 часа спустя передъ городомъ показался Оттонъ (августа 1212 года): ворота были уже заперты. Три года еще предстояло Фридриху бороться съ Оттономъ. Это время прошло въ рядѣ битвъ и мелкихъ схватокъ. Фридрихъ силою отвоевалъ себѣ престолъ императорскій, но много помогла въ томъ и поддержка французскаго короля. Фридрихъ имѣлъ личное свиданіе съ принцемъ Луи (ноября 1212 года); король прислалъ 20 тысячъ марокъ. Въ Германіи—первый протянулъ ему руку сильный чешскій король Оттокаръ II Пржемыслидъ. Сеймы въ Майнцѣ и Франкфуртѣ, въ концѣ 1212 года, дали швабской арміи много надежныхъ приверженцевъ. Черезъ три года за Фридриха была почти вся Германія. По крайней мѣрѣ уже не было явнаго противодѣйствія.

Фридрихъ уже тогда ожидалъ коронаціи; но Оттонъ употребилъ послѣднія усилія, чтобы отстранить ее. Дипломатическое искуство гвельфа приготовило нѣкоторыя затрудненія Фридриха, но всѣ сооруженія Оттона обрушились на его же голову. Онъ видѣлъ явное нерасположеніе къ себѣ Филиппа Августа, хотя не сознавалъ и не понималъ, что самъ постепенно становится причиною того. Время борьбы его съ папой совпадаетъ съ тѣми годами, въ которыя Іоаннъ безземельный подпалъ гнѣву Иннокентія; естественно они должны были сочувствовать другъ другу. Римъ, какъ читатель знаетъ, поднялъ противъ Англіи силы Франціи и потому Филиппъ изъ личныхъ видовъ долженъ былъ теченіемъ событій стать въ враждебныя отношенія къ Оттону и въ сочувственныя къ его сопернику, Фридриху, котораго онъ начинаетъ поддерживать. Общіе интересы организовали на тогдашнемъ Западѣ двѣ великія коалиціи. Уже Иннокентій подчинилъ себѣ Іоанна; уже онъ приказывалъ Филиппу прекратить свои вооруженія на Англію,—но страсти, возбужденныя ожиданіями цѣлыхъ годовъ, укротить было трудно. Филиппъ отвѣчалъ на убѣжденія и даже угрозы легата Пандольфа, что издержки, затраченныя на сборъ ополченій и флота, а ихъ было 60 тысячъ ливровъ (нынѣ 6,480,000 франковъ), должны быть окуплены добычею. Происки Іоанна успѣлъ отклонить отъ Филиппа, его фландрскаго вассала, который отказался идти въ походъ. Вышло такъ, что самъ легатъ благословилъ это предпріятіе. Раз-

ственной расправѣ; въ противномъ случаѣ грозила опала [172]. Такъ сказался государственный взглядъ Иннокентія, опередившаго распоряженія другихъ государей Европы. Обручивъ юношу, папа далъ ему возможность получить самое полное для того времени образованіе. Развитіе Фридриха было дѣйствительно многостороннее. Въ немъ какъ-бы совмѣстились три цивилизаціи. Онъ былъ грекъ, арабъ, германецъ. Богатое образованіе развило въ немъ тѣ высокія побужденія, съ какими онъ приступилъ къ исторической дѣятельности, столь блистательной и въ то-же время для него столь несчастной. Онъ жаждалъ простора, славы, мечталъ о власти, дающей право началія и соображалъ преобразованія у себя въ Италіи, когда явились къ нему послы швабскихъ друзей. Ихъ предложеніе подстрекнуло Фридриха. Иннокентій самъ былъ не прочь отъ того. Онъ разсчитывалъ, что питомецъ всегда сохранитъ признательныя чувства къ своему опекуну и воспитателю. Эти ожиданія не обманули Иннокентія. Вмѣсто непокорливаго Оттона, папство получило въ лицѣ Фридриха, казалось, преданнаго друга и даже кліента. Дѣйствительно, такимъ былъ юный императоръ до самой смерти Иннокентія III. Онъ будто изъ чувства благодарности затаилъ въ себѣ ту ненависть къ духовной власти, въ ея политическихъ и умственныхъ вліяніяхъ, къ папству вообще, какую онъ приносилъ съ собою на престолъ Германіи и за какую онъ погибъ послѣ геройской, симпатичной и правой борьбы.

Будущій императоръ пріѣхалъ въ Римъ (апрѣль 1212 года) и призналъ не только папское протекторство надъ Сициліей, но отказался отъ королевства въ пользу своего сына Генриха. Римъ теперь могъ спокойно довѣрить своему кліенту, какъ считали тамъ Фридриха. Трудно было только добраться до Германіи; тамъ дорога вплоть до Майна кишѣла гвельфами. Фридриха сторожили. Проходы въ горахъ представляли, вмѣстѣ съ опасностью, еще большія неудобства. Свита его была незначительна. Только-что онъ успѣлъ прибыть въ Констансъ, какъ 3 часа спустя передъ городомъ показался Оттонъ (августа 1212 года): ворота были уже заперты. Три года еще предстояло Фридриху бороться съ Оттономъ. Это время прошло въ рядѣ битвъ и мелкихъ схватокъ. Фридрихъ силою отвоевалъ себѣ престолъ императорскій, но много помогла въ томъ и поддержка французскаго короля. Фридрихъ имѣлъ личное свиданіе съ принцемъ Луи (ноября 1212 года); король прислалъ 20 тысячъ марокъ. Въ Германіи—первый протянулъ ему руку сильный чешскій король Оттокаръ II Пржемыслидъ. Сеймы въ Майнцѣ и Франкфуртѣ, въ концѣ 1212 года, дали швабской арміи много надежныхъ приверженцевъ. Черезъ три года за Фридриха была почти вся Германія. По крайней мѣрѣ уже не было явнаго противодѣйствія.

(172) Gesta Inn c. 40 и документы въ Reg. l. XI, ep. 130,—«comitibus, baronibus, civibus et caeteris regni fidelibus in Apulia constitutis» и l. XI, ep. 132, 133, — Ordinatio super succursu et adjutorio domini regis et super pace ac defensione regni Siciliae.

Фридрихъ уже тогда ожидалъ коронаціи; но Оттонъ употребилъ послѣднія усилія, чтобы отстранить ее. Дипломатическое искуство гвельфа приготовило нѣкоторыя затрудненія Фридриха, но всѣ сооруженія Оттона обрушились на его же голову. Онъ видѣлъ явное нерасположеніе къ себѣ Филиппа Августа, хотя не сознавалъ и не понималъ, что самъ постепенно становится причиною того. Время борьбы его съ папой совпадаетъ съ тѣми годами, въ которыя Іоаннъ безземельный подпалъ гнѣву Иннокентія; естественно они должны были сочувствовать другъ другу. Римъ, какъ читатель знаетъ, поднялъ противъ Англіи силы Франціи и потому Филиппъ изъ личныхъ видовъ долженъ былъ теченіемъ событій стать въ враждебныя отношенія къ Оттону и въ сочувственныя къ его сопернику, Фридриху, котораго онъ начинаетъ поддерживать. Общіе интересы организовали на тогдашнемъ Западѣ двѣ великія коалиціи. Уже Иннокентій подчинилъ себѣ Іоанна; уже онъ приказывалъ Филиппу прекратить свои вооруженія на Англію,—но страсти, возбужденныя ожиданіями цѣлыхъ годовъ, укротить было трудно. Филиппъ отвѣчалъ на убѣжденія и даже угрозы легата Пандольфа, что издержки, затраченныя на сборъ ополченій и флота, а ихъ было 60 тысячъ ливровъ (нынѣ 6,480,000 франковъ), должны быть окуплены добычею. Происки Іоанна успѣлъ отклонить отъ Филиппа, его фландрскаго вассала, который отказался идти въ походъ. Вышло такъ, что самъ легатъ благословилъ это предпріятіе. Раз-

гадка въ томъ, что во Фландріи было много еретиковъ, по увѣренію лѣтописи. Это были тѣ катары альбигойскіе, съ которыми мы еще встрѣтимся въ слѣдующемъ томѣ. Вообще духовенство не расположено было къ католикамъ фландрскимъ, которые, какъ въ Гентѣ, умѣли оградить себя отъ духовнаго иммунитета. Въ 1213 году армія Филиппа обрушилась на Фландрію. Гравелинъ, Кассель, Иперпъ, Брюжъ и богатый Гентъ съ товарами цѣлаго міра,—сдались королю. Но какъ только прибылъ изъ Англіи огромный флотъ изъ 500 кораблей, то 300 транспортныхъ французскихъ судовъ было потоплено, другіе сожжены. Противъ Филиппа поднялись всѣ феодалы нынѣшнихъ Нидерландовъ, т. е., кромѣ фландрскаго графа, герцогъ брабантскій, графъ булонскій и другіе. За-то сухопутныя французскія силы, впервые соединенныя подъ знаменемъ патрона Франціи, имѣли успѣхъ.

Погромъ Лилля рыцарями французскими внушилъ нѣкоторый страхъ союзникамъ. За фландрскаго графа поднялись бароны Лотарингіи, опасавшіеся потерять самостоятельность. Прибрежья Рейна и Мозеля были объяты ужасомъ. Бѣдные, но гордые феодалы, привыкшіе считать себя неприкосновенными въ своихъ крѣпкихъ замкахъ, съ вершины своихъ башень презиравшіе всякую власть и въ послѣдніе годы увлекаемые проповѣдниками катаровъ,—переполошились, думая, что настаъ часъ новой франкской имперіи Карла Великаго, о которой стали даже ходить слухи, поддерживаемые клириками и поэтами французскаго двора ([173]). Графъ булонскій, Рено, поднималъ гордый духъ нидерландскаго дворянства; онъ призывалъ даже дѣтей на защиту свободной родины отъ французскаго тирана. Іоаннъ англійскій, побѣдоносный на морѣ, послѣднія свои средства, грабежемъ и насиліемъ добытыя отъ бароновъ, употребилъ на наемъ нѣмецкихъ войскъ. Онъ съ тою цѣлію далъ Оттону 40 тысячъ серебряныхъ марокъ. Массою поднялась нѣмецкая и французская милиція; вся сѣверо-западная Германія

([173]) H. Martin замѣчаетъ по этому поводу: Peut-être un vague instinct poussait-il en effet Philippe vers les limites septentrionales de la vieille Gaule; mais cet instinct ne se formula jamais en projets, qui eussent été irréalisables. Hist. de France, 4 éd. IV, 74.

пришла въ движеніе. Аристократію Нидерландовъ и Лотарингіи волновалъ энтузіазмъ, солдатъ Оттона — надежда добычи. Съѣздъ въ Бюржѣ, гдѣ Оттонъ видѣлъ себя окруженнымъ всѣми союзниками (англійскаго короля замѣнилъ его посолъ графъ Салисбюри), былъ какъ-бы вызовомъ оппозиціи, обращеннымъ къ Риму. Въ это самое время Іоаннъ высадился въ ла-Рошели и завладѣлъ Пуатье, возбудивъ тѣмъ рядъ напряженныхъ ожиданій въ альбигойской партіи. Но онъ былъ разбитъ на-голову принцемъ Луи на берегахъ Луары и постыдно уплылъ, гонимый страхомъ. Надежды патріотовъ провансальскихъ разлетѣлись. Аженуа было очищено отъ англичанъ. Монфоръ торжествовалъ здѣсь надъ ними въ тѣ самые дни, какъ его король пожиналъ лавры на сѣверѣ, въ Геннегау, подъ Бовинымъ (27 іюля 1214 года). Если вѣрить мѣстнымъ фландрскимъ хроникамъ, то на поляхъ Бовина сражалось до 300 тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ — 100 тысячъ ополченцевъ французскихъ коммунъ съ одной и 200 тысячъ Оттоновыхъ наемныхъ нѣмцевъ, брабантской и фландрской милицій съ другой ([174]). Здѣсь 16 коммунъ сѣверной Франціи по преимуществу— спасли Филиппа и создали королевскую власть. Если бы союзники выиграли побѣду подъ Бовинымъ, если бы они уничтожили милицію общинъ, то такой ударъ столько же бы отразился во Франціи, которая въ этотъ моментъ и на этомъ мѣстѣ ставила всѣ свои силы, всю будущность,—сколько и въ Римѣ. Вызовъ былъ брошенъ столько же Филиппу, сколько Иннокентію, такъ какъ предметомъ распри становится императорскій престолъ. Не безъ понятныхъ основаній, союзники, собравшіеся подъ предсѣдательствомъ Оттона, въ ожиданіи побѣды извѣстнымъ образомъ распредѣлили будущіе плоды ея ([175]). Оттонъ по этому плану получилъ бы императорскія права надъ всею Франціею, терявшею свою цѣлостность; части ея раздробились бы между имъ, графомъ булонскимъ, фландрскимъ и Бовэ. Что же касается до прелатовъ, клириковъ и монаховъ, то, какъ ненавистные слуги папы, они должны были пострадать болѣе всего; ихъ бенефиціи должны быть распредѣлены между рыцарями—

([174]) Sismondi (Hist. des Français, 1 éd. произвольно уменьшаетъ эту цифру по крайней мѣрѣ въ 8 разъ (VI, 356).

([175]) Matth. Paris. a. 1214.

побѣдителями, а сами они вмѣстѣ съ монастырями должны довольствоваться лишь частью десятинъ или скорѣе милостыней.

Этотъ импровизированный дѣлежъ въ достаточной степени показываетъ все значеніе бовинской побѣды. Торжество союзниковъ, въ рядахъ которыхъ не было ни одного прелата, было бы торжествомъ всякой тогдашней оппозиціи, дѣйствовавшей противъ Иннокентія; оно бы было съ тѣмъ вмѣстѣ торжествомъ альбигойцевъ, а слѣдовательно и Лангедока. Можетъ быть, ни одинъ человѣкъ изъ многочисленнаго воинства Оттона не думалъ объ альбигойцахъ и не сочувствовалъ имъ, но таково было влеченіе событій. Можетъ быть, воины нѣмецкіе были фанатически набожны, но тѣмъ не менѣе ни одинъ духовный въ Европѣ не пожелалъ бы имъ побѣды, ради интересовъ своего сословія. Пораженіе французовъ на Сѣверѣ было бы сигналомъ удаленія Монфора. На бовинское поле должны были быть напряжены послѣднія надежды погибающихъ альбигойцевъ. Потому, можно судить, какъ грустно отозвалась въ сердцахъ альбигойцевъ и даже всѣхъ провансальцевъ вѣсть о побѣдѣ Филиппа. Здѣсь, въ противоположность мюрэйской битвы, опасное положеніе короля вызвало энтузіазмъ ополченцевъ его арміи, хотя бароны французскіе мало сочувствовали дѣлу Филиппа ([176]). Не даромъ послѣ битвы только ихъ лица не сіяли радостію на этомъ общемъ праздникѣ, гдѣ король французскій сблизился съ своими вѣрными городами. Король, оперш йся на горожанъ, государь, обязанный всѣмъ— этимъ ненавистнымъ коммунамъ, не могъ возбуждать ихъ симпатіи. Первая народная побѣда пророчила первую народную монархію, въ которой каста должна была искорениться вѣками борьбы.

([176]) О національномъ и политическомъ значеніи этого боя для французовъ, равно какъ и о самой битвѣ, см. Philippide, chans. X, XI.—Срв. Guil. Armoricus (De gest. Philippi Aug.), который въ лѣтописи самъ обличаетъ поэтическія вольности своей поэмы.

Филиппъ, счастливый, торжествующій, истиннымъ Августомъ возвратился въ Парижъ. Онъ не высадился, правда, на англійскихъ берегахъ; онъ не завладѣлъ королевствомъ Іоанна, о чемъ думалъ прежде: но выигралъ больше, чѣмъ полагалъ, — судьбы своего королевства, привязанность французскаго народа. Король англійскій получилъ пятилѣтнее перемиріе. Союзники разсыпались и должны были ждать мести по одиночкѣ. Графы фландрскій и булонскій, главные агитаторы коалиціи, — были въ плѣну у короля и находились уже въ заключеніи. Оттонъ скрылся. «Вы никогда не увидите его лица», сказалъ король и это была правда. Изъ Кельна, за деньги, выпроваживаютъ его горожане, чтобы очистить мѣсто его сопернику. Въ слѣдующемъ году, Фридриха коронуютъ въ Ахенѣ (25 іюня). Это было торжество папской политики. Имперія была у ногъ Иннокентія. Оттонъ умираетъ въ неизвѣстности, четыре года спустя ([177]).

Французскій король могъ бы послѣ побѣды свободно опрокинуться на Югъ и тѣмъ завершить свое счастливое царствованіе; но онъ былъ слишкомъ остороженъ для обширныхъ предпріятій, если они не вызывались необходимостью. Видимаго сопротивленія въ Лангедокѣ не было, но Филиппъ понималъ, что это одно затишье, навѣянное первымъ впечатлѣніемъ великаго народнаго страха. Ересь скрылась, но тѣмъ стала опаснѣе; она влилась въ кровь народной жизни и заразила ее тою же враждою къ французамъ, какую альбигойцы должны были питать къ католикамъ. Филиппъ былъ такъ разсчетливъ, что всегда предпочиталъ тайную и дешевую борьбу явной и рискованной. Онъ подготовилъ своимъ наслѣдникамъ матеріальныя и духовныя средства къ покоренію Юга, а самъ упорно отталкивалъ отъ себя добычу. Событія оправдали его разсчетъ. На Югѣ таились еще тѣ патріотическія силы, которыя дали въ послѣдствіи (въ двадцатыхъ годахъ) Лангедоку возможность и средства свергнуть иноземное владычество. Послѣ Бовина, Филиппъ не хотѣлъ пытать счастья на непокорливомъ Лангедокѣ, опасаясь проиграть такую умную

([177]) Raumer. Gesch. der Hohenstaufen und ihrer Zeit; III, 319.—Hurter; III, 597.

игру, какою была вся его жизнь, и по прежнему отвѣчалъ молчаніемъ да денежнымъ пособіемъ на римскія предложенія принять крестовое предводительство.

Тѣмъ рѣшительнѣе обозначились слѣдствія бовинской битвы на внутреннихъ событіяхъ английской исторіи. Она отразилась на усиленіи средствъ и козней многочисленныхъ враговъ Іоанна въ Англіи. Еще во время Эдуарда Исповѣдника, феодалы англійскіе могли опираться на привилегіи, данныя имъ отъ имени короля. Генрихъ I подтвердилъ ихъ. Деспотизмъ Іоанна не признавалъ ничьихъ правъ. Церковь искусно пользовалась этимъ элементомъ оппозиціи, пока имѣлась въ томъ надобность. Но когда Иннокентій восторжествовалъ надъ королемъ и нѣкоторымъ образомъ смѣнилъ въ странѣ его авторитетъ, то не могъ продолжать прежнюю политику. Онъ рѣшился поддерживать исключительно тотъ порядокъ, который могъ быть выгоденъ для власти королевской. Въ свою очередь и прежній кліентъ Церкви, личный другъ Иннокентія, кардиналъ Стефанъ Лангтонъ, лишенный при внезапномъ оборотѣ дѣлъ всякихъ надеждъ на прежнее вліяніе и могущество, пожертвовалъ дружбою папы ради интересовъ цѣлаго феодальнаго сословія, поддерживаемаго владѣтелемъ Валлиса и королемъ Шотландіи. Интересъ городской скоро совмѣстился съ феодальнымъ. Общинѣ было обѣщано участіе въ плодахъ побѣды надъ королевскою властью. Бароны поклялись не прекращать войны до тѣхъ поръ, пока не вынудятъ у тирана—короля подтвержденія стародавнихъ привилегій. Стефанъ Лангтонъ былъ однимъ изъ тайныхъ вождей этого движенія. Іоаннъ, по пятамъ преслѣдуемый баронами, не могъ сопротивляться въ виду коалиціи, столь единодушной. Девизомъ ея было возстановить старую свободу и преобразовать Церковь ([178]); предлогомъ же присутствіе всякихъ рутьеровъ и иностранныхъ солдатъ на англійской землѣ и постоянныя

([178]) Rad. de Coggeshale замѣчаетъ: ut regem (baroni) compellerent ad reformandam ecclesiae et regni libertatem.—Hoveden: quod isti opponerent se murum pro domo Domini et starent pro libertate ecclesiae et regni.

([179]) Это выражается одной современной пѣсней, приведенной у Pauli (Gesch. von England, III, 412): Proprios indigenas

войны неспокойнаго короля ([179]). Тѣмъ не менѣе въ «Magna Charta libertatum», данной Іоанномъ въ маѣ 1215 года, отразились слѣды особности и той исключительности интересовъ, которая присуща была свѣтской и духовной аристократіи средневѣковыхъ государствъ. Въ сущности, эта хартія подтвердила тѣ феодальныя права, которыя имѣли англійскіе бароны и которыя отнимались нормандскими королями. Редакція 63 статей этой знаменитой хартіи можетъ отчасти служить кодексомъ нѣкоторыхъ феодальныхъ инстинктовъ, однимъ изъ источниковъ къ изученію гражданскаго феодальнаго права. Иннокентій съ самаго начала движенія сталъ къ нему въ оппозиціонныя отношенія. «Ты всегда найдешь апостольскую нашу помощь, писалъ онъ къ королю» ([180]). Папа прямо высказалъ свое неудовольствіе депутаціи бароновъ. Онъ слишкомъ преувеличивалъ силу и цѣли революціи, тогда какъ тезисы хартіи оказались послѣ санктированными его легатомъ Пандольфомъ, примасомъ Англіи, магистромъ англійскихъ тампліеровъ, архіепископомъ дублинскимъ и восемью епископами, осѣнившими ее покровительствомъ Божіимъ. Послѣдняя статья хартіи если и предписываетъ свободу англійской Церкви (Anglicanae), то тутъ же прибавляетъ, что «на тѣхъ началахъ, на какихъ существовала она до настоящихъ недоразумѣній и какія были уступлены намъ (королю) и утверждены грамотою нашею, а также согласіемъ господина папы Иннокентія III и каковыя намѣрены хранить какъ сами мы, такъ и завѣщать всегда хранить наслѣдникамъ нашимъ» ([181]). Основная статья хартіи, по которой король не имѣетъ права назначать налоговъ безъ согласія своего «совѣта», а также—«каждый да будетъ судимъ судомъ ему равныхъ»—не противорѣчили видамъ Церкви и Иннокентія ([182]). То-же надо сказать о мѣстныхъ коммисі-

nimis deprimebat,—Barbaros rutarios illis praeponebat,—Haeredes legitimos obsides perdebat,—Quorum adventicius terras possidebat.

([180]) Полуистлѣвшее посланіе это сохранилось въ архивахъ Тауэра. См. Pauli; III, 415, n. 6.

([181]) Линкольнскій текстъ Magnae Chartae помѣщенъ у Pauli; III, 897 — 909. Толкованія ея ibid. 425—436.—Спец. изслѣдованія о ней писали Thomson и Blackstone.

([182]) M. Chartae art. 21, 39—40.

яхъ «двѣнадцати» за наблюденіемъ теченія дѣлъ, и о судѣ «двадцати пяти». Но папа понималъ, что теократіи противодѣйствуютъ уже то вліяніе, тотъ духъ, въ силу котораго произошло самое движеніе. Иннокентій сейчасъ долженъ былъ бы убѣдиться въ непрочности системы, указанной ему его предшественниками. Она дѣлалась неприложимою, при первомъ свободномъ движеніи въ странѣ. Была еще другая причина: получивъ англійское королевство, Иннокентій смотрѣлъ на него какъ на великій феодъ церковный и считалъ себя обязаннымъ поддерживать тамъ намѣстника своего, т. е. короля. Потому онъ не могъ признать законности революціоннаго движенія бароновъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ иначе изложилъ ходъ дѣла, лживо и превратно выставивъ законныя стремленія бароновъ. Надо вспомнить также, что въ лицѣ Іоанна папа видѣлъ будущаго крестоносца, изъявившаго желаніе биться съ невѣрными по его слову, ради блага Церкви. Становясь, такимъ образомъ, на сторону абсолютныхъ стремленій, Иннокентій полагалъ видѣть въ легальныхъ требованіяхъ бароновъ отъ ихъ взбалмочнаго государя, нарушеніе прерогативъ королевскихъ а, слѣдовательно, и своихъ лично ([183]). Іоаннъ, отдавъ прежде приказъ распустить иноземныя банды, снова пригласилъ къ себѣ на службу извѣстнаго намъ Савари де-Молеона. Мирный порядокъ въ странѣ нарушился вопіющими злодѣйствами. Послѣ геройской защиты крѣпости Ворстера, бароны нашли нужнымъ обратиться къ другому тирану. Сынъ французскаго короля, тотъ же принцъ Луи, вопреки запрещенію папскихъ повѣренныхъ, сталъ приготовляться къ высадкѣ въ Англію, которая произошла почти черезъ годъ послѣ провозглашенія Великой Хартіи. Въ іюнѣ 1216 года, французскій принцъ въ самомъ Лондонѣ короновался королемъ

([183]) «Contra dominum suum (пишетъ папа) arma movere temeritate nefaria praesumpserunt, quodque nefandum est et absurdum, cum ipse rex quasi perversus Deum et Ecclesiam offendebat, illi assistebant eidem, cum autem conversus Deo et Ecclesiae satisfecit, ipsum impugnare praesumunt.» Булла помѣчена: Ferentini. XIV Kal. Inn. (Pauli; III, 441); слѣдующія буллы у Raynaldi (Ann. eccl. I, 384) и Migne (Ad Inn. reg. suppl. № 215—218; CCXVII, 245—248).

англійскимъ, — чтобы черезъ 4 мѣсяца позорно покинуть островъ. Иннокентій же не получилъ этого извѣстія; ни его, ни Іоанна тогда уже не было въ живыхъ. Приготовленія къ освобожденію св. земли да борьба за вассала своего съ англійскими баронами—были предметомъ послѣднихъ помысловъ Иннокентія, такъ какъ торжество всѣхъ другихъ его предначертаній уже было достигнуто въ то время, когда вспыхнуло революціонное движеніе въ Англіи, — что еще больше возбуждало его противодѣйствовать послѣднему,— Иннокентій наслаждался этимъ торжествомъ, предсѣдательствуя въ сонмѣ духовенства католическаго и пословъ государей Европы, будто прибывшихъ со всѣхъ концевъ въ Римъ на поклоны своему вождю.

То было высшее и послѣднее торжество теократіи, воплощеніе этой грандіозной и ненормальной идеи. Происходили засѣданія такъ называемаго четвертаго латеранскаго собора.

Открывая засѣданія этого собора, Иннокентій былъ на верху своего счастія. Еще пока онъ не видѣлъ возстанія въ Англіи, а зналъ только, что авторитетъ его непоколебимъ. Будто въ виду скорой кончины, о которой онъ таилъ предчувствіе, ему хотѣлось привести въ исполненіе главнѣйшую мечту своей жизни. Онъ думалъ о новой войнѣ съ невѣрными, которая должна быть рѣшительна и губительна для враговъ Христа. Еще 12 лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ право разсчитывать на успѣхъ этого предпріятія, но оно разрѣшилось страннымъ и неожиданнымъ обстоятельствомъ—покореніемъ народа христіанскаго, основаніемъ новой имперіи, тогда какъ дѣло христіанства въ св. землѣ было въ плачевномъ положеніи. Теперь, отъ созваннаго имъ собора, Иннокентій ждалъ того, въ чемъ онъ обманулся въ первые годы своего папствованія.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ соборъ былъ истинной апоѳеозой Иннокентія. Въ какой бы конецъ Европы онъ ни кинулъ взоръ, онъ видѣлъ осуществленіе своихъ замысловъ. Даровитѣйшій изъ императоровъ германскихъ былъ его питомцемъ и преданнымъ другомъ; гвельфы были подавлены; король французскій смирился и покорствовалъ; Англія со-

ставляла удѣлъ римской короны; Аррагонія и государства пиринейскія были подъ опекою легатовъ; Византія была покорена, а европейская часть Восточной имперіи раздѣлена была между латинскими баронами и венеціанскими патриціями; ересь альбигойская, нѣкогда страшная для католичества, была разгромлена; могущественный государь Лангедока, графъ Тулузы, былъ лишенъ владѣній; прочіе бароны провансальской рѣчи были подъ тою-же опалой; непокорныя общины Юга, имѣвшія смѣлость пріютить еретиковъ, трепетали за свою безопасность; на далекомъ Сѣверѣ, у береговъ балтійскаго поморья, прививалась, хотя и насильственно, католическая проповѣдь. Счастье, торжество удивительное шло въ слѣдъ каждому проблеску мысли Иннокентія. И теперь онъ сзывалъ духовенство католическое, чтобы предписать въ его присутствіи не только послѣдніе каноны латинской Церкви, но окончательно формулировать даже догматику ея. Онъ завершаетъ этимъ соборомъ зданіе католицизма, сознательно убѣжденный, что такая великая работа достойно могла заключить его міровую дѣятельность.

И съѣздъ вполнѣ соотвѣтствовалъ значенію торжества и величію дѣла. Такого многочисленнаго и блистательнаго собранія никогда не видали стѣны Латерана. Приготовленія къ нему производились еще съ начала 1213 года. Монфоръ торжествовалъ тогда надъ альбигойцами и на поляхъ Мюрэ поражалъ ихъ пылкаго союзника. Манифесты, разосланные тогда, говорили, что цѣль этого 12 вселенскаго собора, задуманнаго по обычаю древнихъ отцевъ Церкви, — будетъ: искорененіе всякихъ пороковъ, насажденіе добродѣтелей, преобразованіе нравовъ, уничтоженіе ересей, укрѣпленіе вѣры, прекращеніе раздоровъ, закрѣпленіе мира, огражденіе свободы,—наконецъ, Иннокентій имѣлъ въ виду подвигнуть христіанскихъ князей и народы на завоеваніе св. Земли и произвести должныя измѣненія въ бытѣ высшаго и низшаго клира ([184]). Послѣднія двѣ цѣли были главнѣйшими ([185]).

([184]) Migne. Patr. CCXVI, 824.

([185]) О соборѣ извѣщался между прочимъ Саладинъ (Reg. Inn. l. XVI, ep. 36), котораго папа убѣждалъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія съ той и съ другой стороны, добровольно уступить гробъ Господень христіанамъ, напоминая,— «Daniele propheta testante, didicimus quod est Deus in coelo, qui revelat mysteria, mutat tempora, et transfert regna, ut univers cognoscant quod dominatur Excelsus in regno hominum, et cu voluerit dabit illud» (p. 831).

Срокъ въ два съ половиною года былъ достаточенъ, чтобы прелаты заблаговременно обдумали все, что требуется къ улучшенію положенія ихъ паствъ и епархій; большая часть имѣла лично прибыть въ Римъ. Въ каждой провинціи должны были остаться только по 2 епископа, но и имъ велѣно было присылать за себя аббатовъ ([186]).

Одной изъ главныхъ мыслей, одушевлявшей членовъ собора и самого папу при открытіи засѣданій, были тѣ же еретики Лангедока; настоящій соборъ долженъ былъ провозгласить и узаконить ихъ уничтоженіе, которое, — какъ ошибочно всѣмъ казалось тогда, — фактически достигнуто было оружіемъ. Но,—прихотливо распорядилась судьба,—отъ этого же собора гонимые феодалы Юга и даже сами альбигойцы ожидали облегченія своей участи. Монфоръ ждалъ здѣсь одобренія своихъ подвиговъ и распоряженій; Раймондъ здѣсь же искалъ защиты отъ нихъ.

Въ день св. Мартина, 11 ноября 1215 года, подъ сводами церкви св. Іоанна Латеранскаго открылось первое засѣданіе достопамятнаго собранія. Западъ и Востокъ послали сюда своихъ представителей. Тутъ присутствовало 412 епископовъ, 900 аббатовъ и пріоровъ, и большое число прочаго духовенства и монаховъ всѣхъ орденовъ ([187]). Римъ былъ тогда въ полномъ блескѣ и отчасти напоминалъ дни своей старой славы. Тутъ сидѣлъ самъ патріархъ іерусалимскій, вытѣсненный изъ своей столицы и просившій защиты Иннокентія. Тутъ были послы патріарховъ Антіохіи и Александріи и католическій архіепископъ Констан-

([186]) Циркулярно это посланіе было разослано къ двумъ императорамъ, ко всѣмъ королямъ, архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, начальникамъ и провинціаламъ рыцарскихъ и монашескихъ орденовъ; см. Reg. Inn. l. XVI, ep. 30. Особый текстъ къ французскому духовенству (ep. 31), королю французскому (ep. 32) патріарху александрійскому (ep. 34), іерусалимскому легату (ep. 36) и венеціанскому дожу (ep. 35).

([187]) Raynaldi. Ann. eccl. I. 373.—Hurter; II, 631—633.

тинополя. Съ цвѣтнымъ духовенствомъ мѣшались рыцарскіе доспѣхи герцоговъ, князей, бароновъ, мантіи и кресты госпиталитовъ и тампліеровъ. Тутъ были послы императоровъ германскаго и константинопольскаго, королей французскаго, англійскаго, аррагонскаго, кастильскаго, наваррскаго, леонскаго, португальскаго, венгерскаго, датскаго, іерусалимскаго и деспота эпирскаго. Тутъ были рыцари изъ арміи Монфора съ крестами на рукавахъ, вмѣстѣ съ его братомъ Гюи, подъ эгидою всесильныхъ легатовъ и пышныхъ епископовъ Лангедока,—всѣми уважаемые, всѣхъ интересовавшіе и отъ всѣхъ скрывавшіе свои нерыцарскіе подвиги въ странѣ, которую они опустошили. Тутъ же были гордые горожане богатыхъ республикъ италіянскихъ; тутъ же искалъ милости скромный посолъ развѣнчаннаго Оттона. И между всѣмъ этимъ множествомъ лицъ, уединенно сидѣли, въ простыхъ одеждахъ, какъ бы ожидая ужаснаго приговора, — два Раймонда тулузскихъ, отецъ и сынъ вмѣстѣ съ осужденнымъ виконтомъ; съ ними было нѣсколько феодаловъ лангедокскихъ, лишенныхъ родины и наслѣдства. Этихъ людей чуждались всѣ, кромѣ нѣсколькихъ горожанъ, соединенныхъ съ ними одними чувствами,—депутатовъ нѣкогда царственной а теперь опальной Тулузы, посланныхъ раздѣлить участь своихъ государей и, если возможно, — защитить ихъ и свой городъ отъ нападокъ легатовъ и Монфора, передъ которымъ Тулуза съ горечью сердца недавно принуждена была склонить свою голову. Среди этого подавляющаго блеска патріарховъ, прелатовъ и князей всѣхъ концевъ свѣта, ожидавшихъ реформъ въ Церкви, какъ-то сгладились Раймондъ и провансальцы, какъ-то умалились ихъ альбигойскіе интересы съ ихъ собственной Церковью. Но эти отверженники сознавали, что ихъ не столько презираютъ, сколько опасаются какъ заразы, хотя они, бывшіе католиками по обрядности, виноваты были только тѣмъ, что сочувствовали горькому положенію альбигойцевъ, ихъ единоземцевъ. Съ первыхъ же звуковъ папскаго голоса они поняли, что они, видимо ничтожные, призваны играть здѣсь не послѣднюю роль, что ихъ родина не выходитъ изъ мыслей Иннокентія, между тѣмъ появившагося въ храмѣ и открывшаго рѣчью торжественный соборъ,—когда, между двумя тысячами присутствовавшихъ на немъ, воцарилось молчаніе. Раймондъ

тулузскій, котораго участь можетъ быть зависѣла отъ этого дня, сталъ слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

Иннокентій говорилъ на текстъ Евангелія по поводу словъ Спасителя, сказанныхъ на тайной Вечери: «Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ» ([188]). Грустнымъ предчувствіемъ смерти отзывается начало папской рѣчи. «Такъ какъ Христосъ есть духъ мой, говорилъ Иннокентій, а смерть благо мое, то я не откажусь испить чашу страданій, если Всевышнему угодно излить ихъ на меня въ своихъ неисповѣдимыхъ предначертаніяхъ. Я долженъ принять эту чашу, которая вручена мнѣ для защиты вѣры католической, освобожденія Святой Земли и свободы нашей Церкви. Можетъ быть много бы еще мнѣ хотѣлось пожить между вами, до тѣхъ поръ, пока увижу плоды того дѣла, которое Господу угодно было возложить на меня. Но да исполнится Его святая воля, а не мое мірское желаніе. И теперь снова повторяю вамъ: я пылаю искреннимъ желаніемъ вкусить съ вами грядущую Пасху, прежде нежели оставлю этотъ міръ... Призываю Всевышняго во свидѣтели, что желаніе это духовное; я хочу вкушать пасху между вами не ради удовлетворенія земнаго, не ради славы міра сего, а для блага Церкви, особенно же во освобожденіе Земли Святой»... Послѣ объясненій значенія пасхи еврейской и христіанской, Иннокентій провелъ передъ слушателями аналогію настоящаго празднованія съ однимъ изъ событій еврейской исторіи. «Въ книгахъ Царствъ мы читаемъ, что храмъ іерусалимскій былъ возстановленъ въ 18 годъ царя Іосіи и что тогда, по причинѣ этого событія, праздновалась пасха съ такою торжественностію, что подобной не видали со временъ судей. Не служитъ-ли это напоминаніемъ того, что должно сейчасъ произойти здѣсь, между нами. Не знакъ-ли это того, что въ этотъ 18 годъ первосвященства нашего, храмъ Господень, то есть Церковь, будетъ возстановленъ и что мы вмѣстѣ будемъ праздновать пасху, т. е. этотъ святой соборъ, который знаменуетъ эру наступленія добродѣтели, соборъ народа христіанскаго, соборъ князей и владыкъ католическихъ, это зрѣлище невиданное со временъ св. Отцевъ. Я твердо полагаюсь

([188]) Ев. отъ Луки; XXII, 15.

на того, который далъ такой завѣтъ своимъ вѣрнымъ слугамъ, сказавъ: «гдѣ двое или трое изъ васъ соберутся во имя мое, тамъ и я посреди ихъ.» И я вѣрю, что Онъ теперь находится въ этой самой базиликѣ, среди насъ, забравшихся во имя Его и ради великаго дѣла Его. Затѣмъ, въ изящно отдѣланномъ оборотѣ, папа перешелъ къ объясненію аллегорическаго пониманія трояккаго смысла Пасхи: тѣлесной, духовной и вѣчной, гдѣ между прочимъ сравнивалъ и себя съ тѣмъ слугой, который бодрствуя долженъ ожидать господина своего и блюсти за чистотой паствы. Онъ намекнулъ собравшимся пышнымъ прелатамъ на ихъ пороки, не скрывъ, что сама римская курія не безупречна отъ нихъ. Его обязанность не только лечить эти пороки, но и карать, разить ихъ. Иначе горе землѣ, горе народамъ.. Тогда и вѣра исчезнетъ и умретъ, религія станетъ одной формой, свобода погибнетъ въ развалинахъ, правосудіе будетъ попрано пятами. Еретики выплывутъ на поверхность, злые выкажутъ всю свирѣпость свою, а сыны Агари (такъ назывались мусульмане) восторжествуютъ. Подъ конецъ рѣчи, папа перемѣнилъ тонъ. Онъ говорилъ, «что теперь, если предначертанія его осуществятся, на наступающемъ соборѣ, настанетъ то время, когда міръ долженъ перейти отъ труда къ покою, отъ порчи къ исправленію, отъ печали къ радости, отъ страданій къ счастію, отъ смерти къ жизни» ([189]).

Въ послѣднихъ словахъ и во всѣхъ подробностяхъ развитія этой обширной рѣчи высказалась средневѣковая теократія, заговорили ея надежды и замыслы. Никакая оппозиція, никакая особность, какъ греческая Церковь, хранившая нерушимо святое ученіе и болѣе христіанская въ самой себѣ,—не принималась въ соображеніе въ этой системѣ, разсчитывавшей охватить весь міръ, подъ формулою, столь рѣзко и безапелляціонно провозглашенной здѣсь:—римская Церковь есть мать всѣхъ Церквей. Тѣмъ ужаснѣе грозила быть судьба еретиковъ альбигойскихъ. Еретики были не послѣднимъ предметомъ многочисленныхъ распоряженій собора. Семьдесятъ соборныхъ каноновъ, въ большинствѣ исходившихъ отъ одного лица папы ([190]), охватываютъ всю организацію римской

([189]) Inn. serm. de diversis; s. VI; CCXVII, 673—680.

([190]) Raynaldi. (Ann. eccl. I, 376) приводитъ мнѣніе Балузія съ недовѣрчивостью относительно редакціи каноновъ: fuerunt quidem haec decreta in eo concilio constituta, quemadmodum et in praedictis decretalibus ubique allegando adnotatur; veruntamen ab ipso Papa Innocentio III in hanc redacta sunt formam, aliquanto post celebratum concilium, id quod cordatus lector facile deprehendet ex capitibus quibusdam, praesertim ex 29, ex 33 et 41».

Церкви, начиная съ ученія, при чемъ первый изъ нихъ объясняетъ догматъ о пресуществленіи; тотъ же канонъ, подъ видомъ обязательнаго вѣроисповѣданія, въ сущности исключительно направленъ на еретиковъ альбигойскихъ. Всякое уклоненіе отъ того, что предписывалось на этомъ соборѣ, было нечестіе.

Невидимое, но всевидящее папское око черезъ посредство духовенства должно было оцѣнить весь міръ одною сѣтью, подчинить его своей власти. Каноны, занимающіе насъ, должны быть не только литературнымъ памятникомъ, но и государственнымъ документомъ теократіи ([191]). Достаточно, что почти весь протоколъ трехъ засѣданій латеранскаго собора 1215 года вошелъ въ знаменитое «Corpus juris canonici clausum», и составилъ его существеннѣйшее основаніе. Каждый католикъ обоего пола долженъ былъ непремѣнно избрать себѣ духовника и исповѣдывать передъ нимъ нимъ всѣ свои грѣхи, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, соблюдая установленное покаяніе (по канону XXI). Каждый долженъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ пріобщиться св. Таинъ, если на немъ не лежитъ запрета духовнаго, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви и лишенія приличнаго христіанину погребенія. Каждый долженъ соображаться въ дѣлахъ совѣсти съ совѣтами своего духовника. Сами духовники должны исповѣдываться или у своихъ старшихъ, или у священника посторонняго прихода. Родство даже въ четвертой степени (по кан. L), признавалось препятствіемъ къ браку. Принимая на себя обязательства чисто государственныя, папа на этомъ же соборѣ постановляетъ основанія для инквизиціоннаго судопроизводства, вошедшаго въ послѣдствіи въ свѣтскій, гражданскій и уголовный кодексъ (кан. VIII). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа хотѣлъ, чтобы католическое духовенство при той безграничной дѣятельности, которая

([191]) Каноны собора напеч. у Mansi. Concilia; XXII, 982 etc.—Rayn. I, 377—381.—См. Hefele; V, 783—804

представлялась ему, было достойно своею жизнію обязанностей, на него возлагаемыхъ. На епископахъ лежитъ долгъ улучшить нравственное состояніе клира, безапелляціонно имъ подчиненнаго; въ наказаніяхъ они пользуются неограниченными правами (кан. VII). Поведеніе духовныхъ предписывалось со всѣми подробностями (кан. XIV—XIX); для нихъ воспрещенъ былъ пестрый цвѣтъ одежды; они отрекаются отъ всякихъ удовольствій; «in officiis divinis» они должны быть особенно искусны (кан. LIX). При каѳедральныхъ церквахъ для проповѣди должны быть особые ученые магистры, которые поучаютъ клириковъ богословскимъ наукамъ, а при епархіальныхъ церквахъ доктора богословія, которые поучаютъ самихъ священниковъ «Писанію и душевному спасенію» (кан. XI). Иннокентій мало расположенный къ монахамъ, запретилъ имъ брать деньги на руки, безъ разрѣшенія аббата (кан. VI). Онъ не только не хотѣлъ утвердить новыхъ монашескихъ орденовъ—доминиканскаго и францусскаго, но даже постановилъ, что никто впредь не можетъ основывать особаго ордена, а всякій новый монастырь долженъ подчиняться одному изъ прежнихъ уставовъ (кан. XIII). Сохранивъ за собою право вмѣшиваться въ свѣтскую юрисдикцію, духовные не должны произносить смертныхъ приговоровъ; имъ было запрещено присутствовать при казняхъ; они не должны ни подъ какимъ видомъ дѣлать хирургическихъ операцій, въ которыхъ приходится прибѣгать къ прижиганіямъ и ампутаціямъ; они должны избѣгать одного вида человѣческой крови. Стараясь поставить духовное сословіе внѣ вліянія дурныхъ человѣческихъ страстей, собору слѣдовало обратить вниманіе на симонію, особенно сильную въ женскихъ монастыряхъ. Она была запрещена во всѣхъ ея видахъ (кан. LXIII—LXV). Таксы, придуманныя епископами за посвященіе, за раздачу мѣстъ, — строго запрещены, также какъ и торговля при монастыряхъ священными предметами, особенно мощами и таинствами (кан. LXII, LXV, LXVI). Епископы могутъ пользоваться отлученіемъ лишь въ силу самыхъ побудительныхъ причинъ (competens commonitio) и притомъ съ особою осмотрительностью, не иначе какъ по «manifesta et rationabili causa» (кан. XLVII). За то духовенство не подлежитъ свѣтской юрисдикціи (кан. XLII), оно не приноситъ мірянину juramentum fidelitatis,

иначе какъ за земли (кан. XLIII); въ своихъ бенефиціяхъ оно можетъ не исполнять приказаній сузереновъ (кан. LXIV).

Доходя до всѣхъ мелочей церковной и практической жизни, проникая въ частный бытъ семействъ, предписывая, напримѣръ, особыя одежды евреямъ и саррацинамъ въ отличіе отъ христіанъ (кан. LXVIII), въ то-же время снисходительно дозволяя евреямъ занимать общественныя должности, если только онѣ не подчиняютъ имъ христіанъ (кан. LXIX), соборъ былъ безпощаденъ только относительно еретиковъ, т. е. дуалистовъ альбигойскихъ, составлявшихъ большинство въ тогдашней оппозиціи. Мы замѣтили, что первый канонъ намѣренно приводитъ ортодоксальное исповѣданіе католической вѣры, чтобы тѣмъ дать средство предовратить заблужденіе и увлеченіе альбигойствомъ, о которомъ не упоминается здѣсь ни единымъ словомъ съ цѣлью показать, что соборъ считаетъ для себя унизительнымъ вступать въ полемику съ еретиками. Вся эта полемическая статья имѣла въ каждой фразѣ скрытый смыслъ; каждая фраза ея направлена противъ извѣстныхъ положеній дуалистическаго богословія. Тутъ говорится о трехъ лицахъ *единаго* Бога; Богъ—*единое* начало всего существующаго, міра, духа, тѣлесъ, ангеловъ, людей, діявола, демоновъ, которые если нѣкогда были равны съ ангелами, то погубили себя по собственному произволу; далѣе о воплощеніи Сына, о двухъ природахъ его, о его крестной смерти, воскресеніи, вознесеніи и второмъ пришествіи, о будущемъ судѣ живыхъ и мертвыхъ, о Церкви и таинствѣ причащенія (по поводу котораго впервые говорилось о transsubstantiatis speciebus), о Крещеніи, которое имѣетъ такую силу, что павшій въ грѣхѣ, послѣ совершенія таинства, исполненнаго съ раскаяніемъ, можетъ снова обратиться къ Церкви, наконецъ, уже слишкомъ мѣтко, о томъ, что не только дѣвы и цѣломудренные (continentes), но одинаково и состоящіе въ бракѣ, истинной вѣрой и доброю жизнію (per operationem bonam) угодившіе Богу, могутъ достигнуть вѣчнаго блаженства ([192]). Не вступая въ полемику съ альбигойцами, соборъ въ слѣдующей же статьѣ опровергаетъ заблужденія калабрійскаго монаха Іоакима, этого мистика и визіонера XII вѣка, учителя Ѳо-

([192]) Mansi; XXII, 982.

мы Мюнцера и всѣхъ нѣмецкихъ утопистовъ, ему современныхъ,—увлекшагося пантеизмомъ и религіей чистаго духа. Его ересь не имѣла ничего общаго ни съ альбигойской, ни съ раціонализмомъ вальдензовъ; ее даже нельзя назвать ересью въ смыслѣ ученія систематическаго, такъ какъ она была плодомъ напряженныхъ мечтаній ума порывистаго, недовольнаго формальностью и буквой религіи, въ туманныхъ видѣніяхъ грезившаго о будущемъ царствіи, ожидавшаго золотой эры счастія, свободы, послѣ всемірнаго пожара. Соборъ напалъ на этого мечтателя по поводу его сочиненія: «De unitate seu Ecclesiae trinitatis», направленнаго противъ Петра Ломбарда, сторону котораго принялъ Иннокентій, открывъ въ ученіи Іоакима четвертое лицо Троицы ([193]). Соборъ счелъ долгомъ также поправить одно богословское толкованіе о Богѣ Отцѣ, хотя и не признаетъ его явно еретическимъ. Открывая такимъ образомъ мнимое противодѣйствіе тамъ, гдѣ его вовсе не было и гдѣ оно во всякомъ случаѣ не могло быть опаснымъ, соборъ изъ какого-то чувства гордости не хотѣлъ вспоминать про ученіе альбигойцевъ, которое между тѣмъ не переставало занимать его болѣе всего. Это обстоятельство показываетъ, какую магическую силу продолжало имѣть альбигойство, даже въ то время представляя изъ себя что-то демоническое, когда надъ Лангедокомъ обрушились уже всѣ грозы Рима. За-то въ третьемъ канонѣ соборъ предписываетъ рядъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ противъ еретиковъ вообще и уже однѣ эти мѣры показы-

([193]) «In suis dixerit (**Ioachimus**) sententiis, quoniam quaedam summa res est Pater et Filius et Spiritus Sanctus, et illa non est generans, neque genita, neque procedens. Unde asserit, quod ille non tam Trinitatem, quam quaternitatem adstruebat in Deo, videlicet tres personas, et illam commune essentiam quasi quartam, manifeste protestans, quod nulla res est, quae sit Pater, et Filius, et Spiritus sanctus; nec est essentia, nec substantia, unaque natura; quamvis concedat quod Pater et Filius et Spiritus Sanctus sunt una essentia, una substantia, unaque natura. Verum unitatem hujusmodi non veram et propriam, sed quasi collectivam et simulitudinariam esse fatentur, quemadmodum dicuntur multi homines unus populus, et multi fideles una ecclesia». **Raynaldi**. Ann. I, 377 (VIII).

ютъ, что опасность существовала, что оппозиція еще грозила Риму изъ Лангедока и что относиться къ ней тономъ побѣдителя было нѣсколько несвоевременно. «Всѣ подозрѣваемые въ ереси, такъ гласитъ канонъ соборный, лишаются своихъ свѣтскихъ правъ и байльи вообще (королевскіе намѣстники) облагаютъ ихъ штрафомъ». Если они изъ духовныхъ, то предварительно лишаются своего сана. Имущество единомышленниковъ ереси конфискуется, если они лица свѣтскіе; если же духовные, то обращаются къ той церкви, собственность которой они составляли прежде. Тѣ, которые заподозрѣны въ ереси, отлучаются и, если въ продолженіи года они не могутъ оправдаться, то будутъ признаваемы за еретиковъ. Свѣтскія власти должны принести присягу въ томъ, что откажутъ въ покровительствѣ законовъ тѣмъ, которые будутъ признаны еретиками; иначе ихъ слѣдуетъ принудить къ тому мѣрами церковной дисциплины. Епископы отлучаютъ такихъ непокорныхъ государей и князей и доносятъ папѣ о тѣхъ, которые будутъ упорствовать въ продолженіи года; тогда папа объявитъ ихъ вассаловъ разрѣшенными отъ вассальныхъ обязанностей и принадлежащія имъ земли отдастъ первому католику, который захочетъ ими воспользоваться. Новый владѣлецъ будетъ владѣть новопріобрѣтенными землями безъ всякихъ препятствій; онъ обязанъ только очистить свои владѣнія отъ еретиковъ. Тѣ, которые примутъ участіе въ крестовой войнѣ съ еретиками, получатъ отпущеніе, какое постановлено за походы въ Палестину. Всѣ альбигойцы, такъ называемые credentes (т. е. вѣрные), ихъ соучастники и защитники отлучаются, если въ продолженіи года не принесутъ покаянія; тѣмъ самымъ они объявляются неспособными къ общественнымъ должностямъ, къ свидѣтельству и дѣламъ судебнымъ; они не могутъ дѣлать завѣщаній и получать наслѣдства. Никто не долженъ защищать ихъ; если они изъ рыцарей, то ихъ честь не признается, если изъ судей, то ихъ приговоры не имѣютъ силы; если изъ духовныхъ, то лишаются всѣхъ правъ своего сана и своихъ земель. Лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ для нихъ настанетъ съ того времени, какъ обнародованы ихъ имена, и если кто тогда будетъ имѣть съ ними общеніе, также отлучается; священники ни въ какомъ случаѣ не должны давать имъ св. Таинъ, не допускать къ церковному погребенію; запрещается удѣлять для нихъ милостыню. За-

прещается публичная и частная проповѣдь свѣтскимъ лицамъ, которые незаконно, безъ разрѣшенія епископа католическаго, подъ видомъ благочестія, присвоили себѣ это право; въ этомъ заключался намекъ на обычай вальдензовъ, никому не возбранявшихъ проповѣди. Въ видахъ предотвращенія ереси, каждый епископъ долженъ былъ посѣщать разныя мѣстности своей епархіи и если не успѣетъ, то отправлялъ довѣреннаго викарія. Трое искусныхъ и знающихъ лицъ, должны сопутствовать ему; они-то и вывѣдываютъ мѣста убѣжищъ еретиковъ. Обвиненныхъ приводятъ къ епископу; онъ вынуждаетъ ихъ къ сознанію (194). Тѣ, которые отказываются принять требуемую присягу — признаются за еретиковъ. Наконецъ, епископы, мало ревностные въ исполненіи ихъ обязанностей относительно еретиковъ, низводятся съ своихъ каѳедръ.

Въ три засѣданія (11, 20 и 30 ноября) создана была эта полная редакція каноническаго права. Уже потому трудно повѣрить, чтобы она была дѣломъ исключительно собора, который долженъ былъ кромѣ того заняться другимъ важнымъ дѣломъ, разборомъ тяжбы государей. На одномъ изъ засѣданій явились передъ синклитомъ соборнымъ наши старые герои—графъ Раймондъ, его сынъ и графъ де-Фуа, какъ подсудимые. Представителемъ Симона Монфора былъ его братъ Гюи. Дѣло вышло такъ, что защитникомъ и адвокатомъ провансальцевъ явился самъ Иннокентій... Провансальская поэтическая лѣтопись довольно долго останавливается на этомъ спорѣ, гдѣ одна сторона защищала стародавнія права, обычай, другая явилась представительницею силы. Оттого стихотворцу-хроникеру казалось, что лучшимъ людямъ собора нельзя было не сочувствовать и не повѣрить знаменитымъ графамъ Тулузы и Фуа, и прекрасному юношѣ, сыну перваго. Предупреждаемъ, что будемъ держаться словъ пѣвца Тулузы и провансальскихъ феодаловъ. Папа, говоритъ онъ, взглянулъ на отрока, на его грустное лице,—онъ зналъ благородное его происхожденіе, зналъ про всѣ обиды отъ Церкви и отъ ненавистныхъ прелатовъ, которыя вытерпѣлъ онъ; сердце папы было такъ тронуто

(194) Art. III,—conc. lat.—Fleury. Hist. eccl. XI, 270—272; l. LXXVII.

жалостью, что онъ вздохнулъ, а потомъ слезы потекли изъ глазъ его. И не было бы оказано на этомъ соборѣ ни права, ни вѣры, ни справедливости, если бы не папа, который всегда былъ мудръ и разсудителенъ (savis e guiscos). Передъ всѣмъ дворомъ своимъ, соборомъ и баронами онъ доказалъ документами и засвидѣтельствованными словами, что за графомъ тулузскимъ нѣтъ такихъ преступленій, за которыя онъ долженъ бы лишиться государства своего, доказалъ, что находитъ его добрымъ католикомъ и что въ силу всего этого онъ хочетъ заключить съ нимъ договоръ, по которому онъ удерживаетъ свои земли и управляетъ ими, пребывая въ вассальной зависимости у виконта Монфора, безъ согласія котораго пока не будетъ распоряжаться своими землями (195). Таково было искреннее желаніе Иннокентія и на такое условіе съ большою охотой согласился Раймондъ. Но тому не суждено было осуществиться. Графъ де-Фуа, услыхавъ папское рѣшеніе, также сталъ надѣяться на счастливый исходъ. Съ свойственнымъ альбигойцамъ лицемѣріемъ, онъ говорилъ папѣ, этому «истинному отцу, который также наполняетъ весь міръ своею славою, какъ городъ св. Петра и свой собственный удѣлъ» (196), что напрасно считали его невѣрующимъ и еретикомъ, что онъ такимъ никогда не былъ. Онъ говорилъ, что «его государь, графъ тулузскій отдалъ милосердію св. Престола себя и свое государство, Провансъ, Тулузу и Монтобанъ, а между тѣмъ всѣ граждане были преданы казнямъ и истязаніямъ и отданы злѣйшему изъ враговъ, коварнѣйшему изъ людей,—Симону Монфору, который ихъ заковывалъ и вѣшалъ, уничтожалъ и тиранилъ безпощадно. И потому, съ тѣхъ поръ, какъ мы подпали подъ покровительство вашего святѣйшества, продолжалъ графъ де-Фуа, народъ нашъ подпалъ бѣдствіямъ и тяжкому ярму.» Онъ сослался на кардинала-легата Петра, который дѣйствительно подтвердилъ его слова. Аббатъ въ свою очередь засвидѣтельствовалъ, что графъ «послушно ходитъ передъ Богомъ и папою.» Смутился тогда Фульконъ, епископъ тулузскій. Съ рѣшительнымъ видомъ

(195) Cansos; CXLIII.
(196) Cans. v. 3207—3208.

поднялся съ своего мѣста и посыпалъ обвиненіями на графовъ.

— Господа, началъ онъ, вамъ говорили сейчасъ, что графъ де-Фуа не причастенъ ереси; а я вамъ долженъ сказать совсѣмъ иное. Въ его-то землѣ ересь и пустила свои корни. Онъ уважаемъ и любимъ еретиками; все графство его ими переполнено. Замокъ Монсегюръ построенъ именно съ тою цѣлью, чтобы прикрывать и защищать ихъ. Всѣ знаютъ, что сестра его сдѣлалась еретичкою съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла; въ Памьерѣ, гдѣ она провела болѣе трехъ лѣтъ, множество людей она совратила въ свое нечистое вѣрованіе. Не онъ ли наконецъ разбилъ, разсѣялъ и умертвилъ шесть тысячъ тѣхъ несчастныхъ пилигримовъ, которые шли служить Богу и кости которыхъ покоятся теперь на поляхъ Монжуа и которыхъ Франція и по сіе время еще плакиваетъ. Можетъ быть и сейчасъ въ воротахъ Памьера раздаются стоны и крики истерзанныхъ и ослѣпленныхъ пилигримовъ. Нѣтъ, тотъ, который убивалъ, мучилъ, тиранилъ, не долженъ болѣе владѣть христіанскою землею. Это будетъ ему лишь законное возмездіе.

При послѣднихъ словахъ неожиданно поднялся одинъ провансалецъ, Арнольдъ де-Виламуръ, изъ свиты графа тулузскаго. Онъ не могъ терпѣть насилій крестоносцевъ. Онъ не могъ умолчать о чувствахъ даже здѣсь; ненависть заговорила въ немъ.

— Господа, сказалъ онъ, если бы я зналъ, что слухъ объ этомъ происшествіи дойдетъ до Рима, то еще больше бы носовъ и ушей потеряли эти разбойники крестоносцы.

— Этотъ смѣльчакъ—сумасшедшій, раздалось со всѣхъ концевъ залы.—Но графъ де-Фуа не далъ обрушиться мести на голову своему неловкому защитнику и продолжалъ свое оправданіе.

— Меня защищаетъ моя совѣсть, продолжалъ онъ, если бы только судъ былъ справедливъ, то, конечно, я вышелъ бы изъ него оправданнымъ. Я никогда не любилъ еретиковъ, ни ихъ вѣрныхъ, ни совершенныхъ. Въ монастырѣ больбонскомъ меня всегда знали за благочестиваго человѣка и за друга; тамъ похоронены всѣ мои предки. Что же касается до замка Монсегюра, то я долженъ сказать вамъ, что это замокъ вовсе не принадлежитъ мнѣ. А если моя сестра прелестница и грѣшница, то не долженъ

же я погибнуть изъ-за нея. Если она и жила на моей землѣ, то имѣла на то полное право, ибо отецъ мой умирая приказалъ, что каждый изъ его дѣтей можетъ вернуться въ свою родную страну, гдѣ пользуется ласковымъ пріемомъ и всѣмъ необходимымъ. И я клянусь вамъ, господа, что никогда добрый пилигримъ или богомолецъ, направлявшійся ко святымъ мѣстамъ, не бывалъ ограбленъ, оскорбленъ, никогда не трогали его мои люди. Но, что касается до разбойниковъ - крестоносцевъ, не имѣющихъ ни чести, ни вѣры, носящихъ крестъ, для насъ столь тяжелый, то сознаюсь въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не миновалъ рукъ и расправы моихъ слугъ и я радуюсь душевно, если кто нибудь изъ нихъ убитъ или замученъ, и понятно,—избавляясь отъ нихъ, я безопасенъ отъ зла... Что же касается до епископа тулузскаго, здѣсь присутствующаго, то не ему-бы говорить обо мнѣ. Этотъ епископъ убилъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ большихъ и малыхъ и,—сказать по истинной правдѣ,—онъ своими дѣлами, словами и поведеніемъ походитъ болѣе на антихриста, чѣмъ на легата римскаго. Легатъ обѣщалъ, что государь - папа возвратитъ мнѣ мое наслѣдіе и если это сбудется, то клянусь именемъ Божіимъ, что впредь соблюду Его законъ. Кардиналъ, господинъ мой, засвидѣтельствуетъ, что я заслуживаю того, а если мнѣ не возвратятъ того, что надлежитъ, то значитъ хотятъ нарушить всякую правду и законъ.

При этихъ словахъ папа прервалъ графа. Провансальскій поэтъ, пользуясь этимъ случаемъ, влагаетъ въ уста Иннокентія рѣчь, которая выражаетъ отношеніе друзей альбигойскаго дѣла къ знаменитому вождю католичества.

— Графъ, ты благородно говорилъ; но, вступаясь за свои права, ты старался умалить наши. Я самъ знаю все, что надлежитъ дѣлать съ тобою и чего ты заслуживаешь. Если будетъ доказано, что ты правъ, ты получишь твой замокъ въ томъ видѣ, какъ передалъ его. Хотя св. Церковь осудила тебя, тѣмъ не менѣе ты найдешь снисхожденіе въ ней. Церковь должна призрѣть всякаго грѣшника, заблудшаго, потеряннаго, какъ бы онъ ни былъ преступенъ,—если только искренно раскаивается и ей подчиняется. И вы всѣ, здѣсь присутствующіе, внемлите словамъ моимъ,—я хочу, чтобы всѣ знали волю мою, желаю всегда видѣть моихъ учениковъ поступающими законно, желаю, чтобы они

несли прощеніе съ убѣжденіемъ, какъ воду съ огнемъ, чтобы снисхожденіе, кротость и смиреніе не оставляли ихъ, чтобы судили они мудростію, а не однимъ мечемъ и крестомъ, чтобы шли по стезѣ справедливости, слѣдуя внушеніямъ истинной чистоты и не дѣлая ничего, что запрещено Богомъ. Всякій, кто проповѣдуетъ чѣмъ либо иначе, не исполняетъ моихъ приказаній и не слѣдуетъ моей волѣ.

Еще одинъ голосъ порывисто поднялся въ защиту юнаго виконта безьерскаго. Монфора гласно уличали въ убійствѣ стараго виконта, съ смертью котораго пропала половина благородства и куртуазіи.—Если ты, св. Отецъ, не возвратишь наслѣдственной земли виконту, сказалъ одинъ баронъ, то грѣхи жертвы падутъ на твою голову; возврати ему теперь все, ибо въ день послѣдняго суда, ничто не избѣгнетъ возмездія.

— Какая гордая рѣчь, послышалось между баронами.

— Друзья, сказалъ папа, стараясь потушить общее волненіе между прелатами, справедливость будетъ оказана.

Съ этими словами Иннокентій оставилъ собраніе, въ которомъ напряженіе дошло до послѣдней крайности. За нимъ всѣ стали расходиться. Засѣданіе было закрыто.

Папа удалился въ аллеи своего дворцоваго сада, разсказываетъ провансальская лѣтопись. Съ нимъ были его приближенные, которые успѣли сдружиться съ прелатами Юга. И тѣ и другіе стали, по обыкновенію, жестоко обвинять провансальцевъ вообще и особенно альбигойскихъ графовъ.

— Если ваше святѣйшество возвратитъ имъ земли, говорили прелаты, мы совсѣмъ пропали (nos em tuit demeg mort); а если государемъ будетъ Монфоръ, мы спокойны за себя и за вѣру.—Иннокентій не имѣлъ личныхъ интересовъ ни въ системѣ, которую проводилъ, ни въ дѣлѣ тулузскомъ. Онъ не былъ фанатикомъ, подобно прелатамъ, и не позволялъ тщеславію заглушить голосъ справедливости.

— Какъ я могу безъ основаній, безъ причины, совершить такую ужасную несправедливость, лишить наслѣдія графа, который считается истиннымъ католикомъ, отнять у него всякія права. Нѣтъ, это было бы беззаконіе и я не могу согласиться, чтобы Симонъ владѣлъ всѣмъ государствомъ тулузскимъ; кромѣ доли сиротъ и вдовъ, я исключаю оттуда всю сторону отъ Пюи до Ніорта и землю еретиковъ отъ Санъ-Жилля до Порта.

Казалось, всякій долженъ бы согласиться съ такимъ рѣшеніемъ, которое стремилось примирить обѣ партіи. Немногіе прелаты Юга готовы были согласиться. Недовольна была только крайняя партія легатовъ и Фульконъ, епископъ тулузскій, дѣйствовавшій съ послѣдними за одно.

— Государь-папа, началъ онъ, какъ можешь ты столь несправедливо лишить наслѣдія графа Монфора, который считается вѣрнѣйшимъ сыномъ св. Церкви, лучшимъ подданнымъ и другомъ твоимъ? Сколько бѣдствій и трудовъ перенесъ онъ, чтобы уничтожить еретиковъ и всякихъ разбойниковъ, и вдругъ, когда цѣль достигнута, ты отнимаешь у него всѣ плоды завоеваній, отнимаешь земли, города, крѣпости, завоеванныя крестомъ и мечемъ. Ты отнимаешь у него такимъ образомъ Монтобанъ и Тулузу вмѣстѣ съ землями заклятыхъ враговъ. Никогда не было суда столь несправедливаго, приговора столь безжалостнаго. Надъ графомъ Монфоромъ производится насиліе. Если графы тулузскій, комменгскій и Фуа—истинные католики, прекрасно, за-что же лишать ихъ того, что они имѣютъ? тогда отдай имъ Провансъ, отними у Монфора всѣ его завоеванія. А я тебѣ, св. Отецъ, прямо скажу по истинной совѣсти, что между этими невинными нѣтъ ни одного католика, ни одного вѣрнаго клятвамъ. И если ты осудишь Симона, то предъ всѣмъ міромъ покажешь, что презираешь настоящія заслуги и не имѣешь благодарности.

Архіепископъ д'Ока съ своей стороны поддержалъ эти смѣлыя слова.

Папа хотѣлъ знать мнѣніе всѣхъ прелатовъ собора. Онъ вернулся въ церковь и возобновилъ засѣданіе. Многіе настаивали на наказаніи Раймонда. Протестовалъ только архидіаконъ ліонскій.

— Братія, началъ онъ, обвиненія не угодны Богу. Извѣстно, что графъ Раймондъ однимъ изъ первыхъ принялъ крестъ на еретиковъ; онъ защищалъ Церковь и исполнялъ ея повелѣнія и если, теперь, Церковь вмѣсто того, чтобы защищать его, начинаетъ преслѣдовать, то поступаетъ несправедливо и каждый изъ насъ въ глубинѣ души такимъ поступкомъ долженъ огорчаться. А вы, государь-епископъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фулькону, вы своими ярыми проповѣдями и жестокою рѣчью,—что всѣмъ намъ не приноситъ чести,—возбудили кровопролитіе, въ которомъ

погибло до полмиліона людей, которыхъ нельзя не оплакать. Государь - папа милостивъ и справедливъ, онъ не допустить, чтобы такой благородный человѣкъ, какъ графъ Раймондъ, лишился всего, оплакиваемый всею землею.

Злобный Арнольдъ, заклятый врагъ Раймонда, старался изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное этой благородной рѣчью.

— Великій государь, св. Отецъ, не вѣрьте словамъ этимъ, крѣпитесь, не уклоняйтесь съ прямаго пути, не увлекайтесь лестью и сомнѣніемъ, судите смѣло и повелѣвайте.

Иннокентій долго не позволялъ себѣ увлечься общимъ настроеніемъ прелатовъ. Но онъ понялъ, что теперь трудно не исполнить обѣщаннаго. Провозгласить Раймонда правымъ значило со стороны прелатовъ отказаться отъ всего прошлаго, идти противъ себя. Папа также зашелъ слишкомъ далеко, чтобы идти назадъ. Одна несправедливость влекла другую. Такое положеніе было тѣмъ непріятнѣе, что въ душѣ своей папа сознавалъ правоту дѣла провансальцевъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ провансальскій историкъ. Его мнѣніе, конечно, было ходячимъ въ то время,—голосомъ народа; слѣдовательно, оно не было лишено основаній дѣйствительности, какъ и всѣ пренія на соборѣ, имъ записанныя.

— Церковь должна прощать кающихся, продолжалъ утверждать папа; и если бы графъ Раймондъ былъ дѣйствительно виновенъ или сдѣлалъ дѣло, неугодное Богу, я долженъ помнить, что онъ палъ къ ногамъ моимъ съ раскаяніемъ и съ готовностью повиноваться. Потому, выслушайте мое мнѣніе. Я объявляю графа Раймонда истиннымъ католикомъ. Я не могу согласиться на то, что вы отъ меня требуете; я не могу отдать Монфору тулузскую землю, ибо не вижу къ тому достаточной причины.

Извѣстный намъ Θеодосій, бывшій легатъ, перебилъ Иннокентія.

— Государь, великія заслуги Монфора, изгнавшаго ересь и защитившаго Церковь, даютъ ему право на обладаніе покоренной страной.

— Но, отецъ Θеодосій, возразилъ папа, мы знаемъ, что Симонъ дѣйствовалъ безъ разбора; онъ также истреблялъ католиковъ, какъ еретиковъ. Каждый мѣсяцъ я получалъ свѣденія о великомъ плачѣ земли той.

Тогда нѣсколько южныхъ прелатовъ вступились за Монфора.

— Хорошо-ли извѣстно вашему святѣйшеству—все происходившее въ Лангедокѣ? Извѣстно-ли, что Монфоръ для того долго пробылъ въ Каркассэ, чтобы уничтожить злочестивыхъ и изгнать еретиковъ, *альбигойцевъ*, разбойниковъ и *вальдензовъ* и заселить страну католиками, норманнами и французами. Послѣ, съ крестомъ въ рукѣ, онъ покорилъ Аженуа, Керси, тулузскую область, — все, кромѣ столицы, Фуа и Монтобана, и все это онъ повергнулъ въ руки св. Церкви. Послѣ всего того, нѣтъ причины лишать его и Церковь всего пріобрѣтеннаго. И мы объявляемъ, что будемъ защитниками его противъ кого бы то ни было (e qui la lhi toldria nos li serem defes).

Иннокентій еще пытался устоять на законной почвѣ. Я не могу, возразилъ онъ, друзья мои, скрыть сожалѣніе о томъ, что несправедливые и гордые поселились между вами. Мы должны поступать въ каждомъ случаѣ по справедливости, а вы хотите, чтобы мы забыли ее и послѣдовали злымъ внушеніямъ. Если графъ тулузскій заслуживаетъ осужденія, то чѣмъ же, наконецъ, виноватъ его сынъ; зачѣмъ онъ долженъ лишиться своего законнаго наслѣдія? Іисусъ Христосъ сказалъ, что сынъ не повиненъ во грѣхахъ отца. Вспомните, прелаты и бароны, — когда первые крестоносцы шли на Лангедокъ и взяли Безьеръ, отрокъ былъ еще такъ юнъ, что не зналъ отличить хорошее отъ дурнаго. Кто же посмѣетъ произнести надъ нимъ смертный приговоръ, когда законъ и справедливость за него?

Тогда со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Государь, не бойтесь; пусть и отецъ и сынъ идутъ куда хотятъ и куда имъ назначите; государство же отдайте графу Симону; пусть онъ будетъ государемъ.

Слабаго голоса епископа д'Озьмы и провансальскихъ рыцарей никто не могъ разслышать. Папѣ пришлось быть защитникомъ обвиненнаго. Въ виду рѣшительнаго настроенія собора, онъ опасался идти на перекоръ и успѣлъ отстоять только одно,—оставить за юнымъ Раймондомъ Венэссенъ и имперское вассальство, а если онъ будетъ любить Бога и Церковь, думалъ провансальскій лѣтописецъ, и не встанетъ передъ Нимъ ни мятежникомъ, ни измѣнникомъ, Богъ

предастъ ему Тулузу, Аженъ и Бокэръ. Напрасно было также заступничество англійскаго посла, представлявшаго письма своего государя. Мы знаемъ, какимъ слабымъ авторитетомъ пользовался Іоаннъ между тогдашними теократами.

— Аббатъ, съ горькимъ чувствомъ сказалъ Иннокентій послу, я не могу ничего сдѣлать. Всѣ прелаты возстаютъ противъ меня и я долженъ скрывать свои чувства и не давать никакого повода, дабы молодой графъ не нашелъ во мнѣ, ни друга, ни покровителя. Но я увѣренъ, что молодой человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ съумѣетъ терпѣть и страдать и, если будетъ достаточно смѣлъ, то возвратитъ и свое наслѣдіе; пусть только будетъ благочестивъ и Господь поможетъ ему; пусть помнитъ, что камень падетъ на главу грѣшника [197].

Эти слова относились къ Монфору, который тѣмъ не менѣе былъ признанъ государемъ Тулузы. Несправедливость была возведена въ законъ. Все вышеизложенное показываетъ, на сколько виновенъ въ томъ Иннокентій. Оно же объясняетъ, что система, за которую обвиняютъ Гильдебранда и Иннокентія III, обязана существованіемъ своимъ не имъ, а духу времени; они только восприняли ея идеи и пошли во главѣ ихъ. Если бы приведенныя слова въ дѣйствительности не были сказаны Иннокентіемъ, то одно то, что такъ думаетъ современный трубадуръ,—патріотъ Юга, другъ коммуны, феодаловъ, писатель, снисходительный къ

[197] Всѣ приведенныя пренія заимствованы нами изъ Cansos; CXLIII — CL. Замѣтимъ, что важна не подлинность словъ, о которой не можетъ быть и рѣчи, а *ихъ историческая* истина. См. также Chron. prov. p. 492—494.—Петръ Серн. такъ оговаривается про ту оппозицію, какую, между слабымъ меньшинствомъ, встрѣтило предложеніе соборное о Раймондѣ: Verum quidem est, quod fuerunt ibi aliqui, etiam quod est gravius de praelatis, qui negotio fidei adversi, pro restitutione dictorum comitum laborabant, sed non praevaluit consilium Achitophel, frustratum est desiderium malignorum. Dominus etenim papa, approbante pro majori parte et saniori sacrosancto concilio, in hunc modum ordinavit de negotio memorato etc. (P. Cern. c. 83, p. 700). Мнѣніе папы намѣренно скрыто, хотя оно и просвѣчиваетъ въ словахъ «approbante pro majori parte».

ереси,—даетъ право утверждать, что Иннокентій раздѣлялъ мысли высказанныя выше.

Противъ личной воли, Иннокентію выпало на долю формулировать соборное рѣшеніе и подписать грамоту, беззаконно завершающую первый и важнѣйшій актъ альбигойской борьбы, которымъ мы кончаемъ первую часть нашего труда. Вотъ содержаніе ея: «цѣлому міру послужитъ то, что предпринято проповѣдниками и крестоносцами для истребленія еретиковъ и разбойниковъ въ провинціяхъ нарбоннскихъ и въ земляхъ сосѣднихъ. Милостію Божіею, успѣхъ сопутствовалъ нашимъ попеченіямъ. Теперь еретики и разбойники изгнаны; въ странѣ царитъ вѣра католическая и господствуетъ братскій миръ. Но такъ какъ эта новая лоза должна быть орошаема на той почвѣ, то мы рѣшили, по совѣщаніи съ соборомъ, принять къ тому надлежащія мѣры. Графъ тулузскій Раймондъ, виновный въ тѣхъ двухъ статьяхъ, съ давнихъ поръ и по разнымъ причинамъ признанный неспособнымъ управлять страной въ интересахъ вѣры, долженъ быть навсегда исключенъ отъ государствованія и жить внѣ земли своей, въ приличествующемъ ему мѣстѣ; тамъ, принесши достойное покаяніе по грѣхамъ своимъ, ежегодно онъ будетъ получать 400 серебряныхъ марокъ на содержаніе. Жена же его, сестра покойнаго короля аррагонскаго, которая, согласно общему свидѣтельству,—женщина добрыхъ нравовъ и чистая католичка, можетъ пользоваться вполнѣ и безпрепятственно деньгами, которыя даны ей въ приданое, подъ условіемъ, что управлять ими она будетъ согласно предписаніямъ Церкви и притомъ такъ, чтобы дѣло мира и вѣры не терпѣло никакого ущерба, иначе ей дадутъ вознагражденіе, какое заблагоразсудится престолу апостольскому. Всѣ же домены,—какіе крестоносцы отняли отъ еретиковъ, отъ «вѣрныхъ», ихъ соумышленниковъ и укрывателей вмѣстѣ съ городами Монтобаномъ и Тулузой, которые болѣе всего повреждены ересью,—должны быть предоставлены, съ сохраненіемъ правъ католическихъ мужчинъ, женщинъ и церквей, графу Монфору, мужу храброму, болѣе всякаго другаго содѣйствовавшему успѣху этого дѣла. Остальная же часть страны, не завоеванная крестоносцами, должна быть отдана, согласно велѣнію Церкви, на охрану людямъ способнымъ соблюдать и защищать интересы мира и вѣры, съ тѣмъ, чтобы послѣ передать ее единственному сыну графа

тулузскаго, когда онъ достигнетъ законнаго возраста и будетъ заслуживать владѣть всею этою землею или только частью ея, какъ будетъ признано лучше» ([195]). Владѣнія графа де-Фуа другимъ актомъ признавались подъ покровительствомъ и властью Церкви, впредь до особаго распоряженія. Графа комменгскаго постигла, вѣроятно, таже участь.

Отсюда можно судить, какія перемѣны грозили наступить на Югѣ и какую роль суждено было играть въ нихъ альбигойству. Таковъ былъ результатъ собора для альбигойцевъ. Ересь самимъ папою провозглашалась уничтоженною. Цѣль крестоваго похода достигнута. Католичество насаждено и представляется на Югѣ «лозою новою.» Изъ лотерейной игры съ сильнымъ врагомъ, Раймондъ, снаружи католикъ, въ душѣ другъ и вождь альбигойцевъ, вышелъ несчастнымъ изгнанникомъ. Вполнѣ пораженный, лишенный родовыхъ земель, онъ долженъ довольствоваться пенсіей. Чуждый баронъ овладѣваетъ большею частью его государства; Монфоръ царитъ отъ предѣловъ Безьера до Океана; его владѣнія граничатъ Пиринеями и рѣкою Дордонь. Ничтожный клочекъ достается его сыну. Чуждые нравы, характеры, вторгнулись въ Провансъ. Все это было наканунѣ появленія новаго завоевателя, который уже давно сторожилъ альбигойцевъ и крестоносцевъ. Четвертый латеранскій соборъ подготовилъ формальное завоеваніе французскихъ королей, заранѣе узаконивъ офранцуженіе страны.

По окончаніи засѣданій собора, Раймондъ испросилъ у папы прощальную аудіенцію. Иннокентій принялъ его вмѣстѣ съ графомъ де-Фуа. Раймондъ передавалъ послѣ содержаніе этой бесѣды, воспроизведенной провансальской поэмой. Раймондъ началъ жаловаться папѣ на насиліе и описывать свое ужасное положеніе.—«Кто не удивится, когда узнаетъ, говорилъ онъ, видя графа тулузскаго въ такомъ положеніи, графа, у котораго нѣтъ ни города, ни замка, куда бы онъ могъ преклонить голову. Надѣясь на тебя, я покорился, передалъ тебѣ свой городъ—и что же вышло? Твои слова и мое довѣріе сдѣлали теперь то, что я не знаю куда идти. Страшно подумать, что я, который привыкъ одолжать другихъ, теперь долженъ довольствоваться чужою милостью. А сынъ

([195]) Apud **Vaissete**; l. **XXII**, c. **97**.

мой? Онъ даже не умѣетъ грѣшить, а ты лишилъ его наслѣдной земли. О ты, который долженъ служить олицетвореніемъ благородства и справедливости, вспомни Бога и правду; твоя вина—если на всемъ свѣтѣ нѣтъ теперь пяди земли, куда-бы я могъ ступить ногой своей.

Папа выслушалъ его; онъ былъ задумчивъ, грустенъ и готовъ былъ самъ заплакать.

— Графъ, отвѣтилъ онъ, ты не долженъ терять смѣлости. Я зналъ, что дѣлалъ. Жди, надѣйся,—и можетъ быть я буду въ состояніи возвратить права твои и исправить совершившееся. Если я лишилъ тебя наслѣдія, Богъ пошлетъ тебѣ другое, потерянное онъ можетъ возвратить тебѣ; сѣти, опутывающія тебя, онъ можетъ разрушить, мракъ—прояснить. Такъ какъ все во власти Божіей, ты не долженъ отчаяваться въ немъ, и если Господь продлитъ дни мои, чтобы возстановить Церковь правды (que posca dreit renhar) то я возвышу права твои такъ высоко, что тебѣ не придется обвинять ни Бога, ни меня. А что касается до настоянія этихъ клеветниковъ, которые возстаютъ на меня, то скоро ты увидишь, какъ я намѣренъ поступить съ ними. Иди, и если ты правъ, то Богъ поможетъ и защититъ тебя. Но оставь мнѣ твоего сына, я поговорю насчетъ его и можетъ быть что нибудь сдѣлаю для него.

— Государь, сказалъ разстроганный графъ, твоему святому покровительству поручаю сына, себя самого и всю судьбу мою.

Папа благословилъ его въ послѣдній разъ своей жизни и они разстались. Раймондъ VI выѣхалъ изъ Рима; въ Витербо его нагналъ графъ де-Фуа, которому папа прямо обѣщалъ возвратить его замокъ, что и сдержалъ. Проѣзжая черезъ монастыри италіянскіе, оба графа казались искренними католиками; они вездѣ принимали Причастіе, пользовались всякимъ случаемъ лобызать мощи.

Иннокентій, между тѣмъ, чрезъ 15 дней послѣ закрытія собора, когда большая часть прелатовъ разъѣхалась, издалъ грамоту на имя епископа Нима, архидіакона Вильгельма изъ Конфланта, въ которой спѣшилъ измѣнить соборное постановленіе относительно графа де-Фуа. Въ ней говорилось, что Монфоръ и его люди несправедливо раззоряли замки и деревни лангедокскіе, что крестоносцы поступали незаконно и безчестно. Упомянутымъ духовнымъ по-

ручено черезъ три мѣсяца представить въ Римъ доподлинное донесеніе о всемъ происходившемъ съ графомъ и изслѣдовать почему именно онъ лишился своихъ владѣній. Пока городъ Фуа долженъ охранять аббатъ С. Тибери, подъ верховною властію папской, а послѣ папа предпишетъ какъ поступать съ нимъ. Если же владѣнія будутъ возвращены графу де-Фуа, то Монфоръ обязанъ жить съ нимъ въ дружбѣ и никогда не предпринимать войны, ни съ нимъ, ни съ его племянникомъ, Рожеромъ коммингскимъ (199).

Въ концѣ декабря, Иннокентій пригласилъ къ себѣ молодаго Раймонда, которому оказывалъ все время постоянное вниманіе и расположеніе. Юноша не могъ умолчать о своемъ несчастіи и въ слезахъ жаловался папѣ, возлагая на него надежду.—«Дитя мое, отвѣчалъ Иннокентій, если ты будешь соблюдать мои совѣты, ты не погибнешь ни въ этомъ мірѣ, ни въ томъ. Старайся любить, почитать и благодарить Бога; исполняй святыя узаконенія Церкви, внимай богослуженію и совершенію св. таинствъ. Преслѣдуй ересь и соблюдай миръ; не раззоряй монастырей и не давай оскорблять путниковъ; никогда не бери чужаго добра для своего обогащенія. Не обижай бароновъ и мудро властвуй надъ подданными. Снисходи къ побѣжденнымъ,—*но ты можешь защищать свое право противъ всякаго, кто хотѣлъ-бы обидѣть или ограбить тебя.*

— Но, государь, сказалъ Раймондъ, бѣдность и нужду тяжело переносить; гдѣ мнѣ думать о завоеваніяхъ, когда негдѣ преклонить голову; моя надежда на оружіе и счастье.

— Не дѣлай ничего противнаго Богу, замѣтилъ папа. Господь, если ты правдиво послужишь ему, обильно надѣлитъ тебя землями. Ты знаешь, что я даю тебѣ Венессэнъ, Аржансъ и Бокэръ; пока этого будетъ достаточно тебѣ; Монфоръ же будетъ государемъ надъ остальными землями, до тѣхъ поръ, пока Церковь признаетъ должнымъ возстановить тебя во всѣхъ правахъ твоихъ (tro que veia la gleiza si poiras revenir).

— Государь, возразилъ Раймондъ, по словамъ провансальскаго патріота,—горько слышать мнѣ о дѣлежѣ между чужеземцемъ и мною; если такъ,—то кто либо, одинъ изъ

(199) Preuves de l'hist. de Languedoc; t. V, № LXXXI.

насъ, живымъ или мертвымъ, долженъ владѣть всею землею безраздѣльно. Все это покончитъ мечъ и я осмѣливаюсь просить у васъ только одного, государь, чтобы вы позволили мнѣ воевать мою землю оружіемъ, если я въ томъ успѣю.

Папа посмотрѣлъ на него, тяжело вздохнулъ, потомъ поцѣловалъ его, и благословилъ.

— Дѣлай какъ знаешь и помни, что нечистое дѣло всегда выйдетъ наружу. Пусть Господь Богъ дастъ тебѣ силы хорошо зачать и хорошо кончить все, что бы ты ни задумалъ (200).

Съ этими словами они разстались. Раймондъ уѣхалъ изъ Рима; въ Генуѣ онъ нагналъ отца и графа де-Фуа.

Законный, но развѣнчанный государь Юга плылъ въ Марсель, гдѣ ему готовилась торжественная встрѣча. Весь городъ былъ на берегу; народъ привѣтствовалъ съ энтузіазмомъ графовъ, которые близки были ему по отчизнѣ и несчастіямъ. Здѣсь же извѣстили Раймонда, что въ Авиньонѣ, на берегу Роны, ждетъ его 400 провансальскихъ рыцарей, между которыми, конечно, могло быть много альбигойцевъ. Напутствуемые благословеніями и теплымъ изъявленіемъ сочувствія, графы оставили Марсель.—

Въ это самое время, Монфоръ сталъ готовиться къ новымъ операціямъ. Онъ понималъ, что значатъ эти манифестаціи, эти изъявленія преданности, быстро заявленныя на всѣхъ концахъ Юга. Этотъ энтузіазмъ былъ какъ-бы народнымъ протестомъ на рѣшеніе латеранскаго собора, протестомъ горячимъ, неподдѣльнымъ, протестомъ массы и потому опаснымъ.

И понятно, почему Раймондъ и де-Фуа возбуждали собой энтузіазмъ въ Марсели и далѣе, при своемъ появленіи

(200) Cans. CLII. Chron. prov. 495.—Въ этой бесѣдѣ, приведенной провансальскимъ поэтомъ, можетъ быть и далеко не точно, важенъ взглядъ лангедокскихъ патріотовъ на личность Иннокентія, не одобрявшаго завоеванія и попранія правъ законной династіи. Раймондъ VII раздѣлялъ симпатіи своего отца относительно альбигойцевъ,—то показываетъ его дальнѣйшая исторія, но въ глазахъ Иннокентія онъ оставался чистымъ отъ подозрѣній.

въ Авиньонѣ, Бокерѣ ([201]), почему ихъ имя было такъ популярно на всѣхъ концахъ Юга и особенно популярно именно теперь, когда Церковь поработила этотъ Югъ. Съ ихъ именемъ соединялось понятіе о національности, о цивилизаціи, о просвѣщеніи, о всей прелести мѣстной жизни. Монфоръ-же и его французы были олицетвореніемъ побѣдителей, насилія, жестокости, алчности. Если-бы подчиненіе Лангедока французамъ совершилось путемъ мирнымъ, бракомъ и т. п., то не было-бы той причины къ ненависти и національной враждѣ, слѣды которой можно открыть еще по настоящее время ([202]). Эта вражда обрекла побѣжденныхъ оказывать долгое, но безполезное сопротивленіе, а побѣдителя презирать все, составлявшее достоинство и блескъ мѣстной цивилизаціи. Тогда-бы южные гуманные нравы, высокая степень общественности, провансальская образованность, промышленность, торговое движеніе Лангедока,—могли бы скорѣе оказать благотворное вліяніе на сѣверную Францію. Тогда-бы, отъ тѣснаго взаимодѣйствія жизни, отъ мирнаго общенія тогдашнихъ культуръ Франціи и Прованса, значительно, можетъ быть, ускорился-бы ходъ исторіи. Сирвенты и горькіе стансы южнаго трубадура поставили обѣ націи въ недовѣрчивое, подозрительное и враждебное отношеніе другъ къ другу. Слѣдствія этой враждебности въ ея политическихъ и литературныхъ фактахъ, проникающія всю позднѣйшую французскую исторію, выскажутся въ свое время, при дальнѣйшемъ изложеніи «Исторіи Альбигойцевъ», во второмъ томѣ этого труда. Но и теперь, не забѣгая впередъ, можно отмѣтить на двухъ, трехъ образцахъ, эту раздѣльность и національную оппозицію, вошедшую въ кровь провансальцевъ, послѣ Монфоровыхъ походовъ.

По смыслу и содержанію событій, ненависть провансальцевъ (альбигойцевъ и католиковъ безразлично), должна была столько же, если не болѣе, обращаться противъ французовъ, сколько противъ римскаго католическаго духовенства, управлявшаго крестовымъ движеніемъ. На сколько сильно было оппозиціонное движеніе между трубадурами, видно изъ того, что легатъ Арнольдъ еще при самомъ началѣ походовъ, нашелся вынужденнымъ оффиціально запретить писать стихи противъ папы и крестоносцевъ. Несмотря на то, Бернаръ Сикаръ изъ Марьеволя не можетъ скрыть чувствъ патріотической скорби въ самую ужасную для южанъ минуту, въ дни безьерскаго погрома. «Не проходитъ часа, поетъ онъ въ 1219 году, чтобы озлобленіе не овладѣвало мной; ночь проходитъ въ воздыханіяхъ, во снѣ и на яву тѣ же стоны.— *Куда-бы ни обратились глаза мои, вездѣ я вижу куртуазію, низко попранную французами.* О Боже! Есть-ли какая жалость въ этихъ людяхъ? Они яростно кидаются на грабежъ; есть ли у нихъ какое право на это? О Тулуза, о Провансъ, о земля Ажена! Безьеръ, Каркассона! чѣмъ вы были и что стали теперь?» Съ злой ироніей тотъ же поэтъ обращается къ духовенству. «Прелаты Франціи, чудную правду я долженъ повѣдать о васъ, и если бы можно, то я готовъ бы былъ дважды подтвердить ее. Вы избрали выгоднѣйшій путь и прекрасно поучаете насъ. За такіе хорошіе примѣры мы вознаграждены по заслугамъ. Неправда-ли вѣдь вамъ ничего не надо для себя; вы жертвуете всѣмъ; у васъ нѣтъ никакихъ желаній; самыя тяжелыя лишенія кажутся ни по чемъ вамъ; вѣдь вы не знаете грязной гнустности разврата..... Да избавитъ насъ Богъ высказать всю правду про васъ» ([203]).

Недалеко было то время, когда послѣ новаго возстанія альбигойцевъ и новаго ихъ покоренія, раздается бичующій голосъ Петра Кардиналя, этого «страдальца чужихъ заблужденій», какъ онъ называетъ самъ себя, этого героя трубадура, въ своей «пѣсни мщенія», раньше Лютера проклявшаго Римъ, который во все то время (въ концѣ XIII вѣка) дѣйствительно былъ близокъ къ позору. «Римъ, ты съ виду кротокъ, но внутри тебя бѣшеный волкъ, порожденіе эхидны, оттого-то діяволъ называетъ тебя своимъ твореніемъ», восклицаетъ поэтъ ([204]).

Торжество Монфора—было торжествомъ клерикальной партіи. И потому, правы были голоса трубадуровъ-обличителей,

([201]) Cans. CLIII.

([202]) См. нпр. статью провансальца по поводу выхода книги Лафона въ Revue des deux mondes; 1868, t. LXXVIII.

([203]) Raynouard. Choix des poésies; IV, 192.

([204]) Этотъ сирвентъ Вильгельма-де-Фигераса переведенъ вполнѣ у Villemain. Littér. du moyen âge, leç. VI.

когда они горячо говорили: «попы теперь хватаютъ все обѣими руками, хотя-бы это имъ самимъ стоило несчастій. *Вселенная въ ихъ рукахъ, они сдѣлались ея властителями.* Грабители относительно однихъ, щедрые къ другимъ, они пускаютъ въ ходъ индульгенціи, лицемѣрятъ; однихъ обольщаютъ Богомъ, другихъ діяволомъ» ([205]).

Но какова стала участь несчастныхъ феодаловъ — рыцарей? Нѣкогда люди сильные, они позволили себѣ сочувственно смотрѣть на альбигойцевъ и потому теперь лишились всего. Они дорого заплатили за свои религіозныя убѣжденія или, точнѣе, за свой религіозный индифферентизмъ. Оставленные въ подозрѣніи, они должны были считать милостію со стороны легата Петра (кардинала капуанскаго), самое пребываніе въ отечествѣ. Легатъ отнялъ у нихъ замки и дозволилъ имъ избрать мѣстопребываніе по произволу съ тѣмъ, чтобы они не въѣзжали въ укрѣпленные города и не носили оружія. Въ отличіе, они имѣли только одну шпору и ѣздили на ослахъ. Но люди столь униженные, оставались самыми популярными.

Видъ страны къ 1216 году перемѣнился. Мрачное затишье жизни. Обычной веселости не стало. Вездѣ обоюдное недовѣріе; монастырскіе уставы, предписанные памьерскими статутами, сдѣлались обязательными; куртуазія забыта. Торговля была въ переполохѣ. Экономическій кризисъ оказывалъ самое губительное и рѣшительное вліяніе на жизнь гражданъ; трубадуры молчатъ, какъ бы ожидая случая призвать народъ къ возстанію. Тулуза, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, спасавшаяся отъ раззоренія, порабощенная, теперь молчала въ безсиліи. Ея новый графъ пока не приносилъ присягу; она была дана лишь въ августѣ 1216 года. Нѣкоторые города, множество замковъ и деревень потерпѣли всѣ ужасы штурма и расправы жестокаго побѣдителя. Монфоръ былъ государемъ этой страны. Какъ одинъ изъ бароновъ французскихъ, онъ считалъ своимъ сузереномъ короля Франціи, которому въ апрѣлѣ 1216 года принесъ формальную присягу. Филиппъ Августъ пока довольствовался феодальнымъ правомъ, предоставляя своимъ наслѣдникамъ быть непосредственными государями Юга. Онъ не принимавшій участія въ крестовомъ походѣ и довольно равнодушный къ интересамъ Церкви признавалъ земли «своего возлюбленнаго и вѣрнаго графа», отнятыми отъ еретиковъ и враговъ Церкви Христовой ([206]). Должно замѣтить, что эта присяга была результатомъ происковъ мѣстнаго французскаго духовенства. По настоянію послѣдняго, было рѣшено на съѣздѣ новыхъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ Лангедока, — просить инвеституры у французскаго короля, дабы тѣмъ заручиться въ прочности новаго государства, опасность для существованія котораго неожиданно обнаружилась въ самомъ лагерѣ побѣдителей. Это государство Монфора, отчасти представлявшее собою образецъ теократической державы, могло быть прочно только равновѣсіемъ своихъ элементовъ и непремѣнно при преобладаніи главнаго, т. е. духовнаго. Но едва только вселенскій католическій соборъ успѣлъ признать совершившійся фактъ, какъ побѣдители разсорились изъ-за добычи. Знаменитый Арнольдъ, архіепископъ нарбоннскій, возвращаясь изъ Рима, имѣлъ торжественный въѣздъ въ свой городъ (въ концѣ января 1216 г.). Церемоніалъ былъ совершенъ съ царской пышностію, такъ какъ архіепископъ никого не зналъ въ Нарбоннѣ выше себя. Объявляя, что всѣ должны принимать его за герцога, такъ

([205]) **Fauriel. Hist. de la poésie prov. II, 217.**

([206]) Preuves de l'hist. de Lang. V, 598, № LXXXII. Условія присяги показываютъ, до какой степени Филиппъ Августъ былъ остороженъ относительно Юга, все еще казавшагося ему сильнымъ. Вотъ текстъ ея, обращенный ко всѣмъ друзьямъ и вѣрнымъ подданнымъ: «Noverit universitas vestra, quod nos dilectum et fidelem nostrum Simonem comitem de Monteforti de ducatu Narbonae, comitatu Tolosae, vicecomitatu Biterrensi et Carcassonae, de feodis scilicet et terris quae Raymondum quondam Tolosanum comes de nobis tenebat, quae adquisita sunt super haereticos et inimicos Christi ecclesiae, salvo jure alieno, et illorum quae sunt homines nostri, dum tamen adhaereant fidei Christianae, recipimus in hominem nostrum ligium. Proinde vobis mandamus, firmiter inhibentes, ne de feodis nostris vos intromittatis, vel in eis manum mittatis, nisi dicto S. cum ab ipso requisiti fueritis, auxilium et consilium impendendo. Anno D. MCCXVI, mense Aprili». Наслѣдники Филиппа не сдержали послѣдняго условія.

какъ этотъ титулъ онъ получилъ въ Римѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ приказывалъ виконту Эмерику отказаться отъ присяги, данной имъ Монфору, какъ не дѣйствительной. Онъ принялъ мѣры, чтобы жители Нарбонны построили на собственный счетъ два замка: одинъ въ городѣ, другой въ крѣпости, а городъ обвели стѣнами. Велико было удивленіе Монфора, когда онъ получилъ извѣстіе объ отложеніи архіепископа. Онъ тотчасъ же обратился съ жалобой въ Римъ, напоминая, что городъ Нарбонна, его законный доменъ, находится подъ покровительствомъ папы.

Въ свою очередь, Арнольдъ писалъ въ особой грамотѣ въ предупрежденіе всѣхъ вассаловъ Монфора: «если графъ Симонъ осмѣлится присвоить герцогство Нарбонну или хотя часть его, или если окажетъ какое-либо сопротивленіе сооруженію стѣнъ вокругъ города, то тогда я отлучаю его со всѣми его сообщниками, а также и тѣхъ, которые окажутъ ему совѣтъ и помощь» (207). Отъ угрозъ, въ характерѣ Арнольда, не далеко было до исполненія. Совершилось необычайное явленіе: легатъ отлучилъ главнаго партизана Церкви, ея борца. Теперь личныя побужденія заставляли обнажать истинную причину побужденій и дѣйствій крестоносцевъ. Такъ Монфоръ казнился своимъ оружіемъ. Арнольдъ на-отрѣзъ отказался отъ всякаго сношенія съ графомъ Симономъ, если послѣдній вооруженнымъ образомъ займетъ Нарбонну. Два раза Арнольдъ послѣдовательно произносилъ отлученіе надъ Симономъ. Монфоръ ни мало не обращалъ на него вниманія. Таково было раздраженіе противниковъ. Архіепископъ грозилъ силою воспротивиться Монфору, а послѣдній объявилъ, что онъ непремѣнно займетъ Нарбонну. Арнольдъ расположился въ воротахъ города; Монфоръ приближался. Прежде, чѣмъ архіепископъ успѣлъ распорядиться запереть ворота, французы (linguae gallicae) бросились на него съ обнаженными мечами. Монфоръ сдержалъ обѣщаніе и знамя его взвилось надъ герцогскимъ дворцомъ Нарбонны въ то самое время, какъ архіепископъ въ присутствіи всего каѳедральнаго духовенства торжественно предавалъ его анаѳемѣ. Во всѣхъ церквахъ нарбоннскихъ и въ самой придворной капеллѣ было запрещено бого-

(207) **Besse. Hist. des ducs de Narbonne; 466.**

служеніе на все время пребыванія Монфора въ предѣлахъ герцогства. Но графъ, презирая эти распоряженія, заставилъ священнослужительствовать у себя во дворцѣ, гдѣ по прежнему раздавался колокольный звонъ. Такъ, даже Монфоръ понималъ, сколько лицепріятія и своеволія заключалось въ поступкахъ папскихъ легатовъ и особенно его прежняго покровителя и патрона, нѣкогда аббата Сито. Продолжая разить своего врага, Арнольдъ снова жаловался въ Римъ; Монфоръ не оставался въ долгу. Изъ Рима цѣлый годъ не приходило рѣшенія по этому дѣлу; въ Нарбоннѣ долго не могли объяснить причины медленности. Между тѣмъ Монфоръ, узнавъ, что Арнольдъ очень рѣшительно настаиваетъ передъ папой на его отлученіи, и припоминая обстоятельства, при которыхъ самъ Иннокентій иногда становился къ нему въ отношенія неблагопріятныя, сталъ хлопотать о примиреніи съ архіепископомъ. Въ началѣ марта, онъ предложилъ посредничество и разборъ недоразумѣній епископу нимскому, съ обѣщаніемъ подчиниться рѣшенію третейскаго суда.

Иннокентій получилъ извѣстіе объ отлученіи Монфора весной, среди обширныхъ приготовленій къ новому предпріятію. Въ то же время, курію всецѣло занималъ вопросъ объ освобожденіи св. Земли. Для этого требовалось прежде всего возстановить миръ и дружбу между государствами Европы. Въ виду этого, въ Римѣ страхомъ отлученія думали остановить волновавшихся бароновъ англійскихъ. Иннокентій путемъ убѣжденія хотѣлъ добиться скорѣйшаго примиренія республикъ италіянскихъ. Генуя и Пиза были всегда могущественнымъ факторомъ крестовыхъ предпріятій. Безъ участія ихъ, трудно было осуществленіе восточныхъ походовъ,—а между ними происходила война. Иннокентій старался примирить ихъ и неудачно; тогда онъ рѣшился на послѣднее средство—личнымъ участіемъ прекратить раздоры и водворить миръ въ сѣверной Италіи вообще. Съ этою цѣлью, въ началѣ мая, онъ выѣхалъ изъ Рима съ нѣсколькими кардиналами. Дорогою его захватила лихорадка. Онъ долженъ былъ остановиться въ Перуджіи (208). Больной, онъ

(208) **Ric. Malespini. Storia fiorentena, c. 105,—Muratori. Script. VIII, 946.**

не переставалъ заниматься дѣлами съ особеннымъ напряженіемъ, что еще вреднѣе отразилось на ходѣ его болѣзни. Врачи дурно лѣчили его недугъ ([209]). Неблагопріятныя вѣсти между тѣмъ сильно раздражали больнаго и причиняли ему постоянныя безпокойства, что и было причиною грознаго хода болѣзни. Особенно досадовали Иннокентія вѣсти изъ Англіи и изъ Прованса. Если принять въ соображеніе, что папа только изъ видовъ необходимости долженъ былъ поддерживать вопіющія жестокости Монфора, то очень могло быть, что онъ воспользовался бы представившимся случаемъ и подтвердилъ бы отлученіе, произнесенное Арнольдомъ. Но силы оставили его. За нѣсколько дней до смерти, онъ впалъ въ безпамятство и оставался недвижимымъ. Только рѣдкое дыханіе напоминало слабое присутствіе жизни, 17 іюля 1216 года—Иннокентія не стало. Тѣло его похоронили въ Перуджіи. Теперь простая гробница скрываетъ кости человѣка, «слава котораго нѣкогда наполняла цѣлый міръ» ([210]).

Наличный составъ кардинальскаго конклава собрался въ Перуджіи. Онъ избралъ преемникомъ умершаго кардинала Ченчіо,—Савелли, бывшаго воспитателя Фридриха II. Онъ назвался Гоноріемъ III.

Извѣстіе о смерти Иннокентія рѣшительно подѣйствовало на ходъ политическихъ и церковныхъ дѣлъ всей католической Европы. Крестовый походъ опять сдѣлался какимъ-то обѣтованіемъ. Государи Германіи, Франціи и Англіи могли перемѣнить свою политику и изъ слугъ Рима сдѣлаться его соперниками. И дѣйствительно, 1215 годъ былъ

([209]) Hurter; II, 690. Подробности по хроникѣ Альберика и по жизнеописанію—Платины.

([210]) Fulgent splendida facta ejus in urbe pariter in orbe.— Здѣсь считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій по исторіи папства, академика Viennet (Hist. de la puissance pontificale P. 2 v. 1866) проводится крайне ненаучный взглядъ на личность и дѣятельность Иннокентія III. Но дѣло въ томъ, что это сочиненіе написано подъ живымъ вліяніемъ римскаго вопроса (II, 236), а историческій судъ автора произносится,—suivant les idées modernes (II, 337), что одно опредѣляетъ достоинства этого труда.

высшимъ годомъ въ исторіи папства, и послѣднимъ въ исторіи западной теократіи.

Альбигойцамъ смерть Иннокентія обѣщала новую эру. Самымъ смѣлымъ изъ нихъ казалось, что тотъ человѣкъ, который, можетъ быть противъ своихъ убѣжденій, сдѣлался бичемъ ихъ родины,—навсегда уносилъ съ собою въ могилу былыя несчастія Лангедока. Но ихъ ожиданія оправдались только отчасти. Альбигойскій принципъ восторжествовать не могъ, потому что въ будущемъ онъ представлялъ своею религіозной формою мало прогресса для исторіи. Раціонализмъ вальдензовъ, дѣйствительно, могъ влить новыя силы въ жизнь тогдашняго человѣчества; но послѣдователи этой религіи составляли меньшинство между средневѣковыми протестантами Лангедока. Умозрѣнія же альбигойцевъ, презиравшія и игнорировавшія все матеріальное, утопавшія въ самихъ себѣ, отклонявшія бракъ, блага и радости жизни, могли встать послѣ въ рѣшительный разладъ съ стремленіями цивилизаціи. Экономическій разцвѣтъ Лангедока, совпавшій съ распространеніемъ альбигойства, скрывается все-таки въ муниципальныхъ формахъ жизни Юга; паденіе южной цивилизаціи есть слѣдствіе не уничтоженія альбигойскаго вѣроисповѣданія, а уничтоженія мѣстной государственной жизни, замѣны ея новыми политическими порядками. Въ вопросѣ о превосходствѣ тогдашнихъ католическихъ церковныхъ институтовъ надъ альбигойскими,—исторически вѣренъ взглядъ Маколея. Онъ смотритъ на альбигойцевъ съ протестантской точки зрѣнія. «Но, замѣчаетъ знаменитый историкъ, просвѣщенный и умѣренный протестантъ едва ли не усомнится, чтобы успѣхъ альбигойцевъ или лоллардовъ могъ вообще возвысить счастье и нравственность рода человѣческаго. Какъ ни была испорчена Римская Церковь, тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что, если бы Церковь эта была ниспровергнута въ XII или даже XIV столѣтіи, мѣсто ея заняла бы другая, еще болѣе испорченная система» ([211]). Не всякая оппозиція прогрессивна сама

([211]) Сочин. VI, 46 (Англія до Реставраціи). Но нельзя согласиться съ мыслью Маколея, что «власть, дотолѣ принадлежавшая духовенству Римской Церкви, перешла бы къ наставникамъ *гораздо худшаго рода*».

по себѣ, только потому, что она есть оппозиція. За то не безъ вліянія альбигойцевъ сложилась легенда о загробномъ судѣ надъ Иннокентіемъ III. Въ хорѣ современныхъ лѣтописцевъ, почти единогласно прославлявшихъ знаменитаго первосвященника, ставившихъ его на первое мѣсто среди римскихъ іерарховъ,—едва замѣтнымъ диссонансомъ пробѣгаетъ сказаніе о томъ, какъ душа папы изъ чистилища приходитъ на землю, преслѣдуемая демонами. Склонившись у подножія креста, она призываетъ въ заступничество молитвы праведныхъ (212). Въ этой легендѣ можетъ скрываться месть побѣжденной оппозиціи еретиковъ Юга, какъ и радостное чувство той католической духовной партіи, которой не нравились суровыя мѣры покойнаго папы, клонившіяся къ исправленію нравовъ клира,—это справедливо тѣмъ болѣе, что и все духовное сословіе скорѣе обрадовалось, чѣмъ опечалилось смертью Иннокентія, какъ замѣчаетъ Вильгельмъ Бретонскій. Но эта же легенда служитъ выраженіемъ того религіознаго чувства, которое оскорбляется дерзкимъ смѣшеніемъ цѣлей и дѣйствій религіозныхъ съ порывами смѣлаго честолюбія. Этотъ судъ отчасти справедливо обвиняетъ папу за пренебреженіе умѣренности дѣйствій и за дипломатическое подчиненіе ея высшимъ цѣлямъ. Такой характеръ политики Иннокентія становится замѣтнымъ въ послѣдній годъ его жизни. Множество дѣлъ и замысловъ, постоянные успѣхи въ нихъ, а также разочарованія въ близкихъ людяхъ, такъ злоупотреблявшихъ его именемъ и довѣріемъ, наконецъ здоровье, быстро клонившееся къ разрушенію,- были причиною такой перемѣны. Иннокентій измѣнилъ тогда своему обычному спокойствію и безпристрастію. Что касается до главной цѣли его жизни, до утвержденія независимости папской власти и духовнаго подчиненія ей всякой другой,—то такое стремленіе входило въ ту систему, которая составляетъ жизнь и духъ среднихъ вѣковъ.

Человѣкъ не отвѣчаетъ за такую систему. Политическія и соціальныя системы выработываются и слагаются цѣлыми вѣками. Потребность въ папскомъ всевластіи была

(212) Cherrier. Hist. de la lutte des papes; I, 481.—Это сказаніе вошло въ Vita sanctae Liutgardae Virg. apud Acta Sanctorum.

сознана гораздо раньше Иннокентія III. На немъ лежалъ только долгъ поддерживать и развивать ее. Иннокентій имѣлъ всѣ данныя для такого назначенія, но таковы были свойства западной теократіи, что она губительно заражала своихъ борцевъ, губительно отражалась на личномъ характерѣ ихъ. Дѣйствуй Иннокентій съ той же энергіей, съ тѣмъ же геніемъ на другомъ постѣ, для другихъ цѣлей,—его историческій образъ остался бы чистымъ отъ тѣхъ тѣней, которыя теперь омрачаютъ его. Замѣтимъ, что часто такія обвиненія бывали опрометчивы.

Содержаніе настоящей книги, смѣемъ думать, показало, какъ несправедливо взводить на Иннокентія всю отвѣтственность за ужасы крестоваго похода на альбигойцевъ. Папа не всегда даже узнавалъ о нихъ и, на сколько было въ его власти, отстранялъ всякія несправедливыя притѣсненія. Съ его смертью радикально измѣняется папская политика и въ характерѣ и цѣляхъ. Тогда она отжила свое время; она миновала періодъ, въ который могла быть полезна. Протестъ изъ коммунъ Лангедока переходитъ на императорскій престолъ. Папы, современные Фридриху II, отстаиваютъ невозвратимое,—и тогда историческое оправданіе оставляетъ ихъ.

Ересь альбигойская, въ смыслѣ опасной и цѣлостной церковной оппозиціи, была побѣждена. Послѣ смерти Иннокентія III, борьба въ Лангедокѣ перемѣняетъ свой характеръ. Вѣсть о кончинѣ славнаго папы будто придала силу альбигойцамъ и всему Провансу. Утѣсненные снова возстали.

Уже съ января 1216 года, Монфоръ былъ занятъ осадою замка Монгренъера, сосѣдняго съ Фуа. Этотъ городъ, прекрасно защищаемый природой, въ послѣднее время сталъ убѣжищемъ гонимыхъ альбигойцевъ. Штурмомъ взять его было невозможно. Несмотря на ропотъ своихъ подчиненныхъ, Монфоръ простоялъ подъ замкомъ два мѣсяца и дождался, наконецъ, истощенія припасовъ у осажденныхъ. Замокъ сдался въ день Пасхи 1216 года. Но и теперь даже, альбигойцы выхлопотали себѣ свободный пропускъ. Рожеръ-Бернаръ, графъ де-Фуа обязался не воевать съ Монфоромъ въ про-

долженіе года, но не сдержалъ обѣщанія ([213]). Раймондъ VI искалъ помощи въ Аррагоніи, а между тѣмъ, національное движеніе обнаружилось въ Лангедокѣ. Санъ-Жилль, Нимъ, Бокэръ составили клятвенный союзъ. Монфоръ пошелъ на нихъ. Возстаніе вспыхнуло сильнѣе. . .

Только въ послѣдствіи явились результаты его. Умирающія силы воскресали; больной напрягъ свою послѣднюю мощь, поднялся, и устрашилъ врага своего. Муниципальный духъ Тулузы творитъ чудеса. Кличъ свободы и независимости пробѣжалъ послѣдній разъ по городамъ Юга. Съ 1216 года наступаетъ для альбигойцевъ и Лангедока нѣсколько счастливыхъ годовъ. Страшный Симонъ Монфоръ потерялъ жизнь при подавленіи возстанія, электрически охватившаго провансальцевъ ([214]). Преемники его бѣгутъ изъ Лангедока, передавая свои права коронѣ французской. Слабый графъ тулузскій борется съ сильными королями Франціи за независимость и, побѣжденный, покоряется. Правда, инквизиторы жгутъ и караютъ еретиковъ во Франціи еще цѣлое столѣтіе; правда, что еще и послѣ того, альбигойцы не исчезли въ Европѣ. Такъ, въ Босніи можно открыть катаровъ даже до XVI вѣка; только Исламъ съ турецкимъ владычествомъ сломили ихъ, на самомъ рубежѣ новой исторіи. Но, послѣ первой четверти XIII столѣтія, альбигойцы перестали быть національно-религіозною индивидуальностью, хотя въ Лангедокѣ война религіозная слабо продолжается и послѣ парижскаго мира (1229 года).

Этимъ миромъ тулузское государство отказалось отъ политической самостоятельности и само прокляло альбигойцевъ. Еще полстолѣтія, до смерти графа Альфонса Валуа (1271 г.), оно имѣетъ признакъ отдѣльности. Въ 1361 г. исчезнетъ и самый титулъ тулузскихъ графовъ. Политикой Людовиковъ VIII и IX, Филипповъ III и IV,—Югъ слился съ Сѣверомъ древней Галліи.

Исторія этихъ событій,—т. е. внезапное возобновленіе альбигойско-провансальской оппозиціи и войны съ Франціей за свободу, паденіе независимости Лангедока, судьбы гонимыхъ инквизиціей еретиковъ альбигойскихъ въ разныхъ странахъ Европы, вмѣстѣ съ вліяніемъ и историческимъ значеніемъ альбигойскихъ сектъ,—составитъ содержаніе втораго тома этого сочиненія.

([213]) P. Cern. c. 84.

([214]) P. Cern. c. 85—86. — Guil. de Pod. Laur. c. 30—35.

Первый томъ имѣлъ дѣло съ альбигойцами, какъ съ особой Церковью, боровшеюся противъ Церкви Римской. Въ годъ смерти Иннокентія III такая борьба оканчивается.

Но, не уклоняясь впередъ, можно и на этомъ рубежѣ подмѣтить вліяніе Альбигойцевъ и крестоваго противъ нихъ похода. Не надо было обладать особой политической дальнозоркостью, чтобы убѣдиться въ необходимости перехода отъ господства Монфора къ господству короля французскаго. Мы уже изслѣдовали значеніе и вліяніе памьерскихъ постановленій. Внесенные крестоносцами, они возвѣстили новые французскіе порядки. Крестоносцы были въ большинствѣ французы и, потому, французы, прибывшіе послѣ съ королемъ, были отожествлены съ воинами Монфора. Между южанами они вселили къ себѣ ненависть, доходившую до отвращенія; подчиненіе еще болѣе усилило это чувство. Трубадуры срывали свою ненависть злыми стихами. Провансальцы не произносили имени француза безъ прибавки къ нему какого-либо оскорбительнаго эпитета въ родѣ пьяницы, лгуна, коварнаго и т. п. Мѣстные поэты молили небо, чтобы Раймондъ VII съ помощію короля аррагонскаго отвоевалъ Тулузу и сдѣлалъ себѣ мостъ изъ труповъ французовъ ([215]). При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, подготовляются походы короля французскаго, имѣвшіе цѣлью полное покореніе Юга и уничтоженіе его индивидуальности. Они были предприняты какъ разъ въ то время, когда, послѣ смерти Иннокентія III и Симона Монфора, оружіе крестоносцевъ оказалось безсильнымъ, и когда сами побѣдители, по неволѣ, должны были подарить свою военную добычу.

Но, кромѣ политическихъ слѣдствій, начинаетъ проясняться и духовное вліяніе, оказанное Альбигойцами. Мы не можемъ теперь изслѣдовать этого вопроса въ такой степени, въ какой требуетъ его всемірная важность. Такое изслѣдованіе было-бы теперь неумѣстно; оно войдетъ въ слѣдующій томъ. Теперь же, мы должны только намѣтить,—по-

([215]) Cans. и Raynouard; IV, 314.

ставить этотъ вопросъ. Заявленіе самостоятельности въ дѣлахъ вѣры неразлучно съ расширеніемъ простора этой самостоятельности. Право, заявленное въ такой запретной области мышленія, какъ религіозная, и притомъ высказанное дорогою цѣною уничтоженія національности даровитаго народа, — не могло не подвигнуть дальнѣйшихъ попытокъ. Правда, такая смѣлость была жестоко наказана; за нее цѣлая нація поплатилась своимъ политическимъ существованіемъ, цѣлая нація потеряла самое дорогое на свѣтѣ—независимость. Но месть, если была обезсилена, то не была подавлена; она скрылась въ лучшихъ преданіяхъ этого народа. Свою ненависть къ Риму южные трубадуры разносятъ по всей Европѣ. Имъ запрещено было пѣть и они эмигрируютъ, куда могутъ. Мы слышали, какъ одинъ поэтъ, подъ вліяніемъ такого раздраженія, провозгласилъ, что вселенная досталась въ руки «духовнымъ, людямъ, которые готовы служить діяволу». Ненависть къ духовенству, чередующаяся съ презрѣніемъ, вскорѣ не ограничивается предѣлами Лангедока Въ крестовой войнѣ, католическое духовенство, начиная съ легатовъ, смѣнившихъ пострадавшаго де-Кастельно, показало себя съ самой дурной стороны. Какъ будто въ противовѣсъ выдавались симпатичныя свойства альбигойскихъ духовныхъ. Духовныя лица, обагрявшія себя кровью, — и для католика не могли казаться достойными своего назначенія тѣмъ болѣе, что тогда же, на четвертомъ латеранскомъ соборѣ, Иннокентій, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, запретилъ духовенству участвовать не только въ кровопролитіи, но и подносить руку къ смертному приговору. Отъ ненависти къ духовенству недалеко было до подозрѣнія къ догмѣ, служить которой оно было призвано. Умъ, права свободной мысли теперь протестуютъ противъ клерикальнаго гнета. Развитіе скептицизма будетъ, слѣдовательно, непремѣннымъ слѣдствіемъ холоднаго отношенія къ вѣрѣ. Уже со второй половины XIII столѣтія такое явленіе дѣлается довольно частымъ. Въ то-же время идея папскаго всевластія, еще прежде затемнившая себя, а послѣ окончательно опозорившая свѣтскими претензіями и мірскимъ честолюбіемъ, часто мелочнымъ,— ниспадаетъ съ своей высоты. Такое паденіе въ сущности начинается съ кончины Иннокентія III, но въ силу инерціи, данной этимъ человѣкомъ, папство продолжаетъ пользоваться своимъ историческимъ правомъ до половины XIII столѣтія. Судьбы

папства связаны съ поступками легатовъ Прованса и крестоносцевъ Монфора. Разгадку событій, совершившихся съ Бонифаціемъ VIII въ замкѣ Ананьи, надо искать въ погромѣ Безьера и кострахъ Лавора. Папское могущество такъ ужасно разбилось въ XIV столѣтіи потому, что не поддерживалось болѣе общественнымъ мнѣніемъ, которое послѣ альбигойцевъ было противъ него. Въ интересахъ религіозной мысли, катары XII и XIII вѣка были вѣроисповѣданія мало прогрессирующаго, но тѣмъ важнѣе было ихъ косвенное вліяніе на духъ Реформаціи. Они открыли путь исповѣданіямъ протестантизма своими страданіями. Мученичество заразительно и обаятельно, — а кто больше альбигойцевъ пострадалъ за вѣру? Альбигойцы—катары погибли и потеряли связь съ дальнѣйшей исторіей протестантизма, но тѣмъ бо́льшую вѣру въ самихъ себя, тѣмъ бо́льшее подвижничество къ страданіямъ, они внушили вальдензамъ, съ которыми жили одной судьбой и съ которыми были связаны узами общей родины. Изгнанные изъ родныхъ селъ и городовъ, лишенные отечества, эти младшіе сверстники альбигойцевъ сохранили свои религіозныя убѣжденія для будущаго, тяжело выстрадавъ за нихъ въ долинахъ Піемонта, которыя послѣ были прозваны юдолью печали и слезъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ПОСОБІЙ.

Предметомъ этого обзора будетъ критическое изученіе источниковъ указаніе и пособій, послужившихъ къ составленію перваго тома предлагаемаго сочиненія. Нельзя сказать, чтобы источниковъ къ ознакомленію съ альбигойскими вѣроученіями, крестовыми походами на Лангедокъ, а тѣмъ болѣе съ современною имъ эпохою,—было недостаточно; каждая сторона нашего изслѣдованія имѣетъ для себя собственный запасъ источниковъ. Съ большею основательностью такой упрекъ можно отнести къ пособіямъ; весь имѣющійся по нашему предмету матеріалъ не былъ исчерпанъ вполнѣ. Такъ, съ очень достаточной подробностью изображены источниками крестовые походы на альбигойцевъ. И тѣмъ болѣе историкъ долженъ воспользоваться имѣющимся по этому вопросу матеріаломъ, что характеръ его двоякій, такъ какъ эти источники исходятъ изъ враждебныхъ между собою лагерей. Основныхъ, притомъ непосредственныхъ, источниковъ для альбигойскихъ крестовыхъ походовъ при Иннокентіи III и далѣе до 1218 года, имѣется два, изъ которыхъ одинъ противоположенъ другому по направленію, содержанію, характеру и изложенію. Одинъ принадлежитъ перу фанатическаго монаха и написанъ по-латыни въ тонѣ апологіи Монфора, другой въ формѣ поэмы, принадлежитъ трубадурамъ, питавшимъ теплое сочувствіе къ несчастіямъ Прованса. Такая случайность особенно драгоцѣнна для науки, когда самый вопросъ борьбы—такого свойства, что не можетъ не быть извращеннымъ личными чувствами лѣтописцевъ. Подсудимые той и другой стороны представляютъ своихъ адвокатовъ передъ историческимъ трибуналомъ. Относительно непосредственно историческаго достоинства, предпочтеніе надо отдать католической лѣтописи. Petrus Sarnensis seu monachus coenobii Vallium Cernaii (Pierre de Vaux-Cernay) былъ участникомъ крестовыхъ альбигойскихъ походовъ, которые описалъ въ 86 главахъ, подъ заглавіемъ: Historia Albigensium et sacri belli in eos anno 1209 suscepti duce et principe Simone de-Monteforti — отъ легатства

Петра де-Кастельно до смерти Монфора (1203—1218 г.) (*).—Главный герой его — Монфоръ, смертью котораго (1218 г.) кончается лѣтопись; около этой личности сосредоточивается весь интересъ изложенія. Петръ сопутствовалъ въ походѣ своему дядѣ Гюи, аббату цистерціанскаго монастыря Во-Серне (въ діоцезѣ парижскомъ). Аббатъ Гюи былъ однимъ изъ главныхъ агитаторовъ крестовой идеи; онъ участвовалъ также въ походѣ 1204 г. на Царьградъ (P. Cern. c. 20). Въ альбигойскомъ завоеваніи Гюи получилъ долю: въ 1212 г. онъ былъ избранъ въ епископы Каркассоны (P. Cern. c. 60); Гюи исправлялъ также обязанности легата и не безъ успѣха участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ, какъ напр. при отнятіи Кассенейля (ad expugnationem et captionem castri instantissime atque efficacissime laborabat, c. 79). При немъ-то, всегда неотлучно находился и цистерціанецъ Петръ (c. 62, 63, 78), имѣвшій возможность обстоятельно изложить походы крестоносцевъ; объ этомъ онъ упоминаетъ очень часто, отмѣчая съ точностью: видѣлъ-ли онъ (напр. c. 20—о лаворскомъ соборѣ, c. 43, 60, 63, 65, 72), или слышалъ описываемый фактъ (c. 7, 37, 41, 45, 53, 64, 71). Въ прологѣ онъ справедливо опредѣляетъ фактическую достовѣрность своего труда: nihil unquam apposuerim, nisi quod viderim oculis meis vel audierim a magnae auctoritatis personis et plenissima fide dignis. Изъ посвященія его труда Иннокентію III, можно заключить, что Петръ началъ составленіе своей лѣтописи еще при жизни этого папы; можетъ быть онъ велъ ее въ формѣ дневника, по крайней мѣрѣ съ 1212 года, съ котораго изложеніе значительно расширяется. Странно, что на это обстоятельство изслѣдователи не обращали вниманія. Хотя авторъ и обѣщаетъ писать просто,

*) Два манускрипта in 4. въ библіотекахъ Реймса и Сенъ-Омера.—Лѣтопись Петра Сернейскаго впервые появилась въ свѣтъ во французскомъ переводѣ, въ 1568 году. Латинскій оригиналъ ея былъ изданъ только въ 1615 г.: Hist. Albigensium etc.... Simone a Monte-Forti, dein Tolosano comite, rebus strenue gestis, auctore clarissimo Petro coenobii Vallis — Sarnensis ord. Cisterciensis monacho, cruceatae hujus militiae teste oculato. Это изданіе было сдѣлано въ Труа in 8. городскимъ каноникомъ—*Nicolas Camusat.*—Второе—*N. Rouset.* въ 1617 г. съ франц. переводомъ въ Труа 2 v. in 8.—Третье—*Du-Chesne* въ 1649 г. въ «Historiae Francorum scriptores coaetanei; V, 554—665.—Четвертое—*B. Tissier* въ 1669 г. въ Bibl. Cisterc. VII, 1—72.—Пятое—у *Bouquet*—Recueil des historiens des Gaules et de la France; XIX, 1—113.—Шестое — *Migne* 1855 г. въ Patrologiae cursus completus; CCXIII, 543—712.—Кромѣ двухъ послѣднихъ изданій, тексты неудовлетворительны. Мы цитируемъ по изданію Минья.

изслѣдуя одну истину (non studuerim superfluis verbis ornare codicem, sed simplicem exprimere simpliciter veritatem, prf.), тѣмъ не менѣе его лѣтопись можетъ послужить образцемъ пристрастія и раздраженія, воплощеніемъ тѣхъ свойствъ, которыя не должны быть въ сочиненіи историческаго рода. Католическій фанатизмъ автора доходитъ до какого-то самозабвенія Со стороны католика и монаха понятно находить, что крестоносцы освободили Провансъ отъ пасти львиной и когтей звѣриныхъ (de ore leonum misericorditer eripuit, de bestiarum manibus liberavit, prf.); апологету Монфора можетъ быть позволительно находить героя похода — великимъ образцемъ человѣческихъ достоинствъ, не только атлетомъ вѣры, но и героемъ добродѣтели (c. 18), своеобразно понятой. Съ оригинальной точки зрѣнія автора, рѣзня, совершенная крестоносцами въ Лангедокѣ, можетъ представляться святѣйшею войною (sanctissimam guerram, c. 20); подвигъ Монфора, какъ думаетъ его лѣтописецъ, уравниваетъ его въ мученичествѣ со Христомъ, также пораженнымъ пятью ранами, и «въ сообществѣ съ которымъ этотъ храбрѣйшій воитель, этотъ славнѣйшій мученикъ, счастливо, по мнѣнію автора, сприсутствуетъ въ жизни вѣчной» (c. 86). Но увлеченіе и религіозное раздраженіе Петра идетъ далѣе: онъ, во имя вѣры, гласно признаетъ всякое злодѣяніе, всякій обманъ. Разсказавъ, какъ легатъ искусно обманулъ альбигойцевъ, онъ (c. 78), въ дикомъ восторгѣ восклицаетъ: O legati fraus pia, o pietas fraudulentia. Для него эта fraus pia имѣетъ особую прелесть, и доставляетъ ему такое же наслажденіе, какъ костры еретиковъ которыхъ вездѣ «пилигримы сжигаютъ съ превеликою радостію». Разсказами о чудотвореніяхъ, нарочно для крестоносцевъ совершаемыхъ небомъ, изобилуетъ лѣтопись сернейскаго монаха. Ему кажется чудомъ даже такое обстоятельство, что камни, пролетая мимо, не убиваютъ его любимаго героя, какъ случилось, напримѣръ, при осадѣ замка Терма (c. 42) Видѣнія, чудеса отъ мощей записываются даже и тогда, когда они не имѣютъ отношенія къ предмету изложенія (c 38). Шапка крестоносца можетъ горѣть, но авторъ былъ свидѣтелемъ, что то мѣсто ея, на которомъ умѣщается крестъ, недоступно для огня (. 53). Авторъ лѣтописи слышалъ также отъ очевидцевъ—что надъ трупами мучениковъ-крестоносцевъ столбомъ стоитъ пламя, среди котораго отражаются ихъ просвѣтленные лики (c. 53). Съ неба раздаются голоса, увѣряющіе что Монфоръ будетъ принятъ на лоно праведниковъ, и это такъ вѣрно, что молитвы за него даже

излишни (с. 57). Авторъ вѣритъ въ историческое возмездіе (с. 16, 30, 61), и сердечно восхищается, когда небо отмщаетъ кровь католическую Тогда у него вызывается изъ глубины сердца, непритворное чувство радости: O justum judicium, o aequa divinae dispensationis mensura (с. 30). Въ случаѣ неисполненія ожиданій.—что случается очень часто,—Петръ кончаетъ объясненія бранью, въ подборѣ которой авторъ неистощимъ (нпр. с. 46, 56): hominem apostasiae principem, crudelitatis artificem, perversitatis actorem! o hominem malignorum participem, o perversorum consortem, o hominem opprobrium hominum, o virtutis ignorum, o hominem diabolicum, imo totum diabolum. Въ такихъ случаяхъ авторъ не избѣгаетъ и игры словъ (o virum, imo virus pessimum,—говоритъ онъ про измѣнника Савари де-Молеона). Все это не мѣшаетъ католическому историку полагать, что альбигойцы боятся больше пѣнія священниковъ, чѣмъ оружія крестоносцевъ (с. 52). Реторическими фигурами переполнена лѣтопись Петра; примѣромъ того каждая глава. Но, необходимо замѣтить, что авторъ прибѣгаетъ къ реторикѣ и напыщенности только при заявленіи своихъ чувствъ и заключеній по поводу разсказаннаго событія. Самый же фактъ онъ означаетъ съ полною обстоятельностью и достаточной простотой Онъ не считаетъ нужнымъ передавать факты изъ дня въ день, позволяетъ себѣ нѣкоторыя отступленія, поясненія,—чѣмъ значительно облегчаетъ чтеніе своей лѣтописи, про которую нельзя отозваться вмѣстѣ съ Vaissete, слишкомъ строго заключившимъ про Петра, что: il est difficile d'en soutenir patiemment la lecture» (V, av. 6). Взглядъ Гизо, потому, гораздо справедливѣе: «Il en est peu de plus partiales que la sienne et que doivent être lues avec plus de méfiance; mais aucune peut-être n'est plus interressante, plus vive, et ne fait mieux connaître le caractère du temps, des événemens et du parti de l'historien» (Coll. XIV, not. 9). Дѣйствительно; пріемы изложенія сернейскаго пилигрима при описаніи сраженій, осадъ и т. п. заслуживаютъ наилучшаго отзыва. Такимъ образомъ, выдѣливъ личныя воззрѣнія автора, его сужденія, навѣянныя цистерціанской средой и фанатическимъ характеромъ, можно придти къ заключенію, что сочиненіе Петра Сернейскаго составляетъ не только единственный въ своемъ родѣ, но и точнѣйшій памятникъ для ознакомленія съ альбигойскими войнами втораго десятилѣтія XIII вѣка (*). Самый фанатизмъ автора, его

*) О франц. переводахъ лѣтопи и Петра, см. Hist. littéraire de la France (XVII, 251; замѣтка *D. Petit-Radel*) и *Lelong* (Bibl. hist. de la

сердечная ненависть къ альбигойцамъ, этотъ апологетическій тонъ, доходящій иногда до забвенія обыкновенныхъ понятій,—все это служитъ не безъ пользы для изслѣдованія истины. Если, вслѣдствіе такого характера своей лѣтописи, Петръ скрываетъ или извращаетъ все благопріятное для Раймонда тулузскаго и его партіи, то онъ же обнажаетъ всѣ нечестныя продѣлки легатовъ и мѣстнаго католическаго духовенства, простодушно думая послужить тѣмъ интересамъ Церкви. Собравъ все что можетъ компрометировать альбигойцевъ и лангедокскихъ феодаловъ, онъ же, самъ того не замѣчая, въ порывѣ религіознаго экстаза, записалъ все, что опозорило Монфора, легатовъ и крестоносцевъ.

Имѣя за себя такого апологета, Монфоръ могъ бы быть освѣщенъ совсѣмъ инымъ свѣтомъ, если бы неизвѣстные трубадуры не оставили памятника, излагающаго тѣ же событія съ провансальской патріотической точки. Это обширная стихотворная хроника въ манускриптѣ названа (Вотъ поэма и т. д.): Aiso es la cansos de la crozada contr els ereges dalbeges (*). Она содержитъ въ себѣ 9578 стиховъ (сгруппирован-

France, № 5745; I, 376). были изданы три перевода: I) *A. Sorbin de sainte—Foy*. Hist. des Albig. et gestes de noble Simon de Montfort. P. 1568. Chaudière, in 8. Повторено въ слѣд. году и подъ новымъ заглавіемъ: Hist. de la ligue sainte, faite il y a 380 ans, à la conduite de Simon de Mont-Fort. contre les hérétiques Albigeois... écrit environ l'an 1198 (?) et mis en notre langue française l'an 1569 par Arnauld *Sorbin* évêque de Nevers. P. Chaudière, 1585 in 8. Успѣхъ изданія объясняется тѣмъ, что переводъ былъ предпринятъ для возбужденія современныхъ католическихъ страстей въ эпоху реформаціонной борьбы и посвященъ Генриху Валуа и герцогу Анжуйскому. II) Съ лат. подл. въ Труа въ 1617 г.—III) *Guizot*. Coll. des mémoires relatifs a l'hist. de France, 1824; t. XIV, — образцовая работа съ сохраненіемъ колорита и особенностей оригинала.—Прочіе переводы хранятся въ манускриптахъ, какъ *G. Pellicier*, епископа монпельерскаго, сдѣл. еще въ 1565 году—въ библ. Sainte—Geneviéve; другой,—въ парижской Bibl. impér., начинается съ 6 главы текста. *Dom Martène* (Voyage littér. II, 108) упоминаетъ о неполномъ манускриптѣ аббатства Quincy лангрской епархіи. — *Lelong* говоритъ (Bibl. hist. I, 376) о комментаріяхъ къ Петру: Franc. Roaldi, in Petri Vallium—Sarnaii de bello Albigensium historiam, commentariorum libri duo, in f.

*) Манускриптъ этой поэмы въ Парижѣ, въ Bibliothèque impériale; № 91. онъ написанъ во второй половинѣ XIII столѣтія. Отрывки поэмы были помѣщены въ Lexique Romain Ренуара (t. I). Первое и образцовое во всѣхъ отношеніяхъ изданіе ея сдѣлалъ *Fauriel* для Collection de Documents inédits (P. 1837, и отдѣльно въ 1852) съ французскимъ прозаическимъ переводомъ, которымъ мы пользовались. Это же предисловіе вошло въ третій томъ его *Hist. de la poésie prov.* Въ 1868 г. вышелъ франц. вольный переводъ въ стихахъ, занявшихъ 20 лѣтъ труда переводчика: *Mary-Lafon*. La croisade contre les Albigeois, épopée nationale. Par. in 8.

ныхъ послѣ въ 214 главъ) и при всемъ объемѣ своемъ неокончена; изложеніе прекращается 16 іюнемъ 1219 года, прерываясь на самомъ интересномъ мѣстѣ, на приготовленіяхъ къ отраженію французской осады, породившихъ то патріотическое движеніе, то сознаніе южной особности, которое составляетъ основный тонъ, живую струю всей поэмы. Изложеніе съ обычными пріемами эпопеи всегда особенно подробно и драматично. Время отъ 12 сент. 1213 г. до апрѣля 1215 г. пропущено, — признакъ составности поэмы. Изслѣдованіе сдѣлалъ Fauriel,—хотя послѣднее время Schmidt (H. des Cathares; II, 298—303), Du Mége (въ Add. et notes de l'hist. de Vaissete) и Mary-Lafon (пред къ стих. переводу) нѣсколько поколебали непреложность доводовъ знаменитаго филолога, доводовъ, поддержанныхъ Вильменомъ и Гибалемъ. Мы, ко всѣмъ упомянутымъ изслѣдованіямъ, имѣемъ отъ себя сдѣлать только нѣсколько замѣчаній. Опроверженія Шмидта (II, 301—302) доводовъ Форіеля относительно трубадура Вильгельма de-Tudèle, какъ автора поэмы, мало основательны. Возраженія Шмидта опираются только на текстъ первой части (кромѣ v. 7133), не задѣвая вторую, которую изслѣдователь a priori и совершенно некритически приписываетъ тому-же Вильгельму. Но и Форіель натянуто объясняетъ раздвоенность поэмы (p. 158). Что Вильгельмъ не могъ быть авторомъ всей поэмы,—это явствуетъ уже изъ текста, гдѣ (v. 20) говорится, что Вильгельмъ сочинилъ книгу отъ начала ея до конца, тогда какъ она совершенно неокончена. Наконецъ, ранѣе чѣмъ на половинѣ поэмы измѣняется ея характеръ; во второй части она становится радикальнѣе и рѣшительнѣе въ порывахъ патріотическаго чувства автора. Что авторомъ первой части не могъ быть упомянутый Вильгельмъ, некромантъ и геомантъ (v. 8).—доказано Форіелемъ, въ опроверженіе Ренуара. Кто бы ни былъ этотъ авторъ первой части, онъ достаточно сочувствуетъ крестовому дѣлу. Можно думать даже, что онъ былъ не чистый провансалецъ, хотя онъ могъ писать ее въ Монтобанѣ, въ маѣ 1210 г. (v. 205). Это выдаетъ языкъ его стиховъ. Филологическое изслѣдованіе предмета открываетъ въ этихъ стихахъ много французскаго и потому мысль Форіеля, упустившаго изъ вида такое обстоятельство, теперь не можетъ имѣть права господства. Такъ въ главѣ CXVII цѣлый рядъ французскихъ риѳмъ изъ infinitif: *durer*, *escaper*, *vendemier*, *denier*, *conter*, *tuer*, *trier*, *blasmer*. Подобнымъ же образомъ составленъ C куплетъ изъ part. passè: *fu*, *vertu*, *venu*, *vencu*, *perdu*, *retenu*, *cofondu*, *issu*, *descu*, *defendu*. Слова въ CXXIX: *pris*,

rocis, *mis*, *amis*, *pris*, *ris*. Далѣе, франц. 3 pers. de passé-défini: *fermerent* (v. 2187), *desrauberent* (v. 2191), *escrierent* (v, 2192); франц. формы и слова: *dresser* (v. 1172), *cuir* (v. 1790, вмѣсто cuer), *levera* (v. 2093, вмѣсто levara). Если послѣднія формы и еще нѣкоторыя другія (замѣтимъ—по возможности исправленныя Форіелемъ въ его изданіи), можно бы было перетолковать въ пользу провансализма, то въ устахъ южнаго трубадура менѣе всего понятны слова: *nostri baro frances* (v. 2192), *nostra gens de Fransa* (v. 2253), наши крестоносцы (*nostro Crozea*, v. 2466). Слишкомъ наивно было бы думать вмѣстѣ съ Форіелемъ, что это происходило изъ симпатіи пѣвца къ дѣлу завоевателей (chacune est un manifestation de sa sympathie pour eux, p. 56), такъ какъ-де, въ то время авторъ не видѣлъ еще прямой цѣли нашествія крестоносцевъ, а дышалъ вмѣстѣ съ ними католическою ненавистью къ еретикамъ. Знаменитый филологъ забываетъ, что тогда уже совершились страшныя злодѣянія Монфора и французскихъ крестоносцевъ, что Безьеръ лежалъ въ развалинахъ, что пепелъ альбигойцевъ смѣшался съ костями тѣхъ патріотовъ, которые боролись за дѣло графа де-Фуа, что послѣ поэма прославляетъ не только Раймонда, де-Фуа и другихъ гонимыхъ феодаловъ Юга, соболѣзнуя о нихъ съ искреннимъ патріотическимъ чувствомъ и что, наконецъ, авторъ второй части былъ лично обязанъ сыну того самаго графа де-Фуа (Rotgiers Bernatz quem daura e esclarzis, v. 7133). Потому, изъ приведенныхъ примѣровъ, мы рѣшаемся заключить, что первая часть написана въ сѣверныхъ предѣлахъ провансальской рѣчи, что она создана подъ воздѣйствіемъ труверовъ. Лицо духовное, какъ думаетъ Лафонъ (p. 31), не могло быть авторомъ ея, потому что въ то время оно сказалось бы иначе. Изъ того, что французское вліяніе проявляется кусками, можно вывести, что и эта самая часть состоитъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ. Разсказъ о подвигахъ Гильома д'Энконтра, которымъ отдѣляется первая часть, явно вставочный; въ немъ много сѣверныхъ галлицизмовъ и нѣтъ прежней силы изложенія. Историкъ катаровъ, самъ противъ себя, приводитъ свидѣтельства изъ поэмы въ пользу ея составности. Составитель первой части пользовался противорѣчивыми источниками, что не ладитъ съ пріемами тогдашнихъ трубадуровъ и ровностью ихъ гражданскаго и личнаго чувства. Такъ, источниками послужили: поэмы же (v. 185, 974, 1579), книги (v. 1445, 1619), дѣянія (566, 806), поэтъ донъ-Изарнъ пріоръ изъ Мюрэ (v. 1887), какой-то большой другъ автора, магистръ Николай, очевидецъ

(v. 2157), Понсъ-де Мела (v. 112), наконецъ, одно должностное лицо изъ крестоноснаго лагеря (v. 2525—27, lo comte Baudois... aisi com o contet sos bailes el prebost). При такомъ воззрѣніи на составность поэмы объясняется и упомянутый полуторогодовой пропускъ въ довольно обстоятельномъ разсказѣ событій, который долженъ былъ войти во вторую часть. Трубадуровъ занимали болѣе всего рыцарскіе подвиги, блескъ и шумъ сраженій вмѣстѣ съ изліяніями личнаго чувства. Поэма блистательными красками изображаетъ битву подъ Мюрэ и съ этого описанія чувствуется вліяніе новой сферы, присутствіе новаго смѣлаго духа. Чѣмъ далѣе, тѣмъ сужденія автора или лучше авторовъ,—становятся смѣлѣе, ближе, понятнѣе намъ, отдаленнымъ отъ той великой драмы почти семью вѣками исторіи. Начинается вторая часть поэмы.

По объему, она почти вдвое обширнѣе первой. По внутреннему содержанію, она, въ свою очередь, распадается на двѣ части. Въ одной преобладаютъ интересы феодализма, въ другой—тулузской общины (См. разборъ изданія Лафона въ Revue des deux mondes, 1868, t. LXXVIII). Начало второй части очевидно должно быть на 130 куплетѣ поэмы (на p. 196 по изданію Форіеля), тамъ, гдѣ похвалы крестоносцу Гильому д'Энконтру, «храбрѣе и лучше котораго никого не было между бургундцами»,—внезапно смѣняются разсказомъ о симпатичной автору личности донъ-Педро аррагонскаго. Стихъ 2739,— «но я обращаюсь къ прерванному повѣтствованію» (a ma razo men torni que nos laise de la),—можетъ служить связкой составителя или компилятора также какъ и дальн. безсвязные стихи до 2746. Черезъ нѣсколько стиховъ, въ томъ же куплетѣ читаемъ: «И мы, если проживемъ, увидимъ—кто побѣдитъ и запишемъ въ этой исторіи все, чему будемъ свидѣтелями (que nos membrara) и также все, что придетъ на память, постепенно, какъ дѣло будетъ продолжаться, и пока война окончится» (v. 2746—50). Изъ этихъ строкъ можно вывести два заключенія: 1) авторъ прямо заявляетъ, что этимъ начинается его работа и 2) авторъ записывалъ событія на походѣ, тогда же, съ легкостью импровизаціи трубадура, перекладывая записанное въ стихи. Дѣйствительно, весь литературный талантъ автора долгое время сосредоточивается на живописномъ изображеніи военныхъ сценъ, въ которыхъ онъ всегда заявляетъ свои лангедокскія и можетъ быть альбигойскія симпатіи. Это говоритъ другъ южныхъ галантныхъ бароновъ. Вдругъ, мѣсто дѣйствій внезапно измѣняется для поэта (съ 147 главы).

Рыцарь феодалъ превращается въ буржуа и съ точностью фотографа изображаетъ внутреннее положеніе города Тулузы въ періодъ 1216 — 19 г. Онъ говоритъ про родной городъ не только со стороны военной, но и по отношенію его внутренней жизни. Смерть Монфора не вызываетъ лично со стороны поэта никакихъ лирическихъ изліяній: «камень упалъ на его шлемъ и ударилъ такъ сильно, что глаза, мозгъ выскочили, а черепъ, лобъ и челюсть разбились въ куски; графъ упалъ на землю мертвый, окровавленный и почернѣлый» (v. 8451—55). Крестоносцы оплакиваютъ его, а тулузцы радуются; обѣ стороны высказываютъ свои чувства короткими фразами; «графъ былъ нечестивецъ и убійца, потому и умеръ безъ покаянія, пораженный камнемъ» (v. 8476); его смерть была счастливой случайностью, изъ мрака содѣлавшей свѣтъ (v. 8493),—вотъ взглядъ пѣвца Тулузы на вождя крестоносцевъ. Эта послѣдняя часть поэмы и дала основаніе заключать, что героемъ эпопеи было не одно лицо, не Монфоръ, не Раймондъ, а весь народъ Юга, герой собирательный. Благородныя усилія этого народа, говоритъ Гибаль, свергнуть чужеземное иго, воспѣты и прославлены поэтомъ; это тотъ народъ, который, сперва подавленный многочисленностью, въ послѣдствіи развернулся, чтобы отвоевать свою свободу и независимость, выказавъ при этомъ энергію достойную удивленія. Народный эпосъ требуетъ безхитростнаго разсказа и вѣрной копировки; тѣмъ и другимъ свойствомъ обладаютъ въ достаточной степени авторы разбираемой поэмы, а особенно тотъ изъ нихъ, на долю котораго выпало воспѣть борьбу гражданъ тулузскихъ съ Монфоромъ и принцемъ Луи за свободу роднаго города. Литературныя достоинства сводной провансальской поэмы положительно высоки. Они дѣлаютъ ее важнѣйшимъ памятникомъ средневѣковой романской литературы вообще и, въ своемъ родѣ, т. е. въ группѣ стихотворныхъ историческихъ хроникъ, первымъ. Это, основательно замѣчаютъ южане,—antique et noble joyau de la couronne de nos pères (Lafon, intr. 41).—Особенно выигрываетъ этотъ памятникъ черезъ сравненіе съ другими подобными произведеніями. Такъ, французская литература имѣетъ стихотворную хронику Кювелье о Бертранѣ дю-Гекленѣ (изд. Шарьеромъ въ 1839 г. въ тѣхъ же Docum. de Guizot) не безъ замѣчательныхъ достоинствъ; но эта хроника теряетъ всю силу свою при сопоставленіи съ провансальской, какъ со стороны исторической, такъ и художественной. Искусство *одного* автора естественно притупляется при обширности предмета; однообразіе картинъ

лишаетъ поэму его жизни и интереса; наконецъ, она часто становится утомительною;—художественныя силы *автора* истощаются. Тѣмъ бóльшее удивленіе возбуждаетъ искусство авторовъ провансальской поэмы облечь въ форму драмы и живаго интереса вѣрный историческій разсказъ и рядъ историческихъ моментовъ критической поры существованія Лангедока. Вслѣдствіе самыхъ условій строя поэмы, она должна облекать въ образы историческіе факты, чувства дѣятелей всѣхъ сословій, положеній, партій, цѣлаго народа. Блестящей панорамой проходятъ передъ нами событія. Такъ какъ этимъ процессомъ творчества занимались очевидцы и участники событій, то позднѣйшему историку слѣдуетъ особенно дорожить источникомъ со свойствами, столь драгоцѣнными. Мы, потому, при всякомъ случаѣ обращались къ образамъ этой поэмы, соображая ихъ съ критикой предмета и прочихъ источниковъ. Тулузское дѣло на четвертомъ латеранскомъ соборѣ представлено нами согласно съ изложеніемъ его въ поэмѣ; по словамъ испанскаго критика, одно это мѣсто поэмы могло бы обезсмертить автора ея. «Если бы этотъ драгоцѣнный памятникъ, замѣчаетъ тотъ же критикъ, выдавался только живостью разсказа, возвышенностью мыслей и той суровой истиною, съ которою онъ судитъ людей и факты, то, не смотря на высоту свою въ глазахъ науки, онъ не перешелъ бы за предѣлы исторической хроники. Но никогда эпическая поэзія не блистала столь яркими красками»... (въ перев. у Lafon; 39). Такъ судитъ романская критика и мы нарочно привели это мѣсто, чтобы показать, съ какой точки зрѣнія глядятъ на этотъ памятникъ почти на мѣстѣ дѣйствій. Для южанъ, привыкшихъ во всякой наукѣ къ живости и драматичности разсказа, Cansos de la crozada представляется не поэтическимъ произведеніемъ, весьма пригоднымъ для исторіи, а, напротивъ, исторической хроникой, очень хорошо и поэтически написанной. Замѣтимъ, что если новую историческую критику не расположитъ къ себѣ самая форма разбираемаго памятника, и, если только потому, она отвергнетъ его—то это было бы большою ошибкою. Самая точная аналогія. самое тщательное сличеніе съ непосредственными лѣтописями не только поддерживаютъ ея историческій авторитетъ, но заставляютъ отдать ей преимущество передъ другими не за одну живость, но за болѣе вѣрное пониманіе дѣла и оцѣнку значенія совершавшихся событій. Синтетическій взглядъ—важное достоинство авторовъ ея. Между тѣмъ, при всѣхъ такихъ качествахъ, этотъ памятникъ провансальской литературы

оставался неизвѣстнымъ, въ продолженіи шести столѣтій:—«книги имѣютъ тоже свою судьбу», сказалъ по этому поводу Форіель на лекціяхъ въ Сорбоннѣ. Потому, лучшій историкъ альбигойскихъ крестовыхъ войнъ, бенедиктинецъ Вессэ, не могъ пользоваться текстомъ поэмы, отчего его работа потеряла много въ живости и интересѣ разсказа. Лишенный самого текста, онъ долженъ былъ довольствоваться прозаическимъ извлеченіемъ поэмы, которое долгое время считали за отдѣльное произведеніе. Это:

Chronique (cronica) provençale, написанная на нижне-провансальскомъ нарѣчіи, которымъ еще и теперь говорятъ въ окрестностяхъ Тулузы. Она безъ заглавія и французскіе издатели называютъ ее: Chronique romane sur la guerre des Albigeois. Долгое время знали только два манускрипта этой хроники, позднѣйшій въ Bibl. impér. № 9646 и ранній въ Карпентрасѣ; оба они XVI вѣка. Въ недавнее время du-Mége открылъ рукопись, письмо и даже языкъ которой древнѣе карпентрасской,—въ Тулузѣ, въ Bibliothèque de la ville; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ самъ du-Mége. Въ доказательство такого мнѣнія онъ приводитъ дѣленіе своего манускрипта по книгамъ и главамъ. Но не говоря про то, что это дѣленіе не всегда точное, оно-то и не служитъ додоказательствомъ ея l'avantage de l'antériorité. Достоинство ея скорѣе заключается въ полнотѣ двухъ мѣстъ, не находящихся въ прежнихъ манускриптахъ (существенное въ главѣ объ освобожденіи Тулузы отъ французовъ, стр. 145—150, по изд. Du-Mége въ приложеніи къ пятому тому Vaissete, Toul. 1842). Такъ какъ эта хроника есть ничто иное, какъ весьма удачное по отдѣлкѣ, хотя не полное въ фактическомъ отношеніи, прозаическое сокращеніе Cansos de la Crozada, то большая или меньшая полнота ея—дѣло условное и маловажное. Вессэ не зналъ основнаго источника своего «Anonyme», какъ онъ называетъ хронику, имъ впервые изданную при «Исторіи Лангедока» въ приложеніи къ третьему тому, въ 1737 году. При новомъ выходѣ знаменитаго труда бенедиктинцевъ, это изданіе повторено (въ томѣ пятомъ) и его мы цитируемъ въ нашемъ сочиненіи. Впослѣдствіи, она была издана въ XIX томѣ сборника Bouquet. Катель уже зналъ, высоко цѣнилъ ее и приводилъ изъ нея отрывки, называя автора: l'historien du comte de Toulouse. Вессэ такъ отзывается о ней: «il renferme plusieurs choses qu 'on ne trouve pas ailleurs, et qu'il paroit que cet Auteur, quoique posterieur, étoit bien informé, et qu'il a puisé dans de bonnes sources.» Составитель ея не былъ альбигойцемъ, такъ какъ еретиковъ онъ рѣз-

ко порицаетъ, вездѣ заявляя свою ортодоксальность. Онъ былъ южанинъ, но не былъ особенно привязанъ къ личностямъ своихъ государей; подвиги крестоносцевъ онъ разоблачаетъ, потому что пришлецы часто бывали кровожадны, но короля ихъ Филиппа II онъ называетъ Богомъ-даннымъ (Dieu-donnat rey de Fransa, p. 455). Событія излагаются у него въ предѣлахъ большой поэмы, т. е. отъ проповѣди де-Кастельно до 1219 года. Онъ снабжаетъ разсказъ введеніемъ о пользѣ исторіи, «которая служитъ поученіемъ для злыхъ и утѣшеніемъ для добрыхъ.» Свою работу, почти единственный источникъ которой составитель тщательно скрываетъ,—онъ предпринялъ для прославленія «величайшаго, славнѣйшаго и знаменитѣйшаго города Тулузы.» Вессэ основательно полагалъ, что хроника принадлежитъ не современнику и составлена не ранѣе XIV столѣтія. Онъ приводилъ для подтвержденія своей мысли три доказательства. Въ ней встрѣчается слово «Лангедокъ» въ смыслѣ географическаго термина, что вошло въ употребленіе только въ началѣ XIV вѣка; къ хроникѣ приложенъ парижскій трактатъ 1229 года, въ которомъ между прочимъ упоминается о великомъ магистрѣ госпиталитовъ на Родосѣ, который могъ быть тамъ только послѣ 1309 года; наконецъ, въ хроникѣ говорится про епископа Кастрской епархіи, открытой только въ 1317 году. Возраженія Гизо (сдѣлавшаго переводъ этой хроники въ XV томѣ мемуаровъ) противъ доводовъ Вессэ—были бы можетъ быть убѣдительны сами по себѣ, если бы въ послѣдствіи не обнаружилось, что составитель хроники не могъ быть современникомъ, потому что онъ сократилъ уже готовыя, лежавшія передъ нимъ сказанія очевидцевъ крестовыхъ походовъ. Потому-то въ его передѣлкѣ и есть тѣ свойства, которыми восхищался Гизо, незнавшій тогда о поэмѣ: le ton même de l'ouvrage, les détails qu'il contient et que l'auteur semble avoir vus en personne ou recueillis de témoins oculaires, enfin la vivacité de ses propres sentimens et la chaleur de son récit me portent à croire qu'il était contemporain, ou du moins très-rapproché des événemens qu'il raconte (Coll. des mém. notice; p. 9). Прибавимъ къ доводамъ Вессэ, что самый языкъ хроники, обильный сѣверными галлицизмами этимологическими и синтаксическими, обнаруживаетъ ея составленіе въ позднѣйшее время, когда, послѣ гоненій на провансальскую національность, мѣстный языкъ сталъ поддаваться вліянію языка побѣдителей. Это же торжество Франціи обнаружилось и въ общемъ направленіи письменности Прованса, въ уничтоженіи ея на-

ціональнаго характера, и замѣнѣ провансальскаго историческаго языка языкомъ латинскимъ. Это былъ губительный шагъ назадъ. Разцвѣтшую народную хронику, обѣщавшую состязаться съ знаменитыми испанскими и италіанскими образцами, смѣняетъ безжизненный латинскій разсказъ. Такому направленію подчинился Guilelmus de Podio Laurentii—Chronicon super historia negotii Francorum sive bellorum adversus Albigenses ab a. 1092—1271, seu historia Albigensium. Изд. съ древнѣйшаго манускрипта Пар. Библ. (№ 261) у Catel (Hist. des comtes de Tolose, 1623, p. 49, app.), у Duchesne (Scrp. rer. franc. V, 666 — 705) и послѣ у Bouquet, съ поправками собственныхъ именъ, по обыкновенію, разбросанно (XIX, 193—225, съ 1230 года XX, 764—776). Авторъ жилъ въ эпоху подавленія провансальской національности, и потому занимая обезпеченное мѣсто католическаго капеллана при несчастномъ и офранцуженномъ графѣ Раймондѣ VII, имѣлъ самое ничтожное понятіе о старыхъ гражданскихъ интересахъ страны. Онъ весь на сторонѣ французскаго правительства. Родомъ провансалецъ изъ города Пюи-Лоранъ, онъ жилъ среди такихъ историческихъ условій, что не могъ писать иначе, какъ съ французской точки зрѣнія. Онъ былъ современникомъ только послѣдняго періода борьбы Прованса съ Франціей за независимость и потому послужитъ намъ существеннѣйшимъ источникомъ уже только для втораго тома, когда мы будемъ анализировать его трудъ въ связи съ другими современными источниками. О крестовыхъ походахъ онъ пишетъ по воспоминаніямъ другихъ (с. 8, 9) и потому кратко, нефактично и довольно безсвязно. Такъ, напримѣръ, осады Терма, описанной у Петра сернейскаго гл. 40—42, у Вильгельма не разсказано. Привыкшій къ новымъ порядкамъ, онъ сохраняетъ въ себѣ на столько безпристрастія, чтобы видѣть въ ересяхъ альбигойскихъ наказаніе заслуженно постигшее католическое духовенство за развращенность, о которой онъ говоритъ въ первыхъ и 33 главѣ. На сколько онъ дорожитъ интересами и самостоятельностью своей родины, видно изъ его разсказа о паденіи послѣдняго графа де-Фуа. Это событіе было рѣшительнымъ сигналомъ уничтоженія свободы Лангедока и оно не только не вызываетъ у автора хотя бы капли сочувствія и сожалѣнія, а напротивъ необычную радость. «Король (Филиппъ III), разсказываетъ Вильгельмъ, дѣйствовалъ съ мудростью и предусмотрительностью, опасаясь, чтобы не стали презирать его, если онъ на первыхъ порахъ не выкажетъ смѣлости въ подавленіи возстанія. . Чтобы справедливый

судъ Божій могъ обнаружиться, грѣшникъ пойманъ на мѣстѣ преступленій своихъ» (с. 52). Желая придать нѣкоторый прагматизмъ своей «исторіи», написанной впрочемъ языкомъ довольно труднымъ, Вильгельмъ касается связи политическихъ событій исторіи Прованса съ событіями другихъ странъ, но въ этомъ случаѣ впадаетъ въ анахронизмы, ошибки въ мѣстностяхъ и хронологіи. Живописи нѣтъ въ изложеніи и вообще было бы слишкомъ диллетантски сказать вмѣстѣ съ Daunou (L'état des lettr. en Fr. 2?2), что его лѣтопись даетъ полное понятіе о Провансѣ XIII вѣка. Тѣмъ не менѣе, по непосредственной приложимости его труда къ предмету нашей работы, Вильгельмъ представляетъ значеніе многимъ превосходящее то, какое имѣютъ источники второй важности, лѣтописцы сѣверной Франціи, или вскользь или даже нѣсколько спеціально трактующіе о походахъ на Югъ.

Несравненно бо̀льшее значеніе чѣмъ такого рода источники, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько спустя,—должны имѣть государственные акты того времени. Registrum curiae Franciae, а также договоры мы имѣли въ Preuves de l'hist. de Lang. Веssэ—и на нихъ вездѣ указываемъ въ своемъ мѣстѣ. Но въ нашемъ распоряженіи былъ матеріалъ болѣе богатый. Такъ какъ та эпоха была временемъ господства надъ Западомъ папы Иннокентія III, то его буллы, распоряженія, письма пріобрѣтаютъ смыслъ существеннаго источника и для нашего предмета. Дѣйствительно, Registra Innocentii III,—были для насъ матеріаломъ драгоцѣннымъ. Эти письменные указы Иннокентія III имѣютъ значеніе неоспоримыхъ государственныхъ актовъ. Часть сокровищъ Ватикана, — письма папы и отвѣты получаемые отъ нихъ, пріобрѣтаютъ освѣщающій смыслъ для всей политической и государственной исторіи того времени. «Посланія» Иннокентія III,—

---

*) Форіель очень легко относится къ такому внутреннему противорѣчію поэмы: Ce serait expliquer par un hasard merveilleux un fait en lui-même très-naturel. Quoi de plus naturel, en effet, que d'attribuer un changement de sentiments et d'idées, tel que celui dont il s'agit ici, à l'inévitable impression que devait produire, à la longue, sur une ame généreuse, le spectacle des violences de la Croisade? Pour ne pas se lasser de pareilles violences, il ne fallait riens de moins peut-être que la funeste énergie ou le triste besoin de les faire (Intr. de poéme, p. 50). За-то вѣрнѣе мотивировано у Форіеля второе объясненіе, отвергнутое имъ вслѣдствіе соображеній, мало уважительныхъ. Гораздо лучше бы было сознаться—что главной причиной было нежеланіе разсѣять призракъ какого-то неизвѣстнаго, но великаго поэта, одно подобное произведеніе котораго можетъ служить украшеніемъ богатѣйшихъ литературъ.

это дипломатическія и вообще архивныя бумаги нашего времени. Всѣ дипломатическія сношенія изложены нами по этимъ документамъ, количество коихъ возбуждаетъ удивленіе къ неутомимой дѣятельности папы. Конечно, многіе изъ нихъ составлялись въ его канцеляріи. Они распредѣлены по годамъ его папствованія (1198 — 1216), по книгѣ на каждый годъ; такимъ образомъ всѣхъ книгъ должно-бы быть 19, между тѣмъ мы имѣемъ только 16. Слишкомъ неровное количество документовъ въ каждой книгѣ, даже въ послѣднихъ изданіяхъ (въ первой напр. 583, въ иныхъ нѣтъ и 100), заставляетъ предполагать, что множество писемъ затерялось. Многіе были найдены въ Тулузѣ; издатели послѣдовательно могли исчерпывать ихъ. Такъ, первое изданіе Guilielmi Sirleti (Opera, 1543, Roma) могло собрать только двѣ первыхъ книги. Второе, въ Кельнѣ,—Maternus Cholinus (1575); третье, въ Венеціи; четвертое и пятое—Bosquetus (1627, 1635); шестое—Baluzius въ Парижѣ (1682, 2 f.);—постепенно обогащали число документовъ. Послѣднее, тоже не полное,—подало Гуртеру мысль написать его извѣстный трудъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія французскіе издатели Brequigny и La-Porte du-Theil, имѣвшіе случай сдѣлать нѣкоторыя открытія, напечатали письма въ той полнотѣ, какую мы имѣемъ теперь (Diplomata, Chartae, Epistolae et alia documenta ad res Francicas spectantia. Pars altera, quae epistolas continet. Tomus primus Innocentii III papae epistolas anecdotas,.. exhibens; Par. apud Nyon, 1791, f.—довольно рѣдко). Здѣсь впервые были помѣщены документы для 1203—1204 годовъ и 57 писемъ III книги; прочія книги значительно пополнены. Въ послѣднее время извѣстный издатель Патрологіи, Migne, снова напечаталъ переписку Иннокентія безъ особыхъ дополненій съ варіантами въ 3 томахъ, предпославъ Gesta Inn. (Baluzii), а въ особомъ томѣ собралъ всѣ богословскія сочиненія Иннокентія и его проповѣди (Patrologiae cursus completus, ser. secunda, Par. 1855, t. CCXIV—CCVII). Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ. Въ немъ также нѣтъ l. 4, 17, 18, 19; книги: 3, 5, 16 — не вполнѣ. Матеріалъ прерывается на августѣ 1213 года. Такимъ образомъ, главнѣйшая заслуга по разбору переписки Иннокентія III принадлежитъ предшествовавшимъ французскимъ издателямъ. Они же произнесли беспристрастный судъ надъ личностью папы, котораго передъ тѣмъ или славословили или позорили. Дю-Тейль, раціоналистъ и республиканецъ, вѣрными красками очертилъ характеръ Иннокентія. Его сужденіе практически вѣрно; онъ замѣчаетъ, что глазами

строгаго моралиста нельзя мѣрить историческую личность (Il n'a pas été celui, dont l'ambition ait en le moins de palliatifs et d'excuses), что къ суду призвано лицо, а не система. «Имя Иннокентія III, продолжаетъ издатель, всегда будетъ наводить воспоминаніе о человѣкѣ, который дѣйствовалъ на сценѣ міра съ сильнымъ блескомъ и въ которомъ безпристрастная философія будетъ умѣть всегда различить добродѣтель и недостатки Когда я говорю о недостаткахъ (défauts), то думаю о тѣхъ, которые читали сочиненія полемическія, и историческія, гдѣ этотъ папа такъ положительно обвиняется въ рѣшительныхъ преступленіяхъ». Признавая, что лишь тенденціозность и радикализмъ могутъ держаться такого убѣжденія и что подобный пріемъ не имѣетъ права на авторитетъ въ вопросахъ философскихъ и историческихъ, — Дю-Тейль отдаетъ полную справедливость достоинствамъ папы (une fermeté d'ame à l'épreuve, une constance inébranlable dans les projets, une zèle infatigable pour la chose publique, une pureté des moeurs sans reproches).

Новый издатель переписки Иннокентія III снабдилъ большую часть писемъ кропотливыми примѣчаніями и указаніями, а также помѣстилъ свои и Балузіевы ссылки при Gesta. Извѣстно, что въ трехъ кодексахъ содержатся жизнеописанія папскія. Древнѣйшій принадлежитъ архиваріусу папскому Анастасію, который дошелъ лишь до Николая I (Muratori. Scrp. rer. ital. III, pars I; 93—277) пользованіе которыми облегчаютъ диссертаціи Ciampini и Blanchini, приложенныя тамъ же (id. 33 — 55, 55—93). Съ Льва IX до Іоанна XXII довелъ кардиналъ Николай аррагонскій (id. 277—685). Цѣльный кодексъ другой редакціи, но съ той же узкой папской точки зрѣнія, свелъ Amalricus Augerius изъ мелкихъ біографій до Сикста IV включительно,— что занимаетъ особый фоліантъ у Муратори (Act. Pont. Rom.). Для Иннокентія III имѣются здѣсь два списка: краткій Bernardi Guidonis (Mur. t. III, pars II; 480—486), которымъ мы могли подтвердить одинъ фактъ изъ битвы подъ Мюрэ,—и обширный St. Baluzii (id. 486—568). Новѣйшее изданіе всѣхъ папскихъ біографій сдѣлано въ Германіи Ваттерихомъ (Pont. Rom. vitae; Leipz. 1862); мы цитируемъ Балузія по тексту Патрологіи (apud Migne), а Гвидона по Муратори. Намъ пока не было надобности прибѣгать къ Bullarium Romanum, такъ какъ настоящій томъ кончается Иннокентіемъ III, для котораго мы имѣли богатѣйшее изданіе документовъ.—Считаемъ удобнымъ теперь же покончить съ источниками собственно римскими. Общею церковною исторіею для XIII столѣтія можно считать соч. доминиканскаго пріора и епископа Ptolomaei Lucensis (de Fiadonibus),—Historiae ecclesiasticae l. XXIV a Chr. nato usque ad 1313 (Muratori; XI, 753—1242),—богатаго фактами и не безъ нѣкоторой критики для конца XIII столѣтія. Онъ умеръ въ 1327 году; для начала вѣка онъ не представляетъ достоинства источника, также какъ и церковныя хроники Nicolai de Syghen (жилъ въ концѣ XV вѣка) и Ioh. Stellae (въ XVI ст.). Chronicon ecclesiasticum Зигена издалъ Wegele въ Іенѣ (въ 1855 г.); De vita ac moribus pontificum Romanorum, usque ad a. 1503—Стеллы, изданное въ Венеціи (1507 г.), представляетъ для Иннокентія III повтореніе извѣстныхъ фактовъ. Подробное изложеніе церковной исторіи по ватиканскимъ архивамъ предпринялъ въ послѣдніе годы XVI вѣка кардиналъ Baronius (+ 1607), — Annales ecclesiastici a Chr. nato ad annum 1198 (лучшее отдѣльное изданіе въ Майнцѣ, 12 f. 1605, — просмотрѣнное самимъ авторомъ),—по порученію римскаго правительства. Естественно, оно не можетъ быть причислено къ числу безпристрастныхъ; тутъ есть и фактичное извращеніе, и фальшивые документы и стихотворныя повѣтствованія, а также саги, легенды, записанныя съ полною вѣрою въ нихъ. Тѣже свойства и у его продолжателей, поставленныхъ въ такія же условія,—кардиналовъ Raynaldi (+ 1670), дошедшаго до 1565 г. (9 f.), Laderchi, добавившаго еще 6 лѣтъ и Paghi. составившаго нѣсколько критическихъ статей и указатель. Все это вмѣстѣ составляетъ въ лучшемъ лукскомъ изданіи 35 т. текста и 3 т. индекса (1738—59). Составители помѣщали въ извлеченіи и отрывкахъ—буллы и соборныя постановленія; въ этомъ отношеніи ихъ изданіе всегда будетъ довольно цѣнно, такъ какъ замѣняетъ Bullarium и лучшую коллекцію соборовъ Mansi. Время Иннокентія III занимаетъ двѣ трети перваго тома Райнальди (1747).—

Тѣ французскіе лѣтописцы, которые не были современниками крестовыхъ альбигойскихъ войнъ, не могутъ быть разсматриваемы какъ основные источники, такъ какъ они почерпали свои свѣдѣнія изъ прежнихъ лѣтописей. Это надо сказать и про Praeclara Francorum facinora variaque ipsorum certamina pluribus in locis tam contra orthodoxae fidei, quam ipsius Gallicae gentis hostes non impigre... gestas ab 1200—1311, ab ill. principe Montisque Fortis comite (Изд. Catel, comtes, p. 111; Duchesne, scrp. V, 764—792) и отдѣльно, sine l. et a.). Часто эту анонимную лѣтопись называютъ: хроникой о Симонѣ Монфорѣ,—

и уже по одному этому можно судить объ ея характерѣ, хотя она далеко не можетъ служить чьей бы то ни было біографіей. Ея извѣстія кратки и сухи. Неизвѣстный составитель—сторонникъ самаго кроваваго фанатизма. Онъ апологетъ крестоносцевъ Лангедока, Монфора, атлета вѣры (а. 1211, 1214 etc.) и всѣхъ папъ XIII столѣтія. Подъ 1250 годомъ онъ записываетъ извѣстіе объ умерщвленіи императора Фридриха II почти дословно сходно съ присяжнымъ папскимъ біографомъ. Не это-ли мѣсто побуждаетъ французскихъ ученыхъ считать Бернара Гвидона авторомъ хроники (Bouquet. Recueil; XXI, 691). Катель приписываетъ ее Петру, епископу Лодевы. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что составителемъ было духовное лицо. Компиляторъ довольно безтактно пользуется Петромъ Сернейскимъ, сокращая важное, останавливаясь на неважномъ и многое пропуская (а. 1209 — P. Cern. c. 58, 60—63; а. 1210—P. c. 98; а. 1213—P. c. 72); въ послѣдствіи, онъ слишкомъ усердно пользуется Guil. de Pod. Laur. (нпр. а. 1228—Guil. c. 39; а. 1250—Guil. c. 49). Тамъ, гдѣ ошибется или просто опишется Петръ Сернейскій, анонимный лѣтописецъ списываетъ не исправляя; такъ, принцъ Луи отправляется въ крестовый походъ въ 1212 г., согласно съ P. Cern. c. 68,—вмѣсто февраля 1213 г. что слѣдуетъ и изъ Петра Сернейскаго. Не смотря на такое плохое историческое значеніе, на сухость, краткость, ошибки,—эта католическая лѣтопись имѣла многихъ читателей. Она была издана въ 1562 г. въ Тулузѣ, во франц. переводѣ, отдѣльной книгой (Iean Fornier de Montauban. Hist. des guerres faites en plusieurs lieux de la France etc.); другой болѣе точный переводъ сдѣланъ въ собраніи Гизо (Coll. des mém. t. XV, 1824). Мы могли пользоваться этой хроникой только при поддержкѣ чужихъ извѣстій.

Тѣмъ рѣже намъ приходилось цитировать французскихъ лѣтописцевъ, даже современныхъ альбигойскимъ войнамъ. Rigordus seu Rigotus (Gesta Philippi Augusti) не дошелъ до начала крестовыхъ войнъ; онъ описалъ событія французской государственной исторіи съ 1179 до 1207 года включительно. Аббатъ св. Діонисія, исторіографъ французскаго короля,— онъ ни по тому, ни по другому, не могъ сколько нибудь вѣрно отнестись къ религіозному и политическому движенію, проявившемуся на Югѣ Франціи къ началу XIII столѣтія, — хотя самъ и былъ родомъ изъ Лангедока. Неизвѣстно, что побудило его покинуть родину и измѣнить ей, переселяясь въ пышныя палаты аббат-

ства С. Дени (см. о немъ статью Lacurne de S Palaye,— Mém. de l'Acad. des inscr. VIII, 528—548). Во всякомъ случаѣ такое отступничество лишило Югъ довольно способнаго, хотя фанатическаго историка. Онъ посвятилъ свой трудъ, который уже хотѣлъ было уничтожить, — тому самому принцу Луи, съ именемъ котораго связано столько враждебныхъ воспоминаній для Тулузы (Изд. Pithoeus; Hist. Franc. scrp. t. XI.—Duschesne; V, 3—67.—Bouquet; XVII, 1—62). Онъ сохраняетъ значеніе для событій конца XII вѣка, хотя и не обширное. О вѣрѣ альбигойцевъ онъ имѣлъ смутныя понятія и какъ католическій аббатъ дышалъ къ еретикамъ искренней ненавистью. Смерть прервала его трудъ на самомъ интересномъ для альбигойства мѣстѣ, въ которомъ нельзя не видѣть изувѣрства, обычнаго впрочемъ между тогдашними французскими монахами. «Папа, началъ разсказывать Ригоръ, писалъ къ королю Филиппу и его вассаламъ, поручая имъ немедленно съ многочисленнымъ воинствомъ истинныхъ католиковъ и вѣрныхъ слугъ Христовыхъ идти опустошать Тулузу, Альби, Кагоръ, Нарбонну и Бигорръ, чтобы тамъ уничтожить всѣхъ еретиковъ, наполнявшихъ страну. Если смерть застигнетъ крестоносцевъ въ этомъ путешествіи или въ предстоящей войнѣ съ невѣрными, папа, именемъ Господа и властью апостоловъ Петра и Павла, также какъ и собственною,—дастъ имъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ ими со дня рожденія, въ которыхъ они исповѣдуются, и даже если бы они и не успѣли принести въ нихъ покаяніе.» Этимъ обрывается лѣтопись Ригора.

Ее продолжалъ Guilelmus Brito seu Armoricus, какъ онъ самъ себя называетъ по мѣсту происхожденія. Онъ былъ капелланомъ Филиппа-Августа, ходилъ вмѣстѣ съ королемъ въ походы, вмѣстѣ опустошалъ Фландрію въ 1213 году и участвовалъ въ битвѣ подъ Бовинымъ, подробно и талантливо имъ описанной. Въ Римѣ, онъ, въ качествѣ посла королевскаго, хлопоталъ о разводѣ Филиппа съ Ингебургой. Преданный своему государю, онъ не былъ честолюбивъ и не домогался высокаго духовнаго сана, какого могъ бы достигнуть,—и умеръ уже при Людовикѣ IX въ званіи простаго священника. Его «Historia de vita et gestis Philippi Augusti regis Galliae» доходитъ до 1219 года, съ продолженіемъ неизвѣстнаго монаха до 1223 г. (изд. Duschesne, scrp. V, 68 — 93. Bouquet; XVII, 62—116). Эти дѣянія предприняты съ цѣлью разсказать въ самомъ «безхитростномъ разсказѣ всѣ подвиги добродѣтельнаго и славнаго ко-

роля», такъ какъ безъ лжи, безъ украшеній они говорятъ сами за себя. Понятно, что если Вильгельмъ касается альбигойскихъ войнъ, которыхъ онъ былъ современникомъ но не участникомъ, то весьма кратко и съ патріотически-французскимъ взглядомъ.— Тѣмъ менѣе для нашей цѣли можетъ служить латинская напыщенная эпопея «Philippidos l. XII, тоже названная: gesta Philippi regis Franciae, и доведенная до 1223 года. По примѣненію къ Франціи, ея значеніе и сравнить нельзя съ значеніемъ провансальской «Cansos». Какъ произведеніе въ своемъ родѣ національное, поэма Вильгельма выдержала много изданій (полное у Duschesne; V, 93—259; переводъ Guizot; coll. t. XII) Здѣсь не мѣсто распространяться о достоинствахъ этого памятника, для альбигойства незначительнаго, такъ какъ онъ направленъ весь къ прославленію французскаго величія и важенъ какъ первое заявленіе французскаго національнаго чувства и единенія. Замѣтимъ только, что по этому предмету существуетъ обширное критическое изслѣдованіе Гаспара Бартіуса (Zwickau, 1697), въ которомъ со всею эрудиціею уличены поэтическія вольности поэмы сопоставленіемъ ихъ съ хрониками того же времени.

Оффиціальнымъ продолжателемъ Вильгельма Бретонскаго, можно считать его соименника,—Guilelmus de Nangiaco,—Chronicon ab anno 1112 ad a. 1301. Монахъ св. Діонисія, онъ велъ государственные анналы Франціи обыкновеннымъ способомъ средневѣковыхъ хроникеровъ. Современникъ событій гораздо позднѣйшихъ (+ 1302), Нанжисъ будетъ важенъ для насъ своими спеціальными исторіями французскихъ королей (Людовика IX, Филиппа III); упомянутая же хроника, начатая съ сотворенія міра,—для крестовыхъ войнъ альбигойскихъ служитъ лишь третьестепеннымъ источникомъ и по краткости и по характеру изложенія весь смыслъ ея въ оффиціальности воззрѣній автора, который въ фактическомъ отношеніи держался Ригора. Интересъ ея увеличивается развѣ съ 1226 года (изд. d'Achéry; Spicilegium, t. XI. Bouquet; XX, 725—763). По своей слабой приложимости къ занимающему насъ предмету, она приравнивается къ общимъ лѣтописямъ по XIII столѣтію, составленнымъ и поздно и поверхностно,—которыя, касаясь всѣхъ историческихъ событій Запада упоминаютъ и объ альбигойствѣ, почему могутъ служить развѣ для синхронистическаго обзора эпохи.—Тутъ мы подразумѣваемъ напр. Radulphus de Diceto, декана лондонской церкви св Павла (+ 1210). Его «Сокращенія хроникъ» заключающіяся между 598—1198 г., и «Историческія изображенія» (Imagines historiarum) отъ 1148—1200 г. (манускриптъ XIII в. въ Кентербюри, изд въ отрывкахъ у Bouquet; XIII, 183—205; XVII, 616—660),—выражаютъ взглядъ на ересь дуалистическую, извѣстную также и въ Англіи. Какъ и всѣ средневѣковые хроникеры, вначалѣ онъ списываетъ своихъ предшественниковъ, ручаясь лишь за тѣ годы, которыхъ онъ былъ очевидцемъ въ Англіи изъ стѣнъ своего аббатства.—По отношенію къ той же Англіи большую важность имѣетъ начало лѣтописи Matth. Par., принадлежащее собственно Рожеру Вендоверу, родомъ изъ Нормандіи, хотя долгое время и его трудъ приписывали тому же Матѳею Парижскому, подъ именемъ котораго извѣстна вся знаменитая «Historia major Angliae» (рѣшеніе этого вопроса у Спохе въ его изд. Вендовера—English historical Society, 5 v. 1841—44). Вендоверу принадлежитъ собственно начало этого обширнаго труда,—отъ 1066 до 1235 г. Матѳей покрылъ его своею извѣстностью и потому сказанную historia цитируютъ обыкновенно подъ его именемъ (изд. Wats, L. 1684. Отрывокъ у Bouquet; XVII, 679—768).—Для Англіи же мы иногда ссылались на Rogerus de Hoveden, продолжателя Беды съ 732 года,—Annalium Anglicanorum l. duo. До 1148 г. его хроника слишкомъ поверхностна; съ 1170 до 1192 г. онъ повторяетъ Magistrum Benedictum (аббатъ Петерборо); далѣе же онъ подробенъ и самостоятеленъ вплоть до 1201 г.—которымъ кончается хроника (изд. Bouquet; XVII, 546—615; XVIII, 164—189). Его положеніе въ придворной сферѣ (онъ былъ долго капелланомъ Генриха III) давало ему возможность пользоваться документами, которые онъ помѣщаетъ въ большомъ количествѣ,—чѣмъ его лѣтопись особенно драгоцѣнна. Онъ служилъ источникомъ для Вендовера.—Соотвѣтственное значеніе для Германіи начала XIII столѣтія имѣютъ Annales Colonienses Maximi (ab 576 usque ad a. 1237), преимущественно съ 1198 года. Долго приписывали ихъ ошибочно монаху Готфриду (S. Pantaleonis), почему лѣтопись называлась chronica regia S. Pantaleonis. Ваттенбахъ думаетъ, что часть анналъ принадлежала Бурхарду, приближенному императора Фридриха I (Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 2 Ausg. Berl. 1866, S. 500). Имя продолжателя неизвѣстно; по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ долженъ быть горожанинъ, приверженецъ императорской партіи; онъ на сторонѣ то Оттона IV, то Фридриха II, преслѣдуемыхъ папами. Такъ какъ объ альбигойскихъ дѣлахъ эти анналы не говорятъ, а для борьбы за германское престолонаслѣдіе мы имѣли

въ рукахъ Reg. de neg. Imp. въ перепискѣ Иннокентія,—то мы не имѣли надобности цитировать Ann. Colon. — Нѣсколько ссылокъ мы сдѣлали на Albericus Trium Fontium (какъ обыкновенно, но невѣрно называютъ его по монастырю близъ Шалона,—тогда какъ онъ жилъ въ другомъ монастырѣ—Neuf-Moustier), который много касается Германіи (кромѣ Лейбница, въ отрывкахъ у Bouquet; XVIII, 744—796; XXI, 594—630). Его Chronicon ab orbe c. usque ad a. 1241 не безъ сказокъ и путаницы въ фактахъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ мы указали еще нѣсколько спеціальныхъ лѣтописей, которыхъ разборъ былъ бы здѣсь еще болѣе неумѣстенъ.

Переходимъ къ источникамъ по другому вопросу, къ матеріалу, служащему для ознакомленія собственно съ альбигойскими вѣроученіями. Мы въ текстѣ сдѣлали его перечень (на стр. 185). Въ большей части этихъ обличеній, вальдензы смѣшаны съ альбигойцами. Имѣя въ рукахъ изд. Гретсера (t. XII, pars II и Ratisb. 1738) и Монету Кремонскаго,—мы пользовались всѣмъ извѣстнымъ матеріаломъ. У іезуита Гретсера, полемизировавшаго съ протестанствомъ и потому ошибочно все приписывавшаго вальдензамъ, помѣщены съ примѣчаніями въ послѣдовательномъ порядкѣ, послѣ его собственной статьи (Prolegomena in scriptores contra sectam Waldensium):—Reinerii, ord. Praedic. liber contra Waldenses haereticos (p. 25—48) съ варіантами по Ламбахскому манускрипту. Изданія Гретсера не изъ точныхъ, такъ и это изданіе отличается отъ франц. (Mart. et Dur. Thes. nov. anecd. V, 1759. D'Argentré. Coll. ne nov. err. I, 48 и въ рукоп. коллекціи Doat. Par. Bibl. imp.). По Мартеню, Рейнеръ Саккони писалъ въ XIII столѣтіи, по Екхарду (Scrp. ord. praedic. I, 154) позже 1300 года. Можно принять вмѣстѣ съ Гизелеромъ, сдѣлавшимъ самое лучшее изданіе (Rainerii Sacchoni—Summa de Catharis et Leonistis, Gött. 1834), что подлинный текстъ былъ дополненъ въ Германіи (какъ у Гретсера) неизвѣстнымъ лицомъ (Kircheng. II, II, 613—614).—Слѣдующія обличенія служатъ источниками для вальдензовъ. Petri de Pilichdorf—tractatus contra haeresim Waldensium (p. 50—81) и его же Contra Pauperes de Lugduno (p. 82—87),—имѣютъ полемическое значеніе по отношенію къ лангедокскимъ реформатамъ и не представляютъ данныхъ для дуалистической религіи.—Ebrardus. Contra Waldenses (p. 118), собственно же—Liber antihaeresis,—направлено противъ тѣхъ же послѣдователей де-Брюи и Вальдо.—Bernardus, abbas Fontis-Calidi,—adversus Waldensium sectam

(p. 198—221), послѣ—архіепископъ нарбоннскій, близко знакомый съ вальдензами, населявшими его епархію. Онъ имѣетъ цѣлью въ 12 главахъ опровергнуть новаторскія воззрѣнія вальдензовъ, защищая права папы, прелатовъ, нападая на свѣтскую проповѣдь, въ особенности женскую, на ихъ ученіе объ Апостолахъ, о молитвахъ и поминовеніяхъ усопшихъ, о чистилищѣ. Памятникъ заслуживающій вниманія, почему-то упущенный Шмидтомъ.—Ermengardus, contra Wald., собственно-же—Opusculum contra haereticos, qui dicunt et credunt mundum istum, et omnia visibilia non esse a Deo facta, sed a diabolo (p. 223—241),—противъ альбигойцевъ-катаровъ.—Минуя сочиненія монаховъ: Luca Tudensis (Adversus Albigensium errores. Ing. 1613) Bonacursus (d'Achéry. Spicil. I, 208—Manifestatio haer. Cath.), Alanus (Bibl. scrp. Cist. Col.) и Isarn (фр. пер. у Millot. Hist. litt. des troub. II. 43 etc.), изъ которыхъ послѣднее замѣчательно развѣ только тѣмъ, что написано на провансальскомъ языкѣ, но противъ альбигойцевъ,—остановимся на главномъ источникѣ для дуалистическаго вѣроученія. Это—Ven. patr. Monetae Cremonensis ord. Praedic. Summa adversus Catharos et Valdenses, l. V. Подробности біографіи его неизвѣстны; ея отсутствіе не соотвѣтствуетъ значенію его замѣчательнаго труда. Неизвѣстно, даже, — откуда онъ родомъ, а между тѣмъ его трудъ оказалъ великую услугу католической вѣрѣ. Одинъ изъ первыхъ доминиканцевъ, (съ 1219 г.—Galv. Fiamma) другъ и собесѣдникъ св Доминика (Ant. Flaminius, Vita S. Dom. l. III), Монета былъ главнымъ пропагандистомъ идей его въ Италіи. Въ ней онъ положилъ начало доминиканскимъ монастырямъ. Въ 1228 г. онъ поселился въ Кремонѣ и основалъ доминиканскую конгрегацію; въ 1233 г. онъ тѣмъ же дѣломъ занятъ въ Мантуѣ. Въ эти же годы онъ принялся за составленіе своего громаднаго обличенія на катаровъ. Болонскіе источники полагаютъ, что онъ умеръ въ 1235 году, но два мѣста изъ его сочиненія убѣждаютъ, что обличеніе кончено не ранѣе 1240 года (l. III, c. 3, § 2; l. V, c. 1, § 4). Трудъ его отличается блистательнымъ знаніемъ богословія, Библіи и книгъ каноническихъ; аргументика автора убѣдительна. Послѣ Боссюэта,—Монета самый опасный врагъ протестантизма вообще. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что современные католическіе писатели, хоромъ прославляющіе его, не оставили подробностей объ его жизни. Гальвано Фламма называетъ его «super omnes Magistros Mundi famosissimus» (Chr.) L. Albertus говоритъ объ его трудѣ: «contra quos (haereticos),

et praecipue Catharos et Valdenses, volumen maximum confecit, quod Summa Monetae Cremonensis vocatur contra haereticos, cujus archetypus adhuc in nostra Bibliotheca cernitur, quo Viri peritiam et eruditionem facile quisquis intueri potest. Fuit hic Vir venerandus, magni consilii, Fidei pugil egregius, maximis fulgens miraculis». «Прежде, продолжаетъ тотъ-же, Монета считался въ нашемъ орденѣ великимъ философомъ, потомъ сдѣлался славнымъ богословомъ» (I, V, histor. in Mon.). Упомянутый нами Гретсеръ въ своемъ изданіи обличеній замѣчаетъ и о Монетѣ, котораго онъ не могъ напечатать по причинѣ громадности его труда,— «volumen grande contra Valdenses in quinque Libros distinctum, quod cum his jam foras extrusissem, nisi Operis prolixitas et magnitudo me absteruisset; sed alia dabitur, ut spero, Auctoris hujus e tenebris in lucem vindicandi occasio» (Proleg. contra Wald. c IX) Манера изложенія автора часто дѣлается діалогическою; онъ иногда ведетъ полемику въ вопросахъ и отвѣтахъ, предлагая въ заключеніи статьи свое solutio. Этотъ оживленный способъ не только облегчаетъ пониманіе книги, трудной по самому предмету, но дѣлаетъ ее кодексомъ столько же альбигойской и вальдензской догматики (онѣ отчетливо различаются Монетой), сколько католическаго богословія. Строгая система обличителя даетъ его аргументикѣ логичность и обстоятельность. Онъ не стѣсняясь приводитъ самыя щекотливыя вѣрованія еретиковъ, за нихъ-же выставляетъ тексты Библіи, ими перетолковываемые, и опровергаетъ эти тексты на основаніи другихъ. Манускрипты его находятся въ Регенсбургѣ (въ мон. S. Emmeromi), въ Парижѣ, Болоньи, Неаполѣ и Ватиканѣ (изъ Нарбонны, гдѣ онъ служилъ главнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ борьбы). По тремъ послѣднимъ рукописямъ италіянскій доминиканецъ Th. Aug. Ricchini издалъ Монету въ Римѣ въ 1743 г. (f. p. XLVIII, 560), думая послужить тѣмъ католицизму противъ лютеранъ. Риккини предпослалъ тексту двѣ свои диссертаціи, о катарахъ и о вальдензахъ, которыя служили для насъ полезнымъ пособіемъ Въ нихъ ясно говорится о происхожденіи катаровъ, ихъ распространеніи, развѣтвленіяхъ, догматахъ (въ видѣ конспекта, р XXI—XXIII), нравахъ, обрядахъ, Церкви и соборахъ противъ ереси. Такой же стройный порядокъ и въ диссертаціи о вальдензахъ, имя которыхъ онъ принимаетъ общимъ названіемъ всѣхъ протестантскихъ сектъ до Лютера (р. XXXII). Указанія, имѣющіяся на стр. XXI—XXIII и XL—XLIII Риккини, избавляли насъ отъ частой выписки и сличенія ссылокъ (тщательно

сведенныхъ Риккини), при нашемъ изложеніи догматики ересей. Для вальдензовъ, впрочемъ, мы имѣли ихъ собственныя богословскія сочиненія, помѣщенныя въ книгѣ Iean Leger (Histoire générale des Eglises evangeliques des vallées de Piémont ou Vaudoises, divisée en deux livres; Leyde, 1669) и въ извлеченіи у Iean Paul Perrin (Hist. des Albigeois), уже указанныхъ нами въ текстѣ. Эти провансальскія сочиненія надо предпочесть Пилихдорфу, Ерменгарду, Ебрарду, Бернару, Рейнеру, даже Монетѣ.—Пособія и монографіи собственно для вальдензовъ здѣсь не могутъ быть указаны, потому что исторіи послѣднихъ мы еще не касались и ограничились пока вѣроученіями.—Для альбигойцевъ же въ нашихъ рукахъ была большая часть литературы предмета, но, имѣя источники, мы, по возможности, старались избѣгать постоянныхъ указаній на пособія, что безъ надобности пестрило бы книгу. За немногими замѣчательными исключеніями, вся эта литература слаба въ ученомъ отношеніи. Никто изъ нѣмецкихъ ученыхъ не занялся спеціальной исторіей альбигойцевъ; воззрѣній нѣмецкой науки надо искать въ общихъ сочиненіяхъ по церковной исторіи. Мы только тогда указывали то или другое пособіе, когда оно возбуждало вопросъ, заслуживавшій вниманія, разбора, возбуждавшій сомнѣнія или касавшійся факта, не встрѣченнаго въ источникахъ. Такой же системы мы держались и по отношенію къ сочиненіямъ, болѣе общаго характера и объема.—Литература нашего предмета исходитъ изъ двухъ противоположныхъ лагерей, католическаго и протестантскаго. Не вдаваясь въ разборъ и подробную оцѣнку каждаго пособія порознь, что иногда встрѣчается въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, укажемъ полныя заглавія монографій по исторіи Альбигойцевъ, въ хронолигическомъ порядкѣ ихъ появленія.

I) Iean du Tillet. Sommaire de la guerre faite contre les hérétiques albigeois (Par. 1590). Авторъ, регистраторъ парижскаго парламента, пользовался документами королевскихъ архивовъ. Онъ посвятилъ свой трудъ Екатеринѣ Медичи, съ мыслью указать ей—какъ слѣдуетъ поступать съ протестантами. Перечень событій войны до 1234 года,—трудъ его важенъ по тексту документовъ (напр памьерскихъ постановленій). Лат. пер. H. Albert былъ посланъ папѣ и изданъ уже въ 1845 г. въ Берлинѣ Дресселемъ: Hist. belli contra Albigenses initi compendium.

II) Iean Chassanion. Hist. des Albigeois, touchant leur doctrine et religion, contre les faux bruits qui ont esté semés d'eux, et les écris dont on lesa à tort diffamés; et de la cruelle

et longue guerre qui leur a esté faite, pour ravir les terres et seigneuries d'autrui, sous couleur de vouloir extirper l'hérésie, en 4 livres (Par. 1595, in 16). Посвящено принцессѣ Екатеринѣ Наваррской, сестрѣ Карла IX. Авторъ былъ протестантскій проповѣдникъ изъ Монистроля (Velay). Самъ вальденецъ, онъ съ понятнымъ энтузіазмомъ относится къ еретикамъ Прованса, которыхъ считаетъ за мучениковъ истины. Цѣль похода для него чисто политическая. Факты часто замѣняются піэтическими сентенціями. Книжка составляетъ библіографическую рѣдкость.

III) Iean Paul Perrin. Hist. des chrestiens albigeois, contenant les longues guerres, persecutions qu'ils ont souffert à cause de la doctrine de l'Evangile; le tout fidelement recueilli des historiens qui en ont escrit, et des memoires, qui nous ont esté fournies par personnes dignes de foy (Gen. 1618, in 16). Посвящено Генриху де-Фуа, герцогу Кандалю, намѣстнику Лемузена, потомку альбигойскаго героя «Jesus souscrivant à leur doctrine seule, говорится въ посвященіи,... vous avés encor dequoy vous glorifier en Dieu, de ce que vos ayeuls Paternels et Maternels ont soustenu votre croyance il y a plus de quatre cens ans». Авторъ родомъ изъ Ліона, гугенотъ по вѣрѣ, былъ пасторомъ въ Ніонѣ (въ Дофинэ). Для него не существовало разницы между катарами и реформатами; тѣ и другіе казались ему вальдензами. Но книжка его, составленная довольно тщательно, тепло написанная, въ отношеніи знакомства съ источниками, далеко оставляетъ за собою памфлетъ Шассаніона. Перренъ пользовался P. Cern., Guil. de Pod. и особенно: Holagaray (Hist. de Foix). Свои источники онъ отмѣчаетъ на поляхъ книги. Наконецъ, у него были рукописи, которыя въ иныхъ случаяхъ поднимаютъ его работу до степени источника.

IV) Benoist. Hist. des Albigeois et des Vaudois ou Barbets (2 v. in 12, 1691, Par.). Посвящено Людовику XIV, преслѣдовавшему протестантовъ по отмѣнѣ нантскаго эдикта. Авторъ, доминиканскій проповѣдникъ, полагалъ своимъ сочиненіемъ оправдать жестокія мѣры короля, котораго онъ простодушно ставитъ выше самого Монфора, употребившаго годы на завоеваніе и истребленія, тогда какъ христіаннѣйшему королю удалось все это устроить гораздо скорѣе. Источники указаны не вездѣ. Важность книги заключается въ большомъ количествѣ документовъ, приложенныхъ въ концѣ каждаго тома. Такъ, заслуживаютъ вниманія: письмо аррагонскаго короля (I, 269), допросъ инквизиціи (I, 271), отрывокъ изъ подложнаго дуалистическаго евангелія, приписываемаго св. Іоанну (I, 283), присяги, документы на передачу владѣній, генеалогія мѣстныхъ владѣтельныхъ домовъ. Многіе документы въ переводѣ, но ограниченное количество ихъ и въ сравненіе идти не можетъ съ богатыми приложеніями при исторіи Вессэ. Авторъ видитъ въ альбигойствѣ столько же политическое движеніе, сколько религіозное.

V) J. Bapt. Langlois. Hist. des croisades contre les Albigeois, divisée en VIII livres (Par. in 12, 1703). Авторъ, іезуитъ,—писатель старательный, но далеко не талантливый. Онъ восхищается всякой коварной политикой, если она пригодна для торжества католицизма; онъ говоритъ, что въ Римѣ: «sçait si bien convaincre ceux avec qui l'on traite» (p. 327), но по возможности избѣгаетъ всякихъ личныхъ заявленій. Послѣ смерти Монфора его изложеніе значительно сокращается.

VI) Blair. History of the Waldenses and Albigenses (Ed. 1833, 2 v. in 8). Это былъ первый ученый, который положилъ начало выясненію вопроса объ отношеніяхъ альбигойцевъ къ вальдензамъ и тѣмъ поставилъ изслѣдованія по этому предмету на настоящую дорогу.

VII) G. de Parctelaine. Hist. de la guerre contre les Albigeois (Par. 1833, in 8). Либеральнаго направленія, но невѣрное по отношенію къ вѣроученіямъ и ихъ исторіи, что разбирается весьма поверхностно; за то щедро разсыпаны политическія фразы.

VIII) Ias. De Waldensium secta ab Albigensibus bene distinguenda. (Leyde, 1834, in. 4). Это изслѣдованіе амстердамскаго ученаго блистательно разрѣшило вопросъ объ истинныхъ отношеніяхъ альбигойцевъ къ вальдензамъ. Богатое эрудиціей и тонкой критикой, незаслуженно забытое, оно было самымъ цѣннымъ вкладомъ въ науку. Имъ пользовался Шмидтъ.

IX) J. Barrau et B. Darragon. Hist. des croisades contre les Albigeois (Par. 2 v. in 8, 1843) составляетъ распространенное сочиненіе тѣхъ же авторовъ, вышедшее тремя годами раньше и также въ 2 томахъ (Montfort et les Albigeois. Par. 1840, знакомое русской публикѣ по переводу, помѣщенному въ одномъ изъ журналовъ сороковыхъ годовъ). Барро—поборникъ провансальской національности; Даррагонъ — бывшій профессоромъ въ Парижѣ. Сочиненіе можетъ служить пособіемъ для крестовыхъ походовъ, оно быстро оканчивается смертью Раймонда VII. Предназначенное непосредственно для публики, оно достигаетъ своей цѣли, хотя часто фантазія перевѣшиваетъ истину. О вѣроучені-

яхъ и различіи сектъ почти ничего не говорится. Драматическое изложеніе, сила воображенія и художественныхъ красокъ (впрочемъ весьма рѣзкихъ) блистательно угождаютъ вкусу французскихъ читателей. Поэма Cansos de la crozada вошла въ это сочиненіе, но безъ должнаго уваженія къ ея тексту. Авторамъ вообще знакомы средніе вѣка и болѣе счастливыми ихъ красками мы пользовались въ двухъ, трехъ мѣстахъ. Но ученаго значенія книга имѣть не можетъ. Какъ бы въ противоположность Риккини, авторы подъ словомъ «альбигойцы» разумѣютъ вальдензовъ. Для нихъ нисколько незнакомъ Монета или кто другой изъ католическихъ обличителей; дуалистовъ они называютъ чистыми манихейцами; о богомилахъ отдѣлываются — молчаніемъ. «Si le manichéisme pur, замѣчаютъ они, s'éclipsa, l'albigéisme (?) se transmit dans les familles, et, épuré par le temps et par les maximes toutes libérales de Luther et de Calvin, il reparut au XVI siècle sous la dénomination qu'on lui connait maintenant» (II, 480). Взглядъ на политическое значеніе альбигойства—вѣренъ (préf.). Кромѣ Cansos, авторы не хотятъ знать никакихъ источниковъ; вся католическая литература ограничивается для нихъ исторіей Вессэ, которою они пользуются слишкомъ усердно, доходя до простаго перефразированья а иногда до списыванья, какъ нпр. I, 206. Тамъ, гдѣ ошибается бенедиктинскій историкъ (что, впрочемъ, случается весьма рѣдко), авторамъ приходится повторять его промахи (I, 189, 388); они списываютъ иногда то, чего не усвоиваютъ (I, 193). Что авторы не читали даже Петра Сернейскаго, видно изъ I; 42, 174, 189.

X) Maitland. Facts and documents, illustrative of the history, dostrine and rites of the ancient Albigenses and Waldenses (L. 1838, in 8). Солидный трудъ по церковной исторіи, но не безъ односторонняго пониманія павликіанства. Документы заимствованы изъ обличеній. Авторъ усвоилъ разницу между двумя направленіями тогдашнихъ провансальскихъ сектантовъ.

XI) Stanley Faber,—An inquiry into the history and the theology of the ancient Valdenses and Albigenses (L. 1838, in 8),—уклонился отъ истиннаго пути, указаннаго голландцемъ Ясомъ и, дѣлая изъ альбигойцевъ реформатовъ, сталъ на манеръ устарѣлыхъ Шассаніона, Перрена, Лежера, защищать первыхъ отъ обвиненій въ дуализмѣ. Этимъ трактатъ его лишился научнаго значенія.

XII) C. Schmidt. Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois (2 v. in 8, Par. 1849). Первый томъ содержитъ

обзоръ общей исторіи катаровъ; второй—ихъ ученія. Кромѣ множества пособій, у автора была рукописная коллекція Doat. Это капитальное сочиненіе по значенію его въ литературѣ предмета превосходитъ всѣ предъидущія. Авторъ — профессоръ въ страсбургской протестантской семинаріи — относится къ дѣлу съ невозмутимымъ философскимъ взглядомъ. Его основныя мысли о катарахъ были разобраны во второй главѣ нашего труда. Работу Шмидта облегчали англійскія сочиненія и ученая диссертація Яса, но предвзятая мысль объ особомъ зарожденіи катаризма въ предѣлахъ славянскихъ принадлежитъ ему. Взглядъ его на историческое значеніе альбигойцевъ формулируется въ словахъ: «Pour nous le catharisme est une erreur, tant sous le rapport philosophique, que sous le rapport religieux; mais nous le respectons comme une protestation de la raison et du sentiment individuels contre l'autorité extérieure en matière de foi, comme un effort hardi de résoudre un des problèmes les plus difficiles qui pésent sur l'esprit de l'homme, et de ramener la vie à une pureté plus parfaite au milieu des désordres du moyen âge (IX, срв. I, 362; II, 154, 171, 179, 270).» Автора можно упрекнуть за недостаточно серьозное отношеніе къ личности и дѣятельности Иннокентія III и за пренебреженіе тогдашними дипломатическими документами. Для насъ былъ полезенъ второй томъ его труда.

Не перечисляя всѣхъ спеціальныхъ и общихъ пособій, чѣмъ либо послужившихъ намъ по разнымъ вопросамъ излагаемаго предмета, остановимся на двухъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ,— Вессэ и Гуртера. Первый былъ для насъ главнымъ пособіемъ. Обширная «Исторія Лангедока», составленная бенедиктинцами, въ ученой французской литературѣ занимаетъ безпорно одно изъ первыхъ мѣстъ. Она не отличается привлекательнымъ изложеніемъ и потому во Франціи имѣла только два изданія; мы пользовались послѣднимъ изъ нихъ, вышедшимъ съ дополненіями и съ редакціей провансальскаго ученаго дю-Межъ (Histoire générale de Languedoc, avec des notes et les pièces justificatives: composée sur les auteurs et les titres originaux, en enrichie de divers monumens, par Dom Claude de Vic et Dom Vaissete, 1730—45, 5 f.; commentée et continuée jusqu'en 1830, et augmentée d'un grand nombre de chartes et de documens inédits, par. Al. du-Mége, Toul. Paya, 1840 etc. 10 v. in 4). Труднѣйшіе вопросы феодальной исторіи Лангедока распутаны въ этомъ массивномъ трудѣ, на который положено было тридцать лучшихъ

годовъ жизни вмѣстѣ съ удивительнымъ терпѣніемъ и огромными знаніями двухъ талантливыхъ монаховъ. Тщательнѣйшее изученіе источниковъ, печатныхъ и множества рукописныхъ съ кропотливѣйшимъ анализомъ мѣста и времени событій, съ особеннымъ блескомъ обнаруживается въ томъ отдѣлѣ, въ которомъ изслѣдуются альбигойскія крестовыя войны, и который выпалъ на долю Вессэ. Была особенная причина, которая побуждала Вессэ къ тщательному изученію этихъ событій. Онъ самъ былъ родомъ изъ той мѣстности, которая преимущественно была ареною погромовъ и кровопролитія. Всякое мѣсто несчастнаго Лангедока было дорого ему и подъ оффиціальными строками католическаго монаха онъ едва скрываетъ горькое чувство озлобленія на Монфора и крестоносцевъ. Его дѣдъ былъ procureur en chef въ области Альбижуа. Жозефъ Вессэ предназначался къ тому же званію. Но онъ предоставилъ свои права и значительное состояніе сестрѣ,—а самъ отказался отъ свѣта и пошелъ въ бенедиктинцы ученой конгрегаціи св. Мавра. Къ историческимъ трудамъ онъ былъ приготовленъ занятіями въ тулузскомъ университетѣ. Онъ посвятилъ себя съ 26 года жизни—написанію исторіи своего отечества. Съ перваго же года монастырской жизни онъ сталъ работать надъ прошлымъ своей родины. За тридцатилѣтній трудъ свой онъ поплатился здоровьемъ. Онъ работалъ безъ отдыха, то за подробной исторіей, то за Abrégé (6 v. in 8) ея, которое предназначалъ для публики, то за Géographie historique, то за Description de Languedoc. Онъ скончался въ Парижѣ, 10 апрѣля 1756 года. По принятому авторами плану, Hist. gén. состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: текста, notes и preuves. Огромное количество послѣднихъ въ оригиналѣ, всегда будетъ помимо текста придавать важность сочиненію. Взглядъ автора безпристрастный, но уже одно такое чувство способно было вызвать недовольство клерикальной критики (Journal des Trévoux, августъ 1740 г.). Новый продолжатель «Исторіи Лангедока», католикъ-же, долженъ былъ еще далѣе развить патріотическій взглядъ, неблагопріятный завоевателямъ. Заявляя, что онъ порицаетъ за ересь и альбигойцевъ и графа тулузскаго, который имъ покровительствовалъ, du-Mége продолжаетъ: Mais nous nous sommes élevé aussi contre les fanatiques, qui, sans pitié, ont porté la désolation, le ravage et la mort dans ces contrées, sous le fallacieux prétexte d'y poursuivre les fauteurs de l'hérésie: nous avons rappelé tous les crimes de ces hommes qui, infidéles au mandat qu'ils avaient reçu, et méconnaissant les ordres du Saint Siége, parurent ignorer que le Père commun des fidèles ne voulait ni l'exhérédation de la noble dynastie de Toulouse, ni la mort de ceux qui s'étaient involontairement engagés dans les sentiers de l'erreur (avert. t. V, p. 14). Вессэ не зналъ поэмы Cansos de la Crozada. О религіи альбигойцевъ онъ говоритъ весьма мало; отличая манихейскій элементъ ереси (l. XXI, c. 2) отъ реформатскаго, онъ довольствуется P. Cern. и Guil. de Pod. Laur. и, ограничиваясь нѣсколькими фразами, не имѣетъ въ виду никакихъ другихъ источниковъ. Значеніе труда Вессэ—для чисто-политической исторіи. Онъ первый вѣрно опредѣлилъ то положеніе, какое занималъ папа въ альбигойской борьбѣ.—Тотъ же взглядъ на Иннокентія III, какой проводилъ Вессэ и какой послѣ поддержалъ другой провансалецъ,—развилъ Fr. Hurter въ извѣстной: Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen (Hamb. 4 v. 1834—42; собственно біографія заключается въ двухъ первыхъ томахъ, а послѣдніе могутъ назваться особымъ сочиненіемъ,—Kirchliche Zustände zu Papst Innocenz des Dritten Zeiten). Этотъ трудъ протестантскаго пастора неразлучно связанъ съ исторіографіей папства; по обширной эрудиціи, знанію эпохи, по ученымъ достоинствамъ онъ занимаетъ въ ней самое видное мѣсто. Но личность Иннокентія III подкупила историка; Гуртеръ сдѣлался апологетомъ знаменитаго папы. Онъ даже не ограничился тѣмъ. Подготовляясь къ избранному труду съ юношескихъ лѣтъ, весь занятый той эпохой, онъ сжился съ ней и, до фанатизма увлеченный своимъ героемъ, смѣшалъ человѣка съ системой. Пораженный величіемъ излагаемыхъ явленій, Церковью въ ея апоѳеозѣ, предводимою даровитымъ вождемъ, Гуртеръ сдѣлался вѣрнымъ ученикомъ папства; идеализація облекла предметъ особымъ ореоломъ. Католицизмъ, изучаемый авторомъ въ исторіи, увлекъ пастора до того, что онъ самъ сдѣлался католикомъ, когда сталъ кончать свою книгу (лѣтомъ 1841 г.). Но онъ не представляется въ «Исторіи Иннокентія» такимъ рьянымъ клерикаломъ, какимъ сдѣлался въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ. Для исторіи XIII столѣтія эта книга замѣчательнѣйшая и весьма полезная. Авторъ пока не становится защитникомъ теократіи (см. Vorrede, V—VI): «Ob jene Erkenntniss eine richtige oder eine irrige; ob sie dem wohlverstandenen Christenthum gemäss oder zuwider; ob sie aus der Lehre seines Stifters zu begründen seye, darnach hat der Geschichtschreiber nicht zu fragen». Для историка важны иныя цѣли—jener hält sich bloss daran: dass sie zu irgend einer Zeit vorgewaltet habe, eine tief in die menschlichen Verhältnisse ein-

greifende Institution darauf begründet gewesen seye, und weiset die Erscheinungen, Zustände und Wechselfälle nach, die deren Folge waren. Такой взглядъ имѣетъ историческія основанія. Но, если Гуртеръ серьозно понимаетъ обязанности историка, то, безусловно преклоняясь передъ Иннокентіемъ, онъ не отдѣляетъ генія папы отъ тѣхъ средствъ, къ какимъ прибѣгалъ тотъ въ пылу борьбы. Понятно, впрочемъ, что религіозная вражда была существенною причиной нападокъ нѣмецкой критики на Гуртера. Шафгаузенскій пасторъ, обратившійся въ католичество, долженъ былъ возбудить противъ себя протестантскихъ нѣмецкихъ историковъ, хотя подобнаго рода антипатія не должна бы доходить съ ихъ стороны до отрицанія всякой талантливости въ авторѣ одного изъ ученѣйшихъ сочиненій по среднимъ вѣкамъ, какъ дѣлаетъ напр. Helbig въ статьѣ о Гуртерѣ (Sybel's—Historische Zeitschrift; 1860, № 4). Онъ отзывается о Гуртерѣ какъ о писателѣ вполнѣ неспособномъ, лишенномъ всякихъ ученыхъ качествъ;—«er hat keinen historischen Sinn und keine historische Bildung» (176),—и все это изъ религіозныхъ принциповъ и вражды къ клерикально-австрійской партіи (183). За то, католики превозносятъ Гуртера даже за послѣдніе его труды, которые приняли совершенно полемическій характеръ. Мы можемъ не обращать вниманія на нѣмецкіе вопли и иначе отнестись къ работѣ Гуртера и отдѣлить достоинства его труда отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ убѣжденій. Его сочиненіе, хотя и тяжело написанное, будетъ всегда руководящей книгой для той эпохи и однимъ изъ лучшихъ сочиненій по исторіи католическихъ средневѣковыхъ институтовъ.

Изъ общихъ сочиненій мы обращались ко всему литературному матеріалу, касавшемуся нашего предмета, какъ напр. къ трудамъ по исторіи Франціи,—Sismondi, Michelet и Henri Martin. и др. Двое послѣднихъ по избранному вопросу не имѣютъ значенія, за то изложеніе альбигойскихъ войнъ у Сисмонди (t. VI) самое спокойное, подробное и обстоятельное; оно было отдѣльною книгой переведено на нѣмецкій языкъ (Leipz. 1829). Общія церковныя исторіи были для насъ весьма важнымъ пособіемъ при изложеніи догматической части,—какъ извѣстное сочиненіе Неандера, труды: Дамбергера (Synchronistische Geschichte der Kirche im Mittelalter, Regensb. B. IX) и, особенно по своимъ цитатамъ, Гизелера (2 Aufl.).

Мы не имѣемъ въ виду приводить списокъ разнообразныхъ историческихъ сочиненій, общихъ и частныхъ, которыми мы пользовались и которыя не служили непосредственными пособіями. Всѣ такія книги съ точностью указывались нами на своихъ мѣстахъ.

Та часть лѣтописнаго матеріала и пособій, которая касается эпохи слѣдующей за 1216 годомъ, будетъ изслѣдована въ приложеніи ко второму тому этого сочиненія.

ПОПРАВКИ.

стр.	*строка*		*Напечатано:*	*должно читать:*
8	6	св.	условіями повели,	условіями, повели
39	8	—	мерами	мерами и
39	2	сн.	Mignet.	Minier.
184	3	—	Петрикъ	Тетрикъ
190	22	св.	Это	Этотъ
203	25	—	оно	оно не
256	2	сн.	англійскихъ	англійскому
281	11	—	мученическаго вѣнца.	успѣха увѣщаніями.
456	5	св.	за Тулузу.	за Раймонда.
473	26	—	владѣющимъ	имѣющимъ
503	21	сн.	скрывался открывать	старался скрывать
503	17	—	странахъ	стѣнахъ
524	17	св.	французскаго	францисканскаго
529	11	—	онъ	графъ
543	7	—	въ 1219	въ 1209
546	7	сн.	на него	на городъ
559	2	св.	указаніе и	и указаніе

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (*Введеніе*) . . . . . . 1—109.

Введеніе.—Папа Иннокентій III. Политическое состояніе Европы въ началѣ XIII столѣтія. Обзоръ феодальной, государственной и соціальной исторіи Лангедока въ связи съ причинами альбигойскихъ ересей.

ГЛАВА ВТОРАЯ (*Альбигойскія вѣроученія*) . 110—268.

Развитіе дуалистической догмы въ трехъ ея періодахъ: восточномъ, славянскомъ и провансальскомъ.—Гностики, манихейцы, присцилліане, павликіане, аріане.—Дуализмъ славянъ. Богомилы Болгаріи.—Патарены Италіи. Ереси Франціи и Лангедока до 1170 года.—Догматика альбигойскихъ дуалистовъ: крайнихъ и умѣренныхъ. Ихъ обряды, іерархія, нравы. — Отношеніе къ нимъ вальдензовъ. Реформаторы XII столѣтія. Вѣроученіе вальдензовъ. — Исторія Альбигойцевъ съ 1170 до 1198 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (*Переговоры и война*) . . . 269—388.

Отношенія Иннокентія III къ ересямъ альбигойскимъ до 1208 года.—Католическая проповѣдь въ Лангедокѣ. Легаты и Раймондъ VI. Убійство Петра де-Кастельно. Воззваніе папы. Политика королей французскаго и аррагонскаго. Крестоносное воинство. Симонъ де-Монфоръ.—Ходъ крестовой войны съ Альбигойцами до первой осады Тулузы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (*Торжество Монфора*). 389—555.

Ходъ альбигойской войны отъ первой осады тулузской до подчиненія Лангедока и Тулузы Симону Монфору.—Памьерскія постановленія. Дипломатическія сношенія. Посредничество Аррагоніи.—Императорскій престолъ. Великая Хартія. Битва подъ Бовинымъ. — Четвертый латеранскій соборъ. Смерть Иннокентія III.—Заключеніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Обзоръ источниковъ и пособій . . . . . 558—591.